Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Факультет философии и социальных наук

Социальные коммуникации в современном мире

Сборник научных статей по материалам работы
Первого белорусского философского конгресса
Минск, 18–20 октября 2017 г.

Минск
2018

УДК 316.77(082)
С 692

Решение о депонировании вынес:
Совет факультета философии и социальных наук
29 августа 2018 г., протокол № 1

Ответственные редакторы:
Я. С. Яскевич, О. В. Терещенко, Ю. Ю. Гафарова

Рецензенты:
Лапина С. В., доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой государственного управления
социальной сферой и белорусоведения Академии управления
при Президенте Республики Беларусь;
Лаптёнок А. С., доктор философских наук, доцент,
директор Института социально-гуманитарного образования
УО «Белорусский государственный экономический университет»

Социальные коммуникации в современном мире : сборник научных статей по материалам работы Первого белорусского философского конгресса, Минск, 18–20 октября 2017 г. / БГУ, Фак. философии и социальных наук ; ответственные редакторы: Я. С. Яскевич, О. В. Терещенко, Ю. Ю. Гафарова. – Минск : БГУ, 2018. – 465 с. : ил. – Библиогр. в тексте.

Сборник включает научные статьи и материалы, представленные участниками работы Первого белорусского философского конгресса, Минск, 18–20 октября 2017 г., в секциях «Социальные коммуникации в информационном пространстве», «Социальная коммуникация в рискогенном обществе», «Этические вызовы социального и научно-технического прогресса», «Актуальные проблемы кросс-культурной коммуникации», «Социальные коммуникации в культуре, экономике, образовании».

Адресуется широкому кругу читателей: специалистам, работающим в сфере коммуникации, научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам, магистрантам и студентам учреждений высшего образования.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ 6
Агеенкова, Е. К. СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ДЖИХАДИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ ГРУППИРОВКИ «ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО» 8
Алампиев, О. А. ИНТЕРНЕТ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ 14
Барматова, С. П. ЧЕЛОВЕК И МЕДИАСРЕДА: КОНСЕНСУС (НЕ)ВОЗМОЖЕН 17
Берков, В.Ф. ПРОЦЕДУРА АРГУМЕНТАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ 19
Василькова, В.В. СЕТЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ: СЕТЬ КАК ПАРАДИГМАЛЬНАЯ МЕТАФОРА «ТЕКУЧЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ» 26
Гойхман, О.Я. СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ИНТЕРНЕТЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С РЕАЛЬНОСТЬЮ 28
Голуб, О.Ю. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТА КАК ВИД СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ .. 30
Гуськова, С.В. ПОЛЕМИКА АУДИТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ОДНОКЛАССНИКИ» ВОКРУГ ПУБЛИКАЦИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫХ МАССМЕДИА (НА ПРИМЕРЕ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ) 32
Дмитриева, О.Е. СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЦ, ВЫШЕДШИХ НА ПЕНСИЮ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ 35
Ермолович, Д.В. ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРИРОДА ОБЩЕНИЯ: ОТ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ДО ЭЛИТАРНОСТИ 41
Жук, Е. И.«НЕ ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР»: ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ И ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ 44
Кириллова, А. В. КОММУНИКАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 46
Колик, А. В. РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО МАРКЕТИНГА В КОММУНИКАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ БРЕНДА 53
Коневец, С. Н. ПРОЕКТИРУЮЩЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ И СТАНДАРТЫ КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ НАБОР СОЦИАЛЬНЫХ ВЛИЯНИЯ И ДАВЛЕНИЙ 60
Крывалап, А. Д. КАНЦЭПЦЫЯ НАРМАТЫЎНАЙ ВІРТУАЛЬНАСЦІ ПАД ЧАС САЦЫЯЛЬНАЙ КАМУНІКАЦЫІ Ў ІНТЭРНЭЦЕ 64
Кудрякова, И. О. СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ГРАНИЦЫ АНАРХИЗМА 66
Лебедева, Е. Н. ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СИСТЕМЕ РОТАЦИИ КАДРОВ ЯПОНСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ БЕЛОРУССКОЙ ЭКОНОМИКИ 71
Мизякина, С. Н. ЭМПАТИЧЕСКАЯ И МАНИПУЛЯТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ 73
Мишук, С. С. ИНФОКОММУНИКАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ УСТАНОВОК ЛИЧНОСТИ 79
Назаренко, Ю. С. ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ КАК ДРАЙВЕР ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ 84
Никулина,.Ю. В. ЭЛЕКТРОННЫЕ КОММУНИКАЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ 86
Палицын, В. А. ЭФФЕКТ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОМАНДЕ 89

Радевич, Е. В. ИНТЕРНЕТ И ГЛОБАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОСТИ 97
Рубанов, А. В. ИНТЕРНЕТ И НОВЫЕ ФОРМЫ КОММУНИКАЦИИ 100
Руденко, О. А. ПРОЦЕСС КОММУНИКАЦИИ «ПОЛИТИК-ИЗБИРАТЕЛЬ»: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МОДЕЛИ «РАЦИОНАЛЬНОГО» И «ЗАВИСИМОГО» ИЗБИРАТЕЛЯ» 102
Сарна, А. Я. ПРОБЛЕМА ИНКЛЮЗИВНОСТИ В СЕТЕВОМ (СО)ОБЩЕСТВЕ 105
Сарна, А. Я. СОБЫТИЕ В ГОРОДЕ: ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛИ КОММЕНТИРУЮТ ПРАЗДНОВАНИЕ 950-ЛЕТИЯ МИНСКА 107
Соловей, А. П. ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ 115
*Терещенко, М. С.*ИНФОРМАЦИЯ В ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ..... 118
Туркина, О. А. ТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И КОГНИТИВНОЕ КАРТИРОВАНИЕ КАК МЕТОДЫ ЭФФЕКТИВНОГО АНАЛИЗА СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТА 123
Фаблинова, О. Н. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ БЕЛОРУССКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ 126
Фалько, В. И. ГУМАНИТАРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНВЕРГЕНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 129
Шкор, О. Н. БЛОКЧЕЙН В ОБРАЗОВАНИИ 132
Шульга, Е. Н. КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ 134
СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В РИСКОГЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.....137
Баразгова, Е. С. РИСКИ МЕЖСИСТЕМНОЙ КОММУНИКАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И РЫНКА ПРОФЕССИЙ И ЗАНЯТОСТИ 138
Баранова, Е. В. ТРАДИЦИИ ПАТЕРНАЛИЗМА И РИСК ИННОВАЦИЙ..... 144
Беленкова, О. А. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО РИСКОГЕННОГО ОБЩЕСТВА 149
Верякина, В. П. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ОБЩЕСТВЕ РИСКА: РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ И БИОМЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ 155
Гончарова, Л. М. РИСКОГЕННЫЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ 167
Екадумова, И. И. РИСКОГЕННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ.....170
Корытникова, Н. В. СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ И ПРОГРАММ ДЛЯ БЕЗОПАСНОЙ РАБОТЫ В ИНТЕРНЕТЕ 174
Купчинова, Т. В. ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РИСКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ 177
Сергеева, Е. В. ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ РИСКА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ 180
Тихомирова, Е. А. РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ТЕКСТАХ ФРЕНД-ЛЕНТЫ FACEBOOK'А КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ 183
ЭТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНОГО И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА..... 190
Барабанова, Н. Р. ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОРПОРАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ 191
Беляева, Е. В. МОРАЛЬНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА КАК КОНТЕКСТ ЕГО КОНСТРУИРОВАНИЯ 193

Бодан, Е. Л., Богдан, Д. О. ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ БИОЭТИКИ И БИОМЕДИЦИНСКОГО ЗНАНИЯ В БЕЛАРУСИ 195
Журавлев, В. А. РАЗВИТИЕ ИНТЕЛЛЕКТА И КРЕАТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ И УЧАЩИХСЯ КАК ЗАДАЧА СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ.....212
Иняшкин, С. Г. НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА А. АЗИМОВА: ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ РОБОТИЗАЦИЮ 215
Кавецкий, С. Т. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....217
Комаровский, А. В. КОММОДИФИКАЦИЯ ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: ОТ АЛАРМИЗМА К СОТРУДНИЧЕСТВУ.....220
Кудрякова, И. О. ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОБЩЕСТВА КАК ПРИРОДНОГО НАЧАЛА В АНАРХИСТСКОЙ ТРАКТОВКЕ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА КРОПОТКИНА222
Мишаткина, Т. В. «ОТКРЫТЫЕ» КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОЙ БИОЭТИКИ.....228
Мясоедов, А. М. СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ В МЕДИЦИНСКОЙ СРЕДЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....240
Подгайская, Л. И. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН МОДИФИКАЦИЙ ТЕЛА.....247
Рогожа, М. М. ПРИНЦИПЫ БИОЭТИКИ В ЦЕННОСТНЫХ ИЗМЕРЕНИЯХ ОБЩЕСТВА РИСКА.....250
Сидоренко, И. Н. ИДЕЯ ОПТИМЕНА: ДИЛЕММА ТРАНСГУМАНИЗМА И ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА.....253
Смирнова, Ю. С. ПРОТОТИПИЧНОСТЬ ОБЪЕКТА ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ 259
Чащин, Н. А., Скребцова, К. В. СОВРЕМЕННАЯ ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННАЯ МЕДИЦИНА: ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 261
Шевченко, С. Ю. ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ, ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ЛОГИКА БОЛИ В ТЕХНОНАУЧНОМ КОНТУРЕ БИОМЕДИЦИНЫ 264
Шульга, Е. Н. ПРОБЛЕМАТИКА СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ И АНТРОПО-КОММУНИКАТИВНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ 271
Яскевич, Я. С. УЧЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ БИОМЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ВЫЗОВОВ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ 279
Яскевич, Я. С., Мишаткина, Т. В. БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ ЮДИН: ЭТИКА НАУКИ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ДИАЛОГ КАК СТРАТЕГИЯ И ОБРАЗ ЖИЗНИ.....300
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ..305
Баньковская, Ю. Л. РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНФЛИКТОВ ПОСРЕДСТВОМ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ..... 306
Васюков, В. Л. МАКРОСТРАТЕГИИ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА 312
Гафарова, Ю. Ю. «ТРЕТЬЕ ПРОСТРАНСТВО» КАК МЕСТО КОММУНИКАЦИИ 319
Калачева, И. И. МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ БЕЛОРУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ 321
Киселева, М. С. К ПРОБЛЕМЕ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ 327
Maslov Y., Beavitt T. TRANSCULTURAL COMMUNICATION ONLINE: SONG TRANSLATION 336
Маслова, А. В. НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА 339

Наливайко, И. М. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 346
Сарна, А. Я. КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ 348
Снежкова, И. А. ОБРАЗ РОССИИ, УКРАИНЫ И БЕЛОРУССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ 355
СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В КУЛЬТУРЕ, ЭКОНОМИКЕ, ОБРАЗОВАНИИ 364
Vasilenko V., Kotova, V., Fetisova, A. VKONTAKTE: COMMUNICATION IN DEVELOPMENT 365
Безлюдова, А. С. ТАРГЕТИРОВАННАЯ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМА В СФЕРЕ ТУРИЗМА: ИССЛЕДОВАНИЕ НЕМЕЦКОЙ РЕКЛАМЫ 367
Волнистая, К. С. СИМБИОЗ ФИЛОСОФИИ И ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК НА ПРИМЕРЕ «ЗЕЛЕНОЙ ХИМИИ» 373
Голубничий, Д. В. ПРОГРЕСС В ДИПЛОМАТИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЕС 376
Дамковская, Н. С. МЕЖЛИЧНОСТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ СЕТЯХ 382
Климашин, А. Г. СЕТЕВЫЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА 387
Кулешевич, К. В. ФЕНОМЕН «ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА» В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 393
Лемец, И. Ю. ДЕНЬГИ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЭКОНОМИКЕ И КУЛЬТУРЕ 402
Литвякова, К. В., Машницкий, И. В. ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ОНЛАЙН-ИГР КАК СОЦИАЛЬНЫЙ РИСК 405
Мельников, А. А. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К РАССМОТРЕНИЮ ПРОЦЕССА СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ТЕЛЕСНОСТИ 408
Фетисова, А. Р. МОДЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ ВНУТРИОРГАНИЗАЦИОННОЙ КОММУНИКАЦИИ 410
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И АННОТАЦИИ 419
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS AND THE ABSTRACTS 445

СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ДЖИХАДИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ ГРУППИРОВКИ «ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО»

Агеенкова Екатерина Кузьминична
Белорусский государственный педагогический университет, Минск

«Исламское государство» (ИГ) признано Советом Безопасности ООН террористической группировкой [5]. Специалисты, изучающие современное положение на Ближнем Востоке, все чаще говорят об этом феномене. Выделяют притягательность его идеологии, организованность сообщества, готовность его боевиков умереть за свои идеалы. Многие исследователи отмечают, что основополагающим фактором феномена ИГ является его пропагандистская деятельность, в которой выделяется ее исламистская направленность [7] и использование современных медийных технологий [8]. Во многих исследованиях осуществляется поиск сходства и различий в идеологиях ИГ и других исламистских движений, в частности, баннизм, кутбизм, салафизм, джихадизм группировок «Аль-Каида» и «Талибан» [6].

Данное исследование посвящено анализу пропагандистских материалов группировки ИГ, которая называет себя халифатом. Анализируемые материалы предназначались для русскоговорящих последователей ИГ; их перевод на русский язык осуществлялся в медиацентрах ИГ. Анализировались речи лидера ИГ Абу Бакра Аль-Багдади, который объявил себя «халифом»; «официального представителя ИГ» Абу Мухаммада Аль-Аднани; проповеди имамов и других пропагандистов данной организации, которые занимались ретрансляцией заявлений ее руководства. Для понимания эффективности данной пропаганды проведен анализ заявлений истишхади (боевиков ИГ, осуществляющих самоподрыв в местах скопления противников) и боевиков, осуществляющих террористические акты или казнь пленников. Материалом для исследования послужили аутентичная видео- и аудио-информационная продукция, созданная медиаагенствами ИГ: «Furat», «Al Furkan», «Alhayat», «I'tisaam», «Al Fallujah», «Al Anbar», «Karkuk», «Sayna», «Al-Khayr», «Al Barakah», «Halab» и др.

Анализ материалов показывает, что целевой аудиторией, к которой обращены речи Абу Бакр Аль-Багдади, являются мусульмане. В связи с этим для понимания эффективности пропаганды ИГ необходимо учитывать данный фактор, т. к. у мусульман имеется своя особая картина мира. Она основана на убеждении, что все необходимые формы их поведения и деятельности определены и переданы им самим Аллахом через пророка Мухаммада. Эти установления Аллаха зафиксированы в священных текстах Корана, которые являются для мусульман основным законом, которому они должны следовать. У суннитов такими же священными текстами являются хадисы (сказания о пророке Мухаммаде), которые составляют Сунну. Причем все эти тексты в исламе понимаются как слова самого Аллаха. Поэтому в мусульманских проповедях цитирование священных текстов часто предваряет фраза: «Аллах сказал».

На обращении к авторитету Аллаха основана пропаганда ИГ. Основной текст дискурса его идеологов составляют цитаты аятов (отдельных стихов) Корана и тексты хадисов с указанием, что призыв ИГ к тем или иным действиям исходит от самого Аллаха. Например, единственным доводом для создания халифата является хадис «Ахмад 4/273», в котором перечисляется ряд определенных исторических событий, после которых якобы будет создан халифат, «построенный на принципах пророчества».

Абу Бакр Аль-Багдади в своей пропаганде предлагает для мусульман картину мира, в которой осуществляется глобальная битва, где на одной стороне выступает Аллах и его защитники, с другой – силы зла, представленные Шайтаном или Сатаной. Целью данной борьбы со стороны мусульман является создание всемирного халифата – теократического исламского государства, находящимся под управлением халифа или «преемника Мухаммада».

В данной расстановке сил на стороне «добра» или «воинства Аллаха» он размещает ИГ и его боевиков, которые с подачи идеологов этой террористической группировки представляются единственными защитниками ислама, против которого якобы ополчился весь мир. Причем в речах пропагандистов боевики ИГ наделяются всеми великолепными характеристиками. Например, в одном из пропагандистских роликов боевики ИГ представляются следующим образом: «Мы, мужи, которых Аллах возвысил посредством ислама <...> источником нашего могущества является подчинение единому Господу <...> и преклоняемся только перед Аллахом <...> нашим покровителем является Аллах». Боевики определяются как истинные мусульмане, как «воины Аллаха» или как «мужи, верные завету» (ссылка на аят «Аль-Ахзаб: 23»), который они якобы заключили с самим Аллахом и выполняют свои обязательства перед ним. В связи с этим в проповедях, ссылаясь на аяты «Ас-Соффат: 173», «Ас-Сафф: 4, 13», указывается, что именно таким «богобоязненным» воинам и «искренним рабам» Аллах обещал победу. При этом в пропаганде ИГ у своих боевиков формируется мотивация шахады («стать шахидом» – погибнуть в сражении за ислам) и подчеркивается при этом, что это деяние угодно Аллаху и гарантирует попадание в рай. Обычно цитируются при этом аяты «Аль-Бакара: 207» «Мухаммад: 4-6», «Ат-Тауба: 36, 52» и хадисы «Муслим, 1876» и «аль-Бухари, 237».

На стороне «зла», против которого обязываются воевать боевики ИГ, его идеологи размещают: «кафиров» (в идеологии ИГ – это общее обозначение немусульман, неверных, атеистов, христиан, шиитов, иудеев, «многобожников»), «тагут» (идолопоклонничество, в идеологии ИГ – это следование светским законам и демократической системе организации общества), «муртадов» (мусульмане, обвиняющиеся в отступничестве от ислама, к числу которых ИГ относит и мусульман-суннитов, не примкнувших к ним), «мушриков» (язычники, многобожники). Обозначенные здесь термины, используемые в ИГ, являются исламскими религиозными понятиями. Характерно и то, что даже противники ИГ в конкретных боевых операциях

характеризуются религиозными терминами: «рафидиты» (шииты Ирака), «нусейриты» (шииты Сирии), «крестоносцы» (христиане), «сахаваты» (суннитские вооруженные формирования) и др.

При этом в пропагандистском дискурсе ИГ акцент сделан на требовании уничтожить вышеперечисленные группы, применяя ссылки на авторитет Аллаха, который призывал быть суровыми по отношению к неверным и убивать их в битвах, в которых в период средневековья участвовал сам Мухаммад. При этом в ИГ вооруженное противостояние в тех сражениях проецируется на современность. Обычно осуществляется цитирование аятов «Ат-Тауба: 29, 52», «Аль-Анфаль: 12, 57», «Алю-Имран: 151», «Мухаммад: 4-6». С осуждением и угрозами пропагандисты ИГ относятся к тем мусульманам, которые не вовлекаются в вооруженный джихад на их стороне. При этом они ссылаются на аяты «Ат-Тауба: 38, 39» и «Аль-Бакара: 85», в которых звучит угроза, что Аллах накажет таких людей страданиями и мучениями.

Обозначенные выше составляющие пропагандистского дискурса ИГ являются обращением к широкому кругу мусульман. Однако формирование коммуникации подразумевает наличие отклика и желания взаимодействовать с источником информации по предложенной им коммуникативной стратегии. М.Н. Грачев указывает, что «политическая коммуникация», которая является аналогом коммуникативного взаимодействия в организации ИГ, представляет собой целенаправленное информационное взаимодействие с «управляемым» сообществом и предполагает формирование или корректировку общественного мнения, а также изменение поведения [3, с. 9].

Формальные критерии указывают на то, что пропагандистская стратегия ИГ оказалась достаточно эффективной. Специалисты отмечают, что идеология этого террористического сообщества оказалась привлекательной для многих мусульман, побудившей их расстаться с налаженной жизнью для достижения его целей, причем с осознанием высокой вероятности собственной гибели в этом проекте [4; 9].

Предполагается, что в пропагандистском дискурсе ИГ присутствуют такие «предложения», которые соответствуют ценностным ориентациям, личностным мотивам и установкам многих мусульман. Часть из них была отмечена выше. Она была связана с широким распространением идеологии ИГ через медийные средства, в которой звучал призыв не от его лидеров, а от Аллаха. Однако анализ высказываний многих боевиков ИГ, широко представленный в его информационных материалах, указывает на наличие различных мотивов участия в деятельности этой террористической организации.

Наши исследования были сфокусированы на анализе речей двух типов боевиков, выступления которых наиболее часто встречаются в видеоматериалах медиаагентств ИГ: «истишхади» (лица, которые решили осуществить самоподрыв в местах скопления противника на машинах, начиненных взрывчаткой) и так называемых «львов халифата» (боевики, осуществляющие казнь или террористические акты).

В высказываниях «истишхади» одно из заявлений посвящено призыву следовать их примеру, второе – изложению личного мотива данного поступка. Этот мотив не являлся целью ИГ – созданием халифата – ни одного из десяти выступивших перед камерой истишхади. Среди озвученных ими своих жизненных ценностей выделялись две: достижение рая и служение Аллаху («Клянусь Аллахом, мы отдадим свои тела на пути Аллаха. Религия Аллаха нуждается в самопожертвованиях»; «Я иду на это ради довольства Аллаха, чтобы он сделал меня заступником за вас» (мать и жену); «За этим последует довольство Аллаха и сады рая»; «Сегодня я прошу Аллаха принять мою истишхадию и это лучшее из дел <...> пусть Аллах примет»; «Хвала Аллаху, который выбрал нас и сделал муджахидами <...> там уходят печаль и тревога <...> не привыкайте к этой дунье (материальной жизни) и ее страстям»). В одном из видеоматериалов «истишхади» являлся пятнадцатилетний мальчик, которого побудил к этому поступку его отец, который также намеревался осуществить самоподрыв. Основной мотив поступка отца заключался в желании своему сыну лучшей участи – быть в раю. Он также сказал, что принес сына в жертву ради того, чтобы «мусульмане жили под шариатом Аллаха». В интервью с юношей среди причин, которые побудили его стать «истишхади», он назвал стремление «слиться с Аллахом, который меня создал <...> истишхад – дорога к победе и раю <…> хочу, чтобы Аллах меня принял». Угрозы в отношении противников ИГ в заявлениях «истишхади» звучат редко. Во всяком случае, в них не выражена агрессия. Например, только на вопрос интервьюера о тех, с кем воюет ИГ, один из «истишхади» ответил, что они являются муртадами, воюющими против Аллаха и его посланника, и предложил им и «крестоносцам» покаяться, а также указал, что их амиры (военачальники) посмеялись над ними, что они сами являются предателями.

Высказывания «львов халифата» значительно отличаются от речей «истишхади». В их воззваниях присутствуют: а) угрозы «кафирам» («… клянусь Аллахом, мы сразимся с вами в центре Парижа у подножия Эйфелевой башни…», «вы не почувствуете безопасности внутри своих домов и даже в своих снах», «мы вселим в вас ужас», «мы будем убивать вас по всему миру»; «мы прольем реки вашей крови» и т. д.); б) ссылка на приказ «халифа» ИГ («знайте, что мы получили приказ от повелителя правоверных – убивать вас, где бы вы ни находились», «я послан повелителем правоверных Абу Бакром», «наш амир – повелитель всех правоверных Абу Бакр Аль-Багдади – приказал нам сражаться на вашей земле»); в) осуждение мусульман, «отставшим от похода», и призыв к ним примкнуть к ИГ («Что же вы припали к земле, когда вам приказано выступить в поход», «тут нас убивают каждый день, а вы там сидите и ничего не делаете, живете с ними, спите с ними, едите с ними, с этими кафирами, а ведь можете проявить немного достоинства и хотя бы плюнуть им в лицо, или разбить голову камнем, сбить автомобилем и устрашить, если не находите оружия»); г) утверждения, что мусульмане завоюют весь мир, и боевики ИГ придут воевать на земли «кафиров» («муджахиды "Исламского государства" являются господами», «мы сразимся с вами в сердце ваших земель, наполним

ваши улицы страхом», «власть на земле с помощью меча будет принадлежать только мусульманам», «Аллах приказал нам сражаться на вашей земле», «мы встретимся с вами на Елисейских полях, вы вкусите страдания», «мы войдем в Рим, читая азан (призыв к молитве), совершая молитву и ломая ваши кресты»); д) обвинения «кафиров» в том, что они якобы разрушают их дома, убивают мусульман («о, кафиры, поистине вы воюете с Аллахом, разрушаете наши дома, убиваете наших отцов, матерей, братьев, сестер и детей, мы ответим кровью за кровь, разрушением за разрушение»). В этих высказываниях, в отличие от речей «истишхади, присутствует агрессия, желание убийства, крови, разрушения, покорения «кафиров». При этом «львы» явно ищут оправдания своей кровожадности и садизма путем ссылок на приказ «халифа» (иногда Аллаха) или убеждают себя и других в том, что они всего лишь мстят за своих близких.

Таким образом, другим действенным призывом идеологов ИГ явилась пропаганда убийства, крови, разрушения, желание завоевать чужие земли и покорить другие народы, которая ретранслируется в заявлениях «львов халифата». При этом «львы» явно ищут оправдания своей кровожадности и садизма путем ссылок на приказ халифа или иногда на указание Аллаха.

Сравнительный анализ содержания пропагандистского дискурса ИГ показывает, что наиболее привлекательными для мусульман, примкнувшими к этой террористической группировке, стали две идеи: 1) служение Аллаху, самопожертвования во имя своей веры и шариата и 2) убийство «кафиров».

Можно предположить, что в данном случае имеет место явление психологической проекции, при которой наблюдается детерминированность восприятия окружающего мира и людей актуальными потребностями субъекта [2, с. 7]. Возможно, это и определяет различие в восприятии речей и текстов идеологов ИГ различными его сторонниками, каждый из которых в содержании информационного материала обнаруживает свои собственные установки. Эти индивидуальные установки обусловили различные виды коммуникаций с данной террористической организацией, предоставившей, в свою очередь, выбор выполняемых внутри нее функций.

Результаты данного исследования согласуются с ранее полученными нами данными, указывающими на то, что важными причинами вовлечения в деятельность различных религиозных движений и организаций являются мотивы и потребности человека, возможность реализации которых он обнаруживает сначала в их пропагандистском дискурсе, а затем и в их деятельности [1].

Список литературы

1. *Агеенкова, Е. К.* Информационно-психологическое воздействие идей новых религиозных движений / Е. К. Агеенкова, С. В. Савицкий // Управление в социальных и экономических системах: Материалы XXI Междунар.научн.-практ.конф. – Минск: МИУ, 2012. – С. 160–161.

2. *Бурлачук, Л. Ф.* Введение в проективную психологию / Л. Ф. Бурлачук. – Киев: Ника-Центр; Вист-С, 1997. – 128 с.

3. *Грачев, М. Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития / М. Н. Грачев. – М.: Прометей, 2004. – 328 с.

4. *Ильминская, М. Ф.* Феномен «Исламского государства»: идеология, политическая цель, причины успеха / М. Ф. Ильминская. // Вестник РУДН, серия «Политология». – 2014. – № 4. – С. 118–129.

5. Резолюция 2249 (2015), принятая Советом Безопасности на 7665-м заседании 20 ноября 2015 года // Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2015.shtml. – Дата доступа: 26.04.2017.

6. *Сидоров, Х.* Краткая история джихадизма: от «ихвинов» до «Исламского государства» / Х. Сидоров // Русская планета: В мире. [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://rusplt.ru/world/world_14266.html. – Дата доступа: 05.08.2017.

7. *Стышинский, М.* Джихадистская пропаганда в интернете и социальных медиа / М. Стышинский. // Политическая лингвистика. – № 5 (59). – 2016. – С. 158–164.

8. *Сундиев, И. Ю.* Новое качество террористической пропаганды: медиаимперия ИГИЛ / И. Ю. Сундиев, А. А. Смирнов, В. Н. Костин // Сайт С. П. Курдюмова [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: *http://spkurdyumov.ru/biology/novoe-kachestvo-terroristicheskoj-propagandy-mediaimperiya-igil*. – Дата доступа: 26.04.2017.

9. *Федорченко, А. В.* Феномен «Исламского государства» / А. В. Федорченко, А. В. Крылов // Вестник МГИМО-Университета. – № 2 (41). – 2015. – С. 211–220.

ИНТЕРНЕТ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

Алампиев Олег Анатольевич
Белорусский государственный экономический университет, Минск

Проблема социального неравенства, в первую очередь неравенства экономического, является одной из наиболее обсуждаемых в современном социологическом и экономическом дискурсе по причине существенного увеличения социального расслоения во многих развитых и развивающихся странах в последние два-три десятилетия. При этом часто считается, что распространение сети Интернет способствовало укреплению демократии в современных обществах и снижению различных проявлений социального неравенства, поскольку он существенно упрощает доступ к информации самого разного характера, его сложнее контролировать, чем традиционные средства массовой коммуникации, Интернет помогает сдерживать коррупцию, уравнивает экономические шансы, усиливает контроль со стороны общества за деятельностью властей и т. д.

Недавние исследования показывают, что в действительности роль Интернета в процессах, связанных с демократизацией и достижением социального равенства, не так однозначна. Согласно результатам некоторых исследований, сеть Интернет, напротив, способствует усилению социального неравенства. В опубликованном в 2016 году докладе Всемирного банка «Цифровые дивиденды» говорится, что технологические изменения, вызванные Интернетом, не улучшили доступ к государственным услугам и не способствовали усилению равенства экономических возможностей, как ожидалось [4].

Использование Интернета уже само по себе подразумевает определенный уровень образования и дохода. Для человека, который по материальным или социальным причинам доступа к Интернету не имеет (цифровой барьер) или который, например, безграмотен, Интернет бесполезен. Интернет предоставляет более широкие возможности тем, кто и без него лучше обеспечен, и, тем самым, может содействовать росту неравенства и закреплению социальной дифференциации. Социальный и культурный капитал (например, знание языков), изначально предполагающий обладание некоторыми экономическими и социальными ресурсами, позволяет получить куда более широкие возможности в Интернете, тем самым также способствуя воспроизводству и укреплению неравенства. Как отмечается в упомянутом отчете, около 60 % мирового населения по-прежнему «офлайн» [4, с. 5], что оказывается заметным фактором воспроизводства и усиления неравенства во всемирном масштабе, закрепления и увеличения разрыва между наиболее развитыми и многими развивающимися странами.

Влияние Интернета неодинаково для разных социальных групп внутри отдельных, даже наиболее развитых стран. Недавние исследования нидерландских ученых продемонстрировали взаимосвязь между социально-демографическими и социально-экономическими различиями и неравенством в

получаемых от использования сети Интернет выгодах, что, в частности, выражается в различиях в уровне доходов и достигаемых результатах в целом [2, с. 45]. Помимо вполне предсказуемой связи с возрастом, выяснилось, что высокообразованные люди извлекают для себя намного больше пользы от использования Интернета, чем менее образованные [2, с. 46]. В результате исследования авторы пришли к заключению, что онлайн-неравенства могут усиливать и офлайн-неравенства, поскольку Интернет предоставляет больше ресурсов и возможностей для людей с более высоким социальным статусом [2, с. 46–47]. При этом Интернет оказывает сегрегирующее воздействие и на наиболее вовлеченную в его использование социальную группу – молодежь, для которой он также служит инструментом воспроизводства социальных различий и социального неравенства, хотя в этом случае связи не всегда однозначны и линейны, как показывает недавнее исследование итальянской молодежи [3]. Культурные различия, различия в ресурсах, доступных в семье и школе, расширяются в онлайн-пространстве. При этом качественные методы, использованные в этом исследовании наряду с количественными, позволили зафиксировать и изучить социально детерминированные различия в характере использования и восприятии одних и тех же интернет-ресурсов (в частности, социальных сетей), которые не всегда можно выявить и достаточно глубоко проанализировать при помощи количественных методов ввиду свойств собираемых данных [3, с. 80–81]. Оказалось, что молодежь из «более благополучных» социальных слоев рассматривает и воспринимает социальные сети чаще в инструментально-прагматическом ключе, тогда как молодежь из «менее благополучных» – как средство коммуникации и развлечения, налаживания горизонтальных социальных связей, от чего эффект их использования, очевидно, может быть различным [3, с. 80–81]. Как указывал М. Кастельс: «… образовательные разрывы в умении пользоваться цифровой культурой ведут к воспроизводству и расширению классовых, этнических, расовых, возрастных и гендерных структур социального доминирования между странами и внутри стран» [1, с. 76].

Учитывая характер и свойства раскрытых феноменов, предположение о том, что аналогичные явления имеют место и в белорусском обществе, не будет необоснованным. Известно, что не для всех социальных групп белорусского общества Интернет является в равной мере доступным, и очевидно, что не все социальные группы могут извлекать из него равную пользу. В современном мире социальные последствия различий между людьми из разных социальных слоев и групп в характере и интенсивности использования сети Интернет могут быть достаточно серьезными – от неодинакового доступа к социальным благам до усиления социальной дифференциации, уменьшения вертикальной мобильности и неполной реализации человеческого, в частности, интеллектуального, потенциала, что неизбежно негативным образом отразится на динамичности социально-экономического развития. Цифровое исключение в условиях становления инновационной наукоемкой экономики не может

оставаться без внимания и требует дальнейших более глубоких исследований этой проблемы.

Список литературы

1. *Кастельс, М.* Власть коммуникации / М. Кастельс. – М.: ВШЭ, 2016. – 564 с.
2. *van Deursen, A. J. A.* M. The Third-Level Digital Divide: Who Benefits Most from Being Online? / A. J. A. M. van Deursen, E. J. Helsper // Communication and Information Technologies Annual (Studies in Media and Communications, Volume 10). – Emerald, 2015. – P. 29–52.
3. *Micheli, M.* What is New in the Digital Divide? Understanding Internet Use by Teenagers from Different Social Backgrounds / M. Micheli // Communication and Information Technologies Annual (Studies in Media and Communications, Volume 10). – Emerald, 2015. – P. 55–87.
4. World Development Report 2016: Digital Dividends [Electronic resource] // The World Bank. – Mode of access: http://documents.worldbank.org/curated/en/896971468194972881/pdf/102725-PUB-Replacement-PUBLIC.pdf. – Date of access: 05.09.2017.

ЧЕЛОВЕК И МЕДИАСРЕДА: КОНСЕНСУС (НЕ)ВОЗМОЖЕН

Барматова Светлана Петровна
Брянский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Брянск

Научную рефлексию, сформировавшуюся к сегодняшнему дню по поводу проблем изучения и управления медиасферой, можно описать одним выражением – попытка детским сачком остановить торнадо. Медиасфера (или – все-таки шире – глобальное медиапространство, или информационно-коммуникативное пространство – терминов достаточно, ученые используют их, согласно своим задачам и научным планам) уже давно стала самодостаточным, самоорганизующимся социальным пространством со своей логикой – сетевой, потоковой, ризомной, – диктующим эту логику всему остальному пространству, или «вписывающимся» данной логикой в те изменения, которые происходят со всей социальной структурой и социальным пространством общества (по версии, например, М. Кастельса [1]). Более того, происходит определенный процесс «самонастройки» медиасферы, медиапространства, во время которого это пространство, эта сфера еще только начинает проявлять свои возможности, создавать условия, при которых, например, каждый участник (или субъект?) данного пространства (сферы) может стать организатором своего канала или узла информации и коммуникации, стать «организатором смыслов», мини-комьюнити (примеров тому – уже множество, тот же блог). Еще одним направлением этого процесса настройки является возникновение феномена «множественных правд», что совершенно изменяет традиционную логику функционирования медиасреды или пространства, реализующуюся доселе. Немаловажными для описываемого процесса являются изменения, происходящие в лингвистике, – например, происходит стремительное изменение в самом языке, скорость языковой ассимиляции возросла кратно (для доказательства наличия такой ассимиляции достаточно посмотреть даже данный текст), при тенденции, скорее, не к упрощению языковой структуры, но адаптации ее под структурные параметры медиасферы, медиапространства.

Что на эту «самонастройку» может ответить социум? А отдельный индивид? Создается впечатление, что человек окончательно «попал в плен» к информации. Его взаимоотношения с информационной глобальностью мира зачастую напоминают усилия ребенка, случайно выпустившего из лампы злого джина, которой теперь совсем не собирается возвращаться обратно. Мало того, что индивид уже практически лишен возможности разобраться в истинности информации, тонет в гипертексте, еще и информационная глобальность уже «навязала» обществу новое стратификационное «измерение» индивида – «информационную компетентность», которая стала основой на разделение индивидов на «человека глобального» и «человека локального», основой нового варианта социального неравенства.

Усилия ученых, активно разрабатывающих в рамках коммуникативистики и других смежных с нею наук, занимающихся изучением коммуникации, такие новые ниши, как медиаэкология и медиагигиена, все-таки, в первую очередь, направлены на анализ самой медиасферы, медиапространства, глобального информационно-коммуникативного пространства, и тех рисков, которые общество испытывает от их функционирования. Множественный характер этих рисков, к которым, например, И. М. Дзялошинский отнес информационный потоп; ограничение доступа к информации; медиакратию; информационное неравенство; социальный инжиниринг; разрушение традиционной культуры; киберпреступность [2] (на наш взгляд, к этим рискам необходимо добавить и отсутствие международного законодательства по медиаэкологии), – указывают на то, что на данный момент времени ни на законодательном уровне, ни на уровне научной концептуализации еще не сформированы механизмы предотвращения этих рисков. А значит, процесс управления медиасферой (и – шире – глобальным информационным пространством) находится в состоянии относительной регуляции.

Все вышеизложенное резюмирует следующий вывод: необходима разработка комплексной, межотраслевой, международной стратегии медиаэкологии и управления медиасферой. Только при наличии такой стратегии, на наш взгляд, будет возможно говорить о том, что консенсус между человеком и медиасредой – возможен.

Список литературы

1. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 458 с.

2. *Дзялошинский, И. М.* Лекции 3–4. Экология медиапространства / И. М Дзялошинский. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://socinfo.my1.ru/index/kruglyj_stol_2015_lekcija_3_4/0-51.

ПРОЦЕДУРА АРГУМЕНТАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Берков Владимир Федотович
РИВШ БГУ, Минск

Долгое время в русскоязычной литературе существовала ориентация на отождествление теории аргументации с теорией обоснования. Поэтому термин «аргументация» считался даже излишеством в научном обиходе, исключался из соответствующих справочных изданий. Если же где-то он и упоминался, то обычно сводился к виду обоснования – доказательству (как к логическому процессу, в ходе которого истинность некоторого высказывания выводится из других истинных высказываний). В иных случаях обоснование рассматривалось в более широком аспекте, и в объём этого понятия включалось не только доказательство (полное обоснование), но и подтверждение (частичное обоснование). Если же принять во внимание высказываемые соображения о том, что обоснование охватывает и такие процедуры, как объяснение, интерпретацию, определение, сопоставление и др. [10, с. 131–138], то открывались перспективы создания более содержательной теории. Существуют попытки продвижения в этом направлении [см.: 2, с. 93–105].

Отмеченные выше подходы реализовались в сфере логики, понимаемой достаточно узко, – как дисциплины, проблематика которой соотносима в основном с семантическими и синтаксическими аспектами языка. При этом уточнялась логическая структура различных видов аргументации, в рамках двузначной семантической оценки («истинно», «ложно») определялись понятия аргументов (доводов, оснований) и тезиса. В контексте логической теории следования исследовался характер связи между ними. Полученные результаты не ставятся под сомнение и являются достоянием учебной литературы.

Но этого оказалось недостаточно. Со временем стало ясно, что логика не может ограничиваться лишь семантико-семантическим рассмотрением языка. Чтобы стать действенным орудием познания, она должна была выйти в более богатую сферу прагматики, в сферу общения между людьми, ибо познание есть отражение объективной действительности в процессе предметно-практической деятельности и *социальной коммуникации*. Это требовало обогащения понятия обоснования (и, следовательно, термина аргументации) новыми признаками.

Попытка выхода в сферу коммуникации и прагматики осуществлялась многими исследователями: Г. А. Брутяном, Ф. Х. Ван Еемереном и Р. Гроотендорстом, М. М. Новосёловым и др. Вот фрагмент из монографии Г. А. Брутяна: «Аргументация – это способ рассуждения, в процессе которого выдвигается некоторое положение в качестве доказываемого тезиса: рассматриваются доводы в пользу его истинности и возможные противоположные доводы; дается оценка основаниям и тезису доказательства, равно как и основаниям и тезису опровержения; опровергается антитезис, т. е. тезис оппонента; доказывается тезис; создается убеждение в истинности тезиса и ложности антитезиса как у самого доказывающего, так и у оппонентов;

обосновывается целесообразность принятия тезиса с целью выработки активной жизненной позиции и реализации определенных программ, действий, вытекающих из доказываемого положения» [4, с. 7].

Как видим, наряду с такими понятиями, как тезис, основания, довод, доказательство, антитезис, опровержение и др., описываемыми в семантико-синтаксическом ключе, в данной характеристике используются прагматические термины «доказывающий», «оппонент», «убеждение», «целесообразность принятия».

У голландских исследователей Ф. Х. ван Еемерена и Р. Гроотендорста аргументация – «сложный речевой акт, цель которого содействовать разрешению спора» [6, с. 15]. При этом теория речевых актов отождествляется с прагматикой в её дескриптивных и нормативных аспектах. Поскольку данная теория разрабатывается на основе анализа спора, дискуссии, постольку она называется авторами прагма-диалектической [там же].

М. М. Новосёлов рассматривает аргументацию как способ подведения оснований под какую-либо мысль или действие (обоснование) с целью их публичной защиты, побуждения к определенному мнению о них, признания или разъяснения, как способ убеждения кого-либо посредством значимых аргументов. В качестве главных аспектов аргументации М. М. Новосёлов выделяет: фактуальный (информация о фактах, используемых в качестве аргументов), риторический (формы и стили речевого и эмоционального воздействия), аксиологический (ценностный подбор аргументов), этический (нравственная приемлемость или дозволенность аргументов) и, наконец, логический (последовательность и связность аргументов, их организация в дедуктивный вывод). Эти и другие аспекты аргументации рассчитаны на то, чтобы наилучшим образом повлиять на аудиторию [11, с. 36].

В высказываниях М. М. Новосёлова, как видим, акцент отчётливо смещается на характеристики, которые свойственны адресанту, аргументатору. Здесь он – центральная фигура в процессе аргументации. Её конечный результат – побуждение к какому-то мнению, признание или по крайней мере ясность обоснования – зависит, у М. М. Новосёлова, прежде всего от аргументатора, и с этим вряд ли стоит спорить. И всё же остаётся открытым вопрос: что происходит на противоположном полюсе, с какими условиями и познавательными процедурами связано, в частности, признание того, чего добивается аргументатор, почему формируется соответствующее убеждение? Этот вопрос правомерно поставить и другим исследователям, и на нём мы сконцентрируем своё внимание в последующих рассуждениях.

Пожалуй, первое, с чем сталкивается адресат, – это необходимость в *понимании* того, что ему отправлено. Однако с понятием *понимания* связано немало трудностей, и это признаётся всеми авторитетными авторами. Известный американский психолингвист Дж. А. Миллер в своё время писал: «Нет психологического процесса более важного и в то же время более трудного для понимания, чем понимание, и нигде научная психология не разочаровывала в большей степени тех, кто обращался к ней за помощью» [9, с. 266]. С тех пор

прошло более полувека (статья Миллера «Psycholinguistics» была опубликована в 1954 году), но не только психология, но и другие науки, использующие понятие понимания – эпистемология, логика, социология, текстология, риторика, – мало продвинулись в исследовании его сущности. Дискуссии среди ученых по поводу толкования этого понятия продолжаются по сей день.

Некоторые авторы полагали, что для понимания смысла речевого сообщения достаточно иметь прочный и широкий словарь, т. е. понимать значение каждого слова, его предметную отнесённость, его обобщающую функцию и знать достаточно чёткие грамматические правила, по которым эти слова соединяются друг с другом. Другие же пошли дальше, и, не отрицая наличия нужного круга понятий и знания системы соответствующих грамматических правил, указывали, что процесс понимания сообщения начинается с поисков общей мысли высказывания и только потом перемещается на лексико-фонетический и синтаксический уровень. Поиск общей мысли связан с переходом к выяснению подтекста и контекста воспринимаемого высказывания, следовательно, глубины его смысла. «Текст, – писал А. Р. Лурия, – может быть понят или «прочтён» с различной глубиной; глубина «прочтения» текста может отличать различных людей друг от друга в значительно большей степени, чем полнота восприятия поверхностного значения» [8, с. 220]. Анализ перехода от понимания внешнего значения сообщения к пониманию «контекста» и «подтекста», перехода от значения к внутреннему смыслу сообщения стал важнейшей задачей психологии познавательных процессов.

Однако психология и лингвистика – частные научные дисциплины. А, как известно, кто берётся за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо на каждом шагу бессознательно для себя «натыкается» на эти общие вопросы. Поэтому нужен подход к проблеме понимания с более общих позиций, перенос её на философский уровень.

В соответствии с платоновской, научно-рационалистической традицией, пользующейся достаточно сильной поддержкой среди ученых, *понять* нечто – означает в индивидуальной, личностно окрашенной форме (т. е. в форме своих понятий и представлений) проникнуть в его сущность и соотнести с ним второстепенное, привнесенное, случайное, увидеть единичное как частный случай чего-то общего [1]. Поскольку сущность, согласно этой традиции, имеет многоуровневую структуру – различают сущность нулевого (явление), первого, второго и прочего, более глубокого порядка, – постольку правомерно говорить об уровнях понимания и на философском уровне. В первом приближении, без претензий на окончательную систематизацию, можно выделить, видимо, четыре таких уровня.

Первый, поверхностный уровень понимания сообщения, воспринимаемого адресатом, связан с уяснением и уточнением смысла его компонентов. Условно

[1] Близкой данному определению является характеристика А. А. Брудного: «Понять – значит обрести знание. Такое знание, которое отражает суть вещей, соединяет нечто ранее неизвестное с уже известным» [3, с. 115].

назовем этот уровень *ассимиляцией смысла*. Это понимание на уровне явления. Этот уровень описан уже психолингвистами первого поколения, хотя они отождествляли его с пониманием в целом. На этом уровне выделяются лексические единицы текста, выявляются синтаксические отношения между ними, устанавливаются их семантические характеристики. Каждый из обозначаемых объектов относится к одному из множества классов на основе опознавательных признаков. Словари (терминологические, толковые и пр.) – незаменимые помощники в решении задач такого рода.

Второй, более глубокий уровень – *интерпретация смысла*. Эта операция связана с выделением тех характеристик текста, которые не только соответствуют смысловым структурам адресата, но и импонируют ему, отвечают его устремлениям и намерениям [2]. Поэтому интерпретация всегда имеет налёт субъективизма.

Нередко интерпретация принимает форму *актуализации*, а иногда её крайнего выражения – *конъюнктуризации*, поскольку адресат обращает внимание на те моменты, которые важны для удовлетворения общественных потребностей или достижения личных сиюминутных целей. Формой интерпретации может быть мнение о чем-либо. Очевидно, адресат может по-своему интерпретировать содержание текста или процесса аргументации и потому по-своему их понимать. Отсюда – множественность интерпретаций сообщения.

Такая предвзятость свойственна не только отдельным индивидам, но и целым социальным группам (нациям, классам, сословиям, корпорациям и т. д.). Она наблюдается и в истории науки, при господстве в ней так называемых кумулятивистских методологических установок (У. Уэвелл, неокантианцы, неопозитивисты). Эта модель предполагает, что с каждым крупным, фундаментальным открытием в науке перестраивается и предыдущая история, она как бы пишется заново, подстраивается под вновь принятую теорию. В прошлом истинным, заслуживающим внимания считается только то знание, которое подготовило современное состояние науки, которое может быть в снятом виде включено в структуру знания сегодняшнего дня. Таким образом выстраивается логическая цепочка развития научных идей, вытекающих одна из другой. Всё, что с точки зрения сегодняшнего дня устарело, что не может быть включено в ряд идей, дедуктивно следующих друг за другом, все, что с точки зрения сегодняшнего дня ложно, не рассматривается в качестве фундамента настоящего и исключается из истории научных идей.

Особой разновидностью интерпретации является *модернизация*. Её специфика состоит в том, что интерпретируемое содержание сообщения наделяется дополнительными признаками, взятыми в современных сходных состояниях. Прошлое, будучи пропущенным через призму настоящего, получает несвойственные ему оттенки. Естественно, в результате мы имеем

---

[2] Такое истолкование интерпретации отличается от принятого в логике – как приписывания некоторого содержательного смысла или значения символам и формулам формальной системы.

искаженное представление о зафиксированных в сообщении отношениях и событиях.

Ещё один уровень понимания текста – *реконструкция смысла*. Она связана с выяснением того, какие задачи решал автор, создавая текст. На этом уровне понимания требуется расследовать, к чему стремился адресант, какими мотивами он руководствовался, какие задачи перед собой ставил, создавая текст. Произведение в таком случае выступает как совокупность ответов на некоторые вопросы. Согласимся с Р. Дж. Коллингвудом в том, что «доктрины философа суть ответы на вопросы, которые он задает самому себе. Всякий, кто не понимает этих вопросов, не может рассчитывать и на то, чтобы понять его доктрины. <…> Любой человек может понять любую философскую доктрину, если сумеет ухватить те вопросы, на которые она отвечает» [7, с. 353]. Дневники авторов – бесценные источники для восстановления подобного рода вопросов и, следовательно, углубленного понимания их текстов.

Однако не всегда применяемый при реконструкции вопросно-ответный метод оказывается эффективным. Особенно это характерно для творчества художников, композиторов, поэтов и пр., когда произведение создается без заранее намеченных установок и планов. Так работал, например, Эрнст Хемингуэй, говоривший, что самое трудное для него – дождаться следующего утра и узнать, что случилось с его героями. Он просто сливался со своими персонажами.

Существуют тексты, являющиеся побочным продуктом задач, стоящих перед их авторами, и замысел произведения может существенно не совпадать с реальным результатом. Следовательно, некритическое использование вопросно-ответного подхода при реконструкции смысла может вести к заметному искажению сути дела, к упрощенному пониманию получаемого текста. Нужно учитывать не только то, как проблема (задача) формулировалась первоначально, но и как она развивалась в дальнейшем.

Однако реконструкция смысла не есть самый глубокий уровень понимания. Почти достоверно известны вопросы, на которые пытался ответить Лев Толстой, но ни он сам, ни его многочисленные почитатели долгое время не представляли, насколько полно и основательно он вскрыл противоречия общественной жизни накануне русской революции. Будущие исследователи, как правило, понимают текст лучше, чем его создатели и современники («парадокс Шлейермахера»). То же бывает (и часто!) в науке: истинное значение какого-либо открытия остается совершенно неизвестным для самого первооткрывателя. М. Фарадей, например, не видел перспектив практического использования открытого им явления электромагнитной индукции, а когда у Г. Герца, экспериментально доказавшего в 1886–1889 гг. существование электромагнитных волн, спросили, каково практическое значение его открытия, он ответил: «Никакого», – хотя уже в 1895 году заработал радиоприемник А. С. Попова. Э. Резерфорд, чьи заслуги в исследовании строения атомов общеизвестны, утверждал, что атом – не источник энергии, а её могила.

С течением времени происходит, рискнем сказать, полное раскрытие содержания «позывных», направленных от адресанта к адресату (будь то исторический или философский трактат, произведение искусства, научное открытие и т. д.), выявляются его наиболее сущностные характеристики. Этот уровень понимания можно назвать *эссенциальным* (от лат. *essentia* – сущность). На эссенциальном уровне понимания анализируемый текст соотносится с определенными социокультурными условиями, его содержание связывается с тенденциями и коллизиями общественного развития. В исследованиях марксистской методологической ориентации настоятельно подчёркивается определяющее значение экономических и социокультурных факторов [3].

Великие произведения литературы, искусства, науки отличает совпадение авторских задач и ценностных установок с тенденциями общественного развития. Поэтому такие произведения живут века, и каждая эпоха ищет и находит в них ответы на свои вопросы. «Погружение» текста в историко-культурный контекст выступает в качестве необходимой герменевтической процедуры и методологической установки.

Понимание – непременное условие *принятия* (признания) адресуемого текста. Связь понимания и принятия – вечная дидактическая проблема. На психологическом уровне к её разработке обращался ещё Аристотель. «Усвоение преподанного, – писал великий Стагирит, – зависит от привычек слушателя; какие у нас сложились привычки, такого изложения мы и требуем, и то, что говорят против обыкновения, кажется неподходящим, а из-за непривычности – более непонятным и чуждым, ибо привычное более понятно. А какую силу имеет привычное, показывают законы, в которых то, что выражено в форме мифов и по-детски просто, благодаря привычке имеет большую силу, нежели знание самих законов» [1, 995a5].

Вместе с тем, существует более широкий, социокультурный фон принятия, насыщенный мировоззренческими, философскими, научно-теоретическими, методологическими и прочими образованиями, – всем тем, что синтезируется в понятии концептуального каркаса. Это своеобразное «решето», позволяющее

---

[3] Г. В. Плеханов разъяснял марксистскую установку на сущностное понимание исследуемого предмета следующим образом: «Чтобы понять танец австралийской туземки, достаточно знать, какую роль играет собирание женщинами корней дикорастущих растений в жизни австралийского племени. А чтобы понять, скажем, менуэт, совершенно недостаточно знания экономики Франции XVIII столетия. Тут приходится иметь дело с танцем, выражающим собою психологию непроизводительного класса. Психологией этого рода объясняется огромное большинство „обычаев и приличий“ так называемого порядочного общества. Стало быть, экономический „фактор“ уступает здесь честь и место психологическому. Но не забывайте, что само появление непроизводительных классов в обществе есть продукт его экономического развития. Значит, экономический „фактор“ вполне сохраняет свое преобладающее значение, даже и уступая честь и место другим. Напротив, тогда-то и дает себя чувствовать это значение, потому что тогда им определяются возможность и пределы влияния других „факторов“» [12, с. 172].

сохранять в понятом совместимое с названным фоном и отсеивать не совместимое с ним. Но поскольку характеристики «концептуального каркаса» исторически преходящи, имеют деятельностную природу (т. е. обусловлены условиями, средствами, интересами, целями, мотивами и т. д. деятельности людей), постольку возможности и результаты «просеивания» крайне разнообразны, одни и те же события, явления, процессы получают разную интерпретацию, нередко фиксируются в противоположных идеях, концепциях и теориях.

Разброс в принятии одних и тех же компонентов деятельности (в том числе компонентов аргументации) может быть очень широк, особенно, если затрагиваются интересы людей. Общеизвестно определяющее влияние политических и идеологических факторов в социальной коммуникации. Но, казалось бы, в так называемых точных науках этого не должно бы быть, однако так бывало даже в математике, достижения которой иногда забывались на века. В свое время Т. Гоббс заметил: «Если бы истина, что *три угла треугольника равны двум углам квадрата*, противоречила чьему-либо праву на власть или интересам тех, кто уже обладает властью, то, поскольку это было бы во власти тех, чьи интересы задеты этой истиной, учение геометрии было бы если не оспариваемо, то вытеснено сожжением всех книг по геометрии»[5, с. 79].

Итак, рассмотрение аргументации в семантико-синтаксическом плане, как это имело место в традиционной логике, страдает ограниченностью, ибо сводит её к отождествлению с доказательством, опровержением, подтверждением и т.д. Более полное представление дает анализ этой процедуры в качестве средства социальной коммуникации, средства связи и взаимодействия между адресатом и адресантом. Выход на прагматический уровень даёт бесспорный познавательный эффект.

Список литературы

1. *Аристотель*. Метафизика / Аристотель. – М.: Эксмо, 2006. – 608 с.
2. *Берков, В. Ф*. Философия и методология науки: учебное пособие / В. Ф. Берков. – М.: Новое знание, 2004. – 336 с.
3. *Брудный, А. А*. Понимание и текст / А. А. Брудный // Загадка человеческого понимания. – М.: Политиздат, 1991. – С. 114–128.
4. *Брутян, Г. А*. Аргументация / Г. А. Брутян. – Ереван: АН АрмССР, 1984. – 105 с.
5. *Гоббс, Т.* Сочинения в двух томах / Т. Гоббс. – Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – 731 с.
6. *Еемерен, Ф. Х. ван*. Аргументация, коммуникация и ошибки / Ф. Х. ван Еемерен, Р. Гроотендорст. – СПб.: Васильевский остров, 1992. – 208 с.
7. *Коллингвуд, Р. Дж*. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. – М.: Наука, 1980. – 485 с.
8. *Лурия, А. Р*. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М.: МГУ, 1979. – 320 с.
9. *Миллер, Дж. А*. Психолингвисты // Теория речевой деятельности (проблемы психолингвистики) / Дж. А. Миллер. – М.: Наука, 1968. – 272 с.
10. *Никитин, Е. П*. Открытие и обоснование / Е. П. Никитин. – М.: Мысль, 1988. – 221 с.
11. *Новосёлов, М. М*. Аргументация / М. М. Новосёлов // Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – С. 36.
12. Плеханов, Г. В. Избранные философские произведения в пяти томах / Г. В. Плеханов. – Т. 3. – М.: Госполитиздат, 1957. – 783 с.

СЕТЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ: СЕТЬ КАК ПАРАДИГМАЛЬНАЯ МЕТАФОРА «ТЕКУЧЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ»

Василькова Валерия Валентиновна
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Социальные коммуникации создают «ткань» социальной жизни, структура которой может быть описана разными метафорами.

В истории социальной мысли наиболее влиятельной метафорой такого рода, фундирующей устойчивость и связность частей, являлась метафора общества как целостного организма, которая с позиций холизма описывала многомерную структуру общества в ее развитии.

Однако, начиная с 1980-х годов в социальном знании формируется новый гештальт социального мировидения – основным фокусом внимания становится новая социальная онтология «текучей современности» и соответствующие ей принципы описания социогенеза (динамизм, неустойчивость, стохастичность, нестабильность, конструктивистская роль социальных субъектов), т. е. принципы, фундирующие нестабильную и неустойчивую связность. Объединяющей, «зонтичной» метафорой для описания этих онтологических феноменов становится метафора сети.

Эта метафора оказалась наиболее адекватной и перспективной для описания новой социальной онтологии, на наш взгляд, по ряду причин.

Во-первых, образ сети отражает пространственную неравномерность ткани социальной жизни, а также динамику (и саму возможность) ее трансформации (возможность «переплести сеть»). Для сетевого анализа важно зафиксировать различную степень плотности сети, различную интенсивность связей в разных зонах взаимодействия, порождающую узлы, агрегации и комплексы разной степени устойчивости. При этом конфигурации сетей являются чрезвычайно динамичными – центр и периферия могут меняться, а точнее – «перемещаться» по сети. Таким образом, метафора сети открывает перспективы для описания динамики социального переструктурирования.

Во-вторых, метафора сети несет в себе коннотацию разреженной ткани, что позволяет описать новый тип социальных отношений в современном обществе. Новая социальность – это социальность «ослабления связей», порождаемых, по выражению З .Баумана, новым типом неопределенности. Современная неопределенность порождает мощную индивидуализацию – она не объединяет людей во имя защиты общих интересов (как это было раньше), а разделяет их. Нарушаются сами основы прошлой солидарности. В современном обществе мимолетные формы сотрудничества полезнее для людей, чем долгосрочные связи. В таких условиях исчезает потребность и необходимость «искусства диалога» как проявления стабильных, долгосрочных, сильных связей.

В-третьих, метафора сети ориентирована на созидание и социальное конструирование. Она чрезвычайно созвучна по смыслу постмодернистской (и

герменевтической) традиции понимания творчества как ткачества. Слова «текст» и «текстиль» являются однокоренными, и по законам наложения смыслов в метафоре получается, что человек создает текст как ткань. Социальный актор также создает «ткань сети», выстраивая связи и отношения разной степени интенсивности.

И, наконец, в-четвертых, метафора сети – это, безусловно, метафора социетального уровня, охватывающая всю совокупность социальных отношений, поскольку в качестве сетей можно представить социальную систему любого уровня, включая все общество в целом. При этом структура сети объединяет микроуровневые взаимодействия акторов и макроуровневые структурные конфигурации, что позволяет говорить об интеграционном потенциале теоретических моделей общества, базирующихся на сетевой метафоре.

СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ИНТЕРНЕТЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С РЕАЛЬНОСТЬЮ

Гойхман Оскар Яковлевич,
Российский новый университет, Москва

Инновационные процессы, происходящие в Интернете, привели к возникновению нового подхода к пониманию общественной жизни как существующей в условиях глобального информационного пространства. Страны с высоким уровнем жизни стали принимать концепции информационного общества, суть которых заключается в том, что производство, распределение и потребление информации является приоритетной сферой развития экономики.

И это было заблуждением, за которое сегодня расплачивается мировое сообщество. Развитие экономики действительно приоритетная цель для общества, но не единственно важная. Такая позиция привела к занижению роли коммуникации. На самом деле наша жизнь определяется, прежде всего, взаимодействием людей во всех сферах жизнедеятельности. По существу, мы благодаря научно-техническому прогрессу и Интернету функционируем в рамках именно коммуникативного общества. Информация сама по себе не может быть тем определяющим фактором развития общества, каким является коммуникация. То есть информация – это главное средство достижения коммуникации, которая в данном случае является ее интерпретацией.

Особая роль при этом принадлежит социальной коммуникации. Есть ряд понятий этого явления. Так, одни исследователи под социальной коммуникацией понимают не только масштабное распространение сообщения, но и индивидуальный обмен, происходящий между людьми. Другие – как способ воздействия на обширные группы аудитории, с помощью чего реализуются цели тех, кто транслирует информацию, и т. д.

Нам представляется наиболее точным определение белорусских исследователей, определяющих социальную коммуникацию как процесс «распространения и циркуляции информации в обществе». Рассмотрим, как этот процесс отражается в Интернете.

Прежде всего, Интернет не является обществом, даже виртуальным. Его следует рассматривать как информационное пространство, а не социальное, поскольку в Интернете отсутствуют социальные институты, которые характерны для общества. Поэтому формальный перенос понимания реальной социальной коммуникации в виртуальное пространство представляется некорректным.

Формирующийся понятийный аппарат виртуального пространства не должен дублировать понятия реального общества. В частности, неправомерно использование термина «социальная сеть» применительно к интернет-коммуникации – это, скорее всего, виртуальные сети, но никак не социальные. Появившееся было понимание Интернета как глобальной сети, что в принципе также отражает суть явления, неожиданно исчезло из обращения.

Проникновение виртуального пространства нередко осуществляется, как массовые атаки на реальную действительность. Свидетельство того – волна агрессии в виде цветных и черно-белых революций, с белыми бантиками, с зонтиками и без, которая недавно захлестнула реальное мировое сообщество и которую спровоцировала, на мой взгляд, именно интернет-коммуникация.

Человечество еще не научилось существовать в условиях полной открытости информационного пространства. Сетевое сообщество питает нас информацией, далеко не всегда полной и достоверной, и при этом стремится одновременно, поспешно ее интерпретировать и комментировать. Однако недостоверная информация передается с целью воздействия на адресата, а не взаимодействия с ним. Следует отделять процесс передачи информации от процесса ее интерпретации, а возможность комментирования предоставить специалистам.

Значима и проблема доверия социальной (и не только социальной) информации, распространяемой в интернет-пространстве. Приходится проверять ее по ряду источников/сайтов, прежде чем осознать истинность сообщения.

Интернет-пространство не имеет границ, но, к сожалению, не имеет и норм, которых следует придерживаться. Поэтому взаимодействие виртуального пространства с реальной действительностью будет органичным и социально-обусловленным, если мировое сообщество выработает и примет общие нормы и правила, соблюдение которых позволит эффективно развиваться цивилизации в новых условиях.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТА КАК ВИД СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Голуб Ольга Юрьевна
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов

Интернет как сложная разветвленная социальная система и платформа значительной части социальных коммуникаций, создает основу для возникновения новых социальных практик – виртуальных аналогов традиционных. По утверждению Д. Вольтона, «очарование Интернета» кроется в трех понятиях: скорость, свобода, интерактивность [1, с. 23]. Именно эти качества делают интернет-коммуникации и интернет-практики зачастую более привлекательными по сравнению с реальным взаимодействием, воспринимаются пользователями как естественный и неотъемлемый атрибут повседневной жизни, во всё большей степени сопровождают процессы социализации человека.

Развитие Интернета способствует переносу в сферу виртуального коммуникативных практик, ценностных и идентификационных ориентаций, адаптационных стратегий, типов межличностного и межгруппового взаимодействия, расширяет возможности самоопределения и самоконструирования, трансформирует процессы мотивации и целеполагания, приводит к изменениям когнитивной, коммуникативной и личностной сфер.

Процесс виртуальной идентификации означает поиск и конструирование границ своего «онлайн-Я», в зависимости от границ выбранной системы социальных значений виртуального пространства. Виртуальная идентичность множественна, пластична, перформативна, мозаична. В определенном смысле она представляет собой некий гештальт, находящийся в постоянном движении.

Особенно явно эти процессы прослеживаются в социальных сетях, поскольку подобный формат обладает гораздо большим, разнообразным и практически безграничным потенциалом социальных значений, которые делают возможным использование различных практик самопредставления через символическое означивание. Чаще всего основной мотив регистрации связан с потребностью быть воспринятым социально желательным в своей возможной идентичности. Значительное место в формировании виртуальной идентичности занимают дискурсивные конструкции, так как текстовая коммуникация зачастую анонимна, и пользователи сообщают о себе только отрывочные сведения или не сообщают ничего, кроме так называемых ников. Анонимность формирует у пользователя чувства вседозволенности и безнаказанности, и формируемая таким образом виртуальная личность имеет компенсаторный характер, основанный на управляемой самопрезентации, призванной скомпенсировать те или иные сложности, испытываемые пользователем в реальных коммуникативных практиках [2, с. 23].

Отношение к анонимности в Интернете противоречиво. С одной стороны, анонимность, открывает широкие возможности для различного рода

экспериментов, так называемых «игр с идентичностью», превращает интернет-взаимодействие в развлечение, виртуальный мир представляется безграничным, он позволяет формировать новые, виртуальные идентичности по весьма условным признакам, включаться в такие социальные группы, в которые в реальном мире включиться не представляется возможным. С другой стороны – использование псевдонимов упрощает возможность развивать общение на основе большей доверительности, что, в свою очередь, позволяет совершенно незнакомым людям стать единомышленниками и влиять друг на друга в построении идентичности.

Противники «безымянного» Интернета считают, что онлайн-анонимность – одна из главных причин нарушения прав интеллектуальной собственности, распространения спама, вредоносного программного обеспечения, появления кибертерроризма. Количество преступлений в Интернете растет и не в последнюю очередь благодаря возможности совершать противоправные действия в Сети анонимно. Анонимность в Сети угрожает детям, которые могут легко получить доступ к сайтам, пропагандирующим насилие, порнографию и наркотики.

Последствия формирования и использования социальной виртуализации не однозначны. Положительно, что использование сетевых технологий расширяет возможности коммуникации и самореализации индивидов за счёт освоения новых идентичностей и ролей в Интернете.

Вместе с этим вследствие формирования у многие интернет-пользователей устойчивых идентичностей игроков возникает интернет-зависимость, при которой вступление в виртуальные связи в разных ипостасях становится сверхценным. Культура карнавала, реализуемая в огромном множестве возможностей для вступления в виртуальные связи в разных ролях и масках, приводит к потере способности к самоопределению, к четкому соотнесению себя с теми социальными общностями, в которые реально включена личность.

Проблема снижения (устранения) анонимности и идентификации пользователей в сети Интернет чрезвычайно актуальна, обсуждается очень интенсивно и законодателями, и активными интернет-пользователями. Единого мнения нет. Для применения правового регулятора информационных отношений в Интернете, необходимо точно знать, в каких случаях пользователи глобальной сети могут осуществлять социальную анонимную деятельность, а какие действия анонимными быть не могут ни при каких условиях.

Список литературы

1. *Вольтон, Д.* Информация не значит коммуникация / Д. Вольтон. – М.: ПОЛПРЕД Справочники, 2011.

2. *Горина, Е. В.* Манипулятивный потенциал конституирующих признаков Интернета / Е. В. Горина // Журналистика и массовые коммуникации, 2014. – № 3.

ПОЛЕМИКА АУДИТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ОДНОКЛАССНИКИ» ВОКРУГ ПУБЛИКАЦИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫХ МАССМЕДИА (НА ПРИМЕРЕ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ) [4]

Гуськова Светлана Владимировна
Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина,
Тамбов

В XXI веке при практически всеобщей доступности всех видов массовой информации и массовой коммуникации традиционно монологические формы подачи контента в массмедиа становятся менее привлекательными для аудитории. «Существенную помощь в активизации интерактивности любого типа СМИ (и сетевого в том числе) может оказать полемика» [2]. Активный читатель, слушатель, зритель сам стремится стать со-творцом медиаконтента или становится им благодаря своему интуитивному стремлению. В результате у массовой аудитории все большей популярностью пользуются диалогические формы трансляции информации. Согласно гипотезе нашего исследования, можем предположить, что данные формы нередко носят полемический, конфронтационный характер и содержат агрессивный компонент.

В рамках данного исследования проведен анализ комментариев аудитории социальной сети «Одноклассники», сопровождающих публикации на официальных страницах общественно-политических газет Тамбовской области (Россия, Центрально-Черноземный регион). Цель исследования – установить, насколько активно пользователи социальной сети «Одноклассники» комментируют публикации региональных изданий, какие темы обсуждаются, в каком ключе происходит обсуждение. Исследование проводилось в августе–сентябре 2017 г.

Территория Тамбовской области включает 23 района, в каждом из которых выходит как минимум одно печатное издание. Во внимание взяты районные газеты, учрежденные администрацией Тамбовской области и муниципалитетами. В социальной сети «Одноклассники» установлено большее число страничек районных изданий Тамбовской области (выявлено 23 подобных аккаунта, в том числе официальных групп), чем в социальной сети «ВКонтакте».

Стоит отметить, что публикационная активность районных редакций в социальной сети различная. Отдельные редакции не входят в аккаунты от нескольких дней до нескольких месяцев; другие же оперативно (в день проведения значимого мероприятия) размещают по несколько постов за сутки

[4] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Тамбовской области в рамках научного проекта № 17-14-68002.

(«Уваровская жизнь», «Мичуринская правда»). Многие материалы обсуждаются в полемической форме.

Анализ подобных обсуждений материалов региональных массмедиа позволил выделить наиболее обсуждаемые темы публикаций: ремонт дорог, благоустройство территорий; благоустройство региона или конкретного района; культурные мероприятия региона или конкретного района; оказание медицинской помощи населению; вопросы религии.

Наблюдается следующая тенденция в обсуждении сообщений аудиторией: на какую бы тему ни был материал, пользователи социальной сети приходят к обсуждению тех проблем, которые волнуют аудиторию (самыми популярными из них являются: ремонт дорог, бюджет местных органов власти и направления его расходования, оказание жилищно-коммунальных услуг населению). Полемический характер многих обсуждений обнаруживается за счет ряда признаков, в числе которых: столкновение точек зрения участников дискуссии (оппонентов); агрессивная стилистическая направленность значительной части сообщений; особая, часто агрессивная, лексика; желание во что бы то ни стало отстоять собственную точку зрения и доказать несостоятельность позиции противника; открытый финал подобных обсуждений, предполагающий дальнейшее ведение дискуссии, приглашающий аудиторию к размышлении, побуждающий журналистов к созданию новых медиапродуктов, и др.[1].

Остановимся лишь на одном, довольно ярком примере обсуждения медиаматериала в полемическом ключе. Так, 31 августа 2017 г. на страничке газеты «Уваровская жизнь» была размещена ссылка на видео Валентины Кобзарь (Крышковец) – заместителя главы администрации города Уварово, пользователя «Одноклассников». Вокруг поста завязалась полемика, в ней приняли участие свыше двадцати человек – от горожан до представителей местных органов власти. Всего за неделю, с 1 по 7 сентября, было опубликовано 418 комментариев. 155 пользователей социальной сети поставили «Класс!» под информацией. Многие аргументы дискутантов были адресованы автору видео; представительница местного органа власти незамедлительно приняла участие в полемике. Кроме обсуждения центрального вопроса – целесообразности установки в центре города топиарной скульптуры, солидно профинансированной из местного бюджета, участниками дискуссии было затронуто множество других тем. В итоге дискуссия зашла в тупик, аудитория ушла от главной темы. К конкретному решению в процессе дискуссии аудитория не пришла, но социальный эффект от данной публикации колоссальный. Активное обсуждение информации происходит и в аккаунтах других региональных газет Тамбовской области.

В ходе исследования подтвердилась выдвинутая гипотеза. Действительно, трансляция информации через социальные сети и последующее ее обсуждение нередко носят полемический характер, содержат агрессивный компонент. При всей деструктивности многих сообщений пользователей социальной сети они заключают в себе ряд конструктивных функций: способствуют социальной активности аудитории; позволяют обозначить широкий круг проблем,

выходящих за рамки тематики и проблематики конкретного материала; позволяют установить диалог между различными социальными группами населения региона или района; прояснить точке зрения сторон, что полезно для ведения диалога в реальной (за рамками социальной сети) жизни; совместно прийти к решению проблем.

Список литературы

1. *Гуськова, С. В.* Речевая агрессия: способы выражения в региональной прессе / С. В. Гуськова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 1 (105). – С. 156–165.

2. *Шестерина, А. М.* Полемика в сетевых СМИ: современное состояние и перспективы / А. М. Шестерина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2002. – № 4 (28). – С. 92–96.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЦ, ВЫШЕДШИХ НА ПЕНСИЮ, В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Дмитриева Ольга Евгеньевна
Белорусский государственный университет,
Минск

Проблема социализации пожилых людей с каждым днем становится все более актуальной, поскольку под влиянием снижения уровня рождаемости и неблагополучных тенденций в области смертности наблюдаются серьезные трансформации возрастной структуры общества, выражающиеся в сокращении численности и старении населения [7, с. 9]. По данным управления пенсионного обеспечения и социального страхования Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, в 2016 г. четверть населения – 24,8 % – составили люди старше трудоспособного возраста. Таким образом, лица, вышедшие на пенсию, занимают все более значимое место в обществе, в связи с чем необходимо уделить особое внимание их социализации – процессу «овладения новыми ценностями, ролями, навыками с тем, чтобы при изменении образа жизни и прекращении трудовых форм активной деятельности сохранить и как можно дольше поддерживать связи с окружающим миром, дееспособность и интерес к жизни» [10, с. 36]. Социализация имеет две цели: способствовать взаимодействию индивидов между собой посредством социальных ролей, и обеспечить сохранение общества передачей новым членам соответствующих убеждений и образцов поведения [9, с. 132]. Таким образом, мы видим важную роль социализации личности в жизни общества. Проблемы, возникающие в процессе социализации представителей одной категории населения, ведут к рискам не только на индивидуальном уровне, но и на уровне отдельных социальных групп, институтов и даже всего общества, то есть к рискам социальным.

В этой работе мы сосредоточим внимание на лицах, вышедших на пенсию по возрасту. В нашей стране право на трудовую пенсию по возрасту на общих основаниях до 2017 г. предоставлялось мужчинам по достижении 60 лет, женщинам – по достижении 55 лет, а с 2017 г. предусмотрено постепенное повышение общеустановленного пенсионного возраста [5].

Поскольку выход на пенсию в нашей стране совпадает с наступлением пожилого возраста, рассмотрим особенности социализации этой возрастной когорты, а также проблемы и риски, возникающие на посттрудовом этапе под влиянием вызовов информационного общества. Согласно возрастной классификации Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) пожилым считается возраст 60-75 лет, возраст 75-90 лет – старческим; старше 90 лет – долгожительством. В этом возрасте у людей наблюдаются характерологические особенности и изменения, затрудняющие процесс их социализации [11, с. 14]:

– интеллектуальные (трудности в приобретении новых знаний и представлений, в приспособлении к непредвиденным обстоятельствам);

– эмоциональные (неконтролируемое усиление аффективных реакций со склонностью к беспричинной грусти, к легко проявляющейся слезливости);

– моральные особенности (отказ от адаптации к новым нормам морали, манерам поведения, резкая их критика).

Переход из зрелого трудозанятого возраста в пенсионный для многих людей часто является кризисом, влекущим за собой новые проблемы и новый стиль жизни. Он сопровождается изменением занятости в трудовой сфере – главного источника существования, сменой социального окружения на семью, соседей и друзей, отходом от привычных социальных ролей и примирением с новыми. С переходом к новым социальным условиям начинается новый этап социализации со своими особенностями [13, с. 42]. Последний этап социализации, начинающийся с момента прекращения трудовой деятельности, также называют ресоциализацией. Его сущность состоит в свертывании выполняемых социальных функций и переходе в пенсионный статус.

На приспособление человека к старости влияют: особенности личности и его поведения, жизненный опыт, «настрой» и установки по отношению к старости; степень выраженности потребности в социальных контактах; предпочтительный стиль жизни и любимые занятия [11, с. 14]. Внешними и внутренними факторами, негативно влияющими на экономическое и социальное самочувствие пожилых людей, являются: нисходящая мобильность, материальное неблагополучие, одиночество, психологический дискомфорт, проблемы здоровья [11, с. 17].

Отличительной чертой социализации в пожилом возрасте от предшествующей социализации является нехватка четко определенных ролей. Поскольку позиции, например, вдовы или пенсионера мало связаны с определенными нормами и идеалами, в действительности их вообще нельзя считать ролями. Частым следствием недостатка ясно очерченных ролей является стремление пожилых выглядеть моложе [9, с. 123]. Таким образом, одна из трудностей после выхода на пенсию заключается в том, что стареющий человек попадает в уникальную для него по степени сложности и непривычности ситуацию неопределенности, когда ему приходится самостоятельно вырабатывать требования к своему поведению [12, с. 51].

В нашем обществе распространены три основные роли для людей так называемого третьего возраста, способствующие их социальной интеграции: роль бабушки и дедушки; уход за более старшими родственниками; работающие пенсионеры. С одной стороны, эти роли делают жизнь пожилого человека насыщенной осмысленной, нужной, а с другой – несут определенные риски. Проблема заключается в том, что зачастую эти роли имеют принудительный характер, и пожилые люди выполняют их от безвыходности, вынужденно отказываясь при этом от других форм самореализации, жертвуя собственной автономией ограничивая жизненный мир. Еще одна роль, в которую вовлечены люди старшего возраста, – роль пациентов и клиентов социальных сервисов [4, с. 59–61].

Проявления эйджизма также затрудняют процесс социализации старшего поколения. На межличностном уровне, в семье негативные проявления эйджизма в отношении пожилых людей заключаются в отсутствии понимания, нетерпении, росте раздражительности и конфликтах, невнимании, игнорировании потребностей и др. [4, с. 66]. На уровне институтов и организаций к работе с пожилыми людьми часто не готовы госслужащие, поставщики услуг, волонтеры, работодатели и даже медики и педагоги. Они часто опираются на устаревшие стереотипы и демонстрируют предвзятое отношение, ограничивая возможности пожилого человека [4, с. 55].

По данным ВОЗ, полученным в результате Всемирного исследования жизненных ценностей, не менее 60 % респондентов сообщили, что, по их мнению, пожилые люди сталкиваются с неуважительным отношением. Причем наименьший уровень уважения был отмечен в странах с высоким уровнем доходов [3]. ВОЗ отмечает, что «примерно каждый шестой пожилой человек испытывает ту или иную форму плохого обращения – этот показатель превышает ранее оцениваемое и прогнозируемое с учетом старения населения число» [2]. Почти 16 % людей в возрасте 60 лет и старше сталкивались со следующими недопустимыми формами обращения: недопустимое психологическое воздействие (11, 6%), финансовые злоупотребления (6,8 %), не проявление должного внимания и заботы (4,2 %), недопустимое физическое воздействие (2,6 %) или сексуальные надругательства (0,9 %) [2]. Эксперты департамента ВОЗ по проблемам старения и жизненного цикла обращают внимание на то, что в результате негативного отношения к старению и пожилым людям возникают значительные последствия для физического и психического здоровья людей старшего возраста. Ощущая себя обузой для окружающих, пожилые люди, имеют более низкую самооценку, что подвергает их риску депрессии и социальной изоляции. Кроме того выявлено, что пожилые люди, негативно воспринимающие свое старение, хуже восстанавливаются после нетрудоспособности и в среднем живут на 7,5 лет меньше, чем люди с позитивным отношением к старению [3].

Информационное общество сохраняет многие риски индустриального общества и добавляет к ним новые. На наш взгляд, еще одним серьезным вызовом, с которым столкнулись пожилые люди на современном этапе, выступает стремительное развитие и внедрение во все сферы жизнедеятельности информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), часто превышающее возможности адаптации к ним. Эти технологии радикально расширяют возможности человека, требуя одновременно новых навыков и нового мышления. Сегодня, пожалуй, единственным инструментом обучения и развития навыков, позволяющих считаться грамотным человеком, является компьютер [8, с.108]. В данной ситуации положение людей старшего поколения, прошедшего период становления без компьютера и Интернета, сопряжено с рисками затруднения и нарушения процесса социализации. Это обстоятельство актуализирует, на наш взгляд, еще одну роль для пожилого человека – роль ученика.

Уже на предпенсионном этапе многие сталкиваются с проблемой производственной необходимости овладения компьютерной грамотностью, которая часто является необходимым критерием продления трудового стажа по достижении пенсионного возраста. Многие пенсионеры стремятся продолжить работу, чтобы поддерживать не только свое материальное положение, но также и социальные связи, и интерес к жизни. Среди неработающих пенсионеров более половины, безусловно, хотели бы иметь работу или не отказались бы от нее. 41 % желающих иметь работу, нуждаются в помощи при ее поиске [11, с. 29]. Причем процессы нисходящей социальной мобильности протекают заметно легче у пожилых людей, продолжающих трудовую деятельность, даже несмотря на снижение их статуса по сравнению с прежним [11, с. 11]. Однако самостоятельное овладение компьютером и информационными технологиями для многих является серьезным, часто объективно непреодолимым препятствием, связанным, как правило, с возрастными особенностями и материальными проблемами, и работник вынужден прекратить активную трудовую деятельность, рискуя стать экономически, а затем и социально исключенным. Для него резко снижается степень доступности товаров и услуг, сужается их спектр, ограничивается возможность участия в общественной жизни. В результате неравенства доступа к социальным благам возрастает риск депривации. Выделяют следующие направления депривации лиц, вышедших на пенсию [11, с. 17]:

– экономическая (бедность);

– культурная и образовательная (ограничение возможности получения дополнительного образования и организации культурного досуга);

– социальная (пренебрежение к старости и отчуждение пожилых людей из социума). Происходит ломка социальных норм и связей.

Как правило, прекращение трудовой деятельности является началом цикла исключенности. Безработица (экономическая исключенность) ведет к потере дохода и возможности отстаивать свои интересы в других ситуациях, и напрямую связана с исключением из производственной среды, услуг, ресурсов и общественных сетей. Долговременное отсутствие работы влечет за собой другие виды исключенности: ухудшаются общественные взаимосвязи, часто возникает стигма и уныние, появляется соблазн справиться с ситуацией с помощью выпивки, наркотиков или совершения преступных действий [1, с. 72]. В итоге наступает социокультурная депривация пожилых людей и разрыв ценностной связи поколений как социокультурного исторического процесса. Необходимо отметить, что для лиц пенсионного возраста риски, связанные с потерей рабочего места, носят не временный и вероятностный характер, а являются неотвратимыми и перманентными.

После выхода на пенсию проблема освоения развивающихся ИКТ, либо постоянного совершенствования имеющихся в этой области знаний и навыков, для многих остается актуальной, поскольку обновление и внедрение технологий в повседневность происходит постоянно. Так, сегодня больший доступ к медицинским, банковским, юридическим, социальным и др. услугам

имеют граждане, способные получить информацию, размещенную на сайтах организаций, воспользоваться пластиковой расчетной картой, банкоматом, терминалом, инфокиоском и т. д. А для неработающих пенсионеров часто недоступны компьютер и Интернет, либо отсутствуют навыки их использования. Для представителей старшего поколения одним из наиболее доступных источников информации является телевидение, однако доступ к данному источнику для них стал значительно затруднен с переходом в 2016 году на цифровой формат вещания, так как для получения сигнала требуется замена дорогостоящего телевизионного принимающего оборудования. В том же году было также отключено проводное радио, имевшее актуальность для пенсионеров сельской местности. Общение с социальным окружением в наше время все больше происходит посредством использования сети интернет и мобильного телефона, освоение которого также у многих пенсионеров вызывает затруднения.

В отличие от молодых людей старшее поколение, являющееся хранителем культурно-духовных ценностей и традиций, исторически как бы предназначено для осмысления и передачи своего жизненного опыта молодым [13, с. 42]. Однако, с развитием ИКТ происходит утрата актуальности и значимости жизненного опыта старшего поколения, не говоря о широких возможностях получения более богатого опыта из других источников. Известно, что люди в возрасте около шестидесяти лет болезненно переживают блокирование важнейшей их потребности в передаче жизненного опыта, игравшей ранее историческую роль в сохранении и развитии культуры [6, с. 83]. Сегодня наблюдается противоположная тенденция: дети и внуки становятся для пожилых людей своеобразными наставниками и проводниками в мир ИКТ. Растущая информационная лакуна между молодыми и пожилыми людьми усугубляет конфликты поколений [11, с. 19].

По нашему мнению, риску социальной исключенности в меньшей степени подвержены представители интеллектуальных и творческих профессий, а также жители больших городов в силу бóльших возможностей и «продвинутости», а также жители деревень в силу слабого внедрения ИКТ. В значительной степени риск касается жителей малых и средних городов, имеющих более низкий уровень доходов, и меньший выбор рабочих мест. По мнению специалистов, «до тех пор, пока такие люди не имеют доступа к новым технологиям, их относительное положение в обществе будет только ухудшаться. Новые технологии расширят экономическую, социальную и политическую власть людей, использующих их, что повлечет за собой соответствующее ухудшение положения тех, кто их не использует» [1, с. 81].

Таким образом, проблема утраты чувства собственной значимости и независимости и, как следствие, риск социальной исключенности лиц, вышедших на пенсию, усугубляется стремительными изменениями в информационном обществе. В качестве одного из путей оптимизации процесса социализации лиц, вышедших на пенсию, а также предупреждения указанных

выше рисков мы видим обучение пожилых людей компьютерной грамотности и освоение ими информационно-коммуникационных технологий.

Список литературы

1. *Винден, В.* Конец социальной исключенности? Политика в сфере информационных технологий как ключ к социальной включенности в крупных европейских городах / Виллем ван Винден // SPERO – 2012. – №17. – С. 69-84.

2. ВОЗ предупреждает, что уровни плохого обращения с пожилыми людьми возрастают – затронут каждый шестой пожилой человек // Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2017 /abuse-older-people/ru/ – Дата доступа: 25.07.2017.

3. Дискриминация пожилых и негативное отношение к старению вредят их здоровью // Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2016/discrimination-ageing-youth/ru/ – Дата доступа: 25.07.2017.

4. *Здравомыслова, Е. А.* Вызовы третьего возраста и задачи образовательных практик / Е. А. Здравомыслова, Н. М. Божко // Сборник статей, лекций, методических и аналитических материалов «Добровольцы – старшему поколению»: В 3 т. / Под общ. ред. В. А. Лукьянова и С. Р. Михайловой. – СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2015. – Т. 2: Социализация людей старшего поколения с участием добровольцев. – С. 55–84.

5. Информация о пенсионном обеспечении // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mintrud.gov.by/ru – Дата доступа: 25.07.2017.

6. Конфликтология / О. В. Аллахвердова [и др.]; под ред. А. С. Кармина. – СПб.: Лань, 1999. – 448 с.

7. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской. – М.: НИСП, 2007. – 640 с.

8. *Сергеева, О. В.* Повседневность новых медиа / О. В. Сергеева; под ред. В. В. Козловского. – Волгоград: ВолГУ, 2010. – 202 с.

9. *Смелзер, Н. Дж.* Социология. Глава 4 Социализация (окончание) / Н. Дж. Смелзер // Социологические исследования [Электронный ресурс] – 1991. – № 6. – С. 122–134. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/331/927/1216/14Smelzer.pdf. – Дата доступа: 25.07.2017.

10. Состояние и пути повышения адресности социальной защиты нуждающихся слоев городского населения (комплексное социально-экономическое исследование): научный отчет / руководитель ВНК А. В. Рубанов. – Минск: МНИИСЭПП, 2003.

11. *Щербаков, И. М.* Посттрудовая социализация пожилых людей в современной России: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук: 22.00.04 / И. М. Щербаков; [Волго-Вятская академия государственной службы]. – Нижний Новгород, 2006. – 30 с.

12. *Ялышева, М. Ю.* Особенности и возможности для активной жизни в пожилом возрасте / М. Ю. Ялышева // Сборник статей, лекций, методических и аналитических материалов «Добровольцы – старшему поколению»: В 3 т. / под общ. ред. В. А. Лукьянова и С. Р. Михайловой. – СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2015. – Т. 2: Социализация людей старшего поколения с участием добровольцев. – С. 49-54.

13. *Ялышева, М. Ю.* Социализация людей старшего возраста / М. Ю. Ялышева // Сборник статей, лекций, методических и аналитических материалов «Добровольцы – старшему поколению»: В 3 т. / Под общ. ред. В. А. Лукьянова и С. Р. Михайловой. – СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2015. – Т. 2: Социализация людей старшего поколения с участием добровольцев. – С. 35–48.

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРИРОДА ОБЩЕНИЯ: ОТ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ДО ЭЛИТАРНОСТИ

Ермолович Дмитрий Валентинович
Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники, Минск

Чтобы обосновать трансдисциплинарную природу общения как исторически непреходящую тотальность (прошлого, настоящего и возможного будущего) человеческой сущности, будет недостаточным указать на то, что общение людей есть «реликтовая» форма социальной деятельности [см. 1], т. е. пронизывает человеческую природу по всем пространственно-временным (телесным) и ментально-смысловым (духовным) направлениям.

Более того, невозможность сведения феномена «общение» к определенной монопольной форме проявления действительности (физического, социального, психического) требует поиска исследовательского подхода, который можно свести к синергетической парадигме, где собственно трансдисциплинарность и заявляется [2]. В свою очередь, рассматривая повседневность и элитарность как полярные проявления социальной организованности и тем самым устанавливая онтологические рамки данного исследования в преломлении к сферам профессионализации, образования и личностного роста, будем характеризовать повседневность как продукт культуры, как совокупность нерефлексивных, самоочевидных, общедоступных, рутинных актов жизнедеятельности человека; а элитарность как продукт субкультуры, как проявление социально-групповой закрытости, ценностно-смысловой самодостаточности и потому рефлексивной, непосредственно недоступной, требующей предметной специализированности и высокого профессионализма.

В своих крайностях или на «сломе» культурных эпох повседневность и элитарность маргинализуют жизненный мир, доводят социальные отношения до антагонизма, разрешающегося в созидании новых общностей, в развитии природы общения, в чем и проявляется диалектический характер человеческой жизнедеятельности. Таким образом, в реальном времени сосуществует конгломерат / иерархическая пирамида общностей (традиционных, переходных и новаторских), исполняющих ту или иную социальную роль, необходимую для функционального единства общностей и социальных действий в период «нормальной» жизни общества.

Обращаясь к анализу заданных аксиологических ориентиров: повседневности и элитарности, их проявленности в общении ограничимся, для постижения повседневности (обыденного, привычного, и в этом смысле простого), функциональным топологическим анализом, постепенно поднимаясь до элитарности (иного / сложного), где должны происходить и происходят качественные изменения человеческой природы, и анализ понадобится значительно более сложный – категориальный (сущностный).

Параллель: категории–топосы в философских картинах мира (и им подобных – синтетических) сходится до топологической связи категорий –

образуется категориальная сетка. Связь категорий (спекулятивная, например: гегелевская триада) в целом индуктивного типа (в идеале диалектика) – движение от абстрактного к конкретному (от пустого к содержательному), являет собой сугубо ментальный конструкт, при условии, что мышление тождественно бытию и первично (по Гегелю).

Топологический же анализ как составляющая математического анализа (аксиоматического по природе) в целом дедуктивного типа (в идеале синергетика) – непрерывное движение от целого к части и обратно (от культурологически заявленного к реальным проявлениям и от проявлений к пониманию целого, если повезет и сложится «узор», фрактальная картинка). Топологические изменения – непрерывные, незаметные флуктуации, приводящие к трансформации функционального качества без изменения сущности. Поэтому топологический анализ как более мягкий на фоне категориального (где развитие / движение всякого объекта состоит «сплошь из скачков» (Ф. Энгельс) и не только представлений / понятий, но и сущностей) позволяет рассчитывать на перспективу интерпретаций и прикладных приложений.

В основание преследуемого здесь топологического анализа можно положить четыре топоса (относительно самостоятельных субъекта непрерывного взаимодействия): природу, человеческое «Я», общество и некоторый метапродукт культуры (императив, абсолют, мораль и т. п.). Заданные топосы коммуникативной среды / пространства обусловлены субъектами коммуникации / культуры: персоны, группы, общности; языком взаимодействия: от сублимации до взаимопонимания; социокультурно-историческим интересом – имеют устойчивый характер, могут быть представлены математически / топологически наглядно в виде модели (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Топологическая картина общения

Профессиональные и/или социальные роли	*Информационно-коммуникативная активность*	*Коммуникативные действия*
«Работник»	Возможно «существование»	Взаимосублимация
«Неспециалист»	Возможно «реагирование»	Взаимоотражение
«Специалист»	Возможно «информирование»	Взаимоинформирование
«Профессионал»	Возможно «соглашение»	Взаимодействие
«Индивидуалист»	Возможен «договор»	Взаимоудовлетворение
«Универсал»	Возможен «диалог»	Взаимопонимание

Таким образом, предлагаемая трансдисциплинарная метатеоретическая модель общения обосновывается иерархически, методологически и достраивается по принципу топологической непрерывности. Причем, реальное общение подчинено комплексу коммуникативных действий, вне зависимости

от фактически исполняемой профессиональной и/или социальной роли и можно лишь говорить об акцентуации той или иной роли при реализации запрашиваемой возможности информационно-коммуникативной активности.

Список литературы

1. *Ермолович, Д. В*. Общение как деятельность, коммуникация как социальное действие / Д. В. Ермолович // Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании. Организационная коммуникация – 2016: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. – Минск, 2016. – С. 104–106.

2. *Князева, Е. Н*. Пробуждающее образование / Е. Н. Князева // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – С. 369–387.

«НЕ ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР»: ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ И ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ

Жук Екатерина Ивановна
Белорусский государственный университет, Минск

Телефон является наиболее привычным для нас средством связи, которое вошло в жизнь человечества намного раньше, чем сеть Интернет. Удобство телефонного разговора состоит в возможности голосовой передачи информации, при которой смысл не деформируется письменным текстом. Если связь с помощью Skype предполагает отдельное подключение к интернету, обращение к компьютерным технологиям, то телефон является как бы продолжением руки. На противоположном конце провода – Другой, у которого есть прекрасная возможность ответить, опять же прибегая к самому естественному средству связи – своему голосу. Нам не приходится обращать мысли в письменный текст, ожидаемый ответ доставляется практически мгновенно, и телефон передает все голосовые модуляции, доступные нам в разговоре лицом к лицу. Итак, вывод напрашивается сам собой: телефон удобен как средство коммуникации. Имеет ли смысл критика, ищущая негативные аспекты телефонных бесед? Отойдем от очевидности того, что в телефонном разговоре для нас скрыта внешность собеседника. Стоит задуматься о том, способен ли телефон в принципе создать пространство подлинного разговора или же передача смысла в телефонной коммуникации – только иллюзия? В таком случае, нам следует выяснить, в чем состоит суть разговора, какова цель человеческой беседы.

Обратимся к герменевтической традиции в лице Ганса-Георга Гадамера. Разговор представляет собой возникающее пространство взаимодействия с Другим, имеющее своей целью обоюдное проговаривание смысла и достижение понимания. В разговоре необходимо достичь понимания сути дела, а это возможно лишь при обоюдном желании. Подчеркнем: комфорт Другого и стремление его вести диалог напрямую влияют на формирование пространства беседы, желание же одного человека вступить в беседу не является достаточным для возможности реализации смысла. Статья «Неспособность к разговору» посвящена деградации способности вести беседу в современном обществе. К одному из феноменов, способствующему забвению этой способности, философ относит распространение телефонной связи. Он пишет, что обеднение беседы в общении по телефону действительно близких людей не является особенно заметным. Но между такими людьми уже существует неразрывная общность стремления к пониманию, то есть в них уже присутствует желание вступить в разговор друг с другом. Такая общность обеспечена опытом естественного завязывания беседы, когда двое трепетно прислушиваются к нарастающему желанию друг друга начать беседу. Этого лишены люди, в чью жизнь ворвался телефонный звонок. Телефонная связь, разрывающая пространство и экономящая время, часто необходима для

общения не очень близких, иногда и вовсе не знакомых людей. Таким людям необходима быстрая передача информации лицу на другом конце провода – но как часто не удается «договориться» по телефону! Такая ситуация возникает из-за отсутствия опыта постепенного прислушивания к Другому, ведь мы не обрели с ним тонких нитей, связующих нас через желание вести беседу. Х.-Г. Гадамер пишет: «Любой телефонный звонок отмечен жестокостью вмешательства в чужую жизнь, даже если твой собеседник заверяет тебя в том, что рад звонку» [1, с. 84]. Телефонный звонок врывается в нашу жизнь или в жизнь Другого. Один из собеседников, таким образом, не готов к ведению беседы – он взволнован телефонным звонком, который всегда раздается неожиданно, потому что далекий собеседник «вдруг» возникает рядом с тобой. Можно сказать, что и сам звонящий не склонен к ведению подлинной беседы – он слегка обеспокоен своим вмешательством в жизнь Другого, а кроме того спешит передать информацию, которую несет в себе заранее. Таким образом, информация, переданная по телефону, оказывается, в некотором смысле, обездушенной и обесцененной – ей не хватает доли согласия и трепетности, достигнутых терпеливой беседой двух людей. Звонящий скорее стремится «сбыть с рук» информацию, которая, как он считает, важна для Другого; принимающий звонок ошеломлен тем, что в его руках оказывается как бы недосмысл, о котором не было договорено. Следовательно, в телефонной коммуникации очень редко можно ожидать актуализации смысла. Такое положение вещей легко проследить в нашей повседневной жизни, где важные разговоры редко ведут по телефону. Когда мы не просто хотим быстро передать информацию, но желаем, чтобы в разговоре осуществился смысл – мы стремимся встретиться с человеком лицом к лицу, сообщая собеседнику: «Это не телефонный разговор». Собеседник уже встревожен звонком, он не готов к разговору – поэтому считается не этичным сообщать плохие вести по телефону. Люди, общающиеся по телефону, в определенной мере разобщены, оба собеседника взъерошены посторонним механизмом, разрушающим их близость. И, в целом, телефонным собеседникам трудно заботиться о сути дела – невидимые нити их понимания разрываются механизмом телефонной связи.

Конечно, критика телефонной коммуникации не заключает в себе призыва к отказу от телефонных аппаратов. Это, скорее, призыв чаще находить время для не телефонных разговоров. В современном мире знакомые и необходимые друг другу люди часто разделены огромными пространствами. Время также все еще властвует над нами. Иметь хоть какую-то связь, находясь на разных материках – важно. «Успеть» – это иногда является наиважнейшей задачей человека. В таких случаях телефон является нашим постоянным помощником. И забота, которую мы желаем проявить по отношению к близкому человеку, способна прокладывать для себя разные пути. В том числе, сквозь телефонные аппараты.

Список литературы

1. *Гадамер, Г.-Г.* Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер. – М.: Искусство, 1991. – 367 с.

КОММУНИКАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Кириллова Анастасия Владимировна
Белорусские государственный университет, Минск

Процессы модернизации начала XX века, рост городов, предприятий, развитие научного знания, технологический прогресс привели к изменениям в традиционном общественном укладе, в котором религия играла важную роль. Эти изменения убеждали исследователей и общество в том, что в религии, в религиозности больше нет смысла и пользы, что религиозное естественным путем уступит место научному, светскому мировоззрению: «Вплоть до недавнего времени среди исследователей, а под их влиянием и в публичном пространстве доминировало представление, согласно которому религия и современность не совместимы: чем больше одного, тем меньше другого, и наоборот» [4].

Однако события конца XX – начала XXI века поставили по сомнение идею о маргинализации религии, ее упадке и исчезновении. Число и острота религиозных конфликтов не снижаются. Религиозные чувства и смыслы часто используются для манипуляции общественным сознанием, становятся источником социального напряжения и социальных рисков. Растет число новых нетрадиционных форм религиозности, стабильно развиваются новые религиозные движения. Исследования показывают стабильно высокий уровень религиозности людей: данные всемирного опроса, проведенного институтом Gallup International WIN в рамках проекта «Глобальный Барометр Надежды и Отчаяния» (*Global Barometeron Hopeand Despair*) показывают, что больше половины (59 %) населения планеты считают себя религиозными людьми, а каждый пятый (23 %) не идентифицирует себя с какой-либо конкретной организацией и не соблюдает ритуалы, но верит в Бога или высшие силы [9].

Современные исследователи вслед за Ю. Хабермасом стали говорить о новом постсекулярном мире, в котором религиозное «сотрудничает» со светским. Тем не менее, некорректно говорить о том, что происходит некий возврат в сакральный мир, и религия вновь становится той «священной завесой» П. Бергера, которая покрывала «самотождественный» мир и делала его осмысленным. Скорее речь идет о мире постсекулярном, где происходит «переформатирование» условий повседневности и существования веры, изменение контекста и форм духовного поиска [4, с. 398]. Духовные потребности людей так же актуальны, духовные вопросы так же остры как и раньше, однако многие традиционные формы религиозной жизни и традиционные формы взаимодействия с религиозными институтами не могут быть восприняты адекватно: «Религия возвращается <…>, но она возвращается не на пустое место, а в ландшафт, сформированный процессами секуляризации. И так как мы находимся внутри этого процесса, то до сих пор непонятно, какие именно формы примет это «возвращение»-исчезновение» [5].

Одной из характерных особенностей современности, по мнению Бергера, является плюрализм, а не секуляризация: «Ошибка, я думаю, может быть описана как смешение категорий: Современность – это не обязательно секулярность, но это обязательно плюрализация. Современность характеризуется растущей множественностью внутри одного общества разных верований, ценностей, мировоззрений. Плюралистичность конечно же бросает вызов всем религиозным традициям, каждая должна справиться с фактом, что «все эти другие» не в далекой стране, а прямо у соседней двери» [8].

Плюрализация приводит к появлению «рынка идеологических проектов» и «рынка религий» [6], на котором любая религиозная организация становится конкурирующим субъектом, а в обществе формируется потребительская установка по отношению к религиозным организациям: «<…> человек начинает рассматривать религиозные идеи или обряды как товар (услуги), который он начинает оценивать по принципу «что это мне может дать». Не религия диктует человеку, каким ему быть, но человек религии. Сами религии, как гласит рассматриваемая модель, не остаются безучастными к тому, что с ними происходит. Секуляризация приводит к ряду изменений самих религиозных организаций: экуменические настроения <…>, бюрократизация <…>, профессионализация <…> приспособление религиозных идей к светским ценностям и т. д.» [6] Маркетинг становится частью деятельности религиозных организаций. Одни используют его более открыто, другие скрыто, но отвергать данный факт уже не представляется возможным.

Взаимоотношения маркетинга и религии, религии и бизнеса – вопрос, который вызывает много дискуссий. Сама постановка понятий «религия» и «маркетинг» рядом часто вызывает возмущение у верующих людей, у представителей религиозных организаций. До 50-х годов XX века данный вопрос если и рассматривался, то косвенно, в контексте исторических событий и в рамках соответствующего дискурса. В 1999 году П. Бергер публикует статью «Церковь как предприниматель» (McJesus Incorporated), в которой пишет: «Между христианской Церковью и миром, где действует компания McKinsey, нет прямых родственных связей. Я не единственный, для кого неприемлемо выражение "Коммерческое предприятие Церковь" или Церковь как "McJesus, Incorporated". Такие понятия, как "менеджмент" и "маркетинг", невозможно прямо перенести на церковную торговую деятельность, но в интересах самой Церкви было бы разумно использовать некоторые представления и практические навыки, которые приходят из делового мира. Тому, что они вообще становятся предметом обсуждения в церковной среде, мы обязаны триумфу капиталистической экономики. Так что проблема, обозначенная как "Церковь при капитализме", нуждается в трезвом, насколько это возможно, рассмотрении» [2].

Церковь может использовать инструменты и принципы маркетинга в своей деятельности; маркетинг может использовать религиозные символы и идеи в своей сфере. Маркетинг появляется там, где появляется рынок и конкуренция. Современный мир – это рынок идей, и всем, в том числе религиозным

организациям приходится конкурировать за своих последователей, ресурсы, влияние.

Поскольку религиозные организации отличаются от других видов организаций прежде всего тем, что ядром их деятельности является вероучение, в котором центральное место занимает сакральное, вера в Бога, в невидимое, и это вероучение представляет собой картину мира, в которой есть ответы на все внутренние и внешние вопросы, т. е. вероучение покрывает все сферы повседневной жизни человека: телесной, душевной и духовной. Вероучение – это ядро, в которое непросто внести изменения; процесс, требующий времени, переговоров, аргументации, сопряженный с высокими внутрицерковными и социальными рисками: вероятностью расколов, появления ересей, недовольством верующих, смутой, социальной напряженностью и т. д. Таким образом, что может изменить церковь, не меняя вероучение? Она может изменить форму подачи, те самые коммуникационные стратегии, позицию, риторику, целевые группы.

В то же время, говорить о религиозных организациях как о субъектах рынка в чистом виде и применять маркетинговые принципы, терминологию как они применяются в бизнесе, в организационном управлении и организационной коммуникации не совсем корректно, поскольку религия все же является очень специфическим социальным институтом, само понятие сакрального как ядро религиозного делает религию особенной сферой общественной жизни.

Соединение всех вышеописанных факторов создает новые, особые условия существования религиозных организаций и требует от них новых стратегий взаимодействия со светским обществом, государством, своими последователями, другими религиозными организациями, т. е. со всеми внешними и внутренними целевыми аудиториями, в том числе новых коммуникационных стратегий.

Понятие стратегии широко используется в научном, управленческом и повседневном дискурсе, однако научного, операционализированного представления о том, что такое стратегия, из каких элементов она складывается, по каким параметрам ее можно описать, оценить, сравнить для организации любого типа, в любой сфере деятельности нет. Каждая наука, каждая область использует понятие стратегии операционально, исходя из целей и задач своей области или конкретной организации. В теории управления определить и операционализировать понятие стратегии, определить этапы ее формирования, реализации и оценки пытались несколько крупных научно-практических школ, но все они рассматривали коммерческие организации и, в основном, организации с собственным производственным циклом, а некоммерческие организации и организации, работающие с «идеологическими проектами», в том числе религиозные, оставались вне поле зрения, и большая часть разработанных стратегий и терминологии им не подходит.

В то же время, некоторые из авторов, например, И. Ансофф, уже тогда упоминали важность разработки стратегии для некоммерческих организаций, особенно в «эпохи перемен»: «Открытое провозглашение новой стратегии

становится необходимым и тогда, когда требования со стороны общества заставляют организацию резко менять свои ориентиры. Именно это происходит в наши дни во многих организациях вне предпринимательского сектора: церквах, университетах, государственном аппарате» [1, с. 30].

Попытку обобщить достижения и разработки разных школ управления предпринял Г. Минцберг в своей статье «Пять «П» стратегии» (*Five Ps for Strategy*). Анализируя существующие определения, он объединяет их в пять подходов к пониманию и определению понятия «стратегия»: 1) стратегия как план (plan); 2) стратегия как паттерн (pattern); 3) стратегия как прием (ploy); 4) стратегия как позиция (position); 5) стратегия как перспектива (perspective).

По мнению Минцберга, наиболее распространено понимание стратегии как плана, т. е. «вид сознательно и намеренно разработанной последовательности действий, путеводная линия (или ряд таких линий), которой придерживаются в конкретной ситуации» [3]. Стратегия как паттерн представляет собой и заранее продуманную, и выстраивающуюся по ходу развития событий последовательность в поведении. Таким образом, определение стратегии как плана и как паттерна могут быть вполне независимы друг от друга: планы могут не реализоваться, в то время как паттерны могут появляться безо всякого предварительного обдумывания. Другими словами, стратегия может представлять из себя некую схему действий, которая сложилась в результате действий человека или организации и может быть описана и проанализирована только после ее реализации. Подход, в котором стратегия рассматривается как прием, делает акцент на поиск конкурентного преимущества и в данном случае представляет собой неординарный способ превзойти конкурентов, побудить их принять ошибочные решения или ввести в заблуждение. Следующий подход рассматривает стратегию как позицию, т. е. как инструмент посредничества между организацией и ее внешней средой, который должен определить место организации на рынке и транслировать целевым аудиториям ту информацию об организации, которая ей выгодна. Наконец, стратегия как перспектива – это представления о миссии, деятельности и развитии организации, которые принимаются и транслируются в намерениях, решениях и действиях всех членов организации.

Минцберг делает акцент на том, что в каждом из этих подходов есть свои слабые и сильные стороны и особо отмечает, что «… все стратегии представляют собой абстракции, существующие только в умах заинтересованных сторон. Важно не забывать, что еще никому не удавалось увидеть стратегию или потрогать ее. Всякая стратегия – это изобретение, фантазия, продукт чьего-то воображения, вне зависимости от того, разрабатывается она намеренно для регулирования поведения в будущем или же извлекается из прошлого опыта» [3]. С одной стороны, это делает операционализацию понятия стратегия крайне сложным, с другой стороны, каждый из описанных подходов содержит в себе ряд операциональных элементов, которые в совокупности и в системе могут составить общую модель

стратегии, которую можно будет применить для описания, анализа, сравнения и оценки для организаций любого типа, в том числе и религиозных.

Стратегический характер деятельности организации подразумевает, как правило, наличие системы стратегий разного уровня: от общей стратегии деятельности организации, ее миссии до коммуникационной стратегии, которая обеспечивает взаимодействие организации с внешней средой. Все стратегии организации должны представлять собой систему, где стратегии всех уровней связаны друг с другом и изменяются совместно.

Коммуникационная стратегия организации как понятие возникло в рамках теории и практики маркетинга и маркетинговых коммуникаций для обозначения комплекса мер, инструментов продвижения продукта компании целевым аудиториям: покупателям и потребителям. К сожалению, несмотря на активное развитие некоммерческих организаций в современном мире и на активное обсуждение важности и значимости внутренних и внешних коммуникаций организаций, – понимание, определение и операционализация коммуникационной стратегии (КС) остается в рамках этого подхода 50-х гг. XX века, либо КС определяется слишком узко для каких-либо очень узких целей (разработки рекламного сообщения, проведения корпоративного праздника и т. д.). В то же время наработки теории и практики маркетинга и маркетинговых коммуникаций можно использовать для операционализации, описания, анализа и сравнения коммуникационных стратегий религиозных организаций.

Под коммуникационной стратегией религиозной организации мы будем рассматривать план её взаимодействия со своими целевыми аудиториями для достижения поставленной цели.

Для описания КС церкви мы предлагаем использовать схему описания, которая включает в себя следующие ключевые элементы:

1. ключевой вопрос разработки и описания коммуникационной стратегии – определение цели (целей) коммуникации, поскольку определяет форму и содержание взаимодействия организации с целевой аудиторией. В самом общем виде коммуникационные цели религиозных организаций могут касаться информирования целевых аудиторий (о деятельности организации, о событиях, связанных со сферой интересов организации, о проводимых мероприятиях, о позиции организации по каким-либо вопросам и т. д.), формирование общественного мнения по вопросам, связанным со сферой деятельности организации; побуждение аудитории к каким-либо действиям (помощь, участие в мероприятиях, сбор средств и т. д.). Кроме того, при описании данного параметра КС необходимо выявлять цели, которые стоят за коммуникационными целями, т. е. цели более высокого уровня: миссионерские, культурные, маркетинговые, политические, социальные и т. д. Выявление коммуникационных целей церкви является первым шагом в описании и анализе ее коммуникационных стратегий;

2. целевые аудитории: а) на какие целевые группы нацелена коммуникация церкви б) есть ли сегментация по целевым группам, или церковь направлена на «всех людей» независимо от пола, возраста, воззрений и т. д. в) почему именно

эти группы интересуют церковь? Как церковь их видит? Каков портрет этих целевых групп? Целевые группы церкви, как и в любой другой организации, делятся на внутренние и внешние. К внутренним группам относятся священнослужители, прихожане, все другие сотрудники организации. К внешним группам относятся государство, общественность, социальные институты, институты гражданского общества, религиозные организации в рамках другой конфессии, религиозные организации в рамках своей конфессии и др.;

3. источник коммуникационной стратегии и источник коммуникации. Поскольку КС как и любая стратегия подразумевает целенаправленность и планирование, то при описании коммуникационной стратегии религиозной коммуникации (КС РО) важно понять, носит ли в целом коммуникация церкви стратегический характер: а) планируется ли коммуникация церкви, включено ли понятие коммуникационной стратегии в ее внутренний дискурс и т. д.; б) есть ли в церкви отдел, специалисты, которые занимаются разработкой стратегии, ее реализацией и контролем эффективности; в) насколько эти процессы структурированы, документированы и т. д., бюрократизированы; г) на основании чего разрабатывается стратегия: проводятся ли исследования «рынка». Для описания КС РО важно также понимать, кто является источником коммуникации с целевыми группами, кто реализует стратегию, от чьего имени публикуются сообщения, кто непосредственно общается с аудиторией, и насколько эти люди понимают стратегический характер коммуникации;

4. каналы коммуникации (телевидение, радио, печатные СМИ, интернет, мероприятия, городское пространство и т. д.). Данный параметр описывает, какие каналы коммуникации со своими целевыми группами использует церковь, почему и существует ли диверсификация каналов в зависимости от целей коммуникации, целевой группы или других элементов стратегии и факторов. При описании КС РО при рассмотрении данного параметра нужно также учитывать и фиксировать степень доступности каждого из каналов коммуникации для религиозной организации;

5. содержание коммуникации является одним из наиболее сложных для описания параметров КС. В этом параметре стратегия начинает реализовываться через сообщения, транслируемые целевым группам. Описание содержания коммуникации включает в себя два больших блока: 1) формат сообщений – вид текста, язык сообщений, стиль, размер сообщения, дизайн (шрифты, цвета, формы) и т. д; 2) содержательные аспекты сообщений – тематика, образы, персонажи, сюжеты и т. д. Для описания КС РО важным является выявление транслируемой позиции или позиций церкви в целом для каждой из целевых групп, а также то, какие вопросы и с какой позиции церковь освещает, а какие вопросы остаются вне зоны ее явного внимания. На данном этапе для описания стратегии важно выявить, какие вопросы церковь считает наиболее актуальными для себя, для общества, для государства в настоящее время;

6. обратная связь с целевыми группами. Обратная связь может быть проанализирована с точки зрения возможности ее осуществления, ее наличия и содержания. Каждый из каналов коммуникации предоставляет свои инструменты обратной связи, однако при описание данного параметра важно в большей степени то, интересует ли РО реакция целевых групп на ее сообщения и действия, по каким каналам они могут эту реакцию высказать и т. д.

Описание данных параметров может сложиться в целостное описание коммуникационной стратегии религиозной организации только при условии анализа связей между элементами стратегии и факторами, которые на них влияют. Для выявления КС РО, их описания и анализа нужен доступ к внутренним информационным ресурсам организации: организационным документам, сотрудникам, которые участвуют в разработке и реализации стратегии. Религиозные организации, как правило, представляют собой закрытую организационную среду и такой доступ не всегда возможен для исследователя, поэтому для изучения КС РО целесообразно использовать качественные методы: экспертное полуструктурированное интервью, обоснованную теорию. Для анализа внешней части КС РО подойдет контент-анализ, поскольку КС воплощается в больших массивах сообщений, анализ которых может выявить соответствие декларируемой стратегии – реализуемой, и в дальнейшем оценивать эффективность стратегии.

Список литературы

1. *Ансофф, И.* Стратегическое управление / И. Ансофф. – М.: Экономика. – 1989. – 520 с.
2. *Бергер, П.* Церковь как предприниматель / П. Бергер // НГ-религии. – [Электронный ресурс]. –2003. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_religii/2003-08-06/7_strategy.html. – Дата доступа: 13.03.2017.
3. *Минцберг, Г.* Стратегический процесс: концепции, проблемы, решения / Г. Минцберг, Д. Б. Куинн, С. Гошал. – СПб: Питер. – 2001. – 688 с.
4. *Тейлор, Ч.* Секулярность и религия / Ч. Тейлор // Страницы. – 2014. – Том 18. – Вып. 3. – С. 395–410.
5. *Узланер, Д.* Картография постсекулярного [Электронный ресурс] / Д. Узланер // Отечественные записки, 2013. – №1(52). – Режим доступа: http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo#_ftn6. – Дата доступа: 10.03.2017.
6. *Узланер, Д.* Новое видение секуляризации [Электронный ресурс] / Д. Узланер // Русский журнал. – 2008. – Режим доступа: http://russ.ru/pushkin/Novoe-videnie-sekulyarizacii – Дата доступа: 12.02.2016.
7. *Узланер, Д.* От секулярной современности к множественным: социальная теория о соотношении религии и современности / Д. Узланер // Государство. Религия. Церковь, 2012. – №1(30). – С.8–32.
8. *Berger, P.* Secularization falsified / P. Berger // First things. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.firstthings.com/article/2008/02/secularization-falsified. – Дата доступа: 12.01.2017.
9. Global index of religiosity and atheism // WIN Gallup International [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wingia.com/web/files/news/14/file/14.pdf. – Дата доступа: 13.12.2014.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО МАРКЕТИНГА В КОММУНИКАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ БРЕНДА

Колик Алексей Валентинович
Белорусский государственный университет, Минск

В коммуникационной стратегии бренда в настоящее время существенную роль играет социальный маркетинг, позволяющий налаживать коммуникацию с целевыми аудиториями. Бренд в данном контексте понимается не просто как некий материальный объект, а как определенная ментальная конструкция. Е. А. Рудая пишет, что «бренд – более широкое понятие и представляет собой своеобразную ментальную конструкцию, формируемую в сознании потребителя в результате мифологизации потребительских свойств товара. Бренды формируются мнениями, чувствами, эмоциями и воображениями, поэтому применение термина «бренд» ограничено лишь тем, как его воспринимают потребители и что они думают и чувствуют в связи с брендом» [3, с. 21].

Социальный маркетинг является одним из самых перспективных направлений в маркетинге XXI века. Переход развитых государств на стадию информационного общества предполагает актуализацию тех направлений маркетинга, которые способны обеспечить современные потребности людей, вызовы времени. Для XXI века характерна тенденция распространения механизма рыночных отношений на некоммерческие отношения в обществе. Нужды и потребности, спрос и предложение, обмен и рынок точно так же действуют во всем спектре социальных отношений, которые, тем не менее, не имеют непосредственной связи с институтами денег и частной собственности. Реализация в обществе политических, социальных и культурных проектов, – как на уровне государства, так и гражданского общества, – становится более эффективной, когда эти проекты начинают позиционироваться как квази-рыночные продукты. Именно на этом принципе гуманитарного успеха по аналогии с коммерческим успехом и строится социальный маркетинг.

Социальный маркетинг был выделен как один из видов маркетинга в 70-х годах XX века, хотя в действительности имеет более длительную историю. Филип Котлер (Philip Kotler) и Джеральд Зальтман (Gerald Zaltman) в 1971 году применили этот термин для описания маркетинга в сфере здравоохранения и улучшения качества жизни, социальной среды.

Методология, понятийный аппарат, принципы социального маркетинга в настоящее время находятся на стадии формирования. Пока рано говорить о нем как об окончательной сложившейся системе. Некоторые понятия, методы социального маркетинга взяты из традиционного маркетинга. Например, такими являются сегментирование, нацеливание, позиционирование.

Филип Котлер понимает социальный маркетинг не как односторонний процесс коммуникации (организация – потребитель), а как полноценное многостороннее общение, учитывающее интересы и нужды организации, потребителей и общества в целом. Социальный маркетинг построен на том, что

принципы маркетинга, которые применяются для продажи товаров, могут быть использованы для «продажи» идей, мнений, установок. При этом отличие от традиционного маркетинга состоит в том, что маркетолог действует не для пользы своей организации, а для пользы самой целевой группы или всего общества.

Социальный маркетинг, продуктом которого выступают идеи, программы, личности, социальная деятельность и услуги в первую очередь ориентирован на получение позитивных социальных изменений в обществе и обеспечение положительной реакции потребителей.

Необходимо выделить следующие признаки социального маркетинга:

– пропаганда социальных проблем, повышение степени внимания к той или иной социальной проблеме;

– информирование о методах, инструментах решения проблемы;

– привлечение необходимых ресурсов для решения этой проблемы.

А. В. Решетников указывает, что «… основные отличия социального маркетинга от классического заключаются в следующем.

I. Конечная цель социального маркетинга – благополучие потребителей, а не просто удовлетворение их краткосрочных нужд.

II. В ходе выполнения плана мероприятий по социальному маркетингу первоочередным является обеспечение долгосрочного благополучия общества в целом и в том числе индивидуальных потребителей» [2, с.15].

Профессор социального маркетинга Университета Стирлинга (University of Stirling) и директор Института социального маркетинга Джеральд Хастингс (Gerard Hastings) считает, что отличие социального маркетинга от коммерческого проявляется в специфике коммуникаций и основано на трех идеях:

– социальные маркетологи мыслят в категориях коммуникаций, а не трансакций;

– эти коммуникации связаны не только с потребителями, но и с поставщиками, стейкхолдерами, конкурентами, персоналом;

– результаты работы оцениваются не согласно цифрам продаж, а по значениям качества обслуживания [4].

Филип Котлер и Нэнси Ли в своей книге «Маркетинг для государственных и общественных организаций» определяют социальный маркетинг следующим образом: «Социальный маркетинг – это использование принципов и методов маркетинга для оказания такого влияния на целевую аудиторию, которое бы убедило ее добровольно принять, отвергнуть, модифицировать или прекратить определенное поведение в интересах отдельных людей, групп или общества в целом. Цель социального маркетинга – повышение качества жизни» [1, с. 240].

По мнению известного специалиста в данной сфере Недры Клайн Вайнрейх (Nedra Kline Weinreich) в социальном маркетинге, помимо традиционных 4P (Product, Place, Price, Promotion) комплекса маркетинга, присутствуют дополнительные 4P, которые характерны именно для социального маркетинга.

– Product – продукт. В социальном маркетинге маркетологи могут заниматься реализацией как осязаемых продуктов (например, здоровое питание), так и неосязаемых (идей, услуг). Маркетолог, занимающийся социальным маркетингом, ставит проблему и объясняет, как ее можно решить.

– Price – цена. В социальном маркетинге цена может иметь реальное денежное выражение или иметь неосязаемое выражение в виде затраченного времени, усилий, риска осуждения или неодобрения. Также существует специфика формирования цены, при которой цена продукта может не предполагать получения прибыли.

– Place – место. В отличие от маркетинга осязаемых продуктов, где речь идет о системе доставки товара до потребителя с использованием автомобилей, складов, магазинов, в социальном маркетинге продукт неосязаем, и его каналы «доставки» до потребителя выглядят по-другому. Например, «доставка» осуществляется в кабинете врача, посредством СМИ или на митинге.

– Promotion – продвижение. Продвижение в социальном маркетинге осуществляется через различные средства. Сюда включается реклама, PR, организация событий (ивентов), персональные продажи, организация общественных компаний.

Дополнительными 4P являются: Publics (группы), Partnership (партнерство), Policy (политика), Purse Strings (фонды).

– Publics – социальный маркетолог в своей работе постоянно имеет дело с необходимостью влиять на различные социальные группы, которые могут быть как внешними (external), так и внутренними (internal). К внешним группам относятся: целевая аудитория, вторичная аудитория (оболочка целевой аудитории), стейкхолдеры, лидеры мнений. А к внутренним группам принадлежат люди, непосредственно вовлеченные в реализацию программ социального маркетинга.

– Partnership – реализация социальных программ часто требует привлечения к ним многих организаций. Маркетологу необходимо уметь найти те организации, участие которых будет наиболее полезно для достижения успеха, обеспечить необходимое влияние на них, координировать их совместную работу.

– Policy – для того, чтобы определенные социальные программы могли быть успешными в некоторых случаях необходима поддержка со стороны политических деятелей, организаций. Для ряда проектов эта поддержка может иметь решающий характер.

– Purse Strings – социальные программы нуждаются в финансовой поддержке в виде грантов, пожертвований, целевом финансировании. Для обеспечения финансовой поддержки социальные маркетологи обращаются к помощи фондов [5].

Социальный маркетинг применяются во всех секторах социума:

– государственные организации применяют его в целях продвижения социально-полезных идей, продуктов, услуг;

– некоммерческие общественные организации ставят своей задачей привлечение других организаций, граждан к решению той или иной социальной проблемы;

– коммерческие компании заинтересованы в одновременном продвижении своих брендов и социальных ценностей.

Государство, в первую очередь, заинтересовано в развитии социального маркетинга. Именно государство является инициатором основных кампаний по социальному маркетингу. Приоритетом государства при этом является маркетинг государственных услуг, составляющих базовые функции государства. В настоящее время сформировалась концепция устойчивого развития государств, предполагающая обеспечение факторов стабильного существования и развития государства как общественного блага.

Современный этап развития социальных институтов, включая институт денег и частной собственности, на которых основывается рыночная экономика, демонстрирует определенные изменения в восприятии роли государства в регулировании всего спектра социальных отношений в обществе. Очевидно, что эта роль возросла. Происходит осознание необходимости постоянного контроля и при необходимости регулирования складывающихся моделей поведения в обществе. Прежнее упование на саморегулирующий потенциал рынка, когда нежизнеспособные социальные формы поведения будут отмирать без существенных негативных последствий для всего общества, уходят в прошлое.

В обществе необходим постоянный мониторинг ситуации, корректировка существующих социальных программ государства, а также разработка и продвижение новых социальных продуктов в обществе, направленных на переориентацию поведенческих установок, формирование позитивных потребностей.

Большой вклад в развитие социальных проектов вносят некоммерческие общественные организации. Общественные организации составляют так называемый третий сектор общества, они не относятся к государственным или коммерческим организациям и представляют собой добровольные объединения граждан, созданные в целях решения насущных социальных проблем. При этом они не преследуют цели достижения коммерческого успеха, являются неприбыльными.

Во всем мире известна деятельность таких организаций как Международный Красный крест, ЮНИСЕФ (Детский фонд ООН), Врачи без границ, Международный детский фонд, Международная общественная организация охраны природы (Гринпис), Всемирный фонд дикой природы (WWF).

Примером активности в сфере социального маркетинга является деятельность Международного детского фонда. Международный детский фонд (Child Fund International) – международное агентство развития, оказывающее помощь более чем 15 миллионам детей и их семей в 31 стране мира. Проекты и программы Международного детского фонда направлены на создание условий

для полноценного эмоционального, физического и социального развития детей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Фонд стал одним из ведущих международных агентств развития, программы которого содействуют решению наиболее острых глобальных проблем, затрагивающих детей и их семьи, – таких как бедность, насилие в отношении детей, распространение эпидемии ВИЧ/СПИДа, региональные конфликты, стихийные бедствия. Фондом была проведена информационная кампания по предупреждению жестокого обращения с детьми в семье.

Социальный маркетинг всегда применяется там, где присутствуют актуальные проблемы общества. Например, Филип Котлер в своей книге «Маркетинг для государственных и общественных организаций» приводит пример стимулирования приобретения экологически безвредных продуктов: «Первая в мире программа экологической маркировки была разработана в Германии в 1997 году для того, чтобы эффективнее убеждать потребителей отдавать предпочтение экологически безвредным продуктам перед всеми прочими продуктами данной категории. Изображение немецкого «голубого экологического ангела» имеется теперь более чем на 4000 продуктах (исключение составляют лишь продукты питания и фармацевтическая продукция), обладающих позитивными экологическими характеристиками.

Товары, претендующие на получение соответствующей маркировки, должны получить одобрение Комитета по защите окружающей среды, который выносит свое решение на основе вердикта Экологического жюри, состоящего из представителей отрасли, экологических организаций, профсоюзов, церкви и государственной власти. Критериями отбора являются эффективность использования ископаемых энергоносителей, использование альтернативных продуктов с меньшим воздействием на климат, сокращение выбросов газов, вызывающих парниковый эффект, и экономия природных ресурсов. Товары, прошедшие отбор, впоследствии проходят проверку на соответствие экологическим стандартам каждые 2-3 года» [1, с.113].

Многие коммерческие организации осознали, что помимо получения прибыли они должны участвовать в реализации социальных проектов, демонстрировать свою активную социальную позицию, социальную ответственность. Существующий рейтинг социальной ответственности компаний демонстрирует их желание участвовать в социальных проектах. Среди компаний с самым высоким рейтингом социальной ответственности находятся ведущие мировые компании Hewlett-Packard, Microsoft, IBM, 3M, UPS, FedEx, General Electric. Известным примером социального маркетинга является партнерство компании British Airways и Детского фонда ООН (UNICEF). Их совместная кампания «Change for Good» («Сдача во благо») была направлена на оказание помощи детям. В ходе кампании пассажирам рейсов British Airways предлагали пожертвовать на благотворительные цели денежные средства, которые остались у них после путешествий.

Один крупнейших в мире производителей продуктов питания и напитков компания Nestle позиционирует себя как эксперта в области правильного

питания и здорового образа жизни. Кредо компании – делать жизнь лучше, предлагая потребителям только качественные продукты.

Деятельность компании осуществляется в рамках концепции корпоративной социальной ответственности «Создание общих ценностей». Ее суть заключается в создании ценностей не только для акционеров, но и для общества в целом. Компания Nestle старается донести до потребителей свою позицию в отношении правильного питания и здорового образа жизни, поэтому она следуют подробным «Принципам коммуникации». Например, компанией реализуется глобальная образовательная программа «Здоровые дети», под эгидой которой проводятся мероприятия, приобщающие детей к режиму питания, активному образу жизни и правилам гигиены. На данный момент программа проводится в 75 странах мира.

Известным примером партнерства коммерческой и общественной организации стала совместная акция итальянского отделения компании Procter&Gamble и благотворительной организацией ACTIONAID. Для помощи жителям Эфиопии в снабжении водой была проведена реклама стирального порошка Dash. Внутрь каждой упаковки порошка вкладывалась листовка, призывающая покупателей пожертвовать деньги на решение поставленной социальной проблемы. Покупатели же в качестве компенсации получали в подарок музыкальные компакт-диски.

Также хорошо известен пример спонсорства компании Harley Davidson, выпускающей известные во всем мире мотоциклы, ассоциации против мускульной дистрофии. Компания продемонстрировала, что она заботится не только о здоровых и сильных молодых людях, которые являются основными потребителями продукции Harley Davidson, но и о тех людях, которые ограничены в движениях по причине тяжелого недуга.

Свой вклад в борьбу со СПИДом внесла одна из ведущих индийских фирм – компания Tata Steel, которая осуществила ряд инициатив по повышению уровня осведомленности об этом заболевании в штате Джаркханд.

Наибольшую активность в сфере социального маркетинга в Республике Беларусь проявляет государство. Государство стало инициатором привлечения общества к решению таких острых социальных проблем как торговля людьми, алкоголизм, наркомания и других. С этой целью была проведена большая информационная работа с привлечением средств массовой информации, рекламы.

К социальному маркетингу подключились и белорусские предприятия. Например, белорусское предприятие «Пинскдрев», производящее мебель, провело социальную акцию под названием «Уютно на душе – уютно дома». Главная ее задача – помочь тем детям, которым не хватает внимания и любви. Во время проведения акции 2 % от вырученных продаж мебели во всех городах, где есть фирменные магазины «Пинскдрева», отчислялись на приобретение подарков детям-сиротам.

С 2017 года реализуется международный выставочный проект «Дорогами Скорины с Белгазпромбанком», который проходит в городах, связанных с

жизнью первопечатника Франциска Скорины (Полоцк, Вильнюс, Краков, Прага, Падуя). Цель проекта состоит в том, чтобы продемонстрировать важную роль белорусской культуры в общеевропейском контексте, он приурочен к 500-летию белорусского книгопечатания. Инициатором данного проекта является ОАО «Белгазпромбанк», который проявляет большую активность в сфере социальных проектов.

Усилия социальных маркетологов направлены на формирование позитивного отношения к бренду, как в глазах своей актуальной и потенциальной целевой аудитории, так и в глазах государственных, общественных организаций, партнеров. Участие в социальных проектах способствует развитию лояльности по отношению к бренду, является эффективным PR-инструментом, влияет на повышение репутации компании в обществе, развитию корпоративного бренда. В современном мире публичная организация не может обеспечить лояльность со стороны потребителей, общества без участия в решении стоящих перед социумом актуальных проблем.

Список литературы

1. *Котлер, Ф.* Маркетинг для государственных и общественных организаций / Ф. Котлер, Н. Ли. – СПб.: Питер, 2008. – 377 с.

2. *Решетников, А. В.* Социальный маркетинг и обязательное медицинское страхование / А. В. Решетников. – М.: Финансы и статистика, 1998. – 336 с.

3. *Рудая, Е. А*. Основы бренд-менеджмента: учебное пособие для студентов вузов / Е. А. Рудая – М.: Аспект Пресс, 2006. – 256 с.

4. Relational paradigms in social marketing. [Electronic Resource]. – Mode of Access: https://www.stir.ac.uk/research/hub/publication/9453. – Date of Access: 03.09.2017.

5. What is Social Marketing? [Electronic Resource]. – Mode of Access: http://www.social-marketing.com/whatis.html. – Date of Access: 03.09.2017.

ПРОЕКТИРУЮЩЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ И СТАНДАРТЫ КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ НАБОР СОЦИАЛЬНЫХ ВЛИЯНИЯ И ДАВЛЕНИЙ

Коневец Светлана Николаевна
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н. Г. Чернышевского,
Саратов

Справедливо утверждение профессионалов, что центральные для человеческой психики концепты отражены в мифических и магических образах, художественных картинах, кинофильмах, в грамматике языков, и это стихийная социализация отношений человека с внешним миром. Концепты и «концептуальные мифы» составляют основу концептуальной картины мира. В начале XX века образ–концепт переносится в живопись, прикладное искусство, архитектуру, литературу и другие проявления творческой активности человека.

Не вызывает сомнения тот факт, что самые важные концепты кодируются именно в живописи, кино, литературе, языке. На языковом уровне это особенно заметно. Так, в последние годы понятие *репутация* всё больше сближается с понятиями «социальная ответственность», «социальное партнёрство», «социальная модель». Модные ныне технологии «социальной ответственности», «социальной миссии» – часто кальки западных технологий развития «рыночной системы человеческого существования», и, вероятно, не смогут во всех западных параметрах успешно реализовываться в России, в том числе по причине иной языковой картины мира. Например, «переводные» программы лояльности, интерпретируемые как программы «благотворительности и популяризации» даже в адаптированном виде не выдерживают критики, что в частности проявляется в терминологическом отношении: поведенческая лояльность, ложная лояльность, латентная лояльность и т. п.

Известная сегодня, «технология лояльности», показывает, что различные «индексы лояльности, детерминанты, стратегическая диагностика» и т. п. по сути, являются ни чем иным, как социальным мифотворчеством, а, правильнее, тем, что в последние несколько лет называют PR-вирусами. В литературе по психологии, юриспруденции, межличностным коммуникациям, рекламе, PR, педагогике, встречаются понятия, сходные по смыслу с термином психовирус, а если быть более точным – PR-вирус. Это: акцептор действия; антиципация; аттитюд; валентность; вектор; желание; имидж; информационная модель; мотив; намерение; образ; прогнозируемое ожидание; потребность; стереотип; установка и др. В реальности, многие социальные установки и стандарты часто напоминают специальный набор социальных влияний и давлений:

а) навязать некий «стандарт» (или использовать имеющийся);

б) «стандарт» является аксиомой. Его нарушение – это табу. Нарушение неприемлемо для «хороших», «порядочных», «добрых» и «честных»;

в) любое нарушение «стандарта» вызывает наказания: юридические, физические или психологические.

Таким образом, стандарты есть ограничения с помощью условных границ, именуемых правилами. Социальная пропаганда, давление группы также ограничивают человека, уменьшают независимость его суждения, вынуждают подменять собственные вкусы и суждения внешними, в том числе и социальными стандартами.

Известно, что концепт, соотносясь, с одной стороны, с мыслительными процессами человека, а с другой стороны – с миром культуры, находит проекции в языке. Так, в рамках когнитивной лингвистики под концептом понимаются «единицы ментального лексикона», возникающие в процессе построения информации об объектах и их свойствах. Причем эта информация может включать как сведения о реальном положении дел в мире, так и сведения о воображаемых (магических) мирах (или мифах), о возможном положении дел в этих мирах, и сведения о том, что человек знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира.

Социализация отношений человека с внешним миром – это тоже своего рода «потребительские» качества. Правда, здесь в роли потребления выступает прямая или косвенная социальная коммуникация, и это уже территория профессионалов – специалистов по связям с общественностью и проектировщиков рекламы. Психолингвистика и особенно её раздел патопсихолингвистика, специальные программы «контент-анализа», «антивируса для психики» или «мгновенного психоанализа и психодизайна» подтверждают, что те, кто проектируют воздействие (идеологическое или рекламное), неизбежно отражают в нём (проецируют) свои бессознательные фантазии, предрассудки и конфликты, т. е. усвоенные PR-вирусы. Влияние бессознательного проектировщиков рекламы и других творцов исторической реальности на продукт их деятельности приобрело наименование информационного метаболизма. Это проблема не только профессиональной компетентности, но профессиональной ответственности. Построение мифологического контекста рекламы или исторических описаний в текстах или наполнение сюжета рекламы (или исторических описаний в текстах) бессознательными фантазиями авторов позволяет эффективно и мягко управлять бессознательными процессами толпы.

Использование «кинематографической» терминологии значимо, поскольку весь процесс – это монтаж–демонтаж–перемонтаж психики (врага, конкурента, клиента и даже, при необходимости, партнёра и т. п.). Эта теория сегодня успешно используется в «Теории мгновенного психоанализа» и в «Практике мгновенного психодизайна». Психодизайн изучает личностного человека в конкретном времени и ситуации, в конкретной культуре и политической системе, масштабов его личной власти.

В психодизайне или властной психологии используются разные методы и технологии, применение которых предоставляет возможность большего разнообразия получаемой информации и, как следствие, возможности более эффективного анализа. Такая толерантность к различным методам и технологиям происходит из междисциплинарной природы властной психологии или психодизайна. Современная же тенденция такова: психодизайнеры занимаются конкретными проблемами: лидерство, терроризм, конфликты, идеология, социализация, правоведение или же частями мира: Ближний Восток, отношения Восток–Запад и т. д. Как один из способов организации разрабатывается функциональная карта взаимоотношений между личностью и источниками власти, которую можно рассматривать как карту информационной и психологической спецоперации. В качестве единицы изучения информационных и психологических спецопераций избираются различные бизнес-образования (концерны, компании, банки, фирмы). Именно они являются организованными носителями информационно-психологического метаболизма – тех экономических, психолого-политических тенденций, которые в неявном виде присутствуют в личном, политическом и других видах сознания и поведении людей [3].

Ряд исследователей [1] отмечает, что главное в современном мире – изменение предметов труда. Человек всегда зарабатывал себе на хлеб, изменяя природу. Благодаря информационным технологиям наиболее прибыльным, наиболее коммерчески эффективным бизнесом стало преобразование живого человеческого сознания – как индивидуального, так и коллективного.

Известно, что именно PR-технологии, в отличие от традиционного маркетинга, приспосабливают не товар к предпочтениям людей, а, напротив, людей к уже имеющемуся товару. Исследователям представляется, что в XXI веке мы находимся только в преддверии небывалых политических, экономических, техносферных и демографических перемен – информационных и психологических спецопераций. Современная реальность Public Relations – один из компонентов социально-информационного контекста. Неотъемлемая часть этой реальности виртуальные информационные «вирусы» и «трояны»: сообщения, персонажи, установки, которые внедряются в современные массмедиа – телепередачи, радиопрограммы, печатные СМИ, рекламу, интернет, кино и видео [2]. Активно воздействуя на аудиторию, они привлекают внимание, влияют на подсознание, на мотивацию и личностные структуры, минуя сознание, обходя барьеры сознательной критики. В рекламе психовирусы довольно навязчиво используются для создания установки на приобретение, покупку товара или услуги. Принимая во внимание специфику проблем, с которыми работают психодизайнеры, необходимо серьёзное обсуждение вопросов социальной ответственности современного бизнеса и необходимости установления этических императивов. Не всегда ясно, как распознать ту степень информационного метаболизма, до которой культурные и политические предрассудки окрашивают бизнес-политику. С точки зрения

собственной психологической иммунной системы, против PR-вирусов у человека есть совесть, здравый смысл, чувство меры.

Продвижению социально-коммуникативных технологий как базовой составляющей концепции социальной корпоративной ответственности бизнеса способствует инициатива передового отряда специалистов рекламы и связей с общественностью, активно развивающих направление социальных коммуникаций.

Список литературы

1. *Делягин, М. Г.* Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис / М. Г. Делягин. – М.: Вече, 2008. – 527 с.

2. *Шеремет, А. А*. Технологии связей с общественностью как способ организации современной социальной реальности: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / А. А. Шеремет. – Омск, 2010. – 154 с.

3. *Юрьев, А. И*. Психология власти / А. И. Юрьев. – СПб.: СПбГУ, 1995. – 370 с.

КАНЦЭПЦЫЯ НАРМАТЫЎНАЙ ВІРТУАЛЬНАСЦІ ПАД ЧАС САЦЫЯЛЬНАЙ КАМУНІКАЦЫІ Ў ІНТЭРНЭЦЕ

Крывалап Аляксей Дзмітрыевіч
Полацкі Дзяржаўны Універсітэт, Полацк

Што значыць нармальнасць у выкарыстанне інтэрнэта сёння? Калі мы свядома адмаўляемся ад прысутнасці ў сацыяльных сетках, у нашым коле сацыяльных кантактаў натуральным чынам узнікае пытанне нашай нармальнасці. Як гэта не карыстацца Facebook, ці быць аматарам кавы і дэсэртаў але без Instagram? Якім чынам мы адчуваем на сабе ціск з боку супольнасцяў, у якія мы ўваходзім, у выглядзе патрабаванняў да нас?

Нормативчая дзейнасць, як складнік сацыяльнага жыцця, з'явілася адначасова з культурай у шырокім сэнсе. Можна сказаць, што сучасны стан культуры прадугледжвае перманентны пошук межаў нармальнасці, а пасля іх знаходжання – пераасэнсаванне гэтых межаў і іх сацыяльна-культурных сэнсаў. Гэты працэс не можа быць завершаны, пакуль з'яўляюцца новыя формы культурнай разнастайнасці. Іншымі словамі – гэта бясконцы працэс. Напэўна, нешта падобнае адбываецца кожны раз, калі мы бачым класічны канфлікт бацькоў і дзяцей, калі новая генерацыя патрабуе рэвізіі наяўных норм ва ўсіх сферах сацыяльнага жыцця.

Калі ў акадэмічных тэкстах сацыяльна-гуманітарнай тэматыкі узгадваецца панятак нормы і закранаецца гісторыя яе з'яўленне, то следам непазбежна ідуць спасылкі на працы Мішэля Фуко. Зразумела, што гэта невыпадкова і тлумачыцца тым, што стварэнне нормаў і кантролю за іх выкананнем, для Фуко вельмі блізка да крыніцы атрымання ўлады, калі кантроль над фізічнай прасторай з'яўляецца крыніцай гэтай улады. І, ў разуменні Фуко, гэта адбываецца на мікрафізічным узроўні. З дапамогай кантролю і дысцыпліны мы ведаем, як трэба нешта рабіць нармальна, а якія дзеянні будуць класіфікаваны як ненармальныя. Асобным пытаннем для Фуко з'яўляецца гісторыя сэксуальнасці як падпарадкавання цела сацыяльным нормам, якія ўзнікаюць у гэтай сувязі.

Нарматыўная віртуальнасць дасяжна для нас не паводле грамадзянскіх правоў, а праз наяўнасць тэхналогій. Прысутнасць у віртуальнай прасторы – гэта не абавязак у адпаведнасці з законам, а нефармальнае патрабаванне. Мы не чакаем пакарання за дзейнасць у віртуальнай прасторы, але пагаджаемся з пастаянным кантролем. Напэўна, прасцей гэта тлумачыцца на прыкладзе выкарыстання мабільных тэлефонаў сёння. Няма закону, які б патрабаваў ад нас мяняць тэлефон кожны год, але нешта падтшутрхоўвае нас да гэтага. Ніхто не прымушае нас да выкарыстання мабільнага інтэрнэту, але правайдэры мабільнай сувязі няўхільна скарачаюць колькасць тарыфных планаў без інтэрнэту. Мы карыстаемся разнастайнымі сэрвісамі і не маем магчымасці адмовіцца ад зменаў ва ўмовах выкарыстання, калі пагаджаемся з кантролем за нашай дзейнасцю.

Нарматыўная віртуальнасць як спалучэнне афлайна і анлайна – гэта наступны крок развіцця «сеткавай сацыяльнасці» ў разуменні Андрэаса Віттэля [1], калі частка сацыяльнага перанесена ў віртуальную прастору.

У пачатку працы над гэтым тэкстам падавалася, што словазлучэнне «нарматыўная віртуальнасць» нікім і нідзе раней не ўжывалася. Аднак чым больш вывучалася гэта пытанне, тым больш глыбокім падаваўся гэты тэрмін. Ралан Барт узгадавае пра «нарматыўную віртуальнасць» у дачыненнні да мовы, спасылаючыся на тэксты Мікалая Трубяцкога, а псіхолаг Жан Піажэ ў 1970 годзе выкарыставаў тэрмін «нарматыўная віртуальнасць» ва ўводзінах да французскай версіі тэксту «Асноўныя напрамкі даследаванняў сацыяльных і гуманітарных навук». Нашая задача – адаптаваць нарматыўную віртуальнасць да сённяшняга дня. У гэтым працэсе нас асабліва цікавіць практыка выкарыстання сучасных тэлекамунікацыйных тэхналогій: інтэрнэт, мабільная сувязь і іншае. Не ў сэнсе адметнасцей міжкультурнай камунікацыі ці ўплыву новых тэхналогій на формы і змест камунікацыі. Нас цікавіць, якім чынам фармуліруюцца і прад'яўляюцца да выканання патрабаванні да выкарыстання ІТ-тэхналогій, але без прымусу.

Выкарыстанне тэрміна «нарматыўная віртуальнасць» дазваляе інакш паглядзець на сітуацыю з развіццём новых інфармацыйных тэхналогій. Мы дапаўняем тэрмін сучасным кантэкстам новых медыя. Калі віртуальнасць пагрозы значыць не толькі яе нематэрыяльны і верагоднасны характар, але і адсылае нас да існавання іншай рэальнасці, якая мае патэнцыял моцнага ўздзеяння на ўсе іншыя рэальнасці. Гэта тое, што М. Кастэльс называў «культурай рэальнай віртуальнасці, дзе выдуманы свет з'яўляецца прыдумкай пад час свайго стварэння» [2, с. 353]. Практыка кантролю з выкарыстаннем мікрафізікі ўлады сведчаць пра іншы, новы характар выкарыстанне віртуальнай нарматыўнасці (не праз забарону і абмежаванне, а праз кантроль). Нарматыўныя віртуальнасць уключае ў сябе і тое, які выгляд мы мусім мець у вачах Іншых у віртуальнай прасторы.

Спіс літаратуры

1. *Wittel, A.* Toward a Network Sociality / A. Wittel // Theory, Culture & Society. – 2001. – № 6 (18). – P. 51–76.

2. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ГРАНИЦЫ АНАРХИЗМА

Кудрякова Инесса Олеговна
Институт философии РАН, Москва

Анархизм как явление представляет собой форму социального действия, направленного на разрушение традиционных, часто принудительных форм власти человека над человеком. В более жесткой форме – в обыденном смысле этого слова, анархизм предстает как отрицание всех способов властного давления, в том числе, всех форм власти государства и, в конечном итоге, представление о социуме без какой-либо обязательной общественной организации. Такое понимание смысла слова «анархия» и такое отношение к различным видам проявления анархии в обществе существовало во все времена. Между тем, анархизм имеет свою историю становления как явление социальной жизни людей; имеет собственные философские основания и характеризуется в настоящее время как социально-политическая теория. В этом последнем значении анархизм обычно связывают с определенным общественным явлением (состоянием общества), которое находится без поддержки закона, а также без всякого порядка, т. е. без того, что обеспечивает безопасность личности, собственности и т. д.

Различные формы социальных проявлений анархизма направленны на то, чтобы разрушить, расшатать определенные, часто устаревшие формы управления и устои общества, или создать ситуацию полной беспомощности обычных структур и институтов государства. Такой взгляд на анархизм воспринимается однозначно, как имеющий одиозный смысл и значение такого рода действий, которые сопровождают социальные возмущения, революции. Однако в философском и социально-политическом смысле слова, анархизм предстает как способ выражения некоторых идей. Поэтому анархизм – это не просто безвластие, но именно форма управления массами, имеющая собственную философию, собственную теоретическую базу и практику, нацеленную на создание новых форм порядка.

Важным философским основанием теории анархизма является идея гармонии между осознанием людьми их собственных интересов и наступлением (ожиданием) такого состояния общества, где гармонические, дружественные взаимоотношения людей достигают уровня, когда никакие другие сдерживающие институции и структуры не нужны. В современном контексте интерпретации теоретических положений анархизма, именно личностный, коммуникативный аспекты оказываются существенными и проявляются весьма позитивно. Например, в случае, когда важна субъективная форма участия той или иной личности в решении сложной социальной проблемы. Здесь речь идет, прежде всего, о роли коммуникации «прямого типа», где допустимы непосредственные высказывания, выражение собственной точки зрения на существующее положение дел в социальной сфере; манифестация интересов определенной социальной группы людей, где

возможна критика существующего порядка. Наконец, это критика в форме конструктивного предложения, основанного на традиционном взгляде на культуру и историю народа. Такая форма социального поведения и действия предполагает, что человек будет «услышан», понят, и такая форма воздействия на аудиторию как раз и есть социальная коммуникация. Фундаментальной основой социальной коммуникацией является понимание. Эта когнитивная способность присуща всем людям. Причем феномен человеческого понимания в форме взаимопонимания между людьми требует от участника интеракции «знания ситуации», т. е. учета культурных традиций, исторических реалий общества, особенностей языка, контекста, наконец, менталитета.

В отличие от абсолютного анархизма действий, подобного рода коммуникация, о которой мы рассуждаем, подразумевает свободу публичного высказывания. Чаще всего, это выдвижение собственного мнения, своей точки зрения, и оно может быть как системным, так и носить внесистемный характер. Это значит, что человек, как писал М. А. Бакунин, способен «по своему усмотрению распоряжаться своей личностью и своей собственностью, не отдавая в этом никому отчета» [1, с. 128]. Причем такая свобода может восприниматься как граничащая с проявлением анархии. Между тем, именно свобода действий, при которых каждый человек в своих поступках будет руководствоваться только собственной волей, разумом и совестью, станет залогом прогресса мировой истории. Этот взгляд нивелирует вульгарный анархизм, который преодолевается благодаря различным способам выражения свободы. И эти действия становятся возможными в силу способности человека к пониманию и взаимопониманию. Из этого следует, что в силу социальной природы человека, стремящегося понять и познать окружающий мир, произвол социальных действий, которые попадают под категорию анархии, имеет свои границы. Границы анархизма как неконтролируемого действия сдерживают культурные традиции и, безусловно, те социальные институты, которые выступают в форме контролирующих органов и регулирующих правовые взаимоотношения между людьми и государством.

Интересно отметить, что феномен анархии при этом не исчезает окончательно. Анархизм в той или иной форме сопровождает социально-политические процессы развития, но при этом выступает в «мягкой» форме.

Например, ток-шоу на российском телевидении, где обсуждаются актуальные проблемы, показывают не только круг злободневных тем, но и демонстрируют агрессию в форме интеллектуальной игры, поединка, столкновение мнения и точек зрения по политическим вопросам. Здесь агрессия и анархия соприкасается, снижая градус разрушений чьей-то позиции на основании использования успешной аргументации, что «снимает» значение декларативных форм воздействия на аудиторию. Интерес зрителей к такого рода поединкам, обусловлен темой обсуждения, а также связан с процессом сталкивания мнений, где «побеждает» не анархия суждения, а обоснованная аргументация, опирающаяся на знание «ситуации». Наряду с этим, особое

значение имеет харизма того человека, который наиболее ярко и убедительно высказывается по сути обсуждаемой проблемы.

В целом, успешность определяется целым рядом условий, близких к тем требованиям, которые сопряжены с научной деятельностью. Как от ученого, так и от политического деятеля требуется знание предмета и владение методологией, используемой в науке и применяемой для цели преодоления того вульгарного анархизма, который часто выдают за свободу слова, суждения, мнения. Человек – приверженец единственной точки зрения на проблему, как правило, глух к научной аргументации.

Также хотелось бы отметить тенденции аргументации в сети Интернет. Теперь, когда большая часть повседневной и теоретической коммуникации перебралась в информационное пространство, в частности в сеть Интернет, – происходят процессы формирования новых форм общения, исчезает я эффект ощущения присутствия другого человека.

Коммуникация в интернете становится анонимной, локальной и обезличенной. Это создает определенный ряд проблем на пути к конструктивному диалогу. Пользователи Сети зачастую (пользуясь относительной анонимностью) оставляют на форумах комментарии и посты, не задумываясь о последствиях своих действий. В связи с этим теряется уважение к словам оппонента, нивелируется ценность сказанного слова. Мы общаемся с виртуальным собеседником и зачастую лишены возможности удостовериться, что он вообще существует. В этом смысле происходит отчуждение коммуникации, утрата взаимности речи, и ее шансов на то, чтобы стать диалогом.

Здесь также важен язык коммуникации. Ориентированность текста на потребителя позволяет учесть потребности и интересы различных групп людей, в связи с чем в интернет пространстве язык приобретает «неформальный» оттенок, образуя симбиоз литературного языка, сленга, ненормативной лексики, иностранных заимствований, сокращений и узкоспециальной терминологии. Последняя может значительно затруднять коммуникацию.

Так же одной из проблем на пути диалога к конструктивности, в рамках русскоязычного интернета (далее Рунета) часто становится «стена» личности оппонента. Переход на личность оппонента часто встречается на форумах или в рассылках, в комментариях под новостными постами или в обсуждениях Рунета. Этот подход возникает, когда заканчиваются разумные доводы, и возражение оппонента воспринимается человеком или рядом людей как личностное оскорбление, и из этого делается вывод, что нужно оскорбить «обидчика» в ответ – но уже при помощи более жестких «аргументов». С этого момента коммуникация переходит из конструктивного диалога в деструктивное русло выяснения отношений.

Парадокс заключается в том, что Сеть является огромной площадкой для дискуссии, обсуждения событий, проблем, тем, мыслей. В обсуждении одновременно могут участвовать многие люди, с разным интеллектуальным уровнем и жизненным опытом. Это подразумевает различие ракурсов взгляда

на заданную тему обсуждения. Тем самым, происходит расширение и углубление наших знаний о предмете.

Однако зачастую происходит обратный эффект – мы начинаем держаться за те знания, что имеем, подозревая все остальные аргументы в недостаточной истинности.

Если обратиться к архивам сетевых обсуждений и форумов на актуальные события, можно заметить, что обычно переход на личности происходит сразу после того, как становится ясно, что высказанная позиция отличается от ряда привычных и понятных в том или ином кругу суждений. Следовательно, требует усилий и, возможно, времени – для того, чтобы быть воспринятой и учтенной. Как правило, это требует дополнительных усилий и контраргументов, а поскольку для контраргументов необходимы дополнительные усилия, проще отвергнуть эту позицию вместе с ее автором на каком-либо другом основании, например, на основании его личностной неполноценности или не интересности.

В итоге вместо спора с аргументами и контраргументами, а также обнаружением глубинных сторон вопроса, мы получаем бытовую перепалку между участниками обсуждения.

Для того, чтобы говорить о какой-либо проблеме не на уровне повседневности, а хоть сколько-нибудь теоретически и глобально – необходимо, в первую очередь, абстрагироваться от своего эмоционального состояния и эмоционального восприятия своего оппонента. Особенно тогда, когда речь идет об интернете, поскольку в сети мы можем составить только крайне приблизительный образ собеседника, и зачастую создаем карикатурный образ, влияющий на весь последующий контакт с ним.

Сумев выйти в плоскость абстракции, мы оказываемся там, где дискуссия выходит на новый уровень, где она может быть полной и полноценной. И тогда нас интересует не доказательство своей правоты, а также полноценности или, что чаще, – неполноценности другого, – но реальное положение вещей, касающихся обсуждаемой проблемы. Такое абстрагирование также обеспечивает простоту восприятия критических аргументов собеседника, их принятие во внимание для совершенствования собственной аргументации, для того, чтобы учитывать ошибки своей аргументации, дополнять и развивать ее.

С одной стороны, медийное пространство упорядочивает повседневность, семантизирует, предает смысл и оживляет повседневность, упрощая многие социальные и культурные задачи. С другой стороны, опасность воздействия медиа на человека состоит в том, что в мировосприятии людей создается такая виртуальная реальность, которая способна подменить собой смыслы реальности. Поэтому медиа, изначально воспринимаемые как форма пассивной информации (как основа понимания реальности), постепенно превосходят собственные функции социальной коммуникации. Из этого следует, что общество должно регулироваться другими средствами воздействия. В первую очередь, направленными на сохранения культурной идентичности людей,

наряду с развитием чувства толерантности к представителям иных культур. На этом фоне роль социальной коммуникации получает новый толчок.

Если современное общество выработало принципы преодоления анархизма, то то же самое общество нацелено сегодня на задачи, связанные с обоснованием методов и определением условий, при которых люди сохраняют собственную идентичность. Решение проблемы идентичности – без анархизма действий против представителей иных культур и традиций. Один из рациональных способов и путей успешной социальной коммуникации является путь знания в форме освоения культурных ценностей друг друга. Взаимовлияние культур при этом неизбежно и закономерно, поэтому от философов требуется постановка и решение новых задач, касающихся рассмотрения условий такой социальной коммуникации.

Список литературы

1. *Бакунин, М. А.* Анархия и Порядок / М. А. Бакунин. – М.: Эксмо Пресс, 2000. – 704 с.

2. *Ваганова, О. А.* Межкультурная коммуникация как одна из культурных универсалий в сфере человеческой деятельности / О. А. Ваганова // Взаимовлияние языка и культуры. – Иркутск, 2003. – 120 с.

3. *Гидденс, Э.* Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.

4. *Морослин, П. В.* Язык Интернета как объект лингвистических исследований / П. В. Морослин // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2009. – № 3. – С. 10–17.

5. *Туркин, Д. В.* Социальная коммуникация в Сети Интернет / Д. В. Туркин // Вестник ЧелГУ. – 2008. – № 33. – С. 58–62.

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СИСТЕМЕ РОТАЦИИ КАДРОВ ЯПОНСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ БЕЛОРУССКОЙ ЭКОНОМИКИ

Лебедева Елена Николаевна,
Демидова Мария Александровна
Витебский государственный технологический университет, Витебск

Рост международной конкуренции, а также кризисные явления, которые переживает современная белорусская промышленность, требуют внимательного изучения и конструктивного анализа опыта управления предприятиями с целью повышения эффективности отечественного производства. В связи с этим особое значение приобретает анализ положительного опыта управления промышленными предприятиями в других странах и исследование возможностей его использования в условиях рыночной экономики Республики Беларусь. Это касается, в частности, одной из самых эффективных систем управления – японского менеджмента.

Анализ различных источников экономической литературы позволяет выявить две основные группы факторов, определяющих эффективность управления предприятиями в Японии. Прежде всего, это система продуктивных социальных коммуникаций, а также наличие специфической японской социокультуры. В силу влияния ментальных особенностей на характер менеджмента невозможно автоматически перенести всю японскую систему управления предприятием в организации Республики Беларусь. Однако, как показывает анализ, японские системы управления и организации производства нашим предприятиям воспринять всё же проще чем, например, американские, в связи со схожестью многих этнокультурных характеристик населения Беларуси и Японии.

Японская система менеджмента эффективна благодаря синергетическому действию ряда составляющих: системы пожизненного найма, системы кадровой ротации, системы «репутации», системы подготовки на рабочем месте и системы оплаты труда. Особую роль здесь играет система кадровой ротации, которая позволяет руководству предприятия создавать условия для долгосрочной заинтересованной занятости сотрудников. В Японии считается, что длительное пребывание работника в одной должности приводит к потере его интереса к работе и снижению уровня ответственности. Поэтому трудовая ротация является нормой и часто совмещается с продвижением по службе. В результате каждый служащий приобретает до пяти специальностей и становится профессионалом широкого профиля. Во многих случаях это решает проблему взаимозаменяемости кадров [2].

В зависимости от траектории движения в практике японских предприятий используют различные виды ротаций: 1) кольцевую; 2) безвозвратную; 3) рокировку. Такой тип ротациии активно применяют в корпорациях «Сони» и «Хонда». В зависимости от того, кто является инициатором, ротации могут осуществляться: по инициативе администрации организации; по инициативе работника; по инициативе отдела по управлению персоналом. В белорусских бюджетных организациях руководители высшего и среднего звеньев в подавляющем большинстве случаев перемещаются по первому типу.

В организациях РБ наиболее широко представлена вертикальная ротация, поскольку она сопряжена с наименьшим количеством бумажной волокиты, и в целом, более привычна. На наш взгляд, при текущем состоянии ротации в организациях РБ именно горизонтальный вид ротации имеет наибольший шанс быть внедрённым в управленческий аппарат. Горизонтальная ротация имеет ряд черт, благодаря которым она и получила столь широкое применение на предприятиях Японии. Среди них самыми значительными являются возможность перспективного обучения как внутри компании (внутренняя школа), так и внешнего обучения, что может рассматриваться в качестве одного из мотивирующих факторов для деятельности сотрудников.

В целом, японская практика разработки системы менеджмента, основанная на творческом, осознанном и целенаправленном соединении принципов американского менеджмента с приёмами, обусловленными национальной ментальностью, может стать основой совершенствования менеджмента в Республике Беларусь.

Список литературы

1. *Лебедева, Е. Н.* Ротации кадров в системе японского менеджмента и возможности использования её положительного опыта в условиях белорусской экономики / Е. Н. Лебедева, М. А. Лебедева // Матеріали II науково-практичної конференції «Соціальні трансформації у кризовий період». м. Краматорськ 26 січня 2017 року. – Вінниця: ТОВ «Нілан-ЛТД», 2017. – С. 150–155.

2. *Лебедева, Е. Н.* Синергетический аспект японского опыта ротации кадров и возможности его использования в условиях белорусской экономики / Е. Н. Лебедева, М. А. Лебедева // Молодежь для науки и экономики: разработки и перспективы: сборник научных статей VI международного форума молодых ученых / редкол.: С. Н. Лебедева [и др.]; под науч. ред. канд. экон. наук, доцента А. П. Бобовича. – Гомель: Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, 2017. – 340 с. – С. 154–157.

ЭМПАТИЧЕСКАЯ И МАНИПУЛЯТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Мизякина Светлана Николаевна,
Белорусский государственный
экономический университет, Минск

Коммуникация выступает одним из главных системообразующих признаков информационного общества, что порождает огромный интерес к изучению данного феномена самыми разными науками. Большое внимание уделяется анализу различных видов коммуникации, определению их значения для современного человека и общества. Важной задачей становится изучение взаимообусловленности и взаимоисключающих моментов отдельных типов и форм коммуникации.

Внимание данной работы направлено на два вида коммуникации: эмпатическую и манипулятивную. Цель исследования состоит в определении возможных точек пересечения между ними. Для этого необходимо ответить на несколько вопросов. Всегда ли эмпатическое общение включает в себя нравственный компонент и положительную нравственную оценку объекта эмпатии? Можно ли поставить знак равенства между эмпатией и альтруизмом? Могут ли результаты вчувствования и понимания использоваться для достижения личных целей, в том числе в процессе манипулятивной коммуникации?

Ответ на первый вопрос сложен в силу того, что в современном гуманитарном знании используются различные определения термина «эмпатия». Данное понятие употребляется многими науками, а, кроме того, существуют различные методологические подходы внутри этих наук.

Считается, что термин «эмпатия» вошел в научный оборот благодаря эстетической теории немецкого философа и психолога Т. Липпса. Согласно Липпсу эстетическое восприятие предмета по сути представляет собой эмпатию, т. е. психический акт, состоящий в проекции эмоционального состояния субъекта восприятия на эстетический объект и «вчувствовании» в форму произведения искусства или явление природы. Как видим, в такой трактовке эмпатия выступает как психологическая способность человека, не имеющая прямого отношения к нравственной сфере.

В психологии первым термин «эмпатия» в значении «вчувствоваться в» применил Э. Титченер. С 1950-х годов это понятие активно используется психологами в различных смыслах. Так, в словаре по психологии под редакцией Б. Мещерякова и В. Зинченко эмпатия определяется как:

– способ внерационального познания – вчувствование;

– источник эстетического наслаждения посредством вчувствования в художественный объект;

– вид нравственных эмоций – отзывчивость на переживания другого (сочувствие, сопереживание, сорадование) [1].

Заметим, что только третье значение напрямую связывает эмпатию с нравственной деятельностью.

Д. Бейтсон выделил восемь наиболее распространенных в психологии способов употребления термина «эмпатия»:

«1) знание внутреннего состояния другого человека, включая мысли и чувства;

2) проявление реакции нервной системы, аналогичной той, которая наблюдается у другого человека, или принятие его позы;

3) чувствование того же, что и другой человек;

4) интуитивное постижение или проецирование себя в ситуацию другого;

5) воображение того, как другой думает или чувствует;

6) представление себя на месте другого;

7) сострадание при наблюдении страданий другого человека;

8) сочувствие тому, кто испытывает страдание» [8, с. 55].

И в данном перечне значений только два последних напрямую связаны с нравственной сферой.

В лингвистике, где термин «эмпатия» используется с 1970-х годов XX в., он понимается как «идентификация говорящего с участником или объектом сообщаемого события, изложение чего-либо с некоторой точки зрения» [6, с. 139]. В данной трактовке эмпатия фактически выступает синонимом идентификации – неосознаваемого отождествления себя с другим человеком, что является спорным.

В целом, все подходы к пониманию эмпатии можно разделить на инструменталистские и гуманистические (преобладающие в современной науке). Сторонники инструменталистских подходов видят в эмпатии прежде всего средство понимания другого человека и рассматривают её как этически нейтральную категорию. Сторонники гуманистических – делают акцент на нравственном характере эмпатической коммуникации, связывая её с сочувствием, сопереживанием, состраданием, альтруизмом. Думается, что справедливы слова И. О. Елеференко: «Необходимо вернуться к истокам, к отношению к эмпатии, принятому изначально среди психотерапевтов, и признать эмпатию как вчувствование, а не как сопереживание, сочувствие или сострадание, бытующее в значительном большинстве психологических исследований» [4, с. 120]. Поэтому в дальнейшем мы будем исходить из понимания эмпатии как эмоционально-рационально-интуитивного восприятия Другого, связанного с пониманием его духовных и психических состояний.

Обилие имеющихся определений говорит и о том, что эмпатию необходимо рассматривать как многоуровневую и многоаспектную систему. Исходя из этого, можно предположить, что одни виды, уровни, формы эмпатии могут быть наполнены нравственным, гуманистическим началом, а другие быть в большой степени свободны от него.

В современной психологии выделяют такие уровни эмпатии как аффективный, когнитивный и конативный (поведенческий), либо мотивационный, эмоциональный, когнитивный. Мотивационный аспект

побуждает нас беспокоиться за других; аффективный, эмоциональный – чувствовать то же, что и другой; когнитивный – понимать чужие состояния и ставить себя на место другого; поведенческий – содействовать, оказывать помощь. Выделяют также кинестетическую эмпатию, подчёркивая тем самым роль двигательных реакций в формировании этого феномена. Кроме того, многочисленные исследования позволяют говорить о наличии биологически обусловленных предпосылок эмпатии [7]. В то же время подчеркивается важность социокультурной компоненты в развитии навыков эмпатической коммуникации.

Если согласиться с идеей многоуровневости и многоаспектности эмпатии, то логично предположить, что в конкретном акте коммуникации могут быть задействованы лишь некоторые её уровни и аспекты. Эту мысль косвенно подтверждает известный исследователь процесса эмпатии Ж. Десети. Он пришёл к выводу, что компоненты эмпатии действуют независимо друг от друга. В таком случае человек может понимать, «читать» чувства Другого (когнитивный уровень), но при этом не переживать то, что переживает Другой (аффективный уровень). Либо чувствовать то, что чувствует партнер по коммуникации, но в поведенческом плане быть пассивным.

Например, обязательно ли способность поставить себя на место другого предполагает сочувствие к нему и положительную нравственную оценку его действий? Интересны в этом плане результаты исследования Т. Сингер, проведенные с помощью метода магнитно-резонансной томографии, которые показали, что «почти все испытуемые женщины сопереживали нечестным игрокам так же, как и честным. А вот мужчины – нет. Сигнал о переживании боли нечестным игроком не вызывал у них никакого сочувствия! Мало того: вместо болевых центров у большинства мужчин-испытуемых возбуждался особый центр «награды». Зная, что игрок-мошенник испытывает боль, мужчины в большинстве испытывали буквально злорадство, или законное чувство мести и справедливости. У женщин злорадство фиксировалось редко» [5]. Но все же фиксировалось! Значит, мы можем поставить себя на место, например, преступника, стяжателя, циничного политика, но не испытать при этом сочувствия и осудить их поступки.

Предшествующее изложение подводит к мысли, что ответ на вопрос о корреляции между эмпатией и нравственностью во многом лежит в русле выявления механизмов эмпатической коммуникации и определения содержания в них нравственной компоненты.

По поводу механизмов эмпатии в научной среде нет единого мнения. По-видимому, они различны и, скорей всего, связаны с уровнями эмпатии. Так, на эмоциональном уровне действуют прежде всего механизмы заражения, подражания, проекции (приписывания другому собственных мыслей, чувств, мотивов). На когнитивном – механизмы проекции, интроекции (включения в свой внутренний мир взглядов, мотивов, установок других людей), идентификации (неосознаваемого отождествления себя с другим человеком, осуществляемого на основе перенесения в личностное пространство другого),

децентрации (способности преодолеть эгоцентризм, принять в расчет точку зрения другого человека), интуиции. При этом, как уже говорилось, идея отождествления эмпатии и идентификации спорна и имеет немало противников. В частности, один из авторов термина «эмпатия» К. Роджерс подчёркивал, что данный феномен предполагает обязательное сохранение дистанции по отношению к другому человеку. Он был уверен, что идентификация, в отличие от эмпатии, делает человека неспособным понять другого. Эмпатическое восприятие предполагает сохранение собственной идентичности, а значит, и способности отчасти отстраненного восприятия Другого. Т. П. Гаврилова, одна из первых советских исследователей эмпатии, считает, что в эмпатической коммуникации имеет место не идентификация, а децентрация – механизм изменения точки зрения, позиции субъекта в результате столкновения, сопоставления и интеграции её с позициями, отличными от собственной. И хотя через децентрацию преодолевается эгоизм, она позволяет сохранить личностные особенности субъекта коммуникации, что, в свою очередь, предполагает возможность как положительной, так и отрицательной нравственной оценки другого. Следовательно, децентрация отделяет эмпатическую составляющую коммуникации от нравственной.

В целом, описанные выше механизмы нельзя отождествлять с механизмами, обеспечивающими нравственное поведение и положительную нравственную оценку. Ведь можно заражаться страхом, гневом, злостью, подражать агрессивному и безнравственному поведению. Проекция и интроекция также не обязательно должны содержать нравственно положительную оценку. Однако данные механизмы, несомненно, способствуют формированию положительной коммуникативной установки обоих коммуникантов, что увеличивает эффективность коммуникации.

Таким образом, мы подходим к вопросу о мотивационной основе эмпатической коммуникации. Может ли вчувствование и понимание использоваться в манипулятивном общении или эмпатия носит только альтруистический характер? Ведь именно альтруизм противоречит манипулятивной коммуникации – процессу скрытого влияния на человека с целью получения личной выгоды. И здесь также существует две гипотезы: альтруистическая и эгоистическая. Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой эмпатия чуть ли не автоматически порождает альтруистическое отношение и поведение. Однако есть исследователи, которые не согласны с таким мнением. Например, Е. П. Ильин считает, что «вопрос о том, способна ли эмпатия запустить механизм подлинного альтруизма, остается дискуссионным» [5], а Т. О. Юдина не видит прямой причинно-следственной связи между эмпатическим переживанием и вынесением морального суждения и не исключает, что «эмпатия может служить основой аморального поступка в угоду своему интересу или интересу близкого человека» [9, с. 33]. В этом аспекте интересно также замечание Т. П. Гавриловой, которая предлагает различать два вида эмпатии: «сопереживание, т. е. переживание субъектом тех же чувств, которые испытывает другой через отождествление с ним, и

сочувствие, т. е. переживание субъектом по поводу чувств другого, иных, отличных чувств» [3, с. 78]. Второй вид эмпатии, на наш взгляд, может стать элементом манипулятивного общения. Эгоистическое поведение в таком случае будет обусловлено механизмом проекции, который делает возможным перенесение своего личного интереса на партнера по общению.

Можно также предположить, что когнитивная составляющая эмпатии в целом в меньшей степени связана с альтруизмом, чем эмоциональная.

Таким образом, нравственная оценка и альтруистическое поведение не являются автоматическими придатками эмпатии. Мы накладываем свою систему нравственных ценностей на эмпатически воспринимаемые поступки другого. Жалость, сострадание, порождающие альтруизм, можно оценить как одно из важных проявлений эмпатии, но не как её сущность.

Представляется также возможным использование эмпатических способностей в рамках манипулятивных практик, причём, двояким образом. Во-первых, эмпатическая способность может стать мишенью манипулятивного воздействия. Это происходит, например, когда манипулятор вызывает сострадание к себе или искусно представляет себя сочувствующим. Так, использование образов детей, стариков, инвалидов, животных с целью создания положительного имиджа фирмы или полезности товара обращается к нашим эмпатическим способностям.

Во-вторых, сам манипулятор в ряде случаев может использовать когнитивную составляющую эмпатии для достижения своей цели. Очень ярко такое сочетании элементов эмпатии и манипуляции проявляется в сфере торговли и оказания услуг. Если, например, продавец пытается навязать товар, услугу, без которых покупатель вполне мог бы обойтись, или товар, услугу, которые имеют несоизмеримую с зарплатой покупателя цену, то успех его манипулятивных по сути действий повышается, когда продавец умеет «читать» чувства и понимать внутренний мир другого человека. На первый взгляд такое добавление может показаться странным, если исходить из понимания эмпатии как сострадания. Трудно увеличить количество продаж, если ты чувствуешь, что человеку твой товар не нужен или не по карману. Но в реальности специалисты по продажам, работники сферы услуг, разработчики рекламы пользуются элементами эмпатической коммуникации, причем именно для увеличения количества продаж.

Каков механизм использования эмпатических элементов в манипулятивном общении? На каком шаге коммуникации происходит подмена эмпатического манипулятивным?

Возьмем в качестве образца схему шагов эмпатической коммуникации, предложенную Е. А. Горбатовой. Она выделяет шесть этапов эмпатической коммуникации:

1) восприятие «открытых переменных» объекта эмпатии;

2) расшифровка внешних сигналов;

3) присоединение к объекту эмпатии и чтение «скрытых переменных»;

4) децентрация субъекта эмпатии;

5) моделирование содействия объекту эмпатии;

6) выражение содействия [2, с. 25].

Именно на четвертом этапе, с точки зрения Горбатовой, обязательными компонентами коммуникации становятся альтруистическая направленность и толерантность. И видимо, именно эта стадии эмпатического общения искажается при манипулятивном воздействии. С одной стороны, возможность такого искажения обусловлена тем фактом, что субъект коммуникации не теряет свое «я». С другой стороны, коммуникация по поводу продажи товара будет успешной, а внедрение в сознание идеи будет эффективным тогда, когда продавец меняет свою установку с себя на потребителя. Задействовав самовнушение, он убеждает себя, что его деятельность по продаже товара нацелена на оказание очень нужной для клиента помощи и содействует решению его проблем. Хотя объективно целью продажи является получение прибыли.

Из всего вышесказанного следует, что эмпатия – этически нейтральная способность человека, не исключающая эгоистических целей. Поэтому развитие эмпатических способностей должно идти рука об руку с формированием нравственной сферы личности. Без нравственного сдерживания элементы эмпатической коммуникации могут стать составляющими манипулятивных практик.

Список литературы

1. *Гаврилова, Т. П.* Эмпатия / Т. П. Гаврилова // Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб., 2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/–Psihol/dict/26.php. – Дата доступа: 25.11.2017.

2. *Горбатова, Е. А.* Эмпатия: психологическая структура и механизмы реализации / Е. А. Горбатова // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – 2014. – № 1 (21). – С. 23–29.

3. *Елеференко, И. О.* Синергизм эмпатии / И. О. Елеференко // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2007. – № 4. – С. 77–88.

4. *Елеференко, И. О.* Эмпатия как основание коммуникации / И. О. Елеференко // Культурная жизнь юга России. – 2010. – № 4 (38). – С. 33–36.

5. *Ильин, Е. П.* Психология помощи. Альтруизм, эгоизм, эмпатия / Е. П. Ильин. – СПб., 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://readli.net/chitat-online/?b=328546&pg=17. – Дата доступа: 25.11.2017.

6. *Козяревич, Л. В.* Фасцинация и эмпатия в аспекте перевода как категории коммуникации / Л. В. Козяревич // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2013. – Вып. 9 (669). – С. 136–143.

7. *Самарин, А. Н.* Социальная эмпатия: у истоков солидарного сознания / А. Н. Самарин // Конфликтология. – 2008. – № 3. – С. 45–61.

8. *Троицкая, Е. А.* Концепция эмпатии в зарубежной психологии конца XX – начала XXI века / Е. А. Троицкая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2011. – Вып. 7 (613). – С. 52–64.

9. *Юдина, Т.* О. Эмпатия и мораль: место встречи (обзор зарубежных исследований) / Т. О. Юдина // Шаги / Steps. – 2017. – № 1. – С. 28–39.

ИНФОКОММУНИКАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ УСТАНОВОК ЛИЧНОСТИ

Мищук Сергей Сергеевич
Международный государственный экологический
институт им. А. Д. Сахарова, БГУ, Минск

Интенсивное распространение компьютерных технологий, их включенность во все сферы жизни общества привели к настолько сильным трансформациям во всех сферах общественной жизни, что в 1980-е годы был сделан вывод о возникновении «компьютеризированного, или информационного общества» как нового этапа в развитии человеческой цивилизации.

В настоящее время сделан более общий вывод о формировании глобальной системы информационно-коммуникационных технологий как принципиально новом компоненте современной цивилизации. Появление данной системы явилось закономерным и необходимым этапом в развитии человеческого общества [2]. С ее возникновением ноосфера как планетарная оболочка Земли приобрела логически завершенный вид [1]. Она превратилась в полноценную общепланетарную оболочку, в которой происходит постоянный обмен информацией между членами человеческого сообщества. Помимо этого, система информационно-коммуникационных технологий преобразует все без исключения компоненты «неорганического тела» человеческой цивилизации и сферу социальных отношений. В результате она, очевидно, превращается в парадигмальный по своему значению фактор развития человеческого общества [3].

Более того. Данная система на современном этапе явно демонстрирует наличие собственных внутренних закономерностей, уже не зависящих от остальных структур человеческого общества. Внутри нее возникают элементы, необходимые только для функционирования самой системы [6]. Причем последние превращаются в фактор изменения существующих экономических и технологических структур общества. Кроме этого, в рамках вышеназванных элементов формируется специфическая экосреда со своими особыми физическими, биологическими и др. параметрами [5]. В результате, по нашему мнению, можно говорить о возникновении на основе системы инфокоммуникационных технологий особого экосоциального (экоинформационного) пространства [4].

В результате современное развитие системы инфокоммуникационных технологий как ядра информационного общества демонстрирует три основных направления изменения человеческой цивилизации. Во-первых, происходит изменение существовавшей экологической среды обитания человека. Во-вторых, формируется особая система социальных отношений, в рамках которой переплетаются виртуальная и объективная реальность. И, в-третьих, становление глобальной по масштабам системы получения (производства),

обработки, хранения, передачи, распределения, обмена и потребления (использования) информации означает появление единой для всей планеты «системы психического отражения».

Рассматривая под таким углом зрения сформировавшуюся в рамках человеческой цивилизации систему информационно-коммуникационных технологий, можно сделать вывод о появлении глобальной по масштабам системы отражения. В процессе ее функционирования и развития данное образование начинает все четче проявлять имманентно присущие ему закономерности. Поскольку данная система возникает в рамках человеческой цивилизации, в ней с необходимостью присутствуют фундаментальные закономерности социальной и познавательной деятельности человека, но реализация их обладает также и рядом специфических особенностей.

Одной из важнейших закономерностей подобного типа является, на наш взгляд, глубокое единство языка и мышления, которое традиционно трактуется как единый по своей сути феномен «языкового мышления».

Формирование глобальной системы обмена информацией первоначально воспринималось как возникновение общецивилизационного инструмента, предоставляющего большинству людей колоссальные возможности непосредственного и быстрого доступа к духовным богатствам человечества. Однако реальные процессы демонстрируют существенно иную картину.

Происходит, прежде всего, экспоненциальный рост объемов информации, безответственно направляемой в систему информационно-коммуникационных технологий. В результате всемирная сеть переполняется сведениями, которые в большей степени искажают объективную реальность, чем отражают ее. Пагубность данной тенденции стала настолько очевидной, что уже ставится задача перехода на новый формат интернета, когда направляемая в сеть информация будет поступать туда только после оценки экспертным сообществом. Правда, не очень понятно, кто и по каким признакам будет формировать это экспертное сообщество, наделять его соответствующими полномочиями и т. д. Но сама постановка данной проблемы именно в таком виде свидетельствует о её остроте.

Однако вышеназванная проблема достаточно очевидна и, соответственно, поверхностна. Существенно большее значение имеют, на наш взгляд, процессы, приводящие к внешне малозаметным, но от этого более глубоким трансформациям сознания как отдельного человека, так и целых социальных групп. Одним из факторов, формирующих данную негативную тенденцию, является, очевидно, постоянное упрощение и искажение языковых средств, используемых индивидами в виртуальной среде.

Изменение языкового мышления в целом как феномен общения в виртуальной среде приобретает, очевидно, массовый характер. Этот процесс превращается в закономерность уже в том смысле, что становится характерной чертой при общении подавляющего большинства участников, то есть превращается в эмпирически фиксируемую норму. Будучи сформированной,

она в дальнейшем становится необходимым условием «вхождения в среду» для новых участников независимо от их собственных установок.

Результатом данного процесса является формирование противоречий на базовых, фундаментальных уровнях сознания и языковой культуры личности. Личность изначально формируется в нормальной культурно-языковой среде на самых ранних (и поэтому наиболее важных) этапах социализации. В этот период, на основе языкового мышления в том числе, закладываются базовые программы, определяющие в дальнейшем социальное поведение человека. Данные программы, даже если они и не осознаются в полной мере, всегда выражаются в конкретной языковой форме, соответствующей языку общения. А в дальнейшем личность должна переходить на иную форму общения, которая, с одной стороны, функционирует в рамках существующего языкового мышления, но, с другой стороны, существенно отличается от принятых и закрепленных в сознании норм. Общение в виртуальной среде воспринимается субъектом как весьма важный компонент его жизнедеятельности. И в результате возникает глубинное противоречие между заложенными на ранних стадиях формирования личности нормами и идеалами, с одной стороны, и правилами текущего общения, с другой. Возникает определенное «раздвоение» личности человека, которое однозначно может приводить к негативным последствиям функционирования, как его индивидуального сознания, так и социального поведения. По сути, возникает ситуация, когда масса «персонажей» виртуальной среды является в ее рамках не теми людьми, которые уже сформировались и существуют в объективной реальности. Это является очень мощным фактором, вызывающим глубокие и постоянно присутствующие стрессы, которые могут развиваться как в различные скрытые психические расстройства, так и в анормальное поведении. Специально отметим, что данный феномен уже стал подлинно массовым. Поэтому и все возможные последствия его предвидеть достаточно сложно. (Ранее, к примеру, было понятно, что сотрудники разведслужб, работая «под легендой», испытывают огромные психологические трудности. Но их было немного, они специально отбирались и проходили специальную подготовку. Сейчас же в схожих условиях начинают существовать десятки миллионов людей преимущественно молодого возраста, психика которых часто еще и не сформировалась полностью.)

Происходят существенные изменения и в функционировании системы социальных отношений личности. Стремление к максимально возможному количеству контактов, присутствующее у пользователей социальных сетей, очевидно, подталкивает к появлению своего специфического языка, когда исчезают требования элементарной грамотности при написании сообщений, слова заменяются сочетаниями отдельных букв и др. Создается видимость ускорения процессов общения, однако в действительности происходит обратное. Общение утрачивает глубину, становится более поверхностным. По сути, общения как такового и нет [7]. Однако негативные трансформации сознания присутствуют с необходимостью.

Неразрывная связь языка и мышления приводит, прежде всего, к упрощению, примитивизации мыслительной деятельности. Постоянно вовлеченный в такое общение индивид постепенно теряет способность к решению новых задач, оказывается не в состоянии воспринимать информацию выше некоего предела сложности, который десять лет назад считался очевидным для его возраста.

Кроме этого, нарушается наработанная в течение предшествующего развития целостность сознания человека. Новые вербальные конструкты включаются в уже существующую структуру сознания как изначально противоречащие ей компоненты. В результате они вступают в противоречие с уже сложившимися у человека структурами восприятия реальности и мышления. Данные инородные компоненты подобны компьютерным вирусам. Только поражают они именно базисные уровни, которые закладывались в период самой ранней социализации личности и потом являются наиболее важными и, одновременно, трудноосознаваемыми. В результате нарушается формировавшаяся годами целостность человеческого сознания.

Наблюдаемая примитивизация сознания как следствие упрощения языковых средств общения выражается также и в значительной утрате стремления к освоению нового. Достаточно большие социальные группы проявляют в современных условиях устойчивую апатию к учебе, к освоению новых знаний. Можно сказать, что уже имеет место некая «идеология», обосновывающая отсутствие полезности знаний в целом.

Тесное взаимодействие, «переплетение» виртуальной и объективной реальностей существенно изменяет фундаментальные нормы и идеалы социального взаимодействия. Отсутствие практических ориентиров создает видимость равнозначности диаметрально противоположных по своему характеру ценностей человеческого общества. Особенно четко данная тенденция проявляется в функционировании норм социальной ответственности за действия субъекта. Постоянное пребывание в инфосоциальном пространстве формирует иллюзию возможности возвращения в исходную точку социального действия в любой момент времени, то есть можно как бы заново прожить тот или иной отрезок жизни человека.

В результате возникают очевидные проблемы в процессе формирования экологического сознания человека как необходимого компонента мировоззрения общества. Возникает ситуация, когда, с одной стороны, система инфокоммуникационных технологий уже начинает активно менять экологические структуры ноосферы, а, с другой стороны, осознание значимости экологических проблем для самого существования человеческого общества «размывается». Особую значимость данная проблема приобретает в контексте реализации концепции устойчивого развития как глобальной стратегии функционирования человеческой цивилизации на современном этапе.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современные инфокоммуникационные технологии можно рассматривать как глобальную систему человеческого сознания, формирующую особое экосоциальное

пространство. Внутренние закономерности развития данной системы, ориентирующие на постоянное расширение количества контактов субъекта в ущерб их качеству, приводят как к нежелательному упрощению, примитивизации языковых средств, используемых в процессе общения, так и к трансформации фундаментальных идеалов и норм социального взаимодействия субъектов.

Список литературы

1. *Вернадский, В. И.* Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский // Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991. – 271 с.

2. *Мишук, С. С.* Информационно-коммуникационные технологии как компонент ноосферы / С. С. Мишук // Веснік сувязі. – 2015. – № 4 (132). – С. 54–57.

3. *Мишук, С. С.* Информационно-коммуникационные технологии как фактор глобального системообразования / С. С. Мишук // Веснік сувязі. – 2015. – № 5 (133). – С. 57–60.

4. *Мишук, С. С.* Проблемы и направления формирования «экопространства» системы инфокоммуникационных технологий / С. С. Мишук // Экологический вестник. – 2016. – № 3 (37). – С. 11–15.

5. *Мишук, С. С.* «Экопространство» системы инфокоммуникационных технологий: проблемы и перспективы формирования / С. С. Мишук, А. С. Мишук // Экономика и управление в XXI веке: анализ тенденций и перспективы развития: сборник тезисов научных работ II Международной научно-практической конференции: Киев–Будапешт–Вена, 30 марта 2016. – Київ: Фінансово-економічна наукова рада, 2016. – С. 10–18.

6. *Погуляев, П. В.* ЦОД – это система, к которой требуется системный подход [Электронный ресурс] / П. В. Погуляев. – Режим доступа: httm://www.tssonline.ru/articles2/data-centres/energoeffektivnost-tsod#stash.MV6Z544v.dpuf. – Дата доступа: 27.03.2016.

7. *Turkle, S.* Alone Together / S. Turkle. – New York: Basic Books, 2011. – 384 p.

ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ КАК ДРАЙВЕР ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Назаренко Юлия Степановна
Институт социологии НАН Беларуси, Минск

Возрастающее значение института образования сопровождается коренными и неоднозначными трансформациями всей институциональной среды в современном обществе знаний. Массовизация высшего образования в совокупности с бурной автоматизацией-информатизацией современного труда привела к парадоксальной ситуации роста числа образованных безработных. Данная ситуация усугубляется тем, что в самой системе массового высшего образования наблюдается неравномерная дифференциация качества подготовки обучающихся. В результате образовательные дипломы перестают эффективно выполнять свою сигнальную функцию (выражать качество подготовки человека) и напрямую конвертироваться в соответствующие должностные позиции. Сегодня работодатели все чаще вынуждены проводить дополнительную проверку кандидатов на работу (через тестирование, собеседования, испытательные сроки, стажировки, тестовые задания и т. п.), выявляющую реальную, практическую компетентность молодых специалистов.

Опытные специалисты также сталкиваются с проблемами ускоряющегося морального износа своих знаний и умений в условиях возросшей неопределенности и риска на современном, быстро меняющемся рынке труда. В данной ситуации актуализируется задача создания и совершенствования компенсаторных и превентивных механизмов формирования у работников востребованных профессиональных компетенций. Эта задача решается с помощью технологий непрерывного образования (т. н. концепция «образования через всю жизнь»), обеспечивающих формирование «непреходящего» компетентностного профиля и умений по его оптимизации по запросам «времени и места». Именно образование в течение всей жизни способствует реализации главной цели политики в сфере образования – формирование и развитие высокого человеческого потенциала нации, повышение уровня и качества жизни.

Формирование и наращивание компетентностного профиля сегодня реализуется в различных образовательных практиках. Наиболее востребованными являются образовательные практики (все чаще неформального типа): от краткосрочных курсов и тренингов получения образования в онлайн-среде. Массовые открытые онлайн-курсы – одно из самых популярных и перспективных направлений в мировом образовании. Они дают возможность относительно дешево или бесплатно изучить любой предмет или дисциплину в удобное время. Данные курсы представлены в виде записанных на видео и выложенных в Интернет лекциях преподавателей ключевых университетов США, Европы, вузов стран СНГ. Онлайн-лекции идентичны тем, которые преподаватели читают студентам при

непосредственном присутствии в аудитории. Онлайн-курсы значительно расширяют доступ к образованию, снимая имеющиеся неравенства в образовательных возможностях у разных категорий населения (школьников, студентов, преподавателей, профессионалов и пр.).

Положительным моментом в развитии онлайн-образования также является то, что «некоторые университеты уже начали принимать эти сертификаты как подтверждение пройденного курса, засчитывая «заработанные» на них баллы в пользу степени бакалавра или магистра» [2]. С развитием онлайн-образования появляется возможность изменения образовательного процесса, который делится на лекции и семинарские занятия. Назревает потребность замещения лекционной формы обучения более практико-ориентированными формами – семинарами, лабораторными работами, тренингами, мастер-классами и т. п.

Однако со стороны работодателей сегодня наблюдается амбивалентное отношение к сертификатам онлайн-курсов. Представители крупнейших HR-агентств России при отборе кандидатов на должность учитывают онлайн-сертификаты как несомненное преимущество для молодых специалистов, но не профессионалов, которые претендуют на более высокие должности [1]. Наличие онлайн-сертификата для молодого специалиста, не имеющего опыта работы является определенным драйвером и конкурентным преимуществом перед недавними выпускниками. В данной ситуации стратегия на получение дополнительного образования (и именно онлайн) является несомненным преимуществом во время широкого распространения массового высшего образования и в ситуации постепенного нивелирования сигнальной функции диплома. Кроме того, наличие онлайн-сертификатов демонстрирует работодателю желание кандидата развиваться и самосовершенствоваться, что является важным качеством современного работника.

Таким образом, сегодня образование становится одним из главных факторов рыночного успеха, экономического роста и научно-технического прогресса. По мере развития общества знаний, основанного на использовании непрерывно наращиваемого и развертываемого культурного и интеллектуального потенциала личности, роль образования в институциональной среде социума возрастает и становится доминирующей. В то же время распространение и использование новых информационных технологий станет ведущим фактором трансформации образовательных практик в современном социуме.

Список литературы

1. Важны ли сертификаты онлайн-курсов при трудоустройстве – мнение работодателей// VC.RU [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: https://vc.ru/p/courses-hr. – Дата доступа: 25.02.2016.

2. *Королев, Д*. Онлайн-обучение заставляет студентов думать / Д. Королев // IQ.HSE.RU [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: https://iq.hse.ru/news/177665094.html. – Дата доступа: 19.06.2016.

ЭЛЕКТРОННЫЕ КОММУНИКАЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Никулина Юлия Владимировна
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

Проблемы эффективной коммуникации, коммуникативных связей в системе государственного управления актуальны во все времена. Утверждение в нашем обществе демократических принципов управления в качестве одного из необходимых условий включает в себя формирование системы государственного управления, основой функционирования которой должны стать публичность власти и открытость в принятии управленческих решений. В таких условиях коммуникативная функция органов государственного управления состоит в создании эффективной системы информационного обмена властных структур с внешней средой (населением, бизнес-структурами, институтами гражданского общества), в которой было бы сбалансировано использование прямых каналов информирования и каналов обратной связи.

Современные реалии требуют, чтобы процесс коммуникации в системе государственного управления рассматривался не как создание однонаправленных каналов информирования и навязывания со стороны властных структур определенных мнений и оценок населению, а как диалоговое по своей сути взаимодействие равноправных субъектов. Процесс такого коммуникативного взаимодействия призван создать согласованную систему учета интересов и реализации потребностей отдельных личностей, групп, социальных слоев. Таким образом, отлаженная система коммуникаций государственном управлении становится важнейшей составляющей и необходимым условием ее эффективного функционирования и устойчивого развития.

Коммуникация в системе государственного управления может и должна развиваться, постоянно совершенствоваться при опоре на новейшие достижения в области информационно-коммуникационных технологий. Наличие развитой информационной инфраструктуры, интегрирующей все уровни органов государственной власти и управления, применение эффективных средств сбора, систематизации, классификации, передачи и хранения больших объемов информации, современных технологий получения и обработки данных, их анализа и моделирования есть условие и показатель эффективности государственного управления.

Необходимость изменений в формате коммуникационных взаимодействий в системе государственного управления диктуется тем, что новые информационные технологии совершенно меняют парадигму отношений «производитель – потребитель», что для государства означает пересмотр всей системы и процедур взаимодействия с клиентами и партнерами. Бизнес уже давно почувствовал эти перемены и направляет усилия на борьбу за клиента, за постоянного потребителя. В случае с государством ситуация несколько иная. Клиентом государства является все общество, причем клиентом постоянным

(по умолчанию). Однако если государство намерено гармонично вписаться в информационное общество и быть там вполне конкурентоспособным, то должно в своей деятельности ориентироваться на новые форматы взаимодействий. Активное использование информационно-коммуникационных технологий в системе государственного управления связывают с внедрением проекта электронного правительства.

Электронное правительство трансформирует характер взаимодействий внутри правительства – между отдельными его ветвями, уровнями, подразделениями. Реинжиниринг внутриправительственных процессов составляет концептуальную основу проектов электронного правительства. Его задачи можно свести к следующим: удешевление работы правительства; ускорение прохождения документов через его структуры; увеличение возможностей контроля за деятельностью отдельных органов и служащих; увеличение конкуренции между служащими и повышение их квалификации, и др. Воздействие на процессы, протекающие внутри системы государственного управления, порождают и другие – структурные, функциональные изменения. Направленные на повышение эффективности государственного управления, трансформации бюрократической системы помогают преодолеть отдельные ограничения, которые свойственны классическим бюрократическим структурам, «очеловечить» традиционную бюрократическую структуру, сделать ее более гибкой и адаптивной, менее иерархической и зарегулированной, иными словами, осуществить переход к организациям постбюрократического типа.

Определенную трансформацию претерпевает и характер коммуникаций государства с контрагентами – гражданами и коммерческими организациями, основной формой которого является оказание государственных услуг. Перевод услуги в электронный вид предполагает не только ее информатизацию, но и реинжиниринг всего процесса ее оказания. Элиминированию подвергаются негативные, дисфункциональные практики, присущие современной бюрократии.

Итак, основными чертами электронного управления, отличающими его от традиционной бюрократической модели, становятся горизонтально и вертикально интегрированная система коммуникаций, системность, открытость, повсеместная электронная подконтрольность, масштабность, исполнительность, внутренняя открытость и взаимообусловленность, интегрированность. Однако с другой стороны, имеются основания к предположению, что наблюдаемым трансформациям присущ в некоторой степени амбивалентный и противоречивый характер. Повсеместная информатизация подвергает социальную практику существенным формальным изменениям. Так, регламентация форм, усиливающийся повсеместный контроль, особенно общественный, может привести при решении конкретного вопроса к такому состоянию, при котором сама процедура станет самоцелью, индивидуальность вопроса может быть вытеснена различного рода

регламентациями: организационными формами, строго регламентированными сроками и др.

Но, несмотря на указанные проблемы, главное, что обретает государство – это новое качество управления общественными процессами. У государства появляются возможности повысить свою эффективность за счет использования сетевых механизмов и технологий, основанных на более гибких, горизонтально и вертикально интегрированных «управляющих алгоритмах», в основе которых стратегии непрямого воздействия и диалога.

ЭФФЕКТ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОМАНДЕ

Палицын Василий Александрович
Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники, Минск

Коммуникации – неотъемлемый элемент функционирования любой команды. Особенно они важны при разработке компьютерных программ. Проведенные исследования показывают, что при работе над программами рабочее время программистов распределяется следующим образом: работа в одиночестве – 30%, работа в сотрудничестве с другим человеком – 50%, работа с двумя и более коллегами – 20%. В процессе общения формируются межличностные социально-психологические отношения [1]. Результаты исследований, проведенные в производственных коллективах в разные периоды в различных странах свидетельствуют о том, что социально-психологические отношения внутри первичных коллективов команд оказывают значительное влияние на творческую активность и эффективность труда членов этих команд. В чем сущность этого влияния?

В каждой команде в процессе деятельности складывается определенный характер отношений. Это происходит в результате межличностных коммуникаций на основе официальных и неофициальных психологических связей. Формируется совокупность официальных и неофициальных отношений между членами коллектива по горизонтали (*инженер* ↔ *инженер*) и по вертикали (*инженер* ↔ *менеджер*). Официальными принято считать отношения, обусловленные выполнением служебных функций (рабочих элементов, задач) проекта. Эти отношения являются основой целесообразного функционирования команды, а степень их рациональности определяют эффективность деятельности команды. Совершенствование системы официальных отношений осуществляется посредством различного рода коммуникаций формирующих характер функционирования команды (деление работ проекта на этапы, рабочие элементы, задачи, сроки, мотивационные мероприятия, официальное и неформальное взаимодействие).

Необходимо отметить некоторые особенности структуры официальных отношений. В основе ее лежит принцип целесообразности. Она принципиально безразлична, т. е. рассчитана на абстрактных индивидов, между которыми предполагаются идеальные отношения. Основная функция официальных отношений – обеспечение процесса разработки проекта программного обеспечения. Неофициальными принято считать отношения, возникающие на основе психологических связей (симпатия, антипатия), обусловленных общностью или различием интересов и целей членов команды. Естественно, процесс формирования неофициальных отношений происходит в рамках официальных отношений. Структуры официальных и неофициальных отношений находятся в постоянном взаимодействии. При этом наиболее благоприятные условия для формирования позитивных социально-

психологических отношений, полезных для команды и проекта, обеспечиваются в том случае, когда существует определенный приоритет официальных отношений над неофициальными или когда официальные отношения дополняются социально-психологическими отношениями и действие тех и других является однонаправленным.

Гармония официальных и неофициальных отношений является основой формирования благоприятного «социально-психологического климата» как устойчивого приподнятого настроения членов команды и коллектива в целом. От настроения команды зависит степень ее активности в достижении поставленных целей. Социально-психологические отношения определяют как общие для команды условия микросреда, так и отношения личности к другим, к себе, к команде и к компании. При этом межличностные отношения (отношения друг к другу) рассматриваются в качестве важнейшего фактора формирования отношения личности к труду, к команде, к компании. В таком случае неофициальные отношения подкрепляют структуру официальных отношений [4].

Межличностные отношения отражают индивидуальное сознание, психологические особенности и социальный опыт личностей, а следовательно, социально-психологические отношения представляют собой выражение межличностных отношений, складывающихся в процессе общения индивидов на основе официальных связей и неофициальных (эмоционально-психологических) связей, складывающихся на основе симпатий и антипатий работников друг к другу.

Чем же отличается характер социально-психологических отношений в разных командах? Сложившиеся в команде отношения определяют характер внутри коллективного взаимодействия индивидов, которое может быть в условиях:

– сотрудничества и взаимопомощи;

– безразличного отношения индивидов друг к другу;

– соперничества, разобщенности и противодействия.

Уровень социально-психологических отношений определялся тем, насколько в командах развиты сотрудничество и взаимопомощь.

Высокий уровень социально-психологических отношений, т. е. отношений взаимопомощи и сотрудничества благотворно отражаются как на социальных, так и на производственных результатах. Все обследованные первичные коллективы по уровню социально-психологических отношений распределились следующим образом: с высоким уровнем социально-психологических отношений (индекс отношений 1,0–0,8) – 20%; со средним уровнем отношений (индекс отношений в пределах от 0,8 до 0,6) – 50%; с низким уровнем отношений (индекс отношений от 0,6 до 0,3) – 30%.

Анализ собранной социологической информации позволил выявить основные причины низкого уровня социально-психологических отношений в первичных коллективах [5].

По данным исследования, в первичных коллективах социальные и производственные результаты тем выше, чем выше уровень социально-психологических отношений, т. е. чем сильнее развиты отношения взаимопомощи [3]. В коллективах с высоким уровнем социально-психологических отношений (индекс отношений > 0,8) производительность труда в 1,5–2 раза выше, чем в отстающих коллективах (индекс отношений < 0,6).

В коллективах со значением индекса отношений 1–0,9 при одинаковых производственных условиях текучесть кадров была в 4 раза ниже, чем в коллективах со значениями индекса отношений менее 0,8. Чем сильнее развиты отношения сотрудничества и взаимопомощи, тем успешнее члены коллектива повышают свое мастерство. Потери рабочего времени в коллективах со значениями индекса отношений в пределах 1,0–0,9 в два раза ниже, чем в группе со значениями индекса отношений от 0,8 до 0,6.

Создание отношений сотрудничества и взаимопомощи даже в благоприятной окружающей команду среде могут быть или реализованы, или не реализованы. Для того, чтобы создать такие отношения, необходимо обеспечить соответствующую мотивацию трудовой и творческой активности программистов. Менеджмент организации и менеджеры проектов должны осуществлять комплекс мер не только по организации работ, но и личностный подход в мотивации программистов.

Правильно сформировать команду разработчиков можно лишь тогда, когда менеджер проекта четко знает, сколько и каких программистов включить в команду. С этой целью разрабатывается схема деления работ WBS (Work Breakdown Structure), которая характеризует проект на самом низком уровне – на уровне элементов работ. Это своего рода перспективный план и календарная схема для каждого этапа проекта.

WBS позволяет менеджеру проекта разделить последний на элементарные компоненты. Процесс деления следующий:

– проект делится на этапы (с обозначением время выполнения и допущением параллельного выполнения этапов);

– этапы делятся на элементы работ (составные части этапов);

– элементы при необходимости подразделяются на задачи;

– задачи иногда разделяют на более мелкие части с тем, чтобы получить элементарные неделимые действия.

Когда WBS составлена, менеджер проекта может видеть как крупные, так и мелкие части проекта, их сложность и характерные особенности. Теперь он может описать каждую должность и обязанности сотрудника. Такое описание включает необходимые профессиональные навыки для определенной роли в проекте, границы должностных обязанностей, ответственность и требование к работе. Менеджер определяет критерии отбора кандидатов для той или иной роли (должности), которыми могут быть:

– уровень образования;

– знание предстоящих задач;

– опыт выполнения аналогичных работ в прошлом;
– способности, необходимые для решения задач;
– предыдущие достижения в работе;
– способность работать в коллективе;
– обладание качествами лидера и другие возможные критерии.

На этом этапе определяется тип и структура команды, которая может представлять матрицу частичной или полной занятости в зависимости от особенностей проекта, бюджета и возможности совмещения занятости сотрудников на разных проектах.

Матрица частичной занятости – это структура, позволяющая сотрудникам продолжать исполнение своих обязанностей на старом месте и часть времени выделять на разработку проекта. Однако, независимо от времени занятости все члены команды должны считать работу над проектом частью своих обязанностей.

Матрица полной занятости – это структура, применяемая для сотрудников, работающих по контракту с полной занятостью, когда они заняты на новом проекте все рабочее время.

Определение типа и структуры команды позволяет начать формирование состава команды. Менеджер проекта получает возможность формировать команду разработчиков с учетом сложности и уникальности работ. Для этого менеджер проекта должен знать профессиональный уровень каждого члена формируемой команды. Если в команду попадут индивиды, профессиональная непригодность которых обнаружится в ходе выполнения проекта, это будет губительным для него.

Подбор сотрудников проекта может осуществляться различными методами:

– на основе прошлого опыта работы в должности менеджера проекта (знание сотрудников по совместной работе над проектом);

– на основе изучения учетных записей работы сотрудников в других проектах;

– на основе сбора информации о прошлых заслугах того или иного сотрудника, о выполненных им задачах, успехах и неудачах (наиболее важную информацию можно получить в процессе непосредственного общения с руководителем этого сотрудника);

– путем включения в команду сотрудников по рекомендации руководства компании (вышестоящего руководства), которое самостоятельно ведет учет достижений работников в проектах;

– на основе рекомендаций известных в компании программистов-профессионалов.

Тщательный отбор сотрудников на новый проект позволяет с течением времени сформировать отношения сотрудничества и взаимопомощи в коллективе. Ведь практически для любого программного проекта обязательной является совместная работа. Вместе с тем, не исключено, что в команде окажутся некоторые сотрудники с непомерно высокими амбициями,

беспокойные личности или нарушители дисциплины. В таком случае большую роль может сыграть *система мотивации*.

Создание системы мотивации предполагает установление таких правил в команде, которые будут концентрировать внимание каждого сотрудника на конечном результате проекта. До всех членов команды следует довести общую цель проекта и показать каждому выгоду от достижения цели. Необходимо раскрыть членам команды:

– личную выгоду от участия в проекте и его своевременном завершении (денежное вознаграждение по итогам работы, дополнительный отпуск, возможное продвижение по службе и т. п.)

– выгоду своевременного и качественного завершения проекта для компании и важность этого для сотрудника;

– важность проекта для сотрудников в творческом плане, новизне технологии, увлекательности работы;

– важность выполнения задачи проекта для профессионального роста всех сотрудников.

Система мотивации предполагает как меры поощрения, так и меры взыскания. В связи с этим важна объективная оценка каждого сотрудника по качеству и по срокам выполнения работ. Задачи, поручения и сроки выполнения следует документировать. Соответственно, документируются все случаи нарушения сроков работ, задержки выполнения задач и неполное выполнение графика. Для недисциплинированных сотрудников необходимо предусматривать определенные взыскания, включающие предупреждения и возможное вынужденное отстранение от работы. Каждое взыскание должно следовать только после тщательного изучения причин нарушения и выяснения мотивов у самого нарушителя.

Особое значение имеет *обеспечение общения в команде*. Совместная работа в команде требует от ее членов полного взаимопонимания, а без общения этого добиться невозможно.

Общение в команде может быть двоякого рода: общение, связанное с проектом и общение, позволяющее снять психологическое напряжение. Оба вида общения важно планировать, чтобы управлять взаимодействием членов команды и формировать отношения сотрудничества и взаимопомощи.

Для улучшения общения в команде можно использовать следующие методы:

– доски объявлений для сообщений и отчетов по проекту;

– почтовую рассылку по проекту;

– web-сайт проекта для публикации документов, страниц членов команды, технических статей, заметок по проекту, учебных материалов для самообразования;

– совещания по проекту для постановки задач и обсуждения возникших проблем;

– заседания, посвященные обсуждению лучшего опыта и презентациям членами команд решений сложных задач.

Труд программистов отличается особой сложностью и высокой напряженностью, в связи с чем важно планировать и организовывать общение для снятия стресса, так называемое неслужебное (веселое) общение:

– праздники для участвующих в проекте;

– празднование дней рождения;

– проведение викторин, игр с призами;

– организация неформальных обедов и ужинов.

В Microsoft, например, для поднятия духа разработчиков используется следующий комплекс мер поощрения. Каждой группе программистов выделяются средства, которые члены группы могут потратить на что угодно. Одни коллективы приобретают автоматы для воздушной кукурузы (такие, которые стоят в кинотеатрах), другие выезжают на горнолыжные курорты или ходят в боулинг, а некоторые организуют пикники.

Используются и не денежные вознаграждения: дарятся часы, футболки, толстовки, пляжные полотенца, коврики для мыши и т. д. При завершении проектов участники награждаются пластиковой медалью «За сдачу». Все это делает жизнь сотрудников разнообразнее и объединяет их.

В успешном завершении проектов особая роль отводится *менеджеру проекта*. Менеджер, руководитель команды – лидер, он должен обладать способностью мотивировать людей для достижения цели. В данном случае ораторство не обязательно. Менеджеру нужно самому увлечься проектом и заразить других членов проекта энтузиазмом, рвением и стремлением к успеху. Менеджер проекта, желающий стать лидером команды, должен заботиться не только об успешном завершении проекта, но и об успехах каждого члена команды. Нужно передать членам команды свою увлеченность, сформировать коллективную заинтересованность в работе.

Менеджеру проекта необходимо сформировать в себе «дух авторства» всего проекта. Этим его авторство отличается от авторства члена команды, который отвечает лишь за поставляемую им часть.

Менеджер проекта должен участвовать во всех действиях по реализации проекта. Необходимо обеспечить и у менеджера проекта, и у каждого члена команды одинаковый уровень значимости авторства и одинаковую ответственность, но учитывать при этом сложность решаемой каждым членом команды задачи. Менеджер проекта должен иметь уровень авторства, пропорционально возложенной на него ответственности.

Обязанность менеджера проекта состоит в том, чтобы обеспечить признание возможностей членов команды завершить проект и сформировать поставляемые им части. Если менеджер проекта не имеет авторитета и прав для распределения задач среди членов команды, то целей проекта трудно будет достичь.

Члены команды также несут определенную ответственность за завершение работ и разделяют с менеджерами риск, связанный с участием в проекте, поскольку получат личное преимущество после успешного завершения проекта. Взаимоотношения между членами команды и между членами команды

и менеджером проекта определяются взаимной обязанностью и доверием. Отношения между командой разработки и менеджером проекта должны быть взаимовыгодными.

Члены команды должны согласиться с лидерством менеджера проекта и поддерживать его решения, схему распределения ресурсов и дух лидерства других членов команды при создании отдельных поставляемых частей. Менеджер проекта не является начальником каждого члена команды, но должен иметь необходимый уровень доверия и авторитетности, чтобы принятые им решения поддерживались коллективом.

Для успеха проекта ИТ менеджеру необходимы следующие черты лидера:

– способность работать профессионально;
– способность работать с людьми;
– опыт управления;
– нацеленность на качество;
– ориентация на успешное завершение проекта;
– заинтересованность в успехе проекта;
– заинтересованность в успехе команды;
– воспитанность и порядочность;
– умение прислушиваться к чужому мнению [5].

Обладая такими качествами, менеджер проекта будет способен создать высокопрофессиональную команду, действующую на основе отношений сотрудничества и взаимопомощи.

Научные исследования по формированию команд и управлению ими в последние годы получили дальнейшее развитие. В современной литературе структура взаимоотношений в коллективах трактуется как неформальная сеть. Неофициальные отношения обычно не заметны менеджерам и мало понятны им. И эта проблема обостряется везде, где явно просматривается иерархическая структура, распространена виртуальная работа или налицо процессы интенсивной глобализации. Менеджеры могут точно представлять свою личную социальную сеть, охватывающую 5–7 наиболее близких им людей, но представления о сотрудниках вне круга непосредственного общения не имеют. Для того, чтобы действительно изучать социальные сети каких-либо групп, оказывающих влияние на работу первичных коллективов, менеджеры должны учиться тому, как перераспределять информационные потоки, кому лучше делегировать полномочия, вовлекать людей с периферии в общую деятельность и использовать опыт коллектива. Исследование социальных сетей на современном этапе имеет важнейшее значение в связи с необходимостью быстрого распространения в коллективах новых знаний и повышения профессионализма работников [2].

Список литературы

1. *Демарко, Т.* Человеческий фактор: успешные проекты и команды / Т. Демарко, Т. Листер. – СПб.: Символ-Плюс, 2008. – 256 с.

2. Как превратить знания в стоимость: Решения от IBM Institute for Business Value / сост. Э. Лессер, Л. Прусак. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 248 с.

3. *Палицын, В. А*. Что может бригада / В. А. Палицын. – М.: Политиздат, 1983. – 77 с.
4. Первичный производственный коллектив: формирование, управление, эффективность / В. А. Палицын [и др.]; под ред. Г. П. Девидюка, В. А. Палицына. – М.: Институт социологических исследований АН СССР, 1980. – 181 с.
5. *Филипс, Д*. Менеджмент ИТ проектов / Д. Филипс. – М.: Лори, 2005. – 374 с.

ИНТЕРНЕТ И ГЛОБАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОСТИ

Радевич Екатерина Владимировна
Белорусский государственный университет, Минск

В настоящее время информационная технология позволяет практически неограниченно взаимодействовать различным культурам, а их представителям осуществлять информационный обмен, оказываясь под влиянием различных информационных потоков. Это положительный процесс, способствующий оптимальному развитию глобальной инфокультуры. В то же время глобальная информационная технологическая культура неизбежно ведет к унификации, которая представляет непосредственную опасность для культуры малых народов. С другой стороны, сегодня, как никогда ранее, существует возможность представить широкой аудитории различные культурные творения. Главная проблема состоит в том, что способ предоставления слишком унифицирован, т. е. сама технология передачи культуротворчества подгоняется под единый стандарт, а все то, что не подходит под этот стандарт, – игнорируется владельцами технологий, в том числе по причине материальной нерентабельности.

По мере распространения информационных технологий происходит формирование новой инфосреды, в которой компьютерный интеллект занимает главенствующую роль, однако Э. Тоффлер не теряет оптимизма относительно человеческих способностей, говоря о том, что «у нас есть интеллект и воображение, которыми мы до сих пор еще не начали пользоваться» [3 с.287]. Конечно, тотальное распространение компьютеров не может не нести негативных последствий, однако философ отмечает, что компьютеры «помогут нам и не только нескольким “супертехнократам” – гораздо серьезнее думать о самих себе и о мире, в котором мы живем» [3, с.290].

Помимо средств массовой информации, к которым относятся радио, телевидение, телефонная и транспортная коммуникации, на современном этапе цивилизационного развития существуют такие информационно-коммуникационные каналы, как Интернет, компьютерные средства связи, система мультимедиа. Однако если уже ставшие традиционными средства массовой коммуникации не создают новые социальные связи, то современные коммуникационные технологии могут способствовать возникновению новых социальных структур, например, таких, как виртуальные сообщества. Они структурируются вокруг общих целей и интересов и представляют собой интерактивную коммуникационную сеть. В этом состоит одна из отличительных особенностей Интернета, позиционирующегося себя не только как информационная сеть, но и как коммуникационная. «Такие сообщества могут быть относительно формализованы, как в случае конференций или системы «досок объявлений», либо спонтанно формируются социальными сетями, которые подключаются к компьютерной сети, чтобы посылать и получать сообщения в избранной структуре времени (в отложенном или

реальном времени)» [2, с. 342–343]. Стоит отметить особую роль социальных сетей в современном обществе, которые становятся не только площадками для общения, но и виртуальной сферой для обмена информацией, которая часто носит нелегитимный характер – экстремистское содержание, призывающее совершать неправомерные действия, подстрекающее к разжиганию расовой или национальной вражды. В то же время, важным воздействием компьютерной коммуникации на культуру становится укрепление существующих социальных структур и превращение их в глобальные, космополитизированные объединения.

Такой новый тип глобальной информационной культуры характеризуется существенными сдвигами в коммуникативном пространстве социума. Это касается новых способов хранения и трансляции информации. Современные информационно-компьютерные технологии позволяют осуществлять поиск больших объемов информации в сжатые временные интервалы благодаря наличию электронных поисковых систем. Многие письменные носители информации – научная и художественная литература, печатные издания – уже давно оцифрованы и перенесены в электронные ресурсы. Объединенная в единую систему аудиовизуальная и вербальная информация воплотилась в технологии Мультимедиа, которая превратила процесс коммуникации между людьми в принципиально интерактивный процесс. Это, в свою очередь, создает возможности для повышения творческой активности человека.

Изменяется семиотическое поле культуры, поскольку трансформируются сами социокоды, фиксирующие специфику той или иной культурной традиции. Новый тип информационной культуры становится гипертекстуальным – это уже не однородное пространство культурных смыслов, а нелинейная последовательность, которая задается новыми коммуникационными технологиями, позволяющими осуществлять «прыжок» в семантическом пространстве информации. Такая полифоничность в выборе и создании культурных кодов стала возможна благодаря сетевым технологиям, в первую очередь Интернету.

«Интернет как социокультурный феномен сложен и противоречив. С одной стороны, он открывает невиданные до сих пор возможности коммуникации, получения и хранения информации. С другой, многим дает возможность находить готовые ответы на сложные вопросы, что приводит к уменьшению роли рефлексивного в культуре. Парадоксальность ситуации проявляется и в том, что в современном обществе одновременно сосуществуют два противоречивых явления: процессы глобализации способствуют формированию глобально мыслящего субъекта, но, в то же время, усиливается фрагментарность личности» [2].

Безусловно, каждая историческая эпоха имеют свои специфические особенности социокультурной коммуникации. Большое значение в данном случае имеет материально-техническая база коммуникативного процесса. Последние десятилетия XX столетия продемонстрировали бурное развитие ИКТ, которые нивелировали все пространственно-временные границы. Это

существенным образом изменило коммуникативное пространство современности, значительно ускорило все социальные процессы, трансформировало социальные взаимодействия во всех сферах человеческой деятельности. Формирование глобального культурно-информационного пространства в значительной степени оказало влияние на все социальные процессы, на формирование общественного и индивидуального сознания.

Список литературы

1. *Захарова, О. А.* Информационно-коммуникативная компетентность государственных служащих в условиях современных социокультурных изменений: автореф. дис. …канд. культурологи: 24.00.01 / О. А. Захарова; Рос. Акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации [Электронный ресурс] // Авторефераты и темы диссертаций. – Режим доступа: http://discollection.ru/article/23052007_zaharova_oksana_aleksandrovna_76115/3. – Дата доступа. – 04.01.17.

2. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

3. *Тоффлер, Э.* Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 1999. – 784 с.

ИНТЕРНЕТ И НОВЫЕ ФОРМЫ КОММУНИКАЦИИ

Рубанов Анатолий Владимирович
Белорусский государственный университет, Минск

Первой из базовых основ формирования информационного общества является резкое возрастание объемов производства и использования разнообразной информации, ускорение темпов ее передачи. Второй – возникновение и интенсивное развитие на базе сети Интернет новых форм коммуникации.

Количество и разнообразие новых форм взаимодействия постоянно растет. Первоначально это была электронная почта. В настоящее время к ним относят также чаты, блоги, вики, веб-конференции, профессиональные и тематические форумы, сетевые и онлайновые игры, списки рассылки и др. По степени интерактивности коммуникация может вестись как в режиме реального времени (вопрос – ответ или тезис – антитезис), так и с задержкой ответа.

Особую роль в развитии новых форм коммуникации играет их сетевой характер. Сетевые связи – это определенным образом структурированная совокупность социальных связей и взаимодействий между людьми. По своему строению и структуре совокупность этих связей, в силу их расположения по различным направлениям и на разных расстояниях, перекрещивающегося, переплетающегося характера, напоминает сеть. По этой причине совокупность выстроенных подобным образом взаимоотношений и взаимодействий людей принято называть сетевыми связями или социальными сетями.

Сетевой характер взаимосвязей людей имеет длительную историю. Но только с появлением Интернета была создана глобальная информационно-коммуникативная сеть, практически снявшая пространственные, организационно-иерархические и другие ограничения на доступ к информации и разнообразному по формам, в том числе одновременному, общению и взаимодействию больших групп людей.

Тот факт, что именно социальные сети и возникающие на их основе сетевые сообщества в последнее десятилетие стали доминирующей формой интернет-общения, подтверждают результаты социологических исследований, проведенных, в частности, в Беларуси. Они показывают, что из новых электронных форм коммуникации их выбирает до 90 % пользователей сети Интернет.

В соответствии с двумя базовыми формами социальных сетей (универсальными и специализированными) возникли два типа сетевых интернет-сообществ. Отличительной особенностью универсальных сообществ является то, что общение в них не ограничено какой-то одной, четко очерченной тематикой. Направленность их деятельности состоит в увеличении числа участников виртуального взаимодействия и интенсификации контактов между ними.

В настоящее время по числу участников доминируют универсальные сетевые сообщества. В перспективе, скорее всего, более привлекательными

станут специализированные виртуальные сообщества, прежде всего в силу того, что они объединяют людей, близких по своим интересам, взглядам на жизнь, стилю мышления, наконец, уровню образовательного и профессионального развития. Очевидно, что в отдельности эти сети не достигнут масштаба и наполняемости универсальных социальных сетей, но в совокупности могут превзойти их как по численности общающихся в сети, так и по интенсивности общения.

Важнейшее преимущество коммуникации посредством сети Интернет состоит в ее в значительной степени неиерархическом («горизонтальном») характере, возможности общения «всех со всеми». Это существенно демократизирует взаимодействие отдельных индивидов и организаций и расширяет его социальные границы. По этой причине в пространстве Интернет активно растет интенсивность как межличностной, так и разного вида деловой коммуникации. В обоих случаях участников виртуальных коммуникационных процессов также привлекает их предельная оперативность, широчайшая зона охвата, простота в исполнении и низкая себестоимость.

В ситуации с межличностной коммуникацией это еще и свободный характер выбора участников общения, возможность одновременной коммуникации с широким кругом партнеров, более интенсивный поиск единомышленников, свобода творческого самовыражения и самопрезентации, т. е. представления себя другим людям, доминирование плюрализма мнений и диалогового характера взаимодействия и т. п.

Для деловых структур новые информационно-коммуникационные технологии важны, во-первых, для установления и поддержания эффективных взаимовыгодных связей; во-вторых, в целях рекламы, продвижения товаров и услуг; в-третьих, для формирования круга постоянных клиентов; в-четвертых, для осуществления практических коммерческих операций (электронная торговля, платежи, банковские операции, оперативный обмен информацией и подготовка документов, оформление до-говоров, предоставление электронных налоговых деклараций и др.).

В социально-политической сфере развитие виртуальных социальных сетей и сообществ создало новые условия для реализации разного рода политических и идеологических проектов, породило возможность ускоренной идеологической, организационной, морально-психологической и др. мобилизации участников социальных акций и движений. То, с какими целями и как реализуется этот потенциал, находится в прямой связи с намерениями и целями их инициаторов и руководителей. Очевидны и негативные проявления новых форм коммуникации. Состоят они в анонимном характере; фактическом отсутствии узаконенных правовых норм и ответственности за свои действия в сети; возможности сознательного обмана интернет-аудитории в коммерческих или политических целях. В межличностной коммуникации, особо в так называемом процессе конструирования виртуальной личности (нередко вымышленной), ориентированной на идеальное Я взамен реального, чем чаще всего занимаются подростки и молодежь и др.

ПРОЦЕСС КОММУНИКАЦИИ «ПОЛИТИК-ИЗБИРАТЕЛЬ»: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МОДЕЛИ «РАЦИОНАЛЬНОГО» И «ЗАВИСИМОГО» ИЗБИРАТЕЛЯ»

Руденко Ольга Анатольевна
Белорусский государственный университет, Минск

Значимость рассмотрения коммуникации «политик – избиратель» в избирательной кампании имеет не только теоретическое значение, но и несет в себе практический смысл. Избиратели с различным уровнем политической активности воспринимают политика не только как человека, который обладает некими уникальными способностями, но и как человека, который может предоставить наибольшие экономические выгоды тем, кто будет голосовать «за».

В современном информационном пространстве процесс коммуникации «политик – избиратель» обусловлен не только значимостью СМИ как канала передачи информации в период предвыборных баталий, но и способностью СМИ тиражировать нужную информацию об избирательной кампании в целом.

В современной научной литературе можно встретить теоретические наработки различных моделей голосования, которые в последующем находят свое отражение в ряде социологических замеров.

Основанием модели «зависимого» избирателя служит идентификация избирателей с определенной политической партией. На практическом уровне основания данной модели голосования выявляются в ходе социологического исследования электорального поведения на предмет симпатий/антипатий к политическим партиям и уровне их поддержки. По результатам ряда социологических замеров в Республике Беларусь идентификацию и тесную привязку к определенным политическим партиям у избирателей эмпирически можно обнаружить в рейтинге доверия и поддержке определенных оппозиционных сил.

Отсутствие на политическом рынке Республики Беларусь политика, способного конкурировать с действующим Президентом не только может служить критерием общей разочарованности электората в существующих политических альтернативах, но и показателем политической индифферентности. Ярким примером неудовлетворенности электората предлагаемыми альтернативами являются результаты выборов 11 октября 2015 года, где второе место по числу голосов занял кандидат «против всех» (6,3%) [1].

Рассматривая основания, которые отражают сущностные характеристики модели «зависимого» избирателя с позиции солидарности с политическими партиями в Беларуси, по результатам как выборов, так и мониторинга общественного мнения можно судить лишь о незначительной поддержке оппозиционных сил и отсутствии на политическом рынке весомой политической альтернативы, в полной мере способной конкурировать с действующим Президентом.

Общая разочарованность и отсутствие весомых альтернатив в последующем может отразиться в массовом сознании как ситуация, при которой электорат не ориентирован на поддержку того, кто находится у власти, и поиском «своего идеального кандидата».

Партийную идентификацию обычно связывают с процессами социализации, прежде всего, юношеской. Так как именно в данный период партийные предпочтения членов семьи и приверженность к определенным политическим предпочтениям имеют большую значимость при голосовании за отдельных кандидатов, политические предпочтения членом семьи, особенно наиболее авторитетного из ее членов, в последующем определяют электоральный выбор и дальнейшие мотивы голосования.

Также следует отметить фактор «референтной группы», который может внести существенные изменения в электоральный выбор. Именно солидарность с группой и зависимость от нее способствует формированию электорального выбора.

Информированность о политических событиях и анализ программ кандидатов в «зависимой модели» голосования не играет никакой существенной роли, процедура выбора не предусматривает аналитического обзора политического и социального контекста. В основе выбора избирателей лежит иррациональное начало. Солидарность к политической партии и референтной группе превалируют и являются определяющим фактором выбора.

Сама по себе партийная идентификация способствует, с одной стороны, «быстрому» выбору, а с другой стороны, определяет выбор в качестве «нерационального».

«Зависимый избиратель» действует по принципу солидарности к референтной группе или политической партии. Сам по себе выбор не имеет рациональных основ. Информированность и знание политического контекста уступают преданности группе и принятие одинакового с ней решения. Аналитический обзор текущих политических событий и социального контекста уступает место иррациональному обоснованию собственной политической позиции.

В свою очередь, если сравнивать модель «зависимого» и «рационального» избирателя, в последней явным основанием может выступать как социально-экономическая ситуация, так и текущее политическое событие, позиция кандидатов по различным вопросам социально-экономического устройства общества. «Быстрое» голосование уступает место более обдуманному выбору, в котором взвешиваются все «за» и «против».

Избиратель «рациональный», как правило, опирается на результаты прошлой деятельности кандидата, нежели на анализ обещаний относительно будущих общественно-политических и экономических преобразований. В полной мере обосновывается зависимость выбора избирателя от экономических выгод, которые выбранный кандидат или партия сможет реализовать. При выборе, избиратель рассматривает кандидата с различных позиций: от внешней привлекательности до изучения политической программы, биографий.

Изучение избирателями предвыборных программ и биографий можно отнести к коммуникации политика и избирателя, где структура и содержание текста имеет не последнее значение, а СМИ выступает не только средством получения такой информации, но и той инстанцией, с помощью которой моделируется определенный общественно-политический контекст выборов.

Список литературы

1. Сообщение Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов об итогах выборов Президента Республики Беларусь в 2015 году [Электронный ресурс] / Центральная комиссия по выборам и проведению республиканских референдумов. – Режим доступа: http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Elections-PRB2015-Soob3.pdf. – Дата доступа: 01.09.2016.

ПРОБЛЕМА ИНКЛЮЗИВНОСТИ В СЕТЕВОМ (СО)ОБЩЕСТВЕ

Сарна Александр Янисович
Белорусский государственный университет, Минск

Коммуникационно-информационные технологии и электронные социальные сети выстраивают современное общество как «network society» (М. Кастельс), в котором действуют два базовых принципа интеракции – включение в виртуальное сообщество и исключение из него. Сетевые сообщества в интернете складываются на основе дистанционного взаимодействия, опосредованного цифровой средой, которая «искажает» межличностные отношения, допуская анонимность и сосредоточенность прежде всего на собственных интересах.

Развитие этих интерактивных практик приводит к распространению следующих трендов среди интернет-пользователей: нарциссическое самоутверждение как мода на «селфи» («Я» для «Другого»), когда происходит предъявление себя другим пользователям для подтверждения собственной значимости; демонстративное потребление и расточительство («Я» лучше «Другого») в желании максимально усилить свой позитивный имидж и создать идеализированное представление о себе в сообществе; экстремальное поведение, способное довести до ярко выраженного суицидального отклонения («Я» против «Другого»), когда пользователь сетей сознательно бросает вызов представителям иных сообществ, желая привлечь внимание «своих» за счет отрицания норм и ценностей «чужих» [5]. Однако, будучи не в состоянии преодолеть тотальную зависимость от «Другого», такая виртуальная агрессия неизбежно оказывается губительной для самого агрессора.

Она воплощается в реальный террор как попытка устранить «Другого» физически, когда мигранты убивают и калечат людей в западной Европе, а минский студент орудует бензопилой в столичном торговом центре, практикуя убийство как изуверскую форму суицида. Последний случай показывает, что Беларусь не миновали все указанные выше тревожные тенденции: в Гомеле видеоблогер поджигает себя, чтобы получить от пользователей соцсетей больше лайков [2], а в Минске школьники в массовом порядке участвуют в интерактивной сетевой игре-квесте, попадая в пресловутые «группы смерти» [3]. Развитие событий по такому сценарию вполне соответствует размышлениям Ф. Берарди о современной депрессии, суицидах и массовом насилии как диагнозе цифровой эпохи [6].

Одной из главных причин сложившейся ситуации можно считать разделение на «богатых» и «бедных» по Н. Больцу, т. е. «подключенных к сети» и «неподключенных», исключенных из нее [1]. Возникает проблема инклюзивности, когда участники сообщества солидаризируются и совместными усилиями создают замкнутое пространство, в которое посторонним доступа нет – закрытую сеть, в рамках которой невозможно взаимодействовать с «Другим».

Проникновение «чужаков» в такое сообщество угрожает ему расколом, что в глобальном масштабе приводит к деградации международных соглашений, кризису и утрате доверия между государствами – как в случае выхода Великобритании из Евросоюза («брексита») или США из Парижского соглашения по климату. В Соединенных Штатах Америки победа Д. Трампа на президентских выборах 2016 года также может расцениваться как симптом кризисной ситуации в стране, ведь ее итоги определили те, кто считает себя «заложниками истеблишмента», исключенными из процесса принятия решений в результате правления политических элит и требующими немедленного изменения ситуации. Залогом победы Трампа стала доктрина так называемого «неопопулизма», которая «основана на идее, что общество разделено на две враждующие группы – коррумпированную правящую элиту и честный трудящийся народ. Неопопулисты убеждены в необходимости создания кардинально новых политических движений и методов обуздания элит» [4].

В Европе значительную роль начинают играть «альтернативные правые», призывающие нацию сплотиться перед лицом «внешней угрозы». «Альт-правые» позиционируют себя в качестве ультраконсерваторов и громогласно (и часто в оскорбительной форме) выступают против иммиграции, мультикультурализма, феминизма, ислама, чрезмерной политкорректности, прав геев и так далее» [4]. Антиглобалистский тренд и соответствующие риски усиливает Россия, ощущающая себя исключенной из европейского (западного) сообщества и пытающаяся компенсировать свое положение.

Такая внешняя политика может расцениваться как провокативная, что грозит привести к изоляционизму, глобальной нестабильности и крупным международным конфликтам. Альтернативой может стать установка на солидарность и партиципацию – сотрудничество на международном уровне между государствами и организациями с учетом их национальных и корпоративных интересов, согласованием приоритетов и уважением к ценностям «Другого».

Список литературы

1. *Больц, Н.* Азбука медиа / Н. Больц. – М.: Европа, 2011. – 136 с.
2. В Гомеле начинающий видеоблогер пожег себя ради лайков. [Электронный ресурс] / Mail.ru. – Режим доступа: https://news.mail.ru/incident/30417828/?frommail=1. – Дата доступа: 10.09.2017.
3. Милиция: «Тысяча минских школьников в группе «Синий кит», мы взяли ситуацию под контроль». [Электронный ресурс] / TUT.by. – Режим доступа: https://news.tut.by/society/534995.html. – Дата доступа: 10. 09. 2017.
4. Политический лексикон-2016: от «альт-правых» до «снежинок» [Электронный ресурс] / BBC.com. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/features-38240099. – Дата доступа: 10. 09. 2017.
5. Самые безумные селфшоты. [Электронный ресурс] / AdMe.ru. – Режим доступа:http://www.adme.ru/illustration-and-photography/samye-bezumnye-selfshoty-610555// – Дата доступа: 10. 09. 2017.
6. Франко «Бифо» Берарди: «Депрессия – самая прогрессирующая болезнь столетия» [Электронный ресурс] / COLTA.ru. – Режим доступа: http://www.colta.ru/articles/society/12939. – Дата доступа: 10. 09. 2017.

СОБЫТИЕ В ГОРОДЕ: ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛИ КОММЕНТИРУЮТ ПРАЗДНОВАНИЕ 950-ЛЕТИЯ МИНСКА

Сарна Александр Янисович
Белорусский государственный университет, Минск

В данной статье предпринята попытка выявить и проанализировать особенности обсуждения празднования 950-летия Минска в сентябре 2017 года интернет-пользователями в технологическом формате электронной коммуникации. Последняя опосредована сетевой средой, что позволяет рассматривать ее как форму массовой коммуникации, имитирующую межличностную в режиме полилога, открытого для любого желающего присоединиться (зарегистрированного в сети). Для выявления специфики общения на порталах основных белорусских онлайн-СМИ был осуществлен конверсационный и риторический анализ сообщений пользователей, размещенных после текста основной статьи (фоторепортажа). Подобный пример практики комментирования можно считать достаточно репрезентативным в случаях, когда необходимо оперативно выяснить реакцию интернет-аудитории на какое-либо событие и его освещение в СМИ, точнее – в их цифровых версиях в сети.

Для этого используется конверсационный анализ – стратегия интерпретации текстов, в которых осуществлена визуальная или аудиальная фиксация процесса общения участников межличностной коммуникации или имитация такого общения, что и происходит в интернет-среде. Применительно к новым медиа конверсационный анализ ориентирован на выявление и сравнение речевых стратегий и тактик, используемых участниками публичных обсуждений какой-либо дискуссионной темы в ток-шоу, чатах, форумах, блогах и т. п. Общение или беседа рассматривается как межличностное взаимодействие, состоящее из серии коммуникативных актов (интеракций), специфика которых непосредственно связана с социальными позициями собеседников и принимаемыми (или игнорируемыми) ими общими нормами и правилами, а также установками на понимание друг друга.

Будучи тесно связан с теорией речевых актов, предложенной Дж. Остином и Дж. Сёрлем, конверсационный анализ также имеет непосредственное отношение к этнометодологии Г. Гарфинкеля, поскольку рассматривает социальный порядок не как внешнее условие, ограничивающее коммуникацию, а как ее результат, формирующийся в условиях целенаправленного или спонтанного взаимодействия акторов. Основоположниками метода считаются Г. Сэкс и Е. Щеглофф, которые, начиная с 60-х гг. XX в., в своих наблюдениях и анализе старались раскрыть неявные или артикулируемые условия осуществления беседы в естественных ситуациях общения.

Именно им удалось сформулировать основные положения конверсационного анализа, которые заключаются в следующем: 1) это синхронический подход, фиксирующий процессы, разворачивающиеся в

реальном времени; 2) анализ должен опираться на эмпирические данные, а не теоретические положения; 3) беседа хотя бы минимально структурирована и упорядочена для ее поддержания участниками на основе принятия определенных условий (норм) взаимодействия; 4) данные нормы и правила могут быть реконструированы не только участниками общения, но и наблюдателями-исследователями; 5) для интерпретации процесса общения необходимо воссоздание его контекста, вне которого понимание становится невозможным. Также крайне важно, что коммуниканты должны быть постоянно ориентированы друг на друга, учитывая реакцию собеседника в готовности изменить свою тактику общения.

При этом считается, что в основе их речевого поведения лежат главным образом не индивидуальные мотивы и потребности, но «модели участия» (patterns of participation) – инвариантное и интерсубъективное понимание социальных процессов и межличностных взаимоотношений, обусловливающих возможность использования языка в условиях устной или письменной коммуникации. В центре внимания исследователей – способы комбинирования слов и словосочетаний как высказываний, направленных на построение осознанных коммуникативных взаимодействий. Выделяются такие элементы и составляющие коммуникации, как средства начала и завершения беседы, возможности ее поддержания и развития темы, осуществление переходов от одной темы к другой, распределение коммуникативных ролей и варианты их смены, коммуникативные ходы и последовательность действий, исправление ошибок в общении и т. д.

В процессе общения интернет-пользователей значимым для исследователей становится все, что происходит в процессе взаимодействия, включая паузы, заминки, вздохи, растягивание звуков – в той мере, в какой они оказывают влияние на поведение собеседников. Ведь, например, общение по телефону или в технологическом формате Skype может быть построено таким образом, что на первый план в коммуникации будут выдвинуты именно экстралингвистические параметры взаимодействия. Поэтому анализ беседы должен осуществляться очень подробно и тщательно, а любые детали следует учитывать как элементы, позволяющие выстроить процесс связного и эффективного взаимопонимания. Для нас, однако, наиболее важны те особенности коммуникативной практики, которые оформляются в виде письменной электронной речи, способной имитировать некоторые черты устной, прежде всего – передавать ее эмоциональную составляющую посредством графических символов.

Также важна и такая исследовательская стратегия интерпретации текстов, как риторический анализ, основанный на выявлении и объяснении возможностей использования различных средств убеждения (влияния) автора высказывания на аудиторию. Данный подход помогает выявить особенности применения различных стратегий и тактик убеждения в зависимости от речевой ситуации. В риторическом контексте важны прежде всего два аспекта – правильность речи с точки зрения точного соблюдения нормы и речевое мастерство как возможность

варьирования нормы и даже умышленного отклонения от нее, ее преодоления. Оба аспекта подразумевают уместность, точность, выразительность и оригинальность речи, что позволяет оценивать уровень мастерства и владения речью автором текста. Оно включает в себя выбор языковых средств, тематическую, ситуативную и коммуникативную уместность высказывания, его точность и ясность, индивидуальность, эмоциональность и пр. Достаточно важную роль играют и невербальные средства усиления воздействия – например, внешность, взгляд, осанка, мимика при обращении к аудитории (видеотекст) или такие графические средства сообщения, как эмотиконы («смайлики» и т. п.).

Для анализа выразительности речи акцент ставится на выявлении и систематизации художественных средств, используемых в тексте для преувеличения, искажения, обобщения в изображении объектов, уподобления их чему-либо при использовании таких риторических фигур и тропов, как метафора, метонимия, гипербола, литота и пр. В визуальных текстах эти эффекты обычно достигаются посредством манипуляции изображением с помощью программы Photoshop в таких жанрах, как «демотиваторы», «фотожабы» и т. п.

Однако оценка правильности построения речевого сообщения еще не гарантирует понимания его эффективности. Нужно всегда учитывать вероятность того, что именно отступление от языковой нормы или ее умышленное нарушение может вызвать наиболее сильное влияние на аудиторию. Достаточно вспомнить пример «олбанского языка», чтобы убедиться, что взаимопонимание между интернет-пользователями может быть достигнуто не путем соблюдения норм высказывания, но через их нарушение, позволяющее создать и сплотить сообщество. Это можно увидеть и в рассматриваемых примерах, взятых из практики комментирования на популярных белорусских порталах TUT.BY, Onliner и CityDog. Данные интернет-ресурсы наиболее востребованы среди белорусских пользователей (особенно минчан), поэтому представленные на них материалы позволяют достаточно полно репрезентировать общую реакцию публики на то или иное событие.

При этом нужно учитывать относительную независимость в информационной политике данных источников, которые модерируют комментарии, но не подвергают их цензуре, за счет чего отсеиваются лишь откровенно оскорбительные и нецензурные записи. Так что здесь преобладают критические замечания, отражающие скептические настроения минчан в отношении практически любых мероприятий и иных инициатив со стороны власти. Между тем, возможность комментирования персонально для пользователей реализована лишь на подобных независимых ресурсах, официальные же онлайн-СМИ и информационные порталы такой возможности рядовым пользователям, как правило, не предоставляют, воспроизводя схему работы с публикой по образцу традиционных СМИ – в виде писем в редакцию и ответов на них. В итоге, несмотря на наличие материалов о праздновании Дня города в Минске 9 сентября на таких сайтах, как «СБ-Беларусь сегодня» (нет

комментариев) [2], «Минский курьер» [1] и БелТА [8] (нет возможности оставлять комментарии), мы лишены возможности собрать онлайн-отклики от минчан, ознакомившихся с данными материалами.

Рассмотрим представленные на альтернативных ресурсах сообщения интернет-пользователей более подробно и попытаемся выявить их основные коммуникативные тактики и стратегии. Так, на портале CityDog не было обнаружено собственных авторских материалов в виде статьи или репортажа о праздновании Дня города, но был позаимствован репортаж с Международного кубка по воздухоплаванию фотокорреспондентки TUT.BY, которая делала снимки города с воздушного шара.

На сайте была представлена данная серия фотографий, которая, однако, не вызвала оживленной реакции со стороны читателей – они оставили всего семь комментариев [5]. Основной темой обсуждения стало сравнение города с муравейником: ему посвящены три комментария из семи, а также реплика, выражающая смех как реакцию на предложенный образ. При этом пользователь под ником «Гуманизм» достаточно иронично высказывается о Минске, подчеркивая, что это «не муравейник какой-нибудь», но ему оппонирует авторизованный пользователь Vitaly Bahel с утверждением о вреде практики «уплотнения», чрезмерной застройки Минска, что и превратит город в муравейник «через 10-15 лет». Дальнейшее сравнение жителей города с муравьями провоцирует Виталия на рассуждения о недостаточной гражданской активности минчан при утверждении и реализации градостроительных проектов. Эта тема развития не получила и следующие два комментария свелись к эмоциональному выражению личных впечатлений от полетов воздушных шаров и красоты города, удачно переданной в репортаже.

Следующий материал был размещен 10 сентября 2017 года на портале TUT.BY – это фоторепортаж Дмитрия Брушко о праздновании 950-летия столицы под названием «Люди города. Фоторепортаж с народных гуляний в юбилей Минска» [4]. Здесь откликов со стороны пользователей поступило больше – до 15 сентября было оставлено 32 комментария. Их авторы сосредоточились на обсуждении того, что было запечатлено на фотографиях, и эмоционально высказывали свое отношение к увиденному. Они производили оценку того, что зафиксировано на фото (люди, ситуация, конкретные детали и пр.), либо оценивали лично увиденное ими на празднике по воспоминаниям о его посещении.

Таким образом, высказывания осуществлялись с позиции читателя / пользователя сайта или очевидца/посетителя мероприятия. В соответствии с указанными позициями применялись преимущественно следующие тактики обсуждения – оценка события (1), его участников (2) и уровня организации (3). Высказывались преимущественно критические или иронические замечания в адрес организаторов праздника и его участников с использованием таких негативных оценок, как «дикая скука», «унылость и серость», «агрогламур», «ужас», «колхоз и сельпо» и т. п. Из всей совокупности реплик зафиксировано лишь одно нейтральное и три позитивных высказывания по их тональности [6].

Доминирующей темой стало сравнение Минска с Берлином/Мюнхеном (тактика сопоставления городов в позитивном ключе) и с Рязанью (в негативном тоне). Первая тактика была инициирована пользователем под ником «чарнильный фей», который предложил данное сравнение и отметил, что «изменение названия в заголовке допустим на Берлин с сохранением фоток, в корне изменит комментарии выше». Его мнение стали оспаривать пользователи «Iron Maidon» (пренебрежительно сравнил Минск с Рязанью), «PATER» (продолжил «линию Берлина»), «igor-polakov-talks70» (продлил «рязанскую ветку» сравнением с «колхозом и сельпо»), но поддержали «Илья-Машков» (продемонстрировал фотографию мусора на улицах Берлина, чем задал критическое переосмысление этой линии обсуждения), и «shveik-taro» (предложил возможность сравнения не с Берлином, а с Мюнхеном).

Тем самым в стратегическом развитии данной темы обсуждения были задействованы три посторонние линии (сравнение Минска с Берлином, Рязанью и Мюнхеном), которые были использованы для смены направления в разворачивании дискуссии. Такой результат достигается за счет наличия в структуре полилога особых «узловых точек» – transition relevance place (TRP), т. е. мест, в которых становится возможен не только переход реплики к другому участнику, но и соответствующая смена тактики. Здесь имплицитно понимаемые участниками правила взаимодействия (обмен репликами и их стремящийся к завершению характер) приводят к тому, что участники коммуникации неявно знают или догадываются о наличии в разговоре промежутков, в которых возможно перераспределение ролей [9].

Подобные «узловые точки переключения» активно использовались и в третьем рассматриваемом случае – обсуждении фоторепортажа «Как минчане гуляют на дне города» на сайте Onliner 9 сентября 2017 года [3]. Здесь было отмечено наибольшее количество откликов со стороны пользователей – до 16 сентября свои комментарии оставили 221 человек. Так же, как и в предыдущих случаях, комментаторы сосредоточились в основном на обсуждении материала – фоторепрезентации праздника, сочетая свое отношение к прочитанному на сайте с личными впечатлениями от посещения Дня города, а также связывая свою реплику с предыдущими высказываниями. По тональности высказываний также можно отметить крайнюю неравномерность распределения: 187 комментариев фиксировали негативное отношение пользователей к представленному в репортаже материалу и лишь 34 – позитивное, остальные реплики были достаточно нейтральны.

Как и в предыдущем случае, с позиции читателя/пользователя сайта или очевидца/посетителя мероприятия использовались в основном такие коммуникативные тактики, как оценка события, его участников (как представленных на фото, так и увиденных лично), а также выражение своего отношения к организаторам мероприятия и предпринятым ими усилиям. Эмоционально окрашенные оценки данного отношения передавались посредством негативных эпитетов «скучно», «печально…», «смешно и грустно)))», «сложно все(((», а общее отношение аудитории к освещаемому

событию может быть передано как вердикт от пользователя «Ридиска»: «Все стандартно! Как всегда. Совковые гуляния» [3].

На Onliner главной стратегией в обсуждении празднования 950-летия Минска и фоторепортажа о нем стала реноминация, изменение имени события, основанное на фонетико-семантической трансформации названия материала – «День города» был заменен на «дно». Первым такой тактический ход осуществил пользователь под ником «Адронный колайдр», который предложил лексическую инновацию во фразе «Действительно, дно города…», затем Iris91 подхватила эту тему репликой «Посмотрела фотки. Спасибо. Теперь знаю, где Дно города», далее Жыхар подтвердил, что «Многія менчукі і сапрауды ужо на ДНЕ. Толькі ім зусім не радасна у прыдуманы нейкім несвядомым дурнем святам», затем Spectre16 указал на небрежность редактору сайта: «Нужно писать «Как минчане гуляют на День города», а то все дно да дно». Таким образом, отождествление Дня города с «дном» стало основной стратегией выстраивания комментариев на данном интернет-ресурсе.

Эффект пересечения и расслоения тематических линий в «узловых точках» (TRP) наблюдался при обсуждении темы о достоверности выбранной даты для празднования. Так, при упоминании в предыдущих комментариях «круглой даты» 950-летия города пользователь Awtogen задался вопросом: «Какие 950 лет Минску, если в то смутное время он уже был разграблен и разрушен. Битва на Немиге 3 марта 1067 года это не дата основания города, а лишь первое летописное упоминание. Минск в то время уже существовал несколько десятков лет однозначно». Ему возразил p.a.pavlovets, отметив, что «по летописи и считают день рождения города. Т. е. первое упоминание везде считается днем города», на что Александр М. уточнил «Если битва состоялась 3 марта 1067 года, то почему празднуем 9 сентября?», чем вызвал недоумение Змагара: «Странный вопрос из серии почему Октябрьская революция празднуется в ноябре, а у РЦ и КЦ Рождество в разное время» и его отзыв «Андроиды так решили, а им подсказали». Другими «горячими» для обсуждения темами стали давка за бесплатным тортом на площадке у Дворца спорта и участие в празднике специально приглашенных «по разнарядке» от горисполкома служащих столичных учреждений – таких, как «Минскэнерго».

Таким образом, судя по отзывам тех, кто побывал на мероприятиях и прокомментировал сообщения о них в интернете, разочарование от официальной программы Дня города было большим, нежели радость от участия в массовых забавах и специальных активностях. Все как всегда, традиционный набор блюд и развлечений – костюмированное псевдоисторическое представление, ярмарки и эстрадные номера у Дворца спорта, народные гуляния на проспекте Победителей, спортивные соревнования и образцово-показательные выступления МЧС в дневное время, а вечером – фейерверк в ночном небе над Минском.

Почему же не нашлось «изюминки», которая делала бы событие незаурядным и выделяла бы его среди прочих, ему подобных, устроенных по стандартному плану идеологической работы Мингорисполкома во все

предыдущие годы? Неужели все ограничилось большим праздничным тортом, попробовать который пришло столько желающих, что началась давка и пришлось прибегнуть к услугам ОМОНа? Именно такими вопросами задавались пользователи ведущих интернет-порталов страны. Ведь было несложно отказаться от лишних затрат и в пользу столь яркой даты сэкономить средства городского бюджета, например, вместо Парада Победы устроив в центре города бесплатный концерт музыкальной мегазвезды мирового уровня, который собрал бы гораздо больше зрителей, чем претендующие на элитарность «Джазовые вечера у Ратуши». Или же масштабность и значимость праздника можно было подчеркнуть, устроив фестиваль городов-побратимов Минска.

Что касается фестивалей, то однообразное «меню» празднования Дня города 9 сентября безусловно проигрывало в сравнении с ярким завершением финала четвертой «Вулицы Бразил» в течение суток неделей раньше – 2–3 сентября на улице Октябрьской. Можно сравнить официальную часть юбилея и с Днем танкиста – практически корпоративным праздником компании «Wargaming», устроенным 10 сентября в парке Победы. Специального подсчета и обработки данных нами не осуществлялось, поскольку это выходит за рамки заявленной темы, однако общий сравнительный анализ оценок пользователями хотя бы двух событий (День города versus День танкиста) позволяет выявить существенные отличия между ними. Так, впечатления от прошедшего Дня танкиста также были неоднозначными (многие обратили внимание прежде всего на недостатки организации в проведении мероприятия и огромные очереди к игровым зонам), но сама идея перенести празднование с линии Сталина в центр города и сделать его бесплатным для взрослых и детей вызвала неподдельный восторг не только фанатов игры «World of Tanks», но и всех посетителей шоу [7].

В чем же причина такого разительного отличия трех вариаций одного события, которые вылились во вполне самостоятельные и самодостаточные ивенты? Видимо, дело не только в логистике и финансовой стороне вопроса, но и самой идеологии, стоявшей за концепцией мероприятий, а значит – и за списком партнеров и спонсоров, заинтересованных в поддержке события. Так, официальное и заведомо предсказуемое празднование 9 сентября опиралось на традиционную схему по работе с населением со стороны городских властей, и никаких откровений здесь ожидать не приходилось. «Вулица Бразил», напротив, была организована как «инициатива снизу», являясь авторским продуктом активистки Милы Котки и других представителей креативного класса, проект которых был поддержан посольством Бразилии. Стиль бразильской самбы в сочетании с впечатляющими декорациями ежегодно пополняемых муралов на разных зданиях Минска плюс кинопоказы, уроки танцев, уличные барахолки, стрит-арт и фуд-корты, живая музыка на трех сценах – все это безусловные козыри гражданской инициативы вкупе с сильным PR-ходом со стороны южноамериканских партнеров. Компания «Wargaming» также организовала грандиозное (по белорусским масштабам) шоу с четкой адресацией на своих поклонников, но открытый формат и

бесплатный вход на территорию парка превратил его в общедоступную игровую зону для геймеров самых разных возрастов, что даже превысило возможности компании по охвату всех желающих стать «танкистами».

Тем самым событие, задуманное и реализованное в трех разных форматах, показало безусловное преимущество частной и корпоративной инициативы по сравнению с государственной «монополией на праздник». Это следует учитывать в дальнейшей организации подобных проектов совместными усилиями общества, бизнеса и власти, особенно если мы стремимся к построению эффективной экономики на основе развития креативных индустрий.

Список литературы

1. *Дмитриев, Р.* Кто с мечом пришел / Р. Дмитриев. – Режим доступа: http://mk.by/2017/09/12/169069. – Дата доступа: 01.12.2017.
2. Исаенок С. Фоторепортаж: День танкиста в Парке Победы / С. Исаенок. – Режим доступа: https://www.sb.by/articles/fotoreportazh-den-tankista-v-parke-pobedy.html. – Дата доступа: 01.12.2017.
3. Как минчане гуляют на Дне города. Большой праздничный фоторепортаж. – Режим доступа: https://people.onliner.by/2017/09/09/minsk950. – Дата доступа: 01.12.2017.
4. Люди города. Фоторепортаж с народных гуляний в юбилей Минска. – Режим доступа: https://news.tut.by/society/559562.html. – Дата доступа: 01.12.2017.
5. Смотрите, какие классные фото Минска сделали с воздушного шара. – Режим доступа: https://citydog.by/post/zaden-minsk-na-vozdushnom-share. – Дата доступа: 01.12.2017.
6. Форумы. «Люди города. Фоторепортаж с народных гуляний в юбилей Минска». – Режим доступа: http://talks.by/showthread.php?t=14338750. – Дата доступа: 01.12.2017.
7. Фотонеделя: как проходит День танкиста с World of Tanks. – Режим доступа: https://citydog.by/post/fotonedelya-wot. – Дата доступа: 01.12.2017.
8. Фоторепортаж: Минск празднует 950-летие. – Режим доступа: http://www.belta.by/regions/view/fotoreportazh-minsk-prazdnuet-950-letie-obnovljaetsja-265764-2017. – Дата доступ*а: 01.12.2017.*
9. *Wooffitt, R.* Conversation Analysis and Discourse Analysis: A Comparative and Critical Introduction / R. Wooffitt. – London; Thousand Oaks, Calif.: Sage, 2005. – 234 p.

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Соловей Алеся Петровна
Институт социологии НАН Беларуси, Минск

На сегодняшний день виртуальную реальность можно определить как своеобразное электронное пространство социальной жизни в ее самых разнообразных проявлениях. Однако многие авторы ограничивались обсуждением виртуальности с точки зрения функционирования сети Интернет, различных видов компьютерных игр, вспомогательного оборудования для передачи изображения, звука. Через некоторое время к этим тематикам добавились исследования измененных состояний сознания и психики, которые могут происходить под влиянием увлечения компьютерами, которое переросло в осмысление виртуальной реальности как психического феномена [1, с. 24]. При этом, сам термин «виртуальная реальность был применен в Массачусетском технологическом институте в конце 1970-х годов Д. Леньером, который в 1984 г. основал первую фирму виртуальной реальности. Этот термин выражает идею присутствия человека в компьютерно-создаваемом пространстве. Виртуальное – нематериальная разновидность бытия объективных сущностей или субъективных образов, противоположная материальному бытию вещей и явлений в пространстве и времени. Виртуальная реальность – это интерактивная технология, позволяющая создавать абсолютно (или почти абсолютно) убедительную иллюзию, что человек находится и действует внутри реального мира, хотя на самом деле этот мир существует внутри компьютера. Привычное восприятие объективного мира при помощи органов естественных чувств подменяется искусственно созданной компьютерной информацией при посредстве специального интерфейса, компьютерной графики и звука. Виртуальная реальность – это специфическая форма человеческого бытия и особая культурная форма духовного общения людей [4, с. 11].

Социальный теоретик М. Постер, сопоставляя феномен виртуальной реальности с эффектом «реального времени» в сфере современных телекоммуникаций (игры, телеконференции и т. п.), отмечает, что происходит проблематизация реальности, ставится под сомнение обоснованность, эксклюзивность и конвенциональная очевидность «обычного» времени, пространства и идентичности. Постер фиксирует конституирование симуляционной культуры с присущей для нее множественностью реальностей. Виртуальная реальность обладает потенциалом для порождения иных культурных идентичностей и моделей субъективности – вплоть для сотворения постмодерного субъекта. В отличие от автономного и рационального субъекта модерна, этот субъект нестабилен и диффузен. Он порождается и существует только в интерактивной среде [2, с. 176]. Тем самым, можно сказать, что термин «виртуальная реальность» – это знаковая реальность, где знаки – это

скопление симулякров, утративших свое трансцендентное (сакральное) значение.

Применяя понятие «виртуальность» к изучению социальных феноменов, можно говорить о том, что виртуальность – это феномен, который существует до тех пор, пока есть взаимодействие между социальными субъектами. Основой виртуального социального взаимодействия выступает символический обмен как форма символического социального взаимодействия [3, с. 98]. Следовательно, формируется специфическая система социального действия – «виртуального социального действия».

Виртуальную социальную реальность можно сравнить с обществом спектакля, индивид в котором становится многоликим, происходит размывание его идентичностей и ролей. И по мере развития интерактивного информационного пространства спектакль сливается с жизнью, в которой различение мнимого и подлинного, публичного и интимного, инсценированного и реального становится все более сложной задачей. В современном обществе происходит процесс фрагментации человека, его дробления. Интерактивность порождает новый «потребительский» класс, который способен жить в сети Интернет и активно использовать ее возможности. В виртуальной социальной реальности меняются роли индивидов. Индивид получает возможность самому формировать свой образный ряд. Виртуальная коммуникация охватывает всю сферу социальной активности и может применяться для выполнения профессиональных задач, активного участия в политической жизни, переписке с использованием электронной почты и др. Таким образом, информатизация в виртуальном обществе может трактоваться, по мнению И. В. Соколовой, не только как процесс совершенствования и развития информационных технологий, но и как процесс качественного изменения когнитивных социальных структур. Можно сказать, что информатизация сливается с процессами социализации, интеллектуализации, которые существенно повышают творческий потенциал личности [3, с. 99–100].

Таким образом, виртуальная реальность как пространство социальной коммуникации – это сконструированная символическая реальность, продуцирующая новое пространство для самоопределения человека. Виртуальная реальность существует как процессуальное взаимодействие между материально-техническими, информационными процессами и психикой человека. Виртуальная реальность – это специфическая форма интерактивной коммуникативной реальности, со специфическими свойствами, представляющая собой, по сути, альтернативу материальному миру. При этом, виртуальную коммуникацию можно рассматривать как разновидность социальной коммуникации, содержанием которой является обмен образами, информационными по природе и различающиеся по способам их восприятия.

Список литературы

1. *Булушев, А. Г.* Понятие виртуального в богословии, философии и науке / А. Г. Булушев. – М.: ПСТГУ, 2011. – 282 с.

2. *Грицанов, А. А.* Виртуальная реальность / А. А. Грицанов, Д. В. Галкин [и др.] // Социология: энциклопедия / под общ. ред. А. А. Грицанова. – Минск: Книжный Дом, 2003. – С. 175–177.

3. *Игнатьев, В. И.* Виртуальное социальное действие и трансформация повседневных практик / В. И. Игнатьев, А. Н. Степанова // Вестник Московского Университета. – Сер. 18. Социология и политология. – 2010. – № 3. – С. 91–103.

4. *Малышко, А. А.* Философские проблемы виртуальной реальности: (историко-философский анализ): автореф. дис. канд. философ. наук: 09.00.11 / А. А. Малышко. – Мурманск, 2008. – 23 с.

ИНФОРМАЦИЯ В ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Терещенко Мария Сергеевна
Белорусский государственный университет, Минск

Управленческое решение – это деятельность по переводу управляемого объекта в желаемое состояние [5, с. 16]. Они характеризуются определенным уровнем качества и эффективности. Качество решения – это степень соответствия параметров выбранной альтернативы определенной системе характеристик, удовлетворяющей его разработчиков и потребителей и обеспечивающей возможность его эффективной реализации [6, с. 15–16]. Под эффективностью подразумевается отношение полученных результатов к запланированным [1].

Процесс принятия решения состоит из ряда последовательных действий. К основным этапам принятия решений обычно относят осознание потребности в решении; диагностику и анализ ситуации; выработку вариантов решения; оценку вариантов; выбор наилучшей альтернативы; реализацию решения; обратную связь и оценку результатов [4, с. 277]. Качество реализации каждого из этапов оказывает влияние на дальнейший процесс и, в итоге, на конечное качество и эффективность решения.

Хотя в данной классификации отсутствует отдельный этап анализа информации, однако можно говорить о том, что работа с информацией присутствует на каждом из этапов принятия решения. Осознание потребности в решении может приходить при поступлении как внешней, так и внутренней информации. Разработка и оценка вариантов решения, выбор лучшей альтернативы происходят на основании информации, проанализированной ранее. Получение и дополнительный анализ информации в ходе реализации решения может при необходимости помочь своевременно скорректировать план действий, отслеживать динамику и качество реализации. Обратная связь, по своей сути, также является одним из видов информации, которая используется для оценки результатов принятия и реализации решения.

Принятие управленческого решения начинается с осознания потребности в нем; что можно назвать нулевой стадией принятия решения. Само такое осознание обычно приходит в результате поступления какой-либо внутренней (в том числе по каналам обратной связи) или внешней (об изменении внешней среды организации) информации. Такого рода информация может быть выражена не только рациональным языком с последовательным изложением фактов, но и эмоционально, на уровне неудовлетворенности каким-либо явлением или положением дел в организации или ее деятельности. На этом этапе лицо, принимающее решение (ЛПР), должно провести дополнительную диагностику, анализ всех входящих потоков информации для обнаружения сути проблемы и/или потребности. Итогом работы с информацией на данном этапе будет выступать сформулированная цель и объект принятия решения.

Остановимся подробнее на следующем этапе принятия решений – диагностике и анализе ситуации. На его базе строится весь дальнейший процесс принятия и реализации управленческих решений – разработка вариантов решения, выбор лучшего варианта, реализация и оценка результатов. Следовательно, от качества анализа ситуации зависит качество и эффективность каждого последующего этапа в процессе принятия решения. Факторами, влияющими на качество решения на этом уровне, являются время, отведенное на анализ ситуации, личные и профессиональные качества лица, принимающего решение и/или участвующего в анализе информации, а также наличие и качество информации.

Для выработки решений используется 3 основных вида источников информации: эмпирические данные, совет эксперта, знания ЛПР.

Эмпирические данные можно получать из первичных и вторичных источников. Первичные данные собираются специально для принятия данного конкретного управленческого решения. Основными методами здесь являются наблюдение, эксперимент и опрос. Такие методы широко распространены в практике по принятию отдельных видов управленческих решений: маркетинг, некоторые виды политических решений и т. п. ЛПР часто обращается также ко вторичным данным. К ним относится внешняя и внутренняя информация. К внешней относится информация, полученная и опубликованная сторонними организациями – статистические отчеты государственных учреждений, международных организаций; опубликованные результаты различных исследований и т. п. Такие источники позволяют проводить анализ внешней среды организации, выявлять основные тенденции развития ситуации на макроуровне, а также прогнозировать влияние внешних факторов на деятельность организации. Внутренние источники представляют собой бухгалтерские отчеты, информацию от специалистов компании, отзывы клиентов о работе, данные продаж и т. д. Анализ таких источников позволяет изучить внутренние процессы организации и динамику ее развития. Хорошо поставленные процессы сбора и анализа внутренней информации дают возможность принимать наиболее взвешенные и рациональные решения.

Экспертное мнение может быть получено как в процессе индивидуальной экспертизы, так и при групповом оценивании. Экспертные оценки приобретают большую значимость в ситуации, когда получение других видов информации затруднено, либо в случае, когда ЛПР не располагает достаточным временными, человеческими и/ или финансовыми ресурсами для сбора первичной информации. Экспертное оценивание позволяет взглянуть на исследуемый объект с различных точек зрения, учесть мнение специалистов из разных областей знания и деятельности. К основным методам экспертного оценивания относят экспертный опрос (индивидуальный или групповой), мозговой штурм, метод Дельфи и другие. Экспертное оценивание также широко используется на этапе разработки и выбора альтернатив.

Третья группа источников информации является внутренней по отношению к самому ЛПР. В процессе работы с информацией при принятии решений ЛПР не

только обращается к своим собственным знаниям о состоянии внешней среды и объекте принятия решения, но также оценивает качество поступающей извне информации, в том числе, соотнося их со своими знаниями. Некоторые авторы относят к третьему виду источников также опыт и интуицию ЛПР [2, с.115], однако интуиция может скорее использоваться как инструмент для восполнения недостающей информации, а опыт помогает правильно оценить имеющуюся информацию, а также сделать предположение о неисследованных сторонах объекта. Другими словами, говоря об опыте и интуиции, мы скорее говорим о личных и профессиональных качествах ЛПР, а не о самой информации.

В зависимости от особенностей источников информации возникают и различные специфические риски, связанные с ее качеством. Например, при проведении эмпирических исследований неизбежно возникают риски получения нерепрезентативной выборки, наличия систематических и случайных ошибок отбора, неверной разработки инструментария и т. д. При использовании экспертизы возможны конфликты интересов и риск личной заинтересованности эксперта в каком-либо решении. Также можно ошибиться в понимании того, какие именно специалисты являются экспертами по отношению к ситуации или недостаточно полно представить экспертов различных сфер деятельности в рабочей группе. При использовании знаний ЛПР как источника информации существенно возрастает риск получения неполной информации, поскольку опыт и знания отдельного специалиста всегда субъективны. Ситуация может усугубиться в случаях, когда ЛПР переоценивает свои компетенции.

Рассмотрим подробнее вопрос качества информации. Поскольку входящая информация «привлекается» на самом раннем этапе принятия решения, ее качество напрямую влияет на будущую эффективность, т. е. низкое качество информации создает заведомо высокие риски того, что итоговое решение окажется неэффективным. К.В. Балдин приводит следующие требования к информации: точность, надежность, достоверность, адекватность и полнота [2, с.119–120].

Первые четыре требования являются характеристиками качества информации. Точность, достоверность и адекватность показывают, насколько истинное мнение можно составить об объекте или проблемной ситуации на основании этой информации. Эти характеристики позволяют понять, насколько близки данные к тому, что происходит в реальности, насколько они соответствуют изучаемому объекту, является ли верным ли мнение, складывающееся об объекте в результате работы с данными. При нарушении одного из этих требований взгляд может быть искажен, что может привести к такому же искаженному решению.

В этой связи при анализе информации особенную важность приобретает параметр надежности информации, который отсылает скорее к доверию к источнику информации. Источник информации будет считаться надежным, если ранее при неоднократных обращениях к нему были получены достоверные результаты. Данные, полученные из непроверенных источников, нуждаются в

дополнительном прямом или косвенном подтверждении другими источниками. Если источник информации ранее показывал себя ненадежным, то рекомендуется или вовсе отказаться от таких данных, или использовать их в анализе только с некоторой вероятностью.

Что касается полноты информации, то этот параметр граничит с характеристикой «наличия» информации. Полнота информации характеризуется Балдиным как мера разнообразия, количественная достаточность для принятия решения [2, с. 120]. Здесь можно выделить два уровня рисков. Первый уровень связан с вероятностью того, что представленная информация может видеться как полная и исчерпывающая, в то время как на самом деле в процессе дальнейшего анализа могут быть упущены важные сведения об объекте и проблемной ситуации. В этом смысле показатель полноты относится к группе показателей качества информации.

Второй уровень рисков связан с возможной неполнотой информации об объекте и проблемной ситуации, но уже в ситуации, когда неполнота информации очевидна для пользователей. В этом случае речь идет о степени неопределенности, с которой приходится работать принимающим решение. По этому основанию выделяют ситуации полной определенности, частичной определенности и полной неопределенности [3, с.320]. Состояние полной определенности позволяет выработать полностью рациональное решения, однако в практической управленческой деятельностью является достижимой только в принятии узкого спектра программируемых решений. В большинстве случаев ЛПР работает в ситуации частичной или полной неопределенности. В такой ситуации управленец может лишь вероятностно восполнять (моделировать) недостающие сведения, чтобы учесть их при выработке решения. На результат такого моделирования будет влиять как оценка показателей недостающих параметров, так и оценка объема недостающей информации.

На этапах реализации и оценки эффективности решения сбор информации осуществляется по каналам обратной связи. В ходе реализации решения могут быть обозначены важные этапы, после которых такая информация должна быть собрана, либо установлены временные интервалы для сбора оперативной информации. Могут формироваться еженедельные ежемесячные и другие виды отчетов. Необходимо анализировать как информацию, поступающую со стороны исполнителей, так и со стороны потребителей решения. Также в формате мониторинга может проводиться текущее слежение за состоянием внешней и внутренней сред организации по параметрам, которые могут повлиять на ход реализации решения. В результате сбора такой информации может быть проведена оценка эффективности принятого решения, а также сделаны выводы для будущих решений. Таким образом, подобная информация становится базой для анализа ситуации при принятии последующих решений.

Подводя итог, отметим, что информация, используемая в принятии управленческих решений, является важнейшим фундаментом для разработки качественного и эффективного решения. В связи с этим следует оказывать

должное внимание работе по получению, систематизации и использованию внешней и внутренней информации в организации.

Список литературы

1. *Асаул, А. Н*. Теория и практика принятия решений по выходу организаций из кризиса / А. Н. Асаул, И. П. Князь, Ю. В. Коротаева; под ред. А. Н. Асаула. – СПб: ИПЭВ, 2007. – Режим доступа: http://www.aup.ru/books/m8/. – Дата доступа: 09.08.2017.
2. *Балдин, К. В.* Управленческие решения / К. В. Балдин, С. Н. Воробьев, В. Б. Уткин, . – М.: Дашков и Ко, 2005. – 496 с.
3. *Веснин, В. Р.* Менеджмент / В. Р. Веснин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2016. – 616 с.
4. *Дафт, Р*. Менеджмент / Р. Дафт. – 10-е изд. – СПб: Питер, 2017. – 656 с.
5. *Михайлов, Я. В*. Управленческое решение: пособие для управленцев-практиков / Я. В. Михайлов. – М.: Экономика, 2011. – 143 с.
6. *Ременников, В. Б.* Управленческие решения / В. Б. Ременников. – М.: Юнити-Дана, 2005. – 141 с.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И КОГНИТИВНОЕ КАРТИРОВАНИЕ КАК МЕТОДЫ ЭФФЕКТИВНОГО АНАЛИЗА СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТА

Туркина Оксана Анатольевна
Белорусский государственный университет, Минск

Основным средством формирования и воздействия на мировоззрение человека является язык. Он же является одной из сфер проявления когнитивных процессов [2]. Как конвенционально-знаковая система, язык обладает способностью ситуативно актуализировать любую составляющую картины мира. Эти составляющие эксплицируются через темы и представляют собой отраженные в сознании адресанта референты (объекты реальности или ее фрагмента). В широком смысле под «картиной мира» понимается совокупность представлений о мире и месте человека в нем, которые регулируют жизнедеятельность индивида определенным для данной культуры образом. Под дискурс-картиной мира мы, проводя исследование в контексте каузально-генетического подхода к анализу дискурса, понимаем предмет-ориентированное (референтное) содержание дискурсий соперников в их пересечении: о чем общение, как она репрезентирована в речи, с какими доминантами, какой номинативный ряд актуализирован [4, с. 17–28]. Таким образом, дискурс-картина мира выступает как своего рода метафорический термин, который демонстрирует многогранность «красок» репрезентируемого коммуникантами мира. Можно встретить в работах представителей этой школы (КГП) следующее определение данного феномена: «ДКМ – это функциональная типообразующая дискурс-категория, характеризующая совокупность представлений о мире (его фрагменте), определенный способ концептуализации действительности, характерный для конкретного социального/коммуникативного феномена и отраженный в дискурсе его субъектов» [10, с. 116−117].

Реконструкция ДКМ в КГП предлагается с помощью тематического анализа. Тематический анализ широко используется в социологических и психологических исследованиях. Однако, по сути, это разные типы анализа. Социологи проводят данный анализ со вниманием к прагматической структуре исследуемого текстового материала (ранжированию, иерархии тем и их номинативному анализу). А психологи проводят его с опорой на когнитивные структуры, воплощенные в языковом знаке. Психологи разрабатывают свой тематический анализ в рамках нарративного анализа, в который, кроме тематического, входят диалого-перформативный и визуальный типы анализа. Нарратив в психологии определяется как то, что происходит, когда один или более коммуникантов вовлечены в обмен информацией о каком-либо событии или опыте [8].

С позиции нарративного анализа для дискурс-анализа мы выбираем методики диалого-перформативного подхода, потому что фокусировка осуществляется на категориях «кто», «когда» и «почему», а ответы на эти вопросы интегрируются в дискурс, объективируя его смыслы [8]. Именно этот

вид анализа ведет перекличку с более глубоким и адекватным для изучения коммуникации в социальном пространстве тематическим анализом, представленным в качественной социологии. Оба вида анализа соприкасаются с реконструкцией тем – матрицы дискурса, на основании которой реконструируется ДКМ.

Процедура тематического анализа достаточно подробно представлена в книге Г. Райана и Р. Бернарда «Techniques to Identify Themes». Это фундаментальный метод квалитативного (качественного) анализа. Он включает такие частные методы, как наблюдение, описание, где также возможен и статистический подсчет. Анализ лексических единиц помогает углубить понимание тем. Сюда также входит идентификация тем и подтем, их сортировка, выстраивание в иерархические ряды, связывание в теоретические модели [8; 11]. Выявлением тем с учетом их развития – категориального и вербального в их связке, построение когнитивных карт, которые демонстрируют эти связки (тематическую сетку), детализация тем сетки – это уже практики реконструкции ДКМ, разработанные в русле КГП. Единение методик еще более объективирует тематический анализ в его интегративной форме.

Эффективным способом организации тематического содержания дискурса является когнитивная карта. Когнитивная карта (от лат. *Cognition* – знание, познание) – образ реальности, запечатленной в сознании индивида и реконструируемой из его дискуссий в том или ином типе дискурса. Когнитивные карты относятся к тому классу систем представления знаний, что и фреймы (скрипты, сценарии, схемы) с позиции культурно-психологического направления исследования структуры картины мира индивида. Так, Т. А. ван Дейк полагает, что знание должно быть организовано в концептуальные системы, сосредоточенные вокруг определенного концепта как структурного элемента ментального мира человека, с одной стороны, и посредником между словом и действительностью, с другой стороны [3; 7]. Фреймы могут носить конвенциональный характер и поэтому определять, что для данного типа дискурса типично. Как следствие, фреймы выступают средством организации поведения индивидов, а также понимания и интерпретации ими поведения других индивидов [1].

Когнитивная карта – актуальная техника исследователя, определенная разновидность которой может способствовать реконструкции дискурс-картин мира субъектов из их дискурсий или дискурсных практик [5]. Мы используем данную исследовательскую технику в контексте изучения дискурса конфронтации-соперничества на материале теле-игры «Последний герой 1» (канал ОНТ, 2001 год). Изучая специфику дискурса конфронтации-соперничества героев, борющихся за денежный приз, мы смотрим на то, какие модели соперничества оказываются более удачными в контексте русскоязычной культуры: против кого голосуют участники телеигры и каковы их дискурс-картины мира, насколько они совпадают или не совпадают с дискурс-картинами мира голосующих [9].

Таким образом, реконструкция тем с позиции КГН предполагает углубление дискурс-категорий исследовательского аппарата, то есть поиск операциональных категорий. Исследовательская модель КГН сосредотачивает внимание на том, что в контексте дискурс-лингвистических исследований анализ неизбежно поддерживается синтезом, а реконструкция различных планов содержания – их целостным воплощением в коммуникативной деятельности. Изучение дискурса конфронтации-соперничества с позиции данного направления позволило нам множественно моделировать тот или иной тип дискурса и построить как прототипическую, так и функциональные модели участников этого типа дискурса.

Список литературы

1. *Дейк, Т. А. ван*. Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов / Т. А. ван Дейк // Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ / сост. В. В. Петрова, под ред. В. И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 12–40.

2. *Караулов, Ю. Н.* От грамматики текста к когнитивной теории дискурса» вступ. статья / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров // Язык. Познание. Коммуникация / сост. В. В. Петров; под ред. В. И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

3. *Кубрякова, Е. С*. Когнитивная лингвистика / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Русские словари, 1996. – С. 53–55.

4. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: сб. науч. тр.: в 6 вып. / Белорус. гос. ун-т; под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск: БГУ: Технопринт, 1998–2009. – Вып. 4: Политическое поле Беларуси глазами дискурс-аналитика / И. Ф. Ухванова-Шмыгова, Е. В. Савич, Н. В. Ефимова. – 2008. – 215 с.

5. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: сб. науч. тр.: в 6 вып. / Белорус. гос. ун-т ; под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск: БГУ: Технопринт, 1998–2009. – Вып. 5: Дискурс в современном гуманитарном знании / М. О. Александрович [и др.]. – 2008. – 272 с.

6. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: сб. науч. тр.: в 6 вып. / Белорус. гос. ун-т ; под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск: БГУ: Технопринт, 1998–2009. – Вып. 6: Политическое поле Беларуси глазами дискурс-аналитика: дораб. и доп. версия вып. 4 / И. Ф. Ухванова-Шмыгова, Е. В. Савич, Н. В. Ефимова. – 2009. – 215 с.

7. *Степанов, Ю. С*. Париж – Москва, весной и утром: предисловие / Ю. С. Степанов // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса: сб. ст.: пер. с фр. и португ. / общ. ред. П. Серио. – М.: Прогресс, 1999. – С. 3–11.

8. *Туркина, О. А*. Дискурс конфронтации-соперничества: реконструкция и моделирование / *О. А. Туркина*. – Минск: РИВШ, 2017. – 142 с.

9. *Туркина, О. А.* Когнитивная карта как способ организации тематического содержания дискурса / О. А. Туркина // Журналістыка-2015: стан, праблемы і перспектывы:матэрыялы 17 міжнар. навук.-практ. канф. Мінск, 12–13 лістапада. 2015 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: С.В. Дубовік (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2015. – С. 487–490.

10. La table ronde: сб. материалов / Белорус. гос. ун-т. – Минск: БГУ, 2013. – Вып. 2: Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. – 369 с.

11. *Ryan, W. G.* Techniques to Identify Themes / G. W. Ryan, H. R. Bernard // Field Methods. – 2003. – Vol. 15. – Iss. 1. – P. 85–109.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ БЕЛОРУССКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ

Фаблинова Ольга Николаевна
Институт социологии НАН Беларуси, Минск

Роль интернета в жизни современного человека трудно переоценить. Посредством современных интернет-технологий стало возможным оплачивать счета, совершать покупки, получать доступ к разнообразной текстовой, аудио- и видеоинформации, играть в игры, общаться. Одной из высокоактивных, восприимчивых ко всему новому социальных групп, в наибольшей степени вовлеченной в современные коммуникационные практики с использованием интернета, является студенческая молодежь.

В 2012 г. и 2017 г. автором данной публикации были проведены замеры интернет-поведения студенческой молодежи Беларуси. В исследовании 2012 г. приняли участие 401 студент первой ступени образования очной формы обучения высших учебных заведений г. Минска, в 2017 г. – 1150 студентов первой ступени образования очной формы обучения высших учебных заведений Республики Беларусь. Выборка многоступенчатая, метод сбора данных – анкетный опрос по месту учебы респондента. Ошибка выборки не превышает 5 %.

Наиболее популярным по частоте ежедневного посещения интернет-ресурсом и в 2012 г., и в 2017 г. является социальная сеть (86 % и 96 % студентов соответственно). Она же остается наиболее популярным ресурсом и по частоте еженедельного посещения студенческой молодежью – 95 % и 99 %. Как правило, в социальных сетях студенты читают присланные сообщения и отвечают на них (2012 г. – 94 %, 2017 г. – 98 %), просматривают новостную ленту (84 % и 88 %) и профили друзей (69 % и 61 %), а также используют доступные аудио- и видеоматериалы (65% и 86%). Таким образом, коммуникационная составляющая использования социальных сетей превалирует, однако в сравнении с 2012 г. в 2017 г. наблюдается значительный рост доли студентов, использующих возможности сетей для просмотра фильмов и видеороликов, прослушивания музыкальных композиций.

Многофункциональность социальных сетей позволяет использовать их для достижения различных целей (таблица 1).

Таблица 1. – Цели посещения социальных сетей белорусской студенческой молодежью

	2012 г. (Минск)	2017 г. (Минск)	2017 г. (Беларусь)
Общение с друзьями	95%	96%	96%
Развлечение	76%	88%	91%
Быть в курсе событий, происходящих с друзьями	83%	76%	80%
Поделиться с друзьями тем, что впечатлило	60%	60%	65%
Общение с родственниками	56%	46%	50%
Поиск друзей (одноклассников и т. д.)	58%	29%	33%
Знакомства с целью переноса их в реальную жизнь	18%	20%	23%

	2012 г. (Минск)	2017 г. (Минск)	2017 г. (Беларусь)
Демонстрация творческих способностей	14%	16%	18%
Поиск родственников	32%	8%	13%
Выражение своей жизненной позиции	11%	10%	9%
Знакомства с целью только виртуального общения	7%	7%	9%
Заработок	5%	7%	8%

Наиболее часто называемыми студентами целями посещения социальных сетей как в 2012 г., так и в 2017 г. являются: общение с друзьями, развлечение, желание быть в курсе событий, происходящих с друзьями, а также стремление поделиться с ними тем, что впечатлило. Наименее популярные цели выхода в социальные сети – выражение своей жизненной позиции, знакомства с целью исключительно виртуального общения и заработок.

Самыми известными социальными сетями в студенческой среде в 2012 г. являлись «ВКонтакте», «Одноклассники» и «Facebook». В 2017 г. к ним добавились «Instagram» и «Twitter». По частоте посещения как в 2012 г., так и в 2017 г. наибольшей популярностью пользуется социальная сеть «ВКонтакте». Увеличилась доля студентов, ежедневно посещающих данную социальную сеть. Аудитория сетей «Одноклассники», «Facebook», «Мой мир», «LiveJournal» уменьшилась в сравнении с 2012 г. (таблица 2).

Таблица 2. – Частота использования международных социальных сетей белорусской студенческой молодежью

Социальная сеть	Период, охват	Знающие сеть	Ежедневно посещающие сеть (из числа знающих)	Посещающие сеть хотя бы раз в неделю (из числа знающих)
ВКонтакте	2012 г., Минск	100%	85%	93%
	2017 г., Минск	100%	94%	98%
	2017 г., Беларусь	100%	94%	99%
Одноклассники	2012 г., Минск	97%	16%	24%
	2017 г., Минск	100%	1%	9%
	2017 г., Беларусь	100%	3%	11%
Facebook	2012 г., Минск	94%	13%	32%
	2017 г., Минск	100%	12%	28%
	2017 г., Беларусь	100%	9%	22%
Мой мир	2012 г., Минск	87%	13%	36%
	2017 г., Минск	82%	1%	13%
	2017 г., Беларусь	81%	3%	9%
Twitter	2012 г., Минск	72%	12%	20%
	2017 г., Минск	98%	21%	32%
	2017 г., Беларусь	97%	16%	27%
LiveJournal	2012 г., Минск	52%	5%	18%
	2017 г., Минск	51%	1%	6%
	2017 г., Беларусь	41%	2%	10%
Instagram	2012 г., Минск	Замер в 2012 г. не проводился		
	2017 г., Минск	100	58%	68%
	2017 г., Беларусь	100	57%	67%

Таким образом, социальные сети – наиболее востребованный у белорусских студентов интернет-ресурс. Сравнение результатов проведенных исследований дает возможность зафиксировать тот факт, что социальные сети рассматриваются студентами как в качестве средства социальной интеракции, так и способа развлечения.

ГУМАНИТАРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНВЕРГЕНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Фалько Владимир Иванович
Мытищинский филиал Московского государственного
технического университета имени Н. Э. Баумана, Мытищи

Шестой технологический уклад, сложившийся на рубеже XX и XXI веков, основан на так называемых конвергентных технологиях NBIC (НБИК), которые включая технологическое совершенствование самого человека вплоть до конструирования постчеловека. Многие учёные и философы подвергают критике попытки вторжения в природу самого человека и указывают на возникающие в связи с этим новые гуманитарные и этические проблемы. Попытки их разрешения выражаются в разработке и применении междисциплинарного и коммуникативного подходов, которые, однако, вступают между собой в противоречие. Как отмечает В. И. Аршинов, «”внутри” NBIC-тетраэдра классическая междисциплинарная редукция как таковая отсутствует или ограничена в пользу конструктивной синергийной коммуникации» [1, с. 99]. Отметим, что *синергийная* коммуникация, т. е. духовное общение, возможна только между личностями, субъектами. В мире объектов возможна, в лучшем случае, *синергетическая* коммуникация на основе обмена информацией. Более того, отсутствует и субъектность, как совокупность свойств, переносимых человеком на объекты его деятельности, что можно видеть в технических системах. Наконец, информационный обмен между элементарными объектами внутри NBIC-тетраэдра невозможен: «Нанообъекты становятся фокусом синергетической интеграции. Однако из этой *а*субъектной логики взаимозаменяемости нанообъектов эволюционно-антропологический дискурс как таковой не складывается» [1, с. 98].

Проблемы конвергенции современных технологий неразрешимы, потому что здесь социальная система и сам человек достигают максимума своей искусственности. Крайняя степень искусственности или естественности системы делает её нежизнеспособной. История показывает, что человеческие сообщества как природные и естественно-исторические образования могли выживать, только создавая орудия труда и социально-политические власти и управления. С другой стороны, известно немало примеров ограничения использования техники и социальной машинерии в жизни общества. Вступив в фазу постистории, человечество может выжить лишь при условии сохранения природной и естественно-исторической основы существования человека.

На критерии различения естественного и искусственного указывает Л. Н. Гумилёв: «Элементы природы переходят друг в друга… Природа живёт вечно… И наоборот, предметы, созданные человеком, могут или сохраняться, или разрушаться… Но не вечны…» [2, с. 31]. Деление на естественные и искусственные системы коррелирует с различением жёстких и дискретных систем: «При изучении истории… мы встречаем любые градации систем описанных типов, за исключением крайних, т. е. только жестких или только

дискретных, ибо и те и другие нежизнеспособны… Поэтому на практике мы встречаем системы с разной степенью жесткости, причем она тем больше, чем больше в нее привнесено трудом человека, и тем меньше, чем создание системы инициировано процессами природы, постоянно преображающей составляющие ее элементы» [2, с. 134].

Но приспособление к природе не единственный и не достаточный для спасения человека и общества путь. Уход из мира видимого в невидимый, духовный мир, а также вверение воли человека Богу в христианской культуре являют собой образцы приоритета сверхприродной реальности. Хотя в противостоянии технотронному пути, природные и духовные начала бытия человека и общества образуют высшее единство. Так, «по Тойнби, в основе истории лежит взаимодействие мирового закона – божественного Логоса и человечества, которое каждый раз дает Ответ на божественное Вопрошание, выраженное в форме природного или какого-либо иного Вызова» [4, с. 11].

Сегодня человечеству предстоит дать Ответ на глобальный Вызов, связанный с угрозой не только окружающей природной среде и биологической телесности человека, но и его духовной природе. В условиях неразрешимости проблем конвергентных технологий на путях абсолютизации их искусственной составляющей, альтернатива асубъектной логике NBIC появляется в России. «… Именно в России, – пишет известный психолог Л. Е. Лепский, – существуют потенциальные возможности разработки и использования социогуманитарных технологий инновационного развития. … Ведется разработка … социогуманитарных технологий в интересах становления седьмого социогуманитарного технологического уклада» [3, с. 80, 81]. Главным отличием нового уклада является не разработка новых технологий, а производство, «выращивание» людей, способных создавать технологии, организовывать новые условия жизни и формы сознания, порождать новые реальности (технологические, культурные, социальные).

Новая концепция конвергентных технологий (НБИКС) может изображаться пирамидой с вершиной С – социогуманитарными технологиями (социокультурными, образовательными и др.), дополненными такими составляющими, как духовные практики, диалогическая методология и этика. Графическим символом этой концепции будет октаэдр.

Условием предотвращения глобальной катастрофы является сохранение людьми своего статуса субъектов технологий, в особенности тех, в которых они делают себя объектами технологического воздействия.: «“Бессубъектность развития” – главная болезнь мирового сообщества» [3, с. 74].

В практике использования этих технологий и методологий оказываются востребованными и эффективно реализуемыми подходы с позиций философии, аксиологии и других гуманитарных наук. В свою очередь, философия и социально-гуманитарные науки приобретают способность гармонично сочетаться с новейшими технологиями. Но над технологиями должна стоять свободная воля и ответственность человека и общества.

Список литературы

1. *Аршинов, В. И.* Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистические преобразования в контексте парадигмы сложности / В. И. Аршинов // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. – М.: МБА, 2013. – С. 94–107.

2. *Гумилёв, Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилёв. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1997. – 512 с.

3. *Лепский, В. Е.* Проблема сборки субъектов развития в контексте эволюционных технологических укладов / В. Е. Лепский // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. – М.: МБА, 2013. – С. 67–81.

4. *Уколова, В. И.* Арнольд Тойнби и постижение истории. Вступительная статья / В. И. Уколова // Тойнби, А. Дж. Постижение истории / А. Дж. Тойнби. – М.: Прогресс, 1991. – С. 5–13.

БЛОКЧЕЙН В ОБРАЗОВАНИИ

Шкор Ольга Николаевна
Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники, Минск

О блокчейне, криптовалюте сейчас говорят и пишут очень много. Проводят семинары, конференции, стартапы, где красной линией проходит в основном один посыл – как на этом заработать и стремительно разбогатеть. 99 из 100 участников этих мероприятий приходят туда именно за этим. И в этом нет ничего плохого – кто не хочет быть независимым хотя бы от денег? Это сладкое слово «свобода»! И моя статья нацелена на них, но в большей степени на того одного, который кроме получения прибыли стремиться к самореализации! «Если ты занимаешься тем, что тебе очень нравится-то деньги тоже появятся!» – так гласит новая парадигма современного бизнеса. Те, кто жалуется на большое количество работы, а не радуется расширению бизнеса, притоку новых клиентов, – занимается не своим делом! И у большинства людей возникает вопрос – а где оно мое дело? Как мне показать на что я способен? Конечно, точного ответа не даст никто, но некоторые шаги в этом направлении я постараюсь подсказать.

Итак вернемся к блокчейну. Но непросто к способу зарабатывания денег, а к некой концепции, которая предоставит всем желающим равные права и возможности. И начнем с образования. И не только потому, что это моя сфера деятельности, а еще и потому, что с него все начинается. С самого рождения человек познает этот мир и себя в нем. Задается постоянным вопросом – для чего? Какой смысл заложен в окружающем нас мире, в тех явлениях и законах бытия которые движут нами от рождения до смерти? И на эти вопросы пытаются ответить ему сначала родители, потом учителя, друзья, коллеги. Но это их опыт, мнение. И поэтому только 10 процентов остается у него в сознании. А ему нужно, как минимум 90, чтобы навсегда сделать это знание своим, легко им оперировать. Для этого необходимо действовать в этой области, проделать необходимые операции в данной сфере и получить какой-то результат. Может не совсем тот, который ожидал, но это уже будет его опыт, его знание и его мнение по данному вопросу. И здесь мы сталкиваемся с самым ограниченным ресурсом – ВРЕМЕНЕМ! Как пройти путь познания быстрее, как достичь желаемого результата с минимальными затратами? То есть сделать этот процесс максимально эффективным? Ведь недаром говорят «Время– деньги!»

И вот именно раз здесь концепция блокчейна может оказаться как нельзя кстати, поскольку позволяет ускорить прохождения знания от идеи до ее реального воплощения. Мы все знаем, сколько времени тратится от момента зарождения научной идеи, ее апробации до конечного воплощения этой разработки в готовый товар или услугу. А почему так? А потому, что мы ничего про эти разработки не знаем, и даже не знаем, где про них можно узнать. А ведь мы могли бы помочь им, вложив туда, пусть небольшие, но инвестиции. Кто-то ради будущей прибыли, кто-то ради самопиара. И такую возможность

предоставляет платформа блокчейна. Все прозрачно, все имеют равные права, все увидят результат. Это ли не лучший социально ответственный бизнес?

А если вернуться к образованию, то инвестируя в него, и прослеживая цепочку превращения ваших инвестиций в реализованные стартапы школьников и студентов, вы будете уверены, что ваши деньги не осели в коридорах власти и в карманах чиновников, а сработали в самой высокорентабельной сфере – интеллектуальной.

Итак, почему именно в образовании блокчейн может оказаться наиболее перспективным? Ответ очевиден. Потому что в этой сфере зарождается все новое, инновационное. Потому что молодые люди в возрасте от 10 до 30 лет являют собой сгусток энергии с желанием чем-то удивить этот мир. Именно эта аудитория находится под пристальным вниманием так называемых кулхантеров. Ведь взгляд подростка на мир не затуманен всякими условностями, поэтому они очень быстро подхватывают и рождают сами новые идеи и тренды. И здесь главное, не погасить это желание к новизне бюрократией и формализованностью. Что, собственно говоря, и призван делать блокчейн [1]. Потому что там, в этой среде, будут те же повзрослевшие подростки, но уже добившиеся успеха , не утратившие духа предпринимательства и, к тому же, готовые выступить в роли инвесторов.

И последние новости, связанные с разработкой в Беларуси декрета, регулирующего данную сферу, напрямую связаны с образованием. «Функции Министерства образования в сфере IT передаются администрации ПВТ. Декретом предусматривается, что ПВТ значительную часть взносов резидентов будет направлять на развитие образования в сфере ИТ в вузы и школы» [2]. Перспективы Беларуси в этой связи выглядят очень обнадеживающими. Ведь по статистике, количество людей с высшим образованием на 1000 человек значительно превышает страны Европы и СНГ. А по количеству и качеству айтишников мы вполне конкурентоспособны. Недаром на сайте ПВТ есть высказывание одного иностранного заказчика «Если хотите сделать ПО хорошо – закажите у американцев, если хотите сделать дешево – закажите у индусов, а если надо сделать невозможное – закажите у белорусов». То есть, нас уже знают, ценят, и последние визиты в страну представителей Uber, CEO Gett говорят о том что на нас рассчитывают. Поэтому, ввиду отсутствия у нас полезных ископаемых, но присутствия интеллектуального потенциала, мы вполне можем стать «айтишным Гонконгом для славянского мира». И, возможно, это и станет нашим сравнительным преимуществом, и позволит осуществить все преобразования и в экономике, и в технологии значительно более быстрыми темпами.

Список литературы

1. *Овечкин, О.* Что такое ICO? / О. Овечкин. – Режим доступа: https://rb.ru/author/olego/. – Дата доступа: 04.09.2017.

2. Янчевский, В. Создать IT-страну / В. Янчевский. – Режим доступа: https://news.tut.by/economics/535114.html. – Дата доступа: 04.09.2017.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Шульга Елена Николаевна
Институт философии РАН, Москва

Современные философы, изучающие многообразные стороны проявления социальной жизни людей, выделяют две большие, относительно самостоятельные группы социологических теорий: структурные или макросоциологические теории и парадигмы, в центре внимания которых общество, условия его организации и структурной целостности; и интерпретирующие, или микросоциологические теории и концепции, которые изучают человека, природу его поведения и действия. Особенность этого направления исследований состоит в нацеленности на понимание условий успешного взаимодействия людей как внутри определенной группы и сообщества, так и на уровне межкультурного взаимодействия. Причем появление все новых аспектов изучения социального поведения человека, наряду с выходом на фундаментальный уровень познания природы человека, стимулирует появление таких новых концепций, которые способны составить исследовательскую базу для философского обоснования рациональной коммуникации. Предполагается, что социальная коммуникация рациональна, если она осуществляется по рациональным правилам. Поэтому особо остро встает проблема рациональности, ее критериев и типологии, ситуативности ее видов – изучение этого аспекта коммуникации связано с выходом в сферу эпистемологии и методологии познания.

Важно подчеркнуть, что эпистемологическая оценка рациональности влечет за собой конкретизацию ее ценностно-нормативных составляющих. Это значит, что, с одной стороны, рациональное поведение людей определяют нормы, принимаемые определенной культурной средой и традицией, а с другой стороны, оно регламентируется идеалами общечеловеческого, гуманистического характера. Такое «согласование» знания, норм и идеалов становится возможным и даже определяющим условием успешной коммуникации, осуществляемой «по правилам», в том числе, на уровне межкультурного взаимодействия. Кроме того, основанием успешной коммуникации является внутреннее приятие человеком того факта, что каждый участник интеракции осознает эпистемологические границы, в которых коммуникация становится возможной.

Наряду с эпистемологическим аспектом изучения, другое направление в исследовании социальной коммуникации связано с проблемой формирования смыслов и значений, сопровождающих коммуникативный акт, что предполагает интерпретацию как интеллектуальную деятельность, основанную на знании ситуации и понимании смысла того контекста, который обсуждают стороны. При этом участники интеракции интерпретируют, соотносят позиции и согласуют точки зрения, достигая взаимопонимания.

К числу известных нам теорий и концепций интерпретационного направления в изучении различных аспектов социальной коммуникации, относятся: концепция социального действия, символический интеракционизм,

этнометодология, феноменология, герменевтика. Так, сторонники концепции социального действия сходятся во мнении, что поведение людей можно понять и интерпретировать, раскрывая тот смысл и то значение, которое сами люди ему придают. Такова, в частности, позиция Макса Вебера, который полагал, что главная задача социологической науки состоит в изучении социальных действий и их интерпретации с целью понимания. Кроме того, социальная коммуникация призвана показать, как люди (с помощью коммуникативных приемов и методов) воспроизводят социальный мир, демонстрируя понимание значения тех или иных проявлений социальной жизни. Еще дальше идет Никлас Луман: он и сближает понятия «коммуникативность» и «социальность», и разводит их. У него, любые совместные социальные действия есть коммуникация. Коммуникация – это процесс атрибутирования, приписывания, конструирования действия, но самим действием не является. Интересные вопросы коммуникации обсуждаются в рамках этнометодологии. Ее центральная идея сводится к утверждению, что процедуры описания действий тождественны действиям, с помощью которых участники коммуникации создают повседневную действительность. Такое взгляд на процесс коммуникации можно характеризовать как отождествление описания действительности с самой коммуникативной деятельностью (например, как два аспекта одного и того же явления). Иначе говоря, рациональность поведения в акте коммуникации выявляется в самом поведении, т. е. непосредственно в результате самой коммуникации.

Между тем, для понимания смысла того или иного социального действия необходима концентрация усилий на наблюдении и объяснении мотивов самого этого действия. Тот же самый принцип (метод наблюдения с последующим объяснением) сопровождает нашу повседневную жизнь и применяется в отношении истолкования событий, которые представляются нам важными. Предполагается при этом, что вещи, предметы, события воспринимаются точно так же другими людьми. С методологической точки зрения это значит, что здесь вступает в силу принцип очевидности объектов и смыслов, им предписанных (реализуясь через «наблюдение – объяснение»). На более глубоком уровне этот феномен восприятия может характеризоваться как общая для всех людей способность понимания. Эта когнитивная способность раскрывается на уровне социальной коммуникации как культурно-исторической адаптации смыслов к предметам, их выражающим. Поэтому можно утверждать, что существует отношение очевидного соответствия между тем, как высказывается намерение, и тем, как оно воспринимается другими людьми. Аналогичная зависимость существует между сообщенными фактами, идеями, выдвинутыми гипотезами, предположениями, догадками, между пересказом мнений и восприятием их другими людьми. Такое соответствие становится возможным благодаря общим интеллектуальным реакциям; оно имеет отношение к языку, речи, восприятию, поскольку тот, кто говорит, ожидает от слушателя, что озвученные, высказанные им идеи будут адекватно восприняты и в целом будут поняты. Тем самым адекватность восприятия и понимания нас другими людьми зависит от языка и общего смыслового поля, где осуществляется процесс соотнесения смыслов, как

однозначно понятых, так и подвергаемых сомнению и критике. При этом стратегия социальной коммуникации такова, что учитывает необходимость соблюдения следующих условий: сомнения должны быть мотивированы, а мотивация обоснована. Эти требования особенно актуальны при партнерском диалоге.

СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В РИСКОГЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

РИСКИ МЕЖСИСТЕМНОЙ КОММУНИКАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И РЫНКА ПРОФЕССИЙ И ЗАНЯТОСТИ

Баразгова Евгения Станиславовна
Попова Ольга Ивановна
Уральский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Екатеринбург

В изучении рисков межсистемной коммуникации традиционно доминировал т. н. «средовой подход». Его укоренению в хозяйственной практике и науке способствовало то обстоятельство, что к осознанию проблемы эксперты разных сфер пришли не одновременно. Социология, начавшая изучение этой проблемы на рубеже 90-х 2000-х гг., преодолевает сложившееся разделение рисков на финансовые, техногенные, экологические и т. д., заложив основы системного подхода к социальным рискам как порождению общества на определенном этапе его развития. Однако до настоящего времени остаются недостаточно изученными риски, складывающиеся во взаимодействии различных подсистем общества, что влечет за собой не только и не столько теоретические потери, сколько риски в социальных практиках данного взаимодействия.

Недостаточная изученность рисков взаимодействия систем высшего образования и рынка профессий и занятости неизбежно порождает, во-первых, увеличение потерь общества в недоиспользовании человеческого капитала и потенциала институтов высшего образования и, во-вторых, потери личности в связи с отсутствием возможностей реализации приобретенного в системе высшего образования культурного капитала на динамично меняющемся рынке профессионального труда – т. е. рынке профессий и занятости.

Сложившаяся в рассматриваемом взаимодействии двух систем ситуация является, на наш взгляд, результатом недооценки в экспертном сообществе рискогенности двух процессов: процесса «освобождения» высшего образования от ответственности за профессиональность образования – см. ст. 69, п. 1 действующего закона «Об образовании в Российской Федерации»; и неравномерности развития систем – традиционной консервативности системы образования и динамичности рынка профессионального труда, институционально включённого в механизм постоянного увеличения прибыли. Неконтролируемость развития ситуации влечет за собой повышение уровня риска, одинаково угрожающего как обществу, так и личности.

Препятствием к углублению риска может стать построение целенаправленной коммуникации, носящей мониторинговый характер, между акторами двух систем: руководителями в системе высшего образования, преподавателями и студентами – с одной стороны, и работодателями в системе рынка профессионального труда. Социологические методы позволяют обеспечить эффективность коммуникации.

Социальная коммуникация, в отличие от взаимодействия, имеет субъектный характер, что способствует управляемости и контролируемости процесса. Коммуникация позволяет предвидеть и смикшировать последствия неравномерности развития двух рассматриваемых систем, выстроив согласованность их функционирования за счет модернизации содержания высшего образования в его приближении к запросам рынка труда. Одновременно с этим партнерские усилия экспертов двух систем целесообразно направить на осуществление кадрового прогнозирования, успех которого отвечает потребностям акторов обеих систем.

Трансформация российской экономики рубежа XX–XI вв., состоявшая в системном внедрении рыночных принципов хозяйствования, способствовала, во-первых, расширению сегмента новых профессий на рынке труда, и, во-вторых, открытию соответствующих специализаций в вузах. Узаконение частной собственности повлекло за собой необходимость отделения функций собственника от функций технологического и финансового управления. Профессии менеджера, маркетолога, специалистов по работе с персоналом, по связям с общественностью, по рекламе и т. д. стали чрезвычайно востребованы, престижны и неплохо оплачиваемы. В 90-е годы вузы, подчиняясь сигналам рынка труда и рынка образовательных услуг, открыли молодым людям доступ к получению заветных дипломов с тем большим энтузиазмом, что данное нововведение не требовало крупных капиталовложений по созданию вещной инфраструктуры и одновременно обещало прибыль. Качество профессионального образования в те годы было сложно проверить не только потребителям услуг, но и контролирующим органам. В стране не было эталона эффективного менеджера, маркетолога и т. д. в новой экономике. Условное рассмотрение эталона эффективности менеджеров (директоров, главных специалистов) советской экономики не могло «работать» в принципиально изменявшихся условиях успеха. Западная высшая школа могла наработать систему образовательных программ по профессиональной подготовке «новых профессионалов» эволюционным путем, следуя за изменениями в производстве. К примеру, менеджер 20–40-х гг. XX в. должен был быть знатоком производства, технологом; на рубеже 50–60 гг., прежде всего, требовались экономические знания; в следующее десятилетие приоритетными стали социально-психологические компетенции; в нашем веке их место заняли аналитические и информационно-технологические способности. Вслед за компаниями западные университеты имели возможность расширять подготовку, меняя образовательные акценты, но главное – выстраивать образовательные программы в систему, обеспечивающую целостное качество компетентности выпускников, актуально востребованных рынком труда. Что касается отечественных вузов, то они адаптировались к запросам рынка труда «на марше», что проявилось в стихийности процесса, его инерционности, и, в силу этого, – в повышении рискогенности.

Особым образом риски описанного приспособления проявились в гуманитарном образовании, менеджеры которого не уловили сигналов рынка,

существенно изменившего в последние годы спрос на гуманитарные компетенции. На российском рынке труда сохранился спрос на специалистов классического гуманитарного образования; он сосредоточен в «старых профессиях» филолога, искусствоведа, культуролога и т. д. Одновременно с этим на рынке труда в границах «новых профессий» сформировался спрос на гуманитарные компетенции в более сложной многосоставной компетентностной структуре. Профессии менеджера, маркетолога, специалистов по работе с персоналом, по связям с общественностью, по рекламе и т. д. востребованы всеми сегментами рынка труда, что, по нашему мнению, означает расширение спроса на гуманитарное образование, но в новой организации. Гуманитарные компетенции должны быть имплантированы в подготовку специалистов, обучающихся на технических, экономических и т. д. факультетах; они должны быть признаны в качестве профессиональных компетенций с последующими изменениями в образовательных стандартах и учебных планах, и, соответственно, в установках студентов могут стать влиятельным фактором формирования эффективного специалиста в «новых профессиях», способного решать не только технологические, но и аналитические задачи. Данный теоретический вывод был эмпирически верифицирован нами в 2016 году.

В пилотажном исследовании был использован метод экспертного опроса. Выбор экспертов отражал методологическую позицию авторов, рассматривающих построение коммуникации между предпринимателями, специалистами рынка труда и системы высшего образования в качестве средства минимизации рисков потери человеческого капитала и дисфункциональности системы высшего образования в современной России. Группа экспертов была дополнена представителями системы государственного и муниципального управления.

Выводы, полученные на основе анализа мнений экспертов, могут быть интерпретированы однозначно: контент профессий, востребованных на сегодняшнем рынке труда, включает компетенции, которые традиционно формировались в гуманитарном образовании. Это может означать необходимость модернизации подготовки в вузах, заключающейся в имплантации гуманитарных дисциплин в узкопрофессиональное обучение. Само узкопрофессиональное образование теряет свою ценность. Современная технологическая революция диктует необходимость подготовки в вузах специалистов с широким мировоззренческим, социологическим, экономическим, экологическим, психологическим, культурологическим кругозором, что, во-первых, повышает их потенциал в любой профессиональной деятельности, и, во-вторых, способствует более успешной корпоративной работе организаций.

В анализе мнений экспертов нам удалось реконструировать рейтинг высоко ценимых в организациях гуманитарных компетенций:

– *организация деятельности, готовность принимать самостоятельные решения, критическое мышление.* Это актуальная для нынешнего рынка

компетенция реактивности. Скорость и масштаб происходящих в экономике и технологиях перемен не оставляют для профессионалов времени на коммуникацию по всей организационной сети: реакция на перемены должна быть «здесь и сейчас», но при этом специалист должен быть ответственным и точным в прогнозе рисков предлагаемых и принимаемых решений;

– *построение отношений сотрудничества.* Формирование данной компетенции возможно на основе социально–психологических и педагогических знаний, владения навыками риторики, на что недвусмысленно указывают крупнейшие консалтинговые фирмы [2]. При этом, на наш взгляд, важно подчеркнуть то обстоятельство, что данная компетенция значима и для тех, кто после окончания вуза входит в команду, и для тех, кто руководит данной командой. Сотрудничество осуществляется всеми участниками команды во всех сегментах корпорации. Сбой в сотрудничестве даже в самом ее нижнем этаже влечет за собой риски экономических и репутационных потерь;

– *способность к ведению успешных переговоров при заключении договоров и контрактов.* Данная способность достигается сплавом узкопрофессиональных, культурологических, социально-психологических и языковых компетенций. Не секрет, что успех переговоров может зависеть не столько от содержательной заинтересованности участников их предметом, сколько от атмосферы, установившейся за столом. Эту атмосферу создает как языковое и психологическое понимание, так и знание особенностей этикета;

– *профессиональная способность к работе на результат.* Секрет формирования данной способности, по-видимому, кроется в развитости компетенции системного, аналитического, критического подхода к методологическим и технологическим способам достижения результатов. Одним из элементов данного подхода является прогноз рисков на каждой из стадий движения к результату. При этом надежность выявления рисков обеспечивается системностью видения ситуации, исчисление рисков требует соединение узкопрофессионального и социологического подходов, успешный выбор способов минимизации рисков зависит от умения специалиста (команды) мобилизовать все сформированные компетенции к решению задачи;

– *способность к проявлению и деятельной защите инициативы* – «предлагать, видеть, что можно улучшить и изменять и внедрять изменения, нововведения». В формировании данной способности решающую роль, на наш взгляд, играют компетенции аналитического, критического мышления, виртуальной и реальной коммуникации, широты эрудиции, основанной на знании языков и информационных технологий. Эти компетенции, формируемые дисциплинами гуманитарного и социального цикла, способствуют развитию профессиональной смелости, проявляемой в готовности принять на себя ответственность в ведении команды к решению *инновационных задач*;

– *способность и желание постоянного профессионального развития.* Данная способность, по-видимому, является результатом успешного опыта, получаемого в профессиональном образовании и последующей практической работе. В чем, по нашему мнению, кроется успех? В возможности выпускника

вуза и участника послевузовских образовательных мероприятий применить полученные знания на практике и оценить при этом глубину сформированных компетенций. Образование и работа являются своего рода сообщающимися сосудами: образование повышает потенциал профессиональной эффективности, работа в условиях современной технологической революции постоянно формирует новые образовательные потребности, удовлетворение которых стимулирует образовательную активность специалистов в течение всей жизни. Преподавателям, как лидерам образовательного процесса, по-видимому, следует развивать социологическое воображение, позволяющее прогнозировать возможности применения тех знаний, умений и навыков, которыми предлагается овладеть обучающимся;

– *социальная зрелость, проявляемая как профессиональная ответственность.* «Она приходит или не приходит с возрастом. Все зависит от личности студента. Студенты приходят разные», – отметил один из экспертов. Мы, однако, не в полной мере согласны с его мнением. Социальная ответственность является качеством личности, но профессиональная ответственность формируется в коллективе, она проявляет характер отношений в команде, доверие команды формирует ответственность. Способность к принятию ответственности определяется компетентностью профессионала и степенью его социальной зрелости;

– *культура и грамотность устной речи и письма.* На наш взгляд, данная компетенция является ключевой для профессионала любого профиля. Её отсутствие может стать непреодолимым препятствием движения профессионала по карьерной лестнице. Очевидны трудности россиян в овладении столь важными навыками. Парадокс состоит в том, что достижения технологической революции – изменения инфраструктуры общения – в реальности способствуют разрушению умений, которые были сформированы у большинства населения к середине XX в. Перевод коммуникаций в виртуальную плоскость, казалось бы, снижает значимость грамотной устной речи и письма. Однако, продвижение профессионала по службе связано с реальными коммуникациями во все более масштабном пространстве, неграмотность становится не только личным карьерным риском, но корпоративным риском. Преодоление неграмотности, т. о., побуждает к введению часов русского языка на всех факультетах вузов.

Мнения экспертов и реструктуризованный на их основе рейтинг компетенций специалистов в банковской сфере, бизнесе, государственном и муниципальном управлении не представляется неожиданными. Более того, в анализе присутствуют компетенции, которые, согласно государственным образовательным стандартам, в настоящее время формируются в предметном обучении гуманитарного и социально–экономического цикла на первых курсах российских вузов. Риск их недостаточной глубины, отмеченный экспертами, кроется на наш взгляд, во внутренней изоляции специальных и неспециальных предметов в профильном вузовском обучении. Изоляция проистекает из организационного и психологического стереотипов.

Организационный стереотип сложился в формировании т. н. общих кафедр вуза – культурологии, социологии, психологии, иностранных языков и т. д. И преподаватели, и студенты являются жертвами традиции, сложившейся в логике развитого индустриализма – деления на «технарей», естественников и гуманитариев. Проникновение гуманитарной и естественнонаучной подготовки на неспециальные факультеты рассматривалось в качестве дополнения, обеспечивающего не профессионализм по получаемому профилю, но общекультурный статус специалиста-интеллигента. В этих условиях преподаватели общих кафедр воспринимались коллегами и студентами лишь формально в качестве членов единой выпускающей специалиста команды. Положение меняется в условиях современной технологической революции, которая способствует формированию запроса на специалиста структуры mix, системообразующим элементом которой выступает потенциал креативности. Авторы доклада «Будущее образования: глобальная повестка» таким образом, характеризуют процесс смены структуры занятости в период до 2030 года: «Новое ремесленничество переосмысляет проблему разделения труда – специализация в сфере материального производства вторична, но есть глубокая специализация в сфере интеллектуального и творческого труда» [1]. Гуманитарная подготовка, о которой шла речь в нашем опросе, становится элементом профессиональной подготовки, связанной и интеллектуально углубляющей специальную. Что касается психологического стереотипа, то он сложился в те же 60-е годы XX в., о чем свидетельствовал Чарльз Перси Сноу в брошюре «Две культуры», бестселлере того времени [3]. Все признавали и несколько романтизировали раскол «физиков и лириков» в ту уже отдаленную от нас эпоху. Технологический же переворот рубежа XX–XXI веков обнаружил рискогенность этого раскола, причем рискогенность не только человеческого, но и экономического плана. Всесторонность профессионального капитала специалиста стала условием не только личностной эффективности, но и успеха команды. Всесторонность требует, на наш взгляд, соответствующего моделирования в организации профессионального образования, т. е. в построении структуры преподавательского состава на основе принципа единства. Формирование профессионализма подразумевает единую проектно-деятельностную направленность обучения при разделении предметных путей его достижения в условиях сотрудничества всей команды преподавателей и студентов.

Список литературы

1. Будущее образования: глобальная повестка. Ключевые изменения в системе образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:GEF.Agenda ru.pdf. – Дата доступа: 04.10.2017.

2. *Расиел, И.* Метод McKinsey / И. Расиел. – М.: Альпина Паблишер, 2004. – 192 с.

3. *Сноу, Ч. П.* Две культуры / Ч. П. Сноу. – М.: Прогресс, 1973. – 144 с.

ТРАДИЦИИ ПАТЕРНАЛИЗМА И РИСК ИННОВАЦИЙ

Баранова Елена Владимировна
Институт журналистики БГУ, Минск

В числе слагаемых инновационного пути развития страны все более актуализируется не только возрастающая роль науки и широкое внедрение информационных технологий, но и формирование инновационного сознания как адаптационной способности социальной среды к переменам и вызовам времени. Перемены, в свою очередь, включают не только экономическую модернизацию и связанную с ней стратификационную динамику, но и реформирование типа социальной культуры, уходящей корнями в советское прошлое. И этот обозначенный аспект несет в себе определенные социальные риски.

Ценность того, что имели, была осознанна обществом в период, когда почва стала уходить из-под ног: эйфорию перестройки сменила обостренная потребность населения в (казалось ранее, извечной) государственной поддержке.

Вот статистика социологических опросов, позволяющая заглянуть в новейшую историю. Если, по данным лаборатории «Общественное мнение», в конце 1990 года более половины респондентов поддерживали предложение о введении частной собственности [5, с. 5], то уже в 1991 году только 2,5% полагали, что общество движется к капитализму, порядка четверти – были убеждены, что оно находится в преддверии катастрофы [5, с. 53]. Тогда же 50% опрошенных ответили: «Государственную собственность надо сохранить». А на вопрос: «Пользуясь свободой выбора в условиях рынка, где вы хотели бы работать?» – 20% назвали государственное предприятие и лишь 7% – частное [5, с. 6–7].

Привычку населения полагаться на поддержку государства больше, чем на свои собственные силы отразила и динамика социологической статистики периода белорусских реформ.

Например, исходя из данных Независимого института социально-экономических и политических исследований, в июне 1995 года 77% опрошенных (по выборке, воспроизводившей основные социально-демографические характеристики и отраслевую структуру занятий в стране) считали, что «правительство отвечает за материальное благополучие, оно обязано помогать людям поддерживать достойный уровень жизни». И лишь 23% респондентов полагали, что «люди сами отвечают за свое благополучие и обязаны сами решать свои проблемы» [7].

В 2003 году, по материалам комплексного исследования, проведенного Гомельским государственным университетом, 59,4% опрошенных студентов Гомельщины исходили из того, что «государство должно гарантировать своим гражданам такой уровень жизни. чтобы никто не был бедным» и гораздо меньше – 35,8% – отмечали, что «каждый человек должен сам заботиться о себе и своем окружении» [11, с. 211–222].

С учетом исторического опыта в основу белорусской модели развития была заложена социально ориентированная общенациональная политика с ведущей ролью государства в ее осуществлении. Преимущество этой политики проявляется в способности системы государственного управления придавать модернизационным процессам исключительно народные (а значит – равно понятные всем) ориентиры и смыслы.

Именно эта политика помогла Беларуси пережить и общенациональный кризис 90-х годов, и всемирный экономический кризис начала 2000-х. По данным Доклада о человеческом развитии 2011 года, издаваемого, ежегодно, по такому синтетическому показателю уровня социально-экономического развития стран, как индекс развития человеческого потенциала, Беларусь заняла 65-е место среди 187 стран, по которым этот индекс оценивался. По сравнению с 2009 годом, рейтинг страны по этому показателю даже повысился на 3 позиции (с 68-го места) и Беларусь по- прежнему опережает все страны СНГ, относится к группе стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала.

Успехи в социально-экономическом развитии страны получили признание в аналитических материалах международных организаций. В настоящее время Республика Беларусь уже достигла почти всех целей развития тысячелетия. Данный факт нашел отражение в региональном докладе ПРООН «Национальные цели развития тысячелетия (ЦРТ): платформа для действия» и в Докладе ООН «Цели развития тысячелетия в Европе и Центральной Азии: достижения, проблемы и дальнейшие шаги» [9, с. 77–78].

Одновременно социальная доминанта экономических реформ обеспечивает устойчивость мироощущения людей и образа их жизнедеятельности. Это коррелируется с ментально обусловленной для населения страны предрасположенности к рассудительности, основательности – а не к установке на риски.

Через эту призму рассмотрим результаты социологического анкетирования, проведенного в 2014 году в Первомайском районе столицы на основании Соглашения о сотрудничестве между Академией управления при Президенте Республики Беларусь и Администрацией Первомайского района г. Минска.

Прежде всего, большинство респондентов – 55% – субъективно отнесли себя к среднему классу. Это, как известно, самая устойчивая и продуктивная прослойка, расширение которой отражает стабильное развитие государства и общества в целом [2, с. 76].

Заслуживают внимания особенности самоидентификации опрошенных. Здесь признаком устойчивости явилась статистическая близость полученных процентных показателей к результатам социологического опроса, проведенного сотрудниками Института социологии НАН Беларуси по общенациональной выборке, причем с большим отрывом во времени [4, с. 121]. На момент опроса в Первомайском районе столицы (как и в целом в Беларуси десять лет назад)

большинство опрошенных идентифицировали себя, прежде всего, с семьей, друзьями, представителями одной профессии.

С представителями же одного и того же достатка соотнесли себя буквально единицы: 1,6 %. Возможно, эта особенность взаимосвязана с тем, что в реестре ценностных ориентаций – представленных в отдельной шкале – деньги как наиболее актуальную ценность тоже назвали немногие. Для подавляющего большинства главными приоритетами явились семья, здоровье и стабильность жизни [2, с. 76].

Эти цифры так же интересно сравнить с результатами социологического опроса, проведенного в середине 2000-х гг. в Гомельском государственном университете. Среди ценностных ориентиров важнейшими приоритетами оказались тогда хорошие друзья (81,3%), здоровье (80,0%), материальная стабильность (45,6%) и только восьмое место в иерархии ценностных ориентиров заняли «богатство, большие деньги» [11, с. 213].

Стремлением не к обогащению, а к материальной стабильности мотивировалась и трудовая мобильность опрошенных в Первомайском районе столицы (45,8%). Примерно равнозначное число респондентов – 46,9% – хотели сохранить привычный род занятий (это означало, что они, в целом, материально обеспечены) [2, с. 76].

Это позволяет говорить о том, что деньги в традиционном понимании значительного числа белорусов выступают не как самоцель, а как компонента жизненной устойчивости в широком значении этого слова.

Осознавая, что состояние стабильности является для населения страны важнейшим ценностным приоритетом, видишь сложность риска инноваций, связанных с экономической либерализацией и расширением рынка. При этом столь же очевидно, что, не преодолев традиционного общественного запроса в государственном патернализме, невозможно высвободить предприимчивость и инициативу в самом человеке и в целом обеспечить заданные темпы инновационного развития страны. А опасность отставания, в условиях развертывающейся в современном мире «великой битве за талант» таила бы в себе еще большие риски.

Важно, что разрешение указанного противоречия в Беларуси осуществляется не через свертывание социализации экономических реформ, а посредством перехода населения от культуры потребления к культуре участия.

Пробным камнем на этом пути становится развития партнерского взаимодействия между государством и обществом.

Прежде всего, актуализируется государственно-частное партнерство. Предпосылки внедрения и развития его механизмов аккумулированы в Законе Республики Беларусь «О государственно-частном партнерстве». И представители государственной власти, и эксперты равно убеждены в том, что «при наличии широкого круга заинтересованных, мощной поддержке государства, подходящей нормативно-правовой среды и прогрессивно настроенного бизнес-сообщества государственно-частное партнерство призвано стать новым элементом экономической и бюджетной политики, способной

приносить пользу государству, бизнесу и, что самое важное, гражданам нашей страны» [3, с. 62].

Повышается социальная ответственность белорусского бизнеса. Более четверти белорусских кампаний сознательно, планово направляют часть своей прибыли на поддержку социальных проектов. Крупные и средние предприятия помогают местным регионам в решении социальных вопросов, выплате социальных гарантий сотрудникам, финансировании социальных акций и др. [8, с. 90].

Выстроена четкая система коллективно-договорного регулирования трудовых отношений, в основе которой лежит Генеральное соглашение между Правительством Республики Беларусь, республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзами. Есть немало конкретных примеров того, как, выкупив у государства предприятия, их собственники готовы обучать рабочих новым специальностям.

Механизмом развития «культуры участия» становится работа органов территориального общественного самоуправления, которые, «с одной стороны… позволяют реализовать потенциал гражданского участия в осуществлении местного самоуправления и решения комплекса вопросов совместной деятельности граждан, с другой – выступают в качестве одного из субъектов местной политики» [1, с. 5].

Что касается особенностей управленческой коммуникации, то, по мнению экспертов, исследующих этот вопрос, участие подчиненных в управленческом процессе не только повышает их личностные самооценки, но и способствует становлению и развитию коллектива в целом [10, с. 87–89].

То есть социальное партнерство в широком смысле этого понятия может рассматриваться как элемент системы социокоммуникации, снижающий потенциально социальные риски и, одновременно, несущий в себе действенный заряд инновационного типа социальной культуры.

Список литературы

1. *Андрейченко, В. П.* Ресурс диалога и объединение усилий / В. П. Андрейченко // Проблемы управления. – 2017. – № 1. – С. 4–12.

2. *Баранова, Е. В*. Социальное участие как фактор оптимизации местного управления и самоуправления в белорусской модели устойчивого развития / Е. В. Баранова // Проблемы управления. – 2016. – № 1. – С. 74–79.

3. *Ванюшицкий, В. И*. Институциональная среда государственно-частного партнерства в Беларуси: состояние и направления развития / В. И. Ванюшицкий, Е. А. Дадеркина // Проблемы управления. – 2015. – № 2. – С. 62 – 69.

4. *Водолажская, Т. В.* Тенденции изменения социальной идентификации / Т. В. Водолажская // Социологическое знание и социальные процессы в современном белорусском обществе: сб. материалов 4-й межинст. науч.-практ. конф. молодых ученых, 7 июня 2004 г. / НАН Беларуси, Ин-т социологии; редкол.: Е. М. Евелькин (гл. ред.) [и др.]. – Минск Технопринт, 2004. – С. 118–125.

5. *Данилов, А. Н*. Какой мы видим нашу Беларусь: Данные оперативных социологических опросов 1990–1993 гг. / А. Н. Данилов, Д. Г. Ротман. – Минск: БГУ, 1993. – С. 1–60.

6. *Лашук, И. В.* Стратификационная структура белорусского общества (по критерию материальной обеспеченности) / И. В. Лашук // Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси: социол. анализ: сб. науч. тр., вып. 5 / Ин-т социол. НАН Беларуси; редкол.: Е. М. Евелькин (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Технопринт, 2004. – С. 107–114.

7. Людзі баяцца голаду, грамадзянскай вайны і эканамічнай небяспекі // Звязда. – 1995. – 18 ліп. – С. 2.

8. *Мандровская, З. М.* Социальная ответственность белорусского бизнеса / З. М. Мандровская // Проблемы управления. – 2012. – № 2. – С.89–91.

9. *Морова, А. П.* Социальная политика государства / А. П. Морова // Проблемы управления. – 2012. – № 2. – С. 74–80.

10. *Резанова, Е. В.* Социальный капитал организации как фактор мотивации государственных служащих: социологический анализ / Е. В. Резанова // Проблемы управления. – 2015. – № 2. – С. 86–89.

11. *Рычков, А. Е.* Социально-политические ориентации учащейся и студенческой молодежи Гомельщины: ценностный аспект / А. Е. Рычков // Динамика общественного мнения о социально-политической ситуации в Беларуси (по материалам социологического мониторинга): сб. науч. тр.; под общ. ред. М. Н. Хурса. – Минск: ИСПИ, 2003. – С. 211–222.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО РИСКОГЕННОГО ОБЩЕСТВА

Беленкова Оксана Архиповна
Уфимский государственный
нефтяной технический университет, Уфа

На рубеже третьего тысячелетия Новейшей истории человечества всё более очевидным становится формирование на нашей планете единой общемировой цивилизации, приоритеты которой определяются социально-ориентированной инновационной экономикой рыночного типа. Этими приоритетами являются *наука*, *образование* и *управление*, обеспечивающие разработку и внедрение во всех сферах общественного производства высоких технологий, а также формирование социально-коммуникативных условий для их успешного функционирования. Как свидетельствуют зарубежные и российские исследования, формирование социально-ориентированной инновационной экономики на основе достижений четвёртой индустриальной революции актуализирует роль субъектной стороны производительных сил постиндустриального общества, формируя человеческий капитал, являющийся ключевым ресурсом инновационной экономики. Однако успешное функционирование этого капитала возможно лишь при наличии качественно нового уровня духовной культуры общества, формирующейся в рамках его целостного социально-коммуникативного пространства. В этом пространстве духовной культуры все большее значение приобретает в настоящее время национальная идеология.

Национальная идеология, вырастающая на основе духовной культуры и традиций исторически сложившихся наций и выражающая их глубинные сущностные потребности, является мощным фактором формирования в обществе национального самосознания, как основы их идентичности и самодостаточности. Национальная идеология объединяет нацию и позволяет ей с достоинством строить отношения с другими странами в единой системе мирового сообщества, а также выдерживать внутреннее напряжение при решении своих социально-экономических, политических и духовных проблем. История свидетельствует, что целый ряд стран сделал мощный рывок в своем историческом развитии, опираясь на идеи, консолидирующие национальные интересы. Подтверждением этого является историческое развитие таких стран, как Япония, Германия и США после Второй мировой войны. Для разгромленной в этой войне Японии консолидирующей идеей была идея «единой системы». В Германии после уничтожения фашистского рейха объединение демократических сил страны произошло на основе «идеи покаяния», которая дала мощный импульс формированию «общества всеобщего согласия». В Испании подобную же роль сыграла «идея национального согласия». В США ядром идеологии, позволившей консолидировать все социальные слои общества, стала «идея политического

порядка», которая утвердилась в сознании американской нации в последние десятилетия XX столетия.

Не менее актуальной является формирование национальной идеологии для современного российского общества, но её решение представляет необычайно сложную задачу. В России произошёл слом административно-командной системы организации и управления производством, основанной на государственной форме собственности и утвердились экономические отношения, которые можно определить как номенклатурно-бюрократический государственный капитализм. Возникшее противоречие между трансформирующимся государственным сектором и формирующимися структурами рыночных отношений, основанными на частной собственности, является тормозом проводимых в России реформ и источником конфликтов, деформирующих российскую экономику. В этих условиях успешное осуществление рыночных реформ, обеспечивающих модернизацию не только производства, но всей системы общественных отношений, возможно лишь при наличии национальной идеологии, выражающей мировоззренческие установки основной массы населения страны и, прежде всего, социальных групп, занятых в ведущих отраслях общественного производства современной России. Нашей стране нужна национальная идея, способная определить стратегию развития российского общества, исходя из его исторических традиций и менталитета народов, населяющих Российскую Федерацию.

Несмотря на полиэтничность народонаселения России, определяющая роль в формировании национальной идеологии должна принадлежать в нашей стране русскому этносу, во-первых, в силу его многочисленности (более 80% народонаселения) и, во-вторых, в силу его консолидирующей роли в обеспечении целостности и суверенитета страны. Не умаляя значения духовой культуры других этносов Российской Федерации, следует отметить, что именно социально-психологические устои общественной жизни, определяемые национальным характером русских людей, сыграли положительную роль в интеграции духовной культуры многочисленных этносов нашей страны как в дореволюционной России, так и в советское время. Большую роль в этом процессе интеграции культур сыграли основные идеи православной религии, которые не утратили своего значения и в мире высоких технологий. Основополагающие идеи православной духовной культуры можно рассматривать как основу формирующейся национальной идеологии современного российского общества. Этими идеями являются: 1) *идея социального равенства и коллективизма*: все люди равны относительно друг друга как дети единого Бога-творца; 2) *идея социальной справедливости*, трактуемая в православном христианстве как милосердие, исходным носителем которого является Бог, завещавший людям милосердие, сострадание и взаимопонимание в отношениях друг с другом; 3) *идея достойного воздаяния за праведную трудовую жизнь*, которая стимулирует трудовую активность, но ограничивает алчность, беспринципность и жёсткость в накоплении богатства.

Эти идеи в значительной степени определили специфику менталитета русского этноса и увлекли его на путь построения коммунистического общества как аналога Царства Божия на Земле, но выстроенного на основе научного знания. Как известно, идея коммунистического общества, воплотившая в себе идеал совершенной и справедливой жизни, оказалась в ту историческую эпоху несостоятельной. Однако в современной России эти идеи могут быть интерпретированы с позиции решения задач стабилизации общества и использованы для формирования его национальной идеологии. Они могут рассматриваться как инструменты рациональной интеграции жизнедеятельности отдельных этносов нашей страны с целью формирования эффективных социально-экономических условий построения инновационного общества.

Применение этих идей при формировании национальной идеологии российского общества можно использовать как фундамент пирамиды ценностей, включающих: 1) *высшую надындивидуальную цель;* 2) *иерархию реализации социально-практических задач (наука, образование, высокие технологии, социальная инфраструктура, экология);* 3) *гражданские свободы и права личности*. При этом системоорганизующим фактором новой идеологии и её высшей надындивидуальной целью должна выступать общечеловеческая мораль как нравственный синтез коэволюции Коллективного Разума Человечества и общенациональных интересов российского общества, определяющих стратегию его развития [1].

Кроме того, национальная идеология должна стать и системоорганизующим началом разрабатываемой в российском обществе концепции управления. Она должна интегрировать, с одной стороны, универсалии мировой культуры, уже продемонстрировавшие свою эффективность в решении задач модернизационных преобразований, а с другой стороны – ценности и интересы многочисленных российских этносов. Достижениями западной культуры являются: правовое государство и гражданское общество, гражданские свободы и социальная ответственность личности, свободное предпринимательство и состязательная конкуренция производителей в условиях рыночной экономики, которые реализуются на основе общего для всех законодательства. Для развивающихся стран Востока, и в том числе для России, историческими достижениями являются преимущественное значение трудовой этики коллективного труда и коллективной ответственности, наличие уходящей своими корнями в национальные традиции надындивидуальной цели, объединяющей людей и придающей смысл их существованию [2].

Идея «деидеологизации», которую взяли на вооружение российские младореформаторы после августовской (1991 г.) демократической революции, привела к перманентному кризису во всех сферах российского общества, поскольку при её реализации была окончательно дискредитирована идеология, обосновывающая социалистическую (коллективную) форму организации общественного производства. Однако эта управленческая система была

разрушена раньше, чем сформировалось гражданское общество, и были созданы предпосылки для утверждения в России рыночной экономики с её механизмами свободного предпринимательства. В одном из своих последних интервью выдающийся российский учёный А. А. Зиновьев с чувством глубокой горечи писал: «Советская идеология при всех её недостатках опиралась на науку и науку же пропагандировала. Это была гражданская, светская, нерелигиозная идеология. На смену ей пришел полный идеологический крах… В стране разрушается нравственность, проповедуется насилие, интеллектуальный уровень в стране резко упал… Вообще не вижу, не нахожу в стране сил (и утверждаю, что их просто-напросто нет), способных остановить деградацию России, тем более организовать ее на некий эволюционный подъем… Российский народ перестает существовать как единое целое, а вместо него – множество атомизированных групп и людей. Масса населения – не народ» [4].

Идея «деидеологизации общества» была сформулирована еще в начале 1960-х гг. прошлого столетия известным американским социологом Дэниелом Беллом в книге «Конец идеологии», в которой он исследовал непростой путь концептуального развития идеологии от Карла Маркса до Карла Мангейма и показал исчерпанность марксизма как идеологической доктрины. Но если марксизм, как считают некоторые отечественные и западные обществоведы, утратил в современном мире свою значимость в качестве политической идеологии, то это не значит, что исчезла и идеология как социальный феномен. В предисловии к книге «Конец идеологии», переизданной в 2000 г., которое Белл назвал «Возобновление истории в новом столетии», он пишет о реидеологизации, связывая феномен идеологии с возрождением народов как этнических общностей. Он считает, что именно идеология объединяет людей одного этноса общими эмоциональными связями и способствует самоутверждению каждой этнической общности в единой миросистеме человечества, позволяя ей жить общей жизнью вместе с другими этносами. «Идеология, как я её понимаю, есть не просто *Weltanschauung*, не «окультуренный» взгляд на мир, не маска, за которой скрыты чьи-то интересы, а исторически обусловленная система убеждений, которая сплавляет идеи с эмоциями, стремится превратить их в рычаги социального воздействия и, трансформируя идеи, преобразует также и людей. Когда идеологию используют как ударную силу, она заставляет людей смотреть на мир «широко закрытыми глазами», становится закрытой системой, имеющей наготове ответы на любые вопросы, какие только могут возникнуть» [3, с. 13]. Однако так бывает не всегда. Марксизм, как идеология пролетариата – класса, призванного, по мнению Маркса, осуществить пролетарскую революцию и построить бесклассовое общество, оказался, по мнению Белла, исторически бесперспективным. Именно в этом плане Белл писал о конце идеологии. Но на рубеже третьего тысячелетия происходит возобновление истории, поскольку человечество выходит на качественно новый уровень своего развития. Этот уровень характеризуется общими для всех стран тенденциями

общепланетарного экономического развития, проявляющимися в формировании единой системы мирового хозяйства. Фундаментом этой системы должна стать социально-ориентированная информационно-инновационная экономика рыночного типа. При этом её успешное функционирование, как считает автор, возможно лишь при условии сохранения национальных культур отдельных этносов, в соответствии с универсалиями которых должны моделироваться системы социального управления, обеспечивающие в этих странах регулирование хозяйственно-экономической деятельности.

В XX в. наибольшую известность получили две целостные системы социального менеджмента, каждая из которых строилась на основных универсалиях национальных культур своих этносов. Это американский и японский менеджмент, в основе каждого из которых альтернативные системы ценностей: в американском менеджменте – достижительно-индивидуалистическая, в японском – достижительно-коллективистская. В то же время, как считает социолог О. И. Шкаратан, «отечественный опыт русской управленческой культуры, арсенал эффективных технологий отечественного менеджмента не получил в отечественном обществознании системной, культурно-антропологической интерпретации». И далее он указывает: «Вопрос разработки адекватных национальной специфике и эффективных в условиях модернизирующейся экономики моделей менеджмента, конечно, необходимо рассматривать в контексте основных гипотетически возможных сценариев развития России в ближайшей перспективе, исходя из ориентации на развитие в России информационной экономики» [5, с. 51].

Анализ роли национальной идеологии в контексте социально-коммуникативного пространства, сформировавшегося в постперестроечной России, позволяет сделать следующие *выводы:*

1) глобализация и либерализация российской экономики, которые явились следствием непродуманной политики управления страной российским правительством в постсоветский период и которые окончательно себя скомпрометировали как бесперспективные стратегии, должны быть заменены «просвещённым протекционизмом». Его цель – защита экономических интересов российского бизнеса и широких трудящихся слоёв российского общества на основе духовных ценностей национальной идеологии, закреплённых в политико-правовых и морально-этических принципах, обеспечивающих формирование в России инновационного общества;

2) основой новой национальной российской идеологии должны стать:

– идея социальной справедливости, которая отвергает призыв к получению прибыли любой ценой и ориентирована на адекватную оценку труда представителей всех социальных групп, вносящих свой вклад в процветание страны;

– идея социально-ориентированного и соответствующего общечеловеческим ценностям коллективизма, которая должна сформироваться

на основе коллективного менталитета всех российских этносов, создающих совместными усилиями будущее суверенной и процветающей России;

– идея ответственности общества и Российского государства за своих граждан, которые с чувством долга выполняют свою работу [1, с. 1375];

3) реализация этих идей будет способствовать снятию в сфере управления российского общества отчуждения и, благодаря этому, оздоровлению системы рискогенных социально-коммуникативных отношений формирующегося инновационного общества на основе включенности всех его социальных групп в организационно-управленческую деятельность. Это позволит гражданам России почувствовать себя хозяевами своей страны и будет способствовать блокированию различных форм коррупции на всех уровнях организации социума, а также стимулировать в обществе модернизационные процессы с целью формирования социально ориентированной инновационной экономики рыночного типа.

Список литературы

1. *Беленкова, О. А.* Общегражданская идеология – стратегический ресурс развития постсоветской России / О. А. Беленкова // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. – № 3. – С. 1372–1375.

2. *Беленкова, О. А.* Роль базовых ценностей мировой и национальной культур в социальном управлении / О. А. Беленкова // Вестник Башкирского университета. –2012. – Т. 17. – № 1. – С. 598–601.

3. *Белл, Д.* Возобновление истории в новом столетии / Д. Белл // Вопросы философии. – 2002. – № 5. – С. 13–25.

4. *Зиновьев, А. А.* Постсоветизм во мгле: беседа с философом, социологом, писателем А. А. Зиновьевым о социальной системе, сложившейся после развала Советского Союза // Литературная газета. – 2005. – № 41. – 5 окт.

5. *Шкаратан, О. И.* Русская культура труда и управления / О. И. Шкаратан // Общественные науки и современность. – 2003. – № 1. – С. 30–54.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ОБЩЕСТВЕ РИСКА: РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ И БИОМЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Веряскина Валентина Петровна
Институт философии РАН, Москва

Идея совершенствования человека в историческом развитии общества. Идея совершенствования человека и преобразование его природы в определенном социокультурном контексте не нова. Новым мы сегодня воспринимаем вопрос о направленности, векторе движения к определенному образу человека, которого мы считаем совершенным. Можно выделить, по крайней мере, три подхода, которые уже реализовались в историческом развитии: это нормативный подход, рефлексивный и научно-технологический. Нормативный подход связан с культурной традицией, где идеал человека и должное, достойное поведение декларируется и реализуется в процессах социализации. Примерами могут служить модель «благородного человека» в китайской культурной традиции, человека как Путника тайны и наместника Бога на земле в исламской культурной традиции, трактовка человека как образа и подобия Бога в христианской традиции.

Рефлексивный подход к улучшению человека на пути к движению к совершенству предполагает практики «заботы о себе» (Мишель Фуко), активный процесс самовоспитания, самоанализа, работу мысли над собой. Современный вариант рефлексивного подхода связан с поисками идей более справедливого общества, насколько это возможно в условиях капитализма, что связано с обсуждением и реализацией равенства возможностей в обществе и распределением ресурсов развития. В данном социально-историческом контексте актуальна проблема развития человеческих качеств и личностного потенциала. Как глобальный проект человеческое развитие трактуется как процесс расширения возможностей людей вести долгую и здоровую жизнь, приобретать знания и иметь доступ к ресурсам материальным и духовным, был инициирован Программой развития ООН в 1990 г. Этот проект позволил на основе статистических данных по отмеченным базовым параметрам показать рейтинг стран по показателю ИРЧП (Индекс развития человеческого потенциала), улучшение и динамику развития человеческого потенциала как основного ресурса социального и экономического развития стран. На индивидуальном уровне рефлексивный подход реализуется в политике стиля жизни, основанной на выборе. Известный социолог Энтони Гидденс в работе «Современность и самоидентичность» отмечает, что жизненная политика – политика выбора – связывается с репродуктивными технологиями, модой, влиянием экспертного знания и СМИ на индивидуальность человека как рефлексивный проект [12]. Нарастающей тенденцией становится переход от духовных практик нравственного самосовершенствования на основе традиций и внутренней

духовной работы к надеждам на научно-технические возможности улучшения и конструирования человека.

Достижения и вызовы в области человеческого развития в условиях рискогенного общества. Мир, в котором ты живем сегодня, тесно связан с понятиями возможности и неопределенности с представлениями о риске. Обратим внимание на определение риска, которое даёт Гидденс. «Риск – это не тоже самое, что опасность или угроза. Понятие риска связано с активным анализом опасности с точки зрения будущих последствий. Оно широко используется лишь в обществе, ориентированном на будущее, для которого будущее – это территория, подлежащая завоеванию и колонизации. Концепция риска предполагает наличие общества, активно пытающегося порвать с собственным прошлым, – а это главная характеристика индустриальной цивилизации нового и новейшего времени» [3, с. 39]. Есть риски, связанные с внешними угрозами (неурожаи, наводнения, эпидемии) и так называемые рукотворные риски, возникающие в результате человеческой деятельности. Именно они сегодня вызывают особую озабоченность и проблематизируют вопрос об управлении рисками.

В Докладах, посвященных человеческому развитию, в рамках Программы развития ООН (ПР ООН), представляется следующая картина развития на глобальном уровне [5, с. 4].

В период с 1990 г. мир значительно продвинулся вперед по пути человеческого развития [5, с. 4]. Люди живут дольше, большее число детей ходит в школу, улучшился доступ к чистой воде и базовым санитарно-гигиеническим условиям. Глобальное значение ИЧР (Индекса человеческого развития) выросло более, чем на четверть, а в наименее развитых странах – наполовину. Численность людей, живущих в условиях низкого уровня человеческого развития, снизилась с 3 млрд в 1990 году до 1 млрд в 2014 году. Этот прогресс вместе с повышением доходов способствовал формированию самого высокого уровня жизни в истории человечества. В период с 1990 по 2015 год:

– бедность по доходам в регионах развивающихся стран снизилась более чем на 2/3;

– число живущих в крайней нищете во всех странах мира сократилось с 1,9 млрд человек до 836 тысяч;

– детская смертность снизилась более чем вдвое, а смертность детей до пяти лет упала с 12,7 до 6 млн человек;

– свыше 2,6 млрд человек получило доступ к улучшенным источникам питьевой воды, а 2,1 млрд человек – к улучшенным санитарно-гигиеническим условиям. При этом население планеты выросло с 5,3 до 7,3 млрд человек.

Вместе с тем, человеческий прогресс ещё нестабилен, распространены лишения, значительная часть человеческого потенциала остается неиспользованной:

– в странах мира 795 млн человек страдают от хронического голода;

– каждую минуту умирает 11 детей в возрасте до 5 лет, а каждый час – 33 матери;

– около 37 млн человек заражено ВИЧ, а 11 млн – туберкулезом;

– более 660 млн человек пользуются неусовершенствованными санитарно-гигиеническими сооружениями;

– во всем мире 780 млн взрослых и 103 млн молодежи (15–24 г.) неграмотно.

К числу тяжелейших лишений относится неиспользование человеческого потенциала в работе:

– в 2014 году, согласно официальным данным о безработице, 204 млн человек не имело работы (из них – 74 млн молодежи), а 830 млн человек были малоимущими работающими (живущими на 2 доллара в день);

– в мире 1,5 млрд человек относится к сфере незащищённой занятости, что означает отсутствие достойных условий труда и неохваченность социальным обеспечением.

Эту картину можно дополнить рядом проблем:

– проблемой роста неравенства доходов (в 2016 году на долю 80% населения мира пришлось только 6% мирового богатства, на долю же 1% населения – более половины);

– экологической проблемой (ожидается, что к 2050 году доля горожан превысит 2/3 населения мира, что составит 6,2 млрд человек, и это станет тяжким испытанием для адаптационной способности городов);

– проблемой климатических изменений (во всем мире общины становятся более уязвимыми к последствиям изменения климата, включая угрозу оскудения биологического разнообразия, что особенно важно для выживания многих бедных сообществ. Около 1,3 млрд человек живет на уязвимых землях, и это далеко не полное описание проблем и лишений, характерных для социоприродного взаимодействия).

Такая картина социального развития человеческих ресурсов с точки зрения будущих последствий имеет рискогенный характер и требует мер по управлению социальными рисками, которые уже в настоящее время обозначились в форме неконтролируемой миграции, террористических войн и цветных революций. Социальные технологии управления социальными рисками в области человеческого развития связаны с приверженностью *принципу всеобщности* на глобальном и национальном государственном уровне. «Государство всеобщего благосостояния, истоки которого можно проследить еще в “законах о бедных”, принятых в елизаветинской Англии, – это, по сути, система управления рисками (*risk management*). Она призвана защищать от опасностей, некогда рассматривавшихся как воля богов, – болезней, потери трудоспособности, безработицы и старости» [3, с. 39].

На глобальном уровне выработаны принципы управления рисками, которые могут быть реализованы при соответствующих ресурсах и полномочиях на уровне государств. Они сформулированы в одном из последних Докладов ООН о человеческом развитии с характерным

названием: «Обеспечение устойчивого прогресса человечества: уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости». Приверженность *принципу всеобщности* означает всеобщее предоставление социальных услуг, укрепление социальной защиты и обеспечение полной занятости. Это важное социально-политическое решение, которое должно лежать в основе формирования долгосрочной жизнестойкости для стран и граждан. В Докладе поясняется [4]:

– *всеобщее предоставление социальных услуг* предполагает доступ к образованию, медико-санитарной помощи, водоснабжению и канализации, общественной безопасности. Всеобщий характер мер содействует социальной солидарности, причем доступ к базовым элементам достойной жизни не следует увязывать с платежеспособностью;

– *укрепление социальной защиты* включает в себя страхование от безработицы, развитие пенсионных программ, регулирование рынка труда. Сильная социальная политика не только улучшает индивидуальную жизнестойкость, но и содействует жизнестойкости экономики в целом;

– *обеспечение полной занятости* как всеобщего доступа к достойному труду является ключевым элементом формирования жизнестойкости в масштабах общества; оно способствует усилению психологической субъектности, созданию социальных связей, социальной стабильности и социальной сплоченности, безопасности, в то время как безработица связана с ростом преступности, самоубийств, насилия, употребления психоактивных веществ.

Следует отметить, что осведомленность о том, что снижение уязвимости и формирование жизнестойкости имеют большое значение для устойчивого человеческого развития, вписывается в национальные контексты развития и может влиять на стратегии, повышающие качество человеческого капитала.

Мы указали на значимость принципа всеобщности в решении актуальных проблем и вызовов, связанных с развитием человека. Однако реальная практика его проведения в жизнь далека от совершенства. Слабость государственных социальных технологий, обусловленная ограниченностью ресурсов, доминированием транснациональных компаний, связанных с международным капиталом и финансами, и тем самым сужающих возможности национальных государств, особенно в сфере рынка труда, приводит к возникновению *индивидуализированного общества* (Зигмунт Бауман) в последней трети XX – начале XXI века. Утрачивается былая сбалансированность общественного и частного, за счет которого поддерживалась устойчивость социального порядка, «общественное колонизируется частным», «публичный интерес деградирует до любопытства к частной жизни “общественных деятелей”, а общественные проблемы, которые не могут быть подвергнуты подобной редукции, и вовсе перестают быть понятными» [1, с. 267, с. 62–63].

Индивидуализация рассматривается Бауманом, в первую очередь, как отрицание форм социальности, известных из прошлого. В новых условиях не

только масштабные социальные задачи подменяются ложными желаниями и стремлениями, но и сами люди отказываются от «долгосрочной ментальности» в пользу «краткосрочной». В этой связи «личное и общественное остаются неразрывно связанными, но жизнь человека становится не столько взаимодействием с обществом, сколько *биографическим разрешением системных противоречий»* [курсив наш – В. В.]. Об этой же тенденции изменения положения человека на современном этапе социального развития говорит и Ульрих Бек в работе «Общество риска. На пути к другому модерну» [2, с. 189–201].

Индивидуализированное общество характеризуется тремя главными признаками, считает Бауман:

– утратой человеком контроля над большинством значимых социальных процессов;

– возрастающей в связи с этим неопределенностью и прогрессирующей незащищенностью личности перед лицом неконтролируемых ею перемен;

– возникающим в таких условиях стремлением человека отказаться от достижения перспективных целей ради получения немедленных результатов.

Таким образом, положение человека в условиях индивидуализированного общества, его жизненный путь и биография становятся насыщенными рисками, часто непредсказуемыми с точки зрения будущих последствий. «Явление, которое исследователи стараются постичь, это совокупный опыт неуверенности человека в его положении, в правах, в доступных средствах к существованию, неопределенности относительно преемственности и будущей стабильности, отсутствие безопасности для физического тела человека, его личности и их продолжений – имущества, социального окружения, сообщества» [2, с. 194]. Эта неопределенность связана с социальным и психологическим переживанием таких проблем, как общественное неравенство, бедность, безработица. Причём нарастающая неопределенность воспринимается уже как естественный способ существования. Особенно значимыми, и потому болезненно воспринимаемыми, становятся проблемы, связанные с трудом.

Один из важнейших социальных трендов XXI века связан с трансформацией общества наемного труда. Он зависит от конструктивного разрешения проблемы разделения людей на востребованных в мире труда и способных проявить позитивный индивидуализм и «бесполезных миру», характеризующихся негативным индивидуализмом. Трансформации индивидуализма в значительной степени обусловлены становлением и изменениями общества наемного руда, которое достигает расцвета в 60–70-е гг. XX века и с этого же времени начинается его размывание, совпадающее с периодом рефлексивной модернизации с соответствующими социальными последствиями.

В современном обществе на передний план выходит социальная проблема непрочности, уязвимости, исключения, сегрегации, заброшенности,

дезаффиляции [5]. Известный историк Роберт Кастель показал, как проблематика уязвимости и социального исключения, претерпевая исторические метаморфозы, связанные с трудом, местом в социальном разделении труда, статусом, обусловленном трудом, правовыми гарантиями и социальным страхованием, достигнутым значительными усилиями, приходит к новой неустроенности и нестабильности наёмного работника в современной социальной ситуации. «Процесс разрушения стабильности затрагивает прежде устойчивые сектора занятости. Происходит возвращение к той массовой уязвимости, которую удалось победить с таким большим трудом. И в этом движении нет ничего «маргинального». Подобно тому, как пауперизм XIX века находился в самом центре первой индустриализации, нестабильная занятость является главным процессом, порождаемым новыми технологическими и экономическими требованиями современного капитализма. К удивлению современников, именно в этом состоит «новый социальный вопрос», имеющий те же масштабы и то же значение, что и пауперизм I половины XIX века» [6, с. 474–475].

Кастель дает такую характеристику «лишним людям» и приводит своё понимание «негативного индивидуализма»: «Наше общество будто бы с удивлением вновь открывает для себя существование группы населения, которая, как считалось, ушла в прошлое, а именно – «лишних людей», находящихся в обществе, но не принадлежащих к нему. Это лишние люди, живущие на своего рода социально нейтральной территории, не интегрированы, и их невозможно интегрировать, по крайней мере, в смысле Дюркгейма, когда он говорит об интеграции как о принадлежности к обществу, образующему единое целое из взаимозависимых элементов.

Социальная бесполезность дисквалифицирует их в политическом и гражданском плане. В отличие от подчинённых групп индустриального общества – эксплуатируемых, но необходимых, они не могут влиять на ход вещей. Это «социально бессильные» и «лишние нормальные люди». Проблемой является именно сам факт их существования. *Поскольку эти индивиды определяются негативно (бесполезные, социально бессильные), то размеры этой группы трудно определить. И обычно они это сознают*» [6, с. 478] [курсив наш – В. В.].

Сегодняшняя антропологическая ситуация – это массовый индивидуализм, но вот формы его реализации социально неравноценны. Уже XVIII век может интерпретироваться как встреча двух форм индивидуализации: «Утверждается «позитивный» индивидуализм, связанный

5

Дезаффиляция – от понятия аффиляция – стремление принадлежать к какой-либо социальной группе, быть интегрированным в неё, иметь связи с членами данной группы. Мотив аффиляции – один из основных (наряду с мотивами достижения и власти) мотивов человеческого поведения. Дезаффиляция, таким образом, есть разрыв связи с группой, утрата чувства принадлежности.

с попыткой перестроить общественное целое на контрактной основе. С введением своеобразной контрактной матрицы, *индивидуализм стал востребованным, т. е. требовалось, чтобы индивиды, не имеющие средств, действовали как самостоятельные индивиды*» [6, с. 478; с. 473] и *«негативный индивидуализм»*, который ощущался как *изъятие* из членства в коллективах. Такая форма индивидуализма, которая сочетает полную независимость индивида с полным отсутствием прочности его положения, характеризует «негативный индивидуализм». Он индивид в чистом виде и вследствие этого всего лишен. «Он индивидуализировался настолько, что стал сверхнезащищенным, выделился из плотной ткани зависимостей и взаимозависимостей»[6, с. 542].

Можно сделать вывод: современный процесс индивидуализации глубоко амбивалентен, противоречив. Он угрожает обществу фрагментацией, которая делает его неуправляемым, поляризирует общество, так как существуют те, кто сочетает индивидуализм с независимостью, поскольку имеет прочную социальную позицию – «позитивный индивидуализм», и те, кто несет свою индивидуальность как крест, так как она означает недостаток социальных связей и отсутствие защиты – «негативный индивидуализм».

Это ставит вопрос о социальной сплочённости. Нам необходимо не полное равенство, но базовые условия для всех, минимальная гарантированная социальная защита, являющаяся предусловием социального гражданства. Этот тренд – трансформация индивидуализации, является, на наш взгляд, важнейшей тенденцией, формирующей контуры будущего. Вектор развития будет зависеть от таких факторов, как *интеллектуальная рефлексия*, направленная на понимание ситуации во всей её сложности; *политическая воля*, направленная на социальную сплоченность общества и *роль социального государства* как социального института, создающего нормативный базис, противодействующий «негативному индивидуализму».

Управленческие техники и жизненная политика выбора как тенденции трансформации человека. Многие исследователи указывают на то, что управленческие техники будут всё более расширяться в воздействии на человека. Историк и социолог Герман Кан, например, считает, что в ближайшие тридцать три года в возможных технических изобретениях обнаружится большое количество средств и способов контроля за поведением и изменением личности, таких как [10, с. 108]:

– новые всеобъемлющие техники надзора и мониторинга;

– новые, более надежные «образовательные и пропагандистские техники», влияющие на частное и общественное поведение;

– способы практического использования непосредственной электронной коммуникации для стимулирования работы мозга;

– новые разнообразнее лекарственные препараты для контроля над утомляемостью, релаксацией, тревожностью, настроением, личностью, восприятием, фантазиями;

– проверенные возможности «перемены пола»;

– различные способы генетического контроля конституции индивида и влияния на нее.

Какие риски несут подобные управленческие техники, возможность которых не исключена в будущем и уже отчасти реализуется в настоящем?

По мнению Юргена Хабермаса, это может, во-первых, отщепить человеческое поведение от системы норм культуры и вместо этого с помощью непосредственного физического и психологического влияния интегрировать в саморегулирующиеся субсистемы типа человек – машина; во-вторых, с помощью психотехнических манипуляций поведением исключить субъектную интерпретацию культурных норм; в-третьих, путём биотехнологического вмешательства в эндокринную систему и генетическую передачу наследственной информации привести к ещё более глубокому контролю над поведением. Тогда должны будут полностью атрофироваться старые зоны сознания, развившиеся в коммуникации на основе языка. Вывод Хабермаса состоит в следующем: «Самообъективация человека была бы завершена в запланированном отчуждении – люди бы стали творить свою историю по собственной воле, но неосознанно» [10, с. 108]. Таким образом, место определенного культурой самопонимания социального жизненного мира занимает самоовеществление человека в рамках целерационального действия и адаптивного поведения.

В современной литературе обсуждаются вопросы «трансгуманизма» и возникновения «постчеловека» как более совершенного индивида, что связывается с идеями улучшения биологического тела человека, причем иногда в аспекте генетической специализации людей будущего. При этом не учитывается тот факт, что человек – это сложная, самоорганизующаяся система, изменение одного из элементов которой ведет к изменению остальных элементов системы, что может вести к непредсказуем и неуправляемым последствиям. Мы присоединяемся к позиции тех, кто считает, что «риски всегда сопутствуют радикальным трансформациям человека как биосоциальной системы» (В. С. Степин). «В отличие от трансгуманистов, – пишет В. С. Степин, – я не воспринимаю позитивно-восторженной сценарий постчеловека… Если игнорировать ситуации риска при генетических манипуляциях с биологической составляющей человеческой телесности, то скорее всего, будут созданы условия не для совершенствования человека, а для новых кризисов и социальных катастроф» [8, с. 40–41]. Одной из таких угроз, обоснованно пугающих человека, является страх потери *человеческой* идентичности, размывание границы между естественным человеком и его искусственно созданными аналогами [11, с. 106]. К искусственно созданным аналогам – «искусственный человек» – относятся робот, андроид, киборг. «В триаде “человек-андроид-животное” киборги и андроиды, “искусственные люди”, имеют общее с человеком, прежде всего, способность к логическому мышлению и целеустремленность, в то время как общим для человека и

“человекозверей” являются физиология и витальность. Человек по сравнению со своими гибридами, является чем-то вроде “золотой середины”, человек умеет подчинить физиологию и инстинкты разуму и мысли, однако способен также на эмоциональность и спонтанность» [7, с. 106]. Вопрос о природе человека как вида, его идентичности имеет длительную историю самопонимания и саморепрезентаций, выделяющих сущностные доминанты – разум, труд, открытость, незавершенность и другие особенности, но в век биотехнологий и биомедицинских технологий этот вопрос приобретает особый смысл. Наука и основанные на знаниях технологии дают возможность, с одной стороны, оказывать позитивное терапевтическое воздействие на человека, его телесность и психику, но, одновременно с этим, создают соблазн улучшения человеческой природы, а на индивидуальном уровне – расширяют возможности выбора.

Если управленческие техники, о которых шла речь, воздействуют на человека извне, то жизненная политика предполагает *выбор*, это политика *выбора стиля жизни* (Энтони Гидденс) [12]. Она связана с самореализацией человека в обществе позднего модерна, опирается на научный потенциал предлагаемых к использованию технологий. Политика жизненных решений, проистекающая из свободы выбора, ставит вопросы о создании морально-оправданных форм жизни, порождает мораль, которая озабочена вопросом, как нам следует жить в посттрадиционном обществе. Жизненная политика затрагивает *самоидентичность* человека, которая сегодня становится рефлексивным проектом. Применительно к проблеме индивидуальности человека *политику стиля жизни, основанную на выборе, можно считать базовой социальной технологией.* Какие же проблемы выбора формируют самоидентичность как рефлексивный проект? Гидденс указывает на эти болевые точки:

– гендерная идентичность: останется ли личность анатомически с тем же полом, в котором родилась;

– проблема аборта: может или нет правообладатель тела иметь право на произведенное им. Является ли зародыш человеком? Как это соотносится с философским определением человека, правами человека и нравственностью;

– в условиях позднего модерна тело стало условием рефлексивной реструктуризации. В традиционном обществе оно «было дано», теперь его границы изменяются, так как в него входят *рефлексивная программа индивидуальности* при посредничестве абстрактных систем (экспертное знание). Это путеводители, практические руководства о том, как заниматься здоровьем, внешним видом, упражнениями, любовью и т. д. Это социальные технологии, преобразующие естественное. Обращение к телу инициирует новый поиск идентичности, и стратегии телесного развития занимают значительное место в жизненном планировании.

В итоге, совершенствование и его предполагаемый результат – «совершенный человек» – мыслится теперь не столько на пути духовного самосовершенствования, как было на этапе, предшествующем поздней

современности, сколько на пути телесных практик, в том числе, распоряжения телесными продуктами и частями тела.

Чем больше мы рефлексивно «делаем себя» как личности, тем больше сама категория того, чем является личность или человеческое существо, выходит на первый план, то есть возникает вопрос о границах, в которых человек остается человеком.

Важнейшей из биотехнологий в современном мире становится *проблема репродукции.* Это и социальная непрерывность воспроизводства человека, и биологическое продолжение вида. «Биологическая» репродукция к настоящему времени является полностью социальной, что связано с появлением безопасных методов контрацепции, рефлексивного контроля над сексуальными практиками, введением репродуктивных технологий различных видов, и в итоге, превращением её в поле, где превалирует множественность выборов. Гидденс считает, что «конец» репродукции как судьбы связан с «концом природы» [12]. В результате этого возникают совершенно новые, ранее не существовавшие явления:

– потенциал генной инженерии представляет дальнейшее прекращение репродукции как природного процесса, т. е. нарушается целевая связь между жизнью и биологической эволюцией;

– перемена пола влияет не только на репродукцию, но и на физическую конституцию и проявления сексуальности, возникает проблема гендерной идентичности и самоидентичности;

– репродуктивные технологии видоизменяют возрастные оппозиции между фертильностью и стерильностью; искусственное оплодотворение и зачатие в пробирке полностью отделяет репродукцию от традиционных категорий гетеросексуального опыта. Становится возможным суррогатное отцовство, материнство, в том числе и в гомосексуальных браках. Кроме того, возможны технологии определения пола эмбрионов и их имплантация, заморозка эмбриона, клонирование и т. п.

Какова оценка жизненной политики основанной на индивидуальном выборе и научных технологиях? Можно ли эти процессы считать совершенствованием человека, улучшением его природы? Думается, что ответ неоднозначен. Эти практики амбивалентны, так как наряду с лечебными эффектами, несут в себе значительнее риски. Во-первых, это риск, связанный с тем, что социализированная репродукция соотносит индивидуальные решения с преемственностью самого человеческого вида. Хабермас считает, что современное общество находится «на пути к либеральной евгенике», и речь идет о самоинструментализации человеческого вида. Во-вторых, это риск, связанный с включением в абстрактные системы (знания, экспертизы) роста населения как главного ресурса и потенциала любой страны. В-третьих, это риск того, что индивидуальное принятие решений может привести к непредсказуемым демографическим последствиям (к примеру, гендерному дисбалансу и дисбалансу по половому признаку).

Положительными моментами, возникающими в связи с жизненной политикой, является возвращение на социально-значимое место моральных и экзистенциальных вопросов. Это восстановление нравственности в общественной жизни и обновление тематики моральных дискуссий о различных вариантах стилей и образов жизни.

Прогресс научного знания, его влияние на улучшение человеческой природы в проекте «Геном человека» и его этические основы. Беспрецедентным для предшествующего исторического развития общества стали новые знания в области биологии и медицины, способные повлиять посредством практического применения биотехнологий на человеческую природу. К их числу относятся пренатальная диагностика наследственных заболеваний, оплодотворение в пробирке, трансплантация органов, генная инженерия. Эти и многие другие биомедицинские технологии, связанные, к примеру, с расшифровкой генома человека и пр., дают большие надежды на их терапевтическое использование во благо человека, улучшение его здоровья и эффективное лечение. Вместе с тем, они, однако, порождают новые, ранее неизвестные проблемы и риски, как морального, так и правового порядка. В обществе, в философии, медицинской практике и научно-исследовательских коллективах идут активные дискуссии о том, какие моральные и правовые нормы считаются наиболее адекватными на современном этапе развития науки, особенно в связи с расшифровкой генома человека и возможностями практического использования этого знания.

Биоэтика как наука, возникшая как ответ на этот вызов и запрос общества, сформулировала базисные принципы и правила. «Выделяют следующие принципы – принцип “делай благо”, принцип “не навреди”, принцип автономии личности и принцип справедливости. К трём основным моральным правилам принадлежат “правило правдивости”, “правило конфиденциальности” и “правило информированного согласия”» [8, с. 15].

Все эти принципы и правила подробно разъясняются и комментируются в Декларациях и заявлениях международных комитетов по этике. Среди этих документов особенно важны такие, как Конвенция Совета Европы «О защите прав и достоинства человека в связи с использованием достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине», Всеобщая декларация ЮНЕСКО о геноме человека и правах человека, «Декларация Бильбао», «Декларация Инуяма» и другие документы. Анализ этих регулятивных международных документов и заявлений указывает на обязательность соблюдения в области использования достижений современной биологии и медицины принципа защиты достоинства и индивидуальной целостности каждого человека; на требование гарантировать уважение личности, её основных прав и свобод; на необходимость совершенствовать национальное законодательство в этой области. В Конвенции Совета Европы отмечаются такие важные положения как *приоритет человека*, то есть превалирование интересов и блага отдельного человека над интересами общества и науки; требование

осуществления медицинского вмешательства только после добровольного информированного согласия; *право на частную жизнь и информацию*, то есть право каждого человека на уважение собственной частной жизни и сведений о своем здоровье. Особый социально-этический смысл приобретает положение о запрещении любой формы дискриминации по признаку генетического статуса того или иного лица (статья 11). Это касается приёма на работу, страхования, кредитования и других социальных акций.

Трансформация человеческого потенциала – улучшение состояния здоровья, эффективное лечение наследственных заболеваний, улучшение демографических показателей народонаселения на основе пренатальной диагностики, трансплантация органов и тканей человека – возможна сегодня на базе научного знания и биотехнологий, что можно считать современным этапом улучшения человеческой природы. Вместе с тем, фундаментальные проблемы биологии и медицины, особенно их социально-экономические, этические и юридические аспекты должны подвергаться широкому общественному обсуждению. Это важно потому, что наряду с улучшением и пользой, которую они могут принести, возникают серьезные риски. Именно поэтому важна социальная коммуникация с целью достижения консенсуса в этико-правовом регулировании и определении границ безопасного вмешательства в человеческую природу.

Список литературы

1. *Бауман, З.* Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
2. *Бек, У.* Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
3. *Гидденс, Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
4. Доклад о человеческом развитии 2014. Обеспечение устойчивого прогресса человечества: Уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости. – М.: Весь мир, 2015. – 236 с.
5. Доклад о человеческом развитии 2015. Труд во имя человеческого развития. – М: Весь мир, 2016. – 284 с.
6. *Кастель, Р.* Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда / Р. Кастельс. – СПб.: Алетейя, 2009. – 574 с.
7. *Кожевникова, М.* Гибриды и химеры человека и животного: от мифологии к биотехнологии / М. Кожевникова. – М.: ИФ РАН, 2017. – 106 с.
8. *Степин, В. С.* Трансгуманизм и проблема социальных рисков / В. С. Степин // Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий) – М.: URSS: ЛЕНАНД, 2016. – 270 с. – С. 26–41.
9. *Тищенко, П. Д.* Проект «Геном человека»: этические и правовые нормы / П. Д. Тищенко, Б. Г. Юдин // Этико-правовые аспекты проекта «Геном человека» (международные документы и аналитические материалы). – М.: РНКБ РАН, 1998. – 190 с. – С. 9–24.
10. *Хабермас, Ю.* Техника и наука как «идеология» / Ю. Хабермас. – М.: Праксис, 2007. – 208 с.
11. *Юдин, Б. Г.* Границы человеческого существа как пространства технологических воздействий / Б. Г. Юдин // Вопросы социальной теории. – 2011. – Т. V. – С. 102−118.
12. *Giddens, A.* Modernity and Self-Identity / A/ Giddens. – Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1991. – 256 p.

РИСКОГЕННЫЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

Гончарова Любовь Марковна
Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина, Москва

Суть конфликтности современного информационно-коммуникационного социума произрастает из разных причин: прагматичность, технократичность, бизнес-ориентированность и материально-потребительское состояние общества приводят к истощению духовно-нравственных ресурсов, к снижению использования традиционных языковых средств, «консервированию» их в «устаревающей» классике. В то время как информационно-технические возможности распространения и хранения информации становятся массовыми каналами не только транслирования новых языковых реалий, но и поведенческих норм.

Речевая агрессия может рассматриваться как тип речевого поведения, способного проявляться в рамках любого дискурса, независимо от его временных и национальных параметров. Речевая агрессия провоцирует антидиалог, когда, с одной стороны, адресант ориентирован на эмоциональное привлечение внимания и коммуникативный контакт, пусть и через деструктивные формы речевого поведения, с другой стороны, в агрессивном общении, независимо от типа коммуникации, обязательно присутствует выражение негативного отношения либо к адресату, либо к предмету речи.

При этом следует отметить, что публичная агрессивная коммуникация – в речи политиков, в СМИ, в бизнес-среде и пр. – существенно отличается от вербальной агрессии в непосредственном общении оппонентов. В публичной коммуникации в социуме агрессия предстает несколько иначе.

Рассмотрим далее, каким образом и где особенно очевидно проявляется агрессивная коммуникация.

Агрессивная коммуникация в СМИ

Агрессивная коммуникация в СМИ – это, прежде всего, наступательное, активное общение, привлекающее внимание аудитории. Агрессивные реплики активизируют аудиторию, эмоционально заставляя зрителей принимать сторону одного из оппонентов, сопереживать событиям, активно включаясь в них. Глобальное массмедийное пространство сегодня сотрясают информационные войны. Агрессивно навязывается «единственно правильная» точка зрения и трактовка событий. На уровне языковых средств используются нарочито грубые, вульгарные, стилистически сниженные слова и выражения, дисфемизмы, использование оксюморонов, подчеркивающих негативное отношение к предмету речи: «На Кубани казаки отхлестали нагайкой и оттаскали за волосы участниц панк-группы Pussy Riot»; «Пушилин: убийство

Мозгового – провокация для дестабилизации Донбасса», «Лидер «Ночных волков» пообещал «возмездие» в ответ на обвинения СБУ».

Агрессивная коммуникация в политическом дискурсе

Политики нередко используют речевую агрессию как прием привлечения внимания и самопрезентации. В публичной политической коммуникации коммуникативный дисбаланс как результат агрессивного речевого поведения призван обеспечить возможность речевого воздействия на массового адресата. При этом очевидно нарушаются диалогические конвенции, максимы коммуникативного согласия (по Грайсу) и т д. Так, например, публичные выступления В. В. Жириновского являются наиболее ярким примером агрессивного стиля выступлений на российской политической сцене. Им всегда присуща энергичность, повышенная экспрессивность, фамильярность, обилие презрительной и пренебрежительной лексики, а также оскорблений, обвинений и угроз. Одним из наиболее любимых агрессивных приёмов, используемых В. В. Жириновским, является антитеза, чтобы противопоставить себя всем остальным политикам, свою партию другим и т.д.: «Все сказали: лечь под Буша. Кроме меня. Я это единственный сказал, и стенограмма есть в Кремле»; «Мы, оппозиционная партия, защищаем ваших следователей. А вы боретесь с ними, чтобы они выпустили ваших бандитов на свободу. <…> Мы не будем с вами играть в эти игры!». Из приведенных примеров очевидно, что речевая агрессия может рассматриваться как достаточно эффективный, хотя и не всегда корректный способ публичного социально-политического дискурса.

Агрессивная коммуникация в коммерческой сфере

Очевидно, что в ходе агрессивного коммуникативного акта говорящий – инициатор беседы – определяет тему, является ведущим в принятии решений, обладает большим коммуникативным весом, выбирает стратегии и тактики воздействия на адресата. Однако в коммерческой сфере, выражая агрессию и, вместе с тем, осознанно контролируя ее, адресант создает некий сценарий развития коммуникативной ситуации, определяемый маркетинговой политикой компании. Так, в качестве примера приведем дефиницию, введенную в словарь по сервису: «Агрессивный сервис – раздражающие вербальные и реальные действия персонала, навязчивые услуги, доставляющие дискомфорт клиенту, что делает маловероятным дальнейшее совершение им покупки». Как правило, человек, заходя в магазин, испытывает неосознанный страх перед продавцом, боится, что сейчас ему сразу начнут что-то предлагать и принуждать его к покупке, либо потратят на него время и силы, и ему будет неудобно ничего не приобрести. Навязчивые фразы «Чем я могу Вам помочь?», «Вас что-то определенное интересует?», «Я могу быть Вам полезен?» – только отпугивают клиента и заставляют его думать только о том, как бы не купить лишнего.

Можно также говорить об агрессивных коммуникативных приемах в рекламе как на вербальном, так и на невербальном уровнях.

Поводя итог, отметим, что проблема агрессии, вербальной и невербальной, всё чаще становится предметом анализа и обсуждения в лингвистической науке.

Необходимость исследования этой проблемы обусловлена её включённостью в социальный контекст, т. к. агрессивные, манипулятивные и разрушающие приемы оказывают деструктивное влияние как на сам процесс коммуникации, так и на его участников. Необходимо также выявление и структурирование возможностей функционирования данного явления в социуме, поскольку именно общество выполняет функцию регулятора разнообразных проявлений этого феномена.

РИСКОГЕННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ

Екадумова Ирина Ивановна
Белорусский государственный университет, Минск

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), призванные обеспечить комфорт повседневной жизни человека и эффективность его деятельности, выступают одним из факторов его уязвимости. Развитие ИКТ привело к возникновению новых инструментов воздействия на людей – устройств, участвующих в коммуникации по принципу m2m (*machine-to-machine*). В Рекомендациях Международного союза электросвязи МСЭ-Т Y.2060 интернет вещей (ИВ) определяется как «глобальная инфраструктура для информационного общества, которая обеспечивает возможность предоставления более сложных услуг путем соединения друг с другом (физических и виртуальных) вещей на основе существующих и развивающихся функционально совместимых информационно-коммуникационных технологий» [5]. При этом под вещью понимается «физический объект (физическая вещь) или объект виртуального (информационного) мира (виртуальная вещь, например, мультимедийный контент или прикладная программа), которые могут быть идентифицированы и объединены через коммуникационные сети» [5].

Предпосылками развития ИВ стали снижение цен на передачу данных, рост числа устройств, подключаемых к глобальной сети, а также развитие больших данных и облачных вычислений. Сегодня половина населения Земли пользуется доступом к интернету при помощи миллиардов «умных» устройств, которые обрабатывают данные и обмениваются ими в глобальной сети. ИВ используется в сфере энергетики, здравоохранения, образования, управления производством и материальными ценностями, «умных городов», контроля за состоянием окружающей среды, а также в быту.

Использование технологий ИВ способствует экономическому росту и повышению качества жизни людей. Как отмечается в пресс-релизе Международного союза электросвязи (МСЭ), это происходит благодаря их доступности, приемлемости в ценовом отношении и масштабируемости. Доступность означает распространенность на рынках, дешевизну, легкую заменяемость при наличии инфраструктуры поддержки (Wi-Fi, интернет-кафе и т. д.) и приспособленность к работе в сложных условиях. Приемлемость по цене предполагает, что затраты на исследования и разработки в области ИВ покрываются за счет большого спроса на рынках, а их адаптация к условиям рынков развивающихся стран не слишком затратна. Масштабируемость состоит в особенности конструкции ИВ, которая обеспечивает возможность очень простого автоматического конфигурирования без участия опытных специалистов в установке и техническом обслуживании [1].

Любой пользователь «умного» устройства во многом непреднамеренно занимается сбором данных о себе, создавая тем самым риски, связанные с раскрытием собранной информации как сегодня, так и в будущем [3].

Использование «умных» устройств сопряжено с проблемой баланса удобства и информационной безопасности, что предопределяет особые требования к их устойчивости и надежности. Такие устройства должны быть защищены от взлома и выведения из строя. Между тем, для многих из них нет защитных решений, поскольку их производители редко выпускают обновления безопасности и новые прошивки [4]. При сегодняшнем уровне защиты интернет-устройств хакеры способны не только взламывать их, но и собирать из них мощные ботнеты. Для упреждения подобных проблем в будущем в Евросоюзе используется юридическое закрепление минимума требований к безопасности «умных» устройств и их сертификация. Для сотрудничества правительственных и коммерческих структур в этом направлении создан Альянс для инноваций в интернете вещей [10].

Угрозы интересам пользователей интернета вещей могут исходить не только от злоумышленников, но и от правительств. Примечателен в этом отношении опыт внедрения системы социального кредитования в Китае, где с 2014 года цифровые технологии используются для создания рейтинга граждан, на основе которого одни граждане будут поощряться льготами, а другие наказываться административным санкциям и ограничениями. Информация для рейтинга собирается усилиями государственных органов, частных организаций и самих граждан. Источниками информации (о покупках, доходах, посещаемых местах, интересах и круге общения, предпочитаемом контенте и т. п.) являются также мобильные устройства [2]. Хотя проект задумывается для предотвращения угрозы дезорганизации общества, страдающего от дефицита доверия, его внедрение сопряжено с серьезными рисками, по меньшей мере, по двум причинам. Во-первых, алгоритмы вычисления рейтингов не прозрачны, а основания поощрений и наказаний прописаны в законодательстве довольно смутно. Следовательно, граждане не застрахованы от ошибок и произвола в принятии важных для них решений. Во-вторых, система определения надежности граждан не распространяется на высшее руководство, что, по мнению южнокорейских экспертов, может превратить ее в инструмент тотального контроля правительства над обществом [9].

Риски, сопряженные с развитием ИВ, во многом обусловлены препятствиями на пути его развития – прежде всего, чрезмерным многообразием протоколов при отсутствии единых общепринятых стандартов, проблемами энергопитания подключенных устройств, психологической неготовностью людей использовать «умные» устройства. Их существование создает запрос на развитие страхования в сферах деятельности, связанных с использованием ИВ. Так, в России обсуждается страхование рисков в области защиты информации в рамках государственной программы «Цифровая экономика». Предполагается, что полисы информационной безопасности будут введены на обязательной основе с 2020 года для отдельных отраслей экономики, таких как банковская сфера, аэропорты, вокзалы и стратегические отрасли промышленности – металлургия, машиностроение, судостроение, авиапром и др. [7].

Помимо намеренных действий людей, опосредованных использованием «умных» устройств, актуальной проблемой является риск утраты контроля над ними. Эта проблема стала насущной в свете разработок военного назначения. Ведущие специалисты в области робототехники и искусственного интеллекта сегодня прилагают усилия по привлечению к этой проблеме внимания международной общественности. Так, в августе 2017 г. 26 представителей кампаний, занимающихся созданием искусственного интеллекта и робототехникой, написали открытое письмо в Организацию объединенных наций, в котором призвали запретить разработку и использование систем смертоносного автономного оружия. Авторы письма отмечают, что подобное оружие грозит стать новой революцией в военном деле и создает угрозу развития вооруженных конфликтов более масштабных, чем ранее, и слишком стремительных, чтобы люди успели их осмыслить [6].

Предупреждением опасных последствий развития ИВ на глобальном уровне занимается МСЭ, который рекомендует заинтересованным сторонам создавать динамичную экосистему путем поддержки стартапов и инкубаторов ИВ, содействовать инновациям, устраняя барьеры на их пути, развивать центры обработки данных, стандарты использования ИВ, создавать атмосферу доверия [8].

Таким образом, развитие ИВ оказывает существенное влияние на общественное развитие. В этой области внедряются передовые технологии, способствующие повышению эффективности широчайшего спектра направлений человеческой деятельности. Риски, производимые развитием ИВ, зависят в своих проявлениях от социально-экономического эффекта ИВ, а также от запросов и действий пользователей, производителей, правительств и заинтересованных международных инстанций. Управление рисками, порождаемыми развитием ИВ, требует соотнесения результатов технологического прогресса с интересами всех заинтересованных сторон, а также нахождения баланса между удобством и безопасностью пользователей «умных» устройств.

Список литературы

1. Интернет вещей может стать ключом к установлению недорогих соединений, которые преобразуют жизнь людей в развивающихся странах. Пресс-релиз [Электронный ресурс] // Международный союз электросвязи. – Режим доступа: http://www.itu.int/net/pressoffice/press_releases/2016/pdf/02-ru.pdf. – Дата доступа: 29.10.2017.
2. *Ковачич, Л.* Большой брат 2.0. Как Китай строит цифровую диктатуру / Л. Ковачич [Электронный ресурс] // Московский Центр Карнеги, 18.07.2017. – Режим доступа: http://carnegie.ru/commentary/71546. – Дата доступа: 10.09.2017.
3. *Куликова, А.* Интернет вещей: виртуальное благоденствие и реальные риски / А. Куликова [Электронный ресурс] // Индекс безопасности. – 2015. – Т. 21. – № 3 (114). – С. 95-112. – Режим доступа: http://www.pircenter.org/media/content/files/13/14482861000.pdf. – Дата доступа: 10.09.2017.
4. Ловушки «интернета вещей». Анализ данных, собранных на IoT-ловушках «Лаборатории Касперского» / В. Кусков [и др.] [Электронный ресурс] // АО «Лаборатория Касперского», июнь 19, 2017. – Режим доступа: https://securelist.ru/honeypots-and-the-internet-of-things/30874. – Дата доступа: 10.08.2017.

5. Обзор интернета вещей. Рекомендация МСЭ-Т Y.2060 [Электронный ресурс]. – С. 1. – Режим доступа: https://www.itu.int/rec/T-REC-Y.2060-201206-I. – Дата доступа: 29.10.2017.

6. Открытое письмо к Конвенции Организации Объединенных Наций об употреблении определённого вида оружия [Электронный ресурс] // Future of Life Institute // Future of Life Institute. – Режим доступа: https://futureoflife.org/open-letter-united-nations-convention-certain-conventional-weapons-russian. – Дата доступа: 29.10.2017.

7. Полис на всякий вирус [Электронный ресурс] // Коммерсантъ, 27.10.2017. – Режим доступа:https://www.kommersant.ru/doc/3450079. – Дата доступа: 29.10.2017.

8. Harnessing the Internet of Things for Global Development / International Telecommunication Union and Cisco [Электронный ресурс] // International Telecommunication Union. – Geneva, 2016. – Режим доступа: http://www.itu.int/en/action/broadband/Documents/Harnessing-IoT-Global-Development.pdf. – Дата доступа: 29.10.2017.

9. *Jinwoo, K.* Orwell's Nightmare: China's Social Credit System / K. Jinwoo [Электронный ресурс] // The Asan Institute for Policy Studies, 28.02.2017. – Режим доступа: http://en.asaninst.org/contents/orwells-nightmare-chinas-social-credit-system. – Дата доступа: 10.08.2017.

10. *Stupp, C.* Ansip Plans New EU Cybersecurity Centre / C. Stupp [Электронный ресурс] // Euractiv.com, 20.07. 2017. – Режим доступа: https://www.euractiv.com/section/cybersecurity/news/ansip-plans-new-eu-cybersecurity-centre. – Дата доступа: 10.08.2017.

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ И ПРОГРАММ ДЛЯ БЕЗОПАСНОЙ РАБОТЫ В ИНТЕРНЕТЕ

Корытникова Надежда Владимировна
Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина,
Харьков

Безопасность в Интернете, как известно, начитается с выбора браузера и поисковой системы, специальных программ и функций, предоставляющих различные степени защиты от вредоносных действий со стороны. С целью выяснить, какие программы используют пользователи для облегчения работы в Сети, на кафедре методов социологических исследований ХНУ им. В. Н. Каразина был проведен онлайн-опрос «Безопасность в Интернете» (октябрь-ноябрь 2015, n=361), результаты которого репрезентируют харьковских интернет-пользователей в возрасте от 18 до 35 лет.

В компьютерную грамотность пользователя входит применение ими дополнительных функций и программ для безопасной работы в сети Интернет. Среди программ, которые несут полезные функции для работы в Интернете, обычно указывают:

– облачные технологии (например, Google Диск) – это файловый хостинг для хранения файлов. Его функции включают хранение файлов в Интернете, общий доступ к ним и совместное редактирование. В состав Google Диска входит набор офисных приложений для совместной работы над текстовыми документами, электронными таблицами, презентациями, чертежами, веб-формами и другими файлами. Общедоступные документы на Диске индексируются поисковыми системами, т. е. доступны всем пользователям при поиске по ключевым словам;

– специальные расширения против рекламы, вирусов – данные программы позволяют уменьшить поток рекламных сообщений в Интернете, а также уберечь компьютер от вирусов, которых огромное множество в сети;

– менеджер паролей – безопасный способ хранения всех паролей в одном месте. Менеджер паролей похож на виртуальный сейф. Можно использовать программу, которая будет автоматически вводить пароли и загружаться на сайты и приложения. Другой вариант программы будет генерировать сложные пароли и хранить конфиденциальную информацию, например, по кредитным картам;

– автоматическое сохранение пароля – функция, которую предлагают все браузеры и множество различных сайтов и социальных сетей. После первого входа на сайт благодаря этой опции выскакивает запрос, предлагающий сохранить пароль. Требуется один раз ввести пароль, чтобы система «запомнила» пользователя и в следующий раз он уже сразу авторизировался;

– вкладка «инкогнито» – режим нахождения в сети, при котором не сохраняется история просмотров, загруженные файлы не отображаются в

истории загрузок. Единственные следы, которые можно оставить, – это сохраненные закладки и сделанные настройки браузера.

По результатам онлайн-опроса самой популярной оказалась функция автоматического сохранения паролей в первую очередь из-за удобства и практичности, хотя и в ущерб безопасности. Только 22 % опрошенных каждый раз при авторизации на сайте пишут свой пароль заново. Пользователи разрешают различным порталам запоминать свои пароли, тем самым они экономят свое время для входа на различные сайты, не волнуются по поводу того, что их паролем может воспользоваться другой человек. Также пользователи могут разграничивать интернет-ресурсы по значимости той информации, которую они оставляют на них.

С менеджером паролей, расширенным аналогом предыдущей функции, пользователи знакомы меньше всего (13,3 % не знают этой функции). Но и среди тех, кто понимает, для чего эта программа, мало таких, кто применяет её на практике, скорее всего не желая устанавливать отдельный софт и рассчитывая на встроенную функцию браузера «автоматическое сохранение паролей». Безусловно, подобные программы созданы для облегчения работы в сети. Менеджеры паролей и предлагают «запомнить» все существующие пароли, логины, номера, и в будущем при повторном посещении не придется долго их вспоминать, т. к. данные в зашифрованном виде будут храниться на персональном компьютере. В то время как производители подобных программ уверяют в невозможности взломать и узнать информацию постороннему человеку, нередко поднимается вопрос о безопасности персональных сведений, пароли доступа к которым могут быть рассекречены профессионалами в сфере IT-технологий. Считается, что лучше создать более надежный пароль, чем чаще его менять, но надежные пароли гораздо труднее запомнить.

Более трети респондентов при проведении времени в Интернете используют вкладки «инкогнито», когда браузер не фиксирует историю сеанса в Интернете, на компьютере не сохраняются файлы cookie, остаются только скачанные файлы и добавленные закладки. Такие пользователи не желают, чтобы их действия в сети фиксировались и запоминались, не хотят оставлять цифровые следы, которые могут быть доступны многим и «использованы против них». Тем самым они проявляют осторожность и в какой-то мере скрывают свои данные о времени проведения, о посещенных сайтах и т. д. Не стоит забывать, что в режиме инкогнито действия пользователя все равно видны системному администратору и интернет-провайдеру. С другой стороны, 41,6 % респондентов не используют данную функцию, то есть они не обращают внимание на возможность скрыть историю активности в Интернете, следовательно не переживают, что кто-то может посмотреть, отследить историю интернет-серфинга.

Для многих реклама в Интернете является чересчур навязчивой, поэтому более половины пользователей применяют дополнительные программы для запрета рекламных сообщений и для защиты от вирусов. Несомненно, что

такие антивирусные программы необходимы каждому интернет-пользователю, они дают возможность освободить свое время для результативной работы в Сети. Избавившись от выскакивающих рекламных сообщений и роликов, над пользователями не довлеет информационный шум и можно быстро сосредоточиться на делах. Однако каждый пятый не прибегает к блокировке излишней рекламы в Интернете.

Хранение своих данных облачным технологиям доверяет 41 % ответивших, в то же время каждый третий не использует эту функцию. Подобная программа является удобным средством хранения большого объема данных при отсутствии места на компьютере или съемного носителя информации. С другой стороны, при таком способе хранения файлов увеличиваются риски потерять доступ к своей информации (навсегда или временно), а также снижается уровень защиты персональных данных.

В результате можно сделать вывод, что рассмотренные выше программы пользователями не игнорируются, но и повсеместного их применения не наблюдается. Популярными настройками оказались функции «автоматического сохранения пароля» и «расширения для защиты от рекламы и вирусов». Кроме того, многие дополнительные функции, декларируя свои полезные возможности и положительные свойства, могут нести в себе скрытые угрозы. В целом, меры предосторожности интернет-пользователей направлены скорее на то, чтобы сохранить свое пребывание в Интернете безмятежным, чем на предотвращение возможных утечек информации.

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РИСКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Купчинова Татьяна Владимировна
Белорусский государственный университет,
Минск

Любая деятельность, в том числе и коммуникационная, может быть рассмотрена с точки зрения систем, ее регулирующих. Этика как совокупность универсальных принципов и норм, принятых в обществе, является одной из них. Рассмотрение особенностей рисковой коммуникации сквозь призму этических норм позволяет выделить ряд проблем, возникающих в результате противоречия между свободой выбора субъектов коммуникации, при формировании передаваемого контента и результатом его восприятия аудиторией.

Коммуникация риска понимается как конструирование значения риска при участии различных коммуникационных сообществ. Риск принимает определенное значение через обсуждение возможной угрозы или связанных с ней выгод. Рисковая коммуникация представляет собой диалоговый процесс обмена информацией между людьми, группами, учреждениями по поводу характера и природы риска, реакций на сообщения о риске и возможности управления риском.

В исследованиях рисковой коммуникации выделяют два подхода: технический и социокультурный.

Технический подход к рисковым коммуникациям основан на признании риска как объективно существующего факта. Используя различные статистические данные, мы можем определить вероятность наступления того или иного события, величину предполагаемого ущерба. Информирование о риске с позиции технического подхода способствует повышению уровня осведомленности индивидов, формированию определенных навыков, которые могут быть полезными, жизненно необходимыми в рисковых ситуациях (правила поведения человека при стихийных бедствиях; информация относительно инфекционных заболеваний, средствах защиты, самообороны; информация о возможности различных видов страхования и т. д.). Пассивность получателя сообщения, абстрагирование от контекста, в котором происходит коммуникация, делают данный подход односторонним, исключающим из обсуждения группы общественности.

Социокультурный подход к рисковым коммуникациям расширяет границы исследования. Индивид рассматривается и как отправитель, и как получатель сообщения (т. е. важен не только факт передачи информации, но и то, как информация будут понята, воспринята и какие решения будут приняты на основе данной информации). Также следует сделать акцент на значимости контекста как социального, так и культурного, политического. Дж. Брэдбери утверждает, что переход от стратегии информирования к диалогу позволяет привлечь внимание не только к контексту, в котором происходит

коммуникация, обмену информацией, но и к подразумеваемым участниками коммуникации смыслам. Таким образом, риски можно рассматривать как социокультурные конструкции.

Согласно этической теории утилитаризма, правильное действие удовлетворяет критерию утилитарной максимы: делайте то, что принесет наибольшую пользу наибольшему числу людей. В окончательных формулировках утилитаризма, разработанных Дж. Бентамом и Дж. С. Миллем, принятие этических решений рассматривается как проблема оценки альтернативных возможных действий с точки зрения их ожидаемой выгоды и вреда. Здесь, отмечает Р. Томпсон, возникает ряд вопросов: «Что считается выгодой или вредом? Как достичь компромисса между выгодой для одной стороны и ущербом другой стороны? Кого считать пострадавшей стороной?» [2, с.629]. Особенно актуальны эти вопросы в отношении коммуникации риска. Следуя логике данного подхода, информация о риске должна удовлетворять информационные потребности большого числа людей и делать их жизнь более безопасной. Следовательно, речь должна идти о коммуникативной рациональности. Данный термин является центральным понятием теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Автор полагает, что рациональный консенсус вырабатывается посредством обсуждения, в котором участники дискурса преодолевают свои собственные субъективные взгляды в пользу рационально мотивированного согласия. При этом коммуникация у Ю. Хабермаса наделена свойством нравственного признания [1, с.334].

Основным субъектом рисковой коммуникации являются средства массовой информации. Предоставляя информацию о рисках, СМИ должны руководствоваться нормами этики и морали. Непродуманная в содержательном плане коммуникация может привести к появлению в обществе стигм. Одним из примеров рисковой коммуникации являются информационные кампании по профилактики ВИЧ/СПИД. Присутствие в публикациях некорректных высказываний в отношении самой проблемы, людей, живущих с ВИЧ (ЛЖВ) – яркий пример сформированной стигмы. Так, в СМИ встречаются следующие высказывания: жертвы СПИДа, вирус СПИДа, бич, чума, ужасная болезнь, смертельный приговор. Кроме того, имеют место изображения символов смерти: кресты, могилы, черепа, скелеты и т. п. Внедрение новой информационной стратегии позволило выработать единую позицию в отношении освещения СМИ проблемы ВИЧ/СПИД. Это особенно актуально в настоящее время, так как сама проблема трансформировалась из поведенческой проблемы в медико-социальную.

Учитывая, что рисковая коммуникация ставит своей целью не только информирование общественности о возможных рисках, стоит отметить важность создания диалоговой среды между субъектами социального взаимодействия, обеспечение условий для обсуждения проблем риска и связанных с ним негативных последствий, принимая во внимание этические нормы.

Список литературы

1. *Хабермас, Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2001. – 380 с.

2. *Thompson, P. B.* Ethics and Risk Communication / P. B. Thompson // Science Communication. – 2012. – VOL. 34. – № 5. – P. 618–641.

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ РИСКА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

Сергеева Елена Викторовна
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского,
Саратов

Термин *риск* сегодня является неотъемлемой составляющей практически всех видов коммуникации. Э. Гидденс отмечает, что «в условиях современности как для обывателей, так и для экспертов мыслить в понятиях риска и оценки риска стало более или менее постоянным занятием отчасти даже незаметным» [5, с. 119]. Процессы формирования, распространения и обмена информацией о рисках сегодня определяются понятием коммуникация риска [4, с. 235]. Здесь можно выделить два взаимообусловленных аспекта: во-первых, продуцирование и транслирование информации о рисках субъектами коммуникации; во-вторых, восприятие риска и его влияние на поведение граждан.

В идеале этот вид информационного взаимодействия предполагает не только донесение информации до граждан о тех или иных угрозах и опасностях, но и делает возможным максимально конструктивным обсуждение реальных проблем, противоречий и конфликтов в обществе. С нашей точки зрения, коммуникация риска обладает рядом особенностей, понимание которых позволяет определить насколько она способна эффективно выполнять поставленные перед ней задачи.

Во всех концепциях «общества риска» (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман и т. д.) акцентируется внимание на увеличение роли и значения научных знаний о рисках в современный период. Научный анализ риска предполагает сочетание трёх видов знания: теоретического, практического и прогностического.

Таким образом, независимо от научной области, в которой применялся рискологический подход, его цель заключается в формировании корпуса научных знаний, позволяющих выявить, описать, проанализировать причинно-следственные связи между явлениями: проанализировать прошлое и настоящее с целью выявления возможных вариантов развития будущего. Именно в этом контексте мы можем говорить о рисках как о научно обоснованном прогнозе наиболее вероятностных последствиях принятых решений, а не субъективных ожиданиях, религиозных и обыденных знаниях.

В прикладном аспекте использование рискологических знаний имеет общую схему: выявление факторов риска и их оценка; разработка плана, стратегии и тактики избежания/минимизации риска; принятие решений; мониторинг и оценка результатов деятельности. Поэтому в любой сфере жизни общества, где мы рассматриваем процессы планирования, организации и управления человеческой деятельностью на научной основе, мы вполне естественно приходим к понятию риска.

Использование в социальных коммуникациях научного знания о рисках имеет ряд преимуществ, к ним относятся объективность, системность, рациональность, доказательность, верифицируемость и т. д. Сегодня процесс принятия решения уже немыслим без аналитической составляющей, научно-доказательной базы, вероятностных знаний о развитии тех или иных событий. Но помимо всего прочего для коммуникации риска большее значение приобретают недостатки научного знания. К последним относятся следующие положения: 1) сложность научного знания, требующая специальной подготовки для его правильного восприятия и возможности применения на практике; 2) относительность научного знания, обусловленная несовершенством инструментария познания, что особенно актуально для социогуманитарных наук; 3) отсутствием единого понимания одних и тех же проблем в научной среде, наличием разного уровня знания, критическая направленность анализа результатов научного исследования; 4) слабость прогностического потенциала, использование метода аналогий для прогнозирования будущего; 5) невозможность избежать субъективности в оценке факторов риска; 6) рискологическое знание одновременно апеллирует и к разуму, и к чувствам, что увеличивает его манипулиятивный потенциал.

Специфика научного знания о рисках и его использование в коммуникации приводит к ряду противоречивых последствий для управления коммуникацией риска, которые фиксируются в работах по социологии риска. Их можно обобщить в следующих позициях:

– наличие разнообразных научных и экспертных позиций приводит к их селекции со стороны транслирующих субъектов, что значительно снижает возможность по объективной рациональной оценке реальности и принятию эффективного решения;

– транслирующие субъекты могут актуализировать или, наоборот, замалчивать те или иные исследования, определяя повестку публичной коммуникации и т. д.;

– в процессе коммуникации те или иные рискологические знания могут подвергаться манипулированию: упрощаться, перемещать акценты, замалчиваться часть информации, мифологизироваться, использоваться вне контекста и т. д. Грань между реальной и мнимой угрозой становится практически неразличимой;

– нередко можно наблюдать стремление придать той или иной информации атрибутов наукообразия, возможны и откровенные подтасовки научных исследований (ссылка на липовые социологические опросы, исследования, эксперименты).

Такая ситуация приводит к выводу о сложном и парадоксальном положении научного знания в современном обществе. Так, Г. Бехман отмечает, что, с одной стороны, наука в современном обществе играет всё меньшую роль, поскольку больше никто не верит в её всесильность, с другой – большую, поскольку, она с неизбежностью становится основой политического консультирования и опорой принятия политических, социальных и

хозяйственных решений [3, с. 14]. Это вывод в полной мере касается и коммуникации риска: с одной стороны, это объясняет определённую нечувствительность со стороны общества к тем или иным рискологическим знаниям, а с другой стороны, подтверждает необходимость разработки теоретического и прикладного знания об рисках, механизмах и методах управления риском. Сегодня коммуникация риска во многом представляет собой стихийный и хаотический обмен информацией, который требует выработки определённых стандартов и норм, способных его упорядочить и тем самым увеличить его эффективность.

Список литературы

1. *Арямов, А. А*. Общая теория риска: юридический, экономический и психологический анализ / А. А. Арямов. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 202 с.

2. *Бек, У.* Общество риска на пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.

3. *Бехманн, Г.* Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / Г. Бехманн. – М.: Логос, 2010. – 248 с.

4. *Вишняков, Я. Л.* Общая теория рисков / Я. Л. Вишняков, Н. Н. Радаев. – М.: Академия, 2008. – 368 с.

5. *Гидденс, Э*. Судьба, риск и безопасность / Э. Гидденс // Thesis. – 1994. – № 5. – С. 107–134.

6. *Дуглас, М*. Риск как судебный механизм / М. Дуглас // Thesis. – 1994. – № 5. – С. 242–253.

7. *Луман, Н*. Понятие риска / Н. Луман // Thesis. – 1994. – № 5. – С. 135–160.

8. *Мозговая, А. В.* «Социологическая приемлемость риска» как социологическая категория / А. В. Мозговая, Е. В. Шлыкова // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). – 2010. – № 31. – С. 30–45.

9. Общество риска и человек: онтологический и ценностный аспекты / под ред. В. Б. Устьянцева. – Саратов: Наука, 2006. – 295 с.

10. *Паршина, О. Н*. Российская политическая речь: Теория и практика / О. Н. Паршина. – М.: Либроком, 2012. – 232 с.

11. *Шатина, Н. В.* Политическое событие как область интерпретации российского экспертного сообщества / Н. В. Шатина // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2008. – № 1. – С. 217–226.

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ТЕКСТАХ ФРЕНД-ЛЕНТЫ FACEBOOK'А КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Тихомирова Елена Александровна
Белорусский государственный университет, Минск

В связи с широким распространением информационных технологий особое значение приобретают дискурсивные практики пользователей социальных сетей. Социальные сети, предоставляя возможности коммуникации каждому пользователю интернета, являются средством солидаризации людей в виртуальном глобальном пространстве современного мультикультурного общества. Размещенные в социальных сетях тексты позволяют исследователю изучать речевые и поведенческие практики участников коммуникации и, следовательно, важные для них ценности, способы оценки ими происходящих событий и манипуляции авторов текстов убеждениями собеседников, поскольку только речевые произведения являются надежным доступом к знаниям, эмоциям, интенциям людей.

Русскоязычная часть социальной сети Facebook – место неформального общения представителей среднего класса, живущих не только в России, но и за ее пределами. В открытых группах Facebook'а обычно помимо модератора есть несколько активных интернет-пользователей, регулярно создающих посты и комментирующих сообщения других участников. Благодаря частотности публикаций они влияют на атмосферу общения в группе, провоцируют дискуссии и создают определенные мнения по обсуждаемым вопросам.

Личностно-ориентированный дискурс относительно независим от функционирующих в обществе социальных институтов и опирается на ранее усвоенные собеседниками коммуникативные нормы и привычки. В социальной сети коммуникантов сближает и иллюзия статусно-ролевого равноправия: в опосредованном интернетом общении все занимают одинаковый статус участника социальной сети, независимого или почти независимого от социального статуса в реальной действительности. Вследствие такого коммуникативного равенства собеседники уверены в наличии у них общих фоновых знаний, и поэтому интенции адресанта кажутся адресату понятными. Однако каждый участник волен выбрать – указывать реальные социальный, возрастной, гендерный статусы или выдуманные; называть настоящее имя, обыгрывать никнейм или воспользоваться данными зарегистрированного в сети человека. Такая возможность делает коммуникацию в сети социально рискованной и требующей контроля.

Опубликованные в социальной сети тексты, как и тексты устного бытового общения, характеризуются непринужденностью, неофициальностью, опорой на известную коммуникантам экстралингвистическую ситуацию. Большинство участников общения осознают неканоничность, по Дж. Лайонзу и Е. В. Падучевой [8, с. 199], речевой ситуации, потому что собеседники не находятся в одном месте,

моменты создания поста и его прочтения не совпадают, хотя и могут различаться долями минуты. Автор поста не может знать всех, кто одновременно с ним находится в коммуникативной ситуации.

Взаимоотношения в группах характеризует то, что собеседники не стесняются быть самими собой, искренне рассказывают о чувствах и событиях в личной жизни. Эти дискурсивные тактики приводят к тому, что участники сетевого общения не обращают внимания на различия между непосредственной и опосредованной интернетом коммуникацией, и переносят навыки устного межличностного общения на речевое взаимодействие в группах. Например, в группе «ДЕВОЧКИ В ИТАЛИИ» приняты фамильярные этикетные формулы и откровенное обсуждение всех тем: ★*Всем привет!*★*Девочки, кто преподает в языковых школах, пожалуйста, подскажите, на какую оплату соглашаться? – Я лет 7 назад была оформлена как медиум в школе. Мне платили 25 в час. Но это statale* (здесь и далее во всех примерах сохраняем орфографию и пунктуацию авторов); *Привет, дамы! Так вышло, что на меня свалился аж килограмм красной икры; Девочки, у меня тут случилось сатори неоднозначное! Спешу поделиться.*

Многие наши современники настороженно относятся к текстам журналистов, рекламистов и политиков, но размещенные в социальных сетях тексты оценивают как безопасные сообщения. Общаясь в группах по интересам, коммуниканты относятся к собеседникам как к друзьям, часто знают многих участников групп лично. Коммуниканты предполагают одинаковые пресуппозиции и поэтому воспринимают сообщения с установкой на доверие: *Дорогие участницы группы, давайте просто поговорим о чтении? Кто что любит читать?* Однако необходимо учитывать, что авторы постов и комментариев имеют возможность профессионально манипулировать читателями и целенаправленно воздействовать на адресатов в открытых группах социальной сети. Некритичное речевое поведение в социальных сетях оцениваем как значительный социальный риск.

Наш материал – опубликованные в августе 2017 года тексты френд-ленты новостей Facebook’а. Мы анализируем лишь тексты и комментарии к текстам без пометы редактирования, потому что такие сообщения отражают навыки создания и письменного текста, и устной коммуникации.

Тематически наша выборка ограничена текстами об аресте Кирилла Серебренникова. О важности этой темы свидетельствует и пост профессора МГУ филолога Ирины Левонтиной: «совсем недавно, встретив в посте сокращение КС, читатель склонен был понимать его одним образом – театрально-политическим». Наш материал свидетельствует, что это событие «затронуло» людей, имеющих различные политические взгляды и живущих в разных странах. Авторы постов и комментариев к ним относятся к разным социальным группам: домработницы и домохозяйки, служащие, владельцы фирм, журналисты, преподаватели университетов, артисты… Разнообразие социальных характеристик коммуникантов позволяет делать обоснованные выводы о речевом поведении носителей языка при обсуждении важного общественного события, но из-за субъективности выборки не претендуем на статистическую точность.

Филолог может понимать и анализировать убеждения и эмоции авторов постов и комментариев к ним, исследуя заполнение слотов в поверхностно-синтаксическом фрейме высказываний. Поверхностно-синтаксический, или валентный, фрейм отвечает конвенциям о том, как носители языка представляют предложения на этом языке и порядок слов в них. Филологи различают предложения – единицы языка, и высказывания – единицы речи, текста. В русском языке высказывания, как правило, структуры вида «глагол + имя». Это прототипическая конструкция. Пропозиция выступает в предложении носителем предикативности, а предикативность – сопоставление данному предикату его актантов, классификация которых была предложена В. Б. Касевичем и В. С. Храковским [4]. Наиболее типичным предикатом для европейских языков признан глагол.

Мы опираемся на положение С. Д. Кацнельсона, который еще в 1948 году писал: «Глагольный предикат – это нечто большее, чем просто лексическое значение, он <...> содержит макет будущего предложения» [5, с. 83]. Корректность лингвистического анализа смысла высказывания поэтому определяется детальным описанием «сопоставления данному предикату его актантов» [4, с. 12].

Способность глагола подчинять определенное количество актантов Л. Теньер анализировал как валентность – способность слова реализовываться в предложении, вступать в определенные комбинации с другими словами. Л. Теньер описывал фрейм глагола метафорически: «Глагольный узел <...> выражает <...> маленькую драму <...> в нем обязательно имеется действие, а чаще всего также действующие лица и обстоятельства» [10, с. 117]. Согласно Теньеру, актанты – живые существа или предметы, участвующие в процессе в любом качестве, а сирконстанты выражают обстоятельства <...>, в которых развертывается процесс. Следовательно, предикат характеризуется набором семантических валентностей – слотов, открываемых в высказывании данным словом. Валентность задается ролью, которую выполняет при данном предикате заполняющий эту валентность терм (терминал).

А. Вежбицкая в «Dociecania semantyczne» показала жесткость разграничения субъектов, которым могут приписываться только психические или только физические предикаты [11, с. 63]. По ее мнению, многозначные глаголы мы понимаем благодаря их левой валентности: при восприятии высказывания «Адам лежит на диване» в сознании адресата возникает картина лежащего на диване мужчины; «Тело Адама лежит на диване» – реципиент думает о неживом человеке. Таким образом, структура высказывания включает валентные связи слотов и определяет понимание сообщения адресатом.

В прототипическом случае, как показал Ю. Д. Апресян, семантические и синтаксические актанты глагольных лексем находятся в отношении взаимооднозначного соответствия: каждому семантическому актанту данной лексемы соответствует один синтаксический актант, а каждому синтаксическому – один семантический [1].

Такое соответствие актантов обычно наблюдаем в продуманных или отредактированных текстах. Как правило, и расположение актантов при этом

прототипично: субъект, предикат, объект, с традиционным выдвижением в начало высказывания сирконстантов времени или места. Такие высказывания свойственны аргументированному научному тексту. В нашем материале таких текстов немного.

Строго логичное объединение компонентов текста вызывает почтение к его автору и убеждает адресанта в необходимости принять точку зрения уважаемого человека: Мы можем рассчитывать не на сигнал сверху, не на доброе слово, сказанное кем бы то ни было, а на постепенное изменение отношения общества к насилию вообще и государственному насилию в частности. Изменение социальных норм, собственно, и влияет на все происходящее. Инструменты публичности работают.

Из-за желания реагировать на событие быстро, текст часто организуется по формуле, распространенной в текстах СМИ и предполагающей слитное изложение конкретных фактов и суждений о них – «информация плюс анализ» [6]: *Дорогие дети, в том числе те, которых я когда-то учила писать новости. Посмотрите, прочтите и никогда так не делайте. В этой новости всё лажа* <..>. И далее автор подробно анализирует, что именно не соответствует действительности в обсуждаемом ею тексте СМИ и почему. Такое речевое поведение характеризует преподавателей и известных российских журналистов, пытавшихся объяснить понимание ими общественной ситуации и прогнозировать ее развитие. Однако пользователи Facebook'а реагировали на публикацию новостей быстро и эмоционально: *Открыла на ночь глядя френд-ленту впервые за день, а там <...> Вот где адище <...>*, – поэтому в большинстве текстов не наблюдаем соответствия семантических и синтаксических актантов.

Прототипическое заполнение валентностей, как уже неоднократно отмечалось лингвистами, нехарактерно для неинституциональной коммуникации. Тексты Facebook'а показывают недостаточное и избыточное заполнение валентностей. Несмотря на реальную или мнимую спонтанность публикации и то и другое может быть риторическим приемом автора. Наиболее частый прием, обусловленный как неподготовленностью речевого акта, так и желанием автора внушить адресату свое понимание действительности – перестановка элементов в высказывании: *Все сейчас возбуждены делом Серебренникова!*

Воздействие таких мнимых утверждений усиливается рамочным повторением слова с эмоциональной оценкой: *Как ни печально, но представители культуры стали загнивать под воздействием дикого капитализма и его следствия-жажды ниуёмного потребления. Это печально.*

Пользователи Facebook'а, стремясь воздействовать на собеседников, активно используют семиотические предпосылки вариативной интерпретации события. К семиотическим предпосылкам относится использование регулярных преобразований в описании какого-либо положения дел. Выделяются аннулирующие, фингирующие, индефинитизирующие и модальные преобразования [2].

Аннулирующее преобразование условно нейтрального описания дел [2, с. 219] типично для современной коммуникации, поэтому оно не осознается

читателями, и наиболее частотно в анализируемых нами текстах. Во многих текстах не заполнена позиция предиката, потому что автору важно обратить внимание адресатов на тему сообщения: *на злобу дня к делу Серебренникова проговорочки*. Отсутствие предиката, как правило, сопровождается пропуском знаков препинания. Авторы уверены, что таким образом они привлекают внимание к тексту, а адресаты «восстановят» предикат благодаря тематике поста.

Из описания ситуации адресанты также часто исключают время или место события, его некоторых участников и т. п. Такие умолчания характерны устной форме контактной коммуникации, позволяющей задавать уточняющие вопросы, но используются по привычке или нарочно для общения в сети.

Валентность во многих анализируемых высказываниях намеренно изобилующая. Поскольку авторы стремятся выразить сильные чувства, воздействовать на эмоции адресатов, в текстах частотны модальные преобразования, благодаря которым в описание ситуации «входят» оценки, мнения, общие у адресанта и адресата пресуппозиции. По нашим наблюдениям, модальные преобразования в текстах Facebook'а основаны на распространенных в разговорной речи метафорах, субстандартной лексике и тех риторических средствах, которые можно отнести к приемам профессионального троллинга.

Так как это неформальное общение, авторы активно используют ненормативную лексику. Функционирование субстандартной лексики обычно связано с направленностью коммуникации и ролью Другого в речевом акте. Адресант не только снимает эмоциональное напряжение, но и демонстрирует себя, подчеркивает свою роль в вербальном взаимодействии, ставит себя выше собеседника.

Осознавая эти функции нарушающей коммуникативный кодекс лексической группы, некоторые адресанты обращают внимание читателей на необходимость, вынужденность использования именно таких слов: *появились у меня слова. матерные*.

Обычно подобные слова функционируют в позиции предиката. Их употребление не зависит от социального статуса автора текста, но можем отметить закономерность: люди с высоким уровнем образования (преподаватели вузов, редакторы СМИ, актеры…) с помощью матерных слов оценивают ситуацию. Люди, в других постах жалующиеся на жизнь, бранными словами характеризуют арестованного, и тем самым не только отрицают презумпцию невиновности и проводят границы между собой, своими друзьями и обвиняемым, но и публично, не боясь наказания, оскорбляют его. Обычно в высказывании появляется и избыточный слот с обобщающим значением: *вся актерская шайка-лейка*. Фингирующие преобразования частотны в опубликованных идеологизированных текстах, но редко отмечаются в спонтанной коммуникации и поэтому позволяют предположить целенаправленную риторическую обработку сообщения.

Анализ конструкций позволяет выделить в комментариях к постам профессионалов троллинга. Их высказывания отличают следующие характеристики: использование идиом с разговорной или просторечной окраской,

выделение капслоком ключевой фразы, навязчивая парцелляция, повторение названных в предыдущих текстах лексических оппозиций, употребление указаний *несомненно, известно, очевидно* и т. п. в начале фраз, нанизывание оценочных слов, выражение предиката отглагольным существительным (номинализация): *Верю – не верю... Дебильное блеяние инфантилов от культуры. Очевидно, что воровали и воровали на широкую ногу. НЕЗАЧЕМ ВЛАСТИ ЛЕЗТЬ В ТАКОЙ СКАНДАЛ, если есть хоть какая-то неочевидность*.

На троллинг указывает и использование форм множественного числа вместо единственного: *«читка» новой пьесы с актёрами 300 000 руб. (отчёт для МК о потраченных средствах). Они всех уже за идиотов держат*.

Наиболее частым приемом троллинга в рассматриваемой группе текстов была постановка бранного слова в однородный ряд имен уважаемых людей или наименований СМИ: *Дождь, РБК и другая помойка, не мерьте людей по себе*.

В комментариях на Facebook’е наблюдаем также избыточное функционирование наречий, которые должны убеждать адресата в компетентности комментатора.

Для подобных высказываний характерно функционирование форм множественного числа, слов с обобщающим значением и актуализация значений настоящего времени. При этом автор противопоставляет свои действия действиям большинства.

За редким исключением авторы постов не боятся ошибиться и не используют модальную рамку (*я думаю, предполагаю* и т. п.). Это позволяет им выдавать субъективное мнение за общепринятое утверждение: <..> *пожилой бухгалтерши, которая, ну никак не могла бы украсть даже один миллион без воли на то своего руководителя!...*

Почему важно анализировать заполнение слотов в текстах социальных сетей, в частности Facebook’а? М. М. Бахтин писал, что мы говорим чужими высказываниями. По мысли Б. М. Гаспарова, речь человека опирается на «цитатный фонд» памяти: «Языковая память каждого говорящего формируется бесконечным множеством коммуникативных актов, реально пережитых и потенциально представимых» [3, с. 106]. Усвоенные в социальной сети коммуникативные фрагменты становятся компонентами речевых практик пользователей, свойственными им способами осмысливать действительность. Очень важно в связи с этим положение Е. В. Падучевой о том, что носитель языка обычно не чувствует необходимость выявлять контексты, релевантные для значения слова, и изучать изменение исходного значения под влиянием контекста [9].

Каждый человек должен научиться вычитывать смысл или его отсутствие из предлагаемых ему текстов. Адресат текста обязан уметь различать истину и то, что автор хочет выдать за истину. Какие элементы в тексте позволяют автору сделать эти понятия неразличимыми? Что помогает адресанту манипулировать восприятием текста читателем? Задача филолога – предупреждать общество об «опасных» установках авторов текстов, напоминать носителям языка о необходимости критично воспринимать все получаемые ими сообщения.

Список литературы

1. *Апресян, Ю. Д.* Типы соответствия семантических и синтаксических актантов / Ю. Д. Апресян // Проблемы типологии и общей лингвистики. – СПб., 2006. – Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics2/apresyan-06.htm. – Дата доступа: 12.10.2012.

2. *Баранов, А. Н.* Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.

3. *Гаспаров, Б. М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 348 с.

4. *Касевич, В. Б.* Конструкции с предикатными актантами: Проблемы семантики / В. Б. Касевич, В. С. Храковский // Категории глагола и структура предложения: Конструкции с предикатными актантами. – Л.: Наука, 1983. – С. 5–27.

5. *Кацнельсон, С. Д.* Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 213 с.

6. *Лащук, О. Р.* Редактирование информационных сообщений [Электронный ресурс] / О. Р. Лащук. – М., 2004. – Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text3/46.htm. – Дата доступа: 12.11.09.

7. *Левин, Ю. И.* Истина в дискурсе / Ю. И. Левин // Левин, Ю. И. Избр. труды. Поэтика. Семиотика. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 824 с.

8. *Падучева, Е. В.* Семантика нарратива / Е. В. Падучева // Падучева, Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

9. *Падучева, Е. В.* Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – СПб.: Экополис и культура, 2004. – 608 с.

10. *Теньер, Л.* Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.

11. *Wierzbicka, A.* Dociecania semantyczne / A. Wierzbicka. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1969. – 201 s.

ЭТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНОГО И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОРПОРАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ

Барабанова Наталия Ростиславовна
Одесская юридическая академия, Одесса

В научно-методической и учебной литературе всё активнее обсуждаются вопросы корпоративной коммуникационной политики, способствующей повышению эффективности деятельности организаций.

Разными авторами предлагаются различные перечни этических стандартов ведения предпринимательской деятельности, основу которых составляют ценностные ориентации, нормы взаимодействия (поведения), разделяемые всеми членами организации.

Наряду с общими законами, кодексами, положениями корпоративная политика любой организации обязательно предусматривает этические стандарты, базирующиеся на учёте интересов руководства и сотрудников компании, всех лиц, заинтересованных в её деятельности. Направления корпоративной политики, как правило, включают социально-деловые коммуникации, мотивацию персонала, формирование и укрепление имиджа организации, установление взаимопонимания между руководством и работниками и т. д. Естественно, встаёт вопрос о том, на что именно необходимо обратить внимание при формировании корпоративной политики в каждой конкретной организации, какие инструменты её реализации будут эффективны в том или ином коллективе.

Знакомясь со стандартами корпоративной культуры, политики разных организаций [см. 3], мы пришли к выводу, что практически все перечни стандартов обязательно содержат этические составляющие. И это не удивительно, так как любой прогрессивный руководитель понимает, что невозможно выстроить систему профессиональных контактов, не учитывая особенностей внутренних коммуникаций (постоянного и результативного двустороннего общения менеджерского состава с подчиненными), кодекса деловой этики, внедрения правил деловой коммуникации и т. д.

Проблема заключается в том, что этический аспект корпоративной политики, к сожалению, не всегда и не всеми руководителями соотносится с производственными (экономическими) показателями, повышением имиджа и репутации компании, фирмы, предприятия.

По нашему убеждению, становление и развитие корпоративной политики, а конкретнее – корпоративной культуры любых организаций предполагает новые, креативные решения задач развития связей с общественностью, требует унификации этикетных форм делового общения, положений кодексов профессиональной этики.

Одно из направлений оптимизации корпоративной политики конкретной организации (в зависимости от направления и целей её деятельности) – разработка фирменных стандартов, правил делового этикета, добровольно принятых для выполнения всеми сотрудниками организации.

Эффективность реализации этических стандартов зависит от понимания всеми сотрудниками поведенческих и речевых составляющих каждой типичной ситуации взаимодействия в конкретной организации. Мотивы, цели, ролевые установки диктуют набор специфических средств оформления предметного содержания, этикетно-речевых формул, соответствующих типичным ситуациям общения.

Целью наших исследований является типологизация моделей и разработка алгоритмов формирования этических стандартов для типичных ситуаций в разных сферах коммуникации. С учётом описанных нами в разных работах характеристик типичной коммуникативной ситуации [1, 2] алгоритм реализации стандартов (для конкретной организации) может выглядеть следующим образом:

– определяем этикетно-речевые конструкции для набора типичных ситуаций, отобранных конкретной организацией. В деловом общении это, например, обращение участников беседы друг к другу с учетом социальных и служебных характеристик (на ТЫ, на ВЫ, по имени или имени и отчеству и т. д.);

– отбираем те речевые конструкции, которые легко реализуются в речи сотрудников данной организации и адекватно воспринимаются другой (предполагаемой) стороной;

– вводим отобранные конструкции в общение сотрудников, репетируя необходимые стандарты с учётом психологических, социальных и профессиональных характеристик;

– в моделях всех стандартов подчеркиваем необходимость одних действий и категорическую недопустимость других.

Практика показывает, что внедрение стандартов делает удобнее внутренние и внешние контакты сотрудников организаций и руководства, межличностные деловые контакты, в особой степени помогая тем, кто только начинает работать в той или иной организации.

Список литературы

1. *Барабанова, Н. Р.* Ефективна комунікація ділових людей (типові комунікативні ситуації): навчальний посібник / Н. Р. Барабанова, В. Г. Спрінсян. – Одеса: Друк, 2009. – 102 с.

2. *Барабанова, Н. Р.* Речевые коммуникации в деловых переговорах / Н. Р. Барабанова // Русский язык и культура речи: учебник / под ред. проф. В. И. Максимова. – М.: Гардарики, 2000. – С. 169–219.

3. *Викентьев, И. Л.* Стандарты – во главу угла. Фирменные стандарты на работу с клиентом [Электронный ресурс] / И. Л. Викентьев, А. Б. Кавтрева // Рекламное измерение. – 1997. – № 10 (39). – Режим доступа: /www.triz-ri.ru/management/?id=1427&name=firmennye_standarty_na_rabotu_s_klientom. – Дата доступа: 30.11.2017.

МОРАЛЬНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА КАК КОНТЕКСТ ЕГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

Беляева Елена Валерьевна
Белорусский государственный университет, Минск

Русскоязычные высказывания на темы конструирования человека восходят к статьям Б. Г. Юдина [1], в которых данная тема поставлена как в биоэтическом, так и в социологическом ключе. Способность биотехнологий преобразовывать природу человека тесно взаимосвязана с управленческой установкой на социальное конструирование, что в очередной раз свидетельствует о междисциплинарном характере не только любой биоэтической, но и всякой современной проблемы. Поэтому определение этических границ биотехнологического конструирования человека находится в прямой связи с определением этических выводов из теорий социального конструирования.

Самая большая нравственная опасность теорий конструирования заключается в их потенциально манипулятивном характере. Теории социального управления поначалу направлены на благо социума, который в неуправляемом состоянии переходит в хаотическое и, соответственно, антигуманное состояние. Между тем, бурное развитие того или иного научного направления, к сожалению, во многом зависит от того, видится ли применении результатов исследования в военных целях, и только по остаточному принципу эти результаты используются в мирных целях. Примерно то же происходит и с теориями социального управления. Они начинают со стремления упорядочить жизнь сообществ по направлению к благу, что, со времен Аристотеля, является собственно этической задачей. Столь высокая цель далеко не всегда не выполнялась, но имманентная связь двух сфер просматривалась практически и утверждалась теоретически. Теперь же в условиях отказа от метафизики и утверждения чисто технологического инструментального подхода к любой проблеме теории социального управления отказываются от ключевых положений этики о том, что личность является субъектом собственных действий, что человек не может быть средством, но только целью, что он не может рассматриваться только как объект. Чтобы оставаться человеком, он должен быть субъектом собственной социальной жизни. Удивительно, что в то время как в естественных науках развиваются синергетические идеи о самоорганизации даже в области неживой природы, в гуманитарной сфере плодятся идеи о социальных технологиях, которые как бы сами, без усилий и понимания вовлеченных в ее действие лиц, произведут общественное благо.

В идее конструировании человека есть опасность как для биологической, так для социальной и нравственной природы человека. Последняя связана, в первую очередь, с утверждением человека как субъекта собственной жизни и поступков. Каждая конкретная возможность, предоставляемая биотехнологиями, является благом в той степени, в которой, как отдельный человек, так и социум «ведают, что творят», пусть даже изменяя свою природу. Однако изменения не производятся, а происходят. Парадоксальным образом,

поскольку все внимание сосредотачивается на технологиях, деталях и частных приемах, метафизические проблемы, связанные с целостностью человеческой жизни в полноте её биологических, социальных и духовных проявлений, изымаются из рассмотрения. Между тем «философское определение человека должно включать в себя описание целостного опыта существования личности в соотнесенности её с такими началами, как природа, общество, Бог» [2, с. 78]. В результате именно на этом фундаментальном уровне происходят те изменения, которых никто не «конструирует» и никто не ждёт.

В отношении теорий социального конструирования можно сказать то же самое: увлечение решением частных проблем с помощью «дорожных карт», «программ помощи», «центров поддержки» выводит из поля зрения сущность социальной проблемы и активную роль личности в её решении.

Решение проблем, вызванных волной «конструктивизма» в биомедицине и социальном управлении, видится на том пути, на котором происходило освоение предыдущих потенциально опасных достижений человечества. Они утрачивали свой разрушительный характер по мере того, как переставали определять границу между добром и злом и встраивались в ткань межличностных и общественных отношений. Пока результаты биотехнологического конструирования человека нравственно не освоены, это создает проблему стигматизации, способную отвратить самых храбрых от чрезмерного увлечения новыми технологиями. Между тем, например, общество XIX века нравственно отвергало женщину, которая прибегала к такому способу «конструирования себя» как окраска волос. Современное же общество даже не замечает этого, так как технология утратила значение границы морали, а женщины утвердили свою моральную субъектность, способность сохранять добропорядочность при любом цвете волос.

Этический путь решения проблем, связанных с возможным конструированием человека, требует сохранения и поддержания моральной субъектности личности, утверждения её как той инстанции, которая принимает и использует технологии именно в качестве инструмента, а не развивает их в качестве самоценности. Как сказал Конфуций: «Благородный муж – не инструмент».

Список литературы

1. *Юдин, Б. Г.* От утопии к науке: конструирование человека / Б. Г. Юдин // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире. – М.: Наука, 2004. – С. 261–281.

2. *Яскевич, Я. С.* Конструирование человека в мире современных инновационных технологий / Я. С. Яскевич // Мировоззренческие и философско-методологические основания инновационного развития современного общества: Беларусь, регион, мир / Материалы международ. науч. конф., г. Минск, 5–6 ноября 2008 г.; Институт философии НАН Беларуси. – Минск, 2008. – С. 76–81.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ БИОЭТИКИ И БИОМЕДИЦИНСКОГО ЗНАНИЯ В БЕЛАРУСИ

Богдан Елена Леонидовна
Национальный комитет по биоэтике Республики Беларусь, Минск
Богдан Дмитрий Олегович
Белорусский государственный университет, Минск

Развитие биоэтики в Республике Беларусь началось примерно с середины 90-х гг. XX в. и шло параллельно по двум основным направлениям: теоретическому и прикладному, когда анализ биоэтики осуществлялся в качестве нового междисциплинарного научного знания и особой отрасли прикладной этики [3, с. 30].

Внедрение новых медицинских технологий, актуализация проблем трансплантации, эвтаназии, биомедицинских экспериментов, проводимых на людях и животных, необходимость морально-этического и правового регулирования возникающих при этом коллизий послужили своеобразным социальным заказом по отношению к становлению биоэтики как комплексной дисциплины.

Сегодня расширяется проблемное поле биоэтики: в нее включаются не только нравственные, философские, но и правовые компоненты, объединяющие различные системы ценностей – биологические, социальные, экологические, личностные.

В рамках биоэтики формируются социальные механизмы, предусматривающие разработку этических кодексов, законов, повышение сферы ответственности профессионалов-медиков и биологов, расширение их обязанностей, закрепленных не только на личном, но и правовом уровнях. В то же время гуманистическая парадигма биоэтики осуществляет сегодня прорыв в другие области теоретического и практического разума, поднимая тем самым высокую нравственную «планку» в диалоге и взаимообогащении естественнонаучного и социально-гуманитарного знания, политики, экономики, права, общественной морали.

В современных условиях стремительного развития биомедицинского знаниях возникает потребность в институционализации биоэтики и в целом общественной морали, появляются новые институты морали – этические комитеты по этике и биоэтике, комиссии по экологии, комиссии по этической оценке и экспертизе научных проектов, советы по корпоративной и профессиональной этике и т. д. «Проблема институтов как фактора действенности морали с особенной остротой, – замечает Р. Г. Апресян, – проявилась в связи с обсуждением более специального вопроса о функционировании корпоративных и профессиональных моральных комплексов, в том числе, кодифицированных» [1, с. 14]. В рамках новой общественной морали формируются *дискурсивные этики*, позволяющие в отличие от универсалистской этики, членам сообщества включаться в обсуждение с целью защиты своих интересов, поддержания своей

идентичности и партнерского взаимодействия. В социальной этике весьма важны отношение общества к личности, к членам сообщества, к институтам власти. Стандарты общественной морали, формирующиеся и реализующиеся посредством деятельности различных социальных институтов, выступают в результате этого стабилизирующим началом глобализирующегося мира.

Комплексно-гуманистический характер биоэтики выявил в процессе теоретических исследований такую её важнейшую черту как *институциональность*, которая во много обеспечивается укреплением ее правового статуса. В Республике Беларусь организационно-правовое *направление* в развитии биоэтики сосредоточилось на поиске и разработке механизмов институционального и правового контроля над проведением биомедицинских исследований.

Сегодня общество требует от исследователей социально ответственного поведения и вынуждает их принимать принципы, стандарты и нормы, в рамках которых должны действовать соответствующие структуры. Этому способствует новая *организационная этика,* цель которой – прежде всего, учиться принимать правильные этические решения (*ethical decision making*). Адресатами этих норм являются не индивиды, а *институции* – организованные коллективы со своим предназначением, спецификой и культурными чертами. Поэтому значение *этических комитетов* и необходимость их глубокой этической компетентности всё возрастают. Этический комитет, действующий как постоянный источник компетентных советов по биоэтике, представляет непредвзятые (экспертные) рекомендации практическим сотрудникам по поводу конкретных действий, необходимых в определённой биомедицинской ситуации, и анализирует, какие из них соответствуют этическим стандартам, кодексу поведения специалиста, общегуманистическим ценностям.

Впервые биоэтика предстала в своей истории как институционально организованная социальная технология с системой стандартизированных либеральных ценностей, обеспечивающих соблюдение личных прав и свобод человека в биомедицинской сфере, в западной модели. Защита прав граждан от негативных последствий применения современных биомедицинских технологий осуществляется в рамках этой модели посредством разработанных этических кодексов, законов, повышения сферы ответственности профессионалов-медиков и биологов, расширения их социальных обязанностей, закрепленных не только на личном, нравственном, но и на правовом уровне. Этические механизмы контроля над действиями врачей и ученых дополняются развитой системой правового регулирования, формированием специальных биоэтических комитетов, становлением биоэтического образования.

Разработка нравственных норм и принципов, регламентирующих практические действия людей в процессе исследования природы и человека, моральных критериев социальной деятельности по преобразованию окружающей среды, оценки роли и места человека в рамках биологической реальности, статуса категорий жизни и смерти – таков диапазон национальной модели биоэтики, основанной на комплексной трактовке её проблемного поля и предмета.

Для Республики Беларусь с её кризисным уровнем баланса в системе «Природа-Общество» правовой статус биоэтических параметров имеет особое значение. Данные биомедицинских исследований свидетельствуют о прямой и явной угрозе здоровью населения и сохранению генофонда, в силу комплексного радиационно-химического загрязнения территории Беларуси, связанного, в частности, с последствиями Чернобыльской катастрофы. Поэтому современная модель биоэтики и разработка программ биомедицинских исследований адаптирована к системе здравоохранения Республики, её научным, социокультурным, правовым и мировоззренческим традициям, требуя, вместе с тем, дальнейшего теоретического и практического развития.

В настоящее время в Республике Беларусь создаются объективные и субъективные условия для развития биоэтики в том виде, в каком она существует в странах, раньше начавших процесс её морального и правового обеспечения. Формируются нравственные и правовые основы регулирования биомедицинских исследований, осуществляется поиск адекватных моделей биоэтического образования и просвещения. Воплощением новой организационной этики явилось создание в Республике Беларусь в 2006 г. *Национального Комитета по биоэтике* (НКБЭ).

Этой важнейшей акции в истории развития биоэтики в Республике предшествовала определенная работа по организации институциональной деятельности *локальных этических комитетов.* В 1999 г. в соответствии с приказом Министерства здравоохранения Республики Беларусь «Об утверждении правил проведения клинических испытаний лекарственных средств» было создано Республиканское унитарное предприятие *«Центр экспертиз и испытаний в здравоохранении»*, который в 2000 г. разработал методические рекомендации «О порядке организации и работы комитетов по этике в Республике Беларусь». С этого времени этическая экспертиза осуществляется в Республике с помощью *Комитетов по этике*. Локальные комитеты по этике в Беларуси – это независимые органы, основанные на добровольном членстве, созданные на основе совместной деятельности специалистов, учёных и врачей, специализирующихся в области научных, доклинических и клинических исследований лекарственных средств, медицинских технологий и пр.

Созданные при лечебно-профилактических учреждениях и медицинских университетах комитеты по этике руководствуются при проведении биомедицинских и генетических исследований нормами международного права, а также утвержденными Министерством здравоохранения методическими рекомендациями Центра экспертиз и испытаний в здравоохранении, составленными с учётом документа ВОЗ «О внедрении международных стандартов в практику клинических испытаний в новых независимых государствах» (Женева-Москва, февраль 1999). В указанных методических рекомендациях разработаны механизмы создания комитета, его полномочия и цели. Основной целью Комитета по этике является контроль за соблюдением «Правил проведения клинических испытаний лекарственных средств» и защита прав, безопасности и здоровья испытуемых. Комитет должен: способствовать тому, чтобы исследовательская деятельность

соответствовала требованиям нормативных документов; помогать свести к минимуму потенциальный вред для испытуемых, одобряя только те планируемые исследования, которые соответствуют всем установленным критериям для защиты испытуемых; осуществлять контроль над ходом утвержденных и одобренных исследований, чтобы убедиться в том, что испытуемые действительно защищены.

Права, безопасность и здоровье испытуемых являются предметом первостепенной важности и должны превалировать над интересами науки и общества. Для защиты интересов испытуемых предусмотрено рассмотрение Комитетом вопросов, касающихся информации, предоставляемой испытуемым, квалификации исследователей, выбора испытуемых, расписания мониторинга исследования, конфиденциальности информации.

Утверждая планируемое исследование, Комитет по этике должен высказать обоснованное суждение о соотношении между риском и пользой для испытуемых; установить степень риска, связанную с участием в исследовании, по сравнению с риском, которому будут подвергаться испытуемые в процессе лечения без участия в исследовании; определить, что риск для испытуемых будет сведен к минимуму; установить возможную пользу для испытуемых от участия в исследовании.

При изучении процедур отбора испытуемых комитет по этике должен подтвердить, что отбор испытуемых является беспристрастным; если в клиническом испытании принимают участие уязвимые группы, необходимо обосновать их использование в исследовании и включить дополнительные гарантии для защиты их прав и здоровья.

Таким образом, комитеты по этике как независимые органы, действующие в лечебно-профилактических учреждениях, в органах здравоохранения и медицинских университетах Республики Беларусь, призваны выполнять основные задачи и функции по защите прав и здоровья испытуемых, а также обеспечивать гарантии их безопасности, реализуя тем самым этико-правовые основы сотрудничества с пациентами.

Итак, усилиями ученых, управленческих структур и общественных организаций была подготовлена платформа для создания в Республике Беларусь Национального Комитета по биоэтике. Такой комитет может достойно представлять Беларусь на международном уровне, выступать с законодательными инициативами по защите прав человека в области биомедицины, осуществлять координацию действий локальных комитетов, вырабатывать генеральную линию биоэтического образования специалистов и населения.

В Республике Беларусь Национальный комитет по биоэтике создан при Министерстве здравоохранения при поддержке Национальной комиссии Республики по делам ЮНЕСКО, в соответствии с *Руководством №1 ЮНЕСКО по созданию комитетов по биоэтике* (2005). В работе по созданию Национального комитета его организаторы придерживались следующего положения Руководства: это «комитет, созданный правительственным органом страны, в большинстве случаев либо парламентом, либо соответствующим министерством (здравоохранения, науки или юстиции)… Обычно такие

комитеты обладают полнотой власти, поскольку они порождены в результате политического решения о создании национального комитета в данной стране». Именно в этом контексте и осуществлялась работа по созданию Национального комитета по биоэтике в Республике Беларусь. Концептуальные положения о статусе, функциях и содержании деятельности комитета были направлены вместе с приложением материалов об опыте работы таких комитетов в международной практике в адрес Национального собрания (парламента) Республики Беларусь. Национальное собрание признало целесообразным создание Национального комитета по биоэтике в республике и направило соответствующее обоснование о необходимости его формирования в адрес Правительства Республики Беларусь, которое, в свою очередь, инициировало поручение о создании Национального комитета по биоэтике Министерству здравоохранения Республики. При создании Национального комитета по биоэтике были, прежде всего, определены его статус и структура, правовые основания, функции и возможности, а также поле деятельности по сравнению с локальными биоэтическими комитетами, чтобы пространственно-функциональная определенность субъектов этического регулирования была стабильной и действенной.

Как в целом в области здравоохранения, так и при создании локальных этических комитетов и Национального комитета по биоэтике, Республика Беларусь руководствуется нормами международного права и собственным законодательством. Это, прежде всего, *Концепция развития здравоохранения в Республике Беларусь* (1995*); Закон Республики Беларусь о здравоохранении* (1999, с последующими дополнениями); Приказ Министерства здравоохранения Республики Беларусь № 254 от 13.08.1999 г. *«Об утверждении правил проведения клинических испытаний лекарственных средств»*; Методические рекомендации Министерства здравоохранения Республики Беларусь *«Порядок организации и работы комитета по этике»* (рег. № 57-0004 от 24.04.2000 г.); *Инструкция Министерства здравоохранения Республики Беларусь по проведению клинических и медико-биологических исследований изделий медицинского назначения и медицинской техники* (рег. № 110-0903 от 30.09.2003 г.); *Инструкция Министерства здравоохранения Республики Беларусь* по аккредитации учреждений здравоохранения и аттестации специалистов на право проведения клинических испытаний лекарственных средств, медицинской техники и изделий медицинского назначения (рег. № 50-0504 от 7.05.2004 г.); *Руководство №1 ЮНЕСКО по созданию комитетов по биоэтике* (2005); *Руководство №2 ЮНЕСКО «Деятельность комитетов по биоэтике: правила процедуры и принципы политики»* (2005); *Закон Республики Беларусь «О безопасности генно-инженерной деятельности»* (принят 21.12.2005 г.).

Государственную политику в области охраны здоровья населения, правовые, экономические и этические основы проведения клинических, медико-биологических и генетических исследований на человеке, а также права и обязанности пациента определяет, прежде всего, *Закон Республики Беларусь о здравоохранении* [4]. Согласно ст. 31, клинические и медико-биологические исследования на человеке могут проводиться с лечебной целью в

государственных организациях здравоохранения при подтверждении их научной обоснованности только с письменного добровольного согласия лица, подвергаемого исследованию, ознакомленного с их целями, продолжительностью, ожидаемыми результатами и возможными последствиями для его здоровья. Не допускается проведение клинических и медико-биологических исследований на беременных женщинах и несовершеннолетних, за исключением случаев, когда исследование проводится для диагностики и лечения исключительно этой категории лиц. Исследования в отношении несовершеннолетних проводятся с письменного согласия одного из родителей. Запрещается проведение клинических и медико-биологических исследований на несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей; военнослужащих; осужденных и лицах, находящихся под стражей; лицах, признанных недееспособными, а также страдающих психическими расстройствами и находящихся на принудительном лечении. Таким образом, в данном Законе юридически закреплена современная *модель автономии пациента,* базирующаяся на *принципе информированного согласия.*

Правила врачебной этики и деонтологии, отражающие основные принципы биомедицинской деятельности и взаимоотношения врачей и пациентов содержатся также в *Кодексе врачебной этики,* принятом I съездом врачей Республики Беларусь (1998) и утвержденном Министерством здравоохранения РБ (1999) [2].

Раздел «*Взаимоотношения врача и пациента»* данного Кодекса предусматривает:

– равные права врача и пациента на уважение их человеческого достоинства (ст. 14);

– недопустимость грубого и негуманного отношения врача к пациенту, унижения его достоинства, неприязни или предпочтения другим пациентам (ст. 15);

– взаимное доверие и взаимную ответственность врача, и пациента, признание пациента активным участником процесса лечения (ст. 16);

– обязательное согласие пациента на медицинское вмешательство, кроме особых случаев, предусмотренных законом (ст. 21);

– наличие письменного согласия пациента или его близких родственников или законных представителей на изъятие у него органов и тканей с диагностической и лечебной целями и недопустимость такого изъятия с другими целями (ст. 23);

– соблюдение конфиденциальности общения врача и пациента, недопустимость разглашения врачебной тайны даже после смерти пациента (ст. 24).

Таким образом, в качестве ценностно-целевых приоритетов в здравоохранении Беларусь руководствуется принципами биомедицинской этики и основными положениями международных документов и договоров, которые закреплены в *Законе Республики Беларусь «О здравоохранении»* и *Кодексе врачебной этики Республики Беларусь* (1998 г.). Инвентаризация и классификация основных положений этих государственных документов, их

статей, пунктов и параграфов позволяет проследить отражение в них актуальных принципов и проблем биомедицинской этики.

Принцип святости (ценности) жизни направляет деятельность врача на всемерное оказание помощи больным и недопустимость эвтаназии:

– «Врач обязан облегчать страдания умирающего человека всеми доступными и законными способами. Эвтаназия, как акт преднамеренного лишения жизни пациента по его просьбе или по просьбе его близких, недопустима» (ст. 25 КВЭ).

– «Медицинским и фармацевтическим работникам запрещается осуществление эвтаназии. Лицо, которое сознательно побуждает пациента к эвтаназии и (или) осуществляет эвтаназию, несет уголовную ответственность в соответствии с законодательством Республики Беларусь» (ст. 38, Закон РБ «О здравоохранении»).

Приоритет интересов человека требует, чтобы интересы и благо отдельного человека превалировали над интересами общества и науки:

– «В научно-исследовательской деятельности врач обязан руководствоваться приоритетом блага пациента над научными интересами и проводить испытания и эксперименты только в соответствии с установленными законом правилами и при согласии пациента» (ст. 36, КВЭ).

– «Клинические и медико-биологические исследования на человеке могут проводиться с лечебной целью в государственных организациях здравоохранения. Клинические и медико-биологические исследования могут проводиться на человеке при подтверждении их научной обоснованности только с письменного согласия лица, подвергаемого исследованию, ознакомленного с их целями, продолжительностью, ожидаемыми результатами и возможными последствиями для его здоровья…

Клинические и медико-биологические исследования должны быть прекращены по требованию лица, подвергаемого исследованию (в отношении несовершеннолетних – по требованию одного из родителей), а также в случае возникновения угрозы жизни или здоровью.

Не допускается проведение клинических и медико-биологических исследований на беременных женщинах и несовершеннолетних, за исключением случаев, когда исследование проводится для диагностики и лечения исключительно этой категории лиц. Исследования в отношении несовершеннолетних проводятся с письменного согласия одного из родителей.

Запрещается проведение клинических и медико-биологических исследований на: несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей; военнослужащих; осужденных, а также на лицах, находящихся под стражей; лицах, призванных в установленном законом порядке недееспособными, а также страдающих психическими расстройствами (заболеваниями), принудительно госпитализированных и находящихся на принудительном лечении в психиатрическом стационаре» (Статья 31, Закон РБ «О здравоохранении») [2, с. 30].

Принцип толерантности предполагает гарантии всем без исключения гражданам уважения целостности личности, ее основных прав и свобод:

– «Главной целью профессиональной деятельности врача является сохранение жизни и здоровья человека… вне зависимости от пола, возраста, расовой и национальной принадлежности, социального и материального положения, политических убеждений и вероисповедания» (ст. 2, КВЭ).

– «Врач обязан всеми доступными ему способами содействовать делу охраны здоровья населения, бороться с любыми формами проявления жестокости и унижения человеческого достоинства» (Ст. 5, КВЭ).

– «Врач не препятствует пациенту пользоваться духовной поддержкой служителя любой религиозной конфессии, разрешенной к функционированию на территории Республики Беларусь» (Ст. 26, КВЭ).

– «Граждане Республики Беларусь независимо от пола, расы, языка, национальности, должностного и социального положения, места жительства, отношения к религии, убеждений… имеют право на охрану здоровья» (Ст. 5, Закон РБ «О здравоохранении»).

– «Иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие на территории Республики Беларусь, пользуются правами в области охраны здоровья наравне с гражданами Республики Беларусь…» (Ст. 6, Закон РБ «О здравоохранении»).

Равноправие и сотрудничество врача и пациента как основной принцип современной деонтологии проявляется в следующем:

– «Врач и пациент имеют равные права на уважение их человеческого достоинства и могут защищать его в соответствии с действующим законодательством» (ст. 14, КВЭ).

Принцип автономии врача и пациента как следствие предыдущего проявляется, во-первых, в признании *автономии врача*:

– «Врач в исключительных случаях вправе отказаться от работы с пациентом, перепоручив его другому специалисту:

а) при недостаточной компетентности или отсутствии необходимой технической возможности для оказания необходимого вида помощи;

б) при противоречии данного вида медицинской помощи нравственным принципам врача;

в) при невозможности установить с пациентом терапевтическое сотрудничество» (ст. 18 КВЭ).

– «В случаях несоблюдения пациентом без уважительной причины врачебных предписаний или правил внутреннего распорядка организации здравоохранения для пациентов лечащий врач с разрешения руководства организации здравоохранения может отказаться от наблюдения и лечения пациента, если это не угрожает жизни пациента или здоровью окружающих» (ст. 26, Закон РБ «О здравоохранении»).

– «Врач несет всю полноту ответственности за свои профессиональные решения и вправе отклонить любые попытки давления со стороны коллег, пациентов и других лиц, если их требования противоречат этическим принципам, профессиональному долгу и закону» (ст. 11, КВЭ).

Во-вторых, в соблюдении *принципа автономии пациента*:

– «Пациент – активный участник процесса лечения» (ст. 16, КВЭ).

– «Пациент имеет право на свободный выбор врача. При разногласиях с врачом пациент может обратиться к руководителю учреждения, в комиссию по врачебной этике, а также в другие органы управления и общественные объединения, занимающиеся вопросами защиты прав пациентов» (ст. 17, КВЭ).

– «Изъятие с диагностической и лечебной целями органов и тканей у пациента может производиться с его письменного согласия в установленном законом порядке, а в случаях, предусмотренных актами законодательства Республики Беларусь, с согласия его близких родственников или законных представителей. Изъятие органов и тканей пациента в иных целях недопустимо» (ст. 23, КВЭ).

– «Секционное исследование разрешается при согласии родственников умершего. Исключения составляют случаи, предусмотренные законодательством Республики Беларусь» (Ст. 27, КВЭ).

– «В исключительных случаях в интересах пациента допустимо применение научно обоснованных, но ещё не разрешенных в установленном порядке к применению методов и средств профилактики, диагностики, лечения, реабилитации и протезирования. Решение об их применении принимается с письменного согласия пациента, а в отношении:

– лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, если по закону они раньше не приобрели гражданскую дееспособность в полном объеме (далее – несовершеннолетние), – с письменного согласия одного из родителей, усыновителей, опекунов, попечителей (далее – законные представители);

– лиц, признанных в установленном законом порядке недееспособными, – с письменного согласия их законных представителей;

– пациентов, не способных по состоянию здоровья к принятию осознанного решения, – с письменного согласия супруга, а при его отсутствии – близких родственников.» (ст. 26, Закон РБ «О здравоохранении»).

– «Необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является добровольное согласие информированного пациента.

Сложные медицинские вмешательства (хирургические операции, переливание крови, сложные методы диагностики) проводятся с письменного согласия пациента, ознакомленного с их целью и возможными результатами.

В отношении несовершеннолетних и лиц, признанных в установленном законом порядке недееспособными, согласие дают их законные представители, а в отношении пациентов, не способных по состоянию здоровья к принятию осознанного решения, – супруг, а при его отсутствии – близкие родственники.

Согласие на медицинское вмешательство оформляется записью в медицинской документации и подписывается пациентом либо лицами, указанными выше.

В случае, когда медицинское вмешательство неотложно, а указанные лица отсутствуют или установить их местонахождение невозможно, решение принимается консилиумом врачей, при невозможности собрать его – врачом, оказывающим медицинскую помощь, с оформлением записи в медицинской документации с последующим уведомлением должностных лиц организации здравоохранения и иных лиц, указанных в настоящей статье.

Согласие на медицинское вмешательство может быть в любой момент отозвано, за исключением случаев, когда врачи уже приступили к медицинскому вмешательству и его прекращение либо возврат к первоначальному состоянию невозможны или связаны с угрозой для жизни либо здоровья пациента» (ст. 27, Закон РБ «О здравоохранении»).

– «При обращении за медицинской помощью и её получении пациент имеет право на:

– уважительное и гуманное отношение со стороны медицинских работников и других лиц, участвующих в оказании медицинской помощи;

– обследование, лечение и нахождение в организации здравоохранения в условиях, соответствующих санитарно-гигиеническим и противоэпидемическим требованиям;

– облегчение боли, связанной с заболеванием и (или) медицинским вмешательством, доступными способами и средствами;

– перевод к другому лечащему врачу с разрешения руководителя организации здравоохранения (ее структурного подразделения);

– отказ от оказания (прекращение) медицинской помощи, от госпитализации, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Законом;

– обжалование поставленного диагноза, применяемых методов обследования и лечения, организации оказания медицинской помощи;

– сохранение медицинскими работниками в тайне информации о факте его обращения за медицинской помощью, состоянии здоровья, диагнозе и иных сведений, полученных при его обследовании и лечении;

– получение в доступной для него форме информации о состоянии своего здоровья, применяемых методах диагностики и лечения, а также на выбор лиц, которым может быть передана информация о состоянии его здоровья» (ст. 29, Закон РБ «О здравоохранении»).

– «Искусственное оплодотворение (экстракорпоральное оплодотворение, подсадка эмбриона, искусственная инсеминация) проводится в организациях здравоохранения по письменному заявлению женщины, достигшей восемнадцатилетнего возраста (для женщины, состоящей в браке – с согласия супруга), в порядке, определяемом Министерством здравоохранения Республики Беларусь.

Женщине предварительно предоставляется информация о процедуре искусственного оплодотворения, её медицинских и правовых последствиях, данных медико-генетического обследования, внешних данных и национальности донора.

Сведения о проведенном искусственном оплодотворении, а также о личности донора составляют врачебную тайну» (ст. 33, Закон РБ «О здравоохранении»).

– «Изменение, коррекция половой принадлежности проводятся в организациях здравоохранения путем медицинского вмешательства по желанию совершеннолетнего пациента в соответствии с медико-биологическими и социально-психологическими показаниями в порядке, определяемом

Министерством здравоохранения Республики Беларусь» (ст. 36, Закон РБ «О здравоохранении»).

– «Анатомическим даром считается добровольная, совершенная посредством письменного распоряжения передача дееспособным лицом своего тела (его частей, органов и тканей) в организацию здравоохранения или высшее медицинское учреждение образования для использования в учебном процессе и научных исследованиях. Гражданин имеет право оформить в нотариальном порядке распоряжение об анатомическом даре и отменить свое распоряжение.

Право на использование анатомического дара возникает после констатации биологической смерти гражданина, распорядившегося об анатомическом даре» (Ст. 39, Закон РБ «О здравоохранении»).

Принцип информированного согласия врача и пациента также носит в документах двусторонний характер и оформлен следующим образом:

– «Основным условием успешной врачебной деятельности является профессиональная компетентность врача и его высокие нравственные качества. Врач обязан повышать свою квалификацию в течение всей профессиональной деятельности, используя все возможности и доступные способы профессионального усовершенствования» (ст. 3, КВЭ).

– «Пациент обязан предоставлять лицу, оказывающему медицинскую помощь, известную ему информацию о состоянии своего здоровья, в том числе о противопоказаниях к применению лекарственных средств, ранее перенесенных и наследственных заболеваниях» (ст. 29, Закон РБ «О здравоохранении»).

– «Пациент имеет право… на получение от врача полной информации о состоянии своего здоровья, о предлагаемых методах обследования и лечения, об их преимуществах и недостатках, а также о степени риска» (ст. 17, КВЭ).

– «Все медицинские вмешательства производятся только с согласия пациента, кроме особых случаев, когда тяжесть физического или психического состояния не позволяет пациенту принять осознанное решение, или в других случаях, предусмотренных законодательством» (ст. 21, КВЭ).

В Законе РБ «О здравоохранении» информированному согласию пациента посвящен ряд тщательно прописанных статей. Приводим их полностью.

«Статья 27. Согласие на медицинское вмешательство.

Необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является добровольное согласие информированного пациента.

Сложные медицинские вмешательства (хирургические операции, переливание крови, сложные методы диагностики) проводятся с письменного согласия пациента, ознакомленного с их целью и возможными результатами.

В отношении несовершеннолетних и лиц, признанных в установленном законом порядке недееспособными, согласие дают их законные представители, а в отношении пациентов, не способных по состоянию здоровья к принятию осознанного решения, – супруг, а при его отсутствии – близкие родственники.

В случае, когда медицинское вмешательство неотложно, а указанные лица отсутствуют или установить их местонахождение невозможно, решение принимается консилиумом врачей, при невозможности собрать его – врачом, оказывающим медицинскую помощь, с оформлением записи в медицинской

документации с последующим уведомлением должностных лиц организации здравоохранения и иных лиц, указанных в настоящей статье.

Согласие на медицинское вмешательство может быть в любой момент отозвано, за исключением случаев, когда уже приступили к медицинскому вмешательству и его прекращение либо возврат к первоначальному состоянию невозможны или связаны с угрозой для жизни либо здоровья пациента. Отзыв согласия оформляется записью в медицинской документации и подписывается пациентом либо лицами, указанными в части третьей настоящей статьи».

«Статья 28. Отказ от медицинского вмешательства, госпитализации.

Пациент либо лица, указанные в части третьей статьи 27 настоящего Закона, имеют право отказаться от госпитализации, медицинского вмешательства или потребовать их прекращения, за исключением случаев, предусмотренных частью шестой статьи 27 и статьями 45 и 46 настоящего Закона».

«Статья 30. Предоставление информации о состоянии здоровья пациента.

Лечащий врач, заведующий отделением, иные должностные лица организации здравоохранения предоставляют в доступной для пациента форме информацию о состоянии его здоровья, включая сведения о результатах обследования, наличии заболевания, диагнозе и прогнозе, методах обследования и лечения, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, об их последствиях, о результатах проведенного лечения и возможных осложнениях.

Информация о состоянии здоровья пациента сообщается членам его семьи, если пациент не запретил сообщать им об этом или не назначил лицо, которому должна быть передана такая информация.

В отношении несовершеннолетних и лиц, признанных в установленном законом порядке недееспособными, информация о состоянии здоровья пациента предоставляется их законному представителю, а в отношении пациентов, по состоянию здоровья не способных принять осознанное решение, – супругу, а при отсутствии – близким родственникам.

В случае отказа пациента от получения информации о состоянии своего здоровья делается соответствующая запись в медицинской документации.

Информация должна сообщаться в форме, соответствующей требованиям медицинской этики и деонтологии».

«Статья 45. Медицинское освидетельствование лиц на наличие у них заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения.

Лица, в отношении которых есть достаточные основания считать, что они имеют заболевания, представляющие опасность для здоровья населения, и уклоняются от медицинского освидетельствования, могут быть подвергнуты принудительному освидетельствованию в государственных организациях здравоохранения по решению организации здравоохранения с санкции прокурора».

«Статья 46. Принудительная госпитализация и лечение лиц, имеющих заболевания, представляющие опасность для здоровья населения.

Лица, имеющие заболевания, представляющие опасность для здоровья населения, в случае уклонения от лечения могут быть подвергнуты принудительной госпитализации и лечению в государственных организациях здравоохранения по решению суда в порядке и на условиях, определяемых законодательством Республики Беларусь.

Иностранные граждане и лица без гражданства, имеющие заболевания, представляющие опасность для здоровья населения, и отказывающиеся от лечения, могут быть выдворены за пределы Республики Беларусь в порядке, определяемом законодательством Республики Беларусь».

Принцип коллегиальности – еще один необходимый принцип медицинской деонтологии – отражен в документах Республики Беларусь следующим образом:

– «Врач при возникновении у него профессиональных затруднений обязан немедленно обратиться за помощью к компетентным специалистам. Если обследование и лечение пациента требует знаний методов, которыми данный врач не владеет, он в установленном порядке направляет пациента в другое учреждение здравоохранения, имеющее необходимые условия» (ст. 20, КВЭ).

– «Во взаимоотношениях с коллегами от врача требуется честность, справедливость, порядочность, уважительное отношение к знаниям и опыту коллег, готовность бескорыстно передать им свой опыт и знания» (ст. 28, КВЭ).

– «Недопустимы негативные высказывания в адрес своих коллег в их отсутствие и тем более в присутствии пациентов, их родственников или посторонних лиц» (ст. 30, КВЭ).

«Врач обязан постоянно сохранять благодарность и уважение к своим учителям и коллегам, научившим его врачебному искусству» (ст. 33, КВЭ).

Принцип конфиденциальности, защищающий права граждан на неприкосновенность частной жизни и информации, закреплен в следующих документах:

– «Врач обязан сохранять конфиденциальность своего общения с пациентом и не может разглашать врачебную тайну даже после смерти пациента, он должен также препятствовать разглашению такой информации иными лицами.

Врач может сообщать сведения о состоянии здоровья пациента его близким родственникам, если это обусловлено необходимостью лечения или ухода за ним и не осуществляется против воли больного, а также органам здравоохранения и правоохранительным органам в случаях, предусмотренных законодательством Республики Беларусь» (ст. 24, КВЭ).

– «Сведения о проведенном искусственном оплодотворении, а также о личности донора составляют врачебную тайну» (ст. 33, Закон РБ «О здравоохранении»).

– «Информация о факте обращения гражданина за медицинской помощью, состоянии его здоровья, диагнозе заболевания, результатах диагностических исследований и лечения, иные сведения, в том числе личного характера, полученные при его обследовании, лечении, а в случае смерти – о результатах патологоанатомического вскрытия составляют врачебную тайну.

Использование сведений, составляющих врачебную тайну, в учебном процессе, научной литературе допускается только с согласия пациента.

Предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия пациента или его законного представителя допускается:

– по запросу государственных органов и иных организаций здравоохранения в целях обследования и лечения пациента;

– при угрозе распространения инфекционных заболеваний, массовых отравлений и поражений;

– по письменному запросу органов дознания и следствия, прокурора и суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством при обосновании необходимости и объема запрашиваемых сведений;

– в случае оказания медицинской помощи несовершеннолетнему, лицу, признанному в установленном порядке недееспособным, лицу, не способному по состоянию здоровья к принятию осознанного решения, для информирования его законных представителей, супруга, близких родственников;

– при наличии оснований, позволяющих полагать, что вред здоровью причинен в результате насильственных действий, для сообщения в правоохранительные органы.

Обязанности сохранять врачебную тайну наравне с медицинскими и фармацевтическими работниками распространяется также на лиц, которым в установленном настоящим Законом порядке стали известны сведения, составляющие врачебную тайну.

Организации здравоохранения обеспечивают хранение медицинской документации в соответствии с требованиями сохранения врачебной тайны.

За разглашение врачебной тайны медицинские и фармацевтические работники несут ответственность в соответствии с законодательством Республики Беларусь» (ст. 60, Закон РБ «О здравоохранении»).

Кроме основных принципов биомедицинской этики, закрепленных в правовых Документах РБ, в них находят также отражение и Профессиональные стандарты, предписывающие, что всякое вмешательство в организм человека с *исследовательскими целями* должно осуществляться в соответствии с существующими профессиональными требованиями и стандартами. Основные из них закреплены в Законе РБ «О здравоохранении» в следующих статьях:

– «Разрешение на проведение клинических и медико-биологических исследований на человеке выдается Министерством здравоохранения РБ» (ст. 31).

– «Порядок проведения стерилизации определяется Министерством здравоохранения РБ» (ст. 34).

– «Перечень медицинских показаний для искусственного прерывания беременности определяется Министерством здравоохранения РБ» (ст. 35).

– «Порядок и условия совершения анатомического дара определяются Министерством здравоохранения РБ» (ст. 39).

– «Порядок проведения патологоанатомического исследования и перечень случаев, при которых проводится обязательное патологоанатомическое исследование, определяются Министерством здравоохранения РБ» (ст. 52).

– «Положение о независимой медицинской экспертизе утверждается Советом Министров РБ» (ст. 53).

На основании вышеперечисленных документов в Республике Беларусь организуются и осуществляются как лечение больных и забота о здоровье пациентов, так и клинические биомедицинские исследования.

Современная биоэтика порождает все новые и новые «открытые» вопросы. К их числу относятся: проблема эвтаназии, ставшая столь актуальной в результате небывалых достижений медицины по продлению жизни человека, а значит, и его страданий; проблемы реанимирования и связанной с ним проблемы трансплантации органов; нравственно-правовые проблемы искусственного оплодотворения и прерывания беременности, установления критериев нормы и патологии человеческого зародыша; проблема предвидения и предотвращения негативных последствий медико-биологических, особенно генетических, исследований и экспериментов на человеке; определение меры ответственности исследователя и степени риска испытуемого.

Как в целом в области здравоохранения, так и при создании локальных этических комитетов и Национального комитета по биоэтике, Республика Беларусь руководствуется, прежде всего, нормами международного права. Это *Нюрнбергский кодекс,* 1947; *Хельсинкская Декларация прав человека*, 1964 (с дополнениями); *Гармонизированные трехсторонние правила проведения качественных клинических исследований* GCP-1999, BMP Ltd.; *Материалы к рабочему совещанию «Этические вопросы клинических испытаний»* (Женева-Москва, 1999); *Рекомендации Комитетам по этике, проводящим экспертизу биомедицинских исследований* (ВОЗ, 2000); документы ЮНЕСКО «Декларация принципов толерантности» (1995), «Всеобщая Декларация о геноме человека и правах человека» (1997), «Establishing Bioethics Committees», «Всеобщая Декларация о биоэтике и правах человека» (2005), Руководство №1 ЮНЕСКО по созданию комитетов по биоэтике (2005); Руководство №2 ЮНЕСКО «Деятельность комитетов по биоэтике: правила процедуры и принципы политики» (2005).

В республике действует *Национальная стратегия устойчивого развития и Концепция развития здравоохранения в Республике Беларусь* (1995), которые являются базой для принятия правовых актов и общегосударственных программ, определяющих конкретные мероприятия и ресурсы для этико-правового контроля над проведением биомедицинских исследований. Основные принципы биоэтики, рекомендованные ВОЗ, закреплены в законах РБ «О здравоохранении» (1999 с последующими дополнениями), «О безопасности генно-инженерной деятельности» (2005), в проекте закона «О трансплантации органов и тканей человека», в приказах и инструкциях Министерства здравоохранения.

Определяет государственную политику в области охраны здоровья населения, правовые, экономические и этические основы проведения клинических, медико-биологических и генетических исследований на человеке, а также права и обязанности пациента, прежде всего, *Закон Республики Беларусь о здравоохранении*. Согласно ст. 31., клинические и медико-биологические исследования на человеке могут проводиться с лечебной целью

в государственных организациях здравоохранения при подтверждении их научной обоснованности только с письменного добровольного согласия лица, подвергаемого исследованию, ознакомленного с их целями, продолжительностью, ожидаемыми результатами и возможными последствиями для его здоровья. Не допускается проведение клинических и медико-биологических исследований на беременных женщинах и несовершеннолетних, за исключением случаев, когда исследование проводится для диагностики и лечения исключительно этой категории лиц. Исследования в отношении несовершеннолетних проводятся с письменного согласия одного из родителей. Запрещается проведение клинических и медико-биологических исследований на несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей; военнослужащих; осужденных и лицах, находящихся под стражей; лицах, признанных недееспособными, а также страдающих психическими расстройствами и находящихся на принудительном лечении. Таким образом, в данном Законе юридически закреплена современная *модель автономии пациента,* базирующаяся на *принципе информированного согласия* [3, с. 30].

Сегодня следует говорить о недостаточном этико-образовательный уровне профессиональных работников и населения в области биоэтики. Эта проблема не только Беларуси и всех регионов постсоветского пространства, но и многих других стран. Причем, даже тогда, когда образовательный уровень населения в целом можно признать удовлетворительным, оказывается, что медико-этическая образованность носит традиционно-патерналистский характер. Так, мы никак не можем привыкнуть к тому, что право человека на жизнь и смерть – это его право, а не врача, исследователя, законодателя. Патернализм, в свою очередь, уходит корнями в авторитарную этику, признающую в качестве высшей ценности интересы общества, государства, науки, а не индивидуальной личности. Это ставит нас перед необходимостью формирования у медиков, биологов, генетиков, у политиков и обычных граждан новой гуманистической этической установки, что и достигается путем биоэтического просвещения.

Биоэтическое просвещение населения – в настоящее время самый открытый участок работы. Здесь уровень отсталости и некомпетентности, влияющий на общественное мнение и принятие решений по жизненно важным вопросам – от «информированного согласия» до принятия законов, требует незамедлительного вмешательства.

Сегодня в Республике Беларусь имеются разные виды комитетов по биоэтике (этические комитеты, комиссии по этике, ассоциации и т. п.), функционирующие на разных уровнях управления – национальном, региональном, местном. Комитет каждого вида (комиссия, ассоциация, центр и т. д.) имеет свои цели, функции, осуществляет определенные специфические мероприятия и вместе с тем несомненно обнаруживает точки соприкосновения с другими комитетами в решении биоэтических дилемм, возникающих в различных областях исследований и здравоохранении.

Национальный комитет по биоэтике создан при Министерстве здравоохранения Республики как *консультативный орган* для осуществления общественного контроля над соблюдением этических норм и правил при

выполнении работ, связанных с использованием человека и животных как объектов экспериментальных и клинических исследований, в целях соблюдения прав и свобод человека при использовании в отношении его современных достижений науки, проведении образовательной, лечебно-профилактической и иной деятельности.

Приказом Министерства здравоохранения утверждено *Положение о Национальном комитете по биоэтике*. Положением предусмотрен широкий спектр функций по оказанию помощи и проведению мониторинга клинических испытаний и регистрации новых лекарственных средств и медицинских технологий; в области лечебно-профилактической и научно-исследовательской деятельности; в сфере биоэтического образования специалистов и просвещения населения; в области законодательных инициатив по вопросам здравоохранения и проведения биомедицинских исследований; в решении социальных и правовых вопросов в области природоохранной деятельности.

НКБЭ независим в своих оценках, советах и решениях; он играет рекомендательную роль и не принимает юридических решений. НКБЭ активно сотрудничает с законодательными и исполнительными органами страны, общественными организациями.

Создание НКБЭ призвано способствовать:

– выработке демократического механизма для обсуждения и анализа сложных моральных проблем, связанных со стремительными достижениями науки и техники;

– осуществлению общественного контроля над соблюдением прав человека по критериям биомедицинской этики;

– разработке предложений, касающихся законодательного регулирования в области биомедицины помощи в создании, регуляции и координации деятельности этических комитетов разных уровней и обучению членов этических комитетов;

– повышению уровня непрерывного биоэтического образования специалистов-медиков: от университетской подготовки до повышения квалификации;

– обеспечению участия Республики в международном сотрудничестве по вопросам биоэтики;

– пропаганде здорового образа жизни, информированию населения о достижениях и существующих проблемах в области биоэтики.

Список литературы

1. *Апресян, Р. Г.* Понятие общественной морали (опыт концептуализации) / Р. Г. Апресян // Вопросы философии. – 2006. – №5. – С. 3–17.

2. Кодекс врачебной этики [Электронный ресурс]: утв. МЗ РБ 1999 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. *Мишаткина, Т. В.* Биоэтика в Республике Беларусь / Т. В. Мишаткина, Я. С. Яскевич. – Минск: Проспект-Плюс, 2011. – 52 с.

4. О здравоохранении [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-XII: в ред. Закона от 21.10.2016 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

РАЗВИТИЕ ИНТЕЛЛЕКТА И КРЕАТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ И УЧАЩИХСЯ КАК ЗАДАЧА СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Журавлев Валерий Александрович
Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники, Минск

Образование является одним из важнейших инструментов развития интеллектуального потенциала человека и общества, улучшения и конструирования человека в социокультурном контексте. В настоящее время важную роль в решении этих задач играет переход на креативную (творческую, созидательную) парадигму образования [1, с. 159].

Если раньше главной задачей образования считалось передача знаний и контроль за их усвоением, т. е. доминировала *когнитивная (познавательная) парадигма образования*, то в современных условиях инновационного развития главной задачей образования является формирование у студентов и учащихся знаний и умений самостоятельно мыслить и создавать инновации в различных областях деятельности, что означает переход на *креативную (творческую, созидательную) парадигму образования.* В этом случае когнитивное (познавательное) образование становится только начальным этапом креативного (творческого) образования.

Важная роль в этом переходе принадлежит внедрению в образование современных технологий и методов обучения. Сущность этих технологий состоит в том, что они должны опираться не только на процессы восприятия, памяти, внимания, но, прежде всего, на творческое, продуктивное мышление, поведение и общение учащихся.

При этом процесс обучения организуется таким образом, что обучаемые учатся общаться, взаимодействовать друг с другом и другими людьми, критически мыслить, решать сложные проблемы на основе анализа производственных ситуаций, ситуационных профессиональных задач и соответствующей информации.

В настоящее время к современным технологиям обучения относят технологии группового и проектного обучения, информационные, компьютерные, интерактивные технологии, модульно-рейтинговые системы, кейс-технологии и др. Эти технологии повышают активность, самостоятельность, инициативность и ответственность учащихся за себя и других.

Целями современных технологий обучения являются содействие самореализации и самоутверждению личности учащихся, ориентация на гуманистические, личностно-ориентированные, культурные ценности, использование творческих, активных, индивидуально-дифференцированных методов и форм обучения [1, с. 159].

Важнейшей задачей современного образования являются формирование у студентов и учащихся высокого уровня *интеллекта,* т. е. комплексных способностей к решению проблем при изменяющихся требованиях и условиях внешней среды [2, с. 7].

В первую очередь необходимо развивать у студентов и учащихся следующие *виды интеллекта*: профессионального, социального, экономического, национально-патриотического, политико-идеологического и общекультурного.

Профессиональный интеллект – знания, умения и навыки, обеспечивающие эффективное выполнение профессиональных задач и функций в рамках своей квалификации и специализации в простых и сложных условиях.

Социальный интеллект – способность к позитивному и конструктивному общению и коммуникациям для решения проблем и достижения своих и общих целей в коллективе, группе и семье.

Экономический интеллект – это знание основных законов рыночной экономики, ясное понимание того, что всего надо добиваться честным трудом, принося пользу себе и обществу.

Национально-патриотический интеллект – это прежде всего нравственная категория, формирующая чувство гордости за себя, свой народ и свою страну, её историю и культуру, предполагающая и позитивное отношение к другим.

Политико-идеологический – знание национальных интересов и основных положений конституции, принципов, целей и задач государства, путей и методов решения социально-экономических проблем страны.

Общекультурный – общие знания в области истории, науки, культуры, этики, морали, религии и гуманизма.

Можно сказать, что интеллект современного человека это сумма всех этих видов интеллекта.

Другой важной задачей креативного образования является развитие *креативных (творческих) способностей* и качеств личности у студентов и учащихся, которые нужны будут им не только для эффективной профессиональной деятельности, но и для успешной жизни в обществе и социальной среде.

Креативное мышление можно определить как способность с помощью анализа, комбинации и синтеза разнородных элементов создавать новые значимые знания и формы, имеющие большой социально–экономический эффект [2, с. 13].

Для креативности в научной деятельности надо развивать у учащихся способности к обобщениям, абстрагированию и конкретизации, т. е. способности переходить от частного к общему, а от общего к частному.

Необходимо развивать у студентов также и *логическое мышление* – способности и умения получать правильные выводы из имеющихся данных с помощью известных методов и правил. Эффективным методом обучения логическому мышлению учащихся является рассмотрение и решение типовых задач и ситуаций.

Наилучшие результаты в образовании и профессиональной деятельности достигаются путем *синтеза креативного и логического мышления.*

Применение современных технологий и креативных методов в образовании позволит повысить уровень личностной и профессиональной подготовки студентов и учащихся, научит их создавать инновации в различных областях деятельности [2].

Список литературы

1. *Журавлев, В. А.* Креативное образование – новая парадигма образования в условиях инновационной экономики / В. А. Журавлев // Высшее техническое образование: проблемы и пути развития: материалы VII Междунар. науч.-метод. конф. (Минск, 20–21 ноября 2014 года). – Минск: БГУИР, 2014. – С. 159–160.

2. *Журавлев, В. А.* Креативный менеджмент и инновации / В. А. Журавлев. – Минск: Право и экономика, 2009. – 109 с.

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА А. АЗИМОВА: ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ РОБОТИЗАЦИЮ

Иняшкин Станислав Геннадьевич
Институт русского языка им. А. С. Пушкина,
Москва

Фантастика является одним из древнейших элементов человеческой культуры. Через описание героев мифов, сказок и легенд молодому поколению доносилось то, каким должен быть человек: добрым, честным, храбрым и т. д. Со временем данную функцию на себя взяла научная фантастика. Авторы утопий описывали, как должно выглядеть идеальное общество, к которому нужно стремиться. На страницах научной фантастики описывались изобретения, которые бы сделали жизнь человека лучше. Многие из этих изобретений мы можем увидеть в реальности, это говорит о том, что научно-фантастическая литература имеет большое влияние на развитие человеческого общества. При этом речь идет не только о технологиях, но и о моральной составляющей.

Известный американский писатель Айзек Азимов (1920–1992) выбрал весьма любопытный способ описания того, каким должен быть человек. Героями его произведений стали не могучие и храбрые воины, а роботы. Именно роботы выступают ориентиром для самосовершенствования человека.

Например, в рассказе «Улики» (*Evidence,* 1946) на вопрос, отличается ли психология роботов от человеческой, основатель робототехники доктор Кэлвин отвечает: «Разница огромная. Прежде всего, роботы глубоко порядочны» [1].

Вероятно, главным преимуществом роботов над людьми с моральной точки зрения, по мнению автора, является безукоризненное соблюдение законов – Трех Законов Робототехники:

1. робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред;
2. робот должен повиноваться командам человека, если эти команды не противоречат Первому Закону;
3. робот должен заботиться о своей безопасности, пока это не противоречит Первому и Второму Законам [3].

Впервые Азимов сформулировал Три Закона в рассказе «Хоровод» (*Runaround,* 1942) и они стали основой его произведений о роботах, конструирование и использование которых рассматривается писателем как благо для человечества и основа его самосовершенствования.

Так, в повести «Двухсотлетний человек» (*The Bicentennial Man*, 1976) во время обсуждения желания робота Эндрю выкупить у своего хозяина свободу Азимов намекает, что у людей тоже есть свои законы, но в отличие от Трех Законов они небезупречны:

«– Не кипятись, папа, – прервала его Маленькая Мисс. – Ответственность за Эндрю – не такое уж тяжкое бремя. Ты же знаешь, что тебе ничего не придется делать. Об этом позаботятся три закона роботехники.

– Как же тогда он может быть свободен?

– А разве люди не связаны своими законами, сэр? – спросил Эндрю.

– Я не намерен вдаваться в дискуссию, – сказал Сэр» [3].

В свою очередь, в романе «Обнаженное солнце» (*The Naked Sun*, 1956) робот замечает, что люди часто подвергают себя опасностям, и это кажется ему нелогичным. Главный герой романа инспектор Бэйли отвечает:

«– Мы также нуждаемся в Трёх Законах, – усмехнулся Бейли, – но всё же я рад, что их у нас нет» [5].

Помимо качеств роботов, обусловленных «Законами Робототехники» (безопасность и покорность), автор неизменно отмечает и другие положительные «черты характера» роботов.

Тезаурусный анализ четырех романов, написанных в разные периоды творчества автора и составляющих цикл произведений «Детектив Элайдж Бейли и робот Дэниел Оливо»: «Пещеры из стали» (*The Caves of Steel*, 1954), «Обнаженное солнце» (1956), «Роботы зари» (*The Robots of Dawn*, 1983) и Роботы и Империя (*Robots and Empire*, 1985) показал, что наиболее распространенными характеристиками роботов являются «спокойный» (calm, 39 раз), «молчаливый» (silent, 36 раз) и «тихий» (quiet, 30 раз).

Неким контрастом для «спокойных» роботов выступает очень эмоциональный и часто грубый инспектор Бэйли. Например, только в романе «Пещеры из стали» он использует эвфемизм «*Jehoshaphat*» 19 раз.

Список литературы

1. *Asimov, A.* Evidence [Electronic resource] / A. Asimov. – Mode of access: http://royallib.com/read/Asimov_Isaac/I_Robot.html#0. – Date of access: 39.11.2017.
2. *Asimov, A.* Robots and Empire [Electronic resource] / A. Asimov. – Mode of access: http://royallib.com/read/Asimov_Isaac/Robots_and_Empire.html. – Date of access: 39.11.2017.
3. *Asimov, A.* The Bicentennial Man [Electronic resource] / A. Asimov. – Mode of access:. – Date of access: 39.11.2017.

http://royallib.com/read/Asimov_Isaac/The_Bicentennial_Man_and_Other_Stories.html#0. – Date of access: 39.11.2017.
4. *Asimov, A.* The caves of Steel [Electronic resource] / A. Asimov. – Mode of access: http://royallib.com/read/Asimov_Isaac/The_Caves_of_Steel.html#0. – Date of access: 39.11.2017.
5. *Asimov, A.* The Naked Sun [Electronic resource] / A. Asimov. – Mode of access: http://royallib.com/read/Asimov_Isaac/The_Naked_Sun.html#0. – Date of access: 39.11.2017.
6. *Asimov, A.* The Robots of Dawn [Electronic resource] / A. Asimov. – Mode of access: http://royallib.com/read/Asimov_Isaac/The_Robots_of_Dawn.html#0. – Date of access: 39.11.2017.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Кавецкий Станислав Тихонович
Брестский университет им. А. С. Пушкина, Брест

Аддиктивное поведение определяется как поведение, связанное с психологической или физиологической зависимостью от употребления какого-либо вещества или специфической активности, с целью изменения психического состояния. И, если различного рода химические зависимости – наркомания, алкоголизм – достаточно хорошо изучены современной наукой и медициной, то так называемые нехимические зависимости привлекли внимание социальных наук сравнительно недавно. На наш взгляд, проблема теоретического осмысления феномена нехимических пристрастий осложняется несколькими факторами, а именно, тем, что конкретных форм и видов зависимостей с каждым днём становится всё больше (количественный аспект), что создаёт определённые трудности в их классификации и тем, что не всегда сегодня можно с уверенностью сказать, что то или иное явление патологично по своей природе (смысловой аспект). Последнее относиться, в первую очередь, к зафиксированному сравнительно недавно феномену сетевой или Интернет-зависимости.

«Классификация нехимических поведенческих пристрастий на сегодняшний день имеет примерно следующий вид [1, с. 94]:

1. непосредственно нехимические пристрастия:
– азартные игры (гемблинг);
– зависимость от Интернета;
– аддикция отношений: сексуальная, любовная;
– аддикция к трате денег;
– трудоголизм;
– «состояние перманентной войны»;
– синдром Тоада, или зависимость от «весёлого автовождения»;
2. промежуточные аддикции:
– аддикция к еде;
– аддикция к физическому самосовершенствованию.

Даже из приведённого перечня встречающихся сегодня проблем можно сделать вывод, что зависимое поведение имеет не только базу для юридического и социо-философского осмысления, что самоочевидно, но также ставит серьёзные проблемы для осмысления перед философами, культурологами и социологами.

На наш взгляд, проблема теоретического осмысления феномена осложняется несколькими факторами, а именно, тем, что конкретных форм и видов зависимостей с каждым днём становится всё больше (количественный аспект), что создаёт определённые трудности в их классификации; и тем, что не всегда сегодня можно с уверенностью сказать, что то или иное явление

патологично по своей природе (смысловой аспект) относится, в первую очередь, к феномену сетевой или Интернет-зависимости. Компьютерная революция и особенно Интернет продолжают победное шествие по стране и региону. По данным конкретно-социологических исследований, проведенных под руководством автора в 2005 г. в Бресте, 33,5 % респондентов имели персональный компьютер, 17,8 % использовали Интернет [2, с. 169]. К 2016 году количество имеющих компьютер удвоилось, а Интернет – утроилось. За прошедшие годы произошли серьезные сдвиги в области телефонизации. Владельцами домашних телефонов являются 78,8 % опрошенных, 82,7 % имеют мобильные телефоны, идет телефонизация сельской местности.

Технологическое развитие цивилизации привело к широкому использованию компьютеров в повседневной жизни, и человечество вступило в «эру пользователей». Их применение с одной стороны внесло и продолжает вносить очевидные преимущества в профессиональную и учебную деятельность, а с другой стороны оказывает и негативное влияние на психическое функционирование человека.

Упрощение решения задач с помощью компьютера снижает требования к интеллектуальным способностям. Процесс принятия решения сводится к его формально-логическим компонентам. Из-за чрезмерной специализации и затруднений в переносе результатов в другие сферы деятельности снижается гибкость познавательных процессов – восприятия, мышления и памяти. Позитивные черты личности трансформируются в педантизм, чрезмерную пунктуальность, ригидность и отрешенность. Изменяется мотивационная сфера, в которой начинают преобладать примитивно-игровые или деструктивные побуждения. Деструктивность, порождаемая компьютерной деятельностью, проявляется в таких специфических формах активности как введение «вируса» в компьютерную программу или в феномене «хакерства». Кроме того, заостряются присущие невротические проявления или дисгармоническое личностное развитие.

Чрезмерная увлеченность работой в Интернете, состоящая в поиске новой информации, среди прочего расширяет возможности активного фантазирования, отождествления себя с персонажами виртуального мира или проигрывания сексуальных фантазий. Из-за неограниченного доступа к информации у пользователя нередко возникает иллюзорное ощущение собственной мощи. Особая опасность стать зависимым от Интернета подстерегает тех, для кого компьютерные сети оказываются почти единственным средством коммуникации с миром. Болезненная зависимость от видеоигр. В настоящее время видеоигры как форма компьютерной деятельности получают все более широкое распространение, причем не только среди представителей подрастающего поколения, для которых игра является ведущей деятельностью, но и среди лиц более старших возрастов. Для многих компьютерные игры становятся единственной целью использования компьютера.

Опасность, проявляющаяся в болезненной зависимости от игр, состоит в бесконтрольной компьютерной игровой деятельности. Поглощенность общением с друзьями по сети в качестве варианта аддиктивной зависимости дает возможность найти себе виртуального собеседника, практически удовлетворяющего любым критериям. Важно, что при этом не дается никаких обязательств поддерживать с ним общение в дальнейшем. Эта форма компьютерной зависимости приводит к пренебрежению личностными контактами в реальной жизни.

Общение с реальными людьми ограничивается. Все свободное время и карманные деньги тратятся на усовершенствование программ. Отмечаются трудности засыпания, чрезмерная экзальтация. При вынужденном перерыве возникает чувство опустошенности, скуки («Не знаю, куда себя деть»; «Как будто спрыгнул с мчащегося поезда»). Чат (chat) приобретает характер сверхценного увлечения с явным ущербом для других видов деятельности, прежде всего общения с реальными людьми, и выраженным аффективным напряжением.

Таким образом, широкое проникновение интернета в жизнь общества изменило процесс социализации личности. Появилась киберсоциализация, способная привести как к позитивным последствиям, так и к негативным деформациям. Нарастающая интернетизация, в особенности социализационных процессов в виртуальном пространстве, последствия использования интернета, как положительные, так и отрицательные, актуализируют вопрос регулирования интернет-поведения. Механизмы такого поведения классифицируются на социальные и индивидуальные.

Список литературы

1. *Ботух, Л. М.* Нехимические поведенческие пристрастия / Л. М. Ботух // Социология: традиции и современность: сб. материалов междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Э. Дюркгейма / редкол.: Е. В. Скакун, С. Т. Кавецкий. – Брест: БрГУ им. А. С. Пушкина, 2008. – С. 93–96.

2. *Кавецкий, С. Т.* Аномия: истоки и современность / С. Т. Кавецкий. – Брест: БрГУ им. А. С. Пушкина, 2010. – 235 с.

КОММОДИФИКАЦИЯ ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: ОТ АЛАРМИЗМА К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Комаровский Андрей Владимирович
Институт социологии НАН Беларуси, Минск

Современные социокультурные трансформации отмечены бурным развертыванием целостного пакета технологических и социальных инноваций (в энергетике, производстве, медицине и т. д.), вызывающего системную трансформацию глобального мира в эпоху после «постмодерна».

Не последнюю скрипку в данных процессах играет и медиасфера, которая переживает переход к «новым медиа» («социальным медиа»). В отличие от традиционных «массовых медиа» данный тип медиа представляет собой «открытую, интерактивную, децентрированную, гетерархическую, коллаборативную сетевую экосистему асинхронных экстерриториальных коммуникативных пространств» [1, с. 208], глубоко укорененных и все чаще «влитых» в оффлайн-сферу жизнедеятельности человека.

Сегодня наиболее продуктивным является системный взгляд на «новую реальность» как единый онлайн-офлайн континуум, обе стороны которого особенно тесно взаимопереплетаются в процессе становления «интернета вещей», широкого использования «больших данных», глобального проникновения сети Интернет и мобильных устройств.

Вместе с тем, специфика устройства «новых медиа» несет в себе определенные риски, связанные с высоким уровнем изменчивости, конструируемости и манипулятивности информационной среды и, соответственно, общественного мнения и мнения отдельных людей. Вопросы информационно-экологического и этического характера все чаще волнуют многочисленных исследователей, экспертов и практиков в различных странах и сферах деятельности.

Стихийно складывающееся перенасыщение информационного пространства, целенаправленное стирание четкой, опознаваемой границы между «фактическими» и «перформативными» («реальными» или «фиктивными») событиями в условиях непрерывных информационных войн и столкновений порождает ситуацию коллективной когнитивной аномии, основанной на аналитико-критической «дисфункции», бегстве от суждений и принятия осознанного (обоснованного) выбора человека.

Кроме того, происходит латентная и стихийная коммодификация цифровой идентичности человека – как потребителя, гражданина, работника и т. п. Однако именно этот процесс сегодня становится ключевым вызовом для гражданской идентичности и свобод современного человека, погруженного как никогда глубоко в сложнейшую информационно-техническую экосистему своего обитания.

Сознательный контроль над формированием, хранением и продажей (обменом) персональной информацией о действиях человека в ИКТ-средах корпораций и организаций должен стать главным предметом широкой общественной дискуссии, гражданской борьбы и политического процесса нашей турбулентной и рисковой современности. Многочисленные кейсы использования открытых данных, вызывающих вместе с тем нарушения приватности и конфиденциальности информации, свидетельствуют о необходимости глубокой юридической, этической и социальной дискуссии и нормотворчестве в данной сфере.

Определенно ясно сегодня лишь то, что какие-либо стратегии технофобского эскапизма, луддизма или алармизма, часто предпринимаемые даже прогрессивными мыслителями и активистами, представляются малопродуктивными для решения данной проблемы, следующей из неумолимого процесса современной социокультурной трансформации.

Список литературы

1. *Комаровский, А. В*. Социальные медиа / А. В. Комаровский // Новые медиа: социальная теория и методология исследований: словарь-справочник / отв. ред. О. В. Сергеева, О. В. Терещенко. – СПб.: Алетейя, 2015. – С. 208–209.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОБЩЕСТВА КАК ПРИРОДНОГО НАЧАЛА В АНАРХИСТСКОЙ ТРАКТОВКЕ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА КРОПОТКИНА

Кудрякова Инесса Олеговна
Институт философии РАН, Москва

Проблема природы и сущности государственной власти – одна из центральных проблем всякой политической философии, в том числе и философии анархизма. Следует отметить, что Петр Алексеевич Кропоткин в своих работах выражал протест против упрощенного представления об анархии как о явлении сугубо деструктивном. Он доказывал, что сущностью анархизма является не призыв к хаосу, беспорядку и вседозволенности, а ориентация на конструктивное созидательное начало. Анархизм в воззрениях Кропоткина, есть идеология, нацеленная на устранение насилия из жизни общества. Главная задача анархизма, по его мнению, состоит в отрицании власти человека над человеком, в освобождении личности от всего того, что мешает её гармоничному развитию. Финальная цель анархизма состоит в построении такого общества, которое основано на принципах самоорганизации и добровольного соглашения людей.

Кропоткин, в отличие от других представителей анархизма, строил свою теорию на естественнонаучных основаниях. С этой точки зрения, анархизм понимается как продолжение натурфилософии, где человек воспринимается как часть природы. По мысли Кропоткина, в природе нет единого управляющего центра, только взаимодействие: «..повсюду и везде мы видим лишь взаимодействие различных сил, координацию разнообразных движений... зависимость одних частиц или существ от других» [5, с. 93]. Именно на основе многообразных связей и взаимодействий и достигается гармония природы и общества.

Общество, по мнению Кропоткина, строится на тех же принципах; в нем нет иерархии подчинения, а есть сплетение горизонтальных связей между людьми, которым свойственно стремление к кооперативному взаимодействию и солидарности.

В целом, следует подчеркнуть, что Кропоткин проводил параллель между животным миром и человеческим обществом, рассматривая человеческое общество как особую разновидность общественной жизни, аналоги которой можно найти в организации живых организмов. В своей работе «Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса», Кропоткин указывал, что объединение существ в большие группы не является исключительно природным фактором. Более того, «общественная жизнь, – подчеркивал Кропоткин, – встречается в животном мире на всех ступенях развития» [5, с. 61].

Исходным пунктом этического учения Кропоткина является идея естественного происхождения нравственности как природного начала. В

природе имеет место не только взаимная борьба (межвидовая и внутривидовая), как полагали дарвинисты, но и взаимная помощь. Подтверждение своей концепции он находил в сообществах муравьев, термитов и пчел, в совместном передвижении, защите и охоте, которую практикуют многие виды птиц и животных.

Эти наблюдения Кропоткин переносит на человеческое общество. Поскольку человек – неотъемлемая часть животного мира, то истоки человеческой этики находятся в природных инстинктах. Общительность – это первый опыт, который получает человек из изучения природы и истории. Затем у человека появляется стремления к большему счастью и более быстрому физическому, умственному и нравственному прогрессу. Наука придает этике развития и эволюционистской этике, философскую бесспорность. Идеи справедливости, солидарности и взаимной поддержки изначально заложены в нашей природе. Доказательство тому – существование на протяжении человеческой истории множества институтов, в которых воплощались принципы взаимопомощи и объединения, начиная от родоплеменного строя и деревенской общины и заканчивая средневековыми городскими коммунами и современными кооперативами, научными и спортивными сообществами.

Согласно Кропоткину, человеческие сообщества, (в эволюционной парадигме) приобретают все более организованные и сознательно обусловленные формы, их чисто инстинктивный характер уходит на задний план. В структуре «социальной организации» Кропоткин выделяет несколько уровней объединения в животном мире, сходных с человеческим. «Объединение бывает иногда в две или три степени: сначала семья, потом группа и, наконец, общество групп, обыкновенно рассеянных, но соединяющихся в случае нужды...» [5, с. 61].

Тем самым общество предстает как феномен, как результат эволюционного развития организационных структур, наблюдаемых на самых разных уровнях организации живого. Поэтому общество – это довольно широкое понятие. Общество не может быть создано исключительно человеком уже только потому, что оно существовало в определенной форме за миллионы лет до него, в животном мире. Современные исследователи рассматривают теорию эволюции на основе естественного отбора. Эта идея Чарльза Дарвина распространилась в научном сообществе в модифицированной форме в виде неодарвинизма, синтетической теории эволюции, и легла в основу исследовательской программы биополитики. Для всех этих концепций характерен *социоморфизм,* то есть уподобление биологических систем человеческому обществу.

Общество, по мнению Кропоткина, не создано человеком. Взгляд Кропоткина на происхождение общества основан на эволюционной парадигме. Он правильно понимает взаимосвязь между природным и социальным, усматривая корни организации людей в сообщества в природной среде, в мире животных. Между тем, человеческая личность (в такой трактовке) отходит на второй план.

Тем не менее, в концепции Кропоткина особое внимание уделено обоснованию общих принципов организации как человеческого сообщества, так и больших групп животных. Кропоткин находит аргументы в поддержку общих принципов, цементирующих общество – борьбы за выживание и стремления поддерживать существование целого. Что касается специфики проявления общественных законов, то у него речь идет о подчинении индивидуальных интересов общим, о равенстве и взаимопомощи людей и т. д. Как можно заметить, находя схожие элементы, общие принципы организации между живой природой и человеком, Кропоткин осознает наличие специфики в организации жизни людей внутри сообщества. Прежде всего, это касается его представления о том, что такое государство.

Кропоткин выступает против отождествления общества и государства. Для него эти два понятия – взаимоисключающие, и развитие одного неминуемо повлечет за собой гибель другого. Кроме того, отождествление этих двух понятий, по мнению Кропоткина, идет вразрез с исторической наукой. В отличии от государства, по мысли Кропоткина, «общество не было выдумано человеком – оно существовало раньше появления первых человеческих существ» [6, с. 150].

Однако Кропоткин не рассматривал государство как нечто вечное и незыблемое. Вся история в представлении Кропоткина – это цепь цивилизаций, каждая из которых проходит строго определенный исторический круг. От первобытного племени, через сельскую общину и вольный город – к государству, причем государство представляется как некий финальный период смены одной цивилизации – другой. Он поясняет: поскольку развитие человечества продолжается, то государство возникает у разных народов в разные исторические эпохи. Государство как конгломерат разных условий социально-политической организации людей, проходит все стадии развития, от возникновения к гибели. При этом Кропоткин подчеркивает мысль о том, что один и тот же народ может быть вовлечен в исторический процесс разных или иных цивилизаций.

Возникновение государства Кропоткин связывает с появлением централизованного государства. Самое раннее проявление государства Кропоткин отмечал у цивилизаций, развившихся из первобытного общества, подчеркивая, что становление цивилизации начинается с родоплеменного строя. Причем первобытные люди не знали «никакой другой власти, кроме как власть общественного мнения». [5, с. 93] Эта же самая власть регулировала общественное поведение и существовала всегда.

Таким образом, Кропоткин отмечал, что общество много тысячелетий могло обходиться без государства. Согласно Кропоткину, после первоначального появления государства в обществе, оно периодически исчезало из истории человечества, и именно в эти периоды, по убеждению Кропоткина, общество достигало своего наивысшего развития для данной исторической эпохи. Общество способно к наивысшему развитию, даже прогрессу, без участия государственных структур, поскольку государство

является лишь одной из тех форм, которое общество принимает на определённом этапе своего развития.

С философской точки зрения, постоянное и случайное – это два понятия, которые нельзя смешивать. Это касается и значения общества для государства и народа, и влияния государства как определенной структуры на общество. Нельзя, в том числе, рассматривать эти соотношения (общество-государство) как тождественные. «Государство – есть лишь одна из тех форм, которые общество принимало в течение своей истории. Каким же образом можно смешивать постоянное с случайным, – понятие об обществе с понятием о государстве?» [6, с. 148]. Как отмечал Кропоткин, государство стремится подчинить общество, выступая в качестве гаранта власти над людьми.

Государство, таким образом, представляется как бесполезная, даже вредная надстройка над обществом, созданная в интересах капитализма, в том числе, как подчеркивает Кропоткин, ставшая причиной падения Греции и Рима. Государство у Кропоткина – это скорее социальная болезнь, ведущая к гибели цивилизации. Однако излечить ее непросто, поскольку государство господствует над обществом. Это господство Кропоткин отождествляет с действием «силы исторических причин».

Таким образом, Кропоткин предлагает различать общество и государство, и усиливает эту мысль, подчеркивая, что именно общество, в отличие от государства, постоянно развивается и совершенствуется; оно не устанавливает пределов своего развития, его структура пластична и способна реагировать на вызовы времени. Государство же, напротив, более консервативно, статично и ассоциируется с реакционной силой. Более того, государство рассматривается как источник зла, эксплуатации и угнетения.

Таким образом, Кропоткин доказывает тезис о том, что государство как искусственно созданный элемент насилия и подавления не обязательно для нормального функционирования общества. Более того, оно оказывает тормозящий эффект на развития общества в целом.

Широко используя основные философские понятия в анализе государства, Кропоткин исходил из оптимистического понимания природы человека. Человек, по Кропоткину, от природы лишен зла. Кропоткин не допускал даже мысли о том, что зло естественным образом присуще человеку. Более того, он был убежден в природном происхождении всех лучших человеческих качеств, и именно их рассматривал как основу формирования личности, как основания человеческого поведения.

Конечно, Кропоткину, как и всем людям, были знакомы негативные стороны человеческой природы. Однако он рассматривал их проявления исключительно как одну из болезней общества, болезней, порожденных государством. Это относится и к проявлениям «преступной этики»; более того, все виды проявления преступной деятельности людей, Кропоткин связывал не с природой человека, а с теми социально неблагоприятными условиями, которые создают почву для проявления ростков преступности. В конечном итоге он

пришел к мысли о неэффективности тюрем, называя их «университетами преступности». Кропоткин был также противником смертной казни.

В противоположность этим негативным проявлениям человеческой натуры, Кропоткин выдвигал положение *нравственного закона* (будучи здесь близко к Иммануилу Канту, который говорил о нравственном законе внутри нас). Нравственный закон природы, согласно Кропоткину, дается человеку не в форме закона, присущего и другим живым существам, но лишь на основе опыта сосуществования с другими людьми. Тем самым, нравственный опыт поведения человека переходит в его привычку, без которой ни человек, ни общество дальше не могло бы выжить.

Следовательно, нравственный закон, по мнению Кропоткина, является естественным, отвечающим природе человека. Наконец, человеку свойственна симпатия. Чувство социальной симпатии в обществе берет свое начало в животном мире, «постепенно развиваясь вместе с усложнением общественной жизни, становится все более и более разнообразным, разумным и свободным в проявлениях. [...] При помощи разума мы создаем из прирожденных нам чувств и склонностей то, что мы называем нравственными понятиями.» [6, с. 3].

Таким образом, Кропоткин признает врожденность чувств и склонностей, при этом придавая нравственным понятиям философский смысл.

Общительность и антииндивидуализм ставится Кропоткиным на первый план, но не в ущерб идеалу личности. Недостаток личной творческой инициативы, недостаточное развитие личности, ведущее к стадности, является, по его мнению, одним из основных факторов, тормозящих развитие. Теория нравственности не должна ограничивать деятельность и саморазвитие личности и превращать человека в идейный автомат. Личностное начало в этике Кропоткина обнаруживалось и в том, что он в определенной степени признавал принцип эгоизма, который трактовался им как стремление к наслаждению и избеганию страдания. Понятие эгоизма Кропоткин рассматривал как универсальный закон природы и фактор жизни органической, а в обществе – как единственный мотив человеческих поступков. Согласование этих двух противоречивых стремлений человеческой природы – сугубо личного, эгоистического начала и начала общительности входит в число важнейших принципов этики Кропоткина.

Кропоткин утверждает, что «природа не только не дает урока аморализма, но мы вынуждены признать, что сами понятия добра и зла, наши умозаключения о «высшем добре заимствованы человеком из жизни природы» [4, с. 105]. Этим высказыванием Кропоткин вводит нас в совершенно новую проблематику – выяснение сущности человека, определение его места в среде как природной, так и социальной.

В теории Кропоткина общество предстает как естественная форма жизни людей и противопоставляется государству как искусственной форме организации, характерной лишь для одного периода эволюции человечества. Кропоткин преувеличивал и переоценивал роль государства, рассматривая его как источник зла. С другой стороны, биологизаторский подход к обществу, в

конечном итоге, приводит его к анархистскому взгляду на процессы, происходящие в обществе. Кропоткин считал, что эволюция живого и эволюция человеческого общества подчиняются единым законам. Его «добровольно-анархическая» модель социума подкреплялась примерами, взятыми из жизни сообществ животных, и эти примеры были перенесены в сферу социальной организации человеческого общества.

Оценивая взгляды Кропоткина с точки зрения современной науки, можно обнаружить, что его наиболее прогрессивные идеи в той или иной степени связанны со взглядом естествоиспытателя. Другими словами, Кропоткин смотрит на общество и государство «взглядом естествоиспытателя», при этом он выступает как противник антропоцентризма и воспринимает природу в целом как нечто неизмеримо большее, чем человек и / или общество. Тем самым Кропоткин подошел к истокам того научного направления, которое в дальнейшем получило название "deep ecology" (глубинной экологии).

В целом, «взгляд естествоиспытателя» помог Кропоткину увидеть картину мира в глобальной перспективе и заметить те тенденции в эволюции природы и общества, которые, в конечном итоге приведут к разгосударствлению экономики, децентрализации власти, а вместе с тем – к развитию местной инициативы, самоорганизации и самоуправлению в рамках современных глобальных процессов. Эти вопросы и вся проблематика в целом, делает актуальным обращение к творческому наследию Петра Алексеевича Кропоткина, которого традиционно характеризуют как идеолога мирового анархизма.

Список литературы

1. *Аристотель*. История животных / Аристотель. – М.: РГГУ, 1996. – 528 с.
2. *Кассиров, А. Г.* Философские идеи П. А. Кропоткина о единстве природы и общества / А. Г. Кассиров // Вестник МГТУ. – 2007. – № 3. – С.388–393.
3. *Кропоткин, П. А*. Анархия / П. А. Кропоткин. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 475 с.
4. *Кропоткин, П. А*. Этика / П. А. Кропоткин. – М.: Политиздат, 1991. – 496 с.
5. *Кропоткин, П. А*. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса / П. А. Кропоткин. – Пг.-М.: Голос труда, 1922. – 342 с.
6. *Кропоткин, П. А*. Современная наука и анархия / П. А. Кропоткин. – Пг.-М.: Голос труда, 1920. – 316 с.
7. *Кропоткин, П. А*. Естественно-научные работы / П. А. Кропоткин. – М.: Наука, 1998. – Том 25. Поэзия природы (1895–1896). – с. 186–191.
8. *Маркин, В. А*. П. А. Кропоткин и природа // Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П. А. Кропоткина. – М., 2002. – Вып. 4: Идеи П. А. Кропоткина и естествознание. Вопросы биографии П. А. Кропоткина. – С. 50–64.
9. *Олескин, А. В.* Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские политологические и практические аспекты / А. В. Олескин. – М.: Научный мир, 2007. – 508 с.
10. *Ударцев, С. Ф.* Кропоткин / С. Ф. Ударцев. – М.: Юридическая литература, 1989. – 144 с.

«ОТКРЫТЫЕ» КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОЙ БИОЭТИКИ

Мишаткина Татьяна Викторовна
Международный государственный
экологический институт им. А. Д. Сахарова БГУ,
Минск
Мельнов Сергей Борисович
Республиканское научно-исследовательское
унитарное предприятие Бел НИЦ «Экология»,
Минск

Глобальная биоэтика – биоэтика более высокого статуса, превращающая ее в парадигмальную модель *принципиально новой общей этики – всеохватывающей, всеобъемлющей, носящей тотальный, универсальный характер*. Ее цель – *приемлемое выживание* человечества – не только биологическое выживание, но и социальная стабильность, устойчивое развитие общества, сохранение и развитие здоровой экосистемы. Идея приемлемого выживания охватывает не только всех живущих людей, но и будущие поколения (так называемых «виртуальных» людей), все другие живые организмы, а также природу, окружающую среду. Таким образом, содержанием и целью глобальной биоэтики выступает забота: 1) *обо всех ныне живущих людях*; 2) *о правах и интересах будущих людей*; 3) *обо всех живых организмах*; 4) *об окружающей среде в целом.* Вместе с тем отличительная черта ГБЭ – ее индивидуально-личностная направленность, проявляющаяся в механизмах правильного *выбора*, в *коммуникативности* – обсуждении и обосновании этого выбора, причем не только с современниками, но и с будущими поколениями (в виде виртуальных посылов и допущений).

Эти глобальные задачи, например, утверждение о том, что мы несем ответственность перед потомками или обязаны относиться справедливо к будущим поколениям, оказываются проблематичными. Действительно, имеет ли смысл утверждение, что мы несем ответственность перед людьми, которых еще не существует? Кого именно мы имеем в виду, когда говорим о «будущих поколениях»: это наши дети и внуки, которые только родились; еще не родившиеся человеческие существа, которые даже не могут рассматриваться в качестве отдельных личностей; или это все отдаленные поколения, человеческие и нечеловеческие, которые унаследуют от нас Землю? Даже если согласиться с необходимостью морального беспокойства за будущие поколения, какие обязательства мы несем перед людьми, которых пока нет и которые могут вообще не появиться? Мы не знаем их возможных потребностей, поскольку в силу их отсутствия они не могут предъявлять и формулировать никаких требований.

Чем шире сфера, подпадающая под «юрисдикцию» биоэтики, тем больше возникает в ее рамках т. н. *открытых проблем*, которые придают ей особый статус. Эти проблемы носят «пограничный» характер, они не имеют однозначного решения в принципе, или имеют несколько решений, предполагающих трудный моральный выбор. При этом, возникая как единичные, требующие частных, «одноразовых» решений, они становятся основанием для разработки в процессе социальной коммуникации *универсальных* этических и юридических норм.

Эти открытые проблемы определяются основными «*проблемными кругами*», составляющими содержание биоэтики.

Первый круг этических проблем связан с необходимостью проследить, как могут и должны проявлять себя в сфере биомедицины – на теоретическом и практическом уровнях – *общечеловеческие моральные принципы и ценности:* Добро и Зло, Свобода и ответственность, Долг и Совесть и др.; как регулируют они нормы поведения специалиста, выступая основой «стратегии и тактики» его профессионального выбора.

Особое место в коммуникативном плане занимает экспликация сущности и критериев таких *высших ценностей*, как *Жизнь* и *Смерть*. До сих пор нет единства в их понимании; а это не дает возможности определиться, наконец, в вопросе о *праве человека на достойную жизнь и столь же достойную смерть,* что выступает необходимым основанием деятельности трансплантологов, реаниматологов, акушеров и других специалистов и иногда трагически (и даже смертельно) сказывается на судьбах людей.

Признание *права человека на жизнь* как естественного, неотъемлемого права каждого человека с первых моментов его существования, даже с момента его зачатия – на стадии э*мбриона* – определяет отношение к любому покушению на его жизнь и в дальнейшем: будь то претензии медицины полноправно распоряжаться жизнью и здоровьем пациентов, или попытки государства использовать эту жизнь в войнах, или отношение общества к смертной казни.

Наиболее острые биоэтические проблемы, предполагающие коммуникацию специалистов или специалистов и пациентов, возникают при вмешательстве в репродуктивные процессы, ответственные за *начало человеческой жизни:* во-первых, при осуществлении *пренатальной диагностики*, выявлении наследственных заболеваний и селективном проведении абортов; во-вторых, при использовании принципиально новых путей *преодоления бесплодия*, включая внешнее вмешательство в репродуктивные процессы организма. Здесь возникают следующие вопросы:

– на какой основе (добровольной или принудительной) следует проводить обследование населения с целью выявления носителей наследственных заболеваний и пренатальную диагностику их потомства (в особенности, если известно, что один из родителей будущего ребенка является носителем дефектного гена)?

– оправдано ли желание родителей – носителей наследственных заболеваний – иметь потомство и насколько это зависит от природы наследственного заболевания?

– выявление каких наследственных заболеваний плода позволяет (или прямо обязывает) родителей к проведению аборта?

– допустимы ли аборты в случае, когда единственным основанием к их проведению является желание семьи иметь ребенка с заранее запланированным полом?

– в какой мере вмешательство в репродуктивные процессы могут повлиять на генетический фонд человечества? Будет ли это влияние «позитивным» или «негативным»? Какие критерии должны быть положены в основу обсуждения этого вопроса?

При применении для получения потомства *новых репродуктивных технологий* (даже при вынашивании ребенка, «зачатого в пробирке» биологической матерью) также возникают открытые вопросы:

– каковы критерии отбора эмбрионов, выбираемых для подсадки? Как избежать возникающего здесь субъективизма – «синдрома Бога»?

– какова судьба так называемых «избыточных эмбрионов», неизбежно остающихся при искусственном оплодотворении?

– можно ли использовать их для проведения научных исследований и экспериментов? Допустимы ли они в принципе?

Это обращает нас к этическим проблемам, возникающим при проведении абортов или эвтаназии «неполноценных» новорожденных: правомерно ли рассматривать развивающийся эмбрион в качестве личности? В какой мере он обладает человеческими качествами? Даже те, кто не считает не только эмбрион, но и новорожденного младенца личностью, вынуждены признавать потенциальные возможности человеческого эмбриона – его способность со временем стать личностью. Достаточно ли этого, чтобы иметь в отношении эмбриона какие-либо моральные обязательства? Допустимо ли вообще ставить вопрос о *правах эмбриона*?

Признание *права на жизнь* как неотъемлемого права каждого человека естественным образом требует этико-гуманистического осмысления *заключительной фазы жизни – умирания.* С одной стороны, *право человека на жизнь* предполагает право на сохранение жизни; право распоряжаться собственной жизнью; возможность подвергать свою жизнь риску. С другой – безусловное право человека на жизнь порождает закономерный вопрос: имеет ли человек такое же *право на смерть*, точнее, на *свободу выбора*, ведущего к *прекращению собственной жизни*? По сути, это открытый проблемный вопрос о праве на *эвтаназию* – один из самых драматичных и спорных вопросов социальной коммуникации в контексте прав человека: необходимость легализации или запрета *эвтаназии.* Главный вопрос здесь – это вопрос о сущности эвтаназии – и активной, и пассивной: это убийство, самоубийство, акт милосердия или реализация права человека на достойную смерть?

Таким образом, большинство проблем, связанных с особенностями проявления высших гуманистических ценностей в биомедицине, ставят и врача, и исследователя, и пациента перед *выбором*, который не является однозначным и простым и может быть одинаково мучительным для обеих сторон. Вместе с тем наличие и необходимость выбора порождает и определенные *парадоксы*: вариативность выбора входит в конфликт с требованиями нормативной регуляции, которая, напротив, предполагает однозначность решения, особенно если речь идет о правовой регуляции, четко определяющей права и обязанности обеих сторон, без чего и исследования, и лечение больного невозможны и опасны.

Второй круг биоэтических проблем – определение современного характера *деонтологических отношений* в системе вертикальных и горизонтальных связей в сфере биомедицины. Моральное регулирование человеческих отношений как в системе «врач – больной», так и в медицинском коллективе, во многом зависит от *моделей отношений*, складывающихся в процессе взаимодействия между медиками-профессионалами и «обычными» людьми: *традиционной патерналистской* или *современной автономной*. В настоящее время мировой тенденцией становится переход от патерналистской деонтологии к признанию автономности, самоопределения пациента, «сотрудничеству» с ним. Такой переход предполагает решение ряда конкретных задач:

– определение уровня автономности и прав пациентов, в том числе психически больных и лиц с девиантным поведением (наркоманов, алкоголиков и др.); здесь возникают порой сложные, трудно разрешимые проблемы: так, право больного на отказ от лечения и право на эвтаназию являются источником едва ли не самых драматических дилемм биоэтики;

– обязательное введение в медицинскую практику принципа «информированного согласия», что предполагает совместное с пациентом принятие решений, касающихся его лечения или участия в медико-биологических исследованиях, что предусматривает, в частности, определенный уровень компетентности пациента или испытуемого и др.

– пересмотр некоторых традиционных норм медицинской деонтологии: безусловного соблюдения принципа «не навреди», положения о врачебной тайне и др., поиск инвариантных решений и новых деонтологических подходов в новых условиях;

– решение этических проблем так называемых «социальных заболеваний»: наркомании и алкоголизма, ВИЧ-инфицированности и СПИДа, где особую роль играют проблемы сохранения врачебной тайны, проблемы социальной дискриминации, отношение общества (и даже медиков) к этим людям.

Следует ли считать, что:

– алкогольные, наркоманические и др. зависимости – это болезнь, нуждающаяся в лечении? Или это – результат неосторожности, легкомыслия человека, его сознательный отказ вести здоровый образ жизни?

– употребление психоактивных веществ – порок, их прием – акт слабоволия, а люди, употребляющие их – безнравственны?

– принудительное тестирование и насильственная изоляция носителей ВИЧ-инфекции являются необходимыми мерами борьбы со СПИДом, или это нарушение прав человека?

Очевидно, что решение этих и других биоэтических проблем медицины или хотя бы подходы к их решению во многом зависят от этической компетентности специалиста и мнения общества.

Третий круг проблем глобальной биоэтики – *ситуативный* – связан со спецификой, развитием и современными достижениями медицины, которые проявляются каждый раз в определенных, неповторимых *ситуациях* и сказываются на конкретных человеческих судьбах. Это одна из особенностей биоэтики – то, что она сконцентрирована преимущественно на анализе этих отдельных случаев – *медицинских казусов*, затрагивающих жизнь и здоровье человека, призвана выявить и проанализировать моральные стороны этих конкретных ситуаций и на их основании сделать обобщающие выводы. При этом многочисленность, вариативность и сложность ситуаций порождает все новые «открытые» вопросы и парадоксы, требующие срочного коммуникативного обсуждения.

К их числу относятся:

– *нравственно-правовые проблемы искусственного оплодотворения и прерывания беременности*, установления критериев нормы и патологии человеческого зародыша;

– *проблема эвтаназии*, ставшая столь актуальной в результате небывалых достижений медицины по продлению жизни человека, а значит, и его страданий;

– *проблемы реанимирования* и связанные с ним проблемы трансплантации органов и тканей;

– *проблема предвидения* и предотвращения негативных последствий медико-биологических и генетических исследований и экспериментов на человеке;

– *этические проблемы применения инновационных технологий*, в частности нанотехнологий и наноматериалов в биомедицине; определение меры ответственности и степени риска исследователя, клинициста, испытуемого и общества.

Нравственно-правовые проблемы искусственного оплодотворения и прерывания беременности и проблема эвтаназии уже рассмотрены нами как проявление проблемы ценности жизни и закономерности смерти. Но кроме проблемы *ценности* жизни и смерти, важна и значима проблема *границы* между ними. Сегодня врачи и человечество столкнулись с тем, что предметом медицины становятся не только болезнь и здоровье, но и *процесс умирания*. Коренную ломку установившихся понятий, пересмотр традиционных критериев смерти, что, в свою очередь привело к появлению новых этических, философских, правовых проблем, связанных с «*пограничными ситуациями*»

жизни человека, вызвала *реанимационная практика*. Так, знаменитый «казус Кливлен» (США), связанный с необходимостью решения вопроса о сохранении или прекращении жизни молодой американки, на протяжении многих лет пребывавшей в состоянии клинической смерти, связанной со смертью мозга, заставил не только медиков, но и этиков, философов, юристов обсуждать ряд непростых проблем?

– как относиться к феномену «вегетативного существования»: это жизнь или нет?

– что следует предпринимать в этой ситуации – поддерживать это существование или прекращать его на основании Гарвардского критерия смерти мозга и как квалифицировать действия врачей в последнем случае?

– до каких пор разумны усилия реаниматоров по продлению жизни безнадежно больного человека или пациента в «вегетативном состоянии», в частности, если его сознание безвозвратно утеряно?

– какими этико-правовыми мерами можно решить эту задачу?

Подобные вопросы, в первую очередь – моральные, встают и при обсуждении таких проблем биоэтики, как отношение к эвтаназии, трансплантации и др. Но именно с возможностями реаниматологии связаны понятия *клиническая смерть, смерть мозга*, поставившие перед медиками и биологами новые этические, философские и правовые проблемы.

Понятие «клиническая смерть» обращает нас к обсуждению *онтологического статуса смерти*: в каком смысле следует признать ее существование? Если смерть (в строгом смысле слова) существует как *умирание*, как форма *перехода живого в мертвое*, то клиническая смерть и есть тот вид существования, где проходит граница бытия и небытия живого. Причем, учитывая специфическую особенность клинической смерти – ее принципиальную обратимость, меры реанимационной помощи направлены к тому, чтобы задержать этот переход и как можно скорее восстановить жизнедеятельность организма. Обратимость, дефицит времени, а также трагическая эмоциональность выражения «клиническая смерть» порождают *этический императив*, требующий оказания незамедлительной и максимально интенсивной помощи умирающему.

Вместе с тем, процесс реанимирования нередко возвращает человека не только к жизни, но и к страданиям, или поддерживает жизнь на таком низком уровне *качества жизни*, которое бывает невыносимым для больного. Поэтому одна из важнейших моральных проблем реаниматора – это *проблема выбора,* принятия решения о необходимости реанимирования, его продолжительности или прекращении.

С проблемами реаниматологии тесным образом связаны *моральные проблемы трансплантологии.* Одна из главных проблем здесь – *проблема донора и реципиента*. Безусловно, наиболее оптимальный и высокоморальный вариант – это добровольная жертва одного из своих органов родственником больного. Но не всегда такой вариант возможен. И тогда встает вопрос о постороннем доноре. Как известно, один из важнейших деонтологических

принципов – добровольное и сознательное согласие человека на изъятие у него органов или тканей для трансплантации. Вместе с тем по законам Беларуси, посторонний человек не может при жизни продать или подарить другому свой орган (даже парный). Значит, необходимый больному орган может быть взят только у трупа, причем, чем раньше, тем лучше. И здесь возникает серьезное этическое противоречие. Реаниматологи до последней возможности пытаются спасти жизнь умирающего человека (даже безнадежного больного), а трансплантологи в это же время с «нетерпением» (?!) ждут его смерти, так как она даст им возможность спасти жизнь своего пациента. Объективно получается именно так: чем скорее умрет один, тем большая вероятность спасти другого. Но и использование органов трупа сопряжено с серьезными моральными трудностями: от общественного мнения, консервативно выступающего против изъятия органов уже умершего для спасения жизни умирающего, до законодательно установленной в разных странах презумпции согласия («неиспрошенное согласие») или презумпции несогласия («испрошенное согласие»).

Сложные биоэтические проблемы порождаются стремительным развитием *генетики человека*, широким распространением *генетических исследований*, в частности *генетическим тестированием* (ГТ). Даже такое безобидное нововведение, как *генетическая паспортизация* требует этической экспертизы, ибо вызывает возможность вмешательства в личную жизнь граждан и *опасность генетической дискриминации* по состоянию здоровья. При этом возникает ряд конкретных открытых вопросов:

– может ли вообще геном быть критерием оценки личности?

– какова опасность того, что биогенетическое неравенство (способности, здоровье) может стать основанием социального неравенства?

– не станет ли генетическое тестирование населения основанием для классификации групп населения, их дискриминации и поводом ограничения свобод «неблагополучных» людей?

– должно ли генетическое обследование стать доступным каждому и охватывать всю популяцию?

– должно ли генетическое тестирование стать обязательным, особенно для людей, вступающих в брак или при беременности?

– может ли неблагоприятный прогноз при пренатальной генетической диагностике стать основанием для аборта?

Новые очертания при проведении ГТ обретает проблема *сохранения врачебной тайны,* поскольку объектом «этической заботы» и соблюдения принципа конфиденциальности становится не только пациент и его родственники, но даже еще не родившиеся дети. Во-первых, всегда ли следует сообщать результаты ГТ самому пациенту (например, в случае выявления предрасположенности к заболеванию, которое *обязательно проявится, но в далеком будущем*, как болезнь Альцгеймера)? Надо ли обрекать человека долгое время, до старости, жить с грузом этой информации и страхом перед будущим? Во-вторых, как быть с информацией о возможной опасности

заболевания, которое *может проявиться, но может и не проявиться* – у самого пациента или у его потомства? Это вопрос не столько о сообщении информации (пациент имеет право знать ее), сколько о ее объективности и достоверности. В-третьих, этично ли сообщать человеку об имеющейся у него предрасположенности к тому или иному заболеванию, если *медицина не может еще предотвратить его развитие*? В-четвертых, должны ли родственники знать результаты ГТ: ведь это касается и их, может нанести им определенный ущерб? Возникают и другие вопросы:

– должна ли быть субъектом информирования о результатах ГТ общественность?

– не приведет ли это к дискриминации людей по генетическим признакам: при приеме на работу, вступлении в брак, планировании потомства?

– как гарантировать и обеспечить конфиденциальность материалов ГТ?

– вправе ли человек выбирать: знать или не знать о результатах ГТ и можно ли информировать его об этом в принудительном порядке?

Еще более острые этические проблемы порождаются непосредственным *генно-инженерным вмешательством*. Сегодня становятся реальными: направленное изменение генетического материала; идентичное воспроизведение генетически запрограммированной особи (клонирование); создание химер из наследственного материала разных видов (ксенотрансплантация). При этом некоторые ученые считают, что их деятельность ни в чем не должна быть ограничена: *то, что они хотят, они также и могут делать*. Вместе с тем подлежат коммуникационным дискуссиям вопросы:

– должна ли наука ограничиться расшифровкой патологических генов или она должна пойти дальше – к поиску генов, ответственных за поведение человека?

– можно ли «улучшать» или «гармонизировать» человека и человечество, предоставляя рекомендации при вступлении в брак на основании ГТ?

– не станет ли при этом человек (генетик-исследователь, политик) «соавтором» биологической эволюции?

– должно ли государство и общество регулировать процесс генетических исследований, и если «да», то каким образом?

– не приведет ли прогресс в области генетики к возрождению евгенических концепций, направленных на увеличение воспроизводства индивидов с признаками, способствующими процветанию общества и ограничение воспроизводства лиц с отягощенной наследственностью? Не станет ли ГТ основой новой евгеники?

Необходимо продолжение активного обсуждения этических проблем *клонирования человека*. Несмотря на все опасения и страхи, *терапевтическое клонирование* органов и тканей может предоставить огромные возможности в решении важнейших задач трансплантологии, травматологии и других областей биомедицины. Так, при пересадке клонированного органа не надо будет думать о подавлении реакции отторжения и возможных последствиях в виде рака,

развившегося на фоне иммунодефицита. Клонированные органы – альтернатива для людей, попавших в автомобильные аварии или иные катастрофы; для людей, которым нужна радикальная помощь из-за заболеваний пожилого возраста (изношенное сердце, больная печень и т. д.).

Вместе с тем предполагают коммуникативное обсуждение этические вопросы, касающиеся *репродуктивного клонирования человека.* Это:

– вопросы технической и медицинской безопасности при проведении ВРТ;

– риски сокращения генетического разнообразия, повышения уязвимости к эпидемиям, снижения адаптабельности к новым условиям;

– опасность разрушения традиционных понятий семьи и воспроизводства;

– неопределенность статуса клонированного ребенка по отношению к «родителю»;

– сложности самоидентификации личности и психологического развития клона;

– опасности ущемления человеческого достоинства и уникальности личности клона.

Наибольшие опасения при репродуктивном клонировании человека связаны с *евгеникой*. Клонирование может привести к созданию людей-монстров, узкоспециализированных клонов со специальными свойствами (клоны-спортсмены с повышенными физическими возможностями, клоны-солдаты, запрограммированные убивать и т. д.). Может также возрасти опасность клонирования самого себя или своего ребенка, чтобы получить затем органы для трансплантации.

Молекулярная биология и генетика открыли возможности для манипуляций с генофондом человека на *наноуровне*. Сегодня нанотехнологии успешно применяются в медицине для молекулярной диагностики различных заболеваний; направленной доставки лекарственных препаратов и генетических конструкций в поврежденные ткани; уничтожения патологических тканевых образований и даже отдельных измененных клеток; создания и использования наноразмерных частиц различных материалов для использования в медицине (например, для создания противоопухолевых вакцин).

Вместе с тем, к чему может привести бесконтрольное и повсеместное внедрение нанотехнологий в жизнь человека? Возникают вопросы:

– что будет, если реальностью станет создание человека-солдата, человека-киллера, возможности которых будут выходить за рамки возможностей обычных людей?

– если достижения в области нанотехнологий будут использованы для создания нового типа оружия, что приведет к новому виду насилия – бионасилию?

– как скажется на экологии человека многократное увеличение таких его показателей, как скорость реакций, выносливость и др.?

– если при испытании новых лекарственных нанопрепаратов возникнут непредвиденные риски для участников испытаний и для окружающей среды?

– можно ли быть уверенными, что эффект от действия нового «нанолекарства», даже при условии сходства его химической структуры с уже утвержденным препаратом, будет полностью аналогичен последнему?

Даже самые «нейтральные» изменения, связанные с применением нанотехнологий и наноматериалов, свидетельствуют о появлении нового *наномира* и могут быть чреваты нарушениями экологии, прав человека и общества в целом. Более того, прямое вмешательство в генетический код и процессы жизнедеятельности человека с помощью нанотехнологий, возможно, ускорят *эволюцию человека* и его «*улучшение*», предполагающее перестройку его тела и разума. Их механизмы во многом схожи – это расшифровка генетического года, клеточные технологии, моделирование биохимических процессов, вживление электронных устройств, использование нанороботов… При этом уже сегодня возможно «улучшение» разума человека с помощью нанотехнологий – в рамках так называемого «приращения разума» (*intelligence augmentation*), включающего использование ноотропных средств, вживляемых электронных устройств, онлайновых инструментов для поиска, обработки и структурирования информации.

Показателен в этом отношении «Форсайт-проект “Россия-2045”: на пути к созданию человека-машины», цель которого – «увеличение продолжительности жизни человека путем создания искусственного тела человека и переноса в него сознания, обладающего опытом проживания в биологическом теле». По словам авторов, проект носит трансгуманистический характер и направлен на смену сценария общественного развития и создание новой эры – эры «неочеловечества», представляющей переход на основе нанотехнологий к космической сверхцивилизации неолюдей – «аватаров». При всем благородстве целей и «трансгуманистичности» проект, безусловно, нуждается в широком общественном обсуждении. Прежде всего: а нужен ли человечеству такой трансгуманизм? Что даст ему создание такого «человека-машины»? Вместе с тем идеология проекта насаждалась по принципу «сверху-вниз», при полном игнорировании общественного мнения, в отсутствие моральной рефлексии и этической экспертизы проекта.

Но в любом случае следует признать, что сегодня человечество стоит на пороге *наноэры*, открывая дверь в новый неизведанный наномир. Вместе с тем современное общество довольно медленно реагирует на быстро развивающиеся новые технологии. Так, до сих пор не разработаны методики оценки рисков нанотехнологий в отдаленной перспективе и методики управления рисками. В условиях глобализации велика опасность бесконтрольного доступа к продукции, произведенной с использованием нанотехнологий. Запаздывает разработка и анализ этических норм, принципов и процедур, регламентирующих их применение.

Как попытка компенсировать этот пробел зарождается сегодня *феномен наноэтики* – инновационная система моральных регулятивов разработки и применения наноматериалов и нанотехнологий, в частности, в биомедицине, генетике, экологии. В целях морально-этической оценки «открытых»

человекоразмерных проблем наноэтика призвана требовать глубокой гуманистической экспертизы различных сценариев производства и последствий использования нанотехнологий в этих сферах. Проблемы наноэтики носят глобальный характер, ибо они затрагивают вопросы безопасного существования и выживания не только человека, но и планетарной экосистемы. Основные принципы наноэтики формируются на основе принципов биоэтики и экоэтики с учетом специфики явлений наномира: предельно малого размера наночастиц и наноматериалов; ситуации крайней научной неопределенности их производства и последствий применения; высокой степени рисков, связанных с их применением.

Совершенно новой биоэтической проблемой, возникшей буквально сегодня и вызвавшей бурное обсуждение и породившей в системе общественной коммуникации резко оппозиционные мнения, стала в контексте достижений и возможностей биомедицины и генетики проблема *гендерной идентификации и трансформации*. К ним относятся, прежде всего, проблемы, связанные с *деконструкцией сексуальности (гендерная деконструкция)* и ее медико-репродуктивными и нравственно-правовыми последствиями, в частности, проблемы транссексуализма и отношения к гомосексуализму. Сюда же относятся некоторые проблемы искусственного оплодотворения – «оплодотворение в пробирке», «суррогатное материнство» и др., приводящие к разрушению традиционного понимания материнства и отцовства.

Деконструкция сексуальности имеет под собой определенные философские основания. Это, прежде всего, психоаналитическая концепция З. Фрейда, которая как бы «реабилитирует» гомосексуализм, отрицая его патологическую или извращенную природу и выдвигая учение о прирожденной человеческой бисексуальности. Обоснование проблемы можно найти и в философии экзистенциализма, в противопоставлении им сущности и существования человека. Сущность человека – это его внутреннее (иногда не осознаваемое им самим) предназначение, без реализации которого человек не может полностью состояться, «быть» (например, его гомосексуальная ориентация). Однако, подчиняясь общим установкам, он вынужден «существовать как все» (как сексуальное большинство). Несовпадение сущности и существования заставляет человека жить «чужой» жизнью и делает его несчастным. Кроме того, придавая огромное значение свободе выбора, экзистенциализм утверждает, что человек отличается именно способностью «выбирать самого себя», быть самим собой, не поступать и не думать «как все» (напр., «сексуальное большинство»), идти против течения, восставать против общепринятых норм, рискуя быть «чужим среди своих». Несмотря на эти философские обоснования, социум не готов принять их, и поэтому формирование терпимости к сексуальной деконструкции требует серьезной коммуникации на научной основе.

В самом общем виде большинство биоэтических вопросов, возникающих в сфере применения инновационных технологий и генетики человека, можно свести к двум бинарным оппозициям: (1) имеем ли мы право проводить какие-

либо генетические манипуляции, если их отдаленные последствия неизвестны? (2) имеем ли мы вообще право вмешиваться в устоявшийся порядок жизни с целью изменить его? Тем более что генные и нанобиотехнологии обладают двойственными перспективами: они несут в себе, с одной стороны, огромные научные, экономические и биомедицинские возможности, с другой – потенциальную угрозу для человека и человечества. Поэтому, с точки зрения биоэтики, следует задать вопрос: *всегда ли в области генной и биотехнологий следует делать то, что уже можно сделать?* Речь идет не о том, чтобы сказать «да» или «нет» новым технологиям, а чтобы осветить в процессе коммуникативного обсуждения положительные и отрицательные стороны возникающих проблем.

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ В МЕДИЦИНСКОЙ СРЕДЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Мясоедов Александр Михайлович
Витебский государственный медицинский университет, Витебск

Система ценностей медицинского работника формирует сознание, особое мировоззрение, придаёт направленность его деятельности, определяет потребности, интересы и развитие личности врача, выступая при этом одним из важнейших мотиваторов медицинской деятельности, т. е. ценности служат руководством при выборе профессиональных решений, поступков, выступают высшей целью врачебной деятельности.

Белорусские культурологи Л. К. Кухто, Д. А. Смолик [1] отмечают, что общественная трансформация в Беларуси сопровождается явлением, которое можно назвать деструкцией нормативности, проявляющейся в распаде традиционных общественных, культурных и этнических норм как всеобщих и обязательных правил поведения. Устаревшие нормы перестают исполнять свои основные функции регулирования, контроля, социализации и интеграции. В атмосфере аксиологического плюрализма снижение значимости моральных стандартов проявляется как в публичной, так и в личной жизни белорусов.

Анализируя создавшуюся в постсоветских странах в 90-е гг. XX ст. ситуацию, член Римского клуба доктор Клаус Штайльман подчёркивал, что присущие советскому народу *духовность, гуманизм, идейность, альтруизм* и многие другие ценности и значимые социокультурные качества неожиданно вытеснились на обочину общечеловеческого развития [3, с. 73].

В современной культуре отечественный философ М. А. Можейко [2, с. 17] выделяет тенденцию, которая может быть обозначена как *потребность в ценностях*, т. е. потребность в таких аксиологических системах, которые могли бы быть восприняты носителем современной культуры как безусловные, в силу чего обладали бы реальным потенциалом практических регулятивов поведения, критерием личностного выбора.

Как известно, медицина на современном этапе – динамическая система, что вызывает особый интерес к исследованию ее аксиосферы в процессе изменения. Актуально в связи с этим исследовать ценностные ориентации врачей относительно их профессии.

Нами было проведено добровольное анонимное анкетирование 135 врачей, работающих во всех регионах Республики Беларусь: исследуемыми группами стали молодые врачи со стажем работы до 5 лет, с опытом работы от 6 до 19 лет и со стажем работы более 20 лет.

Так, *система личностных ценностных приоритетов* у врачей со стажем работы *до 5 лет* выглядит следующим образом: 1) здоровье – коэффициент значимости 9,88; 2) счастливая семейная жизнь – коэффициент значимости 8,12; 3) любовь – 8,08; 4) интересная работа – 7,12; 5) материально обеспеченная жизнь – 6,38; 6) наличие хороших друзей – 5,77; 7) активная

деятельная жизнь – 5,62; 8) образование – 5,46; 9) общественное признание – 4,62; 10) развлечение и получение удовольствия – 3,35. Итак, врачи со стажем работы до 5 лет на *1 место ставят систему личностных ценностей* (1–3 место), *профессиональные ценности* занимают второстепенное значение (работа – 4 место, а образование – 8), далее расположились ценности *общественной работы и активной деятельности* (7 и 9 место) и замыкают систему приоритетов *гедонистические ценности* (10 место).

У врачей со стажем работы *6–19 лет* система ценностных приоритетов представлена следующим образом: 1) здоровье – коэффициент значимости 9,41; 2) счастливая семейная жизнь – коэффициент значимости 9,08; 3) материально обеспеченная жизнь – 7,05; 4) любовь – 6,95; 5) образование – 6,49; 6) интересная работа – 6,35; 7) активная деятельная жизнь – 6,0; 8) наличие хороших друзей – 5,73; 9) общественное признание – 4,54; 10) развлечение и получение удовольствий – 3,92. Итак, врачи со стажем работы от 6 до 19 лет на первое *место ставят систему личностных ценностей* (здоровье, счастливая семейная жизнь, материально обеспеченная жизнь и любовь – соответственно 1–4 место), второе место принадлежит *профессиональным ценностям* (образование и работа занимают 5 и 6 место), третье место отводится ценностям *общественной работы и активной деятельности* (7 и 9 место) и на четвёртом месте расположилась *система гедонистических ценностей* (10 место).

У врачей со стажем работы *более 20 лет* система ценностных приоритетов выстроилась следующим образом: 1) здоровье – коэффициент значимости 9,26; 2) счастливая семейная жизнь – коэффициент значимости 8,76; 3) материально обеспеченная жизнь – 6,83; 4) любовь – 6,73; 5) интересная работа – 6,42; 6) образование – 6,03; 7) активная деятельная жизнь – 5,82; 8) наличие хороших друзей – 5,67; 9) общественное признание – 4,15; 10) развлечение и получение удовольствия – 3,42. Итак, врачи со стажем работы более 20 лет на первое место ставят *систему личностных ценностей* (здоровье, счастливая семейная жизнь, материально обеспеченная жизнь и любовь – соответственно 1–4 место), на втором месте находятся *профессиональные ценности* (образование и работа занимают 5 и 6 место), третье место принадлежит *ценностям общественной работы и активной деятельности* (7 и 9 место) и на четвёртом месте расположилась *система гедонистических ценностей* (10 место).

Таким образом, в результате социологического исследования аксиосферы врачей мы получили следующие результаты: I место в системе ценностей у врачей занимают *личностные ценности*, такие как *здоровье, счастливая семейная жизнь, любовь, материально обеспеченная жизнь*; II место – *профессиональные ценности* (интересная работа, образование); на III месте находится *система общественных приоритетов* и ценностных ориентиров, таких как *активная деятельная жизнь и общественное признание*; IV место врачи отвели *гедонистическим ценностям* (развлечения и получение удовольствия).

Мы исследовали также, *какие компоненты профессиональной врачебной деятельности* должны быть присущи врачу на современном этапе.

Врачи со стажем работы *до 5 лет* в порядке ранжирования по степени значимости выделили следующие важные составляющие компоненты врачебной деятельности: 1) профессиональная компетентность – коэффициент значимости – 15,55; 2) клиническое мышление – коэффициент значимости – 15,1; 3) призвание, предрасположенность к врачеванию – 14,11; 4) психологическая компетентность – 11,19; 5) наличие нравственной культуры – 10,5; 6) гуманистические ценности – 10,2; 7) соблюдение профессиональных традиций в сочетании с требованиями современной биоэтики – 10,1; 8) коммуникативная культура – 9,35; 9) развитая общая культура – 9,2; 10) культура здорового образа жизни – 9,1; 11) информационная культура (умение находить информацию, возможность работать с современными техническими средствами в учебном и лечебном процессе) – 8,89; 12) правовая компетентность – 8,7; 13) экономическая культура – 8,3; 14) эстетическая культура – 8,19; 15) культура организации труда (оптимизация профессионального процесса) – 7,97; 16) культура научно-исследовательской деятельности – 7,54; 17) способность к педагогической деятельности – 7,27; 18) религиозная культура (уважение чувств верующих) – 6,57.

Врачи со стажем работы *от 6 до 19 лет* выделили следующие важные составляющие компоненты врачебной деятельности: 1) профессиональная компетентность – коэффициент значимости – 15,95; 2) клиническое мышление – коэффициент значимости – 15,38; 3) призвание, предрасположенность к врачеванию – 15,11; 4) наличие нравственной культуры и психологической компетентности – по 11,19; 5) культура здорового образа жизни – 10,78; 6) соблюдение профессиональных традиций в сочетании с требованиями современной биоэтики – 10,62; 7) гуманистические ценности – 10,59; 8) коммуникативная культура – 10,35; 9) способность к педагогической деятельности – 10,27; 10) развитая общая культура – 10,14; 11) правовая компетентность – 10,11; 12) культура организации труда (оптимизация профессионального процесса) – 9,97; 13) информационная культура (умение находить информацию, возможность работать с современными техническими средствами в учебном и лечебном процессе) – 9,89; 14) экономическая культура – 9,08; 15) культура научно-исследовательской деятельности – 8,84; 16) эстетическая культура – 8,19; 17) религиозная культура (уважение чувств верующих) – 7,7.

Врачи со стажем работы *более 20 лет* выделили следующие важные компоненты врачебной деятельности: 1) профессиональная компетентность – коэффициент значимости – 16,09; 2) клиническое мышление – коэффициент значимости – 15,83; 3) призвание, предрасположенность к врачеванию – 14,94; 4) психологическая компетентность – 12,02; 5) наличие нравственной культуры – 11,29; 6) соблюдение профессиональных традиций в сочетании с требованиями современной биоэтики – 11,05; 7) развитая общая культура – 10,77; 8) гуманистические ценности – 10,68; 9) способность к педагогической

деятельности – 10,58; 10) коммуникативная культура – 10,35; 11) правовая компетентность – 10,21; 12) культура здорового образа жизни и культура организации труда (оптимизация профессионального процесса) – 10,12; 13) информационная культура (умение находить информацию, возможность работать с современными техническими средствами в учебном и лечебном процессе) – 9,64; 14) экономическая культура – 9,27; 15) культура научно-исследовательской деятельности – 8,5; 16) эстетическая культура – 8,38; 17) религиозная культура (уважение чувств верующих) – 8,26.

Таким образом, на современном этапе *важными компонентами врачебной деятельности, по мнению врачей,* являются: *клиническое мышление, профессиональная компетентность, призвание, предрасположенность к врачеванию, психологическая компетентность, наличие нравственной культуры, гуманистических ценностей, соблюдение профессиональных традиций в сочетании с требованиями современной биоэтики, развитая общая культура, коммуникативная культура, способность к педагогической деятельности*.

Об необходимости и важности в современной медицине нравственной культуры высказались абсолютно все врачи: 96,5% со стажем до 5 лет, 97% со стажем работы от 6 до 19 лет и 98% со стажем более 20 лет.

Кроме того, мы изучили мнение врачей о том, какие профессиональные качества должны быть присущи врачам.

По мнению врачей со стажем работы до 5 лет, наиболее важными *качествами* в профессиональной деятельности врача являются: 1) профессиональная компетентность – коэффициент значимости – 18,77; 2) увлеченность своей профессией – коэффициент значимости – 17,5; 3) уважение к пациенту и способность сострадать ему – 17,27; 4) чувство ответственности – 17,12; 5) исполнительность, обязательность – 16,62; 6) соблюдение норм и принципов деонтологии и биомедицинской этики – 15,38; 7) профессиональная наблюдательность и интуиция – 15,0; 8) хорошая память – 14,15; 9) самоотверженность, готовность к самопожертвованию – 13,38; 10) профессиональное мужество и решительность – 13,35; 11) сила воли, настойчивость в достижении цели – 12,88; 12) трудолюбие, и умение организовать свой труд – 12,46; 13) – законопослушность – 12,23; 14) коммуникативная компетентность – 12,04; 15) коллегиальность – 11,62; 16) толерантность и терпимость – 11,42; 17) правдивость – 11,15; 18) оптимизм – 10,54; 19) развитая врачебная рефлексия, самокритичность и нетерпимость к халатности и недобросовестности коллег – по 9,62; 20) другие качества – 2,38.

Врачи со стажем работы *от 6 до 19 лет* наиболее важными *качествами* в профессиональной деятельности врача считают: 1) профессиональную компетентность – коэффициент значимости – 18,0; 2) увлеченность своей профессией – коэффициент значимости – 17,59; 3) чувство ответственности – 16,38; 4) уважение к пациенту и способность сострадать ему – 14,89; 5) самоотверженность, готовность к самопожертвованию – 13,14;

6) коллегиальность – 12,84; 7) трудолюбие, и умение организовать свой труд – 12,7; 8) исполнительность, обязательность – 11,92; 9) соблюдение норм и принципов деонтологии и биомедицинской этики – 11,81; 10) профессиональная наблюдательность и интуиция – 11,51; 11) профессиональное мужество и решительность – 11,49; 12) хорошая память – 10,57; 13) – законопослушность – 10,46; 14) толерантность и терпимость – 10,41; 15) развитая врачебная рефлексия, самокритичность – 10,24; 16) нетерпимость к халатности и недобросовестности коллег – 10,19; 17) правдивость – 10,11; 18) коммуникативная компетентность – 9,95; 19) оптимизм – 9,16; 20) сила воли, настойчивость в достижении цели – 8,7.

Врачи с опытом работы *20 и более лет* главными личностными *качествами* в профессиональной деятельности врача считают: 1) увлеченность своей профессией – коэффициент значимости – 17,44; 2) профессиональную компетентность – коэффициент значимости – 17,14; 3) чувство ответственности – 17,08; 4) уважение к пациенту и способность сострадать ему – 15,77; 5) самоотверженность, готовность к самопожертвованию – 12,94; 6) коллегиальность – 12,09; 7) трудолюбие, и умение организовать свой труд – 11,86; 8) профессиональное мужество и решительность – 11,53; 9) исполнительность, обязательность – 11,44; 10) соблюдение норм и принципов деонтологии и биомедицинской этики – 11,17; 11) профессиональная наблюдательность и интуиция – 10,74; 12) хорошая память – 10,33; 13) толерантность и терпимость – 10,3; 14) нетерпимость к халатности и недобросовестности коллег – 10,03; 15) правдивость – 9,95; 16) развитая врачебная рефлексия, самокритичность – 9,92; 17) законопослушность –9,8; 18) оптимизм – 9,02; 19) коммуникативная компетентность и сила воли, настойчивость в достижении цели по 8,7.

Итак, *важными качествами в профессиональной деятельности врачи считают: увлеченность профессией, профессиональную компетентность, чувство ответственности, уважение к пациенту и способность сострадать ему, самоотверженность, готовность к самопожертвованию, коллегиальность, трудолюбие и умение организовать свой труд, исполнительность, обязательность, соблюдение норм и принципов деонтологии и биомедицинской этики*.

Далее мы изучили *досуговые предпочтения врачей*.

Врачи со стажем работы *до 5 лет* проводят свое свободное время следующим образом: 1) читают художественную литературу, самообразовываются и повышают свою профессиональную компетенцию – коэффициент значимости по 80,77; 2) встречаются с друзьями – 76,92; 3) посвящают время семье (любимому человеку) – 69,23; 4) проводят время в сети «Интернет» с целью получения полезной познавательной информации – 61,54; 5) посещают концерты, театры, кинозалы и занимаются спортом – по 53,85; 6) подрабатывают с целью улучшить материальное положение и проводят время в сети «Интернет» с целью общения в чатах, получении развлекательной информации – по 30,77; 7) проявляют интерес к

художественной самодеятельности – 19,23; 8) занимаются общественно-полезным трудом и посещают дискотеки, ночные клубы – по 15,38; 9) играют в интеллектуальные игры «КВН», «Что? Где? Когда?» и т.п. – 3,85.

Основные досуговые приоритеты врачей со стажем работы от 6 до 19 лет при проведении свободного времени следующие: 1) читают художественную литературу – коэффициент значимости – 76; 2) самообразовываются, повышают свою профессиональную компетенцию и посвящают время семье (любимому человеку) – коэффициент значимости по 73; 3) встречаются с друзьями – 68; 4) посещают концерты, театры, кинозалы и проводят время в сети «Интернет» с целью получения полезной познавательной информации – по 53,85; 5) занимаются спортом – 46; 6) подрабатывают с целью улучшить материальное положение и проводят время в сети «Интернет» с целью общения в чатах, получении развлекательной информации – по 27; 7) занимаются общественно-полезным трудом – 22; 8) играют в электронные компьютерные игры – 19; 9) проявляют интерес к художественной самодеятельности и посещают дискотеки, ночные клубы – по 11; 10) играют в интеллектуальные игры «КВН», «Что? Где? Когда?» и увлекаются азартными играми (спортивный тотализатор, казино и т. п.) – по 5.

Основными досуговыми ценностями при проведении свободного времени у врачей со стажем работы 20 и более лет являются: 1) читают художественную литературу – коэффициент значимости – 79; 2) самообразовываются, повышают свою профессиональную компетенцию – коэффициент значимости – 73; 3) встречаются с друзьями – 70; 4) посвящают время семье (любимому человеку) – коэффициент значимости 67; 5) посещают концерты, театры, кинозалы – 64; 6) проводят время в сети «Интернет» с целью получения полезной познавательной информации – 62; 7) занимаются спортом – 39; 8) проводят время в сети «Интернет» с целью общения в чатах, получении развлекательной информации – 30; 9) занимаются общественно-полезным трудом – 27; 10) подрабатывают с целью улучшить материальное положение – 26; 11) играют в электронные компьютерные игры – 18; 12) проявляют интерес к художественной самодеятельности – 11; 13) посещают дискотеки, ночные клубы – 8; 14) играют в интеллектуальные игры «КВН», «Что? Где? Когда?» – 5; 15) увлекаются азартными играми (спортивный тотализатор, казино и т. п.) – 5.

Итак, сегодня основными досуговыми предпочтениями врачей являются: *чтение художественной литературы и самообразование, повышение профессиональной компетенции, встречи с друзьями, проведение свободного времени в семейном кругу, посещение концертов, театров, кинозалов, занятие спортом, получения полезной познавательной информации в сети «Интернет», подработки с целью улучшить материальное благосостояние, проведение времени в сети «Интернет» с целью общения в чатах, получении развлекательной информации, проявление интереса к художественной самодеятельности, занятие общественно-полезным трудом.*

Таким образом, данное исследование, с одной стороны, позволило выявить основные ценности врачей, систематизировать и конкретизировать представления об актуальных профессионально важных качествах личности врача и необходимых профессиональных компонентах. Результаты проведенного нами социологического исследования показывают, что в современных условиях у врачей существует необходимость развития большей мотивации к профессиональной деятельности.

Среди врачей сегодня наблюдается вытеснение высших духовных ценностей утилитарными ценностными ориентациями. По нашему мнению, должна существовать мера деформации ценностного поля профессиональной субкультуры врача, превышение которой элиминирует профессиональную специфику медицинской деятельности. В связи с этим проблема повышения профессиональной мотивации и формирования гуманистических ценностей у врачей весьма актуальна.

Список литературы

1. *Кухто, Л. К.* Социально-культурная деструкция полесского топоса в постчернобыльский период / Л. К. Кухто, Д. А. Смолик // Прыроднае асяроддзе Палесся: сучасны стан і яго змены: польска-украінска-беларуская міжнар. навук. канф., Люблін-Шацк-Брэст, 17–21 чэрв. 2002 г.: матэрыялы канф.: у 2 ч. / Нац. акадэмія навук Беларусі, Брэсцкі аблвыканкам, Аддзел праблем Нац. акадэміі навук Беларусі. – Брэст: Выд. С. Б. Лауроў, 2002. – Ч. 2. – С. 569–572.

2. *Можейко, М. А*. Духовные ценности в контексте современной культуры постмодерна / М. А. Можейко // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта культуры і мастацтваў. – 2005. – № 4. – С. 9–18.

3. *Мюллер, К.* Смена парадигм посткоммунистической трансформации / К. Мюллер, А. Пикель // Социс. – 2002. – № 10. – С. 67–82.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН МОДИФИКАЦИЙ ТЕЛА

Подгайская Людмила Ивановна
Белорусский государственный
экономический университет, Минск

Функционирование современного общества характеризуется активным включением человеческого тела в рыночные отношения. Другими словами, тело человека преобразуется в объект коммерции. Тело становится условием успешности человека в профессиональном и социальном измерении. Поэтому сегодня быстрыми темпами развиваются телесно ориентированные способы совершенствования и моделирования тела. Если под собственно телом человека понимается природная данность, то телесность – преобразованная данность под воздействием социальной необходимости, результат культурного конструирования. Свойства телесности предопределены социальными потребностями. На протяжении эпох проблемы, связанные с телом человека и телесностью, рассматривались преимущественно с естественнонаучной точки зрения. В отличие от естественнонаучного знания, социологическая наука стремится рассмотреть не только состав и функции того или иного феномена, но и проанализировать его содержание, а главное, сущность ценностного наполнения. Изменения в культуре, обусловленные коммерческим и потребительским расположением к телу человека, развитие высоких технологий в сфере генетики и медицины порождают сложные моральные и правовые вопросы о его статусе. Следовательно, актуализируются вопросы психотелесного здоровья человека и вопросы повышения качества жизни путем конструирования телесности, красоты и культуры тела. Сегодня в центре внимания социологов анализ таких проявлений человека, как имидж и визуальные характеристики. Это связано с изменениями смысложизненных ориентиров молодежи. Построение телесного образа происходит за счет отдельных фрагментов – разнообразных проявлений телесного осознания в различных жизненных ситуациях, в том числе и посредством модификаций тела.

Модификации тела всегда имели большое распространение в обществе, встречались во всех культурах, как примитивных, так и современных. В прошлом телесные модификации служили совсем другим целям, нежели в современном мире. В первую очередь, они использовались для социальной идентификации, в качестве оберегов, а также для социальной дифференциации в криминальном мире. Подход к выбору модификаций был чрезвычайно серьезным, что в наше время является не принципиальным. Сегодня близкими к традиционным мотивам нанесению татуировок остаются, пожалуй, лишь представители преступного мира и культурно отсталые племена, где с помощью модификаций определяется социальный статус носителя.

В современной культуре в среде мегаполисов практики воздействия на тело становятся своеобразным компенсаторным феноменом, обозначающим свободу человека и его противостояние гиперрациональной рутине бытия и стратифицированным поведенческим клише. Телесные модификации дают человеку возможность подчеркнуть свое «я», отразить на своем теле внутреннее состояние и мироощущение. В последнее время трудно не заметить, что феномен модификаций тела стал массовым и фактически не имеет отношения к ритуалам или субкультурам, а скорее является модной тенденцией и элементом эстетического украшения тела.

Социологи отмечают, что в контексте современных тенденций моды конструируется определенная система представлений о модификациях тела как о способах преодоления установленных «рамок», в связи с чем происходит раскрытие новых измерений духовности [1, с. 43]. Модификации тела позиционируются как некие изысканные способы личностного роста для избранных. Многие виды украшений тела были заимствованы из различных культур. Наиболее распространенными видами модификаций тела сегодня являются пирсинг, татуировка, тоннелирование, шрамирование, раздвоение языка, моделирование «эльфийских ушей» [2, с. 23].

Повышенный интерес общества к телесным модификациям как экстравагантным тенденциям современной моды связан с воздействием массмедиа, так как тело становится объектом пристального внимания, которое можно привлечь благодаря таким нестандартным украшениям. Иногда модификации тела служат в качестве формы выражения протеста у субкультур, а также у отдельных индивидов, когда модификации превращаются в язык, понимание которого доступно лишь избранным. Другими словами, татуировки, пирсинг и другие модификации тела выполняют социальную функцию выражения идеологического содержания взглядов. Популяризации различных вариантов модификации тела и все более широкому распространению данного явления способствует как происходящая демократизация общества, так и появление новых технических и медицинских возможностей для осуществления данных модификаций. Разработка техники современных пластических операций и других возможностей косметологии привела к появлению большого числа людей, стремящихся к проведению повторных косметических операций. Доступность и относительная безболезненность хирургической техники с использованием анестезиологических возможностей способствуют более широкому использованию данной техники для модификации тела [4, с. 149].

Сегодня в Республике Беларусь существуют прошедшие государственную регистрацию салоны и специализированные учреждения, которые предлагают услуги тату и пирсинга. Однако белорусские салоны предоставляют лишь базовый перечень наиболее востребованных процедур. Что касается иных модификаций тела, наиболее модных и экзотических, разрекламированных в интернет-пространстве, то услуги по выполнению данных процедур зарегистрированными организациями практически не оказываются. И многие

молодые люди делают их либо самостоятельно (например, растяжка тоннелей), либо обращаются к «кустарным» умельцам, не несущим никакой ответственности ни за результат, ни за последствия, что представляет угрозу для здоровья. Это требует пристального научного изучения, особенно в исследованиях по биоэтике, где обсуждается проблема законодательного урегулирования разрешений на модификации тела, влекущие за собой тяжкие необратимые телесные повреждения (например, ампутации без медицинских показаний).

Таким образом, сегодня необходимы социологические исследования мотивации подобного рода поведения молодежи, выявление причин и факторов популярности бодимодификаций, изучение процедур осуществления молодежью модификаций тела.

Список литературы

1. *Ворошилин, С. И.* Самоповреждения и влечения к модификации тела как парциальные нарушения инстинкта самосохранения / С. И. Ворошилин / Суицидология. – 2012. – № 4. – С. 40–61.

2. *Медникова, М. Б.* Неизгладимые знаки: татуировка как исторический источник / М. Б. Медникова. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 216 с.

3. *Раш, Дж. Э.* История культуры татуировок, пирсинга, скарификации, клеймения и вживления имплантатов / Дж. Э. Раш. – СПб.: Весь, 2011. – 192 с.

4. Социально-гуманитарное знание: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции с междунар. участием. – Мурманск: Информрегистр, 2012. – 433 с.

ПРИНЦИПЫ БИОЭТИКИ В ЦЕННОСТНЫХ ИЗМЕРЕНИЯХ ОБЩЕСТВА РИСКА

Рогожа Мария Михайловна
Киевский национальный университет
им. Тараса Шевченко, Киев

Характерной чертой технологической эпохи стали риски. Этот очевидный сегодня факт был подмечен более четверти века назад немецким социологом Ульрихом Беком [3]. Он склонен называть современный мир «обществом риска», поскольку риски порождены самой технологией. В самом широком значении риски – это вероятность опасных событий. Опасные для жизни, здоровья и благополучия человека события происходили с начала человеческой цивилизации, но, как отмечает Бек, в доиндустриальном мире они воспринимались как случайности и списывались на волю Бога. Риски отличаются от случайностей именно техногенностью – они появляются в процессе становления и развития индустриальной цивилизации. Прогнозируемость побочного эффекта развития в эпоху технологий определяет необходимость учитывать их при принятии решений. В то же время, на современном этапе развития технологий мы все чаще становимся свидетелями неконтролируемости последствий техногенных факторов. Уровень техногенных случайностей и интенсивность их появления и проявлений вынуждают научное сообщество и общественность обсуждать актуальные риски для того, чтобы учитывать их в принятии решений и адекватно реагировать на появление техногенных случайностей.

В области биомедицинских исследований с участием человека впервые риски были озвучены в ходе Нюрнбергского процесса, когда мировая общественность узнала о преступлениях нацистской медицины. Подвергнутые публичному осуждению ценностные основания нацистских медицинских экспериментов должны были уйти в прошлое уже в 1947 г., после принятия Нюрнбергского кодекса, этических правил проведения медико-биологических экспериментов на людях. Тогда были заложены основные этические принципы отрасли: добровольное согласие испытуемого; общественная польза, недостижимая иными способами исследования; риск для испытуемого меньший, чем гуманитарная ценность эксперимента [2].

Чем острее цивилизация осознавала опасности, грозящие человеческой природе со стороны науки и технологий в области медицины, тем активнее проходили в ней процессы институциализации этических ценностей. В 1948 г. Всемирная медицинская ассоциация приняла Женевскую декларацию, так называемую клятву врачей, и в последующие годы – десятки других этико-нормативных документов, регулирующих медицинскую практику, среди которых особо выделяется Хельсинкская декларация (1964 г.), в которой определены принципы проведения медицинских исследований с участием людей в качестве субъектов исследования.

Вехой на пути этического регулирования биомедицинских исследований с участием людей стала Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека (2005 г.), в которой зафиксированы универсальные этические принципы биоэтики. Отметим те, которые прямо выходят на рассматриваемую проблематику: уважение человеческого достоинства, уважение автономии человека, неприкосновенность частной жизни, равенство, справедливость, равноправие, уважение уязвимости человека, принцип блага и непричинение вреда, солидарность и сотрудничество [3]. Регулятивными идеями Декларации стали информированное согласие и информированный выбор.

Однако разработка и совершенствование этико-нормативных документов и внедрение действенной этической инфраструктуры в области биомедицинских исследований с участием людей совсем не означает решение этих этических проблем. С одной стороны, нужно отметить, что после Нюрнбергского процесса европейские государства запрещают ряд биомедицинских исследований, прежде всего, генетических. Самые суровые запреты законодательно внедрены в Австрии и Германии. Озабоченность правительств злоупотреблениями в области биомедицинских исследований в ряде стран привела к перемещению исследований из государственного сектора в частный, где корпорации с готовностью предоставляют ученым необходимое финансирование. Изменение источника финансирования существенно усложняет проблему, поскольку правительственный надзор и общественный мониторинг становятся фактически невозможными. В то же время ряд стран, преимущественно восточных, не ощутивших прямого воздействия послевоенного ценностного переворота после Второй мировой войны, сегодня проводит неоднозначную социальную политику в области биомедицинских исследований, продвигает евгенические социальные программы.

В таких условиях и обстоятельствах велико искушение отказаться от попыток этического регулирования отрасли и отдать ее в ведение исключительно правовых и политических инструментов. Но представляется, что при этом не учитывается «мягкая сила» этики, которая способна воздействовать путем формирования мотивации поступать правильно / добродетельно / этично. Мотивация может быть сначала внешней, действовать на человека через страх наказания, а потом и внутренней – путем морального воспитания ориентировать его на сознательное принятие моральных принципов.

Распространение рисков и техногенных случайностей в современном мире и их нынешняя обыденность не уменьшают обеспокоенность по поводу неконтролируемости последствий техногенных воздействий на человека. Политические, экономические, социальные инструменты воздействия на них не преуменьшают необходимость задействовать также и этические инструменты. Принципы биоэтики, вмонтированные в этическую инфраструктуру, потенциально способны направить человека на путь добродетели посредством правильно активированной моральной мотивации.

Список литературы

1. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека. – Режим доступа: http: //www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/bioethics_and_hr.pdf. – Дата доступа: 30.11.2017.

2. Нюрнбергский кодекс. – Режим доступа: http://www.psychepravo.ru/law/int/ nyurnbergskij-kodeks.htm. – Дата доступа: 30.11.2017.

3. *Beck, U.* From Industrial Society to the Risk Society: Questions of Survival, Social Structure and Ecological Environment / U. Beck // Theory Culture Society. – 1992. – № 9. – P. 97–123.

ИДЕЯ ОПТИМЕНА: ДИЛЕММА ТРАНСГУМАНИЗМА И ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА

Сидоренко Ирина Николаевна
Белорусский государственный университет,
Минск

Переживаемый сегодня «антропологический кризис» свидетельствует о девальвации гуманистического потенциала современной культуры. Ситуация «смерти человека», провозглашенная постмодерном, чревата не только «смертью бога», но и угрозой для существования природного и культурного миров. Концентрируя в себе все связи бытия, индивид, утративший собственную человечность, легко всем пожертвует. В качестве основных характеристик антропологического кризиса можно назвать следующие: потеря доверия к будущему, выражающаяся в конкуренции моделей будущего; разбожествление мира как утрата незыблемых законов; всеобщее нивелирование и победа «одномерного» человека; все возрастающая зависимость человека от машины; «кибернетизация» тела человека; развитие возможностей информационного и технологического управления сознанием человека; создание искусственных потребностей; эскалация насилия и т. д. В целом, сложившуюся ситуацию правомерно определить как торжество деструктивной природы человека.

Проблематика «антропологического кризиса» находит отражение не только в акцентировании проблемы «раздвоенности» человеческой природы, но и дихотомии подлинного и неподлинного существования: проблема отчужденности подлинного существования проявляется в бессилии перед «духом мстительности», зависти и злобности в «забвении бытия» и истории; невозможности осуществления экзистенции в проекции фактичности в механизации мира потери чувства дома и смысла существования в неподлинной коммуникации.

Антропологический кризис проявил не только экзистенциальные, но и биосоциальные проблемы существования человека и сохранения его биологических основ. В этом контексте доминирует идея о возможности целенаправленного вмешательства в генетику человека и создания оптимена, или сверхчеловека. Концепт «оптимен» подразумевает попытку гармонизации человеческих задатков, а не замену природной данности чем-то иным. «Контроль над эволюцией» в такой транскрипции предполагает сознательную работу многих поколений по созданию оптимена. Однако технократические установки современного общества демаркируют этот смысл, делая акцент на том, что природа индивида определяется не столько естественными возможностями организма, сколько технологическими достижениями современной цивилизации, позволяющими преодолеть природные барьеры. Амбивалентный характер идеи оптимена соответствующим образом конституирует и поиск новых смыслов в представлениях о человеческой

природе. Дискуссии по вопросу о границах допустимого вмешательства в природу человека и контроле над эволюцией разворачиваются в пространстве идей экзистенциализма и трансгуманизма.

В философии немецкого экзистенциализма (Карл Ясперс, Мартин Хайдеггер) акцентируется идея о незавершенности бытия человека, его проективности, открытости. Достичь полноты и подлинности существования возможно только через самопреодоление, самопроектирование себя из отчужденности. Согласно мысли Ясперса, экзистенция, как тип существования, относится не к «миру», а к трансценденции. Отчуждение от трансценденции лишает человека как подлинного существования, так и подлинного общения. Экзистенция не может быть опредмечена, но осознание ее как особого рода реальности возможно в сообщении с другой экзистенцией. В пограничной ситуации человек осознает собственную конечность, историчность, тем самым совершая «прыжок» из мира повседневности. Только пережив конечность существования, человек может увидеть связь с трансцендентным. Экзистенция выступает как отчаяние. Казалось бы, трансценденция обеспечивает изначальную устойчивость человеческой экзистенции. Однако Ясперс, напротив, заострил проблему противоречивости экзистенциальной целостности. Из всего живого лишь человек знает о своей конечности. В качестве незавершенности его конечность становится для него большим испытанием чем то, что открывается в простом познании конечного. В человеке заключена потерянность, из которой вырастают задача и возможность: он обнаруживает, что находится в отчаянном положении, но так, что ему предъявляется настойчивое требование возвыситься посредством свободы.

Хайдеггер также проблематизировал подлинное существование человека (*Dasein*). Описывая феноменальное различие между страхом и боязнью, он определил первый как пребывание перед абсолютным Ничто, перед полной утратой ориентации и опоры, перед тотальным концом всех возможностей. Страх ставит перед *Dasein* вопрос о целостности его бытия, раскрывая смерть как его собственную возможность быть самостью. Смерть является потенциальной угрозой сделать все возможности неосуществимыми. Как отмечал Хайдеггер, смерть как возможность перекрывает пути самореализации. Так, осознание смерти, суетности любого проекта обосновывает историчность экзистенции, неполноту каждого из ее моментов, отчужденность человека. Отчуждение правомерно трактовать как «неподлинное» понимание бытия, как «неподлинное» существование. Средство преодоления отчуждения заключается во временности и историчности, так как подлинное существование – это бытие-к-смерти, поскольку только перед лицом смерти человек может стать свободным, т. е. может распознать и выбрать среди возможностей такие, которые окажутся недостижимыми для смерти. В повседневном существовании *Dasein* разбито на экзистенциальные фрагменты, поэтому обретение целостности для него выступает как собственная смерть. Согласно мысли Хайдеггера, такое существование в «бытии-к-смерти» выделяет *Dasein* из безопасной анонимности пребывания среди «людей» (*das Man*). Обыденное

знание о смерти несоотносимо с *Dasein*, так как в повседневности смерть предстает косвенно, как смерть «другого». В неподлинном существовании смерть как событие, как чистая возможность перед лицом своей конечности быть самим собой полностью исключается, происходит избегание смерти как факта существования.

«Страх» и «бытие-к-смерти» лишь указывают на бытие *Dasein* как на целостность. Осознав всю тотальность отчуждения и самоотчуждения, человек решается на выбор возможности. Эта «решимость» задается не через временность, а через историчность, так как временность выражает только конечность, под историчностью же понимается протяженность существования от рождения до смерти, жизнь как история, на которую надо решиться. Страх указал на экзистенциально-онтологическую целостность *Dasein*, выражением которой у Хайдеггера становится «забота» (*Sorge*). Вместе с тем «забота» обозначает взаимную отнесенность смысла бытия и темпоральных структур экзистенции. Она неразрывно связана с конечностью *Dasein*, его историчностью: временная структура «заботы» есть структура бытия-в-мире [2, с. 329]. Так как, по мысли Хайдеггера, смысл бытия равен пониманию бытия, т. е. самопроектированию *Dasein*, то «забота» выражает целостность бытия *Dasein*. Возможность *Dasein* стать собой образует у Хайдеггера временной феномен «будущего» как «наступление» для самого себя. Решимость и предвосхищение смерти делают *Dasein* творящим будущее, исходя из своих возможностей. Становление собой в модусе будущего показывает, что *Dasein* уже «стало» кем-то, что оно уже фактично, а значит исторично. Однако прошлое всякий раз возвращается в будущее. Историчность как раз и образует временной феномен прошлого, возникающий из горизонта будущего. Такое единство времени есть конкретность *Dasein*. Только будучи историчным, владеющим собственным временем, человек может преодолеть насилие в форме самоотчуждения, отчуждения от других. *Dasein* не имеет конца, где оно просто прекращается, но экзистирует конечно. *Dasein*, пока оно есть, предстает вместе с тем и как собственное «еще-не», его «конец» стоит перед человеком в его собственном бытии.

В отличие от представителей экзистенциализма, трансгуманисты (Саймон Янг, Ник Бостром, Рэймонд Курцвейл и др.), отмечая проективность человеческой природы, радикализируют идею модификации природы антропологической и отстаивают идею свободы в использовании новых технологий в целях совершенствования человеческого интеллекта, способностей к контролю эмоций и т. п. [1]. При этом не акцентируется внимание на проблемах дегуманизации человека, на повышении риска эволюционной ошибки. Трансгуманисты пересмотрели содержание понятия «наследственность», сделав вывод о том, что информация, в том числе и генетическая, может быть связана с любым материальным носителем (например, с «химерой» – результатом межвидового смешения или соединения искусственного и естественного). Выступая под гуманистическим лозунгом «все – человеку, и все – для человека», представители трансгуманизма

отстаивают идею полной свободы в использовании новых технологий в целях совершенствования человеческого интеллекта, способностей к контролю эмоций, изменения генетических параметров и физических возможностей человека. При этом горизонт трансформаций определяется возможностью или невозможностью репродуктивного «союза» с немодифицированными индивидами без учета многократно увеличивающегося риска эволюционной ошибки.

Для трансгуманизма улучшение человека посредством его выхода за пределы способа существования с помощью системы искусственного интеллекта становится целью, достигаемой посредством новых технологий. В силу этого, человеческое достоинство отождествляется со способностью к самотрансформации, в первую очередь на биологическом уровне, и оказывается не связанным с представлениями о самоценности человека. Следовательно, предлагаемое трансгуманизмом постгуманистическое усовершенствование человека фактически не затрагивает таких качеств как симпатия, забота, временность, свобода и т. д. Парадоксальность этого подхода заключается в том, что освобождая индивида от природной зависимости, трансгуманисты не принимают в расчет наличие более жесткого ограничения: зависимости от развития технологий, технического контроля, ограничения доступа к информации. С другой стороны, без ответа остается вопрос о целях такой эволюции как самопреодоления. Напротив, актуализируется идея о прогрессе ради самого прогресса.

Результатом этого является насильственное отчуждение человека от человеческого, порождающее такой феномен, как экзистенциальное ощущение «бездомности» человека в мире. Согласно мысли Ясперса, техника радикально изменила повседневную жизнь человека, превратила его существование в действие некого технического механизма. Произошел отрыв человека от его почвы; даже его дом и земельный участок уподобляются машинам, настолько они преходящи и взаимозаменяемы. Теперь, воздействуя на природу с помощью машин, человек не освобождается от необходимости трудиться, но в то же время он отдаляет свой труд от природы, не противостоит ей как живой живому. Труд становится механическим, и чем он механичнее, тем меньше в нем ценности и тем больше человеку приходится трудиться. Насилие отчужденностью проявляется как отчуждение от своей историчности, в силу чего время для современного человека предстает как символ поспешности, озабоченности сиюминутным, «злобой дня», где все рассчитано на результат, а не на творение и общение.

Вслед за Ясперсом немецкий поэт и мыслитель Фридрих Георг Юнгер отмечал, что, лишившись своего собственного, сущностного (*Eigentum*), т. е. истока, преемственной связи с культурной традицией, человек включается в тотальную связь одной большой машины. Сила техники одновременно преобразующая и разрушающая. Вместе с тем полный автоматизм современного мира ведет к голому динамизму: «На нас наступает мертвое время. Жизнь поступает на службу действующему повсюду автоматизму,

который начинает ее регулировать» [3, с. 44]. В итоге, насильственно разрушающая бытийное пространство человека техника приводит, во-первых, к потере человеком своей избыточности как предпосылки радости творчества, во-вторых, к забвению традиции, своей истории и, в-третьих, к «бездомности» человека. Несокрытость, непотаенность современной эпохи порождается иллюзорной верой в способность техники все предвидеть и просчитать. Однако совершенство техники лишь кажущееся. Поэтому Юнгер вслед за представителями немецкого экзистенциализма ставит вопрос о возвращении к подлинности, или, используя его словарь, к «новой потаенности», которую находит в «пустоши» как необозначенном и неназванном пространстве, в котором нет насилия. Пустошь неподвластна человеку, не обременена техникой, она вне властных стремлений и насильственной иерархии, поэтому предстает как бесполезная для потребительского хозяйствования человека. Здесь нет имен, а значит, нет собственности, нет границ. Идеал человека Юнгер видел в образе странника, обходящего и оберегающего этот священный исток, пространство творческих возможностей.

Юнгер, опираясь на ницшеанскую идею о Вечном Возвращении, видел возможность для человека преодолеть насилие и «бездомность» в языке, в ритме, который нивелирован в мире шума машин. Так, возвращение он понимал как поиск своего пути на беспутье, дороги в непроторенное пространство. Подлинным языком становится язык традиции, раскрывающий человеку – на пути возвращения – его исток. Беспутье Юнгер назвал пустошью. Ритм возвращения звучит всегда, но для того чтобы его услышать, необходимо отказаться от господства над ним, предоставить ему свободу. Если человек будет бережно вслушиваться в ритм возвращения, то он сможет выйти к истоку, к пустоши. Именно поэтому Юнгер доверил возвращению роль строения мира, в котором человек обнаруживает себя. Однако возвращение к «новой потаенности», как отмечает поэт и мыслитель, отчетливо формулирует задачу обретения и новой надежности (*Sicherheit*). Исходя из этого, современному человеку еще необходимо заслужить доверие пространства, стать достойным его посыла. Будет ли человек ощущать свою «бездомность» и потому «насиловать» всегда чужое пространство, зависит от того, сможет ли он научиться щадить пустошь и оберегать ее.

Таким образом, претензию трансгуманизма на создание оптимена без учета экзистенциалов человеческого бытия правомерно рассматривать как спекуляцию, подчиненную мечте о совершенстве. В свою очередь, экзистенциальная философия, акцентируя проблемы технического насилия над природой человека, отчуждения, неподлинного существования человека и его «бездомность» в современном мире, способна придать мечте об идеале реализуемые черты. Поэтому для того чтобы постгуманизм не превратился в антигуманизм, его необходимо дополнить концептуальной составляющей экзистенциализма.

Список литературы

1. *Летов, О. В*. Человек и «сверхчеловек»: этические аспекты трансгуманизма / О. В. Летов // Человек. – 2009. – № 1. – С. 19–25.

2. *Хайдеггер, М*. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.

3. *Jünger, F. G.* Die Perfektion der Technik. Maschine und Eigentum / F. G. Jünger. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1949 – 524 S.

ПРОТОТИПИЧНОСТЬ ОБЪЕКТА ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ

Смирнова Юлия Сергеевна
Белорусский государственный университет, Минск

Многообразие социальных групп, составляющих сложную структуру современного общества, неизбежно порождает потребность в расширении возможностей оптимизации межгрупповых отношений. Особую ценность в связи с этим приобретают исследования закономерностей процессов социальной категоризации и прототипизации, обеспечивающих первичное упорядочивание информации о социальных объектах (о самих себе и других людях, группах людей, социальных институтах, процессах, явлениях), а также формирование их образа на базе уже имеющихся у субъекта знаний, заложенных в когнитивных схемах, стереотипах, аттитюдах, социальных репрезентациях, предубеждениях и предрассудках. Вероятность отнесения воспринимаемого объекта к той или иной категории может определяться его сходством с прототипом как типичным ее примером. Причем прототипы своей и чужой групп, как правило, наполнены содержанием, которое подчеркивает их отличие друг от друга и способствует формированию позитивного отношения к ингруппе [1]. В результате «неприятные» представители аутгруппы могут воспринимаются как более прототипичные: они сильнее отличаются от членов позитивно оцениваемой ингруппы, что облегчает процесс их категоризации, но при этом создает почву для формирования предубеждений и обострения межгрупповой враждебности.

Сходство воспринимаемого с прототипом негативно оцениваемой социальной категории повышает вероятность актуализации соответствующих предубеждений в его адрес. Так, образ типичного представителя категории «психически больные» отражает предубеждения о них как о ненормальных, неполноценных, ограниченных людях, которые неадекватно воспринимают реальность, не понимают, что делают, непредсказуемы и неуравновешенны. Такой обобщенный непривлекательный образ «психически больного» будет актуализироваться при высокой степени прототипичности воспринимаемого по отношению к данной категории, что, как правило, справедливо для больных с шизофренией или «тяжелой симптоматикой». Исследование С. В. Позняк, выполненное под нашим научным руководством, продемонстрировало наличие слабой отрицательной корреляции представлений о больных шизофренией с обобщенным образом психически больного по признакам пассивности и стабильности психического состояния, а также умеренной положительной связи оценок потребности в заботе и враждебности в отношении больных с депрессией, фобией и психически больных в целом [2]. Вероятно, эти результаты отражают разную степень прототипичности людей с названными заболеваниями по отношению к более общей категории «психически больных». Интересно также, что, несмотря на ее семантическую близость к категории «инвалиды», прототипичность психических отклонений по отношению к

последней невысока. Категоризация инвалидов осуществляется на основании признаков ограниченности возможностей и наличия заболеваний, различных по своей тяжести и характеру нарушений; причем наиболее прототипичными являются физические, а не психические нарушения здоровья.

Изучение прототипичности объекта предубеждений приобретает особое значение в связи с необходимостью определения условий эффективности методов преодоления предубеждений. Так, методы, базирующиеся на «гипотезе контакта», требуют организации неформального личного общения с типичными представителями аутгруппы [1], позитивное отношение к которым распространяется на всю социальную категорию благодаря их сходству с прототипом. В исследовании Эндрю Тодда (Andrew R. Todd) и Остина Симпсона (Austin J. Simpson) [3] изучался эффект генерализации позитивного изменения имплицитных аттитюдов к одному члену аутгруппы на всю аутгруппу на примере расовой принадлежности воспринимаемого субъекта. В качестве переменной, влияющей на степень его прототипичности, рассматривалась гендерная принадлежность: мужчины и женщины обладают разной степенью прототипичности по отношению к своей расе [3, с. 106]. В частности, расовая прототипичность мужчины-афроамериканца и женщины-азиатки выше, нежели прототипичность женщины-афроамериканки и мужчины-азиата соответственно. При этом оказалось, что метод принятия перспективы («perspective taking») гораздо более эффективен в ослаблении предубеждений в отношении аутгруппы в целом в том случае, если субъекту предлагают представить мысли и чувства прототипичного представителя аутгруппы [3]. Как отмечают авторы со ссылкой на исследования Жанин Скоринко (Jeanine L. Skorinko) и Стейси Синклер (Stacey A. Sinclair), данный эффект наблюдается не всегда [3, с. 108]. Так, попытка представить мысли и чувства типичного человека с избыточным весом может актуализировать негативные стереотипы и метод принятия перспективы оказывается в этом случае малоэффективным.

Таким образом, прототипичность воспринимаемого объекта по отношению к той или иной социальной категории, с одной стороны, определяет вероятность актуализации соответствующих предубеждений в его адрес, с другой стороны, является условием эффективности реализации методов их ослабления и оптимизации межгрупповых отношений.

Список литературы

1. *Гулевич, О. А.* Психология межгрупповых отношений: учебное пособие / О. А. Гулевич. – М.: НОУ ВПО Московский психолого-социальный институт, 2008. – 432 с.

2. *Смирнова, Ю. С.* Социальные установки студентов в отношении людей, страдающих различными психическими заболеваниями / Ю. С. Смирнова, С. В. Позняк // Актуальные проблемы социализации учащейся молодежи [Электронный ресурс] : сб. науч. ст. / под общ. ред. И. А. Фурманова. – Минск : БГУ, 2013. – С. 123–131.

3. *Todd, A. R.* Perspective Taking and Member-to-group Generalization of Implicit Racial Attitudes: The Role of Target Prototypicality / A. R. Todd, A. J. Simpson // European Journal of Social Psychology. – 2017. – Vol. 47. – № 1. – P. 105–112.

СОВРЕМЕННАЯ ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННАЯ МЕДИЦИНА: ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Чащин Николай Алексеевич
Скребцова Катерина Викторовна
Научный центр медико-биотехнических проблем
Национальной академии наук Украины, Киев

Множество определений персонализированной медицины сводятся к одному: *персонализированная медицина* – это целевая диагностика и лечение больного в соответствии с результатами исследования его *генетического профиля*. При этом персонализированная медицина основывается на современных технологиях (генетических, молекулярно-биологических, фармацевтических, и информационных), позволяющих найти подходящее лекарство и разработать схему лечения пациента в соответствии с его индивидуальными данными.

Этико-методологическим основанием персонализированной медицины выступает *индивидуализм* как краеугольный принцип гуманистической этики. Справедливости ради нужно отметить, что в практической медицине всегда существовал индивидуальный подход к каждому пациенту. Кроме основного диагноза врачи всегда ориентировались на доступные персональные характеристики, такие как возраст, пол, масса тела, сопутствующие заболевания, наследственность и т. д., а в ходе лечения прослеживали его эффективность, проводя, если нужно, коррекцию схемы лечения. Это так называемый *клинический мониторинг*, который по праву считают «предшественником» персонализированной медицины. Разница между ними в том, что персонализированная медицина предлагает индивидуальную схему лечения на основе научно-обоснованных подходов, в то время как критерии клинического мониторинга носят эмпирический характер. Именно поэтому персонализированная медицина стала реальностью благодаря достижениям современной молекулярной науки – фармакогенетики и связанных с ней так называемых «-omics» технологий, к которым относятся прежде всего геномика, протеомика и метаболомика. Основные задачи этих технологий – тестирование генов, белков и метаболитов клеточной структуры, а также установление молекулярных связей между ними. Целью фармакогенетики является выявление групп пациентов, для которых в связи с генетическими особенностями, затрагивающими прежде всего фармакокинетические процессы, связанные с метаболизмом лекарственных средств, «стандартная» доза препарата является неприемлемой.

Действительно, в последние десятилетия большое внимание привлекают к себе так называемые «неблагоприятные события», связанные с действием лекарственных препаратов [1]. В понятие «неблагоприятные события» входят две основные категории. Одна из них определяется как «нетерапевтический» эффект лекарственных соединений, осуществляемый стандартной дозой

препаратов. Другая проблема заключается во взаимодействии между лекарственными соединениями, приводящем к уменьшению эффекта терапии или усилению токсического эффекта, следствием которого может быть в том числе и летальный исход. В некоторых странах неблагоприятные события, связанные с действием лекарств, занимают 4–6 место среди причин смертности пациентов [2; 4].

Известно, что индивидуальная терапевтическая доза зависит от наличия и уровня активности ферментов, метаболизирующих лекарства. При этом если у пациента низкая активность ферментов метаболизма, ему во избежание побочных эффектов требуется снижение дозировки. Если высокая – наоборот, для достижения терапевтического эффекта необходимо повышение дозы лекарственного препарата. Существует и третий вариант, когда изначальная «стандартная» терапия неэффективна и необходимо назначение альтернативного лечения. Эффективность лекарственных средств и неблагоприятные побочные реакции при их применении зависят от индивидуальных особенностей фармакокинетики (абсорбция, распределение, метаболизм, выведение) и фармакодинамики (чувствительности молекул-мишеней рецепторов, ферментов, ионных каналов и т. д.). Эти особенности определяются сочетанием генных аллелей пациента, то есть его генотипом. Сегодня доказательства влияния генов на различные процессы, связанные с действием лекарственных средств, получены практически для всех терапевтических агентов.

Основной особенностью персонализированной медицины является наличие возможности выбора лекарств и соответствующей терапии на основе изучения фармакологического ответа генетической программы каждого отдельного человека. Однако на специфику такого ответа оказывает влияние и множество других факторов, зачастую не связанных с генетическими особенностями. В частности, активность ферментов (фармакологический ответ) меняется с возрастом, с развитием тех или иных заболеваний и рядом других причин. Поэтому персонализированная медицина предусматривает постоянный мониторинг метаболических профилей организма на лекарства, а заключения о важности изменения уровня того или иного биомаркера принимаются с учетом общей динамики молекулярного профиля индивида, отражающей изменения состояния его организма. При этом сопоставляются не уровни отдельных биомаркеров в группах больных и здоровых людей, а непрерывные профили изменений этих уровней у каждого отдельного человека.

В отличие от медицины доказательной, когда врач, по сути, занимается лечением среднестатистической популяции и надеется, что случай его пациента окажется типичным для большой группы больных [3], персонализированная медицина основана на доказательствах, полученных в значительно более узких выборках (со сходными генотипами, или другими четко определенными критериями).

Это позволяет учитывать отличительные особенности организма и поведения пациента и уходить, таким образом, от принципа «одно лекарство

для всех». Подбирая индивидуальные схемы лечения, врач способен улучшить результат лечения, обеспечить его безопасность и рентабельность. Применение персонализированных методов существенно сократит смертность не только непосредственно от заболеваний, но и от неверно назначенных лекарственных средств. Таким образом, можно сделать вывод, что персонализированная медицина более эффективна и безопасна, а следовательно – более этична.

Список литературы

1. *Падалко, В. И.* Клинические аспекты функционирования системы цитохрома Р-450 микросом печени / В. И. Падалко, Т. В. Севастьянова // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – 2005. – № 705. – Сер.: Медицина. – Вип. 11. – С. 110–121.

2. *Iingelman-Sundberg, M.* Genetic Susceptibility to Adverse Effects of Drugs and Environmental Toxicants. The Role of the CYP Family of Enzymes / M. Iingelman-Sundberg // Mutation Research. – 2001. – V.482. – P. 11–19.

3. *Moore, A.* Personalised Assessment. The Personal Approach / A. Moore // Health Service Journal. – 2010. – Mar 25. – 120 (6199). – Suppl. 4–5.

4. *Samani, N. J.* The Personal Genome – the Future of Personalised Medicine? / N. J. Samani, M. Tomaszewski, H. Schunkert // Lancet. – 2010. – May 1. – 375 (9725). – P. 1497–1498.

ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ, ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ЛОГИКА БОЛИ В ТЕХНОНАУЧНОМ КОНТУРЕ БИОМЕДИЦИНЫ

Шевченко Сергей Юрьевич
Институт философии РАН, Москва

Сообщить о боли, не рассказывая о ней

Объективистские взгляды современной биомедицины находят полное выражение в актуально существующих клинических практиках персонализированной медицины. Применяемые в этой области технологии анализа «больших данных» позволяют выявить статистические взаимосвязи между сотнями тысяч индивидуальных молекулярных профилей пациентов и риском развития (или типом течения) определённой патологии [4]. Сопоставленные с этими данными результаты анализа молекулярного профиля конкретного человека могут быть «персонализированы» лишь через процедуру их совместной интерпретации врачом и пациентом.

Однако необходимость учитывать личный опыт страдания и болезни при принятии клинических решений декларирована самим проектом персонализированной медицины – например, в версии Э. Тополя через рассмотрение широкого комплекса биографических, социальных особенностей больного [5]. Тем не менее, на октябрь 2017 года в базе биомедицинских публикаций PubMed отсутствуют статьи, упоминающие в связи с персонализированной медициной такой важный, простой и признанный ВОЗ инструмент определения самочувствия пациента как ‘self-related health’ (самостоятельно оцениваемый уровень здоровья). Важно, что этот показатель не просто способен раскрыть индивидуальный опыт боли или её отсутствия, но и статистически связан с прогнозом продолжительности жизни конкретного отвечающего [8].

Тем не менее, попытки включить личное, биографическое измерение болезни в актуальные практики биомедицины периодически предпринимаются. Но они сталкиваются с методологической трудностью, концептуально схожей с проблемой разрыва в физикалистском объяснении сознания [1]. Это сходство видится прежде всего в существовании разрыва между индивидуальным опытом человека и попытками его объективистских естественнонаучных реконструкций. Так, в инициативе по ориентации практик здравоохранения на пациентские оценки исхода лечения (*patient-reported outcomes*) предполагается также принимать во внимание в рамках клинических решений генетические особенности пациентов, связанные с уровнем болевой чувствительности. Говорится даже о генетических основаниях такой оценки, то есть речь ведётся скорее о предсказании пациентских оценок исхода лечения, а не об ориентации на биографическое измерение страдания [7].

Впрочем, биомедицина как одна из областей технонауки оставляет в стороне проблемы с объяснением индивидуального опыта болезни, боли или

страдания в физикалистских терминах. Ведь, согласно Б. Г. Юдину, ключевым стремлением технонауки выступает не объяснение наблюдаемых феноменов, познание объектов науки, но их успешное изменение. Это изменение направлено не только на удовлетворение потребностей человека, но также на их формирование [6]. Исходя из этого решение биомедицинских задач по управлению болью (*pain management*) не предполагает прямого обращения к значительному корпусу философских штудий, рассматривающих различные варианты концептуализации феномена боли.

Сама же задача биомедицинского управления болью представляет собой конкретизацию «мантры» целеполагания персонализированной медицины: обеспечить нужной дозой нужного лекарства подходящих пациентов в необходимое время. В качестве неэксплицированного философского основания подхода к её решению выступает лишь признание субъективного характера боли. Или, обращаясь к терминологии Сёрля, отсутствие направление соответствия (от слов к миру или наоборот) у экспрессивов (речевых актов, выражающих психологическое состояние говорящего) [3].

Феноменологическая программа медицинской антропологии (и собственно программа медицинской феноменологии) строится на том же основании. Однако предлагаемое ей решение – широкое обращение к нарративным практикам изложения опыта страдания – не вписывается в контур функционирования биомедицины как технонауки [2]. Этот контур, среди прочего, предполагает достижение максимального уровня насыщенности информации во внутренних коммуникационных потоках технонауки, если эти потоки не обеспечивают значительного притока ресурсов развития конкретного проекта.

С этой точки зрения более производительным инструментом «измерения» боли – получения данных о её интенсивности – выглядит применение аналоговых шкал оценки пациентом силы болевого синдрома. Эта процедура гораздо проще вписывается в рамки времени приёма в кабинете врача. Однако это средство оценки интенсивности боли не позволяет учесть фактор времени, служащий одним из компонентов формулировки задачи персонализации.

«Философы лишь различным образом объясняли боль…»

Итак, подытоживая рассмотренное выше:

1. в философии и в нейронауках существуют разные уровни концептуализации боли, однако их общей чертой служит (логическая, технологическая или иная) невозможность почувствовать чужую боль;
2. программа персонализации медицины декларирует принятие во внимание субъективного опыта пациента, однако направленные на это операциональные средства если и разработаны, то пока не вписаны в реальные биомедицинские практики;
3. биомедицина служит ярким примером технонауки, целеполагание которой связано не с объяснением, а с достижением максимальной эффективности в изменении объекта науки (и технологии).

При этом современная технонаука нацелена не только на создание и распространение технического артефакта, но и на развитие и стабилизацию (в том числе и) социальных технологий пользования этим артефактом и технологий его распространения.

Исходя из этого, наиболее эффективный инструмент обезболивания должен находится в руках самого пациента – именно он способен максимально «персонализировано», а значит максимально эффективно решить задачу контроля над болью. Однако профессионалу здравоохранения необходимо наложить ограничения на возможности использования этого инструмента. Источниками этих ограничений служат: во-первых, необходимость обеспечить пациенту максимальный уровень безопасности, а во-вторых, сделать организационно приемлемым промежуток времени, в течение которого пациенту не требуется помощь работников здравоохранения. Таким образом, в руках у пациента находится шприц с обезболивающим, но врачу нужно наполнить его так, чтобы избежать передозировки (и по возможности, привыкания), а с другой стороны обеспечить возможность оставить пациента «наедине» с инструментом управления болью хотя бы на несколько часов, чтобы не находиться у его постели постоянно.

Сегодня уже разработан и применяется технический артефакт такого рода – устройство для инъекции обезболивающих средств, предоставляющее врачу и пациенту описанные выше возможности. Сама технология получила название «контролируемая пациентом анальгезия» (*patient-controlled analgesia,* сокращенно PCA) и чаще используется в западных клиниках для контроля тяжелого болевого синдрома в период реабилитации после хирургических операций. Как правило, устройство PCA представляет собой управляемое пациентом устройство для многократных инъекций обезболивающего препарата, позволяющее врачу устанавливать интенсивность его введения и / или периоды времени, в течение которых устройство не будет реагировать на команду пациента ввести еще препарат [10].

Социальные практики использования этой технологии имеют три измерения, три оси системы координат, каждая из которых предполагает установление собственных пороговых линий:

1. измерение интенсивности анальгезии (необходимо обеспечить уровень контроля болевого синдрома не ниже определенного предела);
2. измерение безопасности анальгезии (необходимо установить риски передозировки, иных побочных эффектов, и привыкания не выше определённого предела);
3. измерение времени автономной анальгезии (необходимо таким образом настроить устройство PCA, чтобы пациент не нуждался в помощи врача при обезболивание разумный промежуток времени, и при этом учесть два первых ограничения).

Таким образом, врачу не нужно истолковывать слова пациента о силе, характеров или частоте приступов боли, ему необходимо дать в руки пациента инструмент обезболивания и использовать свои явные и неявные знания для

решения задачи по учёту трех видов описанных выше ограничений. В рамках этой технологии материализованная в устройстве PCA система здравоохранения максимально быстро и «персонализировано» отвечает на пациентскую оценку уровня самочувствия, своеобразный и конкретизированный показатель ‘self-related health’.

Важной особенностью применения данной технологии служит как раз учёт временного измерения анальгезии, в котором может быть увиден узел противоречий между:

1. требованием пациента обеспечить максимальный уровень обезболивания;
2. профессиональной обязанностью врача сделать процесс обезболивания максимально безопасным;
3. требованием системы здравоохранения обеспечить уходом максимальное число пациентов, а значит максимизировать время автономного пользования устройством PCA.

Принципиально важно, что представленные стороны противоречия имеют различную онтологию (восприятие) времени. Наиболее биоэтически важным, однако, стоит признать пациентский опыт времени в контексте проблемы боли/обезболивания. Для аналитического рассмотрения субъективного опыта времени боли может быть полезен следующий мысленный эксперимент:

Испытуемому предлагается поместить руку в некоторое устройство, причиняющее умеренную боль. Экспериментатор сообщает, что испытуемый получит доллар за каждую секунду, пока он терпит боль. Перед испытуемым экран, на котором отображается растущая со временем сумма денег. Других устройств, измеряющих время у него нет. Будут ли результаты (и суммы) серьёзно различаться, если:

а) в рамках первого эксперимента показывать испытуемому экран, где доллар в действительности начисляется за 0,8 секунд (о чем не знает испытуемый), а при проведении эксперимента через неделю начислять доллар за 1,2 секунды?

б) в обоих экспериментах начислять доллар за одну секунду, но перед проводимым через неделю вторым экспериментом сообщить испытуемому некую в действительности произвольную сумму, назвав её средней суммой, которую другие испытуемые зарабатывают в течение эксперимента?

Собственно, задача этого мысленного эксперимента в рамках данного исследования лежит не столько в плоскости анализа временного характера опыта боли, сколько в проблематизации времени биомедицинского управления болью. Философское вопрошание о «менеджменте боли», предполагающем использование устройства PCA, направлено на раскрытие оснований социальных технологий, выстраиваемых вокруг этого технического артефакта. Аналогия между счетчиком денег / секунд в мысленном эксперименте и ограничением частоты срабатывания устройства PCA позволяет сформулировать проблему: должен ли пациент знать о таком ограничении?

Скажется ли, независимо от ответа на предыдущий вопрос, возможность иметь в палате правильно идущие часы на качестве анальгезии?

Разумеется, интуиции или убеждения человека, не испытывающего боли, не полностью релевантны для выстраивания технологий обезболивания. Тем не менее, во-первых, мнение здоровых людей учитывается и в рамках социологического измерения потенциального качества жизни больных при использовании нового метода лечения. Во-вторых, технонаука предполагает не только ориентацию на эффективность вмешательства, но и конкретизацию социальных ожиданий [9], поэтому экспликация интуиций выглядит важной составляющей выстраивания социального контура её функционирования.

Рациональный, свободный, испытывающий боль субъект

Помимо проблематизации временного измерения работы технологий PCA, важным выглядит и рассмотрение философских оснований работы такой технологии. Выше упоминалось, отмеченное Сёрлем, отсутствие направлений соответствия для суждений типа «мне больно». Кажется, что допустимо переформулировать это утверждение так: основанием технологии PCA служит «привилегированный доступ» субъекта к собственному сознанию. В ориентации на него и заключается смысл персонализации биомедицинского управления болью. Может показаться, что даже для инициирования рассмотрения «привилегированного доступа» как центрального элемента оценки эффективности технологии обезболивания необходимо углубиться в диспуты о природе сознания и проблеме квалиа. Однако технонаучный характер биомедицины делает достаточным лишь выявление некоторых практических следствий её принятия и проблематизацию конкретных оснований такой практики. В данном случае проблема «привилегированного доступа» может быть заменена вопросом:

«Может ли компетентный для принятия решений человек лгать врачу о тяжести болевого синдрома, преуменьшая её?»

Интуитивно мы можем ждать от пациента преувеличения тяжести боли для получения наиболее полноценного ухода и сильнодействующей анальгезии, либо преуменьшения тяжести состояния перед лицом членов семьи. Однако представим следующую ситуацию:

Здоровому человеку предлагают поучаствовать в качестве испытуемого в биомедицинском эксперименте. Ему заявляют, что целью данного эксперимента является испытание новой технологии обезболивания. К его телу присоединяют множество датчиков, экраны которых он может видеть. В руку вкалывают препарат причиняющий умеренную боль в течение 45 минут (испытуемый предупреждён о действии препарата, но не знает о продолжительности его действия). После этого его окружает группа людей в белых халатах, производящая некие манипуляции. В мимике и разговорах между собой они демонстрируют стремление использовать все возможности, чтобы уменьшить болевые ощущения испытуемого. Однако показания приборов не меняются. В голосе и фразах группы «врачей» нарастает

беспокойство по поводу неэффективности их мер, но открыто о ней не заявляется. Испытуемого периодически спрашивают о тяжести боли. Настанет ли такой момент, когда он заявит о снижении интенсивности боли до истечения действия препарата и вопреки показаниям мониторов, которые служат для него объективированными коррелятами боли?

В данном мысленном эксперименте преуменьшение боли продиктовано чувством эмпатии, но кроме того, можно представить, что оно исходит из нежелания беспокоить врачей, фатализма или специфического чувства справедливости (понимания, что «всё это я заслужил»). Скорее важно то, что такое преуменьшение выглядит возможным. Вопрос в том, можем ли мы обезболивать компетентного для принятие решений пациента вопреки отсутствию соответствующего запроса с его стороны?

В социальный контур технологии PCA вшита скорее не «возможность привилегированного доступа», а два важных пункта философии действия (и философии сознания) Сёрля. Во-первых, уже упомянутое отсутствие направления соответствия для речевых актов о собственной боли (и других экспрессивов). И, во-вторых, совпадение сферы рациональности со сферой свободы. Таким образом, несмотря на ориентацию самого по себе обезболивания на этику заботы, *персонализация* анальгезии, сама по себе предполагает наличие «рационального» в отношении своей боли субъекта, хотя бы в отношении его нежелания испытывать обусловленные заболеванием или лечением физические страдания. И в этом конструировании «рационального» субъекта рассмотренная выше область схожа с иными, методологически с ней несхожими, сферами биомедицинской персонализации – со всей остальной персонализированной медициной.

Список литературы

1. *Васильев, В. В*. Трудная проблема сознания / В. В. Васильев. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 272 с.

2. *Лехциер, В. Л*. Феноменологические основания медицинской антропологии / В. Л. Лехциер // Логос. – 2010. – № 5. – С. 183–195.

3. *Сёрль, Дж*. Рациональность в действии / Дж. Сёрль. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 336 с.

4. *Тищенко П. Д*. Место человека в мире новых технологий: моральный горизонт / П. Д. Тищенко // Рабочие тетради по биоэтике. – Вып. 24: Философско-антропологические основания персонализированной медицины (междисциплинарный анализ): сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. – М.: Московский гуманитарный университет, 2016. – С. 151–164.

5. *Тополь, Э*. Будущее медицины: Ваше здоровье в ваших руках / Э. Тополь. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016. – 491 с.

6. *Юдин, Б. Г*. Об этосе технонауки / Б. Г. Юдин // Философские науки. – 2010. – № 12. – С. 58–66.

7. *Alemayehu, D*. Conceptual and Analytical Considerations toward the Use of Patient-Reported Outcomes in Personalized Medicine / D. Alemayehu, J. C. Cappelleri // American Health & Drug Benefits. – 2012. – 5 (5). – P. 310–317.

8. *Idler, E. L.* Self-rated Health and Mortality: a Review of Twenty-seven Community Studies / E. L. Idler, Y. Benyamini // Journal of Health and Social Behavior. – 1997. – Vol. 38 (1). – P. 21–37.

9. The Sociology of Expectations in Science and Technology / M. Borup [and etc.] // Technology Analysis and Strategic Management. – 2006. – № 18 (3–4). – P. 285–298.

10. *McNicol, E. D.* Patient Controlled Opioid Analgesia Versus Non-patient Controlled Opioid Analgesia for Postoperative Pain / E. D. McNicol, M. C. Ferguson, J. Hudcova // Cochrane Database Systematic Reviews. – 2006. – Issue 4. – Art. No.: CD003348. – DOI: 10.1002/14651858.CD003348.pub2.

ПРОБЛЕМАТИКА СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ И АНТРОПО-КОММУНИКАТИВНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ [6]

Шульга Елена Николаевна
Институт философии РАН,
Москва

Изучение рациональности традиционно связано с философским опытом освоения научно-теоретического пространства, в контекст которого сегодня активно включаются вопросы социального и культурно-исторического значения. Для исследователей это означает, что, с одной стороны, появляется острая необходимость в определении статуса самой рациональности как деятельности мышления и познания. С другой стороны, включение социокультурного аспекта изучения в проблематику рациональности делает актуальным поиск новых методов и подходов, адекватных столь сложному объекту.

Рациональность, познание сущности которой происходит на общем фоне рассмотрения условий становления рационального мышления в сфере научной деятельности, может рассматриваться в качестве методологического образца понимания рациональной коммуникации внутри социума. В основе этого взгляда на проблему лежит уверенность в том, что существует определенная закономерность как в формировании конкретного стиля мышления, так и в формировании рациональных образцов социального поведения, в организации кросс-культурного диалога. Такие «образцы» рационального поведения, действия и диалога возникают в культуре не случайно – они коренятся в «образе мира», в наших представлениях об организации мира с его рационалистической онтологией и установкой на основополагающее определение самого разума (*рационально то, что разумно!*).

В целом, при всей широте проблематики рациональности и концептуальном многообразии существующих подходов к рациональности, мы, тем не менее, будем придерживаться точки зрения, согласно которой разумность научного познания и разумность социальной реальности рассматриваются как соотнесенные друг с другом. Безусловно, на этом пути неизбежно появление сразу нескольких относительно самостоятельных проблем философско-методологического значения. Для научного познания – это проблема типологии рациональности с поиском соответствующих оснований для построения такой типологии. Для социокультурной ситуации –

6

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Кросс-культурный диалог и коммуникативно-антропологическая рациональность в условиях вызовов информационного общества» № 17-23-01010.

это выяснение дополнительных условий выражения рациональности (философского, эпистемологического и герменевтического значения), при которых связь между тем, например, как мы понимаем действительность и как мы ее объясняем – становится очевидной, но требует дополнительной аргументации. Кроме того, необходимо прояснить смысл основополагающих понятий, которые помогают концептуальному выражению тех знаний о специфике рациональности, которые мы стремимся получить в результате исследования социокультурного аспекта. Таким образом, сама проблематика рациональности нуждается в конкретизации и концептуальном обосновании, в особенности в связи с определением статуса антропологической рациональности, рассматриваемой в контексте социальной коммуникации.

Как известно, философское обоснование научной проблемы связано с поиском таких оснований, в которых находит отражение специфика самого предмета исследования – в нашем случае речь идет о специфике антропо-коммуникативной рациональности.

Следует подчеркнуть, что это новое философское понятие, используемое в отношении обоснованных действий, которые мы определяем как рациональные. Однако не только сфера осуществления этих действий (их специфика), но и определение концептуальных границ использования данного понятия требует конкретизации. Такая направленность исследования предполагает последовательное решение ряда задач: во-первых, согласование смыслового содержания рассматриваемого понятия и определение его концептуального контекста; во-вторых, оценка антропо-коммуникативной рациональности как специфической интеллектуальной деятельности и выбор адекватной методологии, что обусловливает выход на фундаментальный уровень философского исследования. Наконец, выявление сущностной характеристики коммуникативно-антропологической рациональности, рассматриваемой в контексте диалоговой рациональности.

Список указанных аспектов, безусловно, будет расширяться по мере овладения предметом исследования. Не исключаю и критики отдельных положений, что, на самом деле, должно указать не столько на уязвимость их или слабую аргументацию, сколько на «открытость» теории к критике. Следует пояснить, что «открытость к критике» – это одно из методологических условий построения теории (или выдвижения концепции), подтверждающее динамичность самой проблематики, поскольку благодаря критике расширяется проблемное поле исследования и укрепляется его научно-теоретическая база. В первую очередь, за счет принципиально новых вопросов, которые возникают у исследователей по мере погружения в рассматриваемую проблематику. Это относится и к коммуникативно-антропологической рациональности, рассматриваемой в контексте межкультурного диалога.

На первый взгляд, понимание сущности коммуникативно-антропологической рациональности не должно вызывать затруднений в силу буквального смысла, который это словосочетание передает, поскольку под антропологической рациональностью понимают специфический характер

деятельности человека. Встает вопрос: что представляет собой антропологическая рациональность, рассматриваемая как феномен в случае ее реализации на уровне коммуникативной деятельности? Как можно предположить, коммуникативный аспект рассмотрения расширяет диапазон обосновываемой концепции рациональности. Поэтому одно из направлений нашего поиска связано с обоснованием *концепции диалоговой антропологической рациональности*, что, по нашему замыслу, должно объединить сформулированные выше задачи исследования.

Итак, различая рациональность мышления и рациональность действия, рациональность ценностей и рациональность знания, рациональность здравого рассудка и научную рациональность, мы выстраиваем типологию рациональности, подразумевая поиск оснований диалоговой антропологической рациональности. Здесь процесс аргументации связан с определением культуры как области, состоящей, по крайней мере, из двух видов рациональности: логики недискурсивного переживания и коммуникативной рациональности, в рамках которой люди согласовывают значения собственных восприятий, вводя их в общий контекст дискурса. При этом содержащийся в сфере социальных действий потенциал смыслов (постигаемых, проговариваемых, интерпретируемых) высвобождается в акте интеракции, благодаря которой как раз и происходит коммуникативное действие. Тем самым диалоговая рациональность воспроизводит приращение смысла; восприятие в свою очередь определяет связи смысла, на которых строится понимание и взаимопонимание людей. Причем процессы интерпретации, происходящие в актах коммуникации, характеризуются как социокультурные действия. К последним относятся и диалоговые коммуникации в науке.

«Коммуникация в науке, – как подчеркивает Я. С. Яскевич, – является необходимым условием ее функционирования и развития. В содержательном плане коммуникация в науке представляет собой совокупность различных видов профессионального общения, а так же взаимодействия исследователей и экспертизы полученных результатов в научном сообществе, обусловленных соответствующими социокультурными условиями, принятыми в культуре» [3, с. 57]. Таким образом, рациональность предполагается везде, где мы соприкасаемся с проявлениями разумной деятельности человека.

На первый взгляд, представление о человеческом разуме и тот смысл, который мы приписываем разумной деятельности (в любых сферах человеческой жизни) как раз и является для нас определяющим в выборе моделей социального поведения, в кросс-культурной коммуникации, научном дискурсе и практической деятельности. Между тем непосредственное признание факта разумности как «осмысленности» действий – это лишь первый шаг к решению проблемы рациональности, нацеленной на *понимание* (чего бы то ни было) и связанного с ним *объяснения.* В особенности, это характерно для выдвижения аргументов в научном объяснении, а так же для объяснения

целенаправленных действий коммуникативного и диалогового характера, направленных к пониманию *другого.*

Напомню, что задача поиска эффективных способов «объяснения» традиционно (и так сложилось исторически) относится к области естественных наук, в отличие от наук гуманитарных с их методологией понимания и интерпретации. Однако в настоящее время существует и получает все более широкое распространение позиция, согласно которой «объяснение и понимание» не противопоставляются, но рассматриваются в контексте единого познавательно ориентированного процесса научного творчества. Так, Б. Г. Юдин справедливо указывает на тот факт, что деятельность по построению научного объяснения (а к ней он относит всю теоретическую деятельность) невозможна сегодня без диалога, без коммуникации и дискурса. В результате, проблема противопоставления объяснения пониманию – снимается. Более того, подчеркивая роль социокультурной детерминации процессов научного познания, Б. Г. Юдин подчёркивает, что «социокультурно детерминированным является то поле представлений, образов, аналогий, мыслительных ходов и т. п., которым оперирует исследователь» [2, с. 52].

Тем самым, посредством диалога конкретизируются условия согласованной рациональной деятельности непосредственно в науке, и эта деятельность сопряжена с такими внутренними, когнитивными проявлениями антропо-коммуникативной рациональности, как осознание общей социокультурной ситуации и схожего понимания контекста обсуждаемой проблемы всеми участниками диалога. Например, «схваченного» в понимании.

В качестве условия успешной коммуникации здесь выступает «язык науки», или, в случае обсуждения философской проблемы – «язык философии», транслирующий общие философские или схожие культурные установки, общий характер знаний и представлений, вплоть до манифестации участниками диалога общих мыслительных стереотипов и т.п. Все это вместе как раз и передает наступление той *социокультурной ситуации*, в которой происходит сближение понимания и объяснения.

Более того, «сама процедура объяснения, – как пишет Б. Г. Юдин, – всегда и с необходимостью строится целенаправленно, причем целенаправленность эта задается тем, что объяснение должно обеспечивать понимание» [2, с. 54].

На основании этого наблюдения легко можно сделать вывод о том, что не только коммуникация предполагает объяснение (и наоборот), но в результате рационально выстроенного диалога как раз и наступает понимание.

Рассматривая проблему соотношения понимания и объяснения в контексте концепции научного познания, предложенной Б. Г. Юдиным, следует обратить внимание на то, что у него движение к пониманию через объяснение образует своеобразную трехмерную структуру. Прежде всего, это собственно рациональная составляющая, которая включает логический и математический аппарат, используемый в качестве каркаса теоретических построений. Их дополняет так называемая операционная составляющая – операции и нормы оперирования; наконец, модальная или образная составляющая,

предполагающая наглядность и образность языка. Первая составляющая представляет собой логический каркас теоретической конструкции, а две последние составляющие рациональной деятельности обеспечивают содержательное наполнение этого каркаса [1, с. 101]. Таким образом, в рассмотренной концепции научного (рационального) познания, сама процедура объяснения весьма схожа с тем, как проходит диалог. На это указывают такие факторы, как соотнесенность процесса познавательной деятельности с текущей социокультурной ситуацией, т. е. учитывается аудитория и общий контекст обсуждаемой темы. Кроме того, это акцент на «тексте», «научном тексте», т. е. опора на концептуальном и теоретическом содержании предмета обсуждения. Другими словами, ученый всегда должен быть внутреннее настроен на то, что выдвигаемая им аргументация будет понятна аудитории. Следовательно, такая деятельность должна быть принципиально коммуникативной, поскольку содержит в себе диалогические интенции, т. е. всю ту же дихотомию «понимание – объяснение».

Концепция научного познания Б. Г. Юдина интересна современным философам и весьма актуальна в связи с поиском таких рациональных форм межкультурного диалога и коммуникации, которые могли бы быть соотнесены с объективными процессами, наблюдаемыми не только в науке, но в обществе и культуре в целом. У Юдина, как мы видим, процесс познания не просто рационален или гипотетически приближен к рациональности, но может характеризоваться как широко применимый способ коммуникативной рациональной деятельности в науке и научном творчестве.

Этот же «каркас» коммуникативной *социокультурной ситуации* можно выделить, рассматривая проблему соотношения понимания и объяснения так, как она решается в гуманитарном познании, которое все еще нуждается в исследовании, но которое бы превосходило простую характеристику его как имеющего отношение исключительно к проблеме «понимания».

Аналогичный запрос можно наблюдать в отношении такой широкой гуманитарной сферы, как культура. На уровне оценки современных нам реалий с точки зрения гуманитарной ценности идей, следует признать, что понимание не исключается из так называемого диалога культур, но, напротив, все активнее утверждается значение рационального межкультурного диалога, поскольку именно диалог становится тем достоверным средством обмена смыслами, в результате которого становится возможным понимание и взаимопонимание людей.

Современные философы, изучающие многообразные стороны проявления социальной жизни людей, выделяют две большие, относительно самостоятельные группы социологических теорий: *структурные* или макросоциологические теории и парадигмы, в центре внимания которых общество, условия его организации и структурной целостности; и *интерпретирующие*, или микросоциологические теории и концепции, которые изучают человека, природу его поведения и действия. Особенность этого направления исследований состоит в нацеленности на понимании условий

успешного взаимопонимания людей как внутри определенной группы и сообщества, так и на более широком уровне межкультурного взаимодействия. Появление все новых аспектов изучения социального поведения человека, наряду с выходом на фундаментальный уровень познания, в частности познания природы человека, стимулирует появление таких новых концепций, которые способны составить исследовательскую базу для философского обоснования антропологической рациональной коммуникации. Предполагается, что социальная коммуникация рациональна, если она осуществляется по рациональным правилам. Поэтому особо остро встает проблема выбора критериев рациональности коммуникативно обусловленных действий, ситуативности их видов – изучение этих аспектов коммуникации связано с выходом в сферу эпистемологии и методологии познания.

Важно подчеркнуть, что эпистемологическая оценка антропо-коммуникативной рациональности влечет за собой конкретизацию ее ценностно-нормативных составляющих. Это значит, что, с одной стороны, рациональное поведение людей определяют нормы, принимаемые определенной культурной средой и традицией, а с другой стороны, рациональное поведение регламентируется идеалами общечеловеческого, гуманистического характера. В целом, такое «согласование» знания, норм и идеалов становится определяющим условием успешной коммуникации в диалоге, осуществляемом «по правилам», и эти «правила» сохраняют свои ценностные ориентиры и на уровне межкультурного взаимодействия. Кроме того, основанием успешной коммуникации является внутреннее приятие человеком того факта, что каждый участник интеракции осознает эпистемологические границы, в которых коммуникация становится возможной. Другими словами, он осознает то, что может быть адекватно понят другими.

Наряду с эпистемологическим аспектом изучения, другое направление в исследовании социальной коммуникации связано с проблемой формирования смыслов и значений, сопровождающих коммуникативный акт, что предполагает взгляд на интерпретацию как на интеллектуальную деятельность, основанную на знании ситуации и понимании смысла того контекста, который обсуждают стороны. При этом участники интеракции интерпретируют, соотносят позиции и согласуют точки зрения, достигая взаимопонимания.

К числу известных нам теорий и концепций *интерпретационного направления* в изучении различных аспектов социальной коммуникации, относятся: концепция социального действия, символический интеракционизм, этнометодология, феноменология, герменевтика.

Так, сторонники *концепции социального действия* сходятся во мнении, что поведение людей можно понять и интерпретировать, раскрывая тот смысл и то значение, которое сами люди ему придают. Такова, в частности, позиция Макса Вебера, который полагал, что главная задача социологической науки состоит в изучении социальных действий и их интерпретации с целью понимания. Кроме того, социальная коммуникация призвана показать, как люди (с помощью коммуникативных приемов и методов) воспроизводят социальный мир,

демонстрируя понимание значения тех или иных проявлений социальной жизни.

Еще дальше идет Никлас Луман: он и сближает понятия «коммуникативность» и «социальность», и разводит их. У него любые совместные социальные действия уже есть коммуникация. Поэтому коммуникация характеризуется как процесс атрибутирования, приписывания, конструирования действия, но самим действием не является.

Интересные вопросы коммуникации обсуждаются в рамках *этнометодологии.* Ее центральная идея сводится к утверждению, что процедуры описания действий тождественны действиям, с помощью которых участники коммуникации создают повседневную действительность. Такое взгляд на процесс коммуникации можно характеризовать как отождествление описания действительности с самой коммуникативной деятельностью (например, как два аспекта одного и того же явления). Иначе говоря, рациональность поведения в акте коммуникации выявляется в самом поведении, т. е. раскрывается непосредственно в результате реально происходящей здесь и сейчас коммуникации.

Между тем для понимания смысла того или иного социального действия необходима концентрация усилий на наблюдении и объяснении *мотивов* самого этого действия. Тот же самый принцип (метод наблюдения с последующим объяснением) сопровождает нашу повседневную жизнь и применяется в отношении истолкования событий, которые представляются нам важными. Предполагается при этом, что вещи, предметы, события воспринимаются точно так же другими людьми. С методологической точки зрения это значит, что здесь вступает в силу принцип очевидности объектов и смыслов, им предписанных (реализуясь через соотношение, или фактор «наблюдение – объяснение»). На более глубоком уровне этот феномен восприятия можно характеризовать как общую для всех людей способность понимания. Эта когнитивная способность проявляет себя и раскрывается на уровне социальной коммуникации как культурно-исторической адаптации смыслов к предметам, их выражающим. Поэтому можно утверждать, что существует отношение очевидного соответствия между тем, как высказывается нами то или иное намерение, и тем, как оно воспринимается другими людьми.

Аналогичная зависимость существует между сообщенными фактами, идеями, выдвинутыми гипотезами, предположениями, догадками, между пересказом мнений и восприятием их другими людьми. Такое соответствие становится возможным благодаря общим интеллектуальным реакциям; имеет отношение к языку, речи, восприятию, поскольку тот, кто говорит, ожидает от слушателя, что озвученные, высказанные им идеи будут адекватно восприняты и в целом будут поняты. Тем самым *адекватность восприятия и понимания нас* другими людьми, которую мы ожидаем и на которую надеемся, зависит от языка. Но вместе с тем и от общего смыслового поля, как языкового, так и понятийного. Именно на этом уровне социальной коммуникации происходит процесс согласования мнений, соотнесения смыслов, как однозначно понятых,

так и подвергаемых сомнению или критике. При этом рациональная стратегия социальной коммуникации такова, что учитывает необходимость соблюдения следующих предварительных условий понимания: сомнения должны быть мотивированы, а мотивация обоснована. Эти требования особенно актуальны при партнерском диалоге, когда целью является получение консенсуса мнений и воззрений.

Список литературы

1. *Бекбосынова, Ж. Б.* Проблемы герменевтики (Понимание и интерпретация в культурно-исторической коммуникации) / Ж. Б. Бекбосынова. – М.: Луч, 1992. – 166 с.

2. *Юдин, Б. Г.* Объяснение и понимание в научном познании / Б. Г. Юдин // Вопросы философии. – 1980. – № 9. – С. 52–58.

3. *Яскевич, Я. С.* Методология и этика в современной науке: поиск открытой рациональности / Я. С. Яскевич. – Минск: Вышэйшая школа. 2007. – 136 с.

УЧЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ БИОМЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ВЫЗОВОВ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ [7]

Яскевич Ядвига Станиславовна
Белорусский государственный университет, Минск

Современная трансдисциплинарно-синергетическая методология задает сегодня ориентиры современной науке о человеке, включающей в свое проблемное поле биологические, медицинские и генетические исследования, идеалы толерантности и соучастия, автономности и согласия, гуманистические и ценностные регулятивы в исследовании человеческой природы и жизни. Зафиксируем ценностно-антропологические повороты современного биоэтического знания на пути к формированию целостной междисциплинарной стратегии инновационного развития и использования биомедицинских технологий, гуманитарной оценки их антропологических последствий и радикального преобразования конкретных практик в сфере биологии, медицины и фундаментальной науки. Покажем роль социальной коммуникации и СМИ в освещении современных биомедицинских исследований.

1. Биомедицинские исследования в ракурсе постнеклассической рациональности

В XX–XXI столетии значительно усилился обмен парадигмальными установками между различными естественнонаучными дисциплинами и социально-гуманитарными науками. Причем междисциплинарный синтез все чаще рассматривается как один из важнейших аспектов возникновения нового знания, когда полученные в одной отрасли знания включаются в качестве оснований для формирования знаний в другой дисциплине. Такое взаимообогащение наук идет по линии трансляции отдельных методов, фундаментальных принципов, концептуальных средств из одной науки в другую, что приводит к коренной перестройке оснований науки, т. е. к научной революции. Обмен фундаментальными принципами между различными науками приводит к изменению видения предмета конкретной науки, развитию ее понятий, к формированию общенаучных принципов и концептуальных средств, что связано с усиливающимися тенденциями к интеграции научного знания [см.: 9, 20]. Такие процессы особенно характерны для биоэтики, которая пытается осмыслить этические проблемы, возникающие в результате динамичного развития биологии и медицины, в сфере биомедицинских технологий. Существенно изменяя наши знания о живой природе, о жизни в

[7] Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ. Проект «Кросс-культурный диалог и коммуникативно-антропологическая рациональность в условиях вызовов информационного общества» № Г17Р-022.

целом, ее границах и возможностях, *биоэтика, медицина и биология сегодня выполняют функции лидера научного познания*, обосновывая новую систему ценностей и идеалов, и демонстрируя аксиологическую недостаточность таких институциональных принципов «этоса науки», как принцип универсализма, коллективизма, бескорыстности и организованного скептицизма (Роберт Мертон).

Постнеклассический этап развития науки в исследовании человека отличается не просто интеграцией научных подходов, а требует методологически акцентированных трансдициплинарных связей, обобщающей роли философско-методологического знания, необходимости развития практикоориентированной прикладной философии как организационной и систематизированной формы научной рефлексии, с одной стороны, и глубинной этической регуляции, с другой стороны. *Трансдисциплинарность* как фундаментально-интегративный и системно-комплексный принцип, несомненно, сохраняет необходимость использования дисциплинарного знания (биологического, медицинского, генетики и т. д.), и вместе с тем расширяет рамки дисциплинарной науки, ориентирует исследователя на выход в пограничную с жизненным миром сферу, повседневную практику при изучении экзистенциальных проблем человеческого бытия в контексте высоких биотехнологий, актуализации биомедицинских экспериментов, трансплантации, эвтаназии, необходимости морально-этического и правового регулирования биобезопасности и биомедицинских исследований на человеке и животных, а также регулировании этических проблем применения новых генно-инженерных технологий, манипуляций со стволовыми клетками и клонирования человека.

Наряду с междисциплинарными стратегиями одно из центральных мест в постнеклассической науке в целом и в биомедицинских и генетических исследованиях, в частности, занимает *синергетическая методология*, определяя практику моделирования саморазвивающихся систем. Трансдисциплинарный характер синергетики, популярность и универсальность обеспечивают ее востребованность как в развитых теоретических науках, так и в науках о человеке. При этом синергетика может рассматриваться в трех измерениях: как картина мира; методология; наука. В рамках картины мира синергетика и ее понятия предстают, как правило, в наглядном, популярном, метафорическом виде, с использованием аналогий, апелляцией к здравому смыслу и обыденному языку, обеспечивая тем самым «радость встречи с новым взглядом на мир окружающих нас вещей и событий». Такая «метафорическая синергетика», по выражению В. Г. Буданова, имеет как позитивную, так и негативную тенденцию. Использование псевдосинергетических ассоциаций и метафор, вольное толкование синергетики представляет некоторую опасность для развития синергетики как науки, «зашумление» синергетического пространства и междисциплинарной коммуникации. В тоже время «мода на синергетику», как культурный феномен узнавания и понимания ее постулатов, создает надежную основу для формирования своего рода «архетипа целостности в

разных областях культуры», потребности в междисциплинарных стратегиях. Актуальность синергетики сегодня бесспорна и инициируется она, с одной стороны, «необходимостью нахождения адекватных ответов на глобальные цивилизационные вызовы кризисного мира», а с другой стороны, универсальностью ее методов, генетической связью с «наукой вечной» – математикой («за нас думает математика»), а «книга природы пишется языком математики», по крайней мере, со времени Галилея. В контексте современного антропологического поворота и изучения человекомерных систем синергетика сегодня формирует *синергетическую методологию*, как особый метауровень культуры, методологию междисциплинарной коммуникации и моделирования реальности [2].

Методология междисциплинарных исследований, по Ласло [3], это горизонтальная, трансдисциплинарная связь реальности, ассоциативная, с метафизическими переносами, символьными мотивами, несущими колоссальный эвристический заряд, в отличие от вертикальной причинно-следственной связи дисциплинарной методологии. Если *дисциплинарный подход* преимущественно решает конкретную задачу, возникшую в историческом контексте развития предмета, ориентируясь на устоявшиеся методы, инструментарий и причинно-следственные связи, то междисциплинарный подход основывается на холистическом способе структурирования реальности, полиморфизме языков и аналогии. Сегодня необходим фундаментальный парадигмальный проект, глубокая философская работа по исследованию процессов укоренения синергетики как ядра общенаучной картины мира (В. С. Степин).

Синергетика как наука о развивающихся системах рождается и развивается на пересечении и конструктивном взаимодействии предметного знания, математики и философии. Синергетика пытается синтезировать предыдущие подходы на базе современной культуры междисциплинарного и математического моделирования, фундаментальных открытий в области универсалистских динамических теорий (теорий катастроф, динамического хаоса, самоорганизации), компьютерного эксперимента, эволюционной эпистемологии, теорий искусственного интеллекта, интегральной психологии и медицины, тем самым выполняя свое предназначение синергетического синтеза и синергетической парадигмы [см. 2; 6; 7; 8]. Синергетическая методология чрезвычайно важна для разработки оснований методологии биоэтического обеспечения инновационного развития биологии и медицины, включающей механизмы системной гуманитарной оценки антропологических последствий инновационных проектов.

Обогащенный синергетическим стилем мышления постнеклассический тип рациональности учитывает соотнесенность об объекте не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами, в результате чего поиск научной истины соотносится как с внутринаучными, так и с социальными ценностями и целеполаганием [10; 19]. Через методологический дискурс наблюдается мощный поворот современной науки в сторону жизненного,

повседневного мира, сохраняя преемственность с классическими традициями и классической рациональностью. Парадоксальный диалог и встреча дисциплинарного знания и жизненно реальной практики в сфере биологии, медицины и биоэтики обеспечивают динамику и творческий поиск трансдисциплинарного исследования. Специфичность, уникальность, необратимость биомедицинского опыта и поистине экзистенциального для конкретного человека события, предъявляют новые требования к современному научному знанию и требуют особой меры ответственности перед исследователем (биологом, медиком, генетиком и т. п.). В соответствии с этим в методологическом анализе современной науки наряду с такими классическими принципами и критериями научного знания как объективность, истинность, обоснованность, доказательность, системность все в большей степени заявляют о себе принципы, сформированные в рамках биоэтического дискурса, но используемые сегодня в более широком научном контексте. К ним относятся: принцип *автономии личности*, основанный на единстве прав врача и пациента; принцип *информированного согласия*, требующий соблюдения права пациента знать всю правду о состоянии своего здоровья (или механизмы участия в испытании лекарственных средств и т. п.); принцип *конфиденциальности,* предполагающий строгое соблюдение врачебной тайны; принцип *справедливости*, в основе которого лежит представление о равноправии каждого на единые стартовые возможности и дающем каждому одинаковые шансы на достойную жизнь; принцип *доверия*, основанный на симметричности, взаимности отношений врача и пациента, при которых пациент отдает себя в руки врача с верой в его профессионализм и добрые намерения; принцип *«не навреди»*, предполагающий высокую степень ответственности тех, кто принимает решения в условиях риска в медицине и биологии, выстраивает прогнозы и осуществляет свою профессиональную деятельность. Такие гуманистические принципы вместе с высшими моральными ценностями биоэтики – «добро», «сострадание», «моральная ответственность», «долг», «совесть», «достоинство», «милосердие» мощно внедряются в современную трандисциплинарно-синергетическую методологию, определяя тем самым ее концептуально-теоретическое ядро и обеспечивая радикальный поворот к нравственно-аксиологическим измерениям.

Гуманистическая парадигма биоэтики, формирующаяся в результате перехода способов эмпирического описания врачебной морали к обостренной этико-философской рефлексии над нравственными основаниями биомедицинских исследований, своих собственных положений о моральных ценностях, приводит к расширению проблемного поля биоэтики с включением в нее не только нравственных, философских, но и правовых компонентов. Происходит объединение различных видов системы ценностей*: биологические* (физическое существование, здоровье, свобода от боли и т. д.), *социальные* (равные возможности, получение всех видов медицинских услуг и т. п.), *экологические ценности* (осознание самоценности природы, ее уникальности,

коэволюции), *личностные* (безопасность, самоуважение и т. п.). В рамках биоэтики формируются социальные механизмы, предусматривающие разработку этических кодексов, законов, повышение сферы ответственности профессионалов-медиков и биологов, расширение их обязанностей, закрепленных не только на личном, но и правовом уровнях. В то же время *гуманистическая парадигма биоэтики осуществляет сегодня прорыв в другие области теоретического и практического разума, поднимая тем самым высокую нравственную «планку»* в диалоге и взаимообогащении естественнонаучного и социально-гуманитарного знания, политики, экономики, права, общественной морали.

Возникает потребность в институционализации общественной морали, появляются новые институты морали – этические комитеты по этике и биоэтике, комиссии по экологии, комиссии по этической оценке и экспертизе научных проектов, советы по корпоративной и профессиональной этике и т. д. «Проблема институтов как фактора действенности морали с особенной остротой, – замечает Р. Г. Апресян, – проявилась в связи с обсуждением более специального вопроса о функционировании корпоративных и профессиональных моральных комплексов, в том числе, кодифицированных» [1, с. 14]. В рамках новой общественной морали формируются *дискурсивные этики*, позволяющие в отличие от универсалистской этики, членам сообщества включаться в обсуждение с целью защиты своих интересов, поддержания своей идентичности и партнерского взаимодействия. В социальной этике весьма важны отношение общества к личности, к членам сообщества, к институтам власти. *Стандарты общественной морали, формирующиеся и реализующиеся посредством деятельности различных социальных институтов, выступают в результате этого стабилизирующим началом глобализирующегося мира*.

Значимость науки для экономики (в качестве поставщика инновационных технологий и решений) и для политики (в качестве поставщика тем, проблем и знаний, необходимых для принятия решений), следовательно, возрастает. Инновационная политика становится одной из важнейших составных частей научно-технической и социально-экономической политики. Современное общество, которое не может существовать без нововведений, должно их стимулировать, а государственная инновационная политика – ориентироваться на принятие решений о поддержке или не поддержке конкретных инновационных проектов, учитывая при этом гуманистическую их экспертизу и междисциплинарные стратегии. Так, *нанотехнология,* как приоритетное трансдисциплинарное направление современности, объединяет ведущих ученых самых различных областей – физиков, химиков, биологов, наркологов, инженеров, философов, социологов, экономистов и др., преодолевая тем самым заложенное в названии нанотехнологии противоречие (это *технология,* но вбирающая в себя лучшие инновационные подходы науки). Трансдисциплинарность нанотехнологии проявляет себя уже на уровне понимания и объекта исследования, определенного лишь приблизительно как

область явлений, расположенных между микромиром и макромиром, и интегральных методов исследования, и специфических метаэкспериментальных средств (оборудования), привлекаемых из различных областей науки. Широкое признание нанотехнологии обосновывается во многом на пропагандируемых учеными и средствами массовой информации будущих проектов, способов дать феноменальные практические результаты (например, в сфере медицинской техники, автомобилестроении и т. п.) [9]. Однако, в методологическом ракурсе сегодня это инновационное направление требует глубокой гуманистической экспертизы и синергетического «проигрывания» различных сценариев и последствий их использования, интегрирования порою трудно согласующихся между собой экономических, политических, экологических, социокультурных, технических, социально-психологических и этических аспектов, проектирования и диалога науки, техники, политики, этики, гражданского общества.

Несомненно, нравственный или безнравственный, а точнее, гуманный или антигуманный характер может, скорее всего, иметь не сама научная деятельность, а *последствия применения научных открытий.* «При изучении человекоразмерных систем исследователю приходится решать ряд проблем этического характера, определяя границы возможного вмешательства. Внутренняя этика науки, стимулирующая поиск истины и ориентацию на приращение нового знания, постоянно соотносится в этих условиях с общегуманистическими принципами и ценностями» [12, с. 285–286]. И хотя ученый иногда не в силах предугадать эти последствия, это отнюдь не снимает с него моральной ответственности и перед обществом за свое открытие. *Проблема ответственности ученого перед обществом за результаты научных исследований, за их использование на благо или во вред человеку является одним из наиболее показательных моментов взаимосвязи современной генетики, биомедицины и морали*. Долг ученого заключается в том, чтобы информировать общественное мнение как о благах, которые принесет внедрение его открытия, так и об опасностях, которые могут возникнуть при злоупотреблении им.

2. Биомедицинские и генетические исследования: этико-правовая экспертиза

В современных исследованиях человека при всех взаимопереплетениях социальных, биомедицинских и философско-методологических детерминант ведущую роль начинают играть биологические, генетические подходы, биотехнологии, в результате чего происходят радикальные модификации его телесного и психического существования. Мощно заявивший о себе технологический подход при этом проявляется не только в плане возможной реализации генетического проекта, конструирования человека посредством вмешательства на молекулярно-генетическом уровне, но и в актуализации социального проекта, благодаря психологическому воздействию, эффективным технологиям индоктринации, формированию стереотипов восприятия и

социального поведения [26, с. 20]. Необходимо обращать внимание и на своего рода *меру антропоцентристского подхода,* ибо гипертрофированные принципы научно-исследовательского либерализма с ярко выраженными установками рационализма и эгоизма, индивидуальными потребностями, попытками конструирования человека по определенному замыслу, *оборачиваются атомизацией общества, отрывом современного человека от целей общества, забвением идеалов уникальности, самобытности каждого индивида, его ценностей и предназначения.*

Обостренный интерес к проблеме человека, несомненно, связан с тем переломным моментом истории, который переживает современное человечество, поскольку человек является точкой пересечения самых разнообразных проекций бытия – и природного, и социального, и культурного и информационно-виртуального, вбирая в себя и высвечивая в новом ракурсе различные измерения нашей природной, социальной и духовной жизни. Особое внимание привлекает сегодня генетика человека, в частности, то, что связано с изучением его генома, нейронаука (*neuroscience*), изучающая мозг, как основу человеческого поведения, различные биомедицинские науки, способные вызвать глубокие и радикальные изменения в человеке посредством воздействия на него [3; 5].

Биотехнологическая революция, происходящая в современных биомедицинских науках, их достижения и строящиеся прогнозы, как отмечает Фрэнсис Фукуяма, означают не просто нарушение или ускорение размеренного хода событий, а приводят к тому, что будущее человечества вовсе не является предопределенным, оно оказывается открытым, в решающей мере зависящим от наших нынешних решений и действий. В результате открытий и достижений в молекулярной биологии, когнитивных науках о нейронных структурах мозга, популяционной генетике, генетике поведения, эволюционной биологии и нейрофармакологии, открываются беспрецедентные возможности изменения природы человека.

Биомедицинские исследования, актуализируя проблему природы человека в контексте высоких биотехнологий, создают предпосылки открытости, инновационной модальности человеческого существования, непредсказуемости онтологической модели личности человека, придают гуманистический ракурс моделям проектирования альтернативного будущего человека и человечества, «этике предвидения», ибо речь идет о нравственном исчислении нового горизонта футурологического существования человеческого рода. Фантастический модульный принцип в прогнозе Элвина Тоффлера частично реализуется уже сегодня, не нарушая целостности тела при систематической замене некоторых частей – модулей. Тело освобождается от предопределенности, идентичность может меняться в зависимости от контекста и ситуации, молодость сохраняется, благодаря возможностям современной медицины, т. е. происходит реальная трансформация биологических оснований человека, «метафизики тела». Неизменность человеческой природы уступает

место принципу выхода из естественности, когда можно продлить жизнь, изменить пол, родить ребенка при отсутствии природных предпосылок и т. п.

Биоэтический дискурс со свойственной ему инновационностью и парадоксальностью, новыми «этическими стандартами» типа «беременность напрокат», «либеральность убийства», «репродукальный туризм» аккумулирует в себе подлинную междисциплинарность, стремительно внедряясь не только в различные науки, но и современную философию человека, в философскую антропологию. Обозначив медицинские возможности изменения телесной природы, современная биоэтика задает новые ракурсы исследования человека, расширяет границы философской рефлексии, инициирует дальнейший критический взгляд на инвариантность телесно-природной сущности человека. В таком ракурсе философия человека, обогащенная биоэтическими открытыми проблемами, приобретает практический характер, обеспечивая актуализацию фундаментальных философских представлений о сущности человека, познавательных способностях современной науки в исследовании человека, обосновании прогнозных альтернатив футурологического существования человека и человечества в их обращенности к реальной жизни [13, с. 52–54].

В результате происходит переосмысление и принципов классической европейской этики с ее утверждением самодостоверности существования человека, бинарными оппозициями «добро–зло», «должное–сущее», «хорошо–плохо» и т. п. Универсальные принципы и аксиологические критерии, линейные координаты и измерения, императивные правила и требования перестают определять характер принимаемых в современной биоэтике и медицине решений, требуя радикальной плюральности, нелинейной и гибкой аргументации, альтернативных подходов, учета конкретных практик жизненного мира и синергетической необратимости исходного морального выбора в биомедицинских исследованиях. Современная модель биомедицинской этики не абсолютизирует приоритеты врача, биолога или генетика, а ориентируется на *согласованность* и *сотрудничество* в обосновании прав и обязанностей обеих сторон, исходит из таких фундаментальных демократических ценностей, как *солидарность, соучастие, сострадание, коммуникалистские интересы* (Барбара Дженнингс). Она, несомненно, является более адекватной характеру и уровню тех проблем, которые стоят перед биоэтикой и требуют своего разрешения (проблемы эвтаназии, трансплантации, новые репродуктивные технологии, генетические манипуляции и т. д.). Новая – *автономная модель* исходит из принципа автономии пациента. Здесь врач должен опираться на представления самого пациента о том, что является благом для него, а точнее – решать этот вопрос в *диалоге* с ним, не рассматривая собственные представления как единственно правильные. По-другому при этом решается и вопрос об *информировании* пациента. Если в патерналистской модели оно ставится в зависимость от доброй воли и желания врача, то в данном случае выступает как его *обязанность.* Получение информации становится *правом* пациента знать обо всех существующих способах лечения его заболевания и о риске, связанном с

каждым из них. При этом право выбора и ответственность уже не сосредоточиваются всецело в руках врача, а распределяются между ним и пациентом.

Молекулярная биология и генетика открыли большие возможности для манипуляций с генетическим фондом человека: стало возможным исправлять генетические дефекты или вводить новую генетическую информацию в хромосомы человека. Многие из этих достижений направлены во благо человека. Но существует опасность и другого их использования.

Последние десятилетия XX в. ознаменовались бурным развитием молекулярной генетики, приведшим к появлению *генной инженерии,* на основе которой разрабатываются различного рода биотехнологии, создаются генетически модифицированные продукты. Появились возможности генной терапии некоторых заболеваний человека, его зародышевых и соматических клеток, получения идентичных генетических копий организма. Эти формы генетического вмешательства требуют оценки и обсуждения своих социально-экономических последствий, как в силу того, что вырабатываемые в ходе дискуссий решения воздействуют на направления проводимых исследований, так и с точки зрения формирования адекватной реакции общества на возможность и необходимость их использования. Сегодня уже очевидно, что генная и биотехнологии обладают огромным потенциалом и возможностями воздействия на человека и общество [5; 17].

При разработке модели государственного регулирования безопасности генно-инженерной деятельности к ней предъявляются *следующие требования*:

– *во-первых,* она должна обеспечить безопасность человека и окружающей среды при осуществлении генно-инженерной деятельности и использовании ее результатов, одновременно создавая благоприятные условия для развития генетической инженерии как одного из приоритетных научных направлений;

– *во-вторых,* при формировании системы биобезопасности государство должно избегать существенного изменения действующего законодательства, создания новых государственных структур, которые лягут дополнительным бременем на республиканский бюджет и рядового налогоплательщика. Надо использовать уже существующие структуры, наделив их, если в этом есть необходимость, соответствующими полномочиями;

– *в-третьих,* в новом законодательстве в области биобезопасности важно использовать нормы и процедуры, которые можно выполнить с минимальными затратами ресурсов и средств. Сами процедуры должны быть простыми и понятными для граждан;

– *в-четвертых,* общество имеет право получать полную и достоверную информацию о результатах генно-инженерной деятельности и осуществлять общественный контроль. Поэтому в создаваемой системе биобезопасности должен быть предусмотрен механизм информирования и участия общественности в принятии решений в этой области [3, с. 136].

В контексте биоэтического дискурса актуализируются нравственные и правовые проблемы биобезопасности, обоснования механизмов безопасности как

системы мер «по обеспечению безопасного создания, использования и трансграничного перемещения живых измененных организмов, являющихся результатом биотехнологии» [16].

Среди потенциальных рисков для здоровья человека, связанных с использованием генно-инженерных биотехнологий, рассматриваются, например, изменение активности отдельных генов живых организмов под влиянием вставки чужеродной ДНК, в результате которого может произойти ухудшение потребительских свойств продуктов питания, получаемых из этих организмов. В продуктах питания, полученных из генно-инженерных организмов, может быть повышенный по сравнению с реципиентными организмами уровень каких-либо токсичных, аллергенных веществ, который превышает установленные пределы безопасности. Опасения экологов вызывает высвобождение в окружающую среду трансгенных организмов, прежде всего сельскохозяйственных растений и животных, в геном которых привнесены чужеродные, не характерные для них гены микроорганизмов, вирусов, что может приводить к изменению естественных биоценозов в результате переноса трансгенов диким видам, появлению новых, более агрессивных патогенов, сорняков, поражению организмов, не являющихся мишенями трансгенных признаков, и др. К настоящему времени разработана эффективная система оценки безопасности ГИО для здоровья человека и окружающей среды. Она содержит целый ряд подходов и методов, применяемых, начиная с этапа планирования предполагаемой генетической модификации и заканчивая получением свидетельства о государственной регистрации трансгенного сорта, дающего право использовать ГИО в хозяйственной деятельности. В большинстве развитых стран мира принято и эффективно функционирует специальное законодательство, касающееся биобезопасности, а также созданы соответствующие компетентные органы, которые претворяют его в жизнь [3, с. 156].

Большинство из предложений по совершенствованию системы биобезопасности было разработано и закреплено в Законе Республики Беларусь «О безопасности генно-инженерной деятельности» [12], в котором впервые раскрыто содержание важнейших понятий в области генно-инженерной деятельности, которые имеют значение для правильного формирования и развития нормативно-правовой базы в этой области отношений. В законе однозначно закреплено, что его положения не распространяются на отношения, связанные с применением методов генетической инженерии к человеку, его органам и тканям, а также обращением с фармацевтическими препаратами, продовольственным сырьем и пищевыми продуктами, кормами для животных, полученными из генно-инженерных организмов или их компонентов. Они регулируются специальным законодательством о здравоохранении.

Этические проблемы генетических исследований регулируются *Всеобщей декларацией о геноме человека и правах человека*, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО (1997). Достоинство этого документа – в сбалансированности между гарантиями соблюдения прав человека и необходимостью обеспечения свободы исследований. Кроме того, Декларация

сопровождается резолюцией о ее осуществлении, в которой государства-члены обязуются принять соответствующие меры содействия реализации провозглашенных в ней принципов.

Генно-инженерные исследования к началу XXI в. все больше затрагивают интересы общества, а этические проблемы становятся важным компонентом научной деятельности ученых – биологов и медиков. Все больше ученых склоняются сегодня к мысли, что исследования в этом направлении следует продолжать, однако главной целью их должно быть не улучшение природы человека, а лечение болезней. В *Декларации о геноме человека* записано: «Цель прикладного использования результатов научных исследований по геному человека, в том числе в области биологии, генетики и медицины, должна заключаться в уменьшении страданий людей и в улучшении состояния здоровья отдельного человека и всех людей».

Одним из наиболее проблематичных в этическом отношении является такое направление, как *клонирование.* Достигнут огромный прогресс в клонировании животных из соматических клеток. Правда, разработанные методы пока еще далеко несовершенны, в процессе экспериментов наблюдается высокая смертность плодов и новорожденных. Неясны многие теоретические вопросы клонирования. Тем не менее, достигнутые успехи показали теоретическую возможность создания генетических копий человека из его отдельной клетки. Многие ученые с энтузиазмом восприняли идею клонирования человека. В то же время в ст. 11 *Декларации о геноме человека* говорится, что не следует допускать практику, противоречащую достоинству человека, в частности практику клонирования в целях воспроизводства человеческой особи. Совет Европы в дополнении к *Европейской конвенции о правах человека и биомедицине* также подчеркнул: «Запретить всякое вмешательство, преследующее цель создать человеческую особь, идентичную другой – живой или мертвой».

Подобные нравственные и правовые проблемы возникают сегодня и в связи с глобальными *достижениями психиатрии, нейрохирургии и нейробиологии, благодаря проникновению науки в глубь психики и структуры сознания личности, в связи с возможностью вмешиваться в эту структуру и влиять на нее с помощью современных био-, фармо- и психотехнологий*.

Радикальные повороты постнеклассической науки, связанные с включением в ее арсенал идей глобального эволюционизма, синергетических принципов нелинейности, открытости, многовариантности, этических и аксиологических аргументов оказали сильнейшее влияние на теоретико-методологические исследования в области психики человека. Постнеклассический этап в развитии философии и методологии науки в целом, в том числе, в естествознании, психологии, медицине и других науках, наступивший в последней трети XX века, ознаменовался завершением методологического кризиса и осмыслением последствий революционных открытий в науке, повлекших за собой введение в философско-методологический дискурс инновационных подходов и концептов.

Философско-методологический анализ научных представлений о психике человека, постнеклассические методологические установки «высветили» роль самоорганизующихся структур психической системы (среды), позволив к 90-м годам XX века *исследовать психику как синергетический объект*, гиперсистему синергетического порядка с совокупностью фазовых состояний различных видов самоорганизующихся процессов. В основу исследования психики в синергетическом ракурсе были положены принципы сложности, системности и самоорганизации, а целостность психики выступила в системном описании ее множество измерений – информационных и энергетических, индивидуального прижизненного и трансличностного коллективного бытия и становления, субстратных и процессуальных, соотносимых с уровнями живого, неживого и виртуального.

Сохранение целостности человеческой личности, психического и духовного равновесия в жестких социокультурных условиях и отлаженных манипуляционных механизмах социальной динамики XXI столетия становится одной из глобальных проблем философской и трансдисциплинарной рефлексии. Экология психики или экологопсихологического состояния человека, формирует сегодня социальный заказ на необходимость разработки концептуальной модели организации и поведения гиперсистемы психики человека и психомерных сред как основного фактора, влияющего на процесс становления и характер поведения личности, общества и цивилизации в третьем тысячелетии. Здесь не обойтись без междисциплинарного взаимодействия не только внутри гуманитарных или внутри естественных наук, но и диалога на «перекрестках» естественных и гуманитарных наук, медицины и техники, математики и кибернетики с учетом их инновационных знаний.

Синергетическая модель психики, экология психики радикально расширяют горизонты исследования тайн человеческой психики, взрывают традиционные интерпретации психики через призму «функционирования» сознания, «деятельностного подхода» (в рамках которого порою нивелируется специфика психической деятельности), выводят философско-методологическую рефлексию на решение не только чисто теоретических проблем исследования феномена психики, но и в область практической философии и методологии науки. Речь идет о решении проблемы социальной и интеллектуальной адаптации человека в быстроменяющемся мире, сохранении духовного баланса в мире социальных конфликтов, необходимости разработки принципов самоорганизации системы психической реальности. В контексте ноосферного мышления, принципа универсального эволюционизма, системно-синергетического и человекоразмерного подходов современной науки, психика рассматривается с позиций и организменно прижизненного уровня (уровня живого), соотносимого с периодом жизни человека-индивида, его социальной реализацией, функционированием его мозга и/или нервной системы, системы психической реальности, и с позиции надорганизменного уровня, когда мораль, нравственность, культура оказывающие влияние на психику человека выступают как результаты надорганизменной эволюции, как процессы развития

сложных систем (И. В. Ершова-Бабенко). В этом контексте понятен и предмет новой научной дисциплины – психосинергетики, в качестве которого выступает круг психомерных сред как открытых нелинейных самоорганизующихся систем, в формировании и существовании которых существенным фактором становится психика человека, ее состояние и структура, определяемые возрастом и скоростью составляющих ее субъединиц разного уровня, их отношениями, связями и др. Психомерная система, далекая от равновесия, теряет свою устойчивость, может переходить к одному из многих возможных состояний, причем никак не связываемых с логикой наличной ситуации, «здесь и теперь», а порою такой переход психомерной системы к соответствующему состоянию, хранящемуся в памяти, может осуществиться и в очень отдаленном во времени, пространстве и фазе истории существования данной психомерной системы, в отличие от других сложных систем. Когда психомерная система находится в крайне неравновесном состоянии, ее «судьбу» и «разрешимость» могут определять очень малые события (флуктуации), на которые обычно, т. е. в устойчивом состоянии, состоянии равновесия, эта система не реагирует. Следует иметь в виду, что крайне неравновесное состоянии играет важнейшую роль в поведении психомерных сред [11, с. 460–490]. Экология психики в глобальном ее измерении, в отличие от общеэкологической, достаточно хорошо разработанной проблематики, требует для своего развития и изучения человеческой психики коммуникативного прорыва со стороны самых различных специалистов и ученых.

Синергетическая методология сегодня во многом определяет биомедицинский дискурс в методологическом осмыслении статуса и перспектив развития современной психиатрии. Отказ от жестких средств обоснования научного знания, учет различных, действующих на систему параметров и обращение к концепциям случайных, вероятностных процессов демонстрируют на современном этапе многие медицинские дисциплины. Кризис советской клинической психиатрии, как отмечают некоторые исследователи, во многом объясняется «пристрастием» к линейному принципу, согласно которому каждая (психическая) болезнь должна включать единые причины, проявления, течение, исход и анатомические изменения (т. е. одна причина дает одинаковый эффект). Такая «жесткость» в формулировке тезиса (постановке клинического диагноза), как свидетельствует современная медицина, ничем не оправдана, ибо нельзя не учитывать тот фактор, что как неповторимы физические и духовные свойства отдельных индивидов, так индивидуальны проявления и течение болезни у отдельных больных.

Аргументация на основе «непогрешимого», «объективного», «непредвзятого» клинического метода, изложения «без личного толкования» и нравственного измерения является несостоятельной не только с логической точки зрения, демонстрируя неадекватность претензий клинического метода на индуктивное выведение законов, ибо в данном случае, как справедливо указывает Н. А. Зорин, система постановки клинического диагноза представляет собой не что иное, как суждение по аналогии, или индуктивное

доказательство, когда на основе повторяемости симптомов и синдромов конструируется представление о законе, (нозологической форме), но и в морально-психологическом плане, поскольку лечение адресуется не к личности, как декларируется клинической психиатрией, а к болезни, т. е. лечится «болезнь, а не больной».

Современный уровень исследований в медицине не может ограничиваться лишь аналитическим изучением отдельного явления без учета взаимосвязи с более сложной динамической системой. Целостный подход предполагает понимание болезни как внутренне динамичной системы, функционирование которой определяется широким диапазоном факторов – от генетических до социальных. Важным является учет всех свойств живого организма как при медико-биологических исследованиях, так и в условиях лечения.

Синергетический и экзистенциальный характер биомедицинских проблем требует учета в их решении этических ценностей и моральных норм, вносящих дополнительное измерение к истинности и достоверности предмета исследования, ибо жизнь, жизненное, соотнесенное с конкретным носителем этого качества – это не только выживание, но и проживание и переживание, указывающие на различные и наиболее очевидные модусы состояния жизни. Отсюда введенные исследователями концепты «биологос», «биорациональность», которые выступают как средства представления того, что вкладывается в понимание жизненного, жизнь, когда *жизнь, «сама по себе», присутствующая в биологии (био-) как некая непредставимая предпосылка, как выживание, дополняется новым качеством при ее соотнесенности с конкретным носителем жизни в ее различных модусах и состояниях, проживаниях и переживаниях*. Многомерность и неоднозначность трактовки жизни (биологоса) обусловлена не только ее особым неповторимым индивидуальным опытом, но и спецификой применяемых теоретико-методологических средств, включающих в себя теоретические реконструкции в конкретно-дисциплинарном ракурсе, дополненные историческим описанием необратимо случившегося и морально-нравственными регулятивами и оценками биомедицинского эксперимента и опыта [14, с. 30–32].

Увеличение возможностей вмешательства в заданные природой условия и границы человеческой жизни, укоренение в реальной медицинской практике реанимации и поддержки человеческой жизни, искусственной беременности, трансплантации органов и тканей человека, медикализация образа современной жизни высвечивает перед медиками, пациентами, их родственниками ранее не существующие проблемы, касающиеся как подлинного блага больного, т. е. этики, так и вопросы справедливого, должного отношения к другому. Формирующаяся при этом партнерская модель отношения врача и пациента предполагает наличие механизмов социального консенсуса, публичных институтов выработки адекватных решений посредством этических комиссий, комитетов, формирования рациональных принципов биомедицинской этики, ее институционализации.

С методологической точки зрения, в биоэтике наблюдается интересный феномен, связанный, с одной стороны, с наличием преемственности в плане обращения к рациональным процедурам обоснования моделей социального консенсуса, благодаря публичным институтам выработки решений, онтологическим основаниям и постулатам определенной картины мира (подобно публичной рациональности и этике в античности), с другой стороны, открытость, проблематичность парадоксальность решаемых в биоэтике и медицине вопросов требует сегодня «прояснения» ее онтологических оснований, учитывая существование плюральных образов и картин мира, систем ценностей, культурно-исторической специфики. *Одной из важнейших задач современной методологической рефлексии в области биоэтического дискурса и является обоснование принципов достижения рационального согласия по морально-этическим открытым вопросам в условиях проблематичности, неопределенности и многообразия онтологических оснований*. В качестве обосновывающейся мысли здесь не обойтись без принципа открытости к радикально иному, вне диалога отдельных культур и ценностей, согласования этического и прагматического, разумного сочетания экономики выживания, ориентированной на природные потребности человека и экономики желания, расширяющей возможности человека в плане изменения природы, технологического преодоления любых ее ограничений, этического обоснования и преодоления абсолютизации любого иного, интерпретации его как идеального и всеобщего, согласования истолкований выбираемой позиции с обращенностью этической рациональности к иному и иного к разумному пониманию культурно-исторической обусловленности онтологических оснований принимаемых биомедицинских решений [24, с. 87–88].

Биотический дискурс взаимодействует и с либеральной идеологией, включая в себя такие ее ценности, как автономия личности, свободу выбора, информированное согласие. На уровне же правового сознания в результате таких трансформаций осуществляется либерализация юридических норм, о чем свидетельствует, например, принятие *новой редакции Закона РБ «О трансплантации органов и тканей человека»* (принят 9 января 2007 г.), где по сравнению с ранее действующим законом (от 4 марта 1997 г.) сформулированы следующие уточнения: даны определения отсутствующих ранее терминов (забор органов и (или) тканей человека, живой донор, трупный донор, смерть); внесено положение о приоритете Конституции Республики Беларусь; уточнены аспекты международного сотрудничества; более четко определены условия и порядок выполнения трансплантации органов и тканей; в соответствии с действующим законодательством определены организации, занимающиеся трансплантацией органов и тканей; установлены ранее отсутствовавшие четкие ограничения, связанные с забором органов для трансплантации у живого донора; уточнены условия забора органов для трансплантации; определены права и обязанности живого донора; внесены значительные изменения в статью 11 об условиях забора органов у трупного донора, исключающие неопределенное толкование отдельных положений статьи и

основополагающего принципа презумпции согласия; уточнены положения о согласии реципиента на трансплантацию; определена ответственность за нарушение законодательства Республики Беларусь о трансплантологии.

Легализация эвтаназии в ряде стран также свидетельствует о либерализации юридических норм под воздействием происходящих в современной медицине и культуре процессов [10, с. 95–96]. Взаимопроникновение философских, медицинских, правовых и этических подходов осуществляется в процессе диалога и полемики, при учете социокультурных, религиозных и других факторов, влияющих на принятие решений в конкретных ситуациях, не претендуя на статус универсальных общеобязательных норм, что и специфицирует становление биоэтики как междисциплинарной науки.

Фундаментальные тенденции развития методологии, теории и методики биомедицинских исследований с участием человека, их институционализация, поиск механизмов внедрения качественной этической практики, а также путей сотрудничества Комитетов по этике с регуляторными органами, исследователями, спонсорами и пациентами при проведении биомедицинских исследований являются чрезвычайно актуальными для Республики Беларусь. Среди них выделяются *этико-правовые параметры, теоретико-методологические основания* и *деонтологические аспекты*.

Государственную политику в области охраны здоровья населения, правовые, экономические и этические основы проведения клинических, медико-биологических и генетических исследований на человеке, а также права и обязанности пациента определяет, прежде всего, *Закон Республики Беларусь о здравоохранении*. Согласно ст. 31., клинические и методико-биологические исследования на человеке могут проводиться с лечебной целью в государственных организациях здравоохранения при подтверждении их научной обоснованности только с письменного добровольного согласия лица, подвергаемого исследованию, ознакомленного с их целями, продолжительностью, ожидаемыми результатами и возможными последствиями для его здоровья. Таким образом, в данном Законе юридически закреплена современная *модель автономии пациента,* базирующаяся на *принципе информированного согласия.*

Созданные в Республике Беларусь при лечебно-профилактических учреждениях и медицинских университетах Комитеты по этике, а также Национальный комитет по биоэтике (апрель, 2006) руководствуются при проведении биомедицинских и генетических исследований вышеуказанными нормами, а также нормами международного права, в частности, *Хельсинкской Декларации* (1964)*, Женевской* (1993)*, Лиссабонской* (1981) и др.

Права, безопасность и здоровье испытуемых являются предметом первостепенной важности и должны превалировать над интересами науки и общества. Для защиты интересов испытуемых предусмотрено рассмотрение Комитетом по этике вопросов, касающихся информации, предоставляемой

испытуемым, квалификации исследователей, выбора испытуемых, расписания мониторинга исследования, конфиденциальности информации.

Таким образом, в современных биомедицинских, генетических и философских исследованиях человека осуществляются нравственно-аксиологические повороты, происходит реальный диалог современного социально-гуманитарного, философского и биомедицинского знания, направленный на включение в арсенал науки о человеке идеалов гуманизма, нравственности, справедливости, принципов и постулатов междисциплинарной синергетической методологии.

3. Стратегии социальной коммуникации в освещении биомедицинских исследований и технологий

В данном разделе раскроем статус и роль социальной коммуникации в освещении современных биомедицинских исследований. Акцентируем внимание при этом на необходимости профессионального отражения в средствах массовой информации достижений современной науки в сфере биомедицины, механизмов этического регулирования научных исследований и обеспечения гуманистической экспертизы используемых биомедицинских и нанотехнологий. Дело в том, что сегодня недостаточно знаний в сфере социальных коммуникаций при оценке последствий и возможных угроз для здоровья человека от использования биомедицинских и генно-инженерных технологий. В соответствии с этим социальная коммуникация является фактором не только научного, но и образовательного пространства, прерогативой коммерческого сектора, что еще в большей мере требует профессионализма и этического контроля за ее функционированием.

В современных исследованиях особое внимание уделяется проблеме рисков, которые действительно настигают нас повсюду, все чаще оказываясь за гранью неопределенности, поскольку некоторые эффекты могут иметь долгосрочный характер и быть непредсказуемым даже для исследователей [22, с. 209]. Современная наука с ее безграничными возможностями фиксирует, что вне анализа рисков, связанных с развитием новых био- и нанотехнологий, их влияния на здоровье человека, невозможно решить проблему безопасного существования человека, сохранения его идентичности, самосовершенствования, автономии, установления границ между болезнью и здоровьем. Немаловажную роль в актуализации инновационных подходов к здоровью человека в контексте развития био- и нанотехнологий, оценки возможных негативных последствий от их использования играет современная социальная коммуникация, по-разному проявляющая себя в сфере науки, культуры журналистики. С методологической позиции не только перед исследователями, но и перед представителями СМИ, других каналов социальной коммуникации возникает вопрос, требующий специального изучения – *насколько экологически, экономически и нравственно оправданы существующие модели, принципы, способы и особенности репрезентаций телесности, здоровья и качества жизни человека*, насколько соблюдаются при

этом этические нормы и профессиональные подходы относительно используемых по отношению к улучшению человека технологий. Выжидательная политика в таких условиях вряд ли уместна, поэтому внедрению инновационных технологий должен предшествовать *принцип предосторожности*, требующий как можно более тонкой оценки достигнутых рисков и ценностно просчитываемых ожидаемых результатов.

Цикл опубликованных профессором П. Д. Тищенко совместно с член-корр. РАН Б. Г. Юдиным и их коллегами работ [23], серия проведенных ими семинаров с участием ученых и журналистов (Москва, Дагомыс, Казань, Барнаул, Ереван, Минск), биоэтический анализ и экспертиза дискуссий в СМИ позволили зафиксировать, что журналистам не хватает профессиональных знаний в такой «тонкой» сфере, как биоэтика, что имеются конкретные факты «злоупотребления журналистом своими правами и обязанностями». «Вместе с тем был сформулирован и ряд принципиальных этических норм работы журналистов при обсуждении сюжетов, касающихся жизни, смерти, страдания людей» [21].

В условиях радикальных открытий в современной науке и ее уникальных возможностей в улучшении природы человека, глобализации и информатизации общества *социальная коммуникация* становится феноменом, представляющим собой фундаментальное основание общественной жизни и профессиональной деятельности, формирования «общества доверия» и достижения социального согласия по дискуссионным вопросам. Статус социальной коммуникации сегодня является фактором не только научного и образовательного пространства, но и прерогативой коммерческого сектора, что еще в большей мере требует этического контроля над ее функционированием.

С концептуально-методологической точки зрения, *социальная коммуникация – это социально обусловленный способ и процесс передачи информации от одной системы к другой посредством специальных носителей (знаков, сигналов, языков),* осуществляющийся между отдельными субъектами, группами, организациями, государствами, культурами с целью обеспечения функционирования, взаимосвязи и развития социальных систем, трансляции социокультурного опыта, организации совместной деятельности и управления обществом. Социальная коммуникация в процессе непосредственного общения между людьми неразрывно связана с их психологическим взаимодействием и лишь в абстрактной модели может рассматриваться как самостоятельная информационная форма межличностной коммуникации. *Социальная коммуникация как наука* представляет собой совокупность исследований о роли коммуникации в обществе, имея в виду её историю, развитие, содержание и структуру коммуникационных процессов, использование определенных средств коммуникации, исследование смысловых аспектов социального взаимодействия. В результате формируется *система знаний и деятельности по получению новых знаний о коммуникации*, *синтезируясь в единое научное знание (науку)*.

Выделившись в самостоятельную область социальных наук в контексте быстро развивающихся информационно-технических средств (радио, телевидения, компьютеров, техники в целом), становления кибернетики, информатики, семиотики, усложнения математики и инженерных наук, развития крупных корпораций, мощной динамики процессов глобализации, с*оциальная коммуникация* прошла *несколько этапов своего становления и опредмечивания с 1920-х гг.* Как *междисциплинарная область исследований*, социальная коммуникация развивается в тесном взаимодействии с другими науками. В контексте бурного развития современной науки, ее био- и нанотехнологиий на авансцену социальной коммуникации в лице журналистики, популярных телевизионных программ и передач, публицистической литературы выходит необходимость высоких требований к компетентности их представителей, как субъектов *публичной коммуникации*, особого вида именно *институционального общения с публикой*. Любые сообщения в такой коммуникации затрагивают общественные интересы и приобретают публичный характер.

Действительно, биоэтика, как достаточно молодая наука, возникающая в связи с развитием современных биотехнологий, нуждается в популяризаторской функции изложения ее открытий, смысл которых не всегда понятен широкой публике и требует объяснения в доходчивой форме. Эксперты СМИ, других социальных коммуникаций, представляющие биологические и медицинские науки, должны грамотно объяснить «человеку с улицы», что собою представляет та или иная технология, как ее применить, а следует ли ему ее использовать, решит сам человек. В вопросах, подобных таким, как стоит ли принимать участие в испытании лекарственных средств, надо ли быть донором почки для близкого человека, решение остается за выбором конкретного человека, в соответствии с его долгом, ответственностью, системой ценностей. Эти «открытые», не имеющие однозначного ответа, проблемы вызывают острые дискуссии в СМИ, поэтому так важен конструктивный диалог СМИ и биоэтики.

При этом важно разъяснять, что на новом технологическом уровне биотехнологии совершенно по-другому проявляют себя в ситуации имплантации, диагностики, информационной интеграции человека и машины. «Вписывание» нанотехнологии в рамках типовой технологии, регулируемой с помощью принципов биоэтики, и, прежде всего, через сопоставление риска и пользы технологии для человека, существенно мультиплицирует потенциал рисков. При объединении ключевых технологий в единое направление – НБИК технологии (нано-, био-, инфо-, когнитивные науки) приоритет отдается нанотехнологиям, выступающим в качестве своего рода платформы, позволяющей объединить информационные и биотехнологические идеи ученых, делающих инновационные прорывы. С методологической точки зрения поиск адекватного способа распределять риски является одной из проблем нанотехнологий [27, с. 818].

При обсуждении в СМИ возможностей использования нанотехнологий – технологий работы с веществом на уровне отдельных атомов, следует обращать внимание на то, что особую роль они выполняют в модификации человека, его физического и психического здоровья, биологической природы. При внедрении в человеческий организм подобных «продуктов», произведенных с использованием био- и нанотехнологий можно предотвратить старение клеток, способствовать улучшению и перестройке тканей человеческого организма, продлить жизнь, «выключить» старение, переделать программу, записанную в ДНК. Но как это отразится на последующем состоянии человека, его здоровье, во многом зависит от механизмов этического регулирования, использования наноматериалов, изучения их влияния на долгосрочную перспективу человеческого существования. Важно иметь в виду и то, что в экономике знаний, наиболее ярким примером которой является биотехнологическая промышленность, местом осуществления инноваций становятся коммерчески ориентированные структуры, позволяющие преобразовывать инновационные открытия в коммерческие продукты и услуги, экономически ожидаемый эффект и прибыль которых оцениваются аналитиками рынках [25, с. 166–191]. Этот аспект на раз вызывал бурные дискуссии в СМИ.

Таким образом, биомедицинские и нанотехнологические исследования, актуализируя проблему природы человека и его здоровья в контексте высоких технологий, создают предпосылки открытости, инновационной модальности человеческого существования, задают необходимость гуманистического ракурса моделей проектирования альтернативного будущего человека и человеческого рода. Стратегическая задача, стоящая сегодня перед научным и философским сообществом, это не только включение в структуру научно-познавательной деятельности этических и аксиологических аргументов, но и наработка новых ценностных смыслов и подходов в самых различных областях исследования – науке, социальной коммуникации, экономике, политике, бизнесе. Вне отчетливого понимания необходимости диалога СМИ и науки, профессионального развития социальной коммуникации, укрепления ее научного и образовательного статуса, учета контекста исторической эпохи, своеобразия индивидуального и национального опыта, невозможно в обновление социальной коммуникации как фактора консолидации общества, формирования идеалов доверия, согласия и ответственности.

Список литературы

1. *Апресян, Р. Г.* Понятие общественной морали (опыт концептуализации) / Р. Г. Апресян // Вопросы философии. – 2006. – № 5. – С. 3–17.

2. *Аршинов, В. Н.* Синергетика как инструмент формирования новой картины мира / В. Н. Аршинов, В. Г. Буданов // Человек, наука, цивилизация: к 70-летию акад. В.С. Степина / отв. ред. И. Т. Касавин. – М.: Канон, 2004. – 816 с. – С. 428–463.

3. Биотехнология. Биобезопасность. Биоэтика / под ред. А. П. Ермишина. – Минск: Тэхналогія, 2005. – 373 с.

4. Биоэтика в СМИ: рекомендации для журналистов / редакторы-составители П. Д. Тищенко, Б. Г. Юдин. – М.: ИФ РАН, 2008. – 60 с.

5. Биоэтика. Вопросы и ответы / под ред. Б. Г. Юдина, П. Д. Тищенко. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 63 с.

6. *Буданов, В. Г.* Методология синергетики в постнеклассической науке: принципы и перспективы / В. Г. Буданов // Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. – СПб.: Міръ, 2009. – С. 361–396.

7. *Буданов, В. Г.* Синергетика коммуникативных сценариев / В. Г. Буданов // Синергетическая парадигма: Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания / отв. ред. Л. П. Киященко, П. Д. Тищенко. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 560 с. – С. 444–461.

8. *Буданов, В. Г.* Синергетическая методология / В. Г. Буданов // Вопросы философии. – 2006. – № 5. – С. 79–94.

9. *Горохов, В. Г.* Междисциплинарные исследования научно-технического развития и инновационная политика / В. Г. Горохов // Вопросы философии. – 2006. – № 4. – С. 80–96.

10. *Гребенщикова, Е. Г.* Биоэтика – вариант «постэтики» / Е. Г. Гребенщикова // Философские науки. – 2009. – № 1. – С. 90–96.

11. *Ершова-Бабенко, И. В.* Место психосинергетики в постнеклассике / И. В. Бабенко // Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. – СПб.: Міръ, 2009. – 672 с. – С. 460–490.

12. Закон Республики Беларусь от 9 января 2006 «О безопасности генно-инженерной деятельности // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – № 9. – 2/1193.

13. *Йонас, Г.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Г. Йонас. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 480 с.

14. *Киященко, Л. П.* Биологос: динамика хронотопа / Л. П. Киященко // Философские науки. – 2009. – № 1. – С. 29–44.

15. *Ласло, Э.* Основания трансдисциплинарной единой теории / Э. Ласло; пер. Ю. А. Данилова // Синергетическая парадигма: Многообразие поисков и подходов. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 536 с. – С. 326–333.

16. Международная конференция о сохранении биологического разнообразия (Рио-де-Жанейро, 05.06.1992) // Экоинформ. – 1995. – № 8. – С. 32.

17. *Савченко, В. К.* Эволюция генома человека / В. К. Савченко // Наука и инновации. – 2013. – № 12. – С. 7–11.

18. *Степин, В. С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / В. С. Степин // Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. – СПб.: Міръ, 2009. – 672 с. – С. 249–295.

19. *Степин, В. С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В. С. Степин // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 3–18.

20. *Степин, В. С.* Философия науки. Общие проблемы / В. С. Степин. – М.: Гардарики, 2006. – 384 с.

21. *Тищенко, П. Д.* Биоэтика и журналистика / П. Д. Тищенко, Б. Г. Юдин. – М.: АдамантЪ, 2011. – 128 с.

22. *Тищенко, П. Д.* На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики / П. Д. Тищенко. – СПб.: Міръ, 2011. – 328 с.

23. *Тищенко, П. Д.* Проблемы биоэтики в СМИ / П. Д. Тищенко, Б. Г. Юдин. – М.: ИФ РАН, 2006. – 93 с.

24. *Шеманов, А. Ю.* Медикализация жизни и генезис этического сознания / А. Ю. Шеманов // Философские науки. – 2009. – № 1. – С. 75–89.

25. *Юдин, Б. Г.* Технологические формы существования социально-гуманитарного знания в современном обществе / Б. Г. Юдин / Рабочие тетради по биоэтике. – Выпуск 17. – М.: Московский гуманитарный университет, 2013. – С. 166–191.

26. *Юдин, Б. Г.* Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека) / Б. Г. Юдин // Биоэтика и гуманитарная экспертиза: проблемы геномики, психологии и виртуалистики. – М.: ИФ РАН, 2008. – 224 с. – С. 3–27.

27. *Yaskevich, Ya.* Humanistic Priorities of Nanotechnologies and Nanoethics / Ya. Yaskevich // XXIII World Congress of Philosophy / 04–10 August 2013, University of Athens. – Athens, 2013. – P. 818.

БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ ЮДИН: ЭТИКА НАУКИ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ДИАЛОГ КАК СТРАТЕГИЯ И ОБРАЗ ЖИЗНИ

Яскевич Ядвига Станиславовна
Белорусский государственный университет, Минск
Мишаткина Татьяна Викторовна
Международный государственный
экологический институт им. А. Д. Сахарова БГУ, Минск

Борис Григорьевич Юдин – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, главный редактор журнала «Человек». Борис Григорьевич Юдин – видный специалист в области философии и методологии науки, лидер биоэтических исследований в России. Ушел из жизни 6 августа 2017 г. после тяжёлой продолжительной болезни**.** Наш Форум «Человек в рискогенном обществе» был посвящен его памяти.

Рассмотрим истоки и основные вехи жизни Бориса Григорьевича, чтобы показать удивительную закономерность, проявляющуюся на всем жизненном пути этого замечательного человека, подчеркнув тем самым, как его личностный профессиональный интерес давал импульс и воплощался в самых актуальных направлениях развития отечественной философии, методологии и этики науки.

Борис Григорьевич Юдин родился 14 августа 1943 г. в Москве. Большое влияние на его жизненный путь оказал его старший брат Эрик Григорьевич. В 1961 г. Борис Григорьевич поступил в МВТУ–МГТУ им. Баумана В эти годы он вместе с братом Эриком начал посещать семинары Московского методологического кружка, которым руководил Г. П. Щедровицкий. Увлекся основными проблемами философии, системными исследованиями и темой самоорганизации.

В 1969 г. Б. Г. Юдин был принят в аспирантуру Института истории естествознания и техники АН СССР. Занятия системными исследованиями и проблемой самоорганизации вывели Б. Г. Юдина в самом начале его пути в науке в поле междисциплинарных исследований, что определило весь характер его научного творчества. В 1971 г. в Институте философии АН СССР Б. Г. Юдин защитил кандидатскую диссертацию по самоорганизации. Первые его публикации, к сожалению, подверглись идеологическому осуждению. С высоких партийных трибун его обвинили в пропаганде постиндустриализма и конвергенции. В этот трудный период жизни Б. Г. Юдина взял под защиту И. Т. Фролов, пригласив его работать в журнал «Вопросы философии». В те годы журнал «Вопросы философии» был одним из самых читаемых и авторитетных журналов**.**

С 1977 г. Б. Г. Юдин работал в секторе методологических проблем истории науки Института истории естествознания и техники АН СССР. Им были проанализированы формы взаимодействия наук, связанные в итоге с возникновением новых, комплексных, наук. Фокус его научных интересов стал перемещаться от проблем методологии науки к проблемам социологии и этики науки. В 1975 г. в «Вопросах философии» была напечатана первая статья Б. Г. Юдина по этическим проблемам генетики. В 1985 г. он защитил докторскую диссертацию, в 1987 г. возглавил журнал «Вопросы истории естествознания и техники», а в 1989 г. стал заведующим сектором социально-этических проблем науки в Институте философии АН СССР. В 1990 г. в Институте философии АН СССР начал выходить академический журнал «Человек», ставший важным фактором развития гуманитарных исследований в России. С момента основания журнала Б. Г. Юдин был его главным редактором. Основной линией, которую проводил Б. Г. Юдин и в журнале, и в Институте, была постановка и обсуждение социокультурных проблем развития науки как *социального и культурного феномена*. По инициативе Б. Г. Юдина и В. Л. Рабиновича и при поддержке И. Т. Фролова редакция журнала провела в Центральном доме литераторов *«круглый стол», посвящённый обсуждению сложных страниц истории советской генетики* и их освещению в художественной литературе. Был также проведён «круглый стол», посвящённый последствиям «Павловской» сессии АН СССР и АМН СССР 1950 г. Своими работами 1980-х гг. Б. Г. Юдин внёс большой вклад в детальную разработку проблемы *соотношения когнитивных и ценностных аспектов научного познания, в изучение развития науки ка как социального и культурного феномена*. Важнейшей вехой исследований Б. Г. Юдина стала опубликованная в 1986 г. совместно с И. Т. Фроловым книга «Этика науки» – первое в отечественной научной литературе монографическое исследование, *специально посвящённое этическому измерению науки.* Эта работа для многих исследователей в области философии и методологии современной науки стала настольной книгой. Книга И. Т. Фролова и Б. Г. Юдина и сегодня остаётся единственным примером столь полного и фундаментального исследования этических проблем науки в нашей философской литературе. К счастью, в 2009 г. книга была переиздана с дополнениями.

Б. Г. Юдин – признанный лидер в развитии биоэтики как междисциплинарной области исследования и учебной дисциплины. В 1990 г. в составе российской делегации он посетил ведущие биоэтические центры США. В 1991 г. на философском факультете МГУ им был прочитан первый в России учебный курс биоэтики. В 1992 г. в Институте человека РАН был образован сектор биоэтики, который, по приглашению И. Т. Фролова, возглавил Б. Г. Юдин. Сектор биоэтики стал одним из наиболее активных подразделений Института человека. Сектор стал проводить исследования по таким актуальным проблемам биоэтики, как *информированное согласие, этические проблемы экспериментирования на животных, этические аспекты новых репродуктивных технологий.* Важной стороной работы Института человека

РАН, в которой активно участвовал Б. Г. Юдин, являлась *гуманитарная экспертиза* и подготовка экспертных докладов для правительственных органов и международных организаций. Совместно с Российским национальным комитетом по биоэтике велись исследования социально-этических проблем в рамках проекта «Геном человека». Под руководством Б. Г. Юдина в Институте человека разрабатывается проект «Человеческий потенциал России», а в 2004 г. – выходит монография «Философия биомедицинских исследований: этос науки начала третьего тысячелетия». Книга, подготовленная авторским коллективом под руководством член-корреспондента РАН Б. Г. Юдина, убедительно показывает, что в России сложилась своя школа биоэтики, с одной стороны, развивающая эту новую отрасль этического знания в русле мировых достижений, тенденций и ожиданий, с другой – «застолбившая» свой ракурс исследования – область философско-теоретических исследований биоэтических проблем.

Особыми вехами творческой жизни Б. Г. Юдина являются его выступления и просветительская работа по развитию биоэтики в бывших республиках Советского союза, где он щедро делился своими знаниями. В Беларуси Б. Г. Юдин впервые выступает на I Международной конференции «Биомедицинская этика: проблемы и перспективы» (г. Минск, 12–13 октября 2000 г.) с докладом «Биомедицинские исследования в контексте этики науки». В 2009–2010 гг. по поручению ЮНЕСКО в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова Б. Г. Юдиным и Международном государственном экологическом университете им. А. Д. Сахарова (Минск) Т. В. Мишаткиной на основе базовой учебной программы по биоэтике ЮНЕСКО, разработанной Отделом этики науки и технологий Сектора социальных и гуманитарных наук ЮНЕСКО, читается экспериментальный курс «Биоэтика». В основе курса лежит *Всеобщая Декларация ЮНЕСКО по биоэтике и правам человека.* По итогам экспериментального изучения курса с докладом «Преподавание биоэтики в Беларуси и России: проект ЮНЕСКО» Б. Г. Юдин и Т. В. Мишаткина были приглашены на 18-ю сессию Межправительственного комитета ЮНЕСКО «Биоэтика в Восточной Европе: опыт, перспективы и новые этические вызовы». Опыт России и Беларуси был одобрен и рекомендован к распространению в странах СНГ. 27–28 сентября 2011 г. в г. Минске по инициативе и при поддержке ЮНЕСКО и Министерства информации Республики Беларусь был проведен обучающий семинар-тренинг по проблемам биоэтики для журналистов Беларуси. Модератором и автором основного доклада выступил Б. Г. Юдин, представивший презентацию дистанционного образовательного курса по биоэтике для журналистов стран СНГ: «Значение образования в области биоэтики для журналистов».

Важным направлением творчества Б. Г. Юдина является его международная деятельность в области биоэтики. С 1998 г. Б. Г. Юдин является экспертом от РФ, а с 2000 г. – членом бюро Комитета по биоэтике Совета Европы. Б. Г. Юдин принимал участие в разработке Всеобщей Декларации по биоэтике и правам человека, принятой ЮНЕСКО в 2005 г. С его участием были

разработаны и приняты протоколы, регламентирующие использование достижений генетики в медицине, проведение научных исследований на человеке, пересадку органов. Он выступал с докладами на Всемирных биоэтических конгрессах; на XXIII Всемирном философском конгрессе был руководителем секции «Биоэтика». Им был проведён ряд конференций и тренингов по биоэтике с международным участием. Б. Г. Юдин внёс решающий вклад в становление биоэтики как научного направления и учебной дисциплины. Им подготовлены молодые кадры специалистов по философской биоэтике.

Борис Григорьевич был любим коллегами за открытость, доброжелательность, юмор, готовность помочь и поддержать. Светлая память о нём сохранится в сердцах всех, кто его знал.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНФЛИКТОВ ПОСРЕДСТВОМ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Баньковская Юлия Леонидовна
Белорусский государственный
аграрный технический университет, Минск

Современный период общественного развития характеризуется расширением взаимосвязи и взаимозависимости различных стран. На данном этапе общественного развития практически невозможно найти этнические общности, не испытывающих воздействия со стороны культур других народов. Социокультурные конфликты, связанные с обострением межнациональных взаимоотношений, стали непременным атрибутом современного мира.

Расширение взаимодействия культур и народов выражается в увеличении культурных обменов и контактов между государственными институтами, социальными общностями, что приводит к утрате культурного разнообразия. Взаимопроникновение их ценностно-нормативных стандартов является одним из основных факторов, конституирующих международные отношения и миропорядок в целом. Сложным и достаточно противоречивым процессом является проблема взаимодействия культур, каждой из которых присуща своя самобытность и уникальность. Данные факторы актуализируют не только необходимость сохранения культурной самобытности, но и возможность взаимопонимания между представителями разных культур.

Социальные процессы в современном обществе характеризуются нестабильностью, возрастание роли катастрофических явлений в социальной динамике. Социокультурные конфликты являются неотъемлемой частью международных отношений. Их наличие и инициация являются эффективным, но опасным для мировой стабильности способом расширения и закрепления геополитического влияния одних государств на другие. Более того, межкультурные конфликты становятся одним из ведущих факторов нестабильности на международной арене, ибо они практически неуправляемы, постоянно разрастаются, втягивая всё новых участников, что создает угрозу не только для конфликтующих сторон, но и для других взаимодействующих с ними социальных групп.

Происходящие в мире социальные, политические и экономические изменения содействуют повышению уровня миграции народов, их переселению, смешению и столкновению. К уже существующим территориальным конфликтам добавились мировоззренческие противоречия, проявляющиеся посредством информационных войн, затрудняющих либо делающих невозможным процесс межкультурной коммуникации. Наличие противоречий во взаимодействии культур становится основной формой сосуществования всех народов и их культур. В то же время усиление миграционных процессов во всем мире содействует необходимости формировать новые формы межкультурного взаимодействия. Усилия людей

направлены на открытие новых возможностей для процесса взаимодействия, главным условием эффективности которого является взаимопонимание и диалог культур, уважение к традициям, трансформация культурных представлений, осознание их различий. А. Рапорт рассматривал процесс эволюции культуры не в виде синтеза национальных культур, а как единство в разнообразии, образец которого существует в европейской культуре: «...культурное объединение Европы заключается в том, что различия воспринимаются не как повод к борьбе за идеологическую гегемонию, не как призыв к искоренению “ереси“, а, наоборот, – как обогащение общей культуры. Взаимное понимание и уважение различий укрепляют основу объединения европейской культуры, которая со временем станет зачатком глобальной культуры» [3, с. 54].

Культура представляет собой открытую диссипативную систему. Результатом её функционирования и взаимодействия с другими системами может стать как самоорганизация и сохранение внутренней целостности, так и возникновение кризиса. Интеграция и дифференциация, конфликты и сотрудничество являются взаимно предполагающими тенденциями развития.

Наличие структурно-функциональных взаимосвязей между культурой, коммуникацией и обществом позволяет рассматривать межкультурную коммуникацию как фактор социокультурных изменений, содействующих процессам интеграции социальной системы. Она способствует накоплению и трансляции социокультурного опыта, сохранению самобытности культур, обеспечивает формирование социокультурных связей посредством создания возможности для взаимодействия различных культур. Выступая фактором социокультурных изменений, межкультурная коммуникация способствует процессам восприятия и адаптации к новым социально-нормативным стандартам и к трансляции своих ценностей другим культурам.

Изучение особенностей функционирования, закономерностей развития культур трансформирует отношение человека к миру и другим людям. Межкультурная коммуникация содействует пониманию ценностей представителей различных культур, осознанию специфики их ценностных ориентаций, критическому осмыслению собственных воззрений, содействующих признанию права иных культур на свою уникальность, самобытность и значимость. Она является важным фактором регуляции процессов, происходящих как в рамках отдельного общества, так и во взаимоотношениях между странами. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова под межкультурной коммуникацией понимают адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам [2, с. 26].

Расширение межкультурных контактов приводит к образованию противоречий, деструктивных тенденций функционирования социальной системы, трансформации мировоззрения и ориентации на инновационные поиски в каждой культуре. Конфликтный характер взаимодействия представителей разных культур порождает необходимость переоценки

межкультурных контактов и собственной культурной идентичности на основе идей межкультурной толерантности, адекватного восприятия ценностных различий, достижения взаимопонимания между их носителями. В современном обществе сосуществование культур невозможно без диалога между ними, что подразумевает формирование культурного плюрализма, представляющего собой адаптацию человека к чужой культуре без отказа от своей собственной. Благодаря культурному плюрализму ни одна культура не утратит своей самобытности. Более того, признается возможность сохранения культурной уникальности, защиты многообразных меньшинств, отказа от ксенофобии, шовинизма, расовых предрассудков.

Таким образом, межкультурная коммуникация обретает особую значимость в тех случая, когда необходимо определить оптимальное соотношение между культурным плюрализмом и унификацией культурных ценностей. В процессе коммуникации происходит осознание конфликтующими сторонами социальных норм и ценностей друг друга. Так, концепция С. Хантигтона основывается на идее солидарности, полагающей, что политические и социокультурные разногласия устраняются посредством межкультурной коммуникации, трансформирующей ценностные представления и культурные ориентиры разных социальных групп [5, с. 17–43].

Объективным основанием формирования и осуществления межкультурной коммуникации выступают этнокультурные различия и сходства народов, менталитет и языковые формы самосознания каждой культуры, которые в совокупности формируют специфическое восприятие мира, заключающееся в различном видении и оценке каждой культурой одних и тех же явлений. Таким образом, отличительной особенностью межкультурной коммуникации является принадлежность субъектов к разным коммуникативным субкультурам, что затрудняет процесс взаимопонимания между сторонами. Так, взаимодействующие стороны не всегда адекватно воспринимают специфические особенности поведения друг друга из-за слишком значительных культурных различий между ними.

Процесс функционирования современного общества характеризуется противостоянием идентичностей, заключающемся в стремлении людей к обособлению своей культуры, с одной стороны, и к её унификации вследствие процессов глобализации, с другой стороны. Благодаря межкультурной коммуникации возможно привнесение в культуру каждой личностью своих ценностей. Задачей межкультурной коммуникации является определение оптимального соотношения между культурной ассимиляцией и сохранением традиционных ценностей, между террором и толерантностью. Она содействует осознанию ценностно-нормативных представлений представителей разных культур, и, таким образом, создает возможность для аккультурации, развития сотрудничества, взаимопроникновения культур и открытости их друг другу, что выступает важнейшим условием взаимодействия представителей разных культур в мультикультурном пространстве мирового сообщества. Межкультурная коммуникация ориентирована на воспроизводство, сохранение,

развитие и трансляцию культуры каждого этноса. Таким образом, представители разных культур, взаимодействуя между собой на основании различия традиций, обычаев, социальных норм и языка, нацелены на признание значимости иной культуры, на толерантное отношение к её ценностно-нормативным стандартам, осмысленной ответственности за свои поступки и действия.

Культура порождает свою специфическую рациональность, вырабатывает социально-нормативные стандарты и ценности, выражающиеся в соответствующих символических формах. Конструирование реальности на основании таких ценностей как терпимость, взаимоприемлемость взглядов и ориентированность на перспективу через механизм коммуникации является актуальной задачей для современности. Полифункциональность коммуникации обусловлена её прагматичностью, прогностичностью, когнитивностью, благодаря которой возможно понимание и осознание сущности конфликтной ситуации. Следовательно, межкультурное взаимодействие должно базироваться на принципах взаимной толерантности, ответственности, диалогичности, ориентироваться на поиск взаимоприемлемых механизмов разрешения конфликтов и будущее развитие взаимоотношений. Благодаря процессу межкультурной коммуникации представители разных культур осознают социальные нормы, ценности и традиции друг друга, что создает условия для их успешной социализации и аккультурации, способствующих развитию современной, открытой к сотрудничеству и созиданию мультикультурной личности.

Необходимость социокоммуникативного взаимодействия обусловлена тем, что в социальной сфере противоречия неизбежны. Однако их разрешить позволяет конструктивный диалог равноправных субъектов, аргументировано представляющих свою точку зрения. Исследование механизмов регулирования конфликтов посредством межкультурной коммуникации позволяет наиболее глубоко и всесторонне определить как тенденции развития системы в целом, так и дальнейшее взаимодействие конфликтующих сторон, поскольку коммуникативные аспекты человеческой деятельности являются формой социальной коммуникации. Их исследование содействует обнаружению оптимальных путей нахождения взаимопонимания во взаимодействии людей.

Посредством коммуникации представители разных культур углубляют взаимопонимание наличных конфликтов, анализируют противоречия, возникшие между ними. Обсуждение ими интересов, ценностей, норм и традиций друг друга значимо ещё и потому, что единственный способ предотвратить разрушающее влияние конфликта – это попытаться понять обоснованность позиций друг друга. Понимание как результат процесса коммуникации во многом заключается в развитии, обогащении имеющихся знаний, их углублении, то есть как в узнавании новых фактов, так и в установлении новых связей между фактами уже известными. Ю. Хабермас сформулировал эту мысль следующим образом: «мы не просто говорим о том, что имеет или не имеет места, а говорим что-нибудь кому-нибудь другому, так

что последний понимает то, что говорится» [4, с. 40]. Он полагал, что конфликты опасны и разрушительны для общественного строя, а, следовательно, их разрешение приобретает практическую значимость. К согласию люди приходят, используя аргументацию, как единственную альтернативу насилию, благодаря которой конфликтующие стороны достигают взаимопонимания и согласия. В коммуникативном плане аргументация представляет собой процесс передачи, истолкования информации, заключенной в постулированном тезисе. Под аргументацией Г. А. Брутян понимает «способ рассуждения, в процессе которого пропонент выдвигает некоторое утверждение, в реализации которого он заинтересован и хочет заинтересовать оппонента, доказывает истинность этого утверждения, убеждает оппонента в истинности и целесообразности принятия этого утверждения и добивается того, чтобы оппонент стал его единомышленником в обсуждаемом вопросе и соучастником реализации содержащегося в нем плана» [1, с. 15].

Процесс межкультурного взаимодействия характеризуется наличием противоречивых тенденций в своем функционировании. С одной стороны, представители разных культур стремятся к равноправному диалогу и установлению стабильных гармоничных взаимоотношений между различными социальными группами. С другой стороны, уровень неприятия иных социокультурных ценностей постоянно возрастает, что выражается в утверждении своих культурных стандартов в качестве приоритетных. Взаимосвязанность и взаимозависимость поликультурной социальной реальности способствует формированию неоднозначного и сложного понятия «цивилизационное самосознание». Оно не только поддерживает изнутри социальное и территориальное единство, но и приводит к разрастанию и углублению цивилизационных противоречий, наиболее ярко проявляющихся в процессе миграции и межкультурном непонимании. Так, конфликтологическая парадигма «травмы» П. Штомпки основана на рассмотрении сущности и природы конфликтов в ракурсе насильственного изменения ценностных норм и гибели цивилизаций [6, с. 12].

Транзитивный характер культурных ценностей, их потеря создали ситуацию переходности между ценностными ориентациями, с одной стороны, и задачами нормативной системы – с другой. Данные факторы содействуют необходимости выявления причин дестабилизации системы, возникших вследствие возникновения конфликта ценностей и норм. Конкретные методы и способы позитивной регуляции взаимодействия социальных групп посредством социальной коммуникации позволяют использовать диалог как фактор стабилизации общественных процессов. Посредством межкультурной коммуникации возможна реализация совместной деятельности по созданию единой системы ценностей и социокультурного пространства, в котором могут взаимодействовать между собой представители разных культур.

Целостное представление о динамике развертывания межкультурных противоречий невозможно без исследования его коммуникативной составляющей, ибо если исходить из того факта, что социальный конфликт

предполагает наличие осознанных противоречий, то его проявление, динамика, разрешение связаны со сферой социальной коммуникации. Таким образом, феномен коммуникации в ситуации конфликта составляет один из основных аспектов его функциональных проявлений, определяет его динамику, влияет на механизмы взаимодействия представителей разных культур. В синергетической модели самоорганизации общество предстает как неравновесная система особого типа, устойчивость которой обеспечивается искусственным опосредованием внешних и внутренних механизмов, одним из проявлений которых является культура. Функционирование социальной системы сопряжено с неизбежными конфликтами, которые пронизывают историю почти любой цивилизации. Преодоление конфликтов и повышение эффективности межкультурной коммуникации приводит к необходимости учета социокультурного фактора.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что современные социокультурные конфликты, с одной стороны, создают угрозу возникновения мощного культурного и, возможно, военного противостояния, исход которого невозможно предугадать, с другой же стороны, они вынуждают отдельные группы и мировое сообщество в целом предпринимать какие-либо меры по выработке новых механизмов функционирования системы международных отношений.

Список литературы

1. *Брутян, Г. А.* Очерк теории аргументации / Г. А. Брутян. – Ереван: Изд-во Ан Армении, 1992. – 302 с.

2. *Верещагин, Е. М.* Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1990. – 120 с.

3. *Рапопорт, А.* Единство в разнообразии – наследие европейской культуры / А. Рапорт // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. – 1997. – С. 54.

4. *Хабермас, Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука: С-Петерб. изд. Фирма, 2000. – 377 с.

5. *Хантингтон, С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ. – СПб.: Terra fantastica, 2003. – 603 с.

6. *Штомпка, П.* Социальное изменение как травма / П. Штомка // Социс. – 2001. – №1. – С. 6–16.

МАКРОСТРАТЕГИИ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА [8]

Васюков Владимир Леонидович
Институт философии РАН, Москва

Наблюдающийся в последнее время кризис идей мультикультурализма приводит к необходимости нового взгляда на специфику кросс-культурного диалога и ключевые моменты межкультурной коммуникации. Мультикультурализм, понимаемый, с одной стороны, как «многокультурность», в конечном счете оказался направленным против культуры как общенационального явления, приводя к ее фрагментируемости. С другой стороны, понимаемый как «культурное разнообразие», как проповедующий этнические, расовые и субкультурные предпочтения в экономической, политической и культурной сферах общественной жизни, вместо искоренения дискриминации и достижения «равенства» различного рода меньшинств с национальным большинством привел к разрушению диалога культур как процесса взаимодействия, взаимовлияния разных исторических культур и установления определенных форм их сосуществования.

Если рассматривать провал мультикультуралистской программы как следствие неразработанности теоретических вопросов кросс-культурного диалога, то в первую очередь следует уделить внимание его целям и направленности, поскольку сам по себе диалог не самоценен, он не может быть целью, но лишь средством выполнения некоторой программы по решению определенной проблемы.

Описывая понятие диалога культур, В. С. Степин пишет: «Взаимодействие культур… имеет разную направленность. В первом случае взаимодействие культур ориентировано на тот тип модернизации, в котором страны, достигшие лучших успехов в техногенном развитии, предлагают свою версию техногенных ценностей и свой образ жизни как идеалы и образцы, которые должны быть восприняты менее развитыми странами. Во втором случае на смену односторонней трансплантации ценностей приходит диалог культур, предполагающий равноправное партнерство и уважение к культурным традициям. Диалог культур в этом случае обретает своего рода сверхзадачу – отыскать ценности, обеспечивающие выход из глобальных кризисов» [4, с. 264].

Взаимодействие культур в первом случае, по сути дела, имеет характер глобализации, ведущей к углублению и уплотнению в масштабах всей планеты многообразных общественных связей, достижению нового, более высокого уровня интегрированности, целостности и взаимозависимости в экономике, коммуникациях, финансах, политике, культуре и др. областях общественной жизни. Однако, как показывает анализ этого явления, помимо того, что

[8] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Кросс-культурный диалог и коммуникативно-антропологическая рациональность в условиях вызовов информационного общества» № 17-23-01010.

глобализация часто вызывает неприятие и противодействие тех, кто отстаивает национальную специфичность культуры и экономики отдельных страны – здесь возникает еще и опасность подмены понятий в том случае, когда глобализация расценивается как универсальная тенденция, детерминирующая особенности кросс-культурного диалога, как некий принцип, по которому все оценивается, как высшая инстанция.

М. М. Бахтин в свое время писал, что никакая из сторон диалога никогда не может отдать всего себя и свою выражаемую позицию на полную и окончательную волю кому-либо близкому и всегда предполагает присутствие какой-то высшей инстанции ответного понимания. В разные времена и при разном миропонимании этот «нададресат» выглядит по-разному, принимает разные конкретные идеологические выражения (бог, абсолютная истина, суд беспристрастной человеческой совести, народ, суд истории, наука и т. п.). Бахтин отмечает, что «каждый диалог происходит как бы на фоне ответного понимания незримо присутствующего третьего, стоящего над всеми участниками диалога (партнерами)… Указанный третий вовсе не является чем-то мистическим или метафизическим (хотя при определенном миропонимании и может получить подобное выражение) – это конститутивный момент целого высказывания, который при более глубоком анализе может быть в нем обнаружен. Это вытекает из природы слова, которое всегда хочет быть *услышанным*, всегда ищет ответного понимания и не останавливается на ближайшем понимании, а пробивается все дальше и дальше (неограниченно)» [1, с. 323].

В диалоге культур глобализация не может принять на себя роль высшей инстанции, потому что никоим образом не предполагает какого-либо ответного понимания, о котором говорит Бахтин. Не случайно глобализация часто вызывает неприятие и противодействие тех, кто отстаивает самобытность своей культуры, не без оснований предполагая её разрушение в процессе глобализации. Многие исследователи в этой связи противопоставляют понятия «глобализация» и «глобализм», связывая последний с тенденцией к унификации культурных предпочтений человечества и навязывая всему миру одну-единственную культуру. Начиная с эпохи Возрождения, культурная глобализация прошла через «французское», «английское» и «американское» влияния с расширяющимся географическим ареалом. В связи с последним этапом культурной глобализации, который часто рассматривается просто как американизация, некоторые исследователи, такие как, например, У. Бек вообще предлагают узкую трактовку глобализма как целенаправленной и планомерной деятельность в сфере хозяйства, политики и культуры, которая связана со стремлением США к мировому господству [2].

Более привлекательной альтернативой глобализации выступает *универсализм* – универсальное мировоззрение, религия или философия. Универсализм здесь выражает, с одной стороны, стремление к установлению монистической, единой, синтетической мировоззренческой установки, а с другой стороны, он предполагает и некий теоретический универсальный

«кодекс» (методологию) поведения сторон в условиях многообразия жизненных ситуаций. Современное движение универсализма, по мнению его приверженцев, призвано привести к выявлению и расширению такой общей платформы, которая позволяет выйти за рамки диалога и приблизиться к осуществлению устойчивых постоянных связей, к признанию совместной реализации общих ценностей [3, с. 18]. Однако не все разновидности универсализма кажутся приемлемыми: универсализм как универсальная цивилизация подразумевает кристаллизацию в результате действия глобализации мегацивилизационных, интегрирующих тенденций, что явно ведет к неспособности «ответного понимания», о котором было сказано выше.

Практическая возможность реализации универсализма основывается на идее толерантности [3, с. 19–20]. Кажущаяся парадоксальность здесь заключается в том, что реализация универсальной монистической позиции, претендующей на уникальность, оказывается возможной лишь с помощью плюралистической толерантности, подразумевающей разнообразие мнений. Но на самом деле способность терпеть «нетерпимое», свойственна лишь тем, кто обладает добродетелью толерантности, когда неважно, испытывает ли он при этом чувство отстраненности, безразличия, стоического приятия, любопытства или восторженности.

Поскольку человек, в качестве кантовской последней цели природы, согласно проведенному в работе [3] анализу, представляет собой не принцип, не мета-принцип, но скорее мета-мета-принцип, то для его реализации требуются гораздо более конкретные принципы. При этом задача заключается не просто в выборе этих принципов, но в совместной деятельности по их реализации, сознаем ли мы это, или нет, согласны ли мы с этим, или нет. Толерантность, подразумевающая существование плюрализма мнений, не запрещает взаимодействия по выработке общих совместных принципов. Весь вопрос заключается в стратегии этого взаимодействия.

И здесь возникают следующие варианты стратегий. Во-первых, мы можем попытаться объединить различные мнения. Мнения всегда подразумевают некоторый механизм получения следствий, а в случае объединения мнений следует объединять и эти механизмы. Тогда возможный результат объединения мнений предполагает терпимость к получению результатов из разных мнений несвойственным им путем. Ваша толерантность в этом случае является залогом успешного взаимодействия. Конечно, профан может попытаться сделать приземленные выводы на основе ваших высоких принципов, но не стоит с порога отбрасывать это практическое применение ваших чисто теоретических воззрений. Может оказаться и так, что сделанные вашим антагонистом выводы, будут для вас неожиданными и вам трудно будет поверить, что ваши воззрения и принципы могут быть так восприняты в чужом контексте смыслов, но и в этом случае эти выводы ни в коем случае не стоит отвергать с порога, не проверив их справедливость с позиции мнения другого. Во всяком случае, весь дальнейший диалог стоит вести с учетом подобных результатов и на основе видения каждым из партнеров позиции другого.

Во-вторых, можно действовать параллельно, фиксируя и перепроверяя некоторый консенсус взглядов и смыслов на каждом этапе получения следствий из них. При этом каждая из сторон действует своим способом, не вступая в критическую дискуссию. Толерантность здесь требует определенного безразличия к способам вывода другого. Результат подобного процесса будет «параллелен» в том смысле, что вы приходите одновременно к разным выводам, они имеют разный смысл, но они не критичны друг к другу. Нечто подобное происходит при попытке рассказа слепому о живописной картине, развертывающейся перед вашими глазами, или глухому о музыкальном произведении, которое вы слушаете. Вас не должно смущать расхождение во мнениях на каждом этапе рассказа, для вас обоих ценность будет иметь только конечный результат.

В-третьих, можно заняться переводом своих взглядов на «язык» другого, перепроверяя понимание ваших взглядов этим другим, и отказываясь от ваших выводов, если другой подвергает критике ваш «перевод». Следствие вашего принципа будут справедливым, если другой будет согласен с вашим выводом при любой его интерпретации. Вы должны быть толерантны к этим различным интерпретациям, доверяя тем смыслам, которыми другой наделяет ваши утверждения. Так, вы уверены, что из дерева можно делать красивые украшения. Скульпторы с вам согласны, однако ювелиры нет. Во втором случае к консенсусу вам не прийти. Следовательно, вам стоит пересмотреть и расширить свою концепцию красоты украшений таким образом, чтобы она была понятной и скульпторам, и ювелирам. Возможно, стоит вести речь только об украшениях для детей и несовершеннолетней молодежи, когда накладывается ограничение на стоимость этих вещей.

Наконец, можно добиваться взаимной интерпретируемости ваших взглядов и взглядов другого. В этом случае вы должны быть не только толерантны к интерпретации другим вашего исходного принципа, но и приветствовать эту интерпретацию, подтверждая своей интерпретацией результат вывода другого. Это одобрение должно сказываться в том, что вы принимаете результат интерпретации ваших взглядов другим в качестве следствия своих воззрений, не подвергая эту интерпретацию критике и не отказываясь от нее. По сути дела, вы в этом случае доверяете другому формирование ваших рассуждений, осваивая и одобряя его способы действия.

Возвращаясь к описанию диалога культур, данному В. С. Стёпиным, заметим, что поиск ценностей во втором случае кросс-культурного диалога сопряжен как раз с установлением тех общих культурных универсалий, на основе которых и будет происходить поиск ценностей. Ведь именно смыслы культурных универсалий предопределяют сцепление, воспроизводство и вариации всего многообразия конкретных форм и видов деятельности, характерных для определенного типа культуры.

Очевидно, что поиск общих культурных универсалий для сторон диалога не представляет собой механический процесс, он не сводится лишь к отбору разделяемых обеими сторонами диалога понятий. Для этого часто требуется

анализ этнических предубеждений в языке средств массовой информации, способа приобретения социальных знаний, формирования мнений и установок, выяснения идеологически пристрастных точек зрения и т. д.

В подобной ситуации на помощь приходит стратегический подход, заключающийся в отборе универсалий наиболее значимых в контексте диалога и для данных коммуникантов. Под стратегией здесь понимается общая инструкция интерпретации для каждой конкретной коммуникативной ситуации, позволяющая соотнести контексты диалога с определенными наборами культурных универсалий, как общими для коммуникантов, так и свойственным только каждому из них.

Обратим внимание, что Стёпин в вышеприведенной цитате указывает, что во втором случае взаимодействия культур в процессе кросс-культурного диалога «на смену односторонней трансплантации ценностей приходит диалог культур, предполагающий равноправное партнерство и уважение к культурным традициям». Но подобное равноправие и уважение достижимо как раз только на основе толерантности, подразумевающей существование плюрализма культур, и одновременно не запрещающей взаимодействие по выработке уникальных общих совместных принципов, способных заложить основу для кросс-культурного диалога. Более того, сам по себе плюрализм культур не является гарантией диалога культур, он всего лишь выражает констатацию наличия множества мнений и мировоззрений, ничего не говоря о том, как они между собой соотносятся. Требуется определенный кодекс (методология) поведения сторон в условиях многообразия жизненных ситуаций и мировоззренческих позиций. Как мы видели, подобный кодекс имплицитно описывается стратегиями толерантности. По-видимому, эти стратегии способны послужить образцами и в случае кросс-культурного диалога.

Итак, исходя из вышеизложенного, каковы же будут стратегии формирования набора универсалий? Простейший случай заключается в объединении культурных универсалий во всеобщую совокупность, позволяющую использовать их комбинации, релевантные для данного контекста. Опасность в этом случае заключается в возможности одновременного применения взаимно противоречащих понятий, что приводит к абсурду и логической некорректности выводов. Выходом могло бы быть обязательное использование неклассической аргументации в дальнейшем контексте (например, паранепротиворечивой, в которой допускается одновременное принятие двух взаимно противоречащих положений, поскольку применяемые правила рассуждений не приводят к произвольности следствий – во всяком случае не всегда).

Характерным примером является, например, наблюдение этнографами верований африканского племени *азанда*. В этом племени верят в то, что ведьмы и колдуны могут быть обнаружены по наличию «колдовской субстанции», которая передается по наследству детям соответственно полу колдуна или ведьмы, и так как клан азанда – это группа лиц, биологически объединенных по мужской линии, то открытие того, что некоторый мужчина –

колдун, ведет к выводу, будто колдунами являются все члены его клана. Хотя по верованиям *азанда* одни из кланов более близки к колдовской силе, нежели другие, они все-таки не считают всех членов первых кланов колдунами. Отсюда появляется несообразность в применении приведенного вывода: *азанда* понимают смысл этого аргумента, но не принимают его следствий, а в таком случае здесь возникает противоречие в общем понятии колдовской силы. Значит ли это, что наш диалог с *азанда* невозможен, раз они придерживаются противоречивых верований? Для *азанда* здесь нет противоречия, хотя они его видят, но и мы способны теоретически видеть противоречие иначе, в рамках паранепротиворечивой логики, поэтому объединению наших культурных универсалий не грозит опасность абсурда (см. [1]).

Второй вариант стратегии кросс-культурного диалога предполагает «параллельное» использование культурных универсалий. В этом случае мы сопоставляем универсалии, образуя из них некоторые пары, и поиск совместных ценностей приводит к ценностям, рассматриваемым и как ценности каждой из культур, и как совместные ценности. Вышеприведенный пример с этой точки зрения можно интерпретировать в рамках пар универсалий, если сопоставить «колдовской силе» определенные генетические свойства. Тогда исчезновение или возникновение колдунов в клане *азанда* зависит от генных мутаций и как следствие, не все члены первых кланов, и с нашей, европейской, точки зрения, обязательно были колдунами. И с позиции *азанда*, и с нашей позиции общее понятие колдовской силы имеет свой смысл, несмотря на логическое противоречие.

Еще один вариант стратегии кросс-культурного диалога возникает также при сопоставлении культурных универсалий, но теперь это сопоставление имеет более развернутый характер. В этом случае принимая то или иное сопоставление разнокультурных универсалий, мы обязаны также принимать и выводы, полученные на основе подобного сопоставления. То есть, если в рамках кросс-культурного диалога мы сопоставляем с понятием одной культуры понятие другой, то вытекающие из этого последствия в рамках второй культуры должны быть осмыслены в рамках первой. И не только осмыслены, но и приняты – обратный «перевод» должен сработать.

Так, в диалоге с представителем рабовладельческой культуры понятию полноправного гражданина будет соответствовать понятие *свободного* гражданина, владеющего рабами. Свободный гражданин рабовладельческого общества обладает определенными правами, например, он может продать или убить своего раба, и это право всеобще. Тогда при обратном «переводе» современный европеец может сопоставить это право с правом рабовладельца древнегреческого полиса и признать на этом основании справедливость подобного права, поскольку оно отвечает законам именно древнегреческого полиса. В дальнейшем развитии диалога подобная аналогия позволяет если не признавать, то понимать и терпеть культурные отличия коммуникантов.

Наконец, четвертый вариант связан со всеобщим одобрением сопоставления тех или иных культурных универсалий другим коммуникантом.

Так, если вы говорите о праве национальных меньшинств на автономию, то граждане некоторых стран (даже европейских) не будут согласны с вами, не считая это право повсеместным. В этом случае ваше формирование набора культурных универсалий для кросс-культурного диалога должно учитывать это обстоятельство, и вы должны использовать только те культурные универсалии, которые приемлемы для вашего партнера по диалогу. Прийти к согласию по вопросам автономии тогда, по-видимому, можно лишь на основе учета и анализа аргументов, носящих конкретно-исторический характер, и особенностей мировоззрения партнеров по диалогу.

Таким образом, стратегический подход к диалогу культур, предполагающему толерантность, равноправное партнерство и уважение к культурным традициям, ориентированный на поиск ценностей, обеспечивающих выход из глобальных цивилизационных кризисов, позволяет выработать определенные теоретические макростратегии, пригодные в силу своей универсальности для использования в разнообразных контекстах и ситуациях кросс-культурного диалога.

Список литературы

1. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

2. *Бек, У.* Что такое глобализация? / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 296 с.

3. *Васюков, В. Л.* Феномен толерантности: философский анализ основных интерпретаций / В. Л. Васюков // Философия и социальные науки. – 2016. – №4. – С.16–20.

4. *Степин, В.С.* Цивилизация и культура / В. С. Степин. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 408 с.

«ТРЕТЬЕ ПРОСТРАНСТВО» КАК МЕСТО КОММУНИКАЦИИ [9]

Гафарова Юлия Юрьевна
Белорусский государственный университет, Минск

Глобализация современного мира как результат нарастающего движения информации, финансов, товаров, идей и человеческих ресурсов актуализирует понятие пространства и приводит к так называемому пространственному повороту (*spatial turn*) в социальных и гуманитарных дисциплинах. Суть этого поворота заключается в фокусировании исследовательского внимания на феномене пространства, которое перестает пониматься как статичное «место» и анализируется как социальный конструкт, активный носитель культурных значений, спатиально организующий иерархии ценностей и норм.

Особый интерес в современной ситуации представляют концепции, авторы которых, используя пространственные метафоры, пытаются «схватить» явления размывания экономических, политических и культурных границ, превращения их в «зоны контакта», «места встреч» и коммуникации [2; 4].

Одной из самых значимых концепций данного рода является концепция ведущего теоретика американского постколониального дискурса Хоми К. Бабы, использующего в анализе «зон контакта» концептуальные метафоры гибридизации и «третьего пространства» [1]. Для Бабы гибридизация – это процесс взаимодействия моделей реальности, результатом которого являются принципиально новые идентичности, ценности, эстетические инновации. Гибридная идентичность, или субъектная позиция, возникающая из переплетения элементов культур, ставит под сомнение ценность и значимость эссенциалистской культурной идентификации, веру в неизменные и фиксированные сущности. Новая гибридная культура – это «неопределенное» пространство, разрушающее и смещающее гегемонию культурных структур и практик, форма лиминального, промежуточного пространства, где проходит «передний край» коммуникации [1, с. 54]. Это пространство Баба и называет «третьим пространством».

Вслед за Бабой, третье пространство определяют как продуктивное пространство коммуникации, порождающее новые возможности. Это место трансформации культурных значений и локус культурного производства, размывающего существующие границы и ставящего под сомнение устоявшиеся категории культуры. Третье пространство обеспечивает коммуникантам политику включения, а не исключения и стимулирует как сотрудничество, так и полемику [3].

Гарантией возможности диалога выступает в третьем пространстве гибридная идентичность. Потенциал «гибридов» связан как с их изначальными

[9] Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ. Проект «Кросс-культурный диалог и коммуникативно-антропологическая рациональность в условиях вызовов информационного общества» № Г17Р-022.

знаниями об обеих культурах, так и со способностью пересекать границы культур, обсуждать их сходства и различия, переводить дискурс с языка на язык и опосредовать культурную разницу в динамике обмена.

Кроме того, третье пространство – это пространство самоосознания и борьбы. Нормализующей гегемонистской практике может быть противопоставлена гибридная стратегия, открывающая возможности переосмысления ситуации и ведения переговоров. Таким образом, третье пространство – это пространство артикулированного выражения и осознанной коммуникации.

Концепции «третьего пространства» подчеркивают динамизм, открытость и множественный характер современных культур, ориентируют на позитивное понимание гибридизации и гибридной идентичности, декларируют возможность эффективной коммуникации как «обмена перспективами».

Список литературы

1. *Bhabha, H. K.* Cultures in Between / H. K. Bhabha // Questions of Cultural Identity / ed. by S. Hall and P. Du Gay. – London: SAGE, 1996. – 198 p. – P. 53–60.

2. *Bruyneel, K.* The Third Space of Sovereignty / K. Bruyneel. – University Of Minnesota Press, 2007. – 320 p.

3. Communicating in the Third Space / ed. by K. Ikas and G. Wagner. – London & New York: Routledge, 2008. – 218 p.

4. Third Level, Third Space / ed. by M. Kelly, I. Elliot, L. Fant. – Peter Lang AG, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2001. – 217 p.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ БЕЛОРУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Калачева Ирина Ивановна
Белорусский государственный университет, Минск

Социальная коммуникация в широком смысле понимается как «взаимодействие между людьми как объектами и субъектами социальных процессов, взятых в их информационно-знаковом аспекте». В узком смысле социальная коммуникация рассматривается как «субъект-субъектное взаимодействие, опосредованное информацией, имеющей смысл для обоих субъектов» [1, с. 17]. Эффективная социальная коммуникация между субъектами взаимодействия зависит от многих реальных условий, которые складываются в определенный момент времени, в определенных обстоятельствах. В целом рассматривая иностранных и белорусских студентов в качестве целевых групп, участвующих в процессе коммуникации, следует отметить, что для их успешного диалога необходимы знания о механизмах и способах межкультурного взаимодействия. Для их знакомства с этим механизмом можно опираться, к примеру, на разработанный американскими исследователями К. Ситарам и Р. Когделл *Кодекс этики международного коммуникатора*, который, по их мнению, способствует формированию толерантности, как на уровне отдельного человека, так и на уровне группового восприятия. А этот факт является важным в построении межкультурного диалога. Приведем некоторые его положения:

– не устанавливать мировых стандартов;

– относиться к культуре представителей другой группы с тем же уважением, с каким относился бы к своей собственной;

– не судить о ценностях, убеждениях и обычаях других культур, отталкиваясь от собственных ценностей;

– всегда помнить о необходимости понимать культурную основу чужих ценностей;

– никогда не исходить из превосходства своей религии над религией другого;

– общаясь с представителями другой религии, пытаться понимать и уважать эту религию;

– стремиться понять обычаи приготовления и принятия пищи других народов, сложившиеся под влиянием их специфических потребностей и ресурсов;

– уважать способы одеваться, принятые в других культурах;

– не демонстрировать отвращения к непривычным запахам, если те могут восприниматься как приятные людьми других культур;

– не исходить из цвета кожи как «естественной» основы взаимоотношений с тем или иным человеком;

– не смотреть свысока на человека, если его акцент в языковом общении отличается от твоего акцента;

– понимать, что каждая культура, какой бы она малой не была, имеет, что предложить миру, но нет таких культур, которые бы имели монополию на все аспекты;

– не пытаться использовать высокий статус в иерархии своей культуры для воздействия на поведение представителей другой культуры в ходе межкультурных контактов;

– всегда помнить, что никакие научные данные не подтверждают превосходства одной этнической группы над другой» [5, с. 106].

Установлению позитивного диалога с представителями других культур способствует знание традиций, ценностей национальных культур, носителями которых являются студенты разных стран.

Ведение диалога – это процесс, в рамках которого учитываются «правила» взаимодействия. Прежде всего, они рассматриваются как нормы межкультурной коммуникации. В вузовской среде и преподаватели, и студенты становятся субъектами межкультурного взаимодействия. Преподаватель, выступая в роли межкультурного коммуникатора, ориентируется на данные нормы и сопрягает их с теми задачами, которые решает в конкретный отрезок времени. Приведем некоторые правила межкультурной коммуникации преподавателя со студентами в межличностном общении, на групповом уровне.

Межличностная коммуникация на уровне *педагог–студент* рассматривается как процесс обмена сообщениями и их интерпретации двумя или несколькими индивидами, вступившими в контакт друг с другом, в данном случае – это преподаватель и студент [3, с. 5].

Преподавателю следует помнить, что каждый участник культурного контакта располагает своей собственной системой правил, но эти правила обусловлены его социокультурной принадлежностью. В правилах существуют различия, которые обусловлены различием в вербальной и невербальной коммуникациях. Вербальная, или речевая (*verbalis* – устный), коммуникация – это общение с помощью слов. С помощью слов передается сообщение, информация, которая несет определенный смысл, который по-разному может быть воспринят человеком другой культуры.

Успех или неудача коммуникации во многом зависит от того, вызывают или нет доверие друг у друга педагог и студент как партнеры по коммуникации. Это доверие определяется, прежде всего, двумя факторами – личностью человека и его специальными знаниями. Но эти факторы относительны в разных культурах. В незападных культурах доверие к личности человека важнее доверия к его специальным знаниям, а в западных культурах – наоборот: доверие к специальным знаниям важнее, чем доверие к личности конкретного человека. Конечно, это не значит, что все коммуникаторы в западных культурах не вызывают доверия, а коммуникаторы в восточных странах не обладают необходимыми знаниями, – утверждает М. А. Василик [4, с. 584–588]. Однако, следует помнить о том, что в западных странах

специальные знания важнее, чем личная надежность, тогда как в восточных – личная надежность важнее специальных знаний.

Особенности невербальной коммуникации заключаются в том, что это самая древняя форма коммуникации и общения. Ее высокая информативность объясняется тем, что невербальные сигналы появились гораздо раньше, чем коммуникация, обусловленная словом. Природа невербальной коммуникации раскрывается через соотношение сознательного и бессознательного, намеренного (интенционального) и ненамеренного.

Самопрезентация человека, который даже бессознательно хочет произвести на окружающих благоприятное впечатление о себе, при первом контакте начинается ненамеренно, а далее может перейти в отношения, обусловленные правилами, нормами. В основе невербальной коммуникации лежат два источника: биологический, врожденный, в рамках которого человек рассматривается как биологическое, так и социальное, и психологическое, и культурное существо и социальный, социокультурный, приобретенный источник. К примеру, улыбка человека, это не только невербальный (измененный оскал агрессии приматов), но и культурный код, формирование которого обусловлено традицией.

Вступая в контакт с иностранным студентом, следует учитывать, что на процесс коммуникации и интерпретации сообщений, помимо культурных различий, влияют возраст, пол, профессия, социальный статус самого коммуниканта, т. е. педагога. Они также накладывают отпечаток на характер каждого конкретного акта коммуникации и уровень взаимопонимания его участников.

К примеру, очень важно найти верный акцент в соблюдении правил обращения к педагогу – по имени и отчеству, как это соответствует отечественной традиции, или же в соответствии с нормами западной культуры, в которой не принято называть друг друга по имени и отчеству [2, с. 121]. Очень важно определить тип педагогического контакта – партнерский, дружеский, товарищеский и др. При этом, нормативные установки следует объяснить студентам вначале общения, указав при этом, что данные правила выполняются в соответствии с уставными документами учреждения образования, где они обучаются и их выполнение – необходимая часть всего учебно-воспитательного процесса.

Преподаватели осуществляют и модерируют *межкультурную коммуникацию на уровне малых групп* (обычно это учебные группы). Какие правила при этом следует учитывать? Коммуникация в малой группе, состоящей из представителей разных культур, будет плодотворной только в том случае, если её участники способны адаптировать свои коммуникативные действия к конкретным условиям данной группы.

Члены монокультурных групп обычно придерживаются общих групповых норм, тогда как члены межкультурных групп действуют как представители своих культур и их специфические ценности оказывают существенное влияние на характер коммуникации.

Для эффективной коммуникации в малой группе коммуникатор (педагог) вынужден адаптироваться к культурным ценностям и верованиям инокультурных участников группы.

Часто в межкультурной группе участники дискуссии руководствуются стереотипами собственной культуры не намеренно, а в силу привычки, и на их поведение, как и на ход обсуждения, воздействует множество культурных факторов. Поэтому в ситуациях, когда культурные ценности влияют на сам характер дискуссии и обсуждаемых проблем, очень важно, чтобы партнеры по коммуникации осознавали и пытались убедить остальных, что проблемы эти культурно обусловлены, а не являются результатом чьего-то злого умысла.

Очевидно, что педагог в случае работы в малых группах выступает в роли посредника между представителями разных культурных традиций. Как посредник он выполняет профилактическую функцию, предупреждая конфликтные ситуации, избегая столкновения мнений, суждений участников группы.

Выделяют несколько *видов культурных конфликтов,* которые педагог должен распознавать, планируя ситуации группового общения заранее. Это

– конфликты между представителями разных этнических групп;

– конфликты между представителями различных религий или течений внутри отдельных религий;

– конфликты между участниками группы, которые являются носителями различных частей единой нормативной системы доминирующей культуры (например, в рамках одной группы могут сосуществовать студенты, по-разному относящиеся к вопросам допущения или недопущения разводов, добрачных сексуальных связей или абортов и т. п.) и др.

В процессе межкультурных контактов преподаватель должен обращать внимание на такие аспекты взаимодействия в группе, которые выявляют форму межкультурной коммуникации. Он выступает в роли диагноста ситуации и определяет педагогическую стратегию взаимодействия со студентами.

К формам межкультурной коммуникации относятся аккультурация, культурная экспансия, культурная диффузия, культурный конфликт.

Аккультурация является одновременно и процессом, и результатом взаимного влияния разных культур, при котором все или часть представителей одной культуры (культуры-реципиента) перенимают нормы, ценности и традиции другой (культуры-донора). Приезжая в страну обучения как неродную, студенты выступают в качестве реципиентов, а белорусские студенты (представители страны проживания) – как доноры.

Культурная экспансия представляет собой расширение сферы влияния доминирующей (национальной) культуры за первоначальные пределы (или государственные границы). По своей сути это процесс преимущественно однонаправленной межкультурной коммуникации. В ситуации межкультурной коммуникации в студенческой среде, неоднородной по социокультурным параметрам, следует обратить внимание на то, что культурная экспансия как феномен взаимодействия культур возможна в том случае, когда речь идет о

межстрановых, межгосударственных контактах. Но, все же, учитывая, что студенты – это носители ценностей своей культуры, своего миропонимания, ослаблять внимание к данной форме противостояния неверно, так как доминирование одной культуры ведет к полярности мнений, суждений, за которыми всегда следуют конфликты.

Культурная диффузия как форма межкультурной коммуникации представляет собой взаимное проникновение (заимствование) культурных черт и комплексов из одного общества в другое при их соприкосновении (культурном контакте). В отличие от культурной экспансии, носящей преимущественно однонаправленный характер, культурная диффузия – дву- или многонаправленный процесс, зависящий от количества взаимодействующих культур, распространяющих свои ценности на другие культуры. Его механизмами служат миграция, туризм, деятельность миссионеров, войны, торговля, торговые выставки и ярмарки, научные конференции и др. Академическая мобильность преподавателей и студентов, их участие в конференциях, семинарах – яркий пример реализации данной формы межкультурной коммуникации. В контактах между представителями разных культур, в рамках групповых взаимодействий, межличностного общения всегда существует вероятность «обмена» мыслями, суждениями, ценностными представлениями.

Культурный конфликт как форма межкультурной коммуникации предполагает столкновение субъектов культуры – носителей различных культурных ценностей и норм. Выделяют несколько *видов культурных конфликтов:*

– конфликты между различными этническими группами и их культурами);

– конфликты между религиозными группами, представителями различных религий или течений внутри отдельных религий;

– конфликты между поколениями, носителями разных субкультур (конфликт отцов и детей) и др.

Таким образом, правила межкультурных коммуникаций формируются в зависимости от того, к каким культурным традициям относит себя человек. Любой человек видит мир в определенных культурных рамках. Но эти культурные рамки (нормы), как правило, не осознаются индивидом, ибо чаще всего настолько ему присущи, что составляют часть его личности. Поэтому осознание норм поведения и мышления собственной культуры возможно только в том случае, когда происходят контакты с людьми, которые в своем поведении руководствуются другими культурными нормами. В данном случае – это иностранные студенты как представители других культур. Как утверждает М. А. Василик, неподготовленное взаимодействие может вызвать дискомфорт или даже привести к возникновению конфликтов [4, с. 595]. Поэтому вступление в диалог должно быть событием, подготовленным заранее, в рамках образовательных технологий.

Список литературы

1. *Гнатюк, О. Л.* Основы теории коммуникации: учебное пособие / О. Л. Гнатюк. – М.: КНОРУС, 2010. – 255 с.

2. *Калачёва, И. И.* Поликультурное образование в системе межкультурных коммуникаций молодёжи: учебно-методическое пособие / И. И. Калачева. – Минск: РИВШ, 2016. – 132 с.

3. *Куницына, В. Н.* Межличностная коммуникация: учебное пособие / В. Н. Куницына, Н. В. Казаринова, В. М. Погольша. – СПб.: Питер, 2001. – 544 с.

4. Основы теории коммуникации: учебник / М. А. Василик [и др.] / под ред. проф. М. А. Василика. – М.: Гардарики, 2006. – 615 с.

5. *Ситарам, К.* Основы межкультурной коммуникации / К. Ситарам, Р. Когделл // Человек. – 1992. – № 5. – С. 100–107.

К ПРОБЛЕМЕ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ [10]

Киселева Марина Сергеевна
Институт философии РАН, Москва

Кросс-культурный диалог в своей исторической динамике оставляет исследователям значимые фигуры. Для белорусской и русской культуры таковой, безусловно, является Симеон Полоцкий (Симеон Гаврилович Петровский-Ситнянович, 1629–1680) [11]. Обращение к трудам Симеона Полоцкого не только отсылает исследователя к предметной области интеллектуальной истории восточнославянских культур, но и погружает в проблематику кросс-культурного диалога.

Деятельность и труды иеромонаха Симеона, как светские, так и богословские периода «перехода» русской культуры от древнерусской книжности к европейской учености сообщили элите Московского двора и книжникам Печатного двора, принадлежавшим традиции византийской православной культуры, до этого времени невозможный по конфессиональным соображениям импульс христианского просвещения. Симеон открыл для России *новые формы* интеллектуальной деятельности, опирающиеся на западноевропейские культурные образцы, которые давно или недавно сложились и широко практиковались в Европе. К ним следует отнести школьную и университетскую / академическую систему получения знания; риторику как основу европейской интеллектуальной культуры того времени; книжные проповеди – тексты, применяемые при подготовке священников к общению с паствой; театральные действия, придворную барочную культуру – панегирики, силлабические стихи и т. п. Все эти «новины» для Московского царства стали особой заботой Симеона из Полоцка, когда он обосновался в Москве. Постепенно в русской культуре налаживались связи, открывающие образцы западноевропейской учености, античной, богословской, литературной, и продвигавшие русскую православную культуру к освоению, а со времени и писанию собственной гражданской истории, первым литературным опытам, школьному и университетскому образованию и наукам. Хронологические рамки этого процесса открываются трудами Симеона от середины 60-х гг. XVII в. и далее до конца царствования Алексея Михайловича, затем его детей и до становления Российской империи.

Кросс-культурный диалог как тема исследования попадает, безусловно, в область гуманитарной междисциплинарности, поля, в котором происходит соединение различных гуманитарных дисциплин, в том числе и относящихся к

[10] Статья написана по гранту РФФИ № 17-23-01010.

[11] В литературе встречается разночтение отчества Симеона (Емельянович / Гаврилович) и фамилии (Петровский / Пиотровский-Ситианович / Ситнянович). Биографы установили, что двойное отчество и фамилия связаны с тем, что его отца звали Гавриил Ситнянович, а отчима – Емельян Петровский [см.: 6, с. 134].

огромной области разнообразных исторических исследований, включающих и историю языка, книжности, богословия, искусства, гражданскую историю и историю церкви и многое другое. Опыт работы с трудами Симеона происходит в особого рода междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории отмеченного выше хронологического периода русской культуры. Благодаря этим текстам у современных исследователей есть возможность реконструкций происходившего в восточнославянском ареале 60-80 гг. XVII в. кросс-культурного диалога. Как оказалось, в этом диалоге соединялись / противополагались, переводимые / «непереводимые» термины, имена, интеллектуальные концепты, мысли восточных и западных Отцов церкви, проповеднические образцы рассуждений книжных католических теологов, риторические правила, поэтические образы, барочные формы визуализации и многие другие артефакты разных культур. Результатом этого процесса в русской культуре оказался «интеллектуальный выбор», осуществленный московской властью, Алексеем Михайловичем и поддержанный его детьми от имени русской культуры, который положил начало кросс-культурному диалогу и определил возможности его продолжения в дальнейшем.

Если попытаться охарактеризовать некоторые необходимые составляющие процесса кросс-культурного диалога, то надо отметить, что 1) диалог может осуществляться только тогда, когда культуры контактируют, и этот контакт реально возможен; 2) препятствия диалога требуется устранить для создания хотя бы небольшого пространство для его осуществления, что говорит о том, что *обе стороны* диалога готовы к его ведению; 3) в истории диалога интеллектуальных практик в культурах мира существует то, что можно обозначить термином «трансляция» – идеи, образы, образцы институций культурных практик передаются через механизм «заимствования–выбора»; по разным причинам в каждом конкретном пространстве диалога, что-то заимствуется и осваивается, а что-то отвергается; 4) в таком диалоге всегда есть «субъект» – ученый, теолог, миссионер, деятель искусства или сообщество таких людей; представитель власти или её «законодатель» (монарх, к примеру), который берет ответственность за его осуществление, подтверждая это либо своим личным участием, либо обеспечением возможность его реального проведения. Разумеется, это – не все характеристики и структурные составляющие кросс-культурного диалога, но всё вышеперечисленное является необходимым.

Задача данного исследования – рассмотреть кросс-культурный диалог как интеллектуальный «case», как фрагмент истории восточнославянской культуры, представленный биографией и трудами Симеона Полоцкого, созданными на Московском дворе. Конкретный анализ важен, чтобы показать «проблемные точки» интересующего нас кросс-культурного диалогического процесса.

* * *

В 1664 г. Симеон Полоцкий, получивший образование в Киево-Могилянской коллегии, окончательно переселился в Москву и определился на

жительство в Спасский монастырь за иконным рядом. Его интеллектуальный багаж был разнообразен. От времени преподавания юношам в Богоявленском монастыре Полоцка остались самые разные произведения Симеона, по которым можно представить широту его образованности и разнообразие умений. Область его интересов чрезвычайно обширна: стихотворные переложения литургических текстов, декламации, диалоги, эпиграммы на разных языках, стихи по случаю церковных и светских событий и праздников, а также панегирические приветствия.

Видимо, с одним из такого рода приветствий «метрами» он обратился в 1656 г. к царю Алексею Михайловичу. Известно, что царь в шведской компании 1656–1658 гг. дважды посетил Полоцк в 1656 г. И. Л. Андреев пишет об июльском визите, перед дорогой на Ригу, когда войско имело несколько побед над небольшими городками-крепостями [1, с. 301]. Царь посетил Богоявленский монастырь, Спасскую церковь и Софийский собор, центры ордена святого Василия Великого, возвращенные православной церкви. Второй раз в Полоцке он был после поражения под Ригой в октябре. Ученики «братской» школы, воспитанники Симеона, приветствовали царя и произвели тем самым на него новое и неожиданное впечатление [4].

В 1660 г. Симеон с «отроками» впервые посетил Москву и снова предстал перед Алексеем Михайловичем, на этот раз в Кремле с чтением декламации. Вернувшись в Полоцк, он продолжил свою педагогическую и поэтическую деятельность: писал акростихи, загадки, «эхо» с рифмующимися вопросами и ответами, макаронические стихи с использованием нескольких языков, фигурные в форме креста, лучей, «раки», образующие один и тот же текст при чтении слева направо и справа налево и т. д. Все это – репертуар хорошо разбирающегося в барочном искусстве европейского поэта, владеющего приемами риторики, поэтического мастерства и, кроме всего прочего, польским, латинским языками, а также «руською мовой». Позже, уже в Москве при дворе Алексея Михайловича Симеона прозвали «философ», «вития» и «пиит», свои богословские труды он подписывал – «иеромонах».

В 1667 г. царь назначил православного, европейски образованного Симеона Полоцкого наставником к царевичу Алексею, а затем к царевичу Федору, а также царевне Софье. Русский историк С. М. Соловьев создает портрет Симеона – идеального домашнего учителя. Именно такой учитель был необходим России в XVII–XVIII веках, и даже в XIX веке. По Соловьеву, Симеон – «ходячая энциклопедия, неутомимый борзописец, умевший писать обо всем…» [8, с. 144]. Однако его деятельность много шире трудов учителя даже венценосных учеников.

По приезде в Москву Симеон не мог не видеть бросающееся в глаза отличие великоросских духовных лиц и практик их работы с прихожанами от того окружения, к которому он привык в Полоцке, а ранее в Киево-Могилянской коллегии, где получил свое образование. Отсутствие системы школьного обучения, практики катехизации среди верующих, вера, не опирающаяся на самые необходимые знания в области вероучения – все это

заставляло Симеона искать пути организации систематического школьного образования и привития как элементарных знаний пастве, так и сообщения навыков приобретения, а затем пополнения знаний клиру. Специалистам известны несколько попыток Симеона завести на Москве «училища». В 1667 г. в Бронной слободе Москвы прихожане церкви Иоанна Богослова писали челобитные на имя царя Алексея Михайловича, а также его духовника Андрея Савинова, с просьбой поддержать создание «училища славенския грамматики» при церкви. Эти просьбы дошли до московского патриарха Иоасафа, александрийского Паисия и антиохийского Макария. Кроме того, с той же просьбой к патриархам Паисию и Макарию обратился в том же 1667 г. «некий муж» с просьбой «утвердить грамотой создание в приходе храма Иоанна Богослова училища». Публикатор этих документов и исследователь вопроса Б. Л. Фонкич пишет: «есть все основания для заключения о том, что ведущую роль в хлопотах об основании училищ играл Симеон Полоцкий» [10, с. 81]. К Симеону же, считает исследователь, «восходят все предложения относительно устройства училища и программы обучения в нем» [10, с. 81], однако по неизвестным причинам школа не была открыта, хотя благословенная грамота восточных патриархов была получена.

В конце 70-х гг. XVII в. Симеон Полоцкий продолжил свои попытки открыть в Москве высшее учебное заведение. Он обсуждал этот план, как считает Фонкич, как с новым молодым царем, в недавнем прошлом своим учеником, Федором Алексеевичем, так и с патриархом Иоакимом. После смерти Симеона 25 августа 1680 г. в его бумагах остались заметки, наброски и планы школы, её устава и учебных программ. Библиотека, самая большая на то время в Москве, и архив Симеона перешли его ученику Сильвестру Медведеву. Ему-то и принадлежит окончательная редакция «Привилеи на Академию» – документа, с которым Сильвестр обратился к царю в январе 1682 г. Документ не был подписан, однако в Заиконоспасском монастыре по царскому указу тогда же начались работы по созданию славяно-латинской школы, где преподавал латинский язык податель «Привилегии» Медведев. Школа просуществовала до 1687 г.

По поручению государя Симеон Полоцкий участвовал в работе церковного собора 1666–1667 гг. Собор открылся 29 апреля 1666 г., «протокольный отчет» о заседаниях собора должен был вести Симеон. До нас дошла «литературная обработка», как назвал ее Н. Ф. Каптерев, этого события – книга «Жезл правления», которая была издана на Печатном дворе в 1667 г. Симеон был именно *автором* этого текста, т. е. достаточно вольно отнесся к своей задаче. В своем литературном труде, отмечает Н. Ф. Каптерев, он допускает хронологическую путаницу [2, с. 28–29]. Симеон смешивает первый и второй Соборы 1666 г. и «приглашает» на первый вселенских патриархов, хотя они были лишь на втором. Совершенно очевидно, что он не видит свою задачу как задачу книжника-летописца, фиксирующего события. Он, разумеется, и не профессиональный историк, стремящийся к объяснению происходящего. Он мыслил себя автором, для которого события служили лишь материалом его

книжной работы. Его не смущала новизна для русской книжности затеянного им труда. Особо интересны пометы, которые Симеон делал по ходу своей работы, беря на себя роль как бы «соавтора» события. Он явно полагал, что им самим сочиненные речи, которые не произносили на самом деле ни царь, ни митрополит, не изменят смысла событий. Эта авторская позиция, безусловно, сформировавшаяся под влиянием западной литературы, была ещё слабо известна русским книжникам и мало оценена ими.

Позиция Симеона на Московском дворе была уязвима: его обвиняли в «латинстве» и «западной образованности». Здесь проявляется главная проблема кросс-культурного диалога: равноправны ли обе стороны в диалоге, готовы ли на обмен или заимствование, способны ли выбрать то, в чём нуждается культура, получающая импульс для своего дальнейшего развития? Даже представитель старшего поколения «могилян» (выучеников той же Киево-Могилянской коллегии) – Епифаний Славинецкий, ценивший познания Симеона, критически относился к нему за незнание греческого. Известно, что Симеон не читал Капподокийских отцов в подлиннике. Скорее всего, именно Симеона Полоцкого имел в виду Епифаний, когда жаловался: «Наши киевляне учились и учатся только по латыни и чтут книги только латинские и оттуда мудрствуют, а гречески не учились, и книг греческих не чтут и того ради истины не ведают» [цит. по: 5, с. 116]. Да и Священными книгами, как показывают исследователи, Симеон часто пользовался в латинских изданиях.

Собственно, именно за те качества, которые вызвали интерес к нему царя, он и не был принят православным священством Московской Руси. Хотя не стоит видеть в этом случае в царе Алексее Михайловиче сознательного латиниста и западника. Скорее это был «аристократический» интерес к «новинам», виденным им в походах на запад, и попытка усвоения правил европейского двора в его, так сказать, «польском» изводе. На эту мысль наводит факт приглашения Симеона воспитателем к царским детям. Педагогические способности Симеона пригодились и в Приказе тайных дел, где он вёл обучение латинскому языку. И еще одна властная поддержка чрезвычайно важна была для Симеона. По приказу юного царя Федора Алексеевича, просвещенного ученика Симеона в 1678 г. была открыта «Верхняя» типография в Кремле («в Верху»), позволившая обходить патриаршую цензуру, контролировавшую и планировавшую продукцию Печатного двора.

Симеон жил поблизости от Кремля в Заиконоспасском монастыре и не претендовал на получение высоких титулов в духовном сословии и продвижение по церковной иерархической лестнице. Смысл своей деятельности он видел в учёной, книжной и словесной работе, оставаясь иеромонахом. В его келье расположилась самая большая по тем временам в Москве личная библиотека, собрание которой, очевидно, сложилось во времена обучения Симеона в Киеве и Вильно. Эта библиотека сама по себе была целым университетом для желающих приобщиться к богословским темам и сюжетам. Библиотека также располагала книгами по философии, праву, медицине,

географии, истории, арифметике, геометрии, астрономии, риторике и поэтике, естественной истории и, разумеется, Священной истории, гомилетике и догматике на латинском, польском, греческом, церковнославянском и немецком языках. Имелись в ней различные словари и другие многочисленные книги.

Учеников у Симеона было, видимо, немного. Первому и достойному – Сильвестру Медведеву, также монастырскому интеллектуалу, Симеон и завещал свою библиотеку.

Просветительские надежды в пределах православной веры по примеру тех академий, в которых он сам обучался, воплотились в проект организации в Москве высшей школы («академии») по типу польских и западноевропейских университетов, прямым осуществлением которых была первая на восточных славянских просторах Киево-Могилянская коллегия, основанная Петром Могилой. Именно в целях просвещения своих венценосных учеников Симеон незадолго до смерти успел издать в Верхней типографии «Букварь языка славенска» (1679), «Тестамент Василия, царя греческого, сыну Льву» (1680), «Историю о Варлааме и Иоасафе» (1680).

Кроме сборников проповедей «Обед душевный» и «Вечеря душевная», напечатанных в Верхней типографии уже Сильвестром Медведевым, соответственно в 1681 и 1683 гг., Симеон создал в 1670 г. богословский компендиум «Венец веры кафолической», который должен был выполнять просветительские и катехетические функции, прежде всего, для его венценосных учеников. При его написании Симеон, как и в других случаях, например, при создании стихотворного труда «Вертоград многоцветный», пользовался богословскими трудами католических авторов, находившихся в его библиотеке. Здесь мы встречаемся с характерным видом интеллектуальной коммуникации (того, что теперь и называется кросс-культурным диалогом) в работе книжников того времени. Это – прямые заимствования текстов, их фрагментов, композиционных и структурных элементов и т. п. посредством перевода, но, конечно, без указаний автора, тем более, что ими были авторы «чужой» (но, обратим внимание, христианской) веры. Симеон работал с такими текстами, как он сам писал, в интересах русского («славенского», по его определению) языка, для переноса на почву этого языка всего нужного и важного, что существовало на других языках. Конечно же, прежде всего, он выполнял труд переводчика. Перевод – мало освоенная древнерусскими книжниками область интеллектуальной деятельности до второй половины XVII в., тем более, перевод текстов с латинского языка. Однако для русской культуры этого времени, эта деятельность отвечала задаче, словами Симеона в «Вертограде многоцветном», пересадке «цветов», украшавших поэтические сады на других языках, на почву «славенского» (русского) языка.

Нельзя здесь не сказать, что в этих переводах оставалось много полонизмов, слов, не находимых в русском языке. Мы уже упоминали о Епифании Славенецком, также учившимся в Киево-Могилянской коллеги, но несколько ранее, чем Симеон. Он также много занимавшимся переводами,

переводил с греческого при никоновской «справе» церковных книг, а также при подготовке печатного издания Библии (1663). Епифаний перевел «Гражданство обычаев детских» Эразма Роттердамского, участвовал в переводе сочинений по географии и анатомии. Большую известность получил составленный им словарь «Книга лексикон греко-славено-российский».

Безусловно, цель трудов Симеона – создание все же авторских, в понимании того времени, богословских, проповеднических, катехетических, стихотворных текстов. И понятно, что подобная задача требовала соблюдения догматических норм и правил, принятых в русском православии. Конфессиональные различия учитывались Симеоном при текстовых заимствованиях в такого рода «творческих процедурах», и католический текст трансформировался в текст православный, однако московские книжники относились к результатам трудов Симеона с недоверием и не могли считать его «своим» 12.

Его интеллектуальное влияние на Московский двор не было ограничено только богословской литературой. Первые театральные постановки и заведение театра также можно рассматривать как интеллектуальные барочные «новины» по образцам школьных театров западно-русских земель. Симеон поддержал интерес Алексея Михайловича к театру и написал два драматических произведения в стихах на библейские сюжеты: «Комидия притчи о блудном сыне» и «трагедия» «О Навуходоносоре царе, о теле злате и о триех отроцех, в пещи не сожженных».

Специалисты по творчеству Симеона считают, что та книжная культура, которая была принесена им на Русь, существенным образом отличалась от книжности киевских ученых старцев «первого призыва», к которым относится и Епифаний. Новый принцип утверждался в творческом, деятельном начале, позволяющем книжнику создавать текст, расширяя свой разум и обучая себя, а не умаляя свои познавательные возможности («азъ не учен...» – писали старые книжники). «Могилянин» Епифаний, конечно же, на московском Печатном дворе был книжником-интеллектуалом. Но Симеон расширяет этот тип книжной учености характерным для культуры барокко разнообразием жанров и форм. Совершенно неслучайно в «Вертограде многоцветном» – первом энциклопедическом труде русского стихотворного барокко – разумной деятельности, учению, пониманию ценности мысли как Божественного дара человеку посвящены немало стихов. Мысль облекается в образ, но образ дает разъяснение тому, что есть мысль. Симеон сравнивает мысль с корнем дерева и полагает, что мысль питает все человеческое существо по повелению Бога:

«Но, яко, что въ корени от силы таится,
то послежде во ветвех и в плодех явится,

---

[12] Техника заимствований при создании «Венца веры» на основе фундаментального пособия для пастырей «Hortus pastorum», написанного бельгийским католическим богословом Жаком Маршаном (Jacques Marchant, 1585–1648), подробнейшим образом исследована М. А. Корзо [см.: 3].

Тако, что сокровенно во мысли пребудет,
то помале во делех проявленно будет» [11, с. 388]

Высказывание такой определенной связи мысли-веры-дела было для московских книжников серьёзным испытанием и не могло быть принято в этой среде. Жесткое разделение веры и знания лежало в основании традиционного православного мировоззрения. Известен широко публикующийся в разных исторических исследованиях текст, демонстрирующий негативные позиции московских книжников XVII в. по отношению к различным формам знания, в котором знанию противостоит смирение, желание очиститься о греха. Но, по-существу, не укрепляется ли ими «невежество»? Вот этот текст: «Не высокоумствуйте, братие, но в смирении пребывайте. Если кто спросит тебя, знаешь ли философию, ты ему отвечай: еллинских борзостей не текох, ни риторских астроном не читах, ни с мудрым философы в беседах не бывах, философию ниже очима видех; учусь книгам благодатного закона, аще бы можно моя грешная душа от грех очистить» [цит. по: 9, с. 126]. Против этих позиций и выступал интеллектуал-полочанин, иеромонах Симеон. Для него мысль (стих «Слово») проявляется в делах разума – создании и записывании слова: «Егда убо хощеши нечто глаголати, / потщися прежде оно умомъ разсуждати...» [12, с. 125]. Симеон постоянно напоминал читателю, что разумение, мысль, ум дан человеку Богом для достойного его применения в делах человеческих. И нельзя не увидеть в стихе «Мир Христов» из «Вертограда многоцветного» прямой перенос западной богословской мысли, воспринявшей от Аристотеля через Августина и Фому определение души человека, обладающей умом, памятью и волей:

«…три миры Троица в нас да утверждает,
да кождо треми силы ону прославляет,
Умом и памятию и волею вечно
в мире временном и где мир есть безконечно» [12, с. 326].

Итак, по Симеону, дело разума в послушании Богу, в обучении, размышлении и создании новых книг. Его ученик Сильвестр Медведев твердо выучил эти правила новой книжности, и, когда умер Симеон, он, выполняя заказ его царствующего ученика Федора Алексеевича, написал большую эпитафию своему учителю, которая заключалась следующими словами: «…книги мудрый он муж сотворивый, // в научение роду российску явивый» [7, с. 189].

* * *

Кросс-культурный диалог, как мы могли убедиться, расширяет контакт культур, умножает основания и расширяет пространство для дальнейших связей и взаимодействий. Думаю, что исторический пример деятельности иеромонаха Симеона демонстрирует важность ещё одной характеристики этого процесса. Диалог между культурами всегда *имеет лицо*, способное, заинтересованное и сосредоточенное на той работе, которую умеет выполнять и на которую способен потратить свою жизнь. Русская же культура в своей истории показывает пример того, что для усвоения новых культурных идей ей

достаточны, как кажется, малые силы, хватает даже одного человека, передающего свои умения совсем немногим. Однако, этот контакт (так было и во времена Максима Грека, к примеру) свидетельствует о том, что потребность в диалоге востребована и усилия немногих услышаны.

Но еще раз, вспомнив известные слова Натана Эйдельмана о том, что революции в России осуществляются «сверху», обратим внимание на то, что до поры и кросс-культурные диалоги также возможны при поддержке власти, но до поры… Во всяком случае, для истории России вплоть до XIX в. трудно опровергнуть соображение, что кросс-культурный диалог ведет власть от имени культуры. После 1825 г. этот процесс претерпевает свои изменения. Но об этом должен быть отдельный разговор.

Список литературы

1. *Андреев, И. Л.* Алексей Михайлович / И. Л. Андреев. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 638 с.

2. *Каптерев, Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович: в 2 т. / Н. Ф. Каптерев. – М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1996. – Т. 2. – 547 с.

3. *Корзо, М. А.* Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века / М. А. Корзо. – М.: ИФРАН, 2011. – 155 с.

4. *Прашкович, Н. И.* Из ранних декламаций Симеона Полоцкого («Метры» и «Диалог краткий») / Н. И. Прашкович // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). – М.; Л.: Наука, 1965. – Т. 21. – С. 29–38.

5. *Пресняков, А. Е.* Российские самодержцы / А. Е. Пресняков. – М.: Книга, 1990. – 464 с.

6. *Робинсон, М. А.* Заметки к биографии и творчеству Симеона Полоцкого / М. А. Робинсон, Л. И. Сазонова // Русская литература. – 1988. – № 4. – С. 134–141.

7. Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. / вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. – Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1970. – 422 с.

8. *Соловьев, С. М.* История России с древнейших времен / С. М. Соловьев // *Соловьев, С. М.* Сочинения: в 18 кн. – Кн. IV (т. 7–8). – М.: Мысль, 1991. – 777 с.

9. Три века: Россия от Смуты до нашего времени: ист. сб. в 6 т. / под ред. В. В. Каллаша. – Репр. воспр. изд. 1912 г. – Т. 2: XVII век. Вторая половина. – М.: Патриот, 1991. – 287 с.

10. *Фонкич, Б. Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке / Б. Л. Фонкич. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 296 с.

11. *Simeon Polockij*. Vertograd mnogocvetnyj / Hrsg. von A. Hippisley, L. I. Sazonova. – Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 1999. – Bd. 2. – 657 S.

12. *Simeon Polockij*. Vertograd mnogocvetnyj / Hrsg. von A. Hippisley, L. I. Sazonova. – Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2000. – Bd. 3. – 764 S.

TRANSCULTURAL COMMUNICATION ONLINE: SONG TRANSLATION

Yuri Maslov
The Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk
Thomas Beavitt
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Institute of Law and Philosophy, Ekaterinburg

Social communication, which takes many forms, is a notion as broad as the human society itself. However, in recent years, largely due to the advent of the Internet, it has been increasing exponentially. Such communication is now global, practically instantaneous and effectively cross-cultural, creating both unprecedented opportunities as well as potential risks.

The availability of the Internet as a massive communications platform has intensified modern social development trends. On the one hand, social life is clearly becoming more 'globalised'; on the other, a growing counterbalancing trend might be described in terms of 'regionalisation'. While this latter trend can be seen in terms of 'top-down' political developments, a 'bottom-up' development process on the part of the 'grassroots' is also taking place: this may be characterised in terms of an increased interest in the global aspects of one's own cultural heritage.

In such a context, the obvious future way of cultural development of the world lies through the process of further integration. In a somewhat idealised future world, the mentality of human beings who communicate socially online will be neither 'global-cultural' or 'local-cultural'. Rather, it will be the mentality of a third kind, that is to say – transcultural.

A pertinent question arises: how can this level of cultural transformation be reached? A preliminary response to this question can be focused around the activities conducted by cultural mediators, whose professional and amateur activities embrace culture-laden areas such as science, education and the arts. In simple terms, researchers, educators and artists are the primary progenitors of this new transcultural mentality.

In her paper entitled "A Researcher as a Soft Power Agent" the Russian sociologist Natalya Popova (2014) describes the personality profile of the above-mentioned individuals as 'meta-linguistic'. The author argues that such individuals are able to transcend the limits of their native culture and engage effectively in meaningful social communication with representatives of another cultural community [2].

Obviously, the primary instrument of such communication is likely to be the mediator's fully-fledged communicative competence in a lingua franca. Across today's international communications network, this lingua franca seems to have unequivocally turned out to be English.

Coming back to the central question of how humanity as a whole can reach the transcultural level, we should focus on its geographical, if not geopolitical, aspects.

The Russian linguist S. Vasiliev (1988) once pointed out that we should treat culture as a symbolic space that contains clusters of particular meanings that are in the process of permanent formation. The author assumed that these processes should occur most intensively on the borders between 'semantic spheres' – both in terms of space and time [1, p.146].

The assumption has proved correct in recent decades, at least in the European context. The fall of the USSR and the events that followed it up to this very day led to the emergence of a unique cultural situation – especially in the area that includes, from north to south, the Baltic states, Belarus, Ukraine and Moldova. Potential cultural mediators living in these countries have obtained access to an amazing variety of cultural information. It is clear that such a situation can lead to the formation of a new, integrated kind of cultural mentality.

While having its own distinctive features, Russia also belongs to the category of countries whose post-Soviet heritage is both a source of great cultural wealth as well as a contributing factor to various current problems. It is well-known, for example, that profound transformations are currently taking place in its educational system. According to the Russian educator I. Sokolova (2009), Russian educational authorities pay particular attention to the promotion of liberal arts education and the creation of conditions for students to acquire professional communication experience [3, pp. 14-20].

However, the problem has another aspect. The new transcultural mentality cannot be merely a means of generating exotic local products for export. Moreover, cultural mediators in post-Soviet countries can hardly facilitate the process of cultural transformations working alone. For as long as the language of this new 'transculture' remains English, there is a dire necessity for obtaining the assistance from like-minded – preferably bilingual – individuals (scientists, educators, artists) whose native language is English. The authors share an opinion that the best candidate for the position of the modern cultural mediator is the person whose profile combines all the three aspects.

A cultural mediator should be a researcher/educator and a person able to display certain artistic skills. The latter may include skills in the areas of performing, public speaking, literary or journalistic work, and other related ones. The Internet provides a variety of possibilities to identify and unite such individuals living in different countries. The authors' recent experience can serve as a case study to prove the point.

The Russian-speaking author of the present paper resides in Belarus and works as a teacher of English. Being a cultural mediator by definition, he also engages in literary pursuits as a translator of poetic texts. At present, the object of his endeavours is the lyrics of Soviet-era war songs that he translates into English. However, assistance from a native speaker, also a serving as a cultural mediator, is a definite requirement. This led to intensive online research that bore fruit in creating contact with an individual who seems to have similar interests.

The Scottish researcher, translator and singer Thomas Beavitt has been working in the Russian cultural space over the last decade. First appearing at a Celtic-themed festival in Moscow in 2008, he promptly returned to present a special 250th

anniversary concert of the songs of Robert Burns. A consideration of the role of the 'bard' in contemporary society led to a project translating the songs of Vladimir Vysotsky. Other song and poetry translation projects followed including "Saints & Sinners" featuring poetry written by contemporary Ural poets, poems of Lermontov translated into (Scots) English and set to music and, recently, the Songs of the Great Patriotic War which were performed for the first time in English on the Mamaev Kurgan in Volgograd with a Russian orchestra in 2015.

Beavitt, who currently works as a researcher and translator at the Russian Academy of Sciences (Ural Branch) in Ekaterinburg, immediately understood the commonality of purpose and opportunity in working with a Russian-speaking translator who has a much more in-depth understanding of the cultural significance of the songs of the Great Patriotic War. The collaboration project, which is ongoing, should result in a new book featuring translated lyrics and essays describing how these unique cultural artefacts relate to contemporary issues in the post-Soviet world as well as their wider import for the world as a whole.

The process of translating of Soviet / Russian song lyrics, their performance in the context of intercultural events, as well as their recording and dissemination to a wide global online audience, contains two problematic aspects: capturing and transmitting the nuances of semantic and emotional communication contained in the text and rendering the English texts in such a way that they can be sung as musically as in the original Russian. For the former aspect, the participation of a Russian speaker, who has an intimate and familial connection with the post-Soviet space is a sine qua non. For the latter purpose, the requirement is for a native English speaker whose sense of the musicality of the language has been well-attuned over the course of a large number of projects and intercultural experiences.

References

1. *Васильев, С. А*. Синтез смысла при понимании текста: монография / С. А. Васильев. – Киев: Навукова думка, 1988. – 240 с.

2. *Попова, Н. Г.* Ученый как субъект «мягкой силы» власти / Н. Г. Попова // Дискурс-Пи. – 2014. – №1. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/uchenyy-kak-subekt-myagkoy-sily-vlasti. – Дата доступа: 06.09.2017.

3. *Соколова, И. И.* Стандарты педагогического образования в России в зеркале идей Болонского процесса / И. И. Соколова // Педагогическое образование: современные проблемы, концепции, теории и практика: сб. науч. ст./ под общ. ред. И.И. Соколовой. – СПб: Учреждение РАО ИПО, 2009. – [412 с.] – С. 14–20.

НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА [13]

Маслова Анастасия Владиленовна
Московский государственный
лингвистический университет, Москва

Специфика научного познания

Изменение самопознания происходит в связи с развитием технологий, меняющих реальность, в которой пребывает современный человек. Его сознание оказывается погруженным в технореальность, создание которой является следствием научных открытий, что выводит нас на ценностные основания и принципы, определяющие дальнейшее развитие науки и техники. Необходимо прояснить взаимосвязь процесса научного познания и культурного контекста, в которого оно осуществляется.

Становление европейской науки, научного познания происходит под воздействием внутренних интеллектуальных преобразований каждой эпохи. Выделяют три различных способа существования и, соответственно, три этапа развития европейской рациональности – это эпоха Античности, Средних веков и Нового времени. Кроме того, культуры различаются по способу существования. Если в рамках европейской культуры мы выделяем её исторические этапы, то в данном случае речь может идти об отдельных культурных локациях, таких как китайская, японская, индийская, арабо-мусульманская и другие культуры. Интересно, что характер становления научного познания в этих культурах различен, и важной задачей философии является выявление глубинных оснований этого различия. Рассмотрим исторический этап формирования западноевропейской науки, а именно, эпоху Нового времени.

Для этого этапа характерно волевое преобразование мира, предстоящего как объект. Хладнокровие и сухость науки хорошо отражает эту скрытую установку времени. Идти напролом ради цели, пренебрегая зачастую этическими, моральными принципами – именно это характеризует способ существования данной эпохи. С этого исторического момента наука приобретает свои четкие предметные границы, преобразуется из «рассмотрения действительного» как особой формы созерцания многообразного и сложноорганизованного мира в «сеть, которую мы забрасываем, чтобы уловить “мир”, чтобы рационализировать, объяснить его и господствовать над ним» [15, с. 341], т. е. познать его. Мир природы превращается в арену действия скрытых законов, которые проявляются под действием света разума. Природа теперь не храм, не целостный космос, а мастерская воли человека. Итак, меняется

[13] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Кросс-культурный диалог и коммуникативно-антропологическая рациональность в условиях вызовов информационного общества» № 17-23-01010.

представление о природе, ее силах и месте человека в ней, устанавливаются также субъект-объектные отношения человека и природы. Это принципиально важно для прояснения специфики культурного самосознания, которое зависит от фундаментальных установок по отношению к природе и самому себе в контексте эпохи Нового времени, тенденция которой поддерживается в последние несколько веков.

Обратимся к пониманию науки, как она видится самими учеными. Интересно определение известного современного ученого-физика А. Дзикики. Он пишет: «*Наука* заставляет наш интеллект работать так, чтобы делать *Открытие*. *Наука* не может *изобрести* новый закон природы. *Наука* может *открыть* новый закон природы» [4, с. 23]. Однако это вовсе не должно означать, что законы уже существуют в готовом знаковом виде и как бы *пред*заданы познающему субъекту, но указывает лишь на то, что до появления науки не были объяснены многие феномены. С ее появлением они обрели смысл и стали понятны благодаря таким важным функциям научного познания, как описание, объяснение и предсказание. Отсюда можно сделать вывод, что перед ученым стоит задача расшифровать природу и облечь в понятийную форму результаты такой расшифровки. Природа рассматривается словно книга, написанная на языке математики и не только. Обнаружение генетического кода, где геном представляет собой буквально предложения, написанные на особом языке со своей «грамматикой» вносит существенный вклад в расширение книги Природы. Методы расшифровки этой книги постоянно развиваются, однако, человек остается в своем теле, практически не подверженном изменениям уже несколько десятков тысяч лет. Несмотря на колоссальный прорыв в науке и технологии, человек, тем не менее, утратил множество своих навыков, он стал менее выносливым, менее чутким к природе, и острота его реакций значительно снизилась. Это очевидно, ведь нет больше необходимости преодолевать опасность, добывая пищу, и обеспечивать безопасность в целях дальнейшего выживания. На современном этапе своего развития западная цивилизация позволила человеку отгородиться от дикой природы, дав возможность создать новую реальность, полностью основанную на техническом оснащении. Однако для нас интерес представляет механизм, при котором остаются неизменными процессы в сознании, ведущие к научному открытию. Сознание в данном контексте мы рассматриваем в широком смысле, как основание для разных видов глубинной мыслительной деятельности.

Итак, по одну сторону находится книга Природы, написанная на тех языках, которые нам доступны, по другую сторону – человек со всем богатством природы своего сознания, перед которым стоит задача расшифровки текста книги Природы. Момент такой «расшифровки» связан с рациональным научным методом с применением известных языков наук, а также с проявлением внерациональных когнитивных способностей, таких как интуиция, предсказание, чувствование. Взаимосвязанность рационального и внерациональных способов познания позволяет прийти к открытию в науке, которое способствует прогрессу, а в своем пределе – приближает к истинному

знанию. Считалось, однако, что только рациональные методы имеют место в научном поиске, тем не менее, современное научное познание выходит за пределы чисто рационального поиска фундаментальных основ бытия и нуждается в новом философском обосновании. Обращаясь к эпистемологическим основаниям научного познания, неизбежен выход на субъективный уровень, во второй мир (по Попперу). Это область системы ценностей, мировоззрения, стереотипов, авторитетов, а также мыслей, психологических аффектов и интуиции, где происходит процесс угадывания, фантазирования, свободного рождения идей. Здесь мы подходим к тем проявлениям сознания, которые базируются на логике определенной культуры. Так, эта логика становится основанием для формирования различных типов мышления, закрепленная в языке и способе существования определенной культуры, прояснив которую возможно вести диалог культур [11].

Для прояснения культурных предпосылок возникновения западноевропейского типа научного познания обращусь к пониманию различия между наукой и философией А. Бергсона. Его мысль состоит в том, что наука нацелена на действие, на подчинение природы человеку, она подвергает анализу застывшую ткань бытия, а философ «стремится к симпатии», которая есть «взаимопроникновение, взаимопричастность разных частей универсума» [1, с. 33]. Здесь мы видим два подхода к познанию мира, на основании чего можно предположить, что эти подходы характеризуют и отношения, которые устанавливаются между природой и человеком в разных культурах. В этой связи интерес представляет пример, который приводит Судзуки для понимания разницы мироощущения западной и восточной культур. Он обращается к поэзии, к выговоренному состоянию души двух поэтов относительно цветка: Басё и Теннисона. Для первого характерно созерцание и благоговение перед живым существом, представляющем ценность саму по себе. Для английского же поэта, выражающего дух Нового времени, характерен динамизм, целенаправленность действия с целью анализировать, а значит, разложить, расчленить, провести «вивисекцию» цветка [14. с. 6–10]. Здесь сталкивается два совершенно различных способа существования, инкорпорированных в японской и западноевропейской культурах.

Поиск единства многообразия путей и методов познания объективной реальности состоит в обращенности к глубинным основаниям мыслительного процесса, в частности, в выходе на когнитивный уровень открытия. Здесь я буду опираться на понятие *гибкой рациональности*, характеризуемое как ментальная способность к свободному и осознанному (внутренне контролируемому сознанием) проявлению творческих интенций в процессе научной деятельности. Эта важная характеристика позволит внести еще одно уточнение в процесс научного познания – это ценностные ориентиры и предпосылки научного исследования. Таким образом, единство онтологии, гносеологии и аксиологии как взаимодополнительных понятий может быть основой содержательного развития философии XXI века, в частности, философии науки.

Рассмотрение предпосылок сознания, с которыми происходит взаимодействие с книгой Природы, позволит нам проявить априорные установки различных познавательных ситуаций. Конечно, не только наука является ареной для диалога культур, однако, специфика научного поиска позволит расширить диапазон рассмотрения феномена диалога культур.

Метафора книги Природы, на наш взгляд, позволяет рассматривать научное познание как расшифровку текста, написанного на разных языках. Природа, подобно тексту, подвергается анализу и толкованию ученых совершенно разных культур, при этом объединяя их, она разделяет ученых самим принципом своего устройства, разграничивая специальные области научных исследований. Таким образом, понятие культуры получает свое применение не только в области исторического бытия, но и в науке. Возникают культуры со своим специфическим языком, а значит, и логикой разных научных направлений, таких как биологическое, физическое, и т. д., а, кроме того, формируется культура гуманитарного исследования. Последняя призвана сегодня примирить споры, ведущиеся в разных областях знания, а также наметить путь преодоления тупиков, как в области научного познания, так и в области гуманитарного знания, а именно – в разрешении конфликтов разных культур между собой.

Современное антропологическое пространство диалога культур

Условием диалога является понимание, но на одном понимании невозможно построить интересный, продуктивный диалог, дискуссию, для этого необходимо еще одно условие – область того, что еще не понято хотя бы одним из оппонентов. Полное совпадение семантического пространства устранило бы необходимость в какой-либо коммуникации, поскольку создалась бы ситуация безмолвного принятия передаваемых смыслов.

Подобно научному исследованию, развитие культуры происходит посредством взаимодействия между разными культурами, инаковость которых позволяет прояснить основания собственной культуры и прийти к принятию другого, отличного от собственного способа жизни. Отмечу, что с середины прошлого века идет процесс глобализации, который сопровождается размыванием культурных различий и утверждением одной модели развития культуры, а именно западноевропейской. В конце прошлого века уже можно было увидеть появление транснациональных корпораций, внедрение интернета, развитие туризма и взаимопроникновение культур. Однако это не приводит к стабильности в обществе, а наоборот расшатывает его, нивелируя различия культур и, тем самым, снижая устойчивость общества, ослабляя его путем устранения культурного многообразия.

Нарастающие межнациональные конфликты стимулируют враждебность между странами, а в условиях доступности новых технологий в военном секторе эти конфликты становятся смертельно опасными для всего мира. Для нас здесь важно проанализировать глубинные предпосылки, которые обострили взаимодействие принципиально разных культур. Одной из таких предпосылок

является изменение сознания современного человека, которое взращено в лоне западноевропейской цивилизации.

Одной из граней антропологической рациональности является восприятие исторического процесса. На этом уровне осмысления бытия человек «уже не чувствует себя участником истории как непрерывно движущейся из прошлого в будущее. Скорее он чувствует себя сегодня участником процессов (множественное число здесь принципиально важно), имеющих место в мире как а-центрированной системе. Мир становится системой, организованной по типу ризомы, если употребить здесь концепт Ж. Делёза и Ф. Гваттари, – системой, в которой изменения её состояния не имеют единого центра, но возникают лишь временные центрации как эффект протекающих в системе процессов» [5, с. 82].

Мир развивается по так называемой «логике сенсаций», где информация должна обязательно задеть эмоционально, потрясти, но не передать некий скрытый смысл. Важны не истинность или ложность поставленного знания, а скорость его поставки потребителю. Человек становится «одномерным», легко внушаемым и пассивным. Формируется новый тип человека, *homo aeconomicus* трансформируется в одноразового человека, который становится объектом манипуляции со стороны властных структур, внедряющих новые технологии. Таким образом, обостряются отношения индивида и власти, индивида и социума, западноевропейской культуры и ценностей других культур. Происходит взаимодействие с обострением, все это характеризует общество риска, где малейшее изменение может привести к разрушению хрупкого информационного общества. Это все характеризует современную антропологическую реальность, в которой происходит диалог культур. Интересно, что сама постановка проблемы диалога культур возникает на почве западноевропейской культуры мышления, которое в основе своей диалогично. Еще Сократ указывал на двойственную природу мышления, обеспечивающей диалог с самим собой, с собственной душой, что является принципиальным условием познания самого себя. Из этой максимы следует, что для познания культуры необходимо раздвоиться и направить диалог на самопознание. Но для масштаба целой культуры раздвоение происходит в момент соприкосновения с другой культурой, как принципиально иным.

Норвежский философ Л. Сведсен отмечает, что «человек – мирообразующее существо, существо, которое активно конструирует свой мир, но, когда все превращается в готовый код, активное конструирование мира становится лишним, и нам уже не хватает разногласий по отношению к миру» [10, с. 43]. Наличие разногласий является условием диалога, который, подобно симфоническому оркестру, воспроизводит музыку разговаривающих душ. Известная практика заботы о себе, возделанная на благодатной почве культуры древней Греции, постепенно утрачивает свое значение в жизни человека, а это и есть познание самого себя через понимание.

Культура диалога представляет собой неоспоримую ценность, которая утрачивается в современном обществе, скрываясь за информационным облаком

безличности. В связи с ростом компьютеризации, человек постепенно утрачивает те навыки, которые он применял раньше. Например, письмо становится неким рудиментом, поскольку печатание на клавиатуре убыстряет и облегчает работу с тем или иным текстом. Нивелируется навык письма, испокон веков характеризовавший образованность человека. На фоне этих процессов создается такая наука, как гуманология, которая изучает «постчеловеческие» или «постгуманитарные» феномены современности [9, с. 87]. Ключевым здесь является понятие *информации*. Информационное поле, через которое происходит получение знаний, имеет свои источники. Важно отметить, что не вся информация является знанием, однако человек получает ее через: экспрессию генов, ощущение, восприятие, интуицию, рефлексию. Таким образом, он находится в эпицентре информационных потоков, которые он получает от разных источников. Более того, как отмечает Д. Глик: «Вселенная, таким образом, рассматривается как компьютер – космическая машина для обработки информации» [3, с. 18]. В этом ключе можно предположить, что и человек является своеобразным компьютером, обрабатывающим колоссальные потоки информации. Однако не стоит поддаваться редукционистским настроениям, которые не решают проблему сознания, а значит и проблему искусственного интеллекта. Наоборот, подобное представление о человеке умаляет в нем истинно человеческое, а именно, его духовную составляющую, которая проявляется в контексте каждой культуры и имеет неоспоримую ценность для всего человечества.

Подводя итог данной статьи, резюмирую основные положения, которые были выдвинуты. Рассматривая специфику научного познания, мы обратились к истории и обнаружили разные способы существования, которые можно экстраполировать на разные типы культур. Так, в древней Греции не было разделения на субъект и объект, что создает условие для научной познавательной ситуации, поэтому человек понимал себя как объект среди объектов. В Средние века подобное отношение к миру сменилось субъект-субъектным, в рамках которого человек познавал мир как субъекта, в высшей своей форме – в виде Бога, божественной сущности. Для человека Нового времени мир – это объект его субъективных стремлений преобразовать и изменить природу, чтобы господствовать над ней. Далее происходит углубление и распространение такого отношения к природе на области других культур, происходит процесс глобализации, когда возникает потребность в диалоге культур, как средстве нивелирования межкультурных конфликтов.

Изучение глубинных основ каждой культуры поможет лучше понять собственную культуру, а также выведет кросс-культурный диалог на качественно новый уровень, на котором будет возможно осознанное признание ценностей другой культуры. Поэтому задачей философии сегодня, на наш взгляд, является вскрытие базиса каждой культуры и целостный подход к разным видам ее проявлений.

Список литературы

1. *Блауберг, И. И.* «Философская интуиция» Анри Бергсона – размышления о сущности философского творчества / И. И. Блауберг // Философский журнал. – 2016. – Т. 9. – № 2. – С. 24–36.

2. Влияние интернета на сознание и структуру знания / отв. ред. В. М. Розин. – М.: ИФ РАН, 2004. – 239 с.

3. *Глик, Дж*. Информация. Теория. Поток / Дж. Глик. – М.: АСТ, Corpus, 2013. – 576 с.

4. *Дзикики, А*. Творчество в науке / А. Дзикики. – М.: УРСС, 2001. – 240 с.

5. *Лызлов*, А. В. Состояние постмодерна или к позитивному осмыслению нашего времени / А. В. Лызлов // Вызовы глобального мира. Вестник ИМПТ. – 2015. – № 2 (6). – С. 80–87.

6. *Масалова, С. И.* Гибкая рациональность уплотнения научного знания: когнитивный аспект / С. И. Масалова // Вестник томского государственного университета. – 2010. – № 2 (10). – С. 32–45.

7. *Меликов, И. М.* Диалог культур и культура диалога: концептуальные основы / И. М. Меликов, А. А. Гезалов // Вопросы философии. – 2014. – № 12. – С. 24–34.

8. *Миронов, В. В*. Мультикультурализм: толерантность или признание? / В. В. Миронов, Д. В. Миронова // Вопросы философии. – 2017. – № 6. – С. 16–28.

9. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / под. ред. Г. Л. Тульчинского и М. Н. Эпштейна. – СПб.: Алетейя, 2003. – 512 с.

10. *Сведсен, Л.* Философия скуки / Л. Сведсен. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 256 с.

11. *Смирнов, А. В*. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл / А. В. Смирнов. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 712 с.

12. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. Бажанова, Р. Шольца. – М.: Навигатор, 2015. – 564 с.

13. Философия познания. К юбилею Людмилы Александровны Микешиной: сб. ст. / под общ. ред. Т. Г. Щедриной. – М.: РОСПЭН, 2010. – 663 с.

14. *Фромм, Э.* Дзен-буддизм и психоанализ / Э. Фромм, Д. Судзуки, Р. де Мартино. – М.: Весь мир, 1997. – 240 с.

15. *Popper, K.* Unended Quest: An Intellectual Autobiography / K. Popper. – Glasgow: Fontana. 1976. – 270 p.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Наливайко Инна Михайловна
Белорусский государственный университет, Минск

Межкультурная коммуникация, как известно, стала объектом теоретического интереса сравнительно недавно, что определяет как относительно неустойчивый объем самого понятия, так и подвижность методологии, применяемой для ее исследования. Вовлеченность в сферу межкультурной коммуникации различных пластов социальной жизни предполагает междисциплинарный характер теории социальной коммуникации, что таит в себе одновременно огромный прогностический потенциал и определенные методологические вызовы. Тем не менее, интерес к этой проблематике неизменно растет, так как эпоха глобализации как таковая и массированные миграционные процессы последних лет делают задачу построения эффективной модели межкультурной коммуникации более чем актуальной.

Поскольку эффективность коммуникации определяется установлением диалога между различными культурными парадигмами, т. е. – достижением понимания, то не последнюю роль в прояснении специфики самого изучаемого феномена играет его рассмотрение с точки зрения основных позиций философии диалога. Наряду с необходимым признанием принципиальной инаковости Другого (в качестве которого в данном случае выступает как определенная культура в целом, так и ее отдельные носители), обоснованием преимущества его позиции, которая определялась Михаилом Бахтиным как «дистанция вненаходимости», приводящая к «избытку видения» и, тем самым, гарантом относительной завершенности Я, важно уразуметь основания этой инаковости.

В качестве одного из таких оснований следует признать наличие хронотопа культуры – той неразрывной пространственно-временной определенности, которая репрезентирует ее уникальное место-в-бытии. Всякая коммуникация нацелена на производство и трансляцию смысла. Но смысл, как ответ на вопросы, которые мы адресуем партнеру по диалогу (как бы не трактовать последнего), предопределен источником исхождения этого вопроса – теми «единством и единственностью жизни и судьбы», которые характеризуют как отдельного человека, так и культуру. Это единство и единственность фактически синонимичны понятию хронотопа – той слиянности «здесь и сейчас», которая лежит в основании всякого вопрошания, всякого выбора и всякого поступка.

Однако, эта хронотопичность культуры может остаться отвлеченным теоретическим конструктом, мало что дающим для усиления эффективности межкультурной коммуникации, если мы не сможем уловить живой процесс ее функционирования. Строго говоря, именно об это препятствие спотыкаются

многие теоретически непротиворечивые концепции коммуникации, поскольку попытка концептуализации этого живого процесса зачастую ведет к работе со ставшими, «мертвыми» объектами – застывшими следами живой коммуникации. Причем, в данном случае даже не важно, о вербальной или невербальной коммуникации мы говорим.

Преодоление этого методологического тупика лежит на путях постижения реального хронотопа, т. е. виртуозного жеста схватывания «здесь и сейчас» – реального протекания культурного времени в его сращенности с топосом культуры. Собственно, это и ведет к осознанию того факта, что действительная межкультурная коммуникация протекает в пространстве повседневности с ее текучестью и изменчивостью момента и, одновременно, – с ее повторяемостью и устойчивостью, с ее укорененностью в определенном месте и, – со способностью занимать место Другого. То, что повседневность в данном случае является очень многообещающим полем исследования, подтверждается и тем фактом, что сбои межкультурной коммуникации оборачиваются жесткими конфликтами в повседневной жизни. И, наоборот, удачная модель межкультурной коммуникации обеспечивает бесконфликтное сосуществование различных культур в рамках одного локуса.

Но чем характеризуется сама повседневность? В чем специфика повседневной коммуникации, в том числе и между различными культурами? Прежде всего, следует отметить, что субъект коммуникации в повседневности представлен в единстве своих ментально-телесных характеристик, что дает новые возможности для понимания специфики и взаимосоотнесенности вербальной и невербальной коммуникации. Во-вторых, специфическая анонимность субъекта повседневности выводит на свет значимость типических форм коммуникации, логики прецедента и здравого смысла. И, главное, – коммуникация в повседневности растворена в каждодневных практиках, из которых и состоит повседневная жизнь. А они, согласно французскому теоретику культуры Мишелю де Серто, носят тактический характер. Это означает, что они прочерчивают множественные анонимные ходы между стратегическими линиями, установленными социальными институтами, адаптируя культурное производство последних к своим нуждам и обстоятельствам. Они реализуют особую модель времени – *кайрос* – схватывание удобного момента, вплетая человека в это анонимное потребление и утверждая парадоксальную «силу слабых». В данном случае коммуникация протекает как ежедневная адаптация устойчивых и повторяющихся коммуникативных моделей, их индивидуальное присвоение и потребление «здесь и сейчас» и, тем самым, продуцирование понимания конкретных людей в конкретном хронотопе.

КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Сарна Александр Янисович
Белорусский государственный университет, Минск

В современных условиях развития городской культуры особую роль играют специализированные отрасли производства товаров и услуг, материальных и нематериальных благ, которые так или иначе связаны с интеллектуальной собственностью. Специфика этой промышленной сферы фиксируется в понятии «креативные / творческие индустрии», которое является прямым наследником категории «массовая культура», поэтому важно обозначить преемственность в контексте их использования. Примерно с середины XX века «масскульт» или *pop culture* включает в себя общую совокупность духовных и материальных ценностей, предназначенных для широкого использования всеми слоями населения без каких-либо ограничений.

Не отрицая наличия «культуры для масс» как специфического типа зрелищ и развлечений, существовавших еще в античности и активно развивавшихся в дальнейшем (гладиаторские бои, средневековые карнавалы, народные гуляния и праздники), большинство исследователей все же склоняется к мысли о том, что подлинный размах и глобальные масштабы «масскульт» приобрел именно в прошлом столетии. Это связано с существенными сдвигами в механизме производства и распространения культурной продукции: развитием средств массовой коммуникации (прессы, радио, кино, телевидения); гигантскими тиражами иллюстрированных журналов, недорогих «карманных» книг и грампластинок, а затем и компакт-дисков; индустриально-коммерческим типом производства и распределения стандартизированных духовных благ; относительной демократизацией культуры и повышением уровня образованности масс; увеличением времени досуга и затрат на развлечения в бюджете средней семьи [2].

В условиях массового производства и перепроизводства, поставившего «общество потребления» на грань перенасыщения всевозможными благами, особую роль приобретают критерии эффективности, востребованности и популярности. Именно они становятся стандартом покупательского спроса и основным средством формирования тех или иных тенденций в мире моды. При этом измерения рейтинга определяют степень популярности у аудитории как продукции телеканалов, так и публичных персон, а категории «хита», «бестселлера» и «блокбастера» отражают показатели продаж и кассовых сборов в главных отраслях культурной индустрии (музыка, литература, кино, а также спорт и туризм) [8].

Такой подход требует четкой организации процессов производства и потребления, поэтому аппарат создателей «массовой культуры», по мнению В. Л. Глазычева, объединяет исследовательскую, проектную и организационно-коммерческую деятельность специалистов высшей квалификации. Социально-

психологические исследования позволяют производителям достаточно точно спрогнозировать колебания предпочтений, симпатий и антипатий у различных категорий потребителей, повышение и падение спроса на те или иные категории товаров и услуг. Так определяется влияние оформления упаковки на выбор товара, «уговаривающих» формулировок рекламы на масштабы туризма, режиссуры политических телевизионных турниров на решение колеблющихся избирателей и т. п.

В рамках социокультурного проектирования и промышленного дизайна непрерывно создаются новые образцы всего, что зрительно или на слух воспринимается массой потребителей: от графики на конверте грампластинки до системы оформления города, от музейной экспозиции до режиссуры национального праздника. Коммерческая основа и организация производства продуктов массовой культуры строится по образцу промышленной индустрии, а их распространение подчиняется особым маркетинговым стратегиям, ориентированным на продвижение и сбыт продукции посредством агрессивной рекламы. Именно маркетинг оказывает решающее влияние на репертуар театров, финансирование кинофильмов, структуру телевизионных программ, политику издания книг и грампластинок, особый рынок молодежной моды во всем проявлении возможностей от «андергаунда» до «мейнстрима». Маркетинг как коммуникационная и организационная основа «масскульта» придал культурным процессам «спортивный» характер, вовлекая все проявления творчества в бесконечный процесс возвышения и падения очередных «звезд» и «кумиров» [2].

В ситуации, когда культура управляется по принципу «всеобщего маркетинга», все оказывается выставлено «на продажу» и охвачено рыночными отношениями. В современном обществе сфера производства вытесняется потреблением, которое само становится производством, а спрос не только порождает, но и порождается предложением. Процесс взаимообмена разрастается лавинообразно и принимает тотальный характер: «стимуляция симуляцией» есть условие непрерывности перепроизводства, информационной перегрузки, приводящей к перенасыщению и «мусоризации» социального и культурного пространства [1]. Единственным выходом становится отказ от общей ориентации на массу и целенаправленное распространение продукции по типам потребителей в соответствии с сегментацией самой публики. Это приводит к существенным изменениям в «настройке» всего аппарата массового производства, его переориентации на интересы разных групп потребителей.

В настоящее время принципиальным становится различие между массовой и популярной культурой. Возможность их сравнения и даже противопоставления проявляется в отношении к индивидуальности, личностному началу. В массе это начало ретушируется и нивелируется, подчиняясь порядку унификации и растворению среди себе подобных, в поп-культуре сознательно акцентируется и культивируется. При этом индивидуальность перестала быть чем-то уникальным и неповторимым – она тиражируется и копируется в соответствии со стандартами серийного

производства. Культура постмодерна в своей основе тождественна поп-культуре, когда в условиях рыночных отношений сетью агрессивных маркетинговых коммуникаций оказывается охвачено и сегментировано все социокультурное пространство. Это культура массового сбыта «всего-чего-угодно», тотально осуществляемого уже не в масштабах гигантомании и одинаковости, но всеохватности и повсеместности, когда реклама проникает повсюду и навязывает вкусы, образцы и стандарты потребления [3].

«Массовость» этой культуры определяется не масштабностью аудитории как потенциальной клиентуры, но ее прозрачностью и предсказуемостью, позволяющей найти и завербовать покупателя даже для самого экзотического товара – то есть фактически превратить все в товар. Это культура, возникшая в условиях тотального перепроизводства, когда основной ценностью становится потребление, возведенное в культ (потребление ценностей, стилей жизни, потребление самого потребления). В этих условиях даже что-либо новое создается как имитация старого, его комбинация и переработка, то есть творчество осуществляется как постоянное потребление наследия прошлого. Так стимулируется непрерывный процесс творческого коллажа и монтажа на материале копий и клише, стандартов и симулякров, миксов и сэмплов, ремейков и ретейков, сиквелов и приквелов [10].

В итоге в современном обществе происходит дрейф от «культурной индустрии» как целостного явления ко множественности культурных индустрий. Тем самым осуществляется переход к «креативным индустриям», совмещающим инновационный сектор экономики и социокультурные практики, ориентированные на творчество. Здесь оказываются связаны воедино культура, экономика и социальная политика – три типа активности, во многом противоречащие друг другу. Они объединяют:

– свободный поиск художников, ориентированный на ценности духовности, красоты, самореализации;

– прагматическую инициативу бизнеса, устремленную к ценностям личной и корпоративной выгоды;

– государственное и региональное управление (ценности развития страны, территории, города, гармоничного взаимодействия социальных, этнических и культурных групп населения) [5].

Обычно выделяют следующие периоды развития «культурных / креативных» индустрий:

– XV–XIX вв. (первая половина): начинается с появления первой культуриндустрии (книгопечатания) и постепенно развивается промышленное производство товаров на фоне доиндустриального распространения продуктов культуры (перепись, ремесла, ручной труд);

– XIX вв. (вторая половина) – 1960-е гг.: активное распространение новых технологий, возникновение «технических искусств» (фотография, кинематограф, телевидение), индустриализация и массовизация культурного потребления. Сближение культуры и коммерции резко критикуется, воспринимаясь как свидетельство утраты «высокого статуса» культуры;

– 1970-е – сер. 1990-х гг.: под влиянием революционных преобразований 60-х гг. происходит пересмотр и отказ от стереотипных шаблонных механизмов потребления, сегментирование и развитие разнообразия во вкусах массовой аудитории. Завершается оформление и начинает стимулироваться активное развитие «культурных индустрий», в которых интересы творчества и коммерции уравновешиваются в рамках единой национальной культурной и социальной политики;

– вторая половина 1990-х – 2000-е гг.: «культурные индустрии» осмысливаются как «ядро» сегмента «творческих индустрий», которые признаются приоритетным сектором экономики в развитых странах. Это основа нового типа экономики – «креативной экономики», в которой не физический труд, не машинное производство и даже не информация или знания, а творческая способность к нестандартным решениям становится главным фактором и приоритетом развития территорий и корпораций [5].

Выдающийся вклад в осмысление феномена «культурной индустрии» и его развития в современном обществе, идентифицируемом как «общество потребления», внесли немецкие философы и социологи Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно [9]. В своей работе «Диалектика просвещения» они подвергли бескомпромиссной критике сложившееся к середине XX века положение в западной культуре, когда просвещение воспринималось как «обман масс» и манипуляция общественными настроениями через стимуляцию ложных потребностей и насаждение культа развлечений. Такова была реакция интеллектуалов на происходящий повсюду и постоянно ускоряющийся процесс стандартизации, упрощения и снижения культурных ценностей, что казалось им неминуемым признаком возрождения фашизма. При этом «культуриндустрия» рассматривалась как единое, целостное образование, отдельные сегменты которого не выделялись, а их специфика не учитывалась.

В дальнейшем исследователи обратили внимание на то, что за этим понятием скрывается множество сфер производства культурных продуктов, имеющих разные способы управления, спроса, капитализации, корпоративного и государственного контроля. Поэтому было решено говорить не об одной, но множестве «культурных индустрий», которые соответствуют различным секторам экономики, производящим и распространяющим товары и услуги в сфере культуры (книгоиздание, звукозапись, театр, кино, телевидение и пр.). Французский исследователь Бернар Мьеж выделил два основных сектора: 1) индустрии с мощной технологической оснащенностью и высоким уровнем капитализации (видеозапись, телевидение, кинематограф); 2) сектор производства продуктов на основе ремесленной и художественной базы с низким уровнем капитализации, но оценкой уникальности продукта (живопись, театр, поэзия, музыка) [4].

В 1998 г. в Великобритании провозглашается переход к «креативным индустриям», которые понимаются как «деятельность, в основе которой лежит индивидуальное творческое начало, навык или талант и которое несет на себе потенциал создания добавленной стоимости и рабочих мест путем

производства и эксплуатации интеллектуальной собственности» [5, с. 68]. Сферы, в которых осуществляется такая деятельность, также определены: реклама, художественный и антикварный рынок, архитектура, ремесла, дизайн, мода, кино и видео, музыка и пр. Сюда добавляются также программное обеспечение и мультимедиа, что фактически ставит эту деятельность на один уровень с НИОКР (научно-исследовательскими и конструкторскими разработками).

Между тем, важно четко проводить различие между творчеством (как деятельностью, требующей вдохновения, особого настроя на создание уникальных, единичных продуктов) и креативностью, где творчество поставлено «на поток» и не зависит от вдохновения, ориентируясь на своевременное выполнение заказа. В современных условиях художественное творчество сливается с каналами его распространения (достаточно вспомнить особую роль издательств в создании литературы), так что технология напрямую начинает определять специфику «культурной формы» для последующего формирования «творческой индустрии». Именно последняя выступает в качестве сопутствующего сектора «креативных индустрий», которые больше ориентированы на получение денежной прибыли, чем на освоение новых ценностей, расцениваемых как культурное и общественное достояние [5].

Возникновение политики развития «культурных индустрий» разрушило границы между культурой и экономикой, чтобы увеличить вложение бизнес-инвестиций в сферу искусства, выстраивать эффективное и перспективное партнерство между ними. Это позволило осуществить «культурную фиксацию» (Д. Харви) капитала на городском (региональном) уровне, способствуя развитию определенных территорий. Именно культура теперь задает формат «символического потребления» и «эстетического присвоения» символов, образов как средств конструирования территориальной идентичности. Так происходит переход от старой системы производства к новой креативной экономике «знаков и пространств».

Особо следует упомянуть специфическую организацию пространства, стимулирующую публичную активность населения, особенно в больших городах. Здесь создаются специальные зоны и особые территории, рассчитанные на трансформацию нашего восприятия повседневности, когда событием становится не какое-то значимое мероприятие, а сам факт посещения этого места (торгово-развлекательные комплексы, парки и аттракционы, ночные клубы, фитнес-центры, кинотеатры и художественные галереи) [7].

Ярким образцом такого подхода стало появление «культурных кластеров» – участков городских территорий, которые планомерно выводятся из-под влияния индустриальных технологий прошлого и способствуют реорганизации городской среды для более творческого и экологичного ее использования. Там, где были заводы, предприятия и фабрики, открываются студии, галереи, бутики. В Минске также активно развиваются локальные сегменты городской территории на месте таких предприятий, как «Горизонт»,

завод им. Ленина и Орджоникидзе, охватывая целые улицы – Октябрьскую, Зыбицкую, Фабрициуса и пр.

Подвергаясь радикальной трансформации и меняя свои функции, они превращаются в «третьи места» (Р. Ольденбург) – публичные пространства для досуга горожан, которые выступают как дополнение к «первому» (дом) и «второму» (работа) местам, наиболее важным для города. Именно «третьи места» представляют собой базовый культурный капитал как стратегический ресурс для развития городской среды, комфортной для горожан и привлекательной для туристов. Главным «третьим местом» у нас считается район Верхнего города, который представлен Городской ратушей на площади Свободы с музеем Минска и прилегающими городскими кварталами «исторического центра», восстановленного совсем недавно. Он стал альтернативой другому псевдоисторическому центру, построенному в 1970-е гг. – Троицкому предместью, во многом определявшему облик города, его прошлое и сохраняющее свое влияние по сей день.

Еще недавно, в 2012–2014 гг., основные ресурсы городской культуры «третьих мест» были сосредоточены в центре на улице К. Маркса, из которой пытались сделать пешеходную зону. Однако затем планы городских властей изменились и теперь в Минске имеются две локации, претендующих на статус места, значимого для горожан – официальный «культурный центр» в Верхнем городе и неформальный «креативный кластер» на ул. Октябрьской. Их можно использовать в позиционировании и брендинге Минска, продвигая как своего рода «культурные ареалы».

Таким образом, в современной городской культуре, выстраиваемой под влиянием креативной экономики, товаром становится любая форма, образ и способ деятельности по производству не только вещей, но и смыслов, образов, знания и стилей мышления, образцов поведения, форм потребления и пр. [6]. Все они охватываются гибкими и всепроникающими сетями маркетинговых коммуникаций, после чего маркируются, позиционируются и конвертируются уже в качестве бренда или трейд-марки. При этом массовое производство становится прерогативой не только экономики, но и всей культуры в целом, когда образы используются как фирменный знак, подвергаются стайлингу и брэндингу, копируются, тиражируются и распространяются повсеместно в качестве новых символических ресурсов для социального развития.

Список литературы

1. *Бодрийяр, Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М.: Культурная революция, Республика, 2006. – 269 с.

2. *Глазычев, В. Л.* Массовая культура [Электронный ресурс] / В. Л. Глазычев. – Режим доступа: http://www.glazychev.ru/publications/articles/1974_bse_mass_kult.htm. – Дата доступа: 25.11.2017.

3. *Джеймисон, Ф.* Постмодернизм и общество потребления / Ф. Джеймисон // Логос. – 2000. – № 4. – С. 663–677.

4. *Долгин, А. Б.* Экономика символического обмена / А. Б. Долгин. – М.: Инфра-М, 2006. – 632 с.

5. *Зеленцова, Е.* Творческие индустрии. Теория и практика / Е. Зеленцова, Н. Гладких. – М.: Издательский дом Классика XXI, 2010. – 240 с.

6. *Лессиг, Л.* Свободная культура / Л. Лессинг. – М.: Прагматика культуры, 2007. – 272 с.

7. *Лэндри, Ч.* Креативный город / Ч. Лэндри. – М.: Издательский дом Классика XXI, 2011. – 399 с.

8. *Хезмондалш, Д.* Культурные индустрии / Д. Хезмондалш. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – 454 с.

9. *Хоркхаймер, М.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – М., СПб.: Медиум, Ювента, 1997. – 310 с.

10. Экономика современной культуры и творчества. – М.: Прагматика культуры, 2006. – 448 с.

ОБРАЗ РОССИИ, УКРАИНЫ И БЕЛОРУССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ [14]

Снежкова Ирина Анатольевна
Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва

В нынешней сложной внешнеполитической ситуации, в условиях роста негативизма, недоверия и настороженности в отношениях между Россией и рядом других стран, в том числе тех, с которыми в недалеком прошлом наблюдалось достаточно конструктивное взаимодействие, принципиально важное значение приобретает вопрос формирования позитивного настроя российского общества на межгосударственные и межэтнические контакты. Особая роль в этом процессе принадлежит молодежи, в руках которой будущее нашей страны.

Главная задача нашего исследования заключалась в том, чтобы на основании результатов опросов российской молодежи проследить, какое общественное мнение формируется в России об этнополитической ситуации внутри собственной страны, а также какими видятся отношения России, Украины и Белоруссии. Кроме того исследовалась роль СМИ, которые являются основным источником формирования представлений стран друг о друге.

Исследование проводилось в Москве в 2017 г. среди студентов гуманитарного факультета (лингвистов, психологов, переводчиков, дизайнеров) Московского информационно-технологического университета при Московской Финансово-Юридической академии; на математическом факультете Московского Педагогического Государственного Университета (в прошлом им. В. И. Ленина); на факультете фундаментальных наук Московского государственного технического университет им. Н. Э. Баумана. Всего было опрошено 200 человек.

Основным методом исследования был социологический опрос. Помимо анкетирования был проведен этнопсихологический, рисуночный тест на тему «Народ и власть в представлениях молодежи».

В процессе анкетного опроса выяснилось, что активно интересуется политикой около 60% молодежи. В основном молодые люди называли себя последователями демократических взглядов – 82%. Либерального, националистического, патриотического и коммунистических мировоззрения придерживалось не более 10% респондентов.

Особую роль в формировании политических взглядов молодежи играют СМИ. Основной источник информации для молодежи, по их собственному мнению, – Интернет: (1) поисковые системы Гугл, Яндекс; (2) социальные сети – ВКонтакте, Фейсбук, Одноклассники; (3) мессенджеры – скайп,

[14] Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 17-01-18090.

инстаграм, телеграм. Во вторую очередь информация получается через телевидение. Бумажные носители (газеты, журналы) упоминались очень редко. На вопрос насколько объективны, западные и российские СМИ, подавляющее большинство респондентов отвечало о необъективности, двойных стандартах и откровенно придуманной информации в СМИ, особенно западных при освещении России. Среди примеров дезинформации молодежь называла освещение событий на Украине, в Сирии, событий внутри России. Назывались такие фейковые новости как «вмешательство России в выборы США», «гибель самолета МН-17 малайзийских линий от Бука ополченцев», «применение химического оружия в Сирии», «допинговый скандал с российскими спортсменами» и др.

Образ России

На вопрос «Какой Вам представляется Россия?» наиболее частые ответы носили положительный характер – 73%. Молодежь видит Россию как «великую сверхдержаву», «сильную страну с большими возможностями», «страну, прошедшую большие испытания и преодолевшую их», «многонациональное государство, в котором народы живут в согласии». Среди отрицательных сторон в образе России молодежь отмечала «коррупцию чиновников», «ухудшение уровня жизни», «ухудшение образования и здравоохранения», «неконтролируемую миграцию из Средней Азии».

На вопрос «Испытываете ли Вы гордость за свою страну?» – большинство молодежи (72%) отвечало положительно. Наиболее повторяющиеся ответы о том, почему молодежь испытывает гордость, – «дружное, сплоченное население», «мужественный народ, проживающий на огромной территории», «страна, которая проводит самостоятельную политику».

Поскольку в настоящее время происходит демонизация России мировыми СМИ, важно было узнать, какой, с точки зрения молодежи, должна быть Россия, чтобы быть привлекательной для других стран? Большинство респондентов отвечало: «Россия должна быть экономически и культурно развитой, сохраняющей свою независимость, единой духом и в дружеском общении с другими странами».

Приближающиеся президентские выборы в России, постоянная поддержка из-за рубежа оппозиционных движений, заставили нас задать ряд вопросов, касающихся возможности проведения на территории нашей страны Майдана, аналогичного украинскому. Среди опрошенной молодежи 74% отрицало возможность проведения Майдана в настоящее время, однако, к наличию политической оппозиции в большинстве своем (54%) относилось положительно. Причины этого указывались следующие: «чтобы политики не распускались», «чтобы карась не дремал», «чтобы существовали разнообразные партии». При этом речь не шла об А. Навальном и его соратниках, рассматривалась оппозиция как явление. Причинами Майдана в России, по мнению респондентов, «может стать ухудшение уровня жизни населения», «неэффективность реформ», «активная деятельность Запада по поддержке

оппозиции». Молодежь с пониманием относилась к тому, что в настоящее время со стороны Европы и Америки будет нарастать давление на российскую молодёжь с целью привлечения ее к оппозиционной деятельности и проведения цветной революции в стране. Относительно посещения митингов на Болотной площади в Москве многие респонденты мнения не имели, поскольку не знали, где она находится, и митингами не интересовались. Знакомые же с оппозиционным движением молодые люди на вопрос: «Почему много молодежи на митингах оппозиции?» отвечали, что молодежь имеет свое видение происходящего в стране, т. к. «сидит в интернете», «читает свободные новости», «общается в соцсетях с себе подобными». Отмечалось также, что молодым людям хочется высказать свое мнение по поводу государственного устройства страны, а иногда присутствует финансовый интерес, т. к. за участие в митингах могут заплатить. Много ответов было о том, что молодежь, особенно школьников легко обмануть и привлечь обещаниями денежной компенсации за участие в протестных мероприятиях. Большинство же хочет жить в спокойной стране, без политических потрясений, без терактов, без страха создавать семьи и растить детей.

Важным аспектом исследования было выявление отношения молодых людей к присоединению Крыма к России. Большинство респондентов – 57% ответило на этот вопрос положительно, 23% – нейтрально, остальным было безразлично – 20%. Респонденты отмечали, что референдум крымчане провели по всем международным правилам, «русские стремились присоединиться к русским». Причиной присоединения, по мнению респондентов, был незаконный государственный переворот на Украине, приход к власти нелегитимного правительства, которое сразу объявило о введении единого государственного украинского языка, чем оттолкнуло русскоязычных крымчан. Также отмечались жестокие действия участников противостояния на Майдане Незалежности и страх людей попасть в подробные условия в Крыму.

Вопросы, связанные с ситуацией на Донбассе, волновали молодежь, которая сочувствовала жителям Донбасса, находящихся под обстрелами четвертый год. Респонденты отмечали произвол киевской власти по отношению к собственному народу, множество невинных жертв среди мирного населения, рассматривали войну как форму зарабатывания денег киевской элитой. На вопрос, как вести себя России в этой ситуации, респонденты предлагали «не вмешиваться в гражданский конфликт на Украине и способствовать примирению враждующих сторон. Выполнять Минские соглашения».

Образ Украины

Важной задачей исследования было изучить представления молодых россиян об Украине. Большинство студентов называло Украину «бедной страной, власть которой развязала братоубийственную войну». Существующая власть на Украине, по мнению студентов, «агрессивная и русофобская», «в стране широко действует коррупция». Однако много ответов было связано с

тем, что развязан конфликт между родственными народами, практически между единым народом, о чем респонденты сожалели.

На вопрос «Связывает ли Вас что-либо с Украиной?» большинство (60%) отвечало положительно. «Связывает национальность родителей, наличие родственников на Украине, друзья, общая история».

На вопрос «Беспокоят ли Вас возможные последствия российско-украинского конфликта?» респонденты отвечали следующим образом:

Таблица 1

1	Опасаюсь военных действий с Украиной и Западными странами	40
2	Опасаюсь экономической блокады России	20
3	Опасаюсь необдуманных шагов со стороны российского руководства	20
4	Опасаюсь необдуманных шагов со стороны украинского руководства	15
5	Опасаюсь необдуманных шагов со стороны западного руководства	20
6	Жалею о разрыве взаимоотношений с некогда братской республикой	20

** Итог не составляет 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько ответов на данный вопрос.*

Как мы видим, наиболее повторяющиеся ответы – опасения военных действий со стороны Украины и западных стран.

Помимо информационной войны мы видим, что идет активная санкционная война против России. Введение санкций со стороны Украины, Западных стран и США по отношению к России, формально произошло в связи с присоединением Крыма, которое Запад и украинское государство классифицируют как агрессию. Однако в последнее время появились санкции США, связанные с якобы вмешательством в предвыборную компанию их страны. На самом деле, задача санкций экономически ослабить Россию и вызвать на ее территории беспорядки, которые привели бы к смене президента и правительства. Закономерно нами был поднят вопрос о влиянии санкций на молодежь и государство. Ответы разделились 50% на 50%. Молодежь указывала на такие последствия санкций для себя как «рост цен», «рост безработицы», «исчезновение некоторых импортных товаров», но в целом считала эти факты некритичными. В государственном масштабе влияния санкций ощущалось «в уходе некоторых предприятий из России», «попадании ряда политиков и артистов в санкционные списки», «запрет на использование технологий, разрабатываемых на Западе».

Нам было интересно узнать, как видят студенты причины событий на Майдане в Киеве.

Таблица 2

1	Желание Украины присоединиться к Евросоюзу	40
2	Государственный переворот на Украине с участием западных сил	70
3	Народная революция на Украине против власти и коррупции	25
4	Очередная цветная революция, срежиссированная Западом	40
5	Другое	5

** Итог не составляет 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько ответов на данный вопрос.*

Большинство респондентов считало основной причиной событий на Украине «государственный переворот с участием западных сил».

На вопрос о безвизовом режиме и дальнейшем присоединении к Евросоюзу большинство наших респондентов отвечало, что это ничего не даст Украине, кроме окончательной утраты собственного суверенитета.

Образ Белоруссии

Образ Белоруссии в представлениях молодежи довольно своеобразный – «эта страна, где доминирует порядок», «работают все предприятия», «низкая преступность» и «вечный президент». Молодежь отмечала в целом хорошие отношения между Россией и Белоруссией. Относительно возможностей Майдана в Белоруссии подобного украинскому студенты отвечали, что «при существующем правительстве это вряд ли возможно». Во взаимоотношениях двух стран – России и Белоруссии – большинство респондентов отмечало частичное расхождение позиций: «Лукашенко, в частности, поддержал точку зрения Порошенко в вопросе „аннексии“ Крыма», «между Россией и Белоруссией идет постоянный торг о ценах за газ», «через Белоруссию осуществляется провоз санкционных (запрещенных Россией) продуктов».

На вопрос о будущем России, Украины и Белоруссии большинство молодежи отвечало довольно оптимистично: «долго не может продолжаться противостояние трех славянских народов, они найдут взаимопонимание», «их рассорили намеренно», «они будут в едином экономическом и политическом пространстве типа Таможенного союза».

Таблица 3 – Каким Вы хотели бы видеть будущее России, Украины и Белоруссии?

1	Независимые государства, свободные от межгосударственных объединений	21
2	Вхождение в таможенный союз (Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан и др.)	65
3	Объединение в ЕС	10
4	Другое	4

Помимо социологического опроса, нами был проведен рисуночный тест, который часто используют в политической психологии на тему «Народ и власть в России, на Украине и Белоруссии» [3, с. 151–180] В контексте политико-психологического исследования важно было проследить, как изображаются респондентами власть (с симпатией, апатией, антипатией). Какое место рядом с властью занимает народ (находится рядом, в центре, снизу, сбоку)? Какие сюжеты и символы используются для изображения народа и власти.

Изображение власти и народа в России

Подобная работа проводилась нами в 2006 г., по результатам были выпущены книги под редакцией И. А. Снежковой [1, с. 146–171].

По результатам рисуночных тестов видно, как менялось отношение молодых людей к власти. Самый тяжелый период в рамках нашего исследования пришелся на 2005–2006 гг., начало второго президентского срока Путина, когда последствия развала СССР и ельцинское наследие были в силе. Изображение власти в то время, как правило, носило отчужденный от народа характер. Ее изображали в виде хищных животных, рыб, чудовищ, терзающих маленький народ. Власть была неотделима от силы. Ее рисовали в виде разнообразного оружия, колючей проволоки, запоров, замков. При этом в мировых СМИ к России относились с симпатией, позиционируя ее как страну победившей демократии, отошедшей от тоталитарного режима.

Исследование, проведенное в 2017 г., показало наличие взаимодействия между народом и властью. Пожалуй, основной лейтмотив большинства рисунков – единство народа и власти. Во-первых, «власть» уменьшилась в размерах, она не нависала огромной махиной над маленькими человечками, изображающими народ. Ее часто ставили в центр, вокруг изображая народ. Агрессивный образ сменился довольно сентиментальными картинами – ее рисовали в образе солнца, цветка, сердца, что было неожиданно для исследователя. Присутствовали в изображении власти также образы диких животных – традиционный медведь, лев, волк. Однако, характерно, что рядом находились их детеныши (народ), которых животное защищало. Довольно много было рисунков на заданную тему, изображающих безмятежную природу, гуляющих по городу или катающихся в парке на велосипедах людей, что свидетельствовало о спокойном взаимодействии народа и властных элит.

Безусловно присутствовали рисунки (15%) с отрицательными образами власти. Имели место изображения полицейских, разгоняющих протестующих на митингах, встречались рисунки, иллюстрирующие представление о несправедливом распределении доходов между чиновниками и народом. Например, изображалась куриная нога, мякоть которой достается властям, а косточка – народу (рисунок 1). Присутствовали на рисунках машины с деньгами, которые отправляются чиновникам, а зарабатывает их народ.

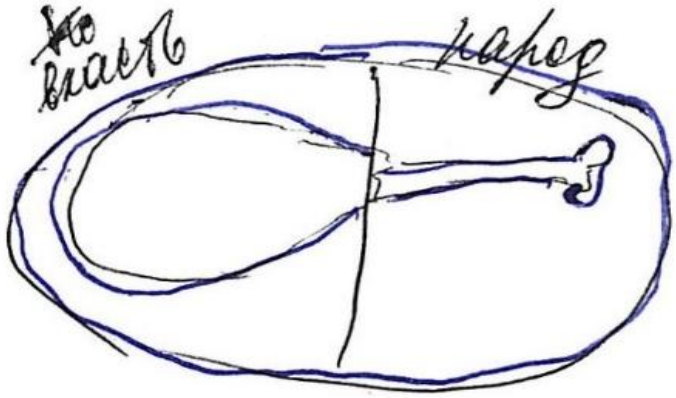

Рисунок 1

Фигуры, изображающие народ, в 2017 г. стали значительно крупнее. Народ сплачивается вокруг президента, работает вместе с ним (рисунок 2). По сравнению с более ранними исследованиями увеличилось число компьютерных символов. Например, народ изображался в виде лайков и смайликов.

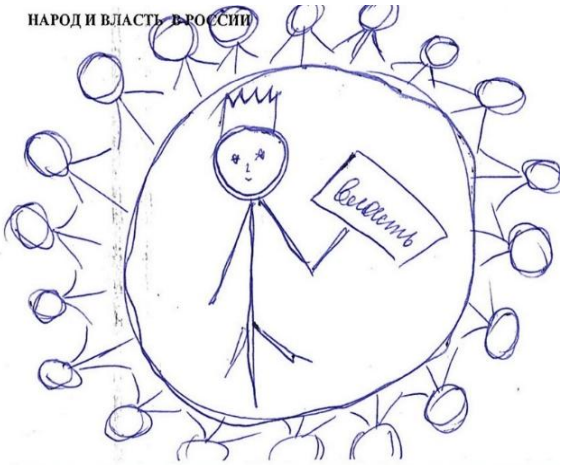

Рисунок 2

Изображение власти и народа на Украине

Аналогичное исследование в 2009 г. проходило на Украине. Уже в те годы российская и украинская молодежь изображала разлад в украинском парламенте (фракции Ющенко, Януковича и Тимошенко), а также рисовала карту Украины, поделенную пополам и подверженную влиянию Запада и России [2, с. 235–262].

Рисунок 3

Исследование, проведенное в 2017 г. среди российских студентов, также показало их уверенность в зависимости украинской власти от США и Евросоюза (рисунок 3). На многих рисунках Украину изображали в виде пылающего костра, горящей земли и зданий. Множество рисунков

фиксировали гражданскую войну между ВСУ и ополченцами Донбасса – танковые наступления и гибель людей (рисунок 4). Власть зарабатывает деньги, народ плачет. Изображая народ компьютерными символами, лайк превращали в дизлайк. Смайлик приобрел грустный вид.

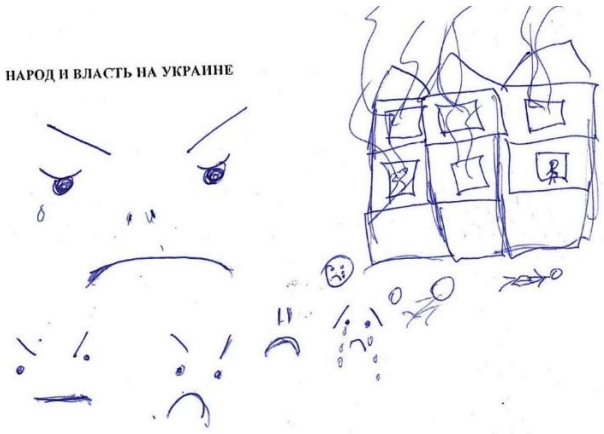

Рисунок 4

Изображение власти и народа в Белоруссии

Образ Белоруссии на рисунках российской молодежи выглядит довольно позитивно. Как правило, президент Лукашенко как представитель власти, изображается в виде крупной фигуры на фоне мелкого народа. Но власть заботится о людях. Самый распространенный образ Белоруссии – сбор урожая, вспаханные поля, на которых все растет, особенно картошка (рисунок 5).

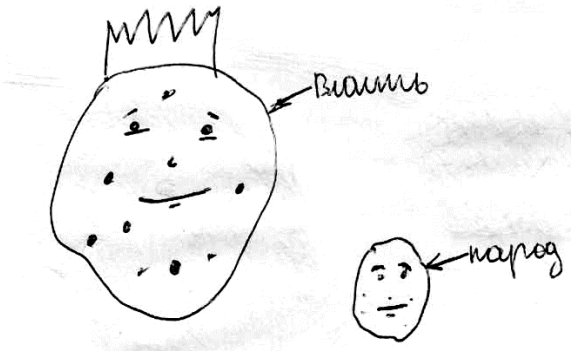

Рисунок 5

На полях трудятся люди, а власть за ними наблюдает (рисунок 6). Фабрики и заводы работают. Иногда власть выступает в виде кулака или полицейских, готовых навести порядок. Много изображений власти и народа в виде безмятежных природных пейзажей, что является признаком довольно гармоничного взаимодействия между ними.

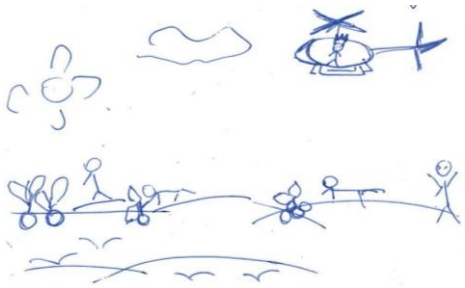

Рисунок 6

Выводы

Результаты исследования показали, что несмотря на сложную политическую обстановку в России и мире, сильное информационное и санкционное давление на страну, молодежь демонстрирует выдержанное и во многом объективное отношение к текущей ситуации. Принципиально важно, что в представлениях российской молодежи не отмечалось агрессии, ненависти, презрения, озлобленности, касались ли их характеристики отечественных политиков и представителей власти, либо зарубежных. Молодые люди в массе своей поддерживают политику своего президента, хотя и тревожатся за происходящее в России и мире, опасаются военных конфликтов. При характеристике России среди молодежи доминировало согласие с действиями правительства и президента. Образ России у подавляющего большинства положителен, ее представляют как сверхдержаву – сильной, сплоченной, многонациональной с большими возможностями. Украина предстает как страна, элиты которой находятся под внешним управлением. К народу Украины российская молодежь относится сочувственно, особенно к населению Донбасса, где гибнут люди. Белоруссия ассоциируется с дружественной страной, в которой царит порядок и согласие народа и ветвей власти. Невзирая на все сложности в политической жизни стран, российская молодежь демонстрирует понимание ситуации, толерантность по отношению к другим народам, стремится к мирному разрешению существующих этнополитических проблем.

Список литературы

1. *Снежкова, И. А.* Представления молодежи об элите и власти в России и Украине / И. А. Снежкова // Россия и Украина: Этнополитические аспекты взаимодействия / под ред. И. А. Снежковой. – М.: РУДН, 2007. – С. 146–171.

2. *Снежкова, И. А.* Трансформация взглядов молодежи в представлениях об элите и власти России и Украины 2007–2009 гг. / И. А. Снежкова // Элиты России и Украины: особенности становления и взаимодействия / под ред. И. А. Снежковой. – М.: ИЭА РАН, 2009. – С. 235–262.

3. *Шестопал, Е. Б.* Политическая психология: учебник для студентов вузов / Е. Б. Шестопал. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 427 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В КУЛЬТУРЕ, ЭКОНОМИКЕ, ОБРАЗОВАНИИ

VKONTAKTE: COMMUNICATION IN DEVELOPMENT

Vasilenko Valeria, Kotova Viktoria, Fetisova Anna
Belarusian State University, Minsk
Research supervisor: **Aliona V. Popova, PhD**

Human communication has changed over the past years. Today we send e-mails and leave voice messages and there are lots of people who interact through the Social Media (SM) platforms.

Our research is concentrated on one of the most popular social networks VKontakte (VK). We have had to look through the SM platform's opportunities, ways of communication involved, methods of persuasion and argumentation used by VK.

SM are web-sites and applications that enable users to create and share content or to participate in social networking.

While speaking about opportunities, provided by VK, we would like to mention that a SM page on VK includes description, official website, location and so on. VK is characterized by a multileveled communication that involves various types of interaction. That is why the process of communication in VK is different from traditional models which introduced by H. Lasswell, C. Shannon and W. Weaver, W. Schramm and others [8]. At the same time we admit that every level of communication is vital for SM and may be identified there, because each has different objectives and different tools of interaction.

VK user shares his/her own reality with the help of argumentation with other accounted. In this paper we understand argumentation like a verbal action that includes approval system intended to justify any opinion [5].

Argumentation can be built with help of correct and incorrect methods [4]. The most popular correct methods of argumentation in VK are: reference to authority, evidence by facts, illustration, analogy and picture. Correct methods draw a picture of honest and attentive opponent. Incorrect methods include spurious or unsaid arguments, mislead and provocation. Users of social networks engaging such methods are often associated with wily manipulators or silly schoolboys.

Discourse of argumentation includes discussion, polemic, opposition and protest [4]. Discussion leads to the objectiveness. Polemic is a public dispute to protect one's point of view. Opposition involves public conversation with objections. And protest is a strong objection about subject of communication. Also argumentation can be associative, descriptive and analytic [5]. In this case argumentation is connected with interpretation of reality with a help of experience, description or factual knowledge.

Discourse of argumentation includes facts, truth and presuppositions [4]. Presuppositions in VK are less acceptable, that's why they need strong arguments which em-brace thesis, argument and demonstration [9].

If we know what kind of argumentation tools our opponent uses we may choose right argument and get an effective communicative product.

We recognize how SM follow and influence us due to the persuasion. The key aspects of persuasion are wide-spread among PR professionals: when someone mentions

your brand in SM, it is believed that there is much more potential for other people to notice it.

In this paper we understand public relations as the planned persuasion to change public opinion. Persuasion is the act of causing people to do or believe something [3]. Persuasion is not something we have never come across. The techniques taught by Aristotle (ethos, pathos, logos) are still in use.

In order to fully understand how PR campaigns work in VK, it‘s important to know the process of persuasion. There are six stages of persuasion: presentation, attention, comprehension, acceptance, retention, action [2].

Researchers have been studying factors that influence people and make them say ‘yes’ to the requests for over 60 years. For example, Dr. Cialdini states six shortcuts that make people believe you: reciprocity, scarcity, authority, consistency, liking, and consensus. All of them are actively used in VK [1].

Effectiveness of social networks is a subject of polemics. Effectiveness here does not mean to be positive, it just means to gain a communicative goal. From the ethical point of view VK though has its pros and cons. One of them is connected with communication models setting. Another thing is info-noise because very often the user can get lost in var-ious sources of information. SM are a wonderful source of provocation, too [6]. And if we want to forecast the development of social network’s reality we should operate the basic aspects of its communication area and techniques of persuasion and argumentation.

References

1. *Cialdini, R. B.* Influence: The Psychology of Persuasion / R.B. Cialdini. – New York: Harper Col-lins, 2007. – 336 p.

2. *McGuire, W. J.* Personality and attitude change: An information-processing theory / W. J. McGuire. // Psychological foundations of attitudes / ed. by A. G. Greenwood, T. C. Brock, T. M. Ostrom. – NY: Academic Press, 1968. – P. 171–196.

3. Persuasion // Merriam-Webster. An encyclopedia [Electronic Resource]. – Mode of Access: http://www.merriam-webster.com/dictionary/persuasion. – Datee of Access: 22.03.2014.

4. *Ермакова, М. С.* Аргументация и спор как особые формы дискурса / *М. С.* Ермакова // Вестник ИГЛУ. – 2013. – № 1. – С. 195–197.

5. *Ивлев, Ю. В.* Аргументация / Ю. В. Ивлев // Новая философская энциклопедия: В 4 тт. / под ред. В. С. Стёпина. – М.: Мысль, 2001.

6. *Кастельс, М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонова. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.

7. *Соловьев, Д.* Самовыражение в социальных сетях и новый формат истории [Электронный ресурс] / Д. Соловьев // Cossa.ru, 2012. – Режим доступа: http://www.cossa.ru/articles/234/14115/. – Дата доступа: 13.04.2014.

8. Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества / отв. ред. Л. Н. Верченов, Д. В. Ефременко, В. И. Тищенко. – М: ИНИОН РАН, 2013. – 360 с.

9. Теория коммуникации: учебник для бакалавров / М. Ю. Коноваленко [и др.]. – М.: Юрайт, 2012. – 415 с.

ТАРГЕТИРОВАННАЯ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМА В СФЕРЕ ТУРИЗМА: ИССЛЕДОВАНИЕ НЕМЕЦКОЙ РЕКЛАМЫ

Безлюдова Алёна Сергеевна
Белорусский государственный университет, Минск

В сфере таргетированной интернет-рекламы существует три вида таргетинга: реклама на тематических сайтах; реклама, размещаемая с помощью технологии онлайн-аукционов RTB, и размещение рекламы с помощью ретаргетинга.

Перечисленные виды таргетинга можно выявить из более широкой его классификации на простой и сложный или поведенческий. Простой таргетинг в сети интернет – это, например, размещение рекламы спортивных товаров в разделе «Спорт» портала tut.by. Простой таргетинг существует и в традиционных СМИ. Он базируется на том, что потребителю определенной информации могут быть интересны соответствующие товары. Более совершенной персонализацией обладает сложный таргетинг. Его появление и существование непосредственно связано с интернетом, а также возможностью технологического и автоматического размещения рекламы. Данный вид таргетинга невозможен без технологии RTB (Real-time-bidding), появившейся в 2007 году (в русскоязычных источниках чаще встречается термин «Программатик», так как технология заменила существующий ранее процесс закупки рекламных площадей, который требовал участие человека). RTB представляет собой онлайн-аукцион по продаже рекламного пространства в реальном времени и, соответственно, по размещению рекламных материалов конкретному пользователю. Базой данного способа таргетирования является такая информация как IP-адрес и cookie-файлы (поисковые запросы, часто посещаемые ресурсы, интересы пользователя, социально-демографические данные и др.). В рамках схемы действия данной технологии существуют несколько основных субъектов, это: пользователь; сайт, на который заходит пользователь; рекламодатель, а также системы участвующие в размещении рекламного сообщения (SSP, DSP и DMP). Заходя на сайт или кликая по ссылке пользователь по сути запрашивает загрузку информации, параллельно с которой происходит загрузка рекламных окон. Если владелец сайта сотрудничает с SSP (компании, торгующие рекламным пространством сайтов), то запрос на загрузку рекламного окна направляется непосредственно SSP, которые в свою очередь связаны с DSP-системами (аналогами рекламных агентств). SSP передает DSP всю информацию, которую они знают о пользователе (это могут быть IP адрес, пол, возраст, поисковые запросы, какие-то интересы). DSP с помощью логических алгоритмов определяют каким их клиентам (рекламодателям) наиболее соответствует данный пользователь. Далее DSP отправляют предложенные рекламодателями цены на покупку рекламного места в SSP, то есть делают свою ставку. SSP, в свою очередь, выбирают наиболее «выгодного» рекламодателя (происходит аукцион). В заключении SSP отправляет ссылку выигравшего DSP в рекламное окно, а DSP размещает в

данном окне рекламное сообщение победившего рекламодателя с гиперссылкой на его сайт. Чтобы увеличить количество и точность информации о пользователе DSP и SSP могут сотрудничать с DMP, продающими анонимные данные о пользователе. Весь процесс аукциона длится период времени равный загрузке страницы или 100 миллисекунд. Проиллюстрировать данных механизм можно с помощью схему на рисунке 1.

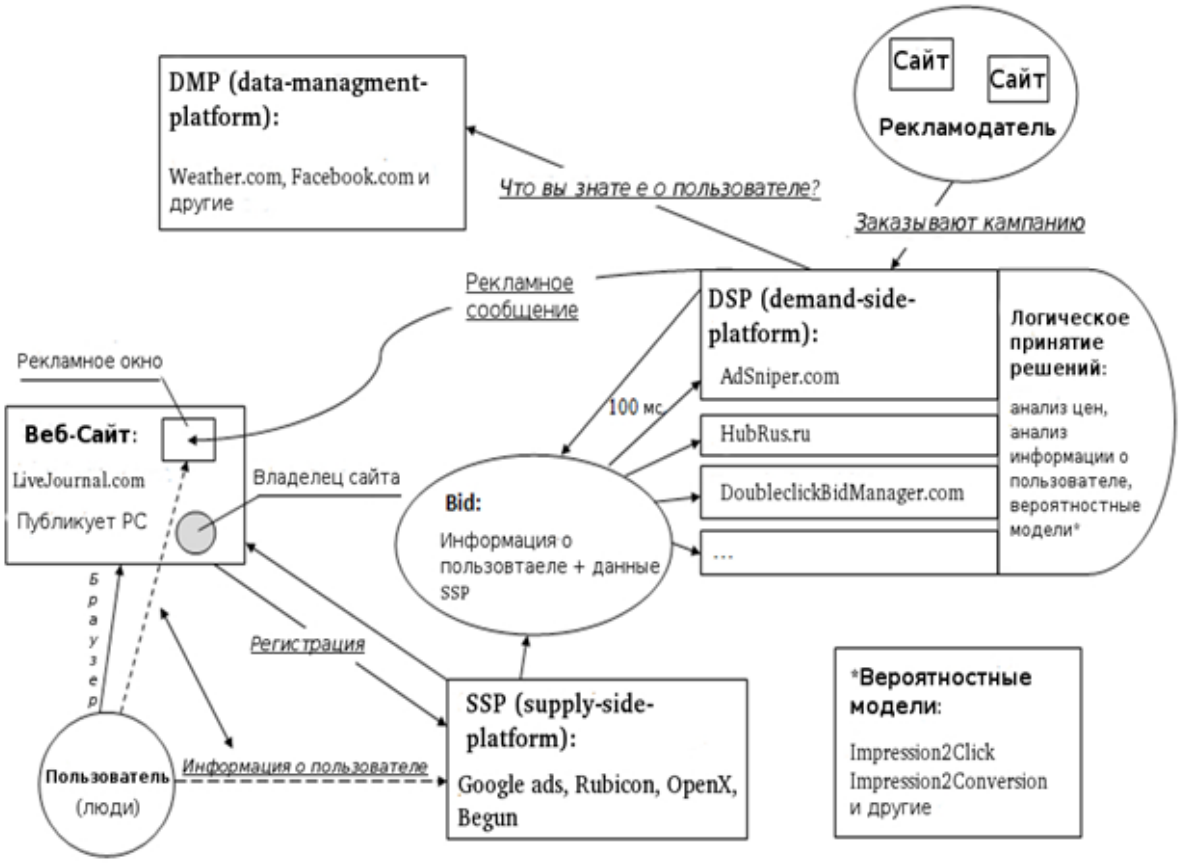

Рисунок 1 – Схема действия RTB – разработка автора

В рамках поведенческого таргетинга можно выделить такой его подвид как ретаргетинг, появившийся в 2008 году. Ретаргетинг основан на более сложной технологии, а именно на трекинге присутствия пользователя на сайте и того, какие действия этот пользователь совершает.

Для функционирования ретаргетинга также необходима технология RTB, однако за базовую информацию здесь берется интерес пользователя к конкретному товару или услуге, поэтому данная базовая информация – это собственные данные конкретного интернет-ресурса, а не сторонних систем, как в случае с обычным размещением по RTB. Что касается схемы механизма размещения рекламных сообщений, то в случае с ретаргетингом она отличается лишь тем, что во-первых, рекламодатели чаще всего напрямую сотрудничают с SSP, во-вторых, мы имеем несколько иной алгоритм размещения: чаще всего аукцион ведется между теми сайтами, на которые уже заходил пользователь;

обращается много внимания на качество сайта рекламодателя; ключевая характеристика – интерес; в качестве цели продвижения стоит возврат пользователя на сайт.

В рамках эмпирического исследования изучается третий вид – ретаргетинг, способ продвижения в интернете, основанный на возврате заинтересованных пользователей на сайт рекламодателя.

Цель исследования – изучить ретаргетинг на примере массовой услуги. В качестве объекта исследования была выбрана услуга в сфере туризма, а именно Египет (направление Шарм-эль-Шейх). Выбор данной услуги обусловлен следующими факторами: 1) продукт должен носить характер массового; 2) продукт должен быть интересен населению Федеративной Республики Германия; 3) целевой аудиторией продукта является конечный потребитель.

Для изучения объекта использовались два метода – наблюдение и контент-анализ. Ситуация наблюдения заключалась в следующем: 1) в поисковой системе вводился запрос – «Reisen nach Ägypten», далее были открыты результаты первой страницы поисковой выдачи (в том числе рекламная выдача). Исследование производилось только с помощью поисковой системы Google; 2) на каждом сайте просматривались как минимум 2 услуги, для того чтобы системы веб-аналитики могли зафиксировать заинтересованность в конкретной услуге; 3) для охвата разных видов поведенческой таргетированной рекламы были заполнены формы для заказа на 3 сайтах; 4) так как выбор и покупка туров обычно отложена во времени, поиск услуги по запросу производился в два этапа; 5) среднее время присутствия в сети Интернет составило 2 часа в день.

Также, для проведения исследования необходимо было исключить влияние географического положения и предыдущей истории действий в сети. В качестве анонимизатора использовался удаленный сервер в Германии, с которым было установлено шифрованное соединение. Таким образом, для автоматических систем (RTB, роботы поисковой системы, системы аналитики) пользователь становится новым, и они обозначают его как впервые вышедшего в сеть. В дополнение, непосредственно перед началом проведения исследования и постановки ситуации наблюдения, чтобы обозначить присутствие этого нового пользователя, в сети интернет было проведено два дня.

Так как исследование, как и сама рекламная кампания, начинается из поисковой системы, в рамках исследования фиксировались особенности поисковых сниппетов. При этом для исследования целесообразно разделять все поисковые сниппеты на рекламные платные и бесплатные, поскольку рекламные сниппеты рекламодатель может формировать целиком, добавляя в него привлекающие внимание элементы. Однако, несмотря на эту возможность только 8 из 14 рекламных сниппетов содержали быстрые ссылки, и всего 2 рекламодателя оставили свой контактный телефон. Что касается бесплатной выдачи, то сниппет также можно формировать, однако это требует определенного уровня технических навыков со стороны специалистов по маркетингу, и при формировании бесплатных сниппетов существует ограниченный набор

возможностей. Поэтому большая часть сниппетов в бесплатной выдаче выглядели стандартно и не выделялись. Только два сайта использовали способы выделения сниппета: значки и смайлики в тексте сниппета; изображение звезд, подразумевающее оценку или рейтинг туристического предложения, размещенного на сайте.

В результате исследования было зафиксировано 155 рекламных сообщений (РС): 14 (9 %) из них приходится на поисковое продвижение, 87 (56,1 %) РС было показано на новостных сайтах, 41 (26,5 %) сообщение приходится на развлекательные сайты и 13 (8,4 %) – на сайты образовательной и научной тематики. Одной из отличительных особенностей изучаемой рекламной кампании является то, что в ходе исследования не было зафиксировано ни одного рекламного сообщения на сайтах туроператоров, выданных поисковой системой. Из чего можно сделать вывод, что немецкие сайты туроператоров, попавшие в выборку, не склонны размещать у себя рекламу любой тематики. Отличительной особенностью также является большой процент рекламы на новостных ресурсах. Данный факт объясняется двумя взаимосвязанными факторами: фактором менталитета и фактором статистики. В силу культурных особенностей население Германии в большом количестве посещают именно новостные сайты, поэтому таким ресурсам выгодно продавать рекламные места, и на эти «носители» есть спрос со стороны рекламодателей.

Немаловажным показателем для полученных данных по каналам размещения рекламных сообщений является уровень наполненности этих каналов рекламой туров: 1) из 17 развлекательных сайтов реклама размещалась на 7; 2) только 5 из 26 сайтов образовательной направленности содержали рекламу; 3) на новостных сайтах реклама туров была зафиксирована на 6 из 7 ресурсов. Таким образом, была опровергнута гипотеза о том, что тематика сайта не влияет на ретаргетинг.

Распределение рекламы туров по видам составляет: 52,9% (82) – реклама-витрина с предложениями, которые просматривались на сайтах туроператоров; 25,8% (40) – контекстная реклама; 11% (17) – баннерная реклама и 9% (11) – поисковое продвижение. Также было зафиксировано два технологически сложных рекламных сообщения, которые составляют 1,3% от всех рекламных сообщений. Первое нестандартное рекламное сообщение имело вид формы для заказа, где можно было выбрать различные туристические предложения и оформить заказ. Новшество и сложность состоит в том, что данная форма размещалась не на сайте компании, а на другом ресурсе, и имела стандартный размер рекламного сообщения. Второе «рекламное сообщение» было продемонстрировано в третий день наблюдения, а его технологическое новшество заключалось в том, что при открытии браузера и нажатии на адресную строку, в фоновом режиме открывается второе окно браузера, ведущее на сайт туроператора и предлагающее приступить к поиску тура. Таким образом, по данному показателю не подтвердилась гипотеза о том, что более распространенным видом рекламного сообщения будет баннерная реклама. Большой процент рекламы-витрины говорит о качественно

настроенном ретаргетинге, а также соответствию изначальному смыслу, который вкладывается в этот вид таргетинга.

Относительно местоположения рекламного сообщения на веб-странице получилось следующее распределение: 37,6% (53) РС размещались на странице с правой стороны, 31,2% (44) располагались внизу страницы, 13,5% (19) располагались вверху страницы, 12,8% (18) разбивали текст и 5% (7) были расположены слева. Также было выявлено, что 74,5% (105) рекламных сообщений были единичными, а 25,5% (36) располагались на странице в блоке с другой рекламой. Стоит отметить, что первые семь дней рекламные сообщения располагались преимущественно единично и вверху страницы или справа на достаточно заметном месте. Также, немецкие туроператоры чаще размещали свои рекламные сообщения единично, а не в блоке с другой рекламой, что позволяет рекламодателю выделить его рекламное сообщение и, в определенной степени, избежать конкуренции с другими компаниями.

Продолжительность рекламной кампании составила 14 дней. Наиболее активным периодом стали 2, 3 и 6 дни. В целом рекламодатели осуществляли нисходящую коммуникацию. Также, наблюдался резкий спад активности в четвертый и пятый дни кампании, которые по календарю приходятся на пятницу и субботу, в соответствии с чем можно сделать вывод, что рекламодатели, настраивая списки ретаргетинга, учитывали падение входящего трафика в соответствии с календарными днями. То есть можно проследить влияние двух факторов: фактора того, что в выходные дни аудитория меньше пользуется интернетом, а также фактора режима работы (если туроператор не работает в выходные дни, то ему и не выгодно таргетировать, поскольку если пользователь захочет совершить заказ и покупку услуги, компания не сможет оперативно отреагировать на его желание).

Контент-анализ немецкой рекламы показал более качественно настроенный ретаргетинг и отличия в культуре путешествий. Исходя из рекламы и контента сайтов, выданных поисковой системой, можно сделать вывод, что концепция туров у немцев не настолько популярна, как просто бронирование отелей. Поэтому в процентном распределении данных по предлагаемой в рекламе услуге, позиция туров в Шарм-эль-Шейх изменена на отели в Шарм-эль-Шейх.

Из 155 рекламных сообщений 99 или 63,9 % предлагали отели в Шарм-эль-Шейх. На втором месте среди наиболее рекламируемых услуг (19 или 12,3 %), являются туры в другие страны (такие, как острова Ибица и Майорка, США, Марокко, Великобритания и др.). Туры в Египет и имиджевая реклама туроператоров встречались по 14 раз (9 %); в 4 рекламных сообщения (2,6 %) рекламировались авиалинии, и 5 РС (3,2 %) – другие предложения (визовое оформление, рыбалка в Германии, поиск путешественников из других стран, предложение аренды коттеджа). Так как основной услугой для исследования являются туры в Шарм-эль-Шейх, то процентное распределение по УТП приводится по услуге отелей в Шарм-эль-Шейхе и туров в Египет. Основной акцент в рекламе рекламодатели сделали на цену, которая была указана в 98

рекламных сообщениях (86,7%); 11 или 9,7% РС указали на качественное обслуживание; по 4 рекламных сообщения или 3,5% предлагали бонус за заказ или скидку и удобство бронирования и поиска. Такая частота упоминания цены обусловлена большим количество рекламы-витрины, в которой, как правило, указывается цена и краткое описание предложения.

Другие результаты контент-анализа: большинство (96 %) рекламных сообщений содержат визуальную составляющую; эмоционально окрашенными (анализ по данному показателю производился на основании использования метафор, глаголов, обращающихся непосредственно к пользователю, восклицательных и вопросительных знаков и др.) можно посчитать только 12%; призыв к действию был зафиксирован в 47 % РС. При этом в рекламных сообщениях, содержащих побуждение к действию, часто использовались кнопки, нажав на которые можно попасть на сайт.

Что касается рекламодателей, то в Германии свою рекламу продемонстрировали 23 сайта (при этом значительная часть приходится на два сайта, что говорит, во-первых, о специализации отдельных компаний на одном направлении, во-вторых, о существовании крупных компаний, которые зарекомендовали себя на рынке).

В целом можно сказать, что в Германии более популярными являются услуги бронирования отелей, а не полный заказ туров с оформлением визы, бронированием авиабилетов и развлекательной программой. При этом активную деятельность в рекламировании туристических услуг египетского направления производили ограниченное количество компаний. В рекламной кампании преобладает наиболее сложный тип ретаргетинга – когда пользователю демонстрируется те услуги, которые он просматривал на сайте. Вследствие данного факта чаще всего встречался такой вид рекламы, как реклама-витрина. Что касается стилистики рекламных сообщений, то они носили преимущественно информационный характер.

Таким образом, рекламная кампания немецких туроператоров характеризуется большими денежными вложениями и качеством рекламных материалов. В ходе исследования было выявлено влияние культурного фактора на рекламную кампанию, которое прослеживается в том, какие сайты размещают больше рекламы, в УТП, в предлагаемой услуге и в характере продолжительности рекламной кампании.

СИМБИОЗ ФИЛОСОФИИ И ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК НА ПРИМЕРЕ «ЗЕЛЕНОЙ ХИМИИ»

Волнистая Ксения Сергеевна
Белорусский государственный университет,
Минск

В настоящее время в медиапространстве остро стоит вопрос об эволюции существующих наук и учений для соответствия требованиям нынешнего времени. Поднимаются такие темы, как этика исследований, потенциальный вред развития технологий, который может быть нанесен экологии и человечеству. Постепенно даже самые фанатичные ученые естественно-научных дисциплин начинают признавать необходимость планирования и взвешивания любого открытия, думать не на один, а на два шага вперед – не только предугадывать последствия, но и строить прогнозы, что будет после этих последствий. На данный момент в мире активно развиваются междисциплинарные учения. Одним из таких примеров может послужить «зеленая химия» [1].

Экстенсивное использование природных ресурсов в двадцатом веке породило множество проблем, в основном – экологических. Главными потребителями ресурсов оказались предприятия, увеличивающие их расход в погоне за прогрессом. Из-за этого в обществе сложились негативные ассоциации с химией. Большинство людей считают химию и ее продукты вредным, что, конечно же, является только одной стороной медали. Ведь без разработок химической промышленности невозможно представить ни современную медицину, ни оборонную промышленность, ни сельское хозяйство. Дабы начать создавать более экологичные производства, а также работать над восприятием населения химии как науки в целом, в 1990-е годы возникло научное направление под названием «зеленая химия» [2]. Отцом-основателям считается Пол Анастас, который в 1998 году в своей книге «Зеленая химия: теория и практика» сформулировал двенадцать принципов «зеленой химии», которыми следует руководствоваться исследователям, работающим в данной области. Вот некоторые из них:

– лучше предотвратить потери, чем перерабатывать и чистить остатки;

– создавая новые химические продукты, надо стараться сохранить эффективность работы, достигнутую ранее, при этом токсичность должна уменьшаться;

– исходные и расходуемые материалы должны быть возобновляемыми во всех случаях, когда это технически и экономически выгодно;

– химический продукт должен быть таким, чтобы после его использования он не оставался в окружающей среде, а разлагался на безопасные продукты».

Последовательное использование данных принципов приводит к снижению затрат на производство, т. к. не требуется вводить стадии уничтожения и переработки вредных побочных продуктов и отходов, поскольку их просто не образуется. Сокращение числа стадий ведет к экономии энергии, и

это тоже положительно сказывается на экологической и экономической оценке производства.

«Зелёная химия» предполагает вдумчивый отбор исходных материалов и схем процессов, который вообще исключает использование вредных веществ. Это – своего рода искусство, позволяющее не просто получить нужное вещество, но получить его таким путём, который, в идеале, не вредит окружающей среде на всех стадиях получения. Благодаря этому, в настоящее время данное новое научное направление имеет большое число сторонников [3].

Однако представление о «зеленой химии» будет не совсем точным, если воспринимать ее только как область химической науки, внедряющую новые безопасные промышленные процессы. «Зеленая химия» – это революционная философия, призванная уменьшить и предотвратить загрязнение окружающей среды. Не случайно «зеленую химию» называют химией в интересах устойчивого развития, поскольку она призвана улучшить качество жизни не только существующего, но и последующих поколений. Причем сегодня идеи «зеленой химии» выходят за рамки собственно химии и распространяются на различные области от энергетики до устойчивого развития общества.

Впервые курс лекций по «зеленой химии» был прочитан в Ноттингемском университете в Великобритании для студентов-химиков и химиков-технологов. В настоящее время «зеленая химия» преподается во многих университетах мира, в том числе и в Белорусском государственном университете, при поддержке Вышеградского фонда.

Полученные знания и приобретенные компетенции дадут возможность будущим специалистам планировать и целенаправленно управлять физико-химическими процессами, обеспечивать безопасные условия их проведения, разрабатывать и внедрять современные энергоэффективные технологии на основе возобновляемых и экологически чистых источников энергии, получать продукцию с требуемыми свойствами, выполнять нормы и требования охраны окружающей среды от вредных промышленных загрязнений, совершенствовать старые и разрабатывать новые методы получения химических продуктов.

Исходя из представленных выше данных, можно сделать выводы, что симбиоз философии и технических наук не только возможен, но и имеет пример успешной реализации. Для последующего прогресса необходимы не только талантливые изобретатели, но и грамотные ученые, способные анализировать и прогнозировать пользу определенных открытий для оптимизации работы и недопущения ухудшения текущей ситуации. Не менее важную роль играет и поддержка общества, мнение которого может быть той «мягкой» силой, которая окончательно развеет скепсис специалистов технических дисциплин, которые отрицают возможность симбиоза гуманитарных и естественно-научных дисциплин.

Список литературы

1. «Зеленая» стратегия развития образования и промышленности в Беларуси / Т. А. Савицкая [и др.] // Свиридовские чтения: сб. тр. – Минск: БГУ, 2011. – Вып. 7. – С. 236–242.

2. *Anastas, P.* Green Chemistry: Theory and Practice / P. Anastas, J. C. Warner. – NY.: Oxford University Press, 1998. – 135 p.

3. Введение в «зеленую химию»: Беларусь и страны Вышеградской четверки: учеб. программа для специальности 1-31 05 01 «Химия» / Т. А. Савицкая [и др.]. – Минск: БГУ, 2013. – 43 с.

ПРОГРЕСС В ДИПЛОМАТИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЕС

Голубничий Дмитрий Владимирович
Белорусский государственный экономический университет, Минск

Дипломатические отношения Беларуси и стран Европейского Союза продолжают демонстрировать незначительные улучшения, однако, в целом, сотрудничество переживает очередную фазу спада. 24 ноября 2016 года ЕС принял резолюцию по Беларуси, в которой парламент союза очередной раз подчеркивает, насколько расходится видение сторон по ключевым направлениям партнерства.

Согласно документу, Беларусь и ЕС не смогли решить все накопившееся проблемы, которые послужили причиной срыва ратификации соглашения 1995 года о двухсторонней кооперации и сотрудничестве. В сложившейся ситуации единственной рамкой для выстраивания дипломатических отношений остается программа Восточное партнёрство. И, по всем предпосылкам, ЕС не собирается менять официальную позицию по двустороннему сотрудничеству, равно как и стремиться к институциональному прогрессу.

Критика прогресса. В резолюции, принятой Европейским парламентом, содержится ряд рекомендаций и критических заключений по двустороннему партнерству. Пресс-секретарь МИД Беларуси Дмитрий Мирончик отметил, что резолюция не отражает духа текущего взаимодействия с Евросоюзом. Д. Мирончик заявил: «Да, мы ознакомились с очередным творением по Беларуси, отштампованным в стенах Европарламента. Ощущение одно – дежавю или «мы это уже проходили» [1]. Представитель МИД подчеркнул, что данный документ не только не отражает духа текущего взаимодействия между Беларусью и Европейским союзом, но и наносит явный ущерб наметившемуся хрупкому процессу нормализации наших отношений. Документ содержит ряд спорных утверждений, что свидетельствует об отсутствии желания понять текущие процессы в Беларуси. Кроме того, в документе выражена негативная настроенность к прогрессу в сотрудничестве. И, несмотря на большое количество шагов с белорусской стороны по улучшению дипломатических отношений, ЕС продолжают критиковать действия властей Беларуси.

Электоральные процессы. ЕС, опираясь на отчеты Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), критикует новейшие электоральные процессы в стране. Оценивая президентские выборы 2015 года и выборы в парламент в 2016 году, ЕС отмечает высокую обеспокоенность ситуацией с выборами. [2] Однако, эксперты рады заметить, что выборы прошли в обстановке, «свободной от насилия». Наблюдатели были также вынуждены отметить присутствие демократической оппозиции в парламенте впервые за долгое время. В будущем ЕС надеется, что рекомендации будут имплементированы в электоральную реформу, проведенную в сотрудничестве с

международными акторами. Согласно официальной позиции западных коллег, электоральная реформа является ключом к желаемому прогрессу. Вместе с тем, ЕС отмечают некоторый прогресс. По заявлению наблюдателей БДИЧП/ОБСЕ, приглашенных Министерством иностранных дел Республики Беларусь, белорусские власти предприняли все необходимые меры для открытого доступа международных наблюдателей к подсчету голосов. Также был отмечен тот факт, что к выборам было аккредитовано и допущено боле чем 820 международных и 32100 белорусских наблюдателей.

В свою очередь, Председатель Центризбиркома Беларуси Лидия Ермошина заявила, что на заседании экспертной группы, которое состоялось 31 января, выработаны основные направления, по которым планируется улучшить избирательный процесс. Важно отметить, что за основу взяты рекомендации ОБСЕ, однако рассматривались также предложения Белорусского Хельсинкского комитета, депутата Анны Канопацкой и экс-кандидата в президенты Татьяны Короткевич. Л. Ермошина заявила: «Итоговые предложения носят сбалансированный характер и соответствуют рекомендациям ОБСЕ» [3]. Она отметила, что речь идет о включении в закон рекомендаций Центризбиркома, которые применялись в Беларуси во время парламентских выборов 2016 года. Речь идет о рейтинговом голосовании по составу комиссий, присутствии наблюдателей при их образовании, прозрачном подсчете голосов в условиях, позволяющих участникам мониторинга беспрепятственно исполнять свои обязанности. Более того, предлагается реформировать институт члена комиссии с правом совещательного голоса, для кандидатов в депутаты – увеличить срок образования избирательных фондов и сами размеры фондов, а также возможность взносов со стороны граждан и юридических лиц.

Правовой консенсус. ЕС призывает Беларусь обеспечить соблюдение прав человека и демократических принципы Всемирной декларации прав человека в «любых обстоятельствах». ЕС обеспокоены тем фактом, что с 2000 г. по настоящее время не было зарегистрировано ни одной политической партии. Согласно видению европейских коллег, партии и движения должны быть в минимальной степени ограничены в своей деятельности, особенно в период выборных кампаний. Европейские коллеги ожидают также предельной свободы для журналистов и негосударственных изданий.

Президент Беларуси Александр Лукашенко на встрече со специальным представителем Европейского союза по правам человека Ставросом Ламбринидисом подчеркнул, что Беларусь не критикует Европу за ее понимание прав человека, но имеет свою позицию по данному вопросу. «…У нас есть свое понимание гуманитарных проблем, в том числе проблем прав человека», – сказал А. Г. Лукашенко. Президент заверил, что Беларусь развивает это направление и видит, в какую сторону идет мир, как решаются подобные проблемы в Европейском союзе, США, России, Китае и других государствах. Также президент выразил уверенность, что этот процесс налаживания взаимопонимания будет и дальше идти в том же русле [4].

Традиционно ЕС призывает к отмене смертной казни в Беларуси. Правозащитники из *Human Rights Watch* отмечают, что не было предпринято ни одного шага к прогрессу в дискуссиях по данному вопросы. Однако это не является правдивым утверждением. В 2016 году Беларусь в сотрудничестве с Советом Европы организовали две конференции, посвящённых обсуждению данного вопроса. Стороны организовали конференции «Смертная казнь и общественное мнение» и «Смертная казнь: преодолевая разделение» 13 декабря и 10 марта 2016 соответственно. В ходе конференции стороны обменялись мнениями по сложившейся ситуации. Евгений Шестаков, заместитель министра иностранных дел Беларуси, выступая на мероприятии отметил, что состав участников конференции позволяет рассчитывать на конструктивное и результативное обсуждение этой очень непростой, чувствительной темы. Евгений Шестаков отметил: «Нам определенно интересен опыт и подходы к проблематике смертной казни других стран, экспертиза, накопленная в международных организациях. Поэтому мы всегда открыты к диалогу и обмену мнениями с зарубежными партнерами» [5]. В свою очередь директор Совета Европы по политическим вопросам Александр Гессель заметил, что за последние годы стороны наладили не просто серьезный диалог, а активное сотрудничество. А. Гессель сказал: «Благодаря позиции МИД и властей в целом на территории Беларуси присутствует информационный пункт Совета Европы – это возможность работать вместе, развивать сотрудничество в различных областях» [5]. Конференция была организована Советом Европы в сотрудничестве с Министерством иностранных дел Беларуси. На мероприятии с докладами по проблематике формирования общественного мнения в вопросе применения смертной казни выступили представители Совета Европы, ООН, а также международные и национальные эксперты.

Заместитель министра иностранных дел Валентин Рыбаков во время международной конференции «Смертная казнь: преодоление разногласий» обратил внимание, что Беларуси установлены еще более жесткие ограничения на применение смертной казни, чем предусмотренные международным пактом. Валентин Рыбаков заявил, что с точки зрения международного права применение смертной казни универсально не запрещено. В. Рыбаков в своем выступлении пояснил: «Международный пакт о гражданских и политических правах, участником которого является Беларусь, устанавливает только некоторые ограничения на применение смертной казни. Смертные приговоры могут выноситься только за самые тяжкие преступления. Смертный приговор не выносится за преступления, совершенные лицами моложе 18 лет, и не приводится в исполнение в отношении беременных женщин» [6]. Представитель МИД продолжил: «В Беларуси установлены еще более жесткие ограничения на применение смертной казни, чем те, которые предусмотрены международным пактом. Смертная казнь не может быть назначена лицам, совершившим преступления в возрасте до 18 лет, всем женщинам, а также мужчинам, достигшим ко дню постановления приговора 65 лет [6]. Важно отметить, что в Конституции Беларуси, закреплен временный характер применения смертной

казни, поскольку большинство белорусских граждан на референдуме 1996 года высказались за сохранение смертной казни.

Прогресс в дипломатии. Декларация призывает также к устойчивому развитию контактов между официальными представителями государств и гражданского общества. За последние несколько лет Беларусь и ЕС предприняли большое количество попыток по увеличению дипломатических контактов. 21 ноября 2016 Минск посетила группа европейских чиновников во главе с председателем Комитета по политике и безопасности Совета ЕС. А. Г. Лукашенко подчеркнул особую роль Беларуси на Европейском континенте: «Для нас одинаково важны стратегические отношения с Россией, Китаем, устойчивое взаимодействие с ЕС, США, развитие двусторонних связей со станами Ближнего Востока, Латинской Америки, Средней Азии и Африки. При этом перед нами не стоит и не может стоять выбор между Востоком и Западом. Характерно, что Беларусь все больше воспринимается как полюс стабильности в регионе. И в этом нет ничего удивительного. Наша страна – единственная из шести участниц «Восточного партнерства», где отсутствуют военные и замороженные конфликты. Мне кажется, что это очень интересно для Европейского союза и очень выгодно, очень нужно» [7].

Председатель Комитета по политике и безопасности Совета Европейского союза Уолтер Стивенс в свою очередь заявил: «Страны Европейского союза хотят открыть новую главу в отношениях с Беларусью. В прошлом году они активизировались по ряду инициатив, в том числе в политической и торгово-экономической сферах. Мы хотели бы определить приоритеты, которые станут новой главой в нашем партнерстве». 16 ноября 2016 в МИД обсуждалось взаимодействие Беларуси и ЕС. Беларусь посетил управляющий директор по делам Европы и Центральной Азии Европейской службы внешних действий Томасом Майер-Хартинг. Им была возглавлена делегация, которая прибыла в Минск для участия во втором заседании координационной группы Беларусь-ЕС. Стороны обсудили двусторонние приоритеты партнерства и сотрудничество в рамках Восточного партнерства. Такого рода встречи по ожиданиям официальных лиц в дальнейшем будут проходить два раза в год, чтобы подводить итоги сотрудничества между ЕС и Беларусью во всех сферах и договариваться о дальнейших шагах [8].

ЕС в своей резолюции подчеркивает важность решения проблемы присутствия белорусского парламента в парламентской ассамблее Евронест. Михаил Мясникович, председатель Совета Республики, на встрече с маршалом Сената Польши Станиславом Карчевским отметил, что Беларусь рассчитывает на развитие контактов Национального собрания с парламентами всех стран ЕС. Согласно официальной позиции Белорусской стороны, в стране «конструктивное взаимодействие белорусских и польских парламентариев оказывало позитивное влияние на развитие контактов Национального собрания с парламентами всех стран ЕС». В 2017 году в Беларуси пройдет ряд важных международных мероприятий, в том числе сессия ПА ОБСЕ и мероприятия по линии Центрально-Европейской инициативы. М. Мясникович подчеркнул:

«Мы как принимающая сторона уже готовимся к этим мероприятия, имеем инициативные предложения. Полагаем, что наш голос будет конструктивным вкладом в общеевропейские дела, – сказал он. – Европа – наш общий дом, за безопасность и благосостояние которого мы несем общую ответственность» [9].

ЕС отмечает, что снятие санкций в феврале 2016 года было знаком доброй воли в связи с улучшением прав человека. Также западные партнёры признали важность белорусского участия в урегулировании украинского конфликта. Глава представительства ЕС в Беларуси Андреа Викторин отметила, что Европейский союз продолжит поддержку Беларуси в вопросах укрепления систем управления границами, которые касаются деятельности таможенных и пограничных служб. С 2011 года ЕС выделил на эти цели более 75 млн евро, что позволило решить ряд важных задач в обеспечении безопасных и беспрепятственных путей движения торговли. Она выразила удовлетворение уровнем сотрудничества в данном направлении и призвала развивать партнерские отношения [10].

Вектор сотрудничества. Сегодня ЕС и Беларусь стремятся к решению множества накопившихся проблем во всех сферах сотрудничества. Однако, главной задачей для сторон по-прежнему остается создание нормативной базы для полноценного и устойчивого дипломатического сотрудничества. За последние годы стороны достигли определенного успеха за счет многочисленных дипломатических уступок со стороны белорусского руководства. Следует заключить, что критика Беларуси со стороны ЕС по многим направлениям не совпадает с реальным состоянием прогресса в дипломатии. И вышеупомянутая декларация является тому подтверждением. Оценивая официальную позицию ЕС относительно Беларуси, следует подчеркнуть, что на данном этапе западные дипломаты в определенной мере тормозят сотрудничество, поскольку с высокой долей вероятности рассчитывают на большее количество уступок, которые охватывают не только внутрисистемные изменения, но также касаются и внешнеполитической позиции Беларуси.

Список литературы

1. Резолюция Европарламента не отражает духа текущего взаимодействия между Беларусью и ЕС – МИД [Электронныи□ ресурс] // Belta.by. – Режим доступа: http://www.belta.by/politics/view/rezoljutsija-evroparlamenta-ne-otrazhaet-duha-tekuschego-vzaimodejstvija-mezhdu-belarusjju-i-es-mid-220823-2016. – Дата доступа: 21.01.17.
2. Joint motion for a resolution [Электронныи□ ресурс] // European Parliament. – Режим доступа:http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+MOTION+P8-RC-2016-1232+0+DOC+XML+V0//EN. – Дата доступа: 21.01.17.
3. Предложения экспертной группы при ЦИК сбалансированы и учитывают пожелания ОБСЕ – Ермошина [Электронныи□ ресурс] // Belta.by. – Режим доступа: http://www.belta.by/politics/view/predlozhenija-ekspertnoj-gruppy-pri-tsik-sbalansirovany-i-uchityvajut-pozhelanija-obse-ermoshina-230978-2017/. – Дата доступа: 24.01.17.
4. Лукашенко: Беларусь не критикует Европу за ее понимание прав человека, но имеет свою позицию [Электронныи□ ресурс] // Belta.by. – Режим доступа: http://www.belta.by/president/view/lukashenko-belarus-ne-kritikuet-evropu-za-ee-ponimanie-prav-cheloveka-no-imeet-svoju-pozitsiju-184555-2016/. – Дата доступа: 24.01.17.

5. Международная конференция по проблематике смертной казни проходит в Минске [Электронныи□ ресурс] // Belta.by. – Режим доступа: http://www.belta.by/society/view/mezhdunarodnaja-konferentsija-po-problematike-smertnoj-kazni-prohodit-v-minske-223343-2016/ – Дата доступа: 24.01.17.

6. Рыбаков: применение смертной казни не запрещено международным правом [Электронныи□ ресурс] // Belta.by. – Режим доступа: http://www.belta.by/society/view/v-belarusi-ustanovleny-zhestkie-ogranichenija-na-primenenie-smertnoj-kazni-rybakov-184695-2016/ – Дата доступа: 25.01.17.

7. Президент Беларуси Александр Лукашенко встретился с делегацией Комитета по политике и безопасности Совета ЕС [Электронныи□ ресурс] // Pravo.by. – Режим доступа:https://www.pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti prava/2016/november/21795/?section%5B%5D=2016&section%5B%5D=november/21795&print=1. – Дата доступа: 25.01.17.

8. Беларусь и ЕС в Минске обсуждают улучшение отношений [Электронныи□ ресурс] // Telegraf.by. – Режим доступа: https://telegraf.by/2016/11/12/335431-belarus-i-es-v-minske-obsujdayut-uluchshenie-otnoshenii. – Дата доступа: 25.01.17.

9. Беларусь рассчитывает на развитие контактов Национального собрания с парламентами всех стран ЕС – Мясникович [Электронныи□ ресурс] // Belta.by. – Режим доступа: http://www.belta.by/politics/view/belarus-rasschityvaet-na-razvitie-kontaktov-natsionalnogo-sobranija-s-parlamentami-vseh-stran-es-222203-2016/ . – Дата доступа: 25.01.17.

10. Евросоюз продолжит поддержку Беларуси в укреплении систем управления границами – Андреа Викторин [Электронныи□ ресурс] // Belta.by. – Режим доступа: http://www.belta.by/society/view/evrosojuz-prodolzhit-podderzhku-belarusi-v-ukreplenii-sistem-upravlenija-granitsami-andrea-viktorin-167553-2015/. – Дата доступа: 25.01.17.

МЕЖЛИЧНОСТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ СЕТЯХ

Дамковская Надежда Сергеевна
Белорусский государственный университет, Минск

Данная работа направлена на изучение использования символа «Like» в виртуальной социальной сети «ВКонтакте». На первый взгляд эта тема может показаться недостаточно весомой для изучения, но на мой взгляд, она затрагивает важные вопросы видоизменения коммуникации в реальной жизни из-за того, что люди все чаще обращаются к виртуальным социальным сетям и, соответственно, в коммуникации используют наиболее актуальные для них инструменты.

Я придерживаюсь мнения, что скоро «Лайк» можно будет назвать реальной действующей общественной силой. Если все движения внутри социальных сетей координируются преимущественно «лайками», как символом социального одобрения, или, как минимум, внимания, то, как результат, «лайк» выходит за рамки явления замкнутых систем, и приобретает статус общественно значимого, актуального социального термина. И тот факт, что об этом явлении существует не так много научных работ, заставляет задуматься о том, что общество не осознает масштабов давления социальных сетей и появления новой ведущей силы.

Появление сети Интернет повлияло на характер коммуникационных процессов во всем обществе. Технические и программные условия общения в виртуальной среде влияют на изменение коммуникации во всех ее формах и имеют влияние на коммуникацию в реальной жизни.

Коммуникация в социальных сетях имеет отличный от коммуникации в реальном мире характер. Из-за того, что общение в виртуальной среде опосредовано наличием либо отсутствием определенных коммуникационных инструментов, межличностная коммуникация приобретает формы, подчиняющиеся возможностям использования данных инструментов. Инструменты социальных сетей представляют собой средство оперирования информацией в виртуальном пространстве и упорядочивают нахождение пользователя в виртуальном мире. Их предназначение заключается в обустройстве и создании среды для нахождения пользователя в сети, и в управлении коммуникационными процессами внутри нее.

По сравнения с ограниченными возможностями инструментов реальной коммуникации, социальные сети реализуют множество функций. При постоянном нахождении в сети пользователи на базе обычного функционала начинают изобретать другие функции для облегчения своей коммуникации. На обычные инструменты они настраивают те функции, что первоначально на этих инструментах не лежали. Самым ярким примером является инструмент «Like». Первоначально он был символом чистой оценки. На данный момент данный символ является универсальным, обладает большим функционалом и

используется с большим количеством значений, выражающих не просто позитивное отношение, но также и негативное.

При росте значения социальных сетей в жизни молодежи, коммуникационные процессы все чаще происходят в виртуальном пространстве, которое все больше вовлекает человека в свою среду благодаря возможностям ведения различных сфер жизни на одной виртуальной платформе. Для объяснения феномена «Лайк» и уточнения характера каждого инструмента социальной сети «ВКонтакте», было проведено исследование. По результатам анализа двух фокус-групп можно сделать следующие выводы об особенностях использования инструментов социальной сети «ВКонтакте»:

– для всех пользователей социальная сеть «ВКонтакте» занимает большое большое в их жизни. Времяпрепровождению в сети ВК в свободное время сопутствует перенос рабочей и учебной сфер деятельности в среду данного сервиса, тем самым увеличивая возможность и общее время пребывания в социальной сети «ВКонтакте». Данное положение обусловлено различием в использовании инструментов;

– высоковостребованными инструментами среди участников обеих групп стали «Друзья», но в различных целях использования. Мужская часть респондентов использует данный инструмент с целью поиска объекта для коммуникации, женская структурирует все объекты коммуникации в группы по отличительному признаку, тем самым разбивая коммуникационных акторов на сегменты;

– использование различных инструментов у мужчин и женщин различно по характеру использования. Средство «Ответы» чаще востребовано мужчинами, т. к. будучи более активными инициаторами коммуникации в соцсети, они таким образом отслеживают обратную связь на их действия. Женской половиной участников исследования был обозначен инструмент «Группы», как средство более четкого поиска информации без потери времени на просмотр новостей с большим объемом лишнего материала. Другими словами, для мужчин комфортным инструментом для получения информации являются «Новости», а не «Группы» с четко разделенной специализированной информацией.

– в новостной ленте человек получает очень много лишней информации, которую за невозможностью качественного фильтра, приходится либо пропускать вместе с нужно информацией, либо хоть поверхностно знакомиться со всеми данными. «Новости» является самым часто используемым среди всех пользователей инструментом, потому что не предлагает пользователю активных и сложных действий в адрес кого-либо, а предоставляет возможность для широкой односторонней коммуникации способом поглощения данных от других пользователей, и включает в себя информацию совершенно разностороннего характера, что удобно для досугового времяпрепровождения пользователя с целью развлечься или провести свободное время;

– наиболее активно участниками используется такой инструмент как «Сообщения». Данный инструмент является универсальным, т. к. в нем есть

функции как коммуникативного, так и инструментального характера. Для участников обеих групп «Сообщения» являются основным и главным инструментом в данной сети, но предполагает различное его использование. Согласно гендерной теории, большую часть времени девушки используют данный инструмент для приема сообщений, мужчины – для отправки;

– «аудиозаписи» для большинства респондентов являются основным источником хранения и поиска их музыкальных предпочтений во всем Интернете. Кроме инструментального использования данного средства, оно активно используется в коммуникативных целях как способ передачи внутреннего состояния, настроения пользователя. Передача строится на построении ассоциативного ряда со смыслом композиции либо на эмоциональном восприятии ее музыкального ряда, и производится либо с помощью направленного сообщения конкретному пользователю, либо в безадресной форме с помощью размещения аудиозаписи на публичной, либо собственной странице Данная возможность может использоваться пользователями как желание демонстрации другим пользователям своего настроения, либо в качестве посыла определенного сообщения;

– отдельный интерес для участников двух фокус-групп занимают «Фотографии», которые активно используются в коммуникативных целях. Изображения используются в рамках самого инструмента в разделе «Фотоальбомы», так и при использовании фотоматериалов в сообщениях либо других публикациях. Девушки чаще используют данный инструмент для коммуникативного посыла в адрес других пользователей. Мужчины предпочитают не размещать свои фотографии, а оценивать чужие, большей частью фотографии противоположного пола. Фотографии несут в себе очень богатую палитру смыслов, с которыми они используются: как посыл сообщения посредством изображения, как позиционирование себя, так и умышленное создание над своим образом образа, выгодного для индивида, но не обязательно соответствующего действительности;

– самым ярким примером использования фотографии для передачи информации является аватар, который был признан способом заявки о себе и демонстрации своего статуса и желаемого образа на широкую общественность. Аватар является обложкой образа человека в виртуальной реальности. Пользователи пытаются создать иллюзии определенного образа, потому к выбору аватара подходят с особой избирательностью. Из-за разницы целей размещения определенного изображения на аватаре, представители разных полов могут различно понимать посыл, следующий за размещением изображения, что приводит к некоторой погрешности в коммуникативных смыслах;

– наименее востребованным инструментов оказались «Видеозаписи». Это обусловлено большим количеством коммуникационных потоков в соцсети, что не позволяет одному актору коммуникации уделять большое количество времени;

– наиболее частое использование инструментов «Аудиозаписи», «Фотографии», «Видеозаписи» происходит в рамках публикации информации на стене профиля либо сообществ. Чаще всего данный тип использования означает передачу личного настроения, мыслей, состояния и адресуется близким людям. Представители обоих полов активно используют возможность размещения информации в постах на своей либо чужой странице, странице публичной группы. Копирование публикаций на свою страницу-репост, заменяет использование других инструментов в их инструментальном значении. Для запоминания информации вместо помещения ее в поле «Закладки» посредством оценивания ее «Like», пользователи делают репост публикации на свою стену, которая исходя из данной цели, становится не коммуникативным средством представления, а инструментальным объектом для сбора и хранения данных. Публикации создаются исходя из желания поделиться информацией о себе и о своих рабочих успехах;

– при оценивании «Like» их публикаций на персональных страницах пользователи различного пола реагируют на количество оценок по-разному. Пользователи-женщины обращают внимание на количество набранных «Like» на свою публикацию и принимают данную оценку на свой счет, Пользователи-мужчины относят оценку «Like» не к себе, как к автору, а к информации, предоставленной в публикации. Данное отношение обусловлено целями представленности пользователей в сети. Информация, представленная мужчинами в публикациях, не несет крепкой связи с личностными характеристиками автором. Девушки создают в сети определенный образ, и их публикации реже носят информативный характер, абстрагированный от личности автора. Инструмент «Like» больше используют представители мужского пола. Девушки предоставляют больше данных для оценивания «Like», занимая пассивную позицию в данной схеме. Самым подверженным оценке объектом является фотография, затем – публикация с любым медиа наполнением. Постановка «Like» пользователями-девушками часто происходит на автоматически без привязывания символу «Like» своей настоящей оценки. Мужчины при использовании «Like» часто мотивированы желанием выразить свое отношение и оценку объекту, выставленному на общественное внимание. Данная оценка носит различных характер в зависимости от пола автора публикации. Мужчины чаще чем противоположный пол используют «Like» в качестве средства для флирта и начала отношений с девушками;

– отношение к пользователям, которые стремятся набрать большое количество «Like» на свои публикации, у всех пользователей негативное, несмотря на то, что участники обоих фокус-групп обозначили такими людьми девушек в молодом возрасте. Причинами стремления собрать большое количество «Like» обозначено желание самоутвердиться и заявить о себе в статусе востребованной и популярной личности. Все оценки таким людям пользователями давались в абстрагированной от себя форме, выражая ярко негативную оценку таким людям, не связывая данное поведение с собой.

Таким образом, изменение свойств межличностной коммуникации в виртуальном пространстве, а именно – в социальных сетях как месте самого активного пребывания пользователей, отображается на состоянии коммуникативных процессов в реальной среде, что влияет на состояние общества.

СЕТЕВЫЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА

Климашин Александр Геннадьевич
Институт социологии НАН Беларуси, Минск

Сегодня в мире наблюдаются серьёзный скачок технологического развития. Наука развивается «по экспоненте», то есть чем больше открытий, тем больше производится новых достижений и исследований. Сегодня реальную революцию в производстве представляет 3D-печать, дроны (беспилотники и роботизированные механизмы), когнитивные технологии. В недалекой перспективе эти технологии повлияют серьёзным образом на жизнь общества, так как в корне изменят способ производства, что вероятнее всего вызовет социальную напряженность из-за сокращения рабочих мест и ликвидации мелкого предпринимательства. Вторая опасность в том, что рассматриваемые технологии имеют двойное назначение, а точнее не подлежат точной классификации в соответствии с принципом прямого назначения.

Несмотря на широкий спектр технологического развития, практически все эксперты единогласно характеризуют XXI век, как век цифровых технологий и связывают его с информатизацией экономики. Такое единодушие вызвано тем, что интернет как явление проник во все сферы жизнедеятельности человека, а также стал ключевым базисом для дальнейшего производства высокотехнологичных продуктов. Большая часть «умных вещей», беспилотных и роботизированных устройств управляются по средствам глобальной сети.

Наиболее явные черты нашей эпохи – это избыток информации и открытость основной части общества. Вместе с тем, открытость общества и новые возможности коммуникации не сделали мир добрее, как того бы хотелось. Не требует подробного описания и доказательства проблема террористической угрозы. В ходе проведения Национального форума по управлению интернетом (IGF-2017) на базе Mariott Hotel, организованного при поддержке ICANN, ООО «Хостер бай», Human constanta и другими известными компаниями, участниками по результатам опроса наиболее остро были востребованы вопросы «Защиты персональных данных», «Безопасность в интернете».

С одной стороны, при появлении и развитии международной сети Интернет встала проблема соблюдения прав человека и национальной безопасности, потому что известные субъекты осуществляют слежение за неопределённым кругом лиц вопреки процессуальному законодательству. С другой стороны, даже такие мероприятия не позволяют предотвращать террористические акты и наращивание потенциала террористических движений. Фактически обе проблемы трудно разрешамы в силу того, что их решения противоречат друг другу. По сути это новая плоскость спора правозащитных организаций и так называемого «силового блока».

Почему вообще возможна коммуникация между террористами и вербовка новых членов в группы? Один из известных способов конспиративной связи по средствам сети Интернет являются компьютерные онлайн-игры. Большая часть сообщений идёт через игровую консоль, в которой технически невозможно

фильтровать трафик. Следующий аспект связан с многочисленными социальными сетями. Открытость данных позволяет не только специальным службам, но и злоумышленникам получать данные о потенциальных жертвах преступлений и потенциальных агентах преступного сообщества. Сегодня для поиска информации о человеке не требуется специальной техники и большого объема специализированных знаний. Для установления личности требуется только усидчивость и высокоскоростное соединение. Изучение политических взглядов и убеждений весьма просто по комментариям, статьям в блогах, опубликованным научным статьям. Более того с потенциальной жертвой очень просто вступить в коммуникацию. Фильтровать трафик таких сообщений так же весьма сложно. Во-первых, это будет усложнять проблему соблюдения прав человека, во-вторых это слишком большой объём работы, так как на подсознательном уровне и в приватных беседах проследить склонности к смене общественного строя можно у многих, но преследовать людей лишь за умысел было бы не совсем правильно. Как отмечает руководитель специальной следственной группы Следственного комитета Республики Беларусь по киберпреступности Александр Сушко, наибольшую проблему в расследовании этих дел представляет их осложнённость иностранным элементом. Ведь преступник, даже не находясь за пределами государства, в своих деяниях пользует иностранными прокси-серверами; сервера социальных сетей «ВКонтакте», «Facebook» и так далее также находятся в юрисдикции других государств. Поэтому для установления местонахождения преступника и получения свидетельств об этом требуется активная коммуникация соответствующих органов на международном уровне. Но такая коммуникация не всегда возможна в силу закрытости специальных служб, межгосударственных противоречий, отсутствия опыта совместной работы и так далее. В Республике Беларусь для разрешения подобных проблем была создана специальная группа – Национальный центр по реагированию на компьютерные инциденты при Оперативно-аналитическом центре (CERT). Среди задач группы не только бороться с киберпреступностью, но и отладить механизм по работе в этой сфере. Как отмечает руководитель группы, сложность работы во многом в том, что компьютерные инциденты как правило выражаются в новых и новых формах. Поэтому при появлении нетипичных событий действовать требуется скорее в соответствии с профессиональной интуицией, нежели по предписанным правилам.

Правозащитный подход к проблеме заключается в том, что специальные службы должны больше концентрироваться на работе в реальной жизни, чем в цифровом пространстве, так как в противном случае это неизменно ведёт к тому, что в процессе оперативно-розыскных мероприятий происходит нарушение прав человека и незаконным образом отслеживается его личная переписка. В США после инцидента с участием Эдварда Сноудена была создана специальная комиссия из судей, которая задала соответствующие вопросы Директору АНБ. Последний признался в том, что в процессе специальной деятельности проводится сбор личных данных, как иностранцев, так и граждан

США. Однако он сказал, что это происходит неумышленно, а в силу специфики технологического процесса. То есть, например, при выявлении покупателей оружия могут мониториться поисковые запросы в системе Google, но вместе с таким мониторингом корпорация собирает и хранит поисковые запросы всех остальных граждан. Подобные технологические возможности в США привели к тому, что уже неоднократно возникали судебные споры с участием Google, Apple по подозрению их в установлении средств негласного получения информации на свою продукцию для дальнейшего обмена этих данных с АНБ и ЦРУ. При этом даже такие беспрецедентные меры не привели к снижению уровня террористической угрозы и снижению количества актов терроризма ни в США, ни в мире, а скорее, напротив. Почему так происходит?

На самом деле ответ очень прост. При внедрении технологий разработчик всегда исходит из того, что этими технологиями будут пользоваться для гражданского назначения, а их использование будет добросовестно регулироваться источником власти как «ночным сторожем». Но на практике это так не работает и никогда не работало. Это глубокое заблуждение. Вопрос наличия преступных группировок, организованных преступных сообществ всегда зависел всего от двух факторов: 1) наличие чёткого мотивированного убеждения по смене текущего общественного строя; 2) доступ к ресурсу (оружию, персональным данным, потенциальным участникам группировки, деньгам). Очевидно, что оба фактора в большей степени проявились с развитием технологий Интернета. Мотивация во многом вызвана развитием цифровых технологий. Сегодня крайне тяжело реализоваться в реальной жизни, зато очень просто в виртуальном мире. Автоматизация труда привела к огромному сокращению числа рабочих мест. Поиск супруга осложнился увеличением конкуренции за счет миллиардов виртуальных собеседников. Избыток ненужной и противоречивой информации вызвал у молодёжи сильный мировоззренческий кризис. Широкий доступ к порнографии, чуждым ценностям, альтернативным мнениям об истории зародил в личности закономерные сомнения о ценностях прошлых поколений. Озлобленность на такую реальность ставит людей в оппозицию к общественному строю, а посредствам интенсификации общения в социальных сетях и онлайн играх создаёт благоприятную почву для вербовки личности в деструктивные течения. Доступ к ресурсу также стал более простым, чем в прошлые столетия. Не достаточно перекрыть точки торговли оружием в реальной жизни и отслеживать их. В принципе, любой желающий может посмотреть и соорудить самостоятельно необходимые приспособления, не говоря уже о полноценной 3D-печати оружия. Узнать о потенциальных сбытчиках так же стало куда проще по средствам сети Интернет. Очевидно, что торговля «спайсами» статистически, даже в Беларуси с её достаточно жестким законодательным регулированием, за 2015–2016 годы значительно выросла за счёт сбыта через социальные сети. Перекрытие публичных домов тоже стало более затруднительным за счет сложности их обнаружения без отслеживания через сеть Интернет. Кроме того, глобальная система Интернет позволяет

практически любому субъекту за низкую плату использовать средства негласного получения информации, что так же, как и многое вышеприведенное способствует развитию преступных сообществ. Но если прочее выступает средством одурманивания и подрыва ценностей, то gps-маячки и камеры могут служить средством обеспечения совершения таких преступных посягательств, как кража денежных средств и слежка за местом проведения террористического акта. Подобные маяки могут выступать и детонаторами взрывных устройств, имея при этом управление не через мобильные сети, а через точки доступа к виртуальной сети.

Что же касается террористических группировок, то схема вербовки выглядит примерно следующим образом:

1) вербовщик выявляет лиц из числа граждан страны «противника» – оппозиционеров и лиц с неудачной карьерой по сообщениям в прессе, высказываниям в комментариях, блогах и социальных сетях;

2) далее кандидатура на вербовку подвергается тщательному анализу и изучению. Устанавливаются его возраст, пол, адреса, телефоны, почта, родственники, круг друзей и коллег. Изучается психологический портрет и способы воздействия на объект;

3) после этого следует процедура вхождения с объектом в контакт по средствам социальных сетей, и осуществляется негласное собеседование с кандидатом;

4) при наличии склонности к зарабатыванию денег на совершении преступных посягательств кандидату предлагается или совместное путешествие или компьютерная игра, где и вносятся предложения по сотрудничеству;

5) конечно, как правило, кандидат перепроверяется «на вшивость» путем участия в проверочных правонарушениях на территории третьих стран с последующим обучением и хорошей заработной платой за веру в «священную войну» против политического устройство сего мира.

Стоит отметить, что подобная схема является достаточно универсальной для большинства радикальных течений. Во-многом потому, что общение через Интернет и социальные сети рядовым гражданам наиболее понятный способ социальной коммуникации.

В идеологическом и мировоззренческом плане решение видится в том, что в первую очередь появление новых цифровых технологий не должно заменять реальной жизни. Это, скорее, должно быть дополнительной возможностью и дублированием неких функций. Но стоит опасаться полной замены административных функций «электронным правительством», полной замены оплаты электронными платежами, полной замены реального общения – социальными сетями. Способы социальной коммуникации должны развиваться и давать человеку выбор, но ни в коем случае не вгонять его в рамки нового мирового порядка. Именно тогда человек как личность, сможет быть более самодостаточным и независимым от какой-либо системы.

Что же касается технологических мер по защите от киберпреступности и вербовки в преступные сообщества посредством сети Интернет, то вопрос остается, и, скорее всего, будет оставаться открытым долгое время. Ведь любая мера по идентификации абонента в сети сопряжена с получением его персональных данных системными администраторами и правоохранительными органами. Эти данные зачастую касаются самых интимных сторон жизни человека. Но при отсутствии таких правовых и технических механизмов всегда возникает угроза девиантного поведения субъекта. Именно поэтому несколько лет назад на уровне ООН заговорили о разработки Модельной Конвенции по управлению интернетом. Однако до сих пор взвешенного правового решения не найдено. Главной проблемой остается описание механизма взаимодействия различных субъектов в процессе управления интернетом. На наш взгляд, в силу того, что Интернет дублирует всю текущую реальность в цифровом поле, невозможно отрегулировать жизнедеятельность человека одной лишь конвенцией. Решением видится скорее адаптация всего законодательства под те реалии, которые нам предлагает сетевая жизнь. Кроме того, и сами субъекты должны с большей осторожностью относиться к защите своих данных, ибо в случае игнорирования, например, правил перехода через проезжую часть, ГАИ не может гарантировать вашу безопасность. Так же и тут. Не стоит, да и невозможно отказаться от благ современной науки, но при этом не стоит попустительствовать банальными мерами предосторожности. Любой пользователь Сети должен с уразумением относиться к сомнительным социальным сетям, где просят ввести телефонный номер, номера банковских карточек и (или) пароли от почты. Также с осторожностью стоит относиться к сомнительным предложениям в социальных сетях, если вы работаете с официального своего аккаунта, который помогает вас идентифицировать.

Вообще стоит отметить, что сегодня куда более популярными стали так называемые мессенджеры: Viber, Skype, Telegram, WhatsUp, WeChat. Во-первых, они более просты в использовании и требуют меньшего количества времени. Во-вторых, они в большей степени гарантируют безопасность за счет трёх факторов: 1) привязки к номеру мобильного телефона (все, кроме Skype); 2) сильного алгоритма шифрования; 3) нехранения переписок на серверах (по словам разработчиков Telegram, Viber). Привязка к номеру мобильного телефона обеспечивает сразу несколько условий защищённости. Вам не напишет никто, у кого нет вашего номера и в то же время, если вам пишет какой-то номер, то вы уверены, что это именно этот номер, а не фейковый аккаунт, созданный специально для неких преступных целей. Кроме того, мессенджеры содержат только необходимую базовую персональную информацию об абоненте. Ранее наиболее безопасным продуктом представлялся Viber, так как имел белорусских разработчиков, и до недавнего времени сервера находились в пределах национального сегмента сети Интернет.

Таким образом, можно сделать вывод, что технологии сильно меняют наше общество. Они делают многие процессы более удобными. Но вместе с тем, мир не становится добрее, и наряду с появлением новых технологий возникает

необходимость разработки новых защитных мер. Этот вопрос касается и технологической стороны и мировоззренческой, так как вместе с новым образом жизни, меняется и образ мыслей человека, возникают новые бытовые проблемы и новые социальные конфликты.

Список литературы

1) *Воронович, В*. Основные причины, предпосылки и факторы распространения терроризма в XXI в. / В. Воронович // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2005. – № 4. – С. 39–45.

2) *Брюхнов, А. А*. Некоторые вопросы классификации проявлений терроризма в современном обществе / А. А. Брюхнов, Н. А. Вакуленко // Философия права. – 2016. – № 1. – С. 73–77.

3) *Дикаев, С. У.* Террор, терроризм и преступления террористического характера: криминологическое и уголовно-правовое исследование / С. У. Дикаев. – СПб: Юрид. центр Пресс, 2006. – 448 с.

4) *Капитонова, Е. А.* Современный терроризм / Е. А. Капитонова, Г. Б. Романовский. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 214 с.

5) *Климашин, А. Г.* Современные подходы к пониманию общественно-экономической формации. Ноосферная экономика // Беларусь на пути прогресса: инновационная экономика, управление, право / А. Г. Климашин. – 2008. – С. 118–120.

6) *Кузнецов, А. П.* Международный терроризм в условиях глобализации / А. П. Кузнецов, Н. Н. Маршакова // Юридический мир. – 2010. – № 9. – С. 8–12.

7) *Курцвейл, Р*. «Эволюция разума» / Р. Курцвейл. – М.: Эксмо, – 2016. – 320 с.

8) *Трошин, В. Д*. Терроризм и нервно-психические расстройства: диагностика, лечение и профилактика / В. Д. Трошин, Т. Г. Погодина. – Нижний Новгород: НГМА, 2007. – 312 с.

9) *Павлинов, А. В.* Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / А. В. Павлинов ; Ин-т государства и права Рос. акад. наук. – М., 2008. – 56 с.

10) *Хантингтон, С*. Третья волна: демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с.

11) *Хоффман, Ф*. Гибридная война и ее вызовы / Ф. Хоффман // Мировойна. Все против всех: новейшая концепция боевых действий англосаксов / сост., введ., заключение Е.С. Ларина, В.С. Овчинский. – М., 2015. – С. 182–190.

ФЕНОМЕН «ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА» В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Кулешевич Кристина Вячеславовна
Белорусский государственный университет, Минск

«Горожане сильно изменились <…> внешне. Появились <…> трамваи, автомобили… Но меня, конечно, не столько интересуют автобусы, телефоны и прочая <…> аппаратура, изменились ли эти горожане внутренне?» – это цитата из известного произведения М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Она весьма точно подчеркивает сущность нового, появившегося в 1960-х годах в связи с появлением новейших информационных технологий? термина «информационное общество», который впервые был введен почти одновременно в Японии и США Ф. Махлупом и Т. Умесао. Информационное общество является стадией постиндустриального развития общества, на которой важное значение имеют информация, знания, развитие и повсеместное использование информационных технологий, которые позволяют обществу получить доступ к различным видам информации, применяя вычислительные сети ЭВМ.

Существующие тенденции развития мирового общества, мировой экономики были раскрыты ещё в работах философов и социологов: Д. Белла, Э. Тоффлера и М. Кастельса (таблица 1). Они отмечали, что определяющим фактором развития «информационного общества» является информация. На мой взгляд, наиболее полно феномен «информационное общество» раскрыл М. Кастельс. Для характеристики трансформаций, происходящих в современном обществе, ученый предложил термин «информациональное общество», который точнее отражает суть изменений.

Таблица 1 – Подходы к осмыслению феномена «информационное общество»

Критерии	**Подходы**		
	Д. Белл	**Э. Тоффлер**	**М. Кастельс**
Стадии развития общества	Трехстадийность: аграрное, индустриальное и постиндустриальное.	Три волны развития общества: первая волна – переход от доаграрного общества к аграрному, вторая волна – переход от аграрного общества к индустриальному, третья волна – переход от индустриального общества к супериндустриальному.	Три цивилизации: аграрная, индустриальная, информационная.
Причина перехода	Процесс становления информационного общества – процесс	Наступление момента кризиса цивилизации, ее полного изживания, в результате которого	Развитие «информационализма», что означает «воздействие знания

Критерии	Подходы		
	планомерной эволюции. Характерной чертой данного перехода является появление нового социального уклада, основанного на инновациях.	цивилизация уже не может развиваться на старой основе. Это ресурсный и экологический кризисы.	на знание как основной источник производительности».
Определяющий фактор развития	Информация. Информация связана прежде всего с научным, теоретическим знанием, которое превращается в источник инноваций.	На первый план выходит знание, которое становится определяющим фактором развития.	Технология генерирования знания и обработка информации.
Технологический критерий	Новая «интеллектуальная технология», которая развивается благодаря компьютерам, позволяющим выполнять значительное число операций в течение короткого интервала времени. Изменение в характере труда (взаимодействие с людьми).	Развитие компьютерных и телекоммуникационных технологий. Основой данного общества становится высокотехнологичная информация, способная производить новую информацию.	Развитие информационных технологий. Разработка информационной парадигмы. Интегрированность передовых технологий (компьютерных технологий с физикой и химией, генетики с медициной и биологией и т.д.). Сетевые технологии.
Экономический критерий	Переход от производства товаров к расширению сферы услуг. Новый социальный уклад, основанный на телекоммуникация х приведет к становлению единого экономического пространства.	Тенденция демассификации производства. Преобладание информационного сектора экономики. Создание систем быстрых и медленных экономик. Новый экономический мир основывается на знаниях и способностях человека, на мироощущении свободы	Благодаря появлению глобальной сети, появляется глобальная экономика, единый мировой рынок. Развития электронного бизнеса. Процесс глобализации во всех секторах экономики.

Критерии	Подходы		
		и идее творческого саморазвития. Внедрение «электронных коттеджей», что позволит работать людям дома. Это приведет к сокращению затрат времени, транспортных расходов, затрат на обеспечение централизованных рабочих мест.	
Политический критерий	Государство регулирует экономику в информационном обществе, принимает законодательные меры для обеспечения свободного доступа к информации, способствует развитию НИР. Отделение управления от собственности, плюралистическая демократия и «меритократия».	Государство в постиндустриальном обществе все в меньшей и меньшей степени в состоянии контролировать сознание масс. Одним из условий становления данного общества является демократия.	Из-за глобализации происходит стирание границ между государствами. Государство играет важную роль в развитии такого общества. «Информационный капитализм».
Социальный критерий	Важное место занимает теоретическое знание в обществе. В социальной структуре преобладают слои населения, которые заняты в сферах услуг и высокотехнологичных сферах. Сокращение продолжительности рабочего дня, снижение рождаемости, повышение	В новом обществе наибольшей ценностью обладает информация. Более половины работающих людей заняты оказанием информационных услуг. Отказ от иерархической организации общества. Внедрение «электронных коттеджей», что позволит работать людям дома, что приведет к укреплению семьи и усилит тенденции к возрождению	Формирование сетевого общества. Появления новых структур социальной коммуникации.

Критерии	Подходы		
	качества жизни», интенсивное развитие «индустрии знания».	привлекательности для жизни малых городов и сельских поселений.	
Культурный критерий	Огромное влияние оказывают телекоммуникации на все сферы жизни общества, в том числе и на культурную.	Отказ от традиционной для индустриального общества массовой культуры, отказ от иерархической организации культуры, увеличение информационного обмена. Появление новой инфосферы. Создание «клип-культуры».	Развитие культуры «реальной виртуальности». Развитие сети Интернет приводит к формированию информационной культуры. М. Кастельс отмечает, что Интернет дает людям новые возможности свободного общения, в то же время, разрушает некую единую культурную и духовную основу, то что у нас принято называть менталитет.
Статус «информационного общества»	Уже построено в развитых странах.	Процесс формирования информационного общества ещё не окончен и должен пройти несколько стадий	Существовало давно. М. Кастельс говорит о формирующемся «информациональном обществе».
Определение «информационное общество»	Синоним постиндустриального общества, где главной отличительной чертой является возрастание количества и значения информации.	Это такое общество, в развитии которого фактор знания и сфера знания играют решающую роль.	Вводит отличное от представленных ранее понятие «информациональное общество». Это формирующееся общество, которое строится таким образом, что генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти.

Примечание – источник: составлена автором по [1, 2, 4, 5, 6].

М. Кастельс сформулировал целостную теорию, которая позволяет оценить фундаментальные последствия воздействия революции в информационных

технологиях, охватывающей все области человеческой деятельности. Ни один другой ученый не подошел к рассмотрению информационной эпохи таким новаторским путем, как Кастельс. Информациональное общество, согласно исследователю, – это специфическая форма социальной организации, в которой благодаря новым технологическим условиям, возникающим в данный исторический период, генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти [2].

Ученый обобщил опыт предыдущих исследователей и сформулировал следующие свои характеристики современного, развивающегося сегодня быстрыми темпами информационального общества: углубление процессов информационной и экономической интеграции стран и народов, ведущее к формированию единого мирового информационного пространства; распространение глобальных информационных сетей; использование информации как экономического ресурса и предмета массового потребления; создание и интенсивный рост информационного рынка; преобладание информационных видов труда; преобладание удаленных коммуникаций, дистанционных связей (сетевое общество) [2].

Таким образом, на мой взгляд, сегодня мы можем говорить о последней стадии формирования информационного общества. Использование информационных технологий во всех сферах жизни общества: экономической (цифровая экономика), политической (электронное государство), социальной, культурной, развитие искусственного интеллекта; стремительный рост и дифференциация спроса на все виды информации, в том числе научную, техническую и в большей степени экономическую, а также повышение требований к содержанию и формам предоставляемых данных – являются неотъемлемыми характеристиками феномена «информационное общество» сегодня.

Республика Беларусь ни является исключением среди стран мира, двигающихся в направлении развития цифровой экономики и окончательного формирования информационного общества. Поэтому одной из важных задач пятой пятилетки (2016 – 2020 годы) в Беларуси является цифровая трансформация экономики (информатизация). В настоящее время также реализуется Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы. Целью Государственной программы является совершенствование условий, содействующих трансформации сфер человеческой деятельности под воздействием ИКТ, включая формирование цифровой экономики, развитие информационного общества и совершенствование электронного правительства [3, с. 49-60].

РБ занимает конкурентную позицию на мировом рынке IT-услуг. Развитию IT-индустрии в Беларуси способствует:

– наличие в ней высококвалифицированных и профессиональных кадров, что подтверждается индексом ИРЧП;

– открытость экономики, простота ведения бизнеса (Беларусь занимает 37 место в мировом рейтинге Doing business);

– эффективность режима правового регулирования с предоставлением ряда преференций организациям, разрабатывающим и внедряющим ИТ (примером являются преференции, существующие в ПВТ), что в свою очередь ведет к привлечению в страну инвесторов (Минск включен в «Топ-10 городов Европы по лучшей стратегии привлечения прямых иностранных инвестиций»);

– постоянное стремление правительства к совершенствованию и модернизации телекоммуникационной инфраструктуры, которая должна все время соответствовать последним технологическим достижениям мирового уровня (Беларусь в мировом рейтинге по уровню развития информационно-телекоммуникационных технологий занимает 31 место среди 176 стран);

– наличие в Беларуси Государственной программы инновационного развития на 2016–2020 годы.

Республика Беларусь в мире также известна своими стартап проектами: «MSQRD», «Viber», «Apalon Apps», «MAPS.ME», «World of Tanks» [3, с. 49-60].

Представленные в стране стартапы связаны не только со сферой информационных технологий, но и с туризмом, здравоохранением, торговлей, сельским хозяйством. Стартапы, которые действительно полезны для страны и при этом способны приносить прибыль, должны получать государственные инвестиции и государственную поддержку. В Республике Беларусь ведется полномасштабная модернизация производства. Так вот, наличие высококвалифицированных кадров, правильная генерация идей, поддержание стартапов и наличие спроса со стороны государства позволит внедрять отечественные высокотехнологичные разработки в производство, уменьшив при этом показатели импорта.

Поддержание информационных технологий, развитие стартап движения в стране, регулирование правовой базы, формирование привлекательной бизнес-среды для венчурных инвесторов, способно привести к созданию высокотехнологичной экономики Беларуси, способной конкурировать на мировом рынке. На рисунке 1 представлен цикл развития экономики Республики Беларусь с учетом вышеперечисленных рекомендаций.

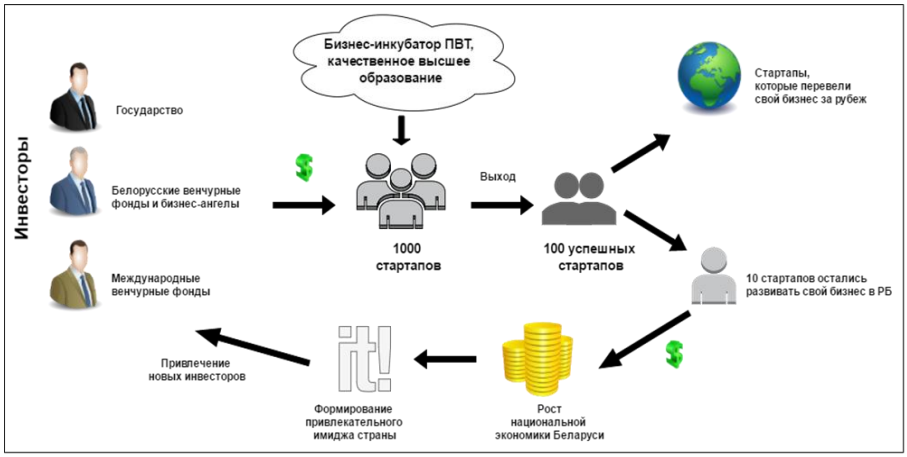

Рисунок 1 – Цикл развития экономики РБ с учетом поддержки стартап проектов

Примечание – источник: составлен автором.

Все крупные IT-компании Беларуси («ЭПАМ Системз», «АйБиЭй АйТи Парк» и др.) когда-то сами были стартапами. Если предположить, что в стране будет создано 1000 стартапов при поддержке со стороны государства проведения различных стартап-мероприятий, поддержки Бизнес-инкубатора ПВТ. При этом данные стартапы будут профинансированы со стороны венчурных фондов, бизнес-ангелов или государства, то на выходе мы будем иметь 100 успешных стартапов, ведь по статистике лишь каждый десятый стартап успешен.

Если каждый десятый из созданных успешных стартапов не станет переводить свой бизнес за рубеж, то в Республике Беларусь будет создана 10 успешных высокотехнологичных компаний. Это, в свою очередь, поспособствует созданию новых рабочих мест, внедрению современных технологий в производство, увеличению налоговых выплат в бюджет, росту ВВП страны, т. е. своеобразный эффект мультипликатора. Всё это приведет к росту национальной экономики страны и формированию нового имиджа Республики Беларусь на мировой арене. Наличие сильной экономики, благоприятный имидж приведут к новым инвестиционным вливаниям в страну, формированию новых венчурных фондов, как национальных, так и международных. Прохождение Республики Беларусь через данный цикл несколько раз позволит создать высокотехнологичную современную успешную конкурентную экономику – цифровую экономику с высокоразвитым информационным обществом с полномасштабным использованием информационных технологий во всех сферах жизни общества:

– экономической: информация используется в качестве ресурса, услуг, товара, источника добавленной стоимости и занятости, получает развитие электронный бизнес;

– политической: свобода информации, ведущая к развитию электронной демократии, электронного государства, электронного правительства. Электронное государство – это способ повышения эффективности деятельности государства, основанный на использовании информационных систем. При этом подразумевается, что с использованием ИКТ функционируют исполнительная (электронное правительство), и законодательная власти (электронный парламент, электронная демократия), а также судебные органы (электронное правосудие);

– социальной: информация выступает в качестве важного стимулятора изменения качества жизни. К примеру, чтобы получить консультацию специалиста, пациенту не нужно ехать в медицинский центр, а достаточно будет оставить свои документы на портале и в назначенное время выйти на связь с профильным врачом (телемедицина) и т. п.

– культурной: признание культурной ценности информации (например, проект
ЮНЕСКО «Цифровое наследие»). К примеру, чтобы подобрать литературу по интересующей тематике, достаточно воспользоваться электронным каталогом любой библиотеки на всей территории страны [3, с. 49–60].

Существующие сегодня информационные технологии нельзя более рассматривать как нечто принадлежащее исключительно миру техники, так как они настолько глубоко проникли в жизнь людей, вплелись в саму ткань ее повседневности, что вычленить их из общего мировоззренческого и культурологического контекста уже не представляется возможным. Современное информационное общество в корне изменило большинство социальных, политических, правовых и производственных отношений, сложившихся за многие столетия. Это повлекло за собой большие изменения в сознании и мировоззрении людей.

Немаловажным аспектом информационного общества сегодня стал искусственный интеллект. Сегодня он уже научился за нас считать и писать, создавать статьи, сценарии к фильмам и даже художественную литературу большой формы. Он выигрывает у нас в шахматы и в игру Го. Существует опасность, что в будущем, возможно, исчезнут целые области человеческой деятельности, превращаясь в функционал искусственного интеллекта. Например, уже сегодня автомобили Tesla и Google являются самоуправляемыми, не нуждающимися в водителе. Или компьютер IBM Watson призван полностью заменить врачей и уже неплохо с этой задачей справляется. Стивен Хокинг отмечает: «Полезный искусственный интеллект мог бы сосуществовать с людьми и увеличивать наши возможности. Но искусственный интеллект, вышедший из-под контроля, может оказаться трудно остановить. При разработке искусственного интеллекта необходимо обеспечить соблюдение требований этики и мер безопасности».

Развитие информационных технологий способствовало и способствует улучшению качества жизни общества, но в то же время, переход к информационному обществу, который совершают сегодня все развитые страны, коренным образом затрагивает основы жизни всего человечества и бросает серьезный вызов личности, корпорации и государству с точки зрения адаптации и выработки адекватной стратегии поведения. Встает серьезная проблема «искусственного интеллекта», возможностей и перспектив дальнейшего развития общества. Как отмечает Илон Маск, если в будущем люди не хотят стать бесполезными, то они должны стать киборгами. И уже сегодня ведутся разработки интерфейсов с высокой пропускной способностью, которые смогут подключаться к мозгу человека и станут тем, что поможет человеку войти в симбиоз с машинным интеллектом. Это подтверждает тот факт, что в будущем информационные технологии будут не только окружать человека, но и находится в самом человеке, что в свою очередь сформирует ещё большее поле для размышлений над феноменом «информационное общество», и встанет ещё больше этических вопросов, которыми и сегодня задается философия. Будет ли такой человек считаться машиной или роботом.

Список литературы

1. *Белл, Д.* Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 1999. – 783 с.

2. *Кастельс, М*. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

3. *Сивоха, К. В*. Состояние и перспективы развития рынка ИТ-услуг в Республике Беларусь / К. В. Сивоха // Информатизация и виртуализация экономической и социальной жизни: Материалы II Межвузовской студенческой научно-практической конференции с международным участием, Иркутск, Россия, 14 марта 2017 г. – Иркутск: ИРНИТУ, 2017. – С. 49–60.

4. *Тоффлер, Э*. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2003. – 669 с.

5. *Тоффлер, Э*. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2004. – 261 с.

6. *Тоффлер, Э*. Шок будущего / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2002. – 557 с.

ДЕНЬГИ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЭКОНОМИКЕ И КУЛЬТУРЕ

Лемец Илья Юрьевич
Белорусский государственный университет, Минск

Долгое время роль денег в социальной коммуникации сводилась лишь к инструментальной функции, что заключалось в обеспечении качества и возможностей коммуникации: покупка и финансирование разработки все более совершенных средств коммуникации, а также создание необходимых для осуществления коммуникации окружающих условий. Сейчас очевидно, что подобный подход к деньгам не отражает их истинного значения. Деньги с момента своего появления уже выступали элементом коммуникации, а именно выполняли функцию сообщения. По утверждению Адама Смита, необходимость появления денег в товарообменных отношениях была вызвана феноменом «несовпадения ожиданий» – не всегда то, что было для обмена у одного, было необходимо другому; помимо этого, включались факторы относительности ценности товаров и, что не менее важно, – невозможности отсрочить обмен, скажем товара, который мог вскоре испортиться. Все это привело к тому, что человек создал «стандартный товар», который и стал мерой ценности для остального. У одних народов это был скот, зерно, рабы, масло, вино у других – бронза, серебро, золото [5]. На следующем этапе человечество постепенно переходило к единому стандарту цены – монетам разного достоинства и материала изготовления. Первоначально содержание благородного метала в монете должно было соответствовать достоинству самой монеты, но так было далеко не всегда. Со временем монеты почти полностью заменили бумажные эквиваленты. Появление последних было вызвано неспособностью монет обеспечить в должных объёмах потребности мирового рынка. Вплоть до Первой мировой войны банкноты считались обратно-конвертируемыми, т. е. их можно было обменять на золото. Теперь это не так, что исследователи как правило связывают с тем, что покупательская способность денег зависит не просто от золотого запаса страны, а в большей степени от мирового рынка [5]. Развитие банковского дела и систем кредитования привело к появлению так называемых «почти денег» [1], которые воплощались в виде чеков и кредитных карт. Напрашивается вывод: деньги стали универсальным языком общения. В итоге деньги приобретают свойство абсолютной значимости, доминирующей во всех культурах, на что указывал ещё Г. Зиммель: «Став всеобщим заменителем, деньги обрели положение тотальной ценности. То, что раньше воспринималось как качество вещи, в современном мире воспринимается как количество денег. Являясь всеобъемлющим средством обмена, они становятся главной целью для большинства людей, что превращает их в символ, регулирующий всю культуру. Этот символ «изымает вещи из состояния слитности с сугубой субъективностью субъектов, а поскольку в них тем самым инвестируется их

хозяйственная функция, это заставляет их взаимно определять друг друга. Деньги создают особое «царство ценностей, которое в большей или меньшей степени совершенно оторвалось от своего субъективно-личностного базиса» [3, с. 112].

Отсюда следует вполне логичное заключение: деньги приобрели статус определяющей характеристики субъектов коммуникации, а именно стали не только средством обмена, а еще и символом, определяющим социальный статус, связанный с общим количеством наличия денег у субъекта; являются показателем ценности сообщения, а также могут и сами являться сообщением, плюс ко всему оказывают первостепенное влияние на конструирование условий, в которых происходит коммуникации. Подобная универсальность денег делает их общим знаменателем феномена глобализации и основанием «стирания» границ между государствами, в первую очередь опираясь на общую, взаимосвязанную систему экономики стран.

По мнению Э. Гидденса, современная глобализация является, при этом, «разъединяющим механизмом», а деньги, как универсальный символический знак, служат ярким примером действия данного механизма. Термин «разъединяющий механизм» используется английским социологом весьма специфически, как своеобразный процесс нивелировки, не имеющий начала и конца: это изъятие социальных отношений из локальных контекстов взаимодействия и их последующее реструктурирование в неопределенной протяжённости времени и пространства [6]. Из чего следует, что коммуникативная функция денег выражается в создании единого смыслообразующего пространства, в котором каждый субъект-участник диалога подчинён общей логике понимания – логике исчислимости; формируется унифицированный код коммуникации, которым является число.

Однако сегодня достаточное распространение получило противоположное утверждение. Здесь мы опираемся на теорию множественности денег, разработанную В. Зелизер, которая сделала попытку опровергнуть представление о деньгах как универсальном коде, устанавливающем коммуникацию различных сфер социальной жизни современного общества [2]. Зелизер предлагает альтернативную модель денег, показывающую, как они постоянно формируются и переформируются через множества сетей социальных отношений и разнообразных смысловых систем. По её мнению, деньги не являются ни культурно нейтральными, ни социально анонимными. Деньги без труда могут «превращать» ценности и социальные связи в числа, однако ценности и социальные отношения в ответ трансформируют сами деньги, наполняя их смыслом и встраивая в социальные паттерны. Несмотря на принципиальную подвижность денег, люди всячески стремятся встроить их в определённое время, место и социальные отношения. Таким образом, не существует каких-то единых, универсальных, обобщенных денег. Есть множественные деньги [2]. Можно попытаться показать «социальные барьеры» использования денег на конкретных примерах: человек чувствует ограничение использования бумажных банкнот при покупке каких-либо вещей, – например,

не сможет расплатиться сторублевой купюрой за газету. В традиционных обществах деньги ранжировались соответственно требованиям морали или ритуалов: одни виды денег годились для приобретения еды, но на них нельзя было купить жену. В современном мире качественные различия между деньгами формируются дифференциацией взятки от награды или подарка, зарплаты – от гонорара, пособия – от жалования, благодаря разнице между выкупом, чаевыми, страховой выплатой, компенсацией за ущерб и премиальным вознаграждением.

Однако следует отметить, что они нисколько не опровергают приведенный выше взгляд на деньги как на универсальное средство коммуникации. По существу, у Зелизер речь идёт не о реально различных типах денежных единиц, а о том, как люди создают временную и локальную множественность на основе единых денег, наделяя их различными смыслами в ходе своих социальных практик; то есть целесообразно говорить не о различных формах денег, а о деньгах как маркерах различных социокультурных ролей [4].

Выше мы не раз подчеркивали поэтапную дематериализацию денег в контексте их физического проявления и их важную роль в формировании контекста коммуникации. Однако сегодня мы уже можем наблюдать не только влияние денежных средств на сферы, отмеченные выше, но и постепенное создание собственной реальности без привязанности к мировой экономики и элементам культуры. А именно в воплощение денег в виде криптовалют, имеющих ценность, зависимую только от процессорных мощностей средств обеспечения и опирающихся на компьютерный код.

Список литературы

1. *Дейнека, О. С.* Экономическая психология: социально-политические проблемы / О. С. Дейнека. – СПб.: СПбГУ, 1999. – 240 с.

2. *Зелизер, В.* Создание множественных денег / В. Зелизер // Экономическая социология: электронный журнал. – 2002. – Т. 3. – № 4. – С.56–62.

3. *Зиммель, Г.* Философия денег (фрагмент) / Г. Зиммель // Теория общества: сборник / общ. ред. А. Ф. Филиппова. – М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 1999. – 194 с.

4. *Никитин, А. П.* Деньги как средство социальной коммуникации / А. П. Никитин // Вестник КемГУ. – 2013. – Т. 1. – № 2 (54) – С.129–133.

5. *Фернам, А.* Деньги. Психология денег и финансового поведения / А. Фернам; под общей редакцией А. Алексеева. – СПб.: ПраймЕВРОЗНАК, 2005. – 352 с.

6. *Giddens, A.* The Consequences of Modernity / A. Giddens. – Stanford: Stanford University Press, 1991. – P. 9.

ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ОНЛАЙН-ИГР КАК СОЦИАЛЬНЫЙ РИСК

Литвякова Кира Вячеславовна,
Машницкий Игорь Вадимович
Белорусский государственный университет, Минск

Интернет – это среда возможностей как для общения и проведения досуга, так и для работы и деловых контактов, однако она несет в себе и социальные риски. Социальные риски делятся на системные и частные. К системным социальным рискам относятся интернет-зависимость, потеря конфиденциальности, плагиат и др. К частным рискам относятся риски для отдельного вида ресурсов или же конкретных сайтов: риски, связанные с контентом, деятельностью деструктивных сообществ.

Как известно, одной из форм интернет-зависимостей является зависимость от многопользовательских онлайн-игр (massive multiplayer online games или ММО игры). Быстрый рост вовлеченности людей в подобные игры в середине 2000-х годов был обусловлен, в первую очередь, распространением доступа к высокоскоростному безлимитному интернету, ростом производительности компьютерных процессоров и усложнением графических видеокарт. Прецедент стал настолько распространен, что зависимость от ММО игр была признана в некоторых странах клиническим расстройством. Проблема чрезмерного нахождения людей в виртуальных мирах стала предметом пристального внимания исследователей по всему миру.

В исследованиях за последнее десятилетие приводятся данные, по игровой зависимости среди подростков от 0,2 % в Германии и до 50 % в Южной Корее, в зависимости от методологии и периода исследования. Например, немецкие исследователи университета Charite провели эксперимент, в ходе которого группе из 20 человек показывали скриншоты из любимых игр. Их реакция оказалась сходной с той, что проявляют больные алкоголизмом и наркоманией, когда видят предмет своей зависимости [4].

Виртуальный мир – компьютерно-моделируемая среда (например, многопользовательская онлайн-фэнтезийная игра), которая позволяет пользователям взаимодействовать друг с другом, а также пользоваться заранее созданными компьютерными объектами или же самим создавать их.

Характеристики виртуальных миров:

1) в основе виртуального мира лежат базовые автоматизированные правила;

2) игроки играют своих персонажей «внутри» мира. Поэтому и все взаимодействия с миром и другими игроками опосредованы этим персонажем;

3) взаимодействие с миром осуществляется в режиме реального времени;

4) этот мир – многопользовательский;

5) этот мир – стабилен (по крайней мере, до некоторой степени) [2].

Особенностями виртуальных миров ММО игр является то, что все они имеют определенный сценарий, предысторию, игровой мир. Все миры имеют

какой-либо аналог валюты – монеты, золото, украшения и др., за которые можно приобретать необходимые для игры атрибуты. Игрок может выбирать внешность и атрибуты (пол, раса, класс) своего персонажа, что позволяет игроку в большей степени идентифицировать себя с ним.

Можно выделить следующие группы причин, по которым люди играют в ММО игры:

1) компонента достижений. Достижения – желание получить силу, быстро прогрессировать, собирать игровые предметы (артефакты), символизирующие богатство и статус;

2) социальная компонента. Социализация – интерес общения и помощи другим игрокам;

3) иммерсионная компонента. Открытия – возможность узнать и найти что-то такое, что другие игроки не знают [3].

Очевидно, возможность коммуницировать с остальными игроками в контексте игрового является наиболее привлекательной.

Процесс формирования игровой зависимости включает четыре стадии. Первоначально происходит процесс адаптации к игре (стадия легкой увлечённости), затем наступает фаза быстрого формирования зависимости (стадия увлечённости). На третьей стадии зависимость достигает максимума (стадия зависимости). Здесь человек включается в коммуникационные игровые процессы, придавая им статус реальных. Далее сила зависимости на определенный промежуток времени остается устойчивой, а затем идет на спад и опять же фиксируется на определенном уровне и сохраняется [1].

Признаки игровой зависимости делятся на психологические и физиологические. К психологическим относятся расстройства, отсутствие мотивации к работе или учебе, раздражительность при прерывании игрового сеанса и т. д. К физиологическим признакам относятся заболевания глаз (сухость глаза и снижение зрения), боли в суставах и сколиоз, нарушение режима дня и многое другое.

Таким образом, игровая зависимость – это форма психологической зависимости, которая проявляется в навязчивом увлечении компьютерными играми. Человек уходит от реальности, чтобы удовлетворить свои желания, которые он не в состоянии удовлетворить в реальной жизни.

По своей природе игровая зависимость схожа с другими психологическими зависимостями и проходит четыре стадии в своем развитии. Во время игры человек может контролировать происходящее, в отличии от реальной жизни. Особенно опасны ролевые онлайн игры, так как они требуют максимального погружения в игру, что может привести к моральному и физическому вреду как для самого человека, так и для людей его окружающих, а также к переносу общения в виртуальный мир. Общение в виртуальной среде становится преобладающим для человека, в этом случае возможны социально-психологические деформации под влиянием интенсивной интернет-коммуникации внутри гейм-сообщества, такие как утрата связи с реальностью,

деформация межличностной коммуникации, деформация когнитивной сферы, формирование фрагментарного знания.

Список литературы

1. *Ахмадулина, Л. Р.* Четыре стадии компьютерной зависимости / Л. Р. Ахмадулина // Сборник конференций НИЦ Социосфера. – 2012. – № 14 – С. 68–70.

2. *Bartle, R.* Designing Virtual Worlds / R. Bartle. –London.: New Riders, 2004. – 741 p.

3. *Liebert, M. A.* Motivations for Play in Online Games / M. A. Liebert // Cyberpsychology & Behavior. – 2006. – № 6. – P. 772–775.

4. Internet gaming addiction: current perspectives. [Электронный ресурс] / Информационный ресурс «Национальная медицинская библиотека США». – Режим доступа: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3832462/. – Дата доступа 10.09.2017.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К РАССМОТРЕНИЮ ПРОЦЕССА СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ТЕЛЕСНОСТИ

Мельников Альберт Андреевич
Белорусский государственный университет, Минск

С конца XIX – начала XX вв. происходит активный процесс актуализации проблемы телесности и социального бытия тела в различных социальных дисциплинах. Свой вклад в рассмотрение телесности как социального феномена внесли такие мыслители, как К. Маркс, Ф. Ницше, М. Бахтин, З. Фрейд, Т. Веблен, Э. Фромм, М. Мерло-Понти, М. Мосс, Ж. Бодрийяр, М. Фуко, П. Бурдьё, М. Файзерстоун, И. Кон и др. На сегодняшний день можно говорить о том, что тема телесности как социального феномена имеет статус актуальной социальной проблемы, сохраняя при этом свой междисциплинарный характер, то есть является предметом для рассмотрения и анализа в рамках и на стыке многих социальных дисциплин.

Исторически, как показывают многие исследователи телесности (см., например, М. Мосс «Техники тела» [4], М. Фуко «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» [5], И. Кон «Мужское тело в истории культуры» [3] и др.), тело практически никогда не существовало само по себе, не было просто телом, не отсылало к самому себе. Напротив, тело в культуре всегда рассматривалось как некоторое воплощение определённых явлений, качеств, характеристик. Так, мозоли на руках отсылают к выполненной работе («натруженные руки»), а морщины символизируют старость. Эти примеры демонстрируют «натуральные воплощения», в том смысле, что индивид не целенаправленно оставляет на себе такие следы, они приобретаются, скорее, как побочный эффект (например, мозоли обычно не являются целью ручного труда, но являются его следствием, той ценой, которую платит индивид за такой способ труда). С другой стороны, имеется множество примеров, когда тело целенаправленно нагружается такого рода воплощениями и символами (например, татуировки или пирсинг), и, соответственно, можно говорить о создании искусственной системы значений и интерпретаций.

Воплощённые характеристики также не существуют сами по себе, они оцениваются и ранжируются в рамках определённого сообщества. Следовательно, оцениваются и ранжируются тела (а также их обладатели), в которых воплощается то или иное качество. Так, в рамках сообщества признающего труд как ценность (например, в сообществе рабочих), натруженные руки будут отсылать к качествам их владельца (например, его трудовому опыту), а значит присваивать ему определённый социальный статус. Напротив, в сообществе, не признающем ценность ручного труда (например, аристократическом или воровском), ручной труд не будет считаться достойным занятием, что будет соответствующим образом сказываться на статусе их владельца.

Каждая культура на разных этапах своего существования формирует свои системы значений для интерпретации, оценки и ранжирования телесности – тела и различных способов его оформления. Важно понимать, что в такой парадигме тело предстаёт как социально конструируемый объект, где общественная система вырабатывает и закрепляет различные способы и модели для оформления человеческого тела, а также способы оценки и ранжирования тел.

Для рассмотрения процесса присвоения значений телу и различным способам его оформления мы предлагаем использовать концепцию «социального конструирования реальности», разработанную П. Бергером и Т. Лукманом [1], а также концепцию «общества потребления» в трактовке Ж. Бодрийяра [2].

Таким образом, центральной идеей конструирования телесности является идея о том, что телесность – тело и способы его оформления – является социально зависимыми явлением. То есть в рамках культуры вырабатываются и закрепляются определённые наборы элементов, которые имеют за собой систему социально одобряемых значений. При этом конкретные значения этих наборов являются результатом определённой социальной договорённости, результатом коллективного символического производства, которые могут изменяться с течением времени. На сегодняшний день доминирующим типом культуры является массовая культура, в рамках которой формируются определённые наборы элементов и социальных практик и, таким образом, определяются и закрепляются эталоны телесности. Процесс конструирования телесности носит перманентный характер и, в целом, находится в рамках общества потребления, то есть является частью большого процесса потребления и производства символов и их значений.

Список литературы

1. *Бергер, П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

2. *Бодрийяр, Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр // Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. – 26.10.2008. – Режим доступа: http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3464 – Дата доступа: 04.05.2017.

3. *Кон, И.* Мужское тело в истории культуры / И. Кон. – М.: Гардарики, 2010. – 653 с.

4. *Мосс, М.* Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / М. Мосс. – М.: КДУ, 1996. – 416 с.

5. *Фуко, М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М.: Ad Marginem, 1999. – 479 с.

МОДЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ ВНУТРИОРГАНИЗАЦИОННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Фетисова Анна Радиславовна
Белорусский государственный университет, Минск

Информированность специалистов по внутренней коммуникации о том, насколько успешно осуществляется коммуникация внутри компании, и существуют ли резервы повышения ее эффективности, позволяет им принимать грамотные решения относительно организации коммуникационных процессов. Специалисты, ориентирующиеся на результаты исследований как при разработке плана коммуникации, так и по мере его реализации, наиболее успешны в достижении коммуникативных целей. Но несмотря на осознание важности исследований коммуникации, по данным опроса компании Newsweaver каждый второй специалист по внутренней коммуникации не проводит исследования на регулярной основе. Среди причин специалисты чаще называют отсутствие бюджета и времени [1, с. 9, 20]. Однако теоретики видят главное препятствие в неопределенности подходов к исследованию [5, с. 6]. Таким образом, актуализируется потребность в моделях, описывающих, каким образом может быть организован процесс информационного обеспечения менеджмента коммуникации. Далее будут рассмотрены ведущие, по мнению Пола Ноубла (Paul Noble) и Тома Уотсона (Tom Watson), модели исследования коммуникации [6, с. 7–14] и наиболее поздние модели, которые также заслуживают внимания.

Модель PII (1985). Модель, предложенная Скоттом Катлипом (Scott M. Cutlip), Алленом Центером (Allen H. Center) и Гленом Брумом (Glen Broom) описывает процесс оценки трех составляющих любой коммуникативной активности, а именно планирования (Preparation), реализации (Implementation) и влияния (Impact) (рисунок 1) [9, с.477–478].

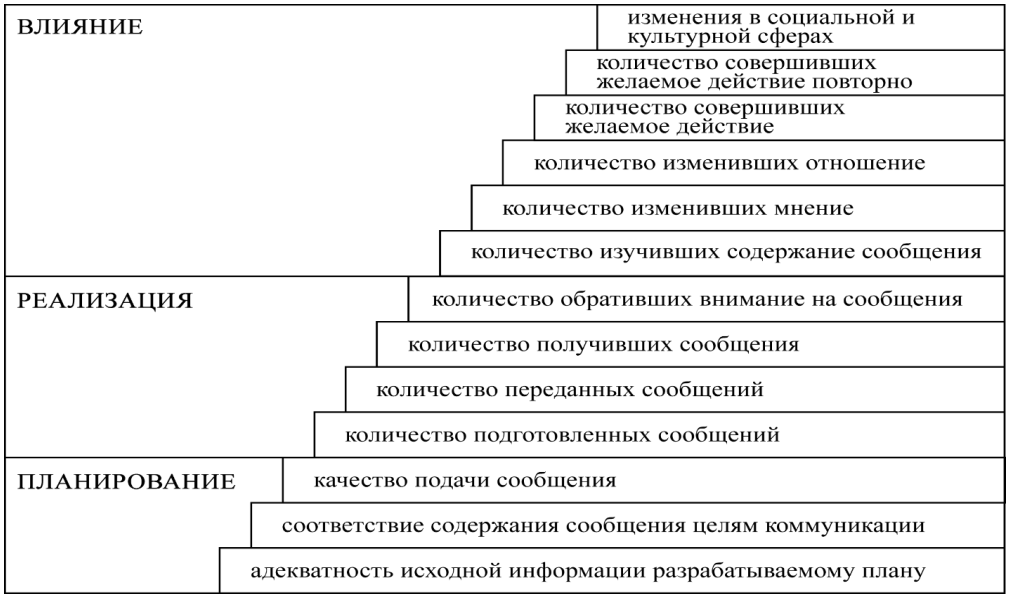

Рисунок 1 – Модель PII. Примечание – Источник: [9, с. 478].

При оценке планирования анализируется адекватность используемой информации разрабатываемому плану коммуникации, соответствие содержания ключевого сообщения целям коммуникации, качество подачи сообщения и т. д. Оценка реализации направлена на анализ пригодности избранной стратегии. На данном этапе чаще определяется количество подготовленных и переданных сообщений, а также количество получивших сообщения и обративших на них внимание. Авторы предостерегают от оценки результатов всей активности уже на уровне реализации. Разумеется, подобные данные о реализации плана коммуникации важны для оценки самого процесса, однако не следует идентифицировать эти показатели с итоговой оценкой воздействия, которая, в свою очередь, предоставляет свидетельства успеха или неудачи в достижении поставленных конечных целей коммуникации. На завершающем этапе оценки воздействия определяется количество изучивших содержание сообщений, изменивших свои убеждения или поведение. Таким образом, данная модель PII разграничивает различные стадии коммуникативной активности и подходы к их исследованию. В то же время ограничением модели становится отсутствие конкретных методик измерения коммуникации [6, с. 7].

Пирамидальная модель (1992). Другая модель была разработана Джимом Макнамара (Jim Macnamara) [4, с. 268]. Макнамара представил коммуникацию в виде пирамиды, в основании которой лежит «вход» данных, выше – «выход» информации, а на вершине располагаются «эффекты» коммуникации (рисунок 2). На стадии «входа» специалисты располагают большим объемом данных о средствах коммуникации, форматах сообщения, предпочтениях аудитории и пр. Приняв решение о средстве коммуникации, формате сообщения и его содержании, специалист переходит к стадии «выхода», на которой реализуются конкретные коммуникативные действия (например, публикуется статья в интранете или организуется таун-холл с топ-менеджерами). Завершающей стадией становится «эффект», полученный от коммуникативных действий (изменения в знаниях, мнениях и поведении аудитории). Каждой стадии соответствует система показателей, своевременное измерение которых позволяет корректировать процесс коммуникации и тем самым повышать его эффективность. Например, на стадии «входа» мы можем оценить соответствие содержания сообщения целям коммуникации или релевантность формата сообщения средству передачи. На стадии «выхода» Макнамара предлагает сравнить количество распространенных сообщений и количество сотрудников, прочитавших эти сообщения. А «эффект» коммуникации определяется количеством сотрудников, изменивших свое мнение или поведение. Преимущество данной модели состоит в том, что каждому показателю соответствуют определенные исследовательские методики, например, характер интерпретации сообщения может быть определен с помощью интервью, а качественные характеристики сообщения могут быть оценены с помощью пре-тестов и тестов ридабилити.

Рисунок 2 – Пирамидальная модель

Примечание – Источник: [4, с. 268]. Перевод – А.Ф.

Модель эффективной базы расчета (1997). Предложенная Уолтером Линденманном (Walter Lindenmann) модель представлена тремя уровнями исследований (рисунок 3). Первый уровень представляет собой оценку «продуктов на выходе», а именно количества и качества транслируемых сообщений. Второй уровень, «промежуточный», предполагает исследование уровня понимания, запоминания и специфику восприятия сообщений получателем. Третий уровень, «продвинутый», направлен на измерение изменений во мнениях и поведении получателя сообщения. Данная модель отличается от других разграничением когнитивных и поведенческих эффектов в рамках исследования коммуникации. В то же время она не содержит формативных, т.е. предваряющих коммуникативную активность, исследований в чистом виде. Считается, что на практике оценочные исследования могут выполнять роль формативных, необходимых для планирования последующей коммуникативной активности [2, с. 8].

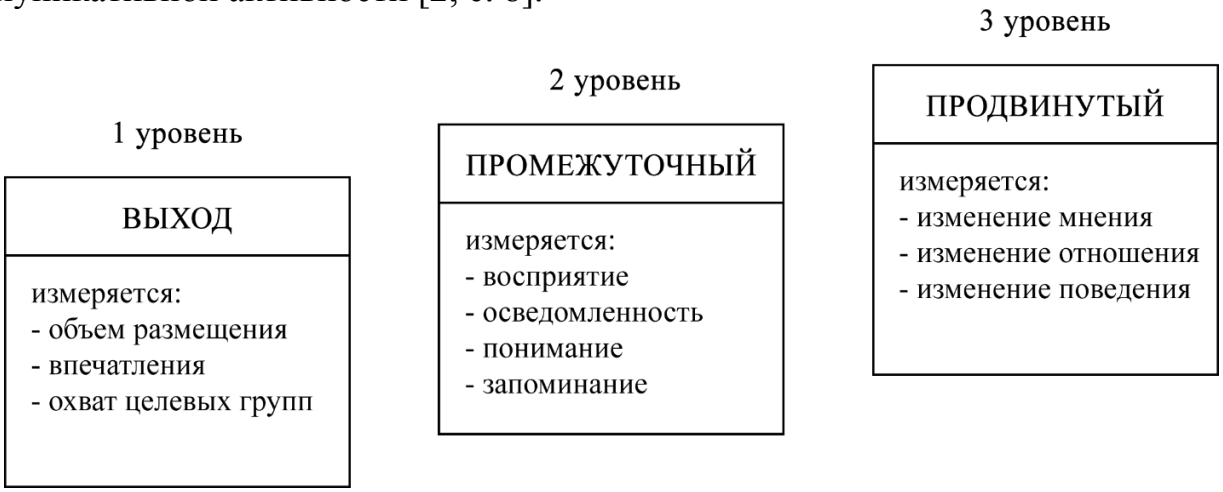

Рисунок 3 – Модель эффективной базы расчета.
Примечание – Источник: [2, с. 8]. Перевод – А.Ф.

Непрерывная модель оценки (1997). Согласно предложенным ранее моделям исследование коммуникации завершается измерением коммуникативных эффектов, что, в свою очередь, лишает эти модели динамизма. С целью преодолеть это ограничение, Том Уотсон разработал собственную модель, которая рассматривает деятельность по планированию, реализации и оценке стратегии коммуникации как динамичный и непрерывный процесс (рисунок 4). Данная модель представлена следующими элементами: (1) формативные исследования, ведущие к (2) постановке целей и определению желаемых коммуникативных эффектов; (3) разработка стратегии коммуникации, (4) определение и реализация тактик; (5) собственно коммуникативные эффекты; (6) анализ эффективности коммуникации. На основе полученных данных исследователь принимает решение о том, насколько успешна была коммуникация. Коммуникативные неудачи возвращают на более ранние этапы с тем, чтобы внести коррективы в план коммуникации [8, с. 293–294].

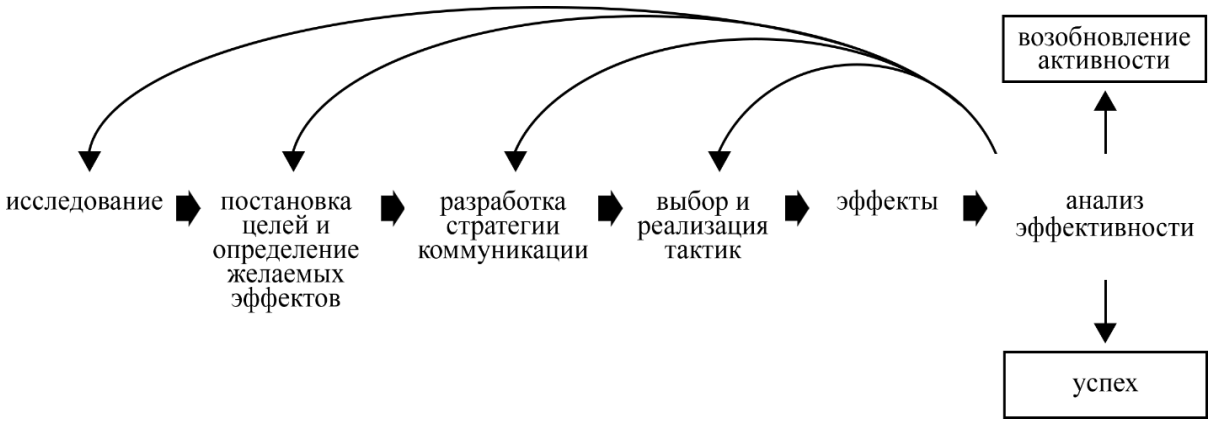

Рисунок 4 – Непрерывная модель оценки
Примечание – Источник: [8, с. 293]. Перевод – А.Ф.

Унифицированная модель оценки (1999). Изучив разработанные ранее модели, Пол Ноубл и Том Уотсон предложили улучшенную их версию. Авторы выделяют четыре уровня коммуникации: уровень «входа», уровень «выхода», уровень «влияния» и уровень «эффекта» (рисунок 5). Таким образом, данная модель включает в себя формативные исследования, разделяет оценку когнитивных и поведенческих эффектов коммуникации, а также сохраняет идею динамичности и непрерывности деятельности по планированию, реализации и итоговой оценке коммуникации [6, с. 15–18].

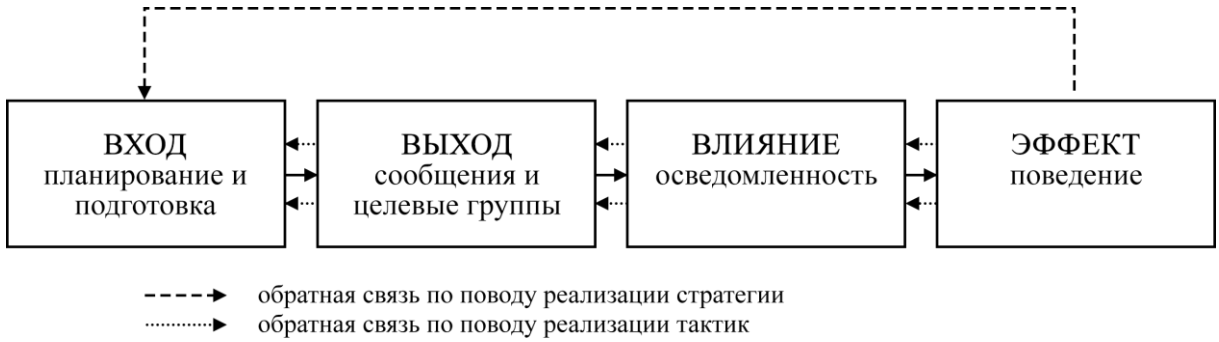

Рисунок 5 – Унифицированная модель оценки
Примечание – Источник: [6, с. 16]. Перевод – А.Ф.

Модель MAIE (2014). На Международном саммите по измерениям, который состоялся в Амстердаме в 2014 году, Дж. Макнамара обратил внимание исследователей на несостоятельность традиционного подхода к оценке эффективности коммуникации. Среди ограничений этого подхода Макнамара называл следующие:

– ретроспективность исследований. Результатом исследования коммуникативной активности чаще становятся суждения, относящиеся к уже произошедшим событиям. Руководство, в свою очередь, мало заинтересовано в изучении того, что уже произошло и на что нельзя повлиять. Таким образом, первостепенный интерес для руководства представляют те знания, которые могут быть использованы в перспективе, например, при разработке новой стратегии;

– отождествление процедур измерения и оценки. Процедура измерения состоит в сборе данных и их первичном анализе. На этом этапе исследователь оперирует чаще количественными значениями, которые сами по себе не являются достаточным основанием для формирования суждений относительно эффективности коммуникации. Процедура оценки, в свою очередь, предполагает интерпретацию полученных на этапе измерения значений с учетом определенного контекста. Таким образом, процедуры измерения и оценки должны быть четко разграничены;

– игнорирование внешних источников информации. В большинстве случаев выводы о результативности коммуникативной активности строятся на основе информации, полученной самой организацией. Однако собранных в условиях ограниченности бюджета данных чаще не хватает для всесторонней оценки эффективности коммуникации. Таким образом, в рамках исследования необходимо использовать не только внутренние, но и внешние источники информации;

– зацикленность на количественных показателях. Большинство исследователей коммуникации ориентируется на такие показатели, как количество просмотров, подписчиков, комментариев и т. д. Однако количественные показатели оценки эффективности являются недостаточными, когда коммуникативная цель состоит во влиянии на осведомленность, мнения, вовлеченность, доверие, лояльность, поведение целевых групп. Таким образом, при формировании суждений относительно эффективности коммуникации исследователь должен апеллировать не только к количественным, но и к качественным данным [3, с. 2–8].

Понимание ограничений традиционного подхода к исследованию коммуникации позволило Макнамара разработать принципиально новую модель (рисунок 6). На этапе измерения исследователем осуществляется сбор и первичный анализ данных. В отличие от традиционного подхода исследователь собирает и количественные, и качественные данные. Глубинный анализ предполагает всестороннее изучение как внутренних, так и внешних источников информации. К внешним источникам Макнамара относит находящиеся в общем доступе публикации университетов, исследовательских институтов, консалтинговых компаний; открытые базы данных; описания проектов с указанием достигнутых результатов; архивные записи. На данном этапе также осуществляется анализ рынка и анализ конкурентов, что, в свою очередь, необходимо для понимания контекста, в котором будут проинтерпретированы полученные на этапе измерения показатели. Макнамара также рекомендует использовать триангуляцию для проверки согласованности данных, полученных посредством различных вариаций качественных и количественных методов исследования. Отличительной чертой модели является акцент на выявлении инсайтов. Под инсайтами понимаются ориентированные на перспективу знания (прогнозы, рекомендации), которые могут быть полезны руководством для принятия решений относительно целей и стратегии компании. Когда инсайты выявлены, представлены и учтены при разработке стратегии, завершающим

этапом становится оценка их полезности с точки зрения достижения организацией своих целей [3, с. 9].

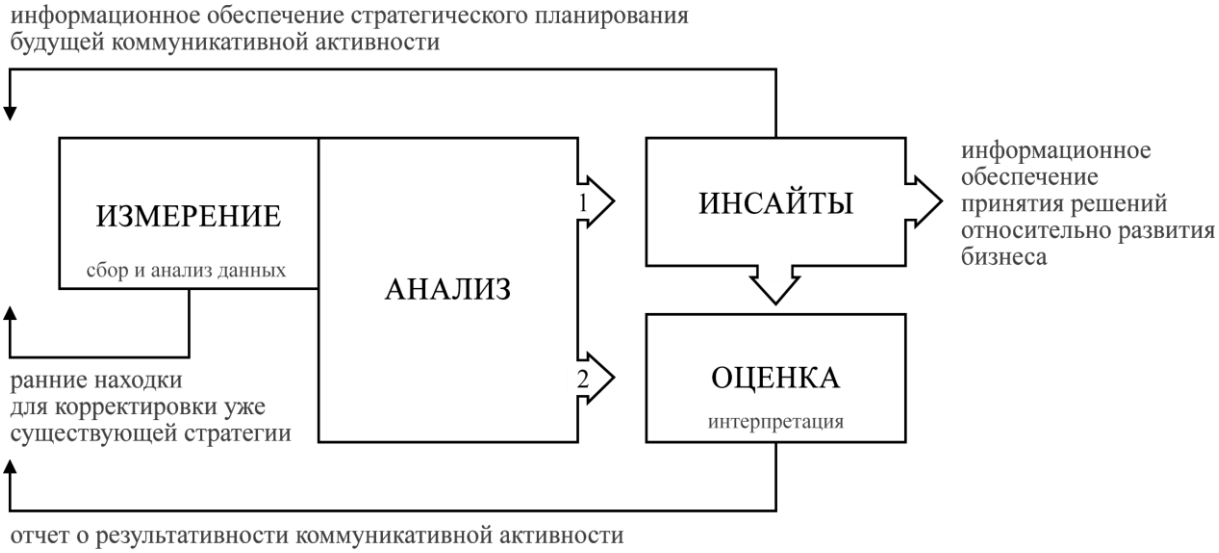

Рисунок 6 – Модель MAIE.
Примечание – Источник: [3, с. 9]. Перевод – А. Ф.

Модель ICQ10 (2015). Сегодня интерес для исследователей представляют также узкоспециализированные модели, позволяющие оценить эффективность коммуникации в достижении конкретных коммуникативных целей. Одна из таких моделей была предложена Кевином Раком [7, с. 111]. По его мнению, внутриорганизационная коммуникация является необходимым инструментом формирования вовлеченности персонала. Под вовлеченностью персонала понимается заинтересованность сотрудников в результатах своего труда и достижении стратегических целей компании. Формирование вовлеченности персонала предполагает решение следующих коммуникативных задач: объяснить сотруднику, каков его вклад в достижение стратегических целей компании; предоставить сотруднику право голоса; гарантировать сотруднику то, что его голос будет услышан руководством и тем самым сформировать у сотрудника чувство причастности к организации; выстроить диалогическое взаимодействие между руководством и персоналом.

Исходя из обозначенных задач, Рак сформулировал десять вопросов, ответы на которые позволят оценить, насколько внутриорганизационная коммуникация эффективна в формировании вовлеченности персонала (таблица 1). Вопросы касаются информационных потребностей сотрудников, степени их осведомленности о различных аспектах жизнедеятельности компании, эффективности каналов нисходящей и восходящей коммуникации и т. д.

Таким образом, суть процесса информационного обеспечения менеджмента коммуникации состоит в своевременном предоставлении сведений, достаточных для принятия специалистами решений относительно коммуникативной активности внутри организации. За последние десятилетия было разработано несколько моделей исследования коммуникации, которые описывают, каким образом может быть организован этот процесс. Отдельные модели включают перечни показателей, которые необходимо измерять на разных этапах

коммуникации, а также предлагают методики измерения этих показателей. Описанные модели могут быть адаптированы специалистами по внутренней коммуникации с учетом специфики их организации. Важно, чтобы процесс информационного обеспечения управления коммуникацией удовлетворял следующим требованиям: преодоление ретроспективности исследовании, разграничение процедур измерения и оценки, ориентация как на внутренние, так и на внешние источники информации, а также использование количественных и качественных данных при формировании суждении относительно эффективности коммуникации.

Таблица 1 – ICQ10

1	каналы	какие каналы наиболее уместны с точки зрения донесения до сотрудников важной информации, касающейся организации?
2	информация	какие темы, касающиеся жизнедеятельности организации, представляют наибольший интерес для сотрудников?
3	информация	насколько хорошо сотрудники информированы о том, что представляет для них интерес?
4	коммуникация топ-менеджмента	насколько хорошо топ-менеджмент компании доносит до сотрудников важную информацию об организации?
5	коммуникация линейных руководителей	способны ли линейные руководители рассмотреть важные вопросы, касающиеся организации, в локальном контексте?
6	голос сотрудников	насколько сотрудники удовлетворены возможностями высказываться по вопросам организации?
7	голос сотрудников	насколько серьезно руководство относится к мнению сотрудников?
8	вовлеченность сотрудников	что сотрудники думают об организации?
9	вовлеченность сотрудников	что сотрудники чувствуют в отношении организации?
10	вовлеченность сотрудников	ведут ли сотрудники себя таким образом, который способствовал бы достижению организацией своих конечных целей?

Примечание – Источник: [7, с. 111, таблица 11.1]. Перевод – А. Ф.

Список литературы

1. Inside IC. Internal Communications Survey 2016. Global summary report [Electronic resource] / Newsweaver, 2016. – Mode of access: register.newsweaver. com/inside-ic-2016. – Date of access: 22.04.2017.
2. *Lindenmann, W. K.* An Effectiveness Yardstick to Measure Public Relations Success / W. K. Lindenmann // Public Relations Quarterly. – 1993. – No 38. – P. 7–9.
3. *Macnamara, J.* Breaking the PR measurement and evaluation deadlock: A new approach and model / J. Macnamara. – AMEC International Summit on Measurement, Amsterdam, 2014. – 14 p.
4. *Macnamara, J.* Jim Macnamara's public relations handbook / J. Macnamara. – Sydney: Archipelago Press, 2005. – 356 p.
5. *Macnamara, J.* PR Metrics: How to Measure Public Relations and Corporate Communication / J. Macnamara. – Johannesburg: Media Monitors Pty Ltd., 2006. – 54 p.
6. *Noble, P.* Applying a Unified Public Relations Evaluation Model in a European Context / P. Noble, T. Watson // Transnational Communication in Europe: Practice and Research. – International Congress, Berlin, 1999. – 19 p.

7. *Ruck, K.* Exploring Internal Communication / K. Ruck. – London: Routledge, 2015. – 220 p.

8. *Watson, T.* Measuring the Success Rate: Evaluating the PR process and PR programmes / T. Watson // Principles and Practice of Public Relations. – London: Chapman & Hall, 1997. – P. 283–297.

9. *Катлип, С. М.* Паблик рилейшнз. Теория и практика / С. М. Катлин, А. Х. Сентер, Г. М. Брум. – М.: Вильямс, 2003. – 624 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И АННОТАЦИИ

Агеенкова Екатерина Кузьминична, канд. психол. наук, доцент; доцент кафедры клинической и консультативной психологии Белорусского государственного педагогического университета

Специфика социальной коммуникации в джихадистской пропаганде группировки «исламское государство»

На основе анализа аутентичных материалов в статье излагаются базисные идеологические принципы деятельности «Исламского государства». Также описываются наиболее привлекательные для его членов идеи его пропагандистского дискурса.

Ключевые слова: *«Исламское государство», пропаганда, муджахиды, истишхади, «львы халифата».*

Алампиев Олег Анатольевич, канд. социол. наук, доцент кафедры экономической социологии Белорусского государственного экономического университета

Интернет и социальная дифференциация

Баньковская Юлия Леонидовна, канд. филос. наук, доцент, доцент доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного аграрного технического университета

Регулирование социокультурных конфликтов посредством межкультурной коммуникации

Социокультурные конфликты, связанные с обострением межнациональных взаимоотношений, стали атрибутом современного мира. Способы их разрешения органично связаны с социальной коммуникацией, полифункциональность которой в процессе совместного обсуждения противоречий обусловлена её прагматичностью, когнитивностью и прогностичностью.

Ключевые слова: *конфликт, социокультурное взаимодействие, межкультурная коммуникация, разрешение и урегулирование конфликтов.*

Барабанова Наталия Ростиславовна, канд. пед. наук, доцент, профессор кафедры журналистики Национального университета «Одесская юридическая академия»

Этический аспект корпоративной политики

В статье развивается актуальная тема необходимости формирования и внедрения этических стандартов корпоративной политики. Утверждается, что использование определённых коммуникативно-речевых стандартов во внутренних и внешних контактах способствует укреплению имиджа, репутации организации.

Ключевые слова: *корпоративная политика, типичная коммуникативная ситуация, этический стандарт взаимодействия.*

Баразгова Евгения Станиславовна, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры теории и социологии управления Уральского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; **Попова Ольга Ивановна**, канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом Уральского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Риски межсистемной коммуникации высшего образования и рынка профессий и занятости

Статья посвящена рассмотрению механизма производства рисков в пространстве взаимодействия систем высшего образования и рынка профессий и занятости. Истоки процесса заложены, во-первых, в снятии нормативной связи между высшим образованием и образованием в профессии, и, во вторых, в несовпадении скоростей развития систем высшего образования – традиционно консервативной – и рынка профессионального труда – динамичного в силу необходимости непрерывного получения актуальной прибыли. Увеличение масштаба риска связано с отсутствием целенаправленной коммуникации между акторами систем высшего образования и рынка профессий и занятости.

Ключевые слова: *высшее образование, рынок профессий и занятости, социальный риск, коммуникация.*

Баранова Елена Владимировна, д-р полит. наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии журналистики Института журналистики БГУ

Традиции патернализма и риск инноваций

Инновационное развитие Республики Беларусь актуализирует не только возрастание роли науки и широкое внедрение информационных технологий, но и формирование инновационного сознания как адаптационной способности социальной среды к переменам. Данные перемены включают как экономическую модернизацию и связанную с ней стратификационную динамику, так и реформирование социальной культуры, укорененной в советском прошлом, что несет в себе определенные социальные риски.

Ключевые слова: *патернализм, инновации, риск, белорусская модель развития.*

Барматова Светлана Петровна, д-р социол. наук, профессор; профессор кафедры менеджмента, государственного и муниципального управления Брянского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Человек и медиасреда: консенсус (не)возможен

В тезисах акцентировано внимание на рисках, которые формируются в медиапространстве современного общества, обозначены проблемные моменты коммуникативных контактов между социальными субъектами – человеком и

медиасредой, которые еще не получили должного отражения в научной рефлексии.

Ключевые слова: *медиапространство, медиасфера, информационная компетентность, социальные риски, медиаэкология*

Безлюдова Алёна Сергеевна, студентка четвертого курса Белорусского государственного университета

Таргетированная интернет-реклама в сфере туризма. Исследование немецкой рекламы

Данная статья посвящена описанию результатов исследования немецкой таргетированной интернет-рекламы в сфере туризма, а также описанию существующих видов таргетинга. Автор выделил три вида таргетинга: тематический таргетинг, таргетинг с помощью RTB и ретаргетинг. В статье также описывается механизм размещения таргетированных рекламных сообщений, а именно технология RTB. В результате изучения данной технологии автором была разработана схема, иллюстрирующая данный процесс. В рамках исследования изучался третий вид таргетинга – ретаргетинг. Исследование проводилось двумя методами: наблюдение и контент-анализ. Основные показатели, по которым приводятся результаты: рекламоноситель, вид рекламы, местоположение рекламного сообщения, продолжительность рекламной кампании, продвигаемая услуга, предлагаемые выгоды. В результате исследования был выявлен уровень технологического развития ретаргетинга в Германии, а также доказано влияние культурного фактора на рекламную кампанию.

Ключевые слова: *таргетированная интернет-реклама, простой таргетинг, поведенческий таргетинг, Real-time-bidding, ретаргетинг, немецкая реклама.*

Беленкова Оксана Архиповна, д-р филос. наук, профессор кафедры философии Уфимского государственного нефтяного технического университета

Национальная идеология в контексте социально-коммуникативного пространства современного рискогенного общества

В статье исследованы условия и возможности формирования в Российской Федерации национальной идеологии, интегрирующей духовные ценности российских этносов в рамках единого социально-коммуникативного пространства современного рискогенного общества и выражающей стратегию исторического развития России как суверенного государства.

Ключевые слова: *национальная идеология и её принципы, базовые культурные ценности, инновационно-ориентированная экономика, социальное управление, «деидеологизация», «реидеологизация».*

Беляева Елена Валерьевна, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета

Моральная субъектность человека как контекст его конструирования

Как биотехнологическое, так и социальное конструирование допустимо лишь в контексте утверждения человека как морального субъекта собственного самопреобразования.

Ключевые слова: *конструирование человека, моральный субъект.*

Берков Владимир Федотович, д-р филос. наук, профессор, профессор Республиканского института высшей школы Белорусского государственного университета

Процедура аргументации в контексте социальной коммуникации

Рассмотрение аргументации в семантико-синтаксическом плане, как это имело место в традиционной логике, страдает ограниченностью, ибо сводит её к отождествлению с доказательством, опровержением, подтверждением и т. д. Более полное представление дает анализ этой процедуры в качестве средства социальной коммуникации, средства связи и взаимодействия между адресатом и адресантом. Выход на прагматический уровень имеет бесспорный познавательный эффект.

Ключевые слова: *аргументация, логика, социальная коммуникация, адресат, адресант.*

Богдан Елена Леонидовна, председатель Национального комитета по биоэтике Республики Беларусь, начальник управления организации медицинской помощи и экспертизы Министерства здравоохранения Республики Беларусь; **Богдан Дмитрий Олегович,** студент юридического факультета Белорусского государственного университета

Правовые основания институциализации биоэтики и биомедицинского знания в Беларуси

В статье актуализируется расширение проблемного поля биоэтики в Республике Беларусь, включение в него не только нравственных, философских, но и правовых компонентов, объединяющих различные системы ценностей – биологические, социальные, экологические, личностные.

Ключевые слова: *биоэтика, биомедицинское знание, морально-этическое и правовое регулирование.*

Василькова Валерия Валентиновна, д-р филос. наук, профессор; профессор кафедры социологии культуры и коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета

Сетевая коммуникация: сеть как парадигмальная метафора «текучей современности»

Ключевые слова: *парадигмальная метафора, «текучая современность», пространственная неравномерность, слабые связи, переструктурирование, социальное конструирование.*

Васюков Владимир Леонидович, д-р филос. наук, заведующий кафедрой истории и философии науки Института философии РАН

Макростратегии кросс-культурного диалога

Рассматривается стратегический подход к проблеме кросс-культурного диалога, заключающийся в методе отбора культурных универсалий, наиболее значимых в контексте диалога и для данных коммуникантов. Предложено четыре стратегии, представляющие собой общие инструкции интерпретации для каждой конкретной коммуникативной ситуации, позволяющие соотнести контексты диалога с определенными наборами культурных универсалий, общими для коммуникантов.

Ключевые слова: *культура, толерантность, диалог, универсалии, стратегии.*

Веряскина Валентина Петровна, канд. филос. наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии РАН

Трансформация человека в обществе риска: роль социальных и биомедицинских технологий

Статья посвящена анализу тенденций трансформации человека в эпоху позднего модерна. Эти тенденции связаны с вызовами в области человеческого развития, которое определяется как расширение возможностей выбора в социальной и индивидуальной жизни. Вызов в социальной жизни связан с ограничением возможностей в связи с кризисом общества наемного труда и возникающими рисками индивидуализации. Контекстом трансформации человека становится утрата контроля над переменами, неопределенность, и как следствие биографическое разрешение системных противоречий. Риски в индивидуальной жизни связаны с управленческими техниками манипуляции поведением. Выбор стиля жизни формирует самоидентичность человека, но ведет одновременно к рискам и ответственности за этот выбор. Использование биотехнологий, в том числе и биомедицинских, могут служить улучшению и позитивной трансформации человека, но в рамках этико-правового регулирования и определении границ безопасного вмешательства в человеческую природу.

Ключевые слова: *человек, трансформация, человеческое развитие, социальные технологии, труд, управление, биотехнологии, риск, жизненная политика, этика.*

Волнистая Ксения Сергеевна, магистрант специальности «Коммуникативный менеджмент» Белорусского государственного университета

Симбиоз философии и технических наук на примере «зеленой химии»

В данной статье рассматривается возможность создания новых дисциплин на основе философии и дисциплин естественно-научного блока, приводится пример учения «зеленой химии».

Ключевые слова: *философия, технические науки, «зеленая химия».*

Гафарова Юлия Юрьевна, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета

«Третье пространство» как место коммуникации

В тексте описываются концепции «третьего пространства», ориентированные на анализ множественного характера современных культур и декларирующие возможность эффективной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: *глобализация, пространственный поворот, «третье пространство», гибридизация, коммуникация.*

Гойхман Оскар Яковлевич, д-р пед. наук, профессор; заведующий кафедрой сервиса и бизнес-коммуникаций Российского нового университета

Социальная коммуникация в интернете: взаимодействие с реальностью

Интернет рассматривается не только как информативное, но и как коммуникативное пространство социальной коммуникации. Делается вывод о том, что человечество ещё не научилось жить в условиях полной информационной открытости, а виртуальное пространство агрессивно влияет на реальную реальность. Дальнейшее развитие цивилизации в новых условиях невозможно без принятия и утверждения общих норм и правил.

Ключевые слова: *социальная коммуникация, Интернет, виртуальное пространство, реальная реальность.*

Голуб Ольга Юрьевна, д-р социол. наук, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Использование Интернета как вид социальной практики

В статье рассматриваются современные интернет-практики и особенности формирования идентичности в виртуальных сообществах. Исследуется роль Интернет-коммуникации в процессах социализации, самоопределения и самоконструирования человека. Дается характеристика виртуальной личности и анализ таких форм интернет-поведения, как «игры с идентичностью».

Ключевые слова: *интернет-практика, виртуальная идентичность личности, виртуальная личность, социальные последствия формирования и использования виртуальных идентичностей.*

Голубничий Дмитрий Владимирович, аспирант кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета

Прогресс в дипломатии Республики Беларусь и ЕС

В статье рассматриваются актуальные проблемы развития сотрудничества между Республикой Беларусь и Европейским союзом. Исследование основывается на подробном рассмотрении ключевых позиций документа, которые отражают видение западных коллег актуального состояния сотрудничества с Республикой Беларусь. В раскрытие темы автором проводится сопоставление заявленных положений резолюции с реальными политическими

процессами, протекающими в дипломатии Беларуси и ЕС. Подробно рассмотрены основные проблемы сотрудничества в области электорального законодательства, прав человека, расширения дипломатических контактов, вопросов применения высшей меры наказания. Также приводится обзор сотрудничества в краткосрочной перспективе.

Ключевые слова: *БДИЧП/ОБСЕ, Беларусь–ЕС, Восточное партнерство, Европейский парламент, Резолюция ЕС.*

Гончарова Любовь Марковна, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Рискогенные аспекты коммуникации в современном социуме

В статье рассматриваются причины изменений коммуникации в современном социуме, а также сферы, где особенно ярко проявляется речевая агрессия.

Ключевые слова: *речевая коммуникация, язык, агрессивная коммуникация, конфликт.*

Гуськова Светлана Владимировна, канд. филол. наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

Полемика аудитории социальной сети «Одноклассники» вокруг публикаций в региональных массмедиа (на примере Тамбовской области)

В статье устанавливаются особенности полемических материалов, размещаемых на официальных страничках региональных изданий Тамбовской области в социальной сети «Одноклассники». Выясняется, что обсуждение медиаматериалов, размещенных в соцсети, нередко носит полемический, конфронтационный характер, а комментарии аудитории содержат агрессивный компонент.

Ключевые слова: *социальные сети, дискуссия, полемика, агрессивный компонент.*

Дамковская Надежда Сергеевна, магистрант специальности «Коммуникативный менеджмент» Белорусского государственного университета

Межличностная коммуникация в социальных электронных сетях

Данная статья направлена на описание характеристик такого инструмента коммуникации в электронных социальных сетях, как «Лайк». В рамках работы описаны результаты описательного исследования об особенностях использования «Лайк» среди мужской и женской аудитории. Исследование проведено на основе изучения коммуникации в электронной социальной сети «Вконтакте». На основе анализа полученных результатов сделано описание использования данного инструмента на основании гендерного отличия и сделаны выводы относительно влияния инструмента «Лайк» на коммуникативные процессы в реальной жизни.

Ключевые слова: *коммуникация, электронные социальные сети, лайк, Интернет, аудитория.*

Дмитриева Ольга Евгеньевна, старший преподаватель кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета

Социализация лиц, вышедших на пенсию, в информационном обществе

В статье показывается значимость этапа социализации лиц, вышедших на пенсию, в контексте информационного общества; рассматриваются некоторые особенности социализации в пожилом возрасте, а также отдельные проблемы и риски, возникающие в процессе социализации личности после выхода на пенсию; обосновывается необходимость освоения лицами, вышедшими на пенсию, информационно-коммуникационных технологий как одного из путей их успешной посттрудовой социализации, а также предупреждения рисков, возникающих на данном этапе.

Ключевые слова: *социализация, пенсионер, пожилой человек, риск, информационное общество, информационно-коммуникационные технологии.*

Екадумова Ирина Ивановна, канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университетах

Рискогенные аспекты развития интернета вещей

Развитие интернета вещей создает риски, к числу которых относятся взлом и/или выведение из строя бытовых «умных» устройств, налаживание механизмов тотального контроля правительств над обществами и неприемлемое использование систем смертоносного автономного оружия. Управление рисками в данной сфере требует соотнесения результатов прогресса в развитии информационно-коммуникационных технологий с возможностями обеспечения безопасности и интересами личности, общества и государства.

Ключевые слова: *интернет, информация, интернет вещей, риск, безопасность.*

Ермолович Дмитрий Валентинович, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники

Трансдисциплинарная природа общения: от повседневности до элитарности

Трансдисциплинарный подход и топологический анализ в исследовании природы общения дает возможность обнаружить в эволюции коммуникативных действий определенность социальных и профессиональных ролей, «осмысливаемых» в процессе индивидуального развития.

Ключевые слова: *общение, трансдисциплинарность, повседневность, элитарность, топологический анализ, коммуникативные действия, профессиональные и социальные роли.*

Жук Екатерина Ивановна, магистр философских наук, аспирант Белорусского государственного университета

«Не телефонный разговор»: технические средства коммуникации и проблема понимания

Данный текст посвящен проблеме понимания и передачи смысла при коммуникации посредством технического средства. Вопрос заключается в том, способна ли коммуникация, при которой Я и Другой не находятся «лицом к лицу», стать подлинной беседой, в котором, согласно Г.-Г. Гадамеру, вершится понимание «сути дела».

Ключевые слова: *техническое средство коммуникации, разговор, Другой, смысл, Гадамер.*

Журавлев Валерий Александрович, канд. эконом. наук, доцент, доцент кафедры экономики Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники

Развитие интеллекта и креативных способностей студентов и учащихся как задача системы образования

В статье рассматриваются вопросы креативного образования, развития у студентов и учащихся различных видов интеллекта и креативных способностей.

Ключевые слова: *креативное образование, интеллект, креативные способности.*

Иняшкин Станислав Геннадьевич, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института русского языка им. А. С. Пушкина

Научная фантастика А. Азимова: эволюция человека через роботизацию

Автор проводит анализ научно-фантастических произведений американского писателя А. Азимова и приходит к выводу, что описываемые в них роботы и законы робототехники служат ориентиром для самосовершенствования человека.

Ключевые слова: *научная фантастика, А. Азимов, робот, три закона робототехники, самосовершенствование.*

Кавецкий Станислав Тихонович, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры политологии и социологии Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина

Некоторые особенности Интернет-пространства через призму аддиктивного поведения

В статье рассматривается феномен Интернет-зависимости в рамках аддиктивного поведения. Дается классификация нехимических поведенческих пристрастий. Ставится проблема регулирования сетевой зависимости.

Ключевые слова: *аномия, аддиктивное поведение, компьютерная революция, Интернет-зависимость, отчуждение.*

Калачева Ирина Ивановна, д-р истор. наук, доцент, профессор кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета

Межкультурный диалог как условие эффективной социальной коммуникации белорусских и иностранных студентов

Рассмотрены основные условия и правила межкультурной коммуникации в вузовской среде, показаны способы взаимодействия на уровне педагог – студент; акцентировано внимание на построение межкультурной коммуникации на уровне малых групп (учебных групп); раскрыто содержание форм межкультурной коммуникации, таких как аккультурация, культурная экспансия, культурная диффузия, культурный конфликт; охарактеризованы основные подходы в осуществлении межкультурного диалога.

Ключевые слова: *социальная коммуникация, межкультурная коммуникация, диалог, толерантность, межкультурный коммуникатор, малая группа, аккультурация, культурная экспансия, культурная диффузия, культурный конфликт.*

Кириллова Анастасия Владимировна, старший преподаватель кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета

Коммуникационная стратегия религиозной организации как предмет социального исследования

В статье рассматриваются методологические аспекты изучения коммуникации религиозных организаций с внутренними и внешними целевыми группами, предложена схема описания и анализа коммуникационных стратегий религиозных организаций через описание элементов коммуникационного процесса в целом и процесса маркетинговых коммуникаций в частности. Также рассматривается роль коммуникационных стратегий в деятельности религиозных организаций в современном постсекулярном мире.

Ключевые слова: *коммуникационная стратегия, религиозная организация, постсекулярность, методологические аспекты, маркетинговые коммуникации религиозных организаций.*

Киселева Марина Сергеевна, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии и истории науки Института философии РАН

К проблеме кросс-культурного диалога в историческом контексте: Симеон Полоцкий

В статье обсуждается проблема межкультурного диалога в историческом контексте как значительного культурного события Московского царства последней трети XVII века. Писатель, поэт, богослов, переводчик, иеромонах, выпускник Киево-Могилянской коллегии Симеон Полоцкий – значимая фигура для русской книжной культуры. Его труды способствовали знакомству московских книжников с европейской поэзией и ученостью барочной культуры: богословием, книжными проповедями, церемониальной поэзией, театрализованным представлением и другими культурными артефактами. Он

приложил немало усилий для создания в Москве учебного заведения, подобного Киево-Могилянской коллегии. Симеон Полоцкий как переводчик европейской христианской мысли предстоял новому этапу русской культуры – эпохе христианского просвещения.

Ключевые слова: *межкультурный диалог, механизм заимствования и выбора, интеллектуалы, европейская ученость, древнерусская книжность, риторическая культура, русское барокко.*

Климашин Александр Геннадьевич, аспирант Института социологии НАН Беларуси

Сетевые террористические сообщества

Всем известна проблема терроризма. Её описание и доказательство не нуждаются в подробном исследовании. Мир науки и научных открытий развивается. И вместе с этим развитием мы ожидаем, что мир станет лучше и добрее. Но так не происходит… Эта статья описывает, как технологии в частности социальные сети влияют на развитие преступных сообществ, как и почему это происходит, а так же предлагает частичные решения проблемы.

Ключевые слова: *преступное сообщество, интернет, управление интернетом, мировоззренческий кризис, технологическое развитие, автоматизация труда, терроризм, вербовка, социальные сети.*

Колик Алексей Валентинович, старший преподаватель кафедры технологий коммуникации Института журналистики Белорусского государственного университета

Роль социального маркетинга в коммуникационной стратегии бренда

Рассмотрено значение социального маркетинга в коммуникационной стратегии брендинга организации. Определено отличие социального маркетинга от классического маркетинга. Выделены признаки социального маркетинга. Рассмотрена связь социального маркетинга для системы общественных связей организации.

Ключевые слова: *бренд; брендинг; маркетинг; социальный маркетинг; коммуникации; репутация.*

Комаровский Андрей Владимирович, канд. социол. наук, заведующий сектором кластерного развития Института социологии НАН Беларуси

Коммодификация цифровой идентичности человека: от алармизма к сотрудничеству

Текст посвящен проблеме латентной и стихийной коммодификации цифровой идентичности потребителя, гражданина, работника как процессу, становящемуся вызовом для гражданской идентичности и свобод современного человека.

Ключевые слова: *новые медиа, информационное пространство, цифровая идентичность.*

Коневец Светлана Николаевна, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры социальных коммуникаций Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Проектирующее воздействие: социальные установки и стандарты как специальный набор социальных влияния и давлений

Статья посвящена рассмотрению положения об особом построении мифологического контекста рекламы или pr-сообщений как способах воздействия на социализацию человека, о навязанных психолого-политических тенденциях, обеспечивающих почву для эффективного и мягкого управления бессознательными процессами толпы.

Ключевые слова: *межличностная коммуникация, психо-вирус, стандарт, установка, реклама.*

Корытникова Надежда Владимировна, канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры методов социологических исследований Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина

Социальные риски при использовании дополнительных функций и программ для безопасной работы в интернете

В работе представлены данные о популярности программ, призванных обезопасить поведение в Интернете. Хотя целью таких дополнительных функций является облегчить работу в Интернете, каждая из них содержит в себе определенные социальные риски.

Ключевые слова: *интернет-безопасность, компьютерная грамотность, программы для безопасной работы в Интернете, социальные риски.*

Криволап Алексей Дмитриевич, канд. культурологии, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Полоцкого государственного университета

Концепция нормативной виртуальности во время социальной коммуникации в интернете

Статья посвящена обоснованию правомерности использования термина «нормативная виртуальность» в контексте практики основания социально-культурных норм в процессе социальной коммуникации в виртуальном пространстве. Использованный Р. Бартом и Ж. Пиаже термин рассмотрен к контексте нового современного понимания виртуальности. Проблема возникновения и регулирования норм, рассмотрена в рамках подхода М. Фуко и его пониманию нормативности. Показано наличие лакуны в понимании и использовании центрального для данной статьи термина применительно к новым медиа и для изучения норм сетевого общества.

Ключевые слова: *нормативная виртуальность, новые медиа, потребление, идентичность.*

Кудрякова Инесса Олеговна, научный сотрудник кафедры истории и философии науки Института философии РАН

Проблема происхождения общества как природного начала в анархистской трактовке Петра Алексеевича Кропоткина

В данной статье речь идет о анархистской трактовке происхождения общества как естественного-природного явления, представленной классиком анархистской теории Петром Алексеевичем Кропоткиным. Проанализированы основные положения его воззрений на природу общественного и политического. Выявлено, что в основании социально-философских и политических воззрений Кропоткина доминировала позиция природного происхождения общества. Стержнем социальной философии Кропоткина является единство всего живого на земле.

Ключевые слова: *природа, общество, эволюция, государство, анархизм.*

Социальная коммуникация и границы анархизма

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся различных форм проявления анархизма, в том числе, коммуникативного. Особое внимание уделяется теоретическим аспектам анархизма в контексте социально-политической практики, ее историко-политическим истокам и философским основаниям, а также препятствия на пути становления конструктивного диалога в рамках сетевого информационного пространства. Показано, что «мягкая» форма анархизма проявляется в актах коммуникации как деятельности, направленной на взаимопонимание людей, в особенности важное при утверждении идей социального, социально-культурного значения.

Ключевые слова: *анархизм, социальная коммуникация, акт коммуникации, социум.*

Кулешевич Кристина Вячеславовна, магистрант факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Феномен «информационного общества» в современной экономике Республики Беларусь

Современную экономику по праву называют инновационной экономикой, экономикой знаний. Многие изменения, связанные с появлением новейших информационных технологий, описаны в социологических теориях информационного общества Д. Белла, Э. Тоффлера, М. Кастельса и др. В условиях стремительного развития компьютерных технологий новая виртуальная реальность представляет собой яркую характеристику повседневной жизни человека и выступает важным фактором изменений, как социальных, так и экономических. Республика Беларусь ни является исключением среди стран мира, двигающихся в направлении развития цифровой экономики и окончательного формирования информационного общества. В настоящее время реализуется Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг.

Ключевые слова: *информационное общество, информационные технологии, IT-услуга, рынок IT-услуг Республики Беларусь, стартап, искусственный интеллект.*

Купчинова Татьяна Владимировна, канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета

Этический аспект рисковой коммуникации

Обсуждается этический аспект рисковой коммуникации. Делается акцент на конструировании значения риска при участии различных коммуникационных сообществ. Раскрывается сущность рисковой коммуникации с позиции утилитаристского подхода.

Ключевые слова: *риск, рисковая коммуникация, этика, подходы к рисковым коммуникациям, теория утилитаризма.*

Лебедева Елена Николаевна, канд. экон. Наук, доцент Витебского государственного технологического университета; **Демидова Мария Александровна**, студентка Витебского государственного технологического университета

Опыт организации социальных коммуникаций в системе ротации кадров японского менеджмента и возможности его использования в условиях белорусской экономики

В статье исследуется японский опыт управления предприятиями, в частности такой его важнейший элемент, как ротация кадров и связанная с ней организация системы социальной коммуникации. Использование опыта японского менеджмента в этой области позволит снизить текучесть кадров, повысить заинтересованность работников в результатах своего труда, своевременно выявлять и обучать управленческие кадры, повысить общую компетенцию и знания работников. В статье анализируются виды ротации, которые существуют в Республике Беларусь, делаются выводы и приводятся конкретные предложения по совершенствованию системы управления белорусскими предприятиями.

Ключевые слова: *японская система менеджмента, ротация кадров, вертикальная ротация, горизонтальная ротация кадров, рокировка.*

Лемец Илья Юрьевич, магистрант кафедры психологии Белорусского государственного университета

Деньги как универсальный инструмент социальной коммуникации в экономике и культуре

В данной работе рассматриваются основные факторы, определяющие коммуникативные функции денег. В центре внимания автора – проблема универсальности денег. В контексте темы социальной коммуникации ставится вопрос об определяющем влиянии денег на эффективность и значение коммуникации

Ключевые слова: *деньги, социальная коммуникация, универсальность, глобализация, криптовалюта.*

Литвякова Кира Вячеславовна, Машницкий Игорь Вадимович, магистранты специальности «Коммуникативный менеджмент» Белорусского государственного университета

Зависимость от онлайн-игр как социальный риск

Маслов Юрий Всеволодович, канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков Военной академии Республики Беларусь, **Бивитт Томас Александер,** старший научный сотрудник кафедры иностранных языков Института права и философии Уральского отделения РАН,

Транскультурная онлайн коммуникация: перевод песни

Текст посвящен проблеме формирования межкультурной ментальности в конкретных геополитических условиях. Ментальность такого рода является результатом сотрудничества профессионалов, принадлежащих к различным культурным сообществам. В тексте описан один из подобных проектов сотрудничества – перевод песни.

Ключевые слова: *транскультурный менталитет, культурный медиатор, лингва франка, перевод военной песни.*

Маслова Анастасия Владиленовна, канд. филос. наук, доцент кафедры философских наук Московского Государственного Лингвистического университета

Научное познание в пространстве кросс-культурного диалога

В статье анализируется процесс развития научного познания, который происходит в неразрывной связи со сменой способов существования и мышления. Сегодня мы обнаруживаем существенные изменения не только в осмыслении природы, но и мышления, самопознания человека в целом. Эти изменения основаны на ценностях западноевропейской культуры. Рассматривается идея культурных предпосылок европейской цивилизации, которые определяют специфику научного познания, выявляя глубинные основания для диалога культур.

Ключевые слова: *способ существования, научное познание, гибкая рациональность, диалог культур, современное антропологическое пространство.*

Мельников Альберт Андреевич, магистрант специальности «Коммуникативный менеджмент» Белорусского государственного университета

Концептуальные подходы к рассмотрению процесса социального конструирования телесности

Мизякина Светлана Николаевна, кандидат филос. наук, доцент, доцент кафедры философии Белорусского государственного экономического университета

Эмпатическая и манипулятивная коммуникация: точки пересечения

Статья посвящена анализу эмпатической и манипулятивной коммуникации. Цель исследования – определение возможных точек пересечения между ними. Показано, что эмпатическая коммуникация не обязательно включает в себя нравственный компонент. Элементы эмпатического восприятия, результаты вчувствования и понимания другого человека могут быть использованы для личных целей, в том числе и в рамках манипулятивной коммуникации.

Ключевые слова: *эмпатия, манипулятивная коммуникация.*

Мишаткина Татьяна Викторовна, канд. филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Международного государственного экологического института им. А. Д. Сахарова Белорусского государственного университета; **Мельнов Сергей Борисович,** директор Республиканского научно-исследовательского унитарного предприятия Бел НИЦ «Экология»

«Открытые» коммуникативные проблемы глобальной биоэтики

Статья посвящена выявлению проблем глобальной биоэтики – биоэтики более высокого статуса, превращающейся в парадигмальную модель принципиально новой общей этики.

Ключевые слова: *биоэтика, глобальная биоэтика, открытые биоэтические проблемы.*

Мишук Сергей Сергеевич, канд. филос. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Международного государственного экологического института им. А. Д. Сахарова Белорусского государственного университета

Инфокоммуникационное пространство как фактор трансформации мировоззренческих установок личности

В статье рассматривается система информационно-коммуникационных технологий в качестве необходимого компонента ноосферы. Она анализируется как глобальная по масштабам система отражения. Ее функционирование приводит к формированию особого экосоциального пространства, включающего когнитивный, социальный и экологический компоненты. Нахождение человека в рамках данного пространства приводит к существенным трансформациям сформированных ранее ценностных установок и норм языкового мышления.

Ключевые слова: *инфокоммуникационные технологии, система, экосоциальное пространство, экоинформационное пространство, инфокоммуникационное пространство, языковое мышление, мировоззрение, экологическое сознание.*

Мясоедов Александр Михайлович, магистр пед. наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета

Система ценностей в медицинской среде на современном этапе

В статье на основе социологического исследования рассматриваются ценностные ориентации врачей: личностные, профессиональные, досуговые; исследуются предпочтения относительно необходимых качеств и компонентов профессиональной медицинской культуры.

Ключевые слова: *трансформация системы ценностей, ценностные ориентации врачей, личностные, профессиональные, досуговые ценности в медицинской среде, профессионально необходимые качества и компоненты медицинской деятельности.*

Назаренко Юлия Степановна, канд. социол. наук, научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси

Онлайн-образование как драйвер институционального изменения системы образования

Статья посвящена анализу коренных и неоднозначных трансформаций институциональной образовательной среды в современном обществе знаний.

Ключевые слова: *институт образования, массовизация высшего образования, общество знаний, онлайн-образование.*

Наливайко Инна Михайловна, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета

Межкультурная коммуникация в пространстве повседневности

В тексте обосновывается методологическая и эвристическая значимость изучения специфики межкультурной коммуникации в пространстве повседневности. Методологической базой исследования являются философия диалога М. Бахтина и теория повседневной жизни М. де Серто.

Ключевые слова: *коммуникация, диалог, межкультурная коммуникация, Другой, повседневные практики, стратегии и тактики.*

Никулина Юлия Владимировна, канд. филос. наук, доцент Академии управления при Президенте Республики Беларусь

Электронные коммуникации в системе государственного управления

Рассмотрены проблемы коммуникативных взаимодействий в системе государственного управления. Обосновано, что информационные технологии выступают инструментом, который создает условия для реализации продуктивного информационного обмена в области государственного управления.

Ключевые слова: *государственное управление, информационно-коммуникационные технологии, электронное правительство.*

Палицын Василий Александрович, канд. экон. наук, доцент, профессор кафедры экономики Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники

Эффект межличностной коммуникации в команде

В статье рассматриваются межличностные коммуникации программистов, работающих в команде, формирование социально-психологических отношений под влиянием комплекса коммуникаций и влияние этих отношений на результаты деятельности команды. Автор доказывает, что управляя коммуникациями, можно управлять эффективностью деятельности команд.

Ключевые слова: *команда, межличностные коммуникации, социально-психологические отношения, формальные и неформальные отношения, управление коммуникациями, характер отношений, эффект синергии.*

Подгайская Людмила Ивановна, канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры экономической социологии Белорусского государственного экономического университета

Социокультурный феномен модификаций тела

Статья посвящена проблеме преобразования тела человека в объект коммерции. Сегодня тело становится условием успешности в профессиональном и социальном измерении, поэтому быстро развиваются телесно ориентированные способы совершенствования человека и моделирования человеческого тела, что требует изучения подобных модификаций.

Ключевые слова: *тело, телесность, культурное конструирование телесности, модификации тела.*

Радевич Екатерина Владимировна, старший преподаватель кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета

Интернет и глобальное информационное пространство современности

Современный этап социодинамики демонстрирует смену коммуникативного формата, переход взаимодействия людей в пространство дистанционной коммуникации, при которой пространственно-временные ограничения теряют свою значимость.

Ключевые слова: *Интернет, коммуникация, инфокультура.*

Рогожа Мария Михайловна, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры этики, эстетики, культурологии Киевского национального университета им. Тараса Шевченко

Принципы биоэтики в ценностных измерениях общества риска

В работе рассматривается становление этико-нормативного регулирования в области биомедицинских исследований с участием людей в контексте ценностных детерминант общества риска.

Ключевые слова: *общество риска, биоэтика, этические принципы, информированное согласие, этическая инфраструктура, этическое регулирование.*

Рубанов Анатолий Владимирович, д-р социол. наук, профессор, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета

Интернет и новые формы коммуникации

В статье рассмотрены ведущие тенденции формирования новых форм коммуникации. Выявлены наиболее привлекательные для населения электронные информационно-коммуникационные технологии. Представлены перспективы их дальнейшего развития.

Ключевые слова: *информационное общество, информационно-коммуникативные технологии, социальные сети, сетевое сообщество.*

Руденко Ольга Анатольевна, старший преподаватель кафедры языкознания и страноведения Востока Белорусского государственного университета

Процесс коммуникации «политик-избиратель»: социологический аспект модели «рационального» и «зависимого» избирателя»

Сарна Александр Янисович, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета

Креативные индустрии и их роль в развитии городской культуры

Статья посвящена проблеме развития современной городской культуры в условиях становления креативной экономики на основе творческих индустрий. Этот процесс сопровождается переходом «общества потребления» от массовой к поп-культуре в ситуации тотального перепроизводства товаров и услуг, когда главную стимулирующую роль начинают играть маркетинговые коммуникации, позволяющие выстроить идентичность и привлекательность городских территорий как «третьих мест».

Ключевые слова: *городская культура, творческие индустрии, креативная экономика, общество потребления, «третье место».*

Проблема инклюзивности в сетевом (со)обществе

Тезисы посвящены проблеме включенности и исключенности социальных субъектов из сетевых структур современного общества в реальной и виртуальной сферах на различных уровнях – от внутригосударственного до глобального. Ситуационный анализ сложившихся мегатрендов позволяет выявить возникшие риски, текущие и потенциальные конфликты в межличностной, внутригрупповой и международной коммуникации.

***Ключевые слова*:** *инклюзивность; сетевое общество; изоляционизм; неопопулизм; глобальные риски.*

Событие в городе. Интернет-пользователи комментируют празднование 950-летия Минска

В статье рассматриваются речевые практики интернет-пользователей, комментирующих на порталах ведущих белорусских онлайн-СМИ репортажи с официального празднования 950-летия Минска 9 сентября 2017 года. Конверсационный и риторический анализ основных коммуникативных стратегий и тактик комментаторов позволяет выявить особенности их высказываний, связанные с критическим восприятием происходящего, что можно учитывать в дальнейшей организации аналогичных торжеств

совместными усилиями общества, бизнеса и власти.

Ключевые слова: *событие и мегасобытие; интернет-коммуникация; конверсационный и риторический анализ; коммуникативыне стратегии и тактики.*

Сергеева Елена Викторовна, канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры социальных коммуникаций Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Особенности коммуникации риска в современном социуме

В данной статье поднимается проблема создания и воспроизводства знании о рисках в процессах социальной коммуникации. Рассматриваются преимущества и недостатки трансляции знаний о рисках. Поднимается проблема последствий коммуникации риска для современного общества.

Ключевые слова: *риск, коммуникация риска, общество риска, научное знание, социальная коммуникация.*

Сидоренко Ирина Николаевна, канд. филос. наук, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета

Идея оптимена: дилемма трансгуманизма и экзистенциализма

В статье рассматриваются два подхода к осмыслению оптимена: трансгуманизм и экзистенциализм. Первый подход стоит на позициях целесообразности преобразования природы человека посредством техники, второй понимает под идеалом человека его способность к самопреодолению. Отмечается, что трансгуманизм без обращения к экзистенциалам человеческого бытия может привести к усилению отчуждения человека и его технического подавления.

Ключевые слова: *оптимен, антропологический кризис, отчуждение, трансгуманизм, экзистенциализм.*

Смирнова Юлия Сергеевна, канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры психологии Белорусского государственного университета

Прототипичность объекта предубеждений

В статье рассматриваются процессы социальной категоризации и прототипизации в структуре феномена предубеждений. Подчеркивается, что прототип социальной категории играет ключевую роль в процессе актуализации предубеждений и реализации методов их ослабления. Обсуждаются возможности использования результатов исследований прототипичности объекта предубеждений в решении задач их ослабления и оптимизации межгрупповых отношений.

Ключевые слова: *предубеждение, социальная категоризация, прототип.*

Снежкова Ирина Анатольевна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Образ России, Украины и Белоруссии в представлениях российской молодежи

В 2017 г. в ряде Университетов Москвы было проведено социологическое и этнопсихологическое исследование, изучающее образ России, Украины и Белоруссии. В условиях информационного и санкционного давления на Россию важно было изучить как образом российская молодежь реагирует на сложившиеся условия? Какими ей представляются перечисленные страны и их лидеры? Как относится молодежь к значимым событиям последнего времени – присоединению Крыма, событиям на Украине, политической оппозиции в стране.

Ключевые слова: *российская молодежь о России, Украине и Белоруссии. Представление молодежи о народе и власти, социологический и этнопсихологический подход в изучении этнополитологической темы.*

Соловей Алеся Петровна, магистр социол. наук, младший научный сотрудник, аспирант Института социологии НАН Беларуси

Виртуальная реальность как пространство социальной коммуникации

Рассматривается понятие виртуальной реальности как одного из видов символической реальности, в которой конструируется пространство для социальной коммуникации. Акцент делается на таких характеристиках виртуальной реальности как симуляционность, интерактивность, информатизация, символичность и самопрезентирование.

Ключевые слова: *сеть Интернет, виртуальность, виртуальная реальность, виртуальное социальное действие.*

Терещенко Мария Сергеевна, магистр социол. наук, старший преподаватель кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета

Информация в принятии управленческих решений

Принятие управленческих решений является одной из самых важных составляющих управленческой деятельности. Их эффективность влияет на конечный результат деятельности организации и на ее эффективность в целом. В процессе принятия решений лицо, принимающее решение, работает со множеством источников информации. Качество информации, используемой в принятии управленческих решений напрямую влияет на качество и эффективность решения. В статье рассмотрены основные виды источников используемой информации, требования, предъявляемые к информации и риски, связанные с качеством информации при принятии управленческих решений.

Ключевые слова: *принятие управленческих решений, риски, качество решения, информация, качество информации, источники информации.*

Тихомирова Елена Александровна, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры русского языка Белорусского государственного университета

Речевое воздействие в текстах френд-ленты Facebook'а как разновидность социальных рисков в коммуникативном пространстве

Тексты социальных сетей позволяют изучать неформальное речевое поведение и ценности современников. Некритичное восприятие коммуникантами сообщений в открытых группах – значительный социальный риск. Анализ поверхностно-синтаксического фрейма высказываний показывает, как адресант может воздействовать на собеседников.

Ключевые слова: *неформальная коммуникация, пресуппозиции, поверхностно-синтаксический фрейм.*

Туркина Оксана Анатольевна, старший преподаватель кафедры английского языка гуманитарных специальностей Белорусского государственного университета

Тематический анализ и когнитивное картирование как методы эффективного анализа содержания текста

Эффективным методологическим инструментом анализа и экспертизы содержания текста являются тематический анализ, когнитивное картирование и каузально-генетическое моделирование дискурса. Интегрирование данных методов в лингвистическое исследование дает возможность получить достоверные результаты

Ключевые слова: *дискурс, тематический анализ, дискурс-картина мира, реконструкция, каузально-генетический подход, когнитивная карта.*

Фаблинова Ольга Николаевна, канд. социол. наук, младший научный сотрудник сектора социологии науки и научных кадров Института социологии НАН Беларуси

Использование социальных сетей белорусской студенческой молодежью

На основе социологических исследований, проведенных автором в 2012 г. и 2017 г., анализируется использование социальных сетей белорусскими студентами. Анализ осуществляется по таким параметрам, как использование социальных сетей с определенной частотой, цели выхода в социальные сети и поведение в них, знание конкретных социальных сетей.

Ключевые слова: *интернет, социальные сети, белорусские студенты.*

Фалько Владимир Иванович, канд. филос. наук, доцент, доцент Мытищинского филиала Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана

Гуманитарная составляющая конвергентных технологий

Конвергентные НБИК-технологии не предотвращают, а приближают возможную потерю человеком своего бытия по причине абсолютизации искусственной составляющей и недооценки духовного фактора. Социально-гуманитарную и этическую составляющие НБИКС-технологий предлагается дополнить диалогикой и духовными практиками.

Ключевые слова: *конвергентные технологии, НБИК-конвергенция, НБИКС-технологии, гуманитарная составляющая, духовный фактор.*

Фетисова Анна Радиславовна, магистрант специальности «Коммуникативный менеджмент» Белорусского государственного университета
Модели исследования внутриорганизационной коммуникации

Чащин Николай Алексеевич, канд. биол. наук, профессор, директор Научного центра медико-биотехнических проблем Национальной академии наук Украины; **Скребцова Катерина Викторовна**, магистр, ученый секретарь Научного центра медико-биотехнических проблем Национальной академии наук Украины
Современная персонализированная медицина: этические аспекты

Рассматриваются особенности и отличие персонализированной медицины от медицины традиционной; достижения современной молекулярной науки – фармакогенетики и связанных с ней «-omics» технологий, а также этика индивидуализма как условия становления персонализированной медицины.

Ключевые слова: *персонализированная медицина, индивидуализм, генетический профиль, клинический мониторинг, фармакогенетика, «-omics» технологии, «неблагоприятные события», «нетерапевтический» эффект.*

Шевченко Сергей Юрьевич, младший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН
Персонализация, операционализация и логика боли в технонаучном контуре биомедицины

В данной работе боль рассматривается как объект технонаучного воздействия, биомедицинского управления болью. Технонаучная ориентация на эффективность результируется в методологически особенном способе персонализации обезболивания, в рамках которого персонализируется в первую очередь время боли/обезболивания. Представленные в работе мысленные эксперименты позволяют раскрыть социогуманитарную специфику (и проблематику) практик такого обезболивания.

Ключевые слова: *технонаука, управление болью, персонализированная медицина, рациональный субъект.*

Шкор Ольга Николаевна, старший преподаватель кафедры экономики и управления Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники
Блокчейн в образовании

Концепция блокчейна в образовании позволяет ускорить прохождения знания от идеи до ее реального воплощения. Присутствие интеллектуального потенциала является сравнительным преимуществом Беларуси, что позволит осуществить преобразования в экономике и способствовать развитию технологий значительно более быстрыми темпами.

Ключевые слова: *блокчейн, криптовалюта, инвестиции, образование, социальная ответственность бизнеса.*

Шульга Елена Николаевна, д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН

Концептуальное многообразие проблематики социальной коммуникации

Статья посвящена философским аспектам проблематики социальной коммуникации. Рассматриваются основные направления изучения коммуникативной деятельности, выясняется их теоретический статус и методологический потенциал. Специальное внимание уделено рассмотрению коммуникации как деятельности, направленной на понимание и взаимопонимание людей.

Ключевые слова*: рациональность, коммуникация, понимание.*

Проблематика социальной коммуникации и антропо-коммуникативная рациональность

Статья посвящена философским аспектам рациональности, рассматриваемой в контексте проблематики социальной коммуникации. Характеризуются некоторые ключевые аспекты изучения рациональной коммуникативной деятельности, выясняется философский и теоретический статус антропо-коммуникативной рациональности и ее методологический потенциал. Специальное внимание уделено рассмотрению коммуникации, направленной на понимание и взаимопонимание людей в кросс-культурном диалоге.

Ключевые слова: *научная рациональность, рациональная коммуникация, антропо-коммуникативная рациональность, диалог, объяснение, понимание, культура.*

Яскевич Ядвига Станиславовна, д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой социальной коммуникации Белорусского государственного университета

Учение о человеке в контексте междисциплинарных биомедицинских исследований и вызовов социальной коммуникации

Раскрывается статус и роль биомедицинских исследований в современной науке о человеке. С точки зрения трансдисциплинарно-синергетической методологии раскрываются механизмы ценностно-антропологического поворота в современном биоэтическом знании, использовании биомедицинских технологий и экспериментов. Трансдисциплинарность квалифицируется как фундаментальный методологический принцип, расширяющий рамки дисциплинарной науки (медицины, биологии) при изучении открытых проблем человеческой жизни в контексте высоких биотехнологий и необходимости морального и правового регулирования биобезопасности человека. Раскрывается статус и роль социальной коммуникации в освещении современных биомедицинских исследований. Акцентируется внимание на необходимости профессионального раскрытия в средствах массовой

информации достижений современной науки в сфере биомедицины, механизмов этического регулирования научных исследований и обеспечения гуманистической экспертизы используемых биомедицинских и нанотехнологий.

Ключевые слова: биология, биомедицинские исследования, медицина, постнеклассическая рациональность, трансдисциплинарность, стратегии и предназначение социальной коммуникации, освещение в СМИ биомедицинских исследований и технологий.

Яскевич Ядвига Станиславовна; **Мишаткина Татьяна Викторовна,** канд. филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Международного государственного экологического института им. А. Д. Сахарова Белорусского государственного университета

Борис Григорьевич Юдин: этика науки и междисциплинарный диалог как стратегия и образ жизни

В статье рассматриваются основные вехи жизни Бориса Григорьевича Юдина – видного специалиста в области философии и методологии науки, лидера биоэтических исследований в России.

Ключевые слова: *биоэтика, этика науки, междисциплинарный диалог, Борис Григорьевич Юдин.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS AND THE ABSTRACTS

Bankouskaya Yuliya, PhD in Philosophy, Associated Professor, Belarusian State Agrarian Technical University

Regulation of social and cultural conflicts by intercultural communication

Social and cultural conflicts, which are associated with exacerbation of international relations, have become an attribute of the modern world. The methods for resolving them are organically connected with social communication in the process of discussion of contradictions, which multifunctionality is conditioned by its pragmatism, cognition and prognostication.

Keywords*: conflict, social and cultural interaction, intercultural communication, conflict resolution and resolution.*

Barabanova Natalia R. PhD in Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Journalism, National University "Odessa Law Academy"

The ethical aspect of corporate policy

The author develops the topic of the necessity of developing and implementing ethical corporate policies. It is argued that the use of certain communicative speech standards in the internal and external contacts contributes to the strengthening of the image and reputation of the organization.

Keywords: *corporate policy, typical communicative situation, ethical standard of interaction.*

Baranova Elena V., Grand PhD in Political Science, Professor, Belarusian State University

Traditions of paternalism and the risk of innovations

The innovative development of the Republic of Belarus actualizes not only the growing role of science and the widespread introduction of information technologies, but also the formation of innovative consciousness as the adaptive capacity of the social environment for change. These changes include not only economic modernization and the associated stratification dynamics, but also the reform of the social culture rooted in the Soviet past, which carries certain social risks.

Keywords: paternalism, innovation, risk, Belarusian development model.

Barazgova Evgeniya S., Grand PhD in Philosophy, Professor; **Popova Olga I.**, PhD in Sociology, Associate Professor, Ural Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Risk of the system of communication between institutions of higher education and market of professional labor and employment

Article is devoted to analysis of the process of production of the risk in communication of systems of professional education and market of professional labor. Routs of the risk are, on the first, in the absence of normative responsibility of institutions of higher education for professional education and, on the second, in the difference of speed in development between two systems. The system of education is traditionally conservative and labor market is dynamic due the actual necessity of

bringing profit. The extension of social and personal risk is connected with the absence of purposeful communication between the actors of the systems.

Keywords: *higher education, market of professional labor and employment, social risk, communication.*

Barmatova Svetlana P., Grand PhD in Sociology, Professor, Bryansk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Human being and media: consensus is (im)possible

In the theses attention is focused on the risks that are formed in media space of modern society, identified the problem moments communicative contacts between social actors – human being and media, which have not yet been adequately reflected in the scientific research.

Keywords: *media space, media sphere, information competence, social risks, mediaecology.*

Belenkova Oksana, Grand PhD in Philosophy, Professor, Ufa State Petroleum Technical University

National ideology in the context of socio-communicative space of the modern risk-generating society

The article is devoted to the study of conditions and possibilities for formation of the Russian Federation national ideology that integrates spiritual values of different ethnoses of Russia within a common socio-communicative space of modern risk-generating society and expresses the strategy of the historical development as a sovereign state.

Keywords: *national ideology and its principles, basic cultural values, innovation-driven economy, social control, "deideologization", "reideologization".*

Belyaeva Elena V., PhD in Philosophy, Associate Professor, Belarusian State University

Moral subjectivity of the person how the context of its construction

Both biotechnological and social construction is permissible only in the context of the assertion of man as a moral subject of his own self-transformation.

Keywords: *human construction, moral subject.*

Berkov Vladimir F., Professor, Grand PhD in Philosophy, Professor, National Institute for Higher Education, Belarusian State University

Argumentation procedure in the context of social communication

The consideration of reasoning in the semantic-syntactic plane, as was the case in traditional logic, suffers from a limitation, for it reduces it to identification with proof, refutation, confirmation, etc. A more complete analysis gives an analysis of this procedure as a means of social communication, a means of communication and the interaction between sender and recipient. The output to the pragmatic level gives an indisputable cognitive effect.

Keywords: *argumentation, logic, social communication, sender, recipient.*

Bezludova Alena, Student, Belarusian State University

Targeted online advertising in tourism: research of German advertising

This article is devoted to the description of the results of research German targeted online advertising in the tourism; also the article describes the existing types of targeting. The author identified three types of targeting: thematic targeting, targeting with RTB and retargeting. Also the article describes the mechanism for placing targeted advertising, namely RTB technology. As a result of studying this technology, the author developed a scheme illustrating this process. In the research, this method of placement as a retargeting was studied. The study was conducted by two methods: observation and content analysis. The main indicators for which the results are given: advertising medium, the type of advertising, the location of the advertisement, the duration of the advertising campaign, the promoted service, proposed benefits. As a result of the research, the level of technological development of retargeting in Germany was revealed; also the influence of the cultural factor on the advertising campaign is proved.

Keywords: *targeted online advertising, simple targeting, behavioral targeting, Real-time-bidding, retargeting, German advertising.*

Bogdan Elena L., Chairman of the National Committee on Bioethics of the Republic of Belarus, Head of the Department of Organization of Medical Assistance and Expertise of the Ministry of Health of the Republic of Belarus; **Bogdan Dmitry O.**, Student, Belarusian State University

Legal bases of institutionalization of bioethics and biomedical knowledge in Belarus

The article actualizes the expansion of the problematic field of bioethics in the Republic of Belarus, including in it not only moral, philosophical, but also legal components that unite various value systems – biological, social, ecological, personal.

Keywords: *bioethics, biomedical knowledge, moral and ethical and legal regulation.*

Chashchyn Nikolai A., PhD in Biology, Professor, Director of the Scientific Center for Medical and Biotechnical Research of the National Academy of Sciences of Ukraine; **Skrebtsova Katerina V**., Master in Biology, Academic Secretary of the Scientific Center of Medical and Biotechnical Research of the National Academy of Sciences of Ukraine

Present personalized medicine: ethical communication aspects

Features and distinctions of personalized medicine from traditional medicine are considered. The achievements of modern molecular science – pharmacogenetics and related "-omics" technologies, as well as the ethics of individualism as conditions for the development of personalized medicine are examined.

Keywords: *personalized medicine, individualism, genetic profile, clinical monitoring, pharmacogenetics, "-omics" technologies, "adverse events", "non-therapeutic" effect.*

Damkouskaya Nadezhda S., MA Student, Belarusian State University

Intermedia communication in electronic social networks

This article consist description of characteristics of instrument of communication on electronic social networks, which is called "Like". According to results of a descriptive research, there are described features of using "Like" among male and female audience. The research is based on studying of communication on electronic social network "VKontakte". On the basis of the analysis of the received results there have made description of use of this tool on the basis of gender difference and conclusions about influence of “Like” on communicative processes in real life.

Keywords: *communication, electronic social networks, Like, Internet, audience.*

Dmitrieva Olga E., Senior Lecturer, Belarusian State University

Socialization of the retired persons in the information society

The article shows the significance of the stage of socialization of retired people in the context of the information society; Some features of socialization in old age are considered, as well as certain problems and risks that arise in the process of socialization of the individual after retirement; The need for the retirement of information and communication technologies as one of the ways for their successful post-labor socialization, as well as the prevention of risks arising at this stage, is justified.

Keywords: *socialization, pensioner, elderly person, risk, information society, information and communication technologies.*

Ekadumova Irina I., PhD in Political Science, Associate Professor, Belarusian State University

Riskogenic aspects of the development of the Internet of things

The development of the Internet of things creates risks, including hacking and / or disabling of household "smart" devices, establishing mechanisms for total government control over society and unacceptable use of systems of deadly autonomous weapons. Risk management in this area requires correlating the results of progress in the development of information and communication technologies with the capabilities of ensuring the security of the individual, society and the state.

Keywords: *Internet, information, Internet of things, risk, security.*

Ermolovich Dmitri V., PhD in Philosophy, Associate Professor, Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics

Transdisciplinary nature of human interaction: from daily life to elitism

Transdisciplinary approach and topological analysis in the exploring of human interaction nature makes it possible to discover in the evolution of communicative

actions certain social and professional roles, that are «comprehended» in the process of individual development.

Keywords: *human interaction, transdisciplinarity, daily life, elitism, topological analysis, communicative actions, professional and social roles.*

Fablinova Olga N., PhD in Sociology, Junior Researcher, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus

The use of social networking sites among Belorussian student youth

Based on sociological research conducted by the author in 2012 and 2017, the use of social networking sites among Belarusian students is analyzed. The analysis is carried out by such parameters as the use of social networking sites with a certain frequency, the goals of entering social networking sites and behavior in them, knowledge of specific social networking sites.

Keywords: *Internet, social networking sites, Belarusian students.*

Falko Vladimir I., PhD in Philosophy, Associate Professor, Mytischi Branch (MB) of Bauman Moscow State Technical University

Humanitarian component of convergent technologies

Converging NBIC-technologies do not prevent, but approximate the possible loss of a person's being due to the absolution of the artificial component and underestimation of the spiritual factor. The socio-humanitarian and ethical components of the NBICS-technologies are proposed to be supplemented with dialogics and spiritual practices.

Keywords: *converging technologies, NBIC-convergence, NBICS-technologies, humanitarian component, spiritual factor.*

Gafarova Julia, PhD in Philosophy, Associate Professor, Belarusian State University

"The third space" as the place of communication

The text describes the concepts of the "third space", focused on analyzing the multiple nature of modern cultures and declaring the possibility of effective intercultural communication.

Keywords: globalization, spatial turn, "third space", hybridization, communication.

Goichman Oskar Y., Grand PhD in Pedagogics, Professor, Russian New University (RosNOU)

Social communication in the Internet: interaction with reality

The Internet is examined not only as informative but also as communicative space of social communication. Drawn conclusion that humanity did not yet learn to live in the conditions of complete informative openness, and virtual space aggressively influences on the real reality. Further development of civilization in new terms is impossible without making and claim of general norms and rules.

Keywords: *social communication, Internet, virtual space, real reality.*

Golub Olga, Grand PhD in Sociology, Professor, Saratov State University

Use of the Internet as type of social practice

In the article modern Internet-practices and features of forming of identity are examined in virtual associations. The role of Internet-communication is investigated in the processes of socialization, self-determination and self-construction. The author characterizes the virtual self and analyzes "identity play" as a pattern of the Internet behavior.

Keywords: *Internet-practice, virtual identity of personality, virtual personality, blurring identity and social consequences of forming and using virtual identities.*

Goncharova Lyubov M., PhD in Philology, Associate Professor, Pushkin State Russian Language Institute

Riskogenic aspects of communication in modern society

The article discusses the reasons for the changes of communication in modern society. Shows areas where particularly pronounced verbal aggression.

Keywords: *communication, language, aggressive communication, conflict.*

Guskova Svetlana V., PhD in Philology, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University

Controversy of the audience of the social network Odnoklassniki around publications in regional mass media (on the example of the Tambov region)

The article specifies the features of polemical materials placed on the official pages of regional publications of the Tambov region in the social network «Odnoklassniki» (subjects and issues of materials, the most priority ones and interesting audiences). It turns out that the discussion of media materials placed in the social network is often polemical, confrontational, and the comments of the audience contain an aggressive component.

Keywords: *social networks, discussion, polemic, aggressive component.*

Halubnichy Dzmitry, PhD Student, Belarusian State Economic University

Belarus – EU diplomacy progress

The article is dedicated to the analysis of the latest European Parliament resolution on Belarus, announced by the EU on November 24, 2016. The research is based on the analyses of key points of the document that contains official EU's approach to the EU-Belarus partnership. The author compares the statements of the resolution to the real political processes of the EU-Belarus diplomacy. The research analyzes main problems of the partnership: electoral processes legislation, human rights, developing of diplomatic contacts, existence of the capital punishment. The article also contains prediction of the partnership in short-term future.

Keywords: *ODIHR/OSCE, Belarus-EU, Eastern partnership, European parliament, EU's resolution.*

Inyashkin Stanislav G., PhD in Philology, Associate Professor, Pushkin State Russian Language Institute

Asimov's science fiction: man's evolution through robotics

The author analyses A. Asimov's science fiction and comes to conclusion that robots and the Laws of Robotics serve a guide for Man's self-improvement.

Keywords: *science fiction, Asimov, robot, The Laws of Robotics, self-improvement.*

Kalachova Irina I., Grand PhD in History, Associate Professor, Belarusian State University,

Intercultural dialogue as a condition for the effective social communication of Belorussian and foreign students

The basic conditions and rules of the intercultural communication in the higher education sphere are considered, the teacher-student interaction methods are shown, the special attention to the building of the intercultural communication in small groups is given; the content of the forms of the intercultural communication is disclosed, such as acculturation, cultural expansion, cultural diffusion, cultural conflict; the main approaches to the realizing of the intercultural dialogue are characterized.

Keywords*: social communication, intercultural communication, dialogue, tolerance, intercultural communicator, small group, acculturation, cultural expansion, cultural diffusion, cultural conflict.*

Kamarouski Andrei, PhD in Sociology, Institute of Sociology of National Academy of Sciences of Belarus

Compromising digital human identity: from almarmism to cooperation

The text is devoted to the problem of latent and spontaneous commodification of the digital identity of the consumer, citizen, worker as a process, which becomes a challenge for the civil identity and freedoms of contemporary man.

Keywords: *New media, information space, digital identity.*

Kavetski Stanislaw T., PhD in Philosophy, Associate Professor, A. S. Pushkin Brest State University

Specifics of online space analyzed in terms of addictive behavior

The thesis studies the phenomenon of online or Internet addiction. A classification of non-chemical behavioral preferences is provided. The challenge of regulating online behavior is defined.

Keywords: *anomie, addictive behavior, computer revolution, Internet addiction, alienation.*

Kirylava Anastasiya, MA in Social Communication, Senior Lecturer, Belarusian State University

Communication strategy of religion organization as a subject of social research

The article is devoted to the methodological aspects of researching of religious organizations communication with their internal and external target groups. In the article there is the presentation the description and analisis model of religious organizations communication strategies, based on the communication process elements in general and on the marketing communications process in particular. Also, the role of communication strategies in the activities of religious organizations in the modern post-secular world is considered.

Keywords: *communication strategy, religious organization, post secularity, methodological aspects, marketing communications of religious organizations.*

Kiseleva Marina, Grand PhD in Philosophy, Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

To the problem of cross-cultural dialogue in the historical context: Simeon Polockij

The article discusses the problem of intercultural dialogue in the historical context as a significant cultural event of the Moscow kingdom of the last third of the 17th century. Writer, poet, theologian, translator, hieromonk, graduate of Kiev-Mohyla College Simeon Polockij is an important figure in Russian book culture. His works contributed to the acquaintance of Moscow scribes with European poetry and the scholarship of baroque culture: theology, book sermons, ceremonial poetry, theatrical performance and other cultural artifacts. He made a lot of efforts to create an educational institution in Moscow in the style of Kyiv-Mohyla College. Simeon Polockij as the translator of the European Christian thought stood at the beginning of a new stage of Russian culture – the era of Christian enlightenment.

Keywords**:** *cross-cultural dialogue, the mechanism of borrowing and choice, intellectuals, European scholarship, Old Russian bookishness, rhetorical culture, Russian baroque.*

Klimashin Alexander, PhD Student, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus

Network terrorist communities

Known issue is terrorism. But technologies are developed. And we are waiting this world become kinder. But it isn’t. This paper describes how technologies and social networks help criminal society, how does it works and what we should do.

Keywords: *criminal society, internet, govern of internet, world-overview crisis, technological development, labor automation, terrorism, recruitment, social networks.*

Kolik Aliaksei, Senior Lecturer, Belarusian State University

Social marketing in communication strategy of branding

The importance of social marketing in the communication strategy of the branding of the organization is considered. The difference between social marketing and classical marketing is defined. Signs of social marketing are singled out. The

relationship of social marketing to the system of public relations of the organization is considered.

Keywords: *brand; branding; marketing; social marketing; communications; reputation.*

Konevets Svetlana N., PhD in Philology, Associate Professor, Saratov Chernyshevsky State University

Designing impact: social attitudes and standards as a special set of social influence and pressures

The article deals with provisions for special build mythological context of advertising or pr messages as the methods of influence on socialization of children, imposed psychological and political trends, providing the ground for effective and gentle management of the unconscious processes of the crowd.

Keywords: *interpersonal communication, psycho-virus, standard, setting, advertising.*

Korytnikova Nadezhda, PhD in Sociology, Associate Professor, VN Karazin Kharkiv National University

Social risks when using additional features and programs for safe online operation

The paper presents data on the popularity of programs designed to protect Internet behavior. Although the purpose of such additional functions is to facilitate the work on the Internet, each of them contains certain social risks.

Keywords: *Internet security, computer literacy, programs for safe work on the Internet, social risks.*

Krivolap Alexei, PhD in Culture, Polotsk State University

Concept of normative virtuality during social communication on the Internet

The article is devoted to the substantiation of the legitimacy of using the term "normative virtuality" in the context of the practice of establishing social and cultural norms in the process of constructing cultural identity. The term proposed R. Barthes and J. Piaget is considered in the context of a new modern understanding of virtuality. Also, the problem of the origin and regulation of norms was considered in the framework of M. Foucault's approach and his understanding of normativity. The existence of a lacuna in understanding and using the term central for this article, as applied to new media is justified. Shows the existing limitations of applying normative virtuality to study the rules of the network society.

Keywords: *normative virtuality, New media, consumption, identity.*

Kudryakova Inessa O., Research associate, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Problem of origin of society as natural beginning in anarchist interpretation of Pyotr Alekseyevich Kropotkin

The article is devoted to the question of anarchist interpretation of origin of society as natural-natural phenomenon, the submitted classic of the anarchist theory Pyotr Alekseyevich Kropotkin. Basic provisions of his views on the nature public and political are analyzed. It is revealed that in the basis of social and philosophical and political views of Kropotkin the position of natural origin of society dominated. A core of social philosophy of Kropotkin is the unity of all live on the earth.

Keywords: *anarchism, nature, society, evolution, state.*

Social communication and borders of anarchism

In article the questions concerning various forms of manifestation of anarchism, including, communicative are considered. Special attention is paid to theoretical aspects of anarchism in the context of socio-political practice, to her historical and political sources and the philosophical bases, and also obstacles in a way of formation of constructive dialogue within network information space. It is shown that the "soft" form of anarchism is shown in acts of communication as the activity directed to mutual understanding of people, in particular important at the statement of the ideas of social, welfare value.

Keywords: *anarchism, social communication, act of communication, society.*

Kuleshevich Kristina, MA Student, Belarusian State University

Information society in contemporary economy of the Republic Belarus

The modern economy is rightly called the innovative economy, the knowledge economy. Many changes related to the emergence of new information technologies are described in the information society sociological theories of D. Bell, E. Toffler, M. Castells and others. In the rapid development of computer technologies, a new virtual reality is a vivid characteristic of a person's daily life and is an important factor of changes, both social and economic. The Republic of Belarus is no exception among the countries of the world moving towards the development of the digital economy and the final formation of the information society. At present, the State Program for the Development of the Digital Economy and the Information Society for 2016-2020 is being implemented.

Keywords: *information society, information technology, IT services, IT services market of the Republic of Belarus, startup, artificial intelligence.*

Kupchinova Tatiana V., PhD in Sociology, Associate Professor, Belarusian State University

Ethical aspects of social communication

The ethical aspect of risk communication is discussed. The emphasis is on constructing the value of risk with the participation of various communication communities. The essence of risk communication is revealed from the standpoint of the utilitarian approach.

Keywords: *risk, risk communication, ethics, approaches to risk communication, theory of utilitarianism.*

Lebedeva Elena N., PhD in Economics, Associate Professor; **Demidova Maria A.**, Student, Vitebsk State Technological University

The experience of organization of social communications in the system of rotation of staff of Japanese management and the possibility of its use in the conditions of the Belorussian economy

The article investigates the Japanese experience in business management, in particular its most important element – the rotation of personnel. Using the experience of Japanese management in this area will reduce staff turnover, increase the interest of workers in the results of their work, timely identify and train the administrative staff, improve the overall competence and knowledge of workers. The article investigates the types of rotation, which exist in the Republic of Belarus, draws conclusions and provides specific proposals for improving the Belarusian enterprise management system.

Keywords: *Japanese management system, staff rotation, vertical rotation, horizontal rotation of personnel, castling.*

Lemets Ilia, MA Student, Belarusian State University

Money as universal tool of social communication in economy and culture

The main factors that determine the communicative functions of money is considered in this article. The author focuses on the problem of universality of money. The question of the decisive influence of money on the effectiveness and value of communication raises in the context of social communication.

Keywords: *money, social communication, universality, globalization, cryptocurrency.*

Maslov Yuri, PhD in Pedagogy, Associate Professor, The Military Academy of the Republic of Belarus; **Beavitt Thomas A.,** Senior Researcher, Institute of Law and Philosophy, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Transcultural communication online: song translation

The text deals with the problem of transcultural mentality formation in particular geopolitical conditions. Such mentality is the result of collaboration by professionals who belong to different cultural communities. One collaboration project is described aimed at song translation.

Keywords: *transcultural mentality, cultural mediator, lingua franca, war song translation.*

Maslova Anastasia V., PhD in Philosophy, Moscow State Linguistic University

Scientific knowledge within the area of cross-cultural dialogue

The article is devoted to the process of development of scientific knowledge. This process occurs in an indissoluble connection with the change of way of existence and way of thinking. We observe significant changes not only in the comprehension of nature, but also in thinking and self-knowledge of man as a whole today. These changes are based on the values of the Western European culture. The

idea of cultural premises of European civilization, which determine the specificity of scientific knowledge, revealing the deep bases for a dialogue of cultures is devoted.

Keywords*: way of being, scientific knowledge, flexible rationality, dialog of cultures, modern anthropological area.*

Mishuk Sergey, PhD in Philosophy, Associate Professor, International Sakharov Environmental Institute of Belarusian State University

Infocommunicative space in personal aims transformation

Mishatkina Tatiana V., PhD in Philosophy, Professor, Senior Researcher of the International Sakharov Environmental Institute of Belarusian State University; **Melnikov Sergei B.**, Head of the Republican Scientific Research Unitary Enterprise Bel SIC "Ecology"

"Open" communicative problems of global bioethics

The article is devoted to the problems of global bioethics as the bioethics of a higher status, turning it into a paradigmatic model of a fundamentally new common ethic.

Keywords: *bioethics, global bioethics, open bioethics problems.*

Mizyakina Svetlana N., PhD in Philosophy, Associate Professor, Belarusian State Economic University

Empathic and manipulative communication: cross points

The article is devoted to the analysis of empathic and manipulative communication. The purpose of the study is to determine possible intersection points between them. It is shown that empathic communication does not necessarily include a moral component. Elements of empathic perception, the results of feeling and understanding of another person can be used for personal purposes, including manipulative communication.

Keywords: *Empathy, manipulative communication.*

Myasoyedov Alexander M., MA in Pedagogy, Senior Lecturer, Vitebsk State Medical University

The system of values in the medical environment at the present stage

In the article, on the basis of a sociological study, the value orientations of physicians are considered: personal, professional, leisure values, preferences regarding the necessary qualities and components of a professional medical culture are investigated.

Keywords: *transformation of the value system, value orientations of doctors, personal, professional, leisure values in the medical environment, professionally necessary qualities and components of medical activity.*

Nalivaika Ina, PhD in Philosophy, Associate Professor, Belarusian State University

Intercultural communication in the space of everyday

The aim of the paper is justification of the methodological and heuristic potential of the studies of specificity of cross-cultural communication in the space of the everyday. Philosophy of dialogue by M. Bakhtin and M. de Certeau's theory of everyday life are used as a methodological basis of the paper.

Keywords*: communication, dialogue, intercultural communication, Other, everyday practices, strategies and tactics.*

Nazarenko Julia S., PhD in Sociology, Research Associate of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus

Online-education as a driver of institutional changes in the system of education

The article is devoted to the analysis of the radical and ambiguous transformations of the institutional educational environment in the modern knowledge society.

Keywords: *institute of education, massivization of higher education, knowledge society, online-education.*

Nikulina Julia, PhD in Philosophy, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus

Communicative interactions in the system of public administration

Problems of communicative interactions in the system of public administration are considered. It is proved that information technologies act as the tool which creates conditions for realization of productive information exchange in the field of public administration.

Keywords: *public administration, information and communication technologies, e-government.*

Palitsyn Vasily A., PhD in Economics, Associate Professor, Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics

EFFECT OF INTERPERSONAL COMMUNICATION IN THE TEAM

The article is devoted to the interpersonal communications of programmers working in a team, the formation of socio-psychological relations under the influence of a complex of communications and the impact of these relations on the results of the team's activities. The author proves that managing the communications can control the efficiency of the teams' activities.

Keywords: *team, interpersonal communications, social-psychological relations, formal and informal relations, management of communications, the nature of relations, the effect of synergy.*

Podgaiskaia Ludmila I., PhD in Sociology, Associate Professor, Belarusian State Economic University

Sociocultural phenomenon of body modifications

The article is devoted to the problem of transformation of the human body into an object of commerce. Today, the body becomes a condition for success in the professional and social dimension, so the body-oriented ways of improving the

person and modeling the human body are rapidly developing, which requires studying of such modifications.

Keywords: *body, corporeality, cultural construction of corporeality, body modification.*

Rohozha Mariya M., PhD in Philosophy, Professor, Taras Shevchenko National University of Kyiv

PRINCIPLES OF BIOETHICS IN AXIOLOGICAL DIMENSIONS OF RISK SOCIETY

The paper deals with the development of ethico-normative regulation in biomedical research involving people in the context of axiological determinants of the risk society.

Keywords: *risk society, bioethics, ethical principles, informed consent, ethical infrastructure, ethical regulation.*

Rubanau Anatoly V., Grand PhD in Sociology, Professor, Belarusian State University

Internet and new forms of communication

The main tendencies of formation of new forms of communication are analyzed. The most attractive informative and communicative technologies for population are explicated. The perspectives of their development are presented.

Keywords: *information society, informative and communicative technologies, social networks, network community.*

Sarna Aliaksandr J., PhD in Philosophy, Associated Professor, Belarusian State University

Creative industries and their role in the development of urban culture

The article is devoted to the problem of development of modern urban culture in conditions of formation of creative economy on the basis of creative industries. This process is accompanied by the transition of the «consumer society» from mass to pop culture in the situation of total overproduction of goods and services, when marketing communications begin to play the main stimulating role, allowing to build the identity and attractiveness of urban areas as «third places».

Keywords: *urban culture, creative industries, creative economy, consumer society, «third places».*

Event in the city: Internet users comment the official celebration the 950th anniversary of Minsk

The article discusses the speech practices of internet users commenting on the portals of leading Belarusian online media reports from the official celebration of the 950th anniversary of Minsk on September 9, 2017. Conversion and rhetorical analysis of the main communicative strategies and tactics of commentators allows to reveal the features of their statements, related to the critical perception of what is happening, which can be taken into account in the further organization of similar celebrations by the joint efforts of society, business and government.

Keywords: *event and megaevent; Internet communication; conversion and rhetorical analysis; communication strategies and tactics.*

Problem of inclusion social actors from network community

Theses are devoted to the problem of inclusion and exclusion of social actors from the network structures of modern society in the real and virtual spheres at various levels (from intra-state to global). Situational analysis of existing megatrends allows to reveal the arising risks, current and potential conflicts in interpersonal, intra-group and international communication

Keywords: *inclusiveness; network society; isolationism; neopopulism; global risks.*

Sergeeva Elena V., PhD in Political Sciences, Associate Professor,National Research Saratov State University

Risk communication in political discourse

This article studies the problem of creation and reproduction of knowledge about the risks in processes of social communication. The advantages and disadvantages of translating knowledge about risks are considered. The problem of the consequences of risk communication for modern society.

Keywords: *risk, risk communication, risk society, scientific knowledge, social communication.*

Shevchenko Sergey Yu., Junior Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Personalization, operationalization and logic of pain in the technoloscientific contour of biomedicine

In this text, pain is considered as an object of technoscientific effect, object of biomedical pain management. Technoscientific focus on efficiency generates a methodologically special way of personalizing of analgesia, within which the time of pain/analgesia is. Couple of thought experiments presented in this text allows to reveal the sociohumanitarian specifics (and problems) of the personalized analgesia practices.

Keywords: *technoscience, pain management, personalized medicine, rational subject.*

Sidorenko Irina N., PhD in Philosophy, Associate Professor, Belarusian State University

The idea of optiman: the dilemma of transhumanism and existentialism

In this article two approaches to understanding optimen: transhumanism and existentialism are considered. The first approach is based on the positions of the expediency of transformation of human nature by technology, the second understands the ideal of the human as his ability to self-overcome. It is noted that transhumanism without recourse to the existentials of human existence can lead to increased alienation of a person and his technical suppression.

Keywords: *optiman, anthropological crisis, alienation, transhumanism, existentialism.*

Smirnova Yuliya S., PhD in Psychology, Associate Professor, Belarusian State University

The prototicity of the object of prejudices

The article deals with the processes of social categorization and prototyping in the structure of the phenomenon of prejudices. It is emphasized that the prototype of the social category plays a key role in prejudice actualization as well as in prejudice reduction. The role of target prototypicality in solving problems of prejudice reduction and optimizing intergroup relations is discussed.

Keywords: *prejudice, social categorization, prototype.*

Shkor Olga N., Senior Lecturer, Belarusian University of Informatics and Radioelectronics

Blockchain in education

The concept of blockage in education allows you to accelerate the passage of knowledge from the idea to its actual implementation. The presence of intellectual potential is a comparative advantage of Belarus, which will make it possible to make changes in the economy and in technology at a much faster pace.

Keywords: *blockchain, cryptuals, investments, education, social responsibility of business.*

Shulga Elena, Grand PhD in Philosophy, Leading Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Problems of social communication and anthropic-communicative rationality

The paper deals with the philosophical aspects of the rationality considered in context of problems of social communication. Some clue aspects of studying rational communicative activity are examined, philosophical and theoretical status of anthropic-communicative rationality and its methodological potential are ascertained. A high emphasis was placed on communication as an activity aimed at comprehension and human mutual understanding in cross-cultural dialogue.

Keywords: *scientific rationality, rational communication, anthropic-communicative rationality, dialogue, explanation, understanding, culture.*

Conceptual variety of the problems of social communications

The paper deals with the philosophical aspects of the problems of social communications. Basic trends of analysis of communicative activity are examined and their theoretical status and methodological potential is ascertained. A high emphasis was placed on communication as an activity aimed at comprehension and human mutual understanding.

Keywords: *rationality, communication, understanding.*

Snezhkova Irina A., PhD in History, Senior Researcher, N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Science

Russia, Ukraine and Belarus in the perception of Russian youth: search of interaction

In 2017, in a number of Moscow universities a sociological and ethno-psychological a study was examining the image of Russia, Ukraine and Belarus. It was important to study how Russian youth react to the conditions of informational and sanctions pressure on Russia. The attitude of young people to the significant recent events – the accession of the Crimea, the events in Ukraine, the political opposition in Russia – was studied. The research also reveals the relation of the youth to the power structures and people in these countries.

Key words**:** *Russian youth about Russia, Ukraine, Belarus, youth perception of the people and power, sociological and ethno-psychological approach in study of the political science.*

Tereschenko Maria, MA in Sociology, Senior Lecturer, Belarusian State University

Information in Managerial Decision Making

The adoption of managerial decisions is one of the most important components of managerial activities. Their effectiveness affects the final outcomes of the organization and its effectiveness in general. In the decision-making process, the decision-maker deals with plenty of information sources. Information quality in managerial decision making directly affects the quality and effectiveness of the decision. Main types of the information sources, requirements for the information and risks associated with the information quality are observed in the article.

Keywords: *managerial decision making, risks, decision quality, information, information quality, information sources.*

Tikhomirova Elena A., PhD in Philology, Associate Professor, Belarusian State University

Speech impact in Facebook fraction texts as a variety of social risks in the communicative space

The texts of social networks allow studying informal speech behavior and values of contemporaries. Non-critical perception of messages by communicants in open groups is a great social risk. An analysis of the surface-syntactic sentence frame shows how the addressee can influence the interlocutors.

Keywords: *informal discourse, presuppositions, surface syntactic frame.*

Turkina Oksana, Senior Lecturer, Belarusian State University

Thematic analysis and cognitive mapping as effective techniques for the text's content analysis

Thematic analysis, cognitive mapping, causal and genetic approach are effective techniques for research and expertise of the text's content. Integration and uniting of these techniques in linguistic research allows to reach accurate and trustworthy results

Keywords: *discourse, thematic analysis the world picture of discourse, reconstruction, causal and genetic approach, cognitive map.*

Vasilenko Valeria, Kotova Viktoria, Fetisova Anna, MA students, Belarusian State University

VKontakte: communication in development

Vasilkova Valeria V., Grand PhD of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Sociology of Culture and Communication, St. Petersburg State University

Network communication: the network as a paradigmatic metaphor for "liquid modernity"

Keywords: *paradigmatic metaphor, "liquid modernity", spatial unevenness, weak connections, restructuring, social construction.*

Vasyukov Vladimir L., Grand PhD in Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Macro-strategies of cross-cultural dialogue

A strategic approach to an issue of cross-cultural dialogue is submitted which is based on the method for the selection of cultural universals most valued in the context of dialogue and for given communicants. Four strategies are proposed being common instructions applied in any particular communicative situation. They allow to link dialogue contexts with definite set of cultural universals being common for communicants.

Keywords*: culture, tolerance, dialogue, universals, strategies.*

Veryaskina Valentina P., PhD in Philosophy, Assistant Professor, Senior Researcher of the Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences

Transformation of a person in a risk society: the role of social and biomedical technologies

The article is devoted to the analysis of the trends of human transformation in the era of late modernity. These tendencies are linked to the challenges in the field of human development, which is defined as the expansion of choices in social and individual life. The challenge in social life is connected with the limitation of opportunities in connection with the crisis of the wage-labor society and the emerging risks of individualization. Context of human transformation is the loss of control over changes, uncertainty, and as a result of biographical resolution of systemic contradictions. Risks in the individual life are associated with management techniques of behavioral manipulation. The choice of lifestyle forms the self-identity of a person, but leads simultaneously to the risks and responsibilities for this choice. The use of biotechnologies, including biomedical, can serve to improve and positive transformation of a person, but within the framework of ethical and legal regulation and defining the limits of safe intervention in human nature.

Keywords: *person, transformation, human development, social technologies, labor, management, biotechnology, risk, life policy, ethics.*

Yaskevich Yadwiga S., Grand PhD in Philosophy, Professor, Belarusian State University

The doctrine of human being in the context of interdisciplinary biomedical investigations and challenges of social communication

The status and role of biomedical research in modern human science is revealed. From the point of view of the transdisciplinary-synergetic methodology, the mechanisms of the value-anthropological approach in modern bioethical knowledge, the use of biomedical technologies and experiments are revealed. Transdisciplinarity is qualified as a fundamental methodological principle, expanding the scope of disciplinary science (medicine, biology) in studying open human life problems in the context of high biotechnologies and the need for moral and legal regulation of human biosafety. The status and role of social communication in the coverage of modern biomedical research is revealed. Attention is focused on the need for professional disclosure in the media of the achievements of modern science in the field of biomedicine, the mechanisms of ethical regulation of scientific research and the provision of humanistic expertise of the biomedical and nanotechnologies used.

Keywords: *biology, biomedical research, medicine, post-nonclassical rationality, transdisciplinarity, strategies and purpose of social communication, media coverage of biomedical research and technology.*

Yaskevich Yadwiga S.; Mishatkina Tatiana V.

Boris Grigoryevich Yudin: the ethics of science and the interdisciplinary dialogue as a strategy and lifestyle

The article is devoted to the milestones of the life of Boris Grigorievich Yudin's, who was the prominent expert in the field of philosophy and methodology of science, the leader of bioethical research in Russia.

Keywords: *bioethics, ethics of science, interdisciplinary dialogue, Boris Grigor'evich Yudin.*

Zhuk Katsiaryna, MA in Philosophy, PhD student, Belarusian State University

Transmission of meaning within communication by technical means

The text is dedicated to a problem of understanding and the transmission of meaning within communication by technical means. The question raised is whether not face-to-face communication is capable of becoming genuine conversation, i. e., according to H.-G. Gadamer, the space for “understanding the matter”.

Keywords: *technical means of communication, conversation, the Other, meaning, Gadamer.*

Zhuravlev Valery A., PhD in Economics, Associate Professor, Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics

The development of intellect and creative capacity of students as a task of the educational system

The article is devoted to the problems of creative education, development of intelligence and creative abilities of students.

Keywords: *creative education, intelligence, creative thinking.*